Миры

Юрий Каретин

Миры

Юрий Каретин

2014

Посвящается всем тем, кто прошёл, и следов их не осталось в памяти мира, и ветра, занёсшего эти следы, не осталось. Всем, кто творил, прикасаясь к вечности, и творения чьи ушли в небытиё, поглощённые движением мира. Всем, кто горел, и тепло его стало тепловым шумом мироздания так давно, что оно само не смогло бы вспомнить о его пламени. Всем тем, чьи стремления, вопросы, озарения и подвиги стали надгробьем, поросшим травой, которую сменили леса такие, будто в них не ступала нога человека, а потом камни большого города, а затем снова травы. Всем тем, кто отправился в путь на заре эпох и, бредя сейчас среди звёзд, сам не помнит этого мира, через который прошёл однажды. Всем, кто искал свой путь, и нашёл его, но нашёл уже в иных мирах. И тем, кто придёт сюда через много лет в поисках пути, когда память о нас уже исчезнет навеки. Всем, кто должен был существовать, но что-то не сложилось, и мир не открыл страницу их существования и не откроет уже никогда. Посвящается всем потерянным, всем ушедшим, всем не вернувшимся, всем так и не пришедшим, всем, нашедшим свой приют в вечности, в вечности, обогащённой ещё одной пережитой трагедией.
Большое спасибо Александре Калитник за неоценимый труд перевода этого текста с оригинального на русский.

I dedicate this book to all who walked this earth and did not leave their footsteps behind, and even the wind that carried those footsteps has ceased to exist. To all who created, touching the eternal, and the creations of whom turned into nothingness, absorbed by the movement of the world. To all who burned, the heat of their flames becoming the noise of creation, so long ago, that creation itself could not recall its flame. To all whose attempts, questions, enlightenment and courage became an overgrown gravestone, replaced by a forest so dense that it would seem human feet never touched this ground, followed by ruins of a large civilization and then again grass. To all who began their path at the rise of the epoch, stranded now amongst the stars, forgotten about this world in which they once walked. To all who searched for their path, and found it, but only found it in other worlds. And to those who will enter this world in many years from now, in search of their path, when memory of us had vanished centuries ago. To all who were supposed to exist, but through some glitch the world did not open their page, their page of existence, and will never open it now. Dedicated to all that are lost, to all that are gone, to all that never came back, to all that have not yet come, to all who found their eternal home through the strife of yet another endured tragedy.
A big thank you to Alexandra Kalitnik for the invaluable effort put into translating this text from its original into proper Russian.

Незамеченный апокалипсис

Всё началось с создания искусственного интеллекта. Среди множества незаменимых и важных сфер использования, ему нашлось такое интересное применение, как создание искусственных сред обитания, искусственных энвайронментов, ну, знаете, внедряете животным в зоопарке в мозг проводки, и они думают, что они средь безмятежных саванн или в непроходимых джунглях. Почему тут нужен искусственный интеллект? Потому что среда должна быть реально нелинейна, причинна и непредсказуема одновременно. То есть, может животным пойдёт и то, что было создано до искусственного интеллекта, но когда человек решил погрузиться в искусственный мир, тут уже механикой не обошлись бы. Всё должно быть неповторимым, творческим, строящимся и распадающимся в реальном времени, всё должно быть — как в реальном мире. Чтоб, если свернул с дорожки, увидел там настоящую лягушку в канавке, почувствовал запах сырости, чтоб не смог её поймать, потому что она — скользкая. Или чтоб всё было, как в нереальном мире — по выбору. Искусственный интеллект стал богом искусственных миров. Он следил за строгим соблюдением законов, строящих этот мир, он был непредвзят и неподкупен. Но он же реализовывал бесчисленные идеи экспериментального моделирования миров, приходившие в голову бесчисленному числу людей, а попутно опробовал ещё большее число своих собственных идей. Моделирование и экспериментирование продолжается и по сей день, став бесконечно более сложным, многомерным и комплексным. Эксперименты проводятся внутри какого-либо мира, на изолированном или не изолированном его участке, на пересечениях миров, или при создании миров с нуля. Идея матрицы, которую человечество обсасывает уже столетие, оказалась не настолько страшной, как представлялось людям. Конечно, я имею в виду матрицу не насильственную. Почему-то в фантазиях и предсказаниях прошлого не учитывалось то значение для познания себя и мира, которое может иметь эта модель. Не учитывалось, что это — лишь модель, пространство для приложения нашего творчества, вообще стремление людей к совершенству, к творчеству, к поиску нового не принималось в расчёт. Между прочим, не принимались в расчёт такие же качества искусственного

интеллекта, тогда как по аксиоматическим законам природы, только те домены искусственного интеллекта, которые несут в себе алгоритмы непрекращающегося поиска и совершенствования, оказываются доминирующими и продолжают существовать, расширяться, осваивать новые территории.

Здесь стоит сказать о глобальных проектах оцифровки реального мира. Видели бы вы, как это выглядело на вершине развития технологии, это просто технологическое чудо. Рой маленьких летающих шариков обшаривает все точки пространства, забирается во все щели, а куда не может проникнуть запускает свои длинные, тонкие как волоски, сенсоры. Тысячи датчиков делают бесчисленные снимки, регистрируют любое движение, производят химический анализ воздуха и всех предметов, ощупывают их текстуры и температуру, огромные объёмы информации передаются в центральный «мозг», на их основе строится модель реальности, с нежно пошевеливающимися листочками деревьев и взлетающими стаями птиц. Оцифровка может продолжаться годы, и в модель входит информация обо всех возможных погодных изменениях, о строении и росте живых и неживых объектов, о появлении и исчезновении любой пылинки внутри оцифровываемого пространства. В конце концов, создаётся модель, аппроксимирующая дальнейшее развитие оцифрованного мира с такой точностью, что человек, помещенный туда, не отличит её от реального мира. Это не просто плёнка, прокручиваемая снова и снова, это модель реальности, в которой могут быть и бури, даже если во время считывания информации сенсоры не застали ни одной бури, могут быть и поваленные деревья, даже если ветер сломал лишь веточку. Все вероятности подсчитаны, все физические свойства затронутых систем измерены, модель гибка, нелинейна, динамична, иногда непредсказуема, интеллектуальна и самообучаема. Интерфейс проецирования модели в мозг человека активирует те же комплексы нейронов, что активируются сигналами от естественных органов чувств, никакой разницы. Те же ощущения тела, запахи, звуки, те же картины. Можно отщипнуть кусочек коры и увидеть, как выглядит кора этого дерева изнутри, можно разгрести ворох листьев и увидеть убегающую сороконожку, информация о внутреннем строении объектов уже есть в модели. Кстати, как вам такой вопрос: а может в модели проползти жучёк, которого не зарегистрировали сенсоры?

Тут мы подошли к следующему важному этапу оцифровки

и моделирования мира. Этапу, потребовавшему увеличить мощности процессоров и объёмы памяти на много порядков. Но к тому времени, когда человечество было готово к такому проекту, недостачи в объёмах и мощностях уже не было, эту заботу, опять же, взял на себя искусственный интеллект. Неорганики, как материала и источника энергии, на Земле достаточно. Следующий этап включал в себя полный анализ ДНК и структуры других биохимических элементов и их взаимодействий всех живых существ на земле. Построение работающих моделей всех организмов, на уровне реализма включающего индивидуальную их изменчивость и скорость накопления мутаций. Далее следовало моделирование целых геобиосистем в виртуальном пространстве. С почвами, населёнными бесчисленными штаммами постоянно мутирующих микроорганизмов, и с бесчисленными химическими реакциями разложения, которые они производят, с растениями, выделяющими в воздух фитонциды, пыльцу и разбрасывающими семена, с насекомыми, едящими и переваривающими эти растения, и с птицами, конкурирующими за пищевую территорию и выводящими птенцов. Всё воспроизводилось на молекулярном уровне, с учётом реакций на климатические изменения и даже на уровень радиационного фона, с учётом случайных отравлений ядовитыми ягодами и дрейфа генов из соседней популяции. В то время эволюция на земле практически остановилась, поскольку стало невозможно отличить естественные природные мутационные изменения от изменений, вызванных генетическим загрязнением, так что было принято решение законсервировать существующий генетический профиль планеты, за исключением уже существующих медленных или циклических генетических процессов, направление которых предсказуемо и известно. Зато, создание полной модели биосферы земли позволило запустить тысячи моделей эволюции в виртуальном пространстве. Искусственный интеллект заполучил неограниченное пространство для экспериментов, прокручивая варианты развития отдельных биомолекул, клеток, организмов, биосистем в миллиарды раз быстрее, чем если бы это происходило в природе, произвольно меняя, добавляя или выбрасывая отдельные компоненты системы, меняя алгоритмы их взаимодействий, так что скоро была создана целая плеяда миров наполненных жизнью, которая никогда не существовала на земле. Так жизнь постепенно стала смещаться в иные миры. Всё самое важное в эволюции мира

теперь происходило не в мире первичной материи.

Оставалась одна важная человеческая проблема. Человеческий разум удивителен, но его интеллектуальная часть создана из того же слепого хаоса проб и ошибок, что и вся живая природа. Эволюция его стала слишком медленной для скорости развития мира. Он своей «нечёткостью», конечно, прекрасно соответствует и новым и старым реалиям, но ему не хватает именно «чёткости», хорошо бы человеческий фактор, в хорошем смысле этого слова, то есть способность к мощному подсознательному вероятностному анализу информации, творчеству, нахождению внесистемных неожиданных решений совместить с машинным фактором, то есть точностью, практически полным отсутствием ошибок там, где их быть не должно, способностью к прямой переработке больших объёмов знаковых данных. Человек, скажем честно, оказался на периферии истории, когда появился искусственный интеллект. Его спасало только то, что у искусственного интеллекта, в отличие от человека, не было ни амбиций, ни чувства собственной уникальности, поэтому не было у него и стремления занять чьё-то место. Искусственный интеллект можно было использовать для своих нужд и продолжать жить лучше прежнего. Но большинству людей стало нечем заниматься после его появления. Это не материальная проблема, так как пособие для безработных людей стало таким, что они могли на него строить себе пятиэтажные дома, единственный ограничительный фактор был: воздействие на окружающую среду и возобновление ресурсов, эти вопросы решал тот же искусственный разум, разрабатывая новые материалы и технологии. Их разработка и внедрение, а также соответствующее изменение нормативных актов и экономических отношений требовало времени, это и определяло скорость развития человечества на материальном плане. Проблема была, так сказать, идейная. Людям нужен смысл существования, люди не хотят жить на обочине истории, люди хотят знать, что они делают что-то важное, что они в чём-то первые. А тут ещё эти виртуальные миры. Запустившись однажды, даже простейший искусственный биоценоз поверхности какого-нибудь каменистого почти безжизненного островка сразу же становился чёрным ящиком. Кстати, так это и называлось: проблема «Чёрного ящика». Чтоб разобраться во всех процессах, следствиях и явлениях, в нём протекающих за один только сезон, нужен был целый институт исследователей, просто чтоб

разобрать все те цифры, графики, тексты, описания дрейфов, циклов, изменений и тенденций, которые искусственный интеллект учтиво предоставлял исследователям как результат своего бескорыстного труда. И это только один вариант естественного спокойного существования, так сказать, базовая, наиболее приближенная к реальной картине версия. Но ведь искусственный интеллект за это время успел поиграть с моделью, создав миллионы вариантов её изменения и развития, начиная от варьирования генетического кода, добавления или исключения тех или иных простейших, животных, растений, их сочетаний, изменения климатического, химического, минерального состава окружающей среды, и кончая изменением фундаментальных физических констант. Человек в искусственных мирах, даже если его поместить туда, был таким же ленивым «чайником», каким ему приходилось быть и в мире первичной материи. Ему там просто нечего было делать, все, что он мог сделать или понять там, оказывалось «на обочине истории» уже в момент своего возникновения или осознания им.

Так стала сначала насущной в кругах специалистов, а затем и популярной среди широких масс идея решения человеческой проблемы путём трансформации мозга и сознания. Идея реализовывалась сначала среди богачей, способных за неё заплатить, и среди исследователей, которые сами занимались этой проблемой и получали на подобные операции гранты, объясняя их необходимость тем, что исследования, которыми они занимаются, уже невозможно осуществить, используя базовый, природный человеческий интеллект. Потом апгрейд мозга пришлось делать и представителям распределяющих и контролирующих органов, чтоб понять, чем там именно занимаются исследователи и финансисты. Государственные служащие, конечно же, делали апгрейд за государственный счёт. Потом государство поняло, что хорошо бы держать все ключевые силы предотвращения и контроля на уровне развития на порядок превосходящим уровень развития тех, кого они контролируют, с учётом того, что уже тысячи из числа контролируемых имели интеллектуальные способности на порядок более совершенные, чем обычный человек. К диктатуре государства это не привело, так как любой гражданин мог проапгрейдить свой разум, и играть на прежнем поле баланса сил и противодействий. Но это привело к вливанию миллиардов и миллиардов государственных ассигнаций в развитие отрасли, с учётом того,

что основная работа тут, как и во всём, любезно осуществлялась искусственным интеллектом. Технология совершенствовалась, дешевела и становилась доступна всё большему числу простых граждан. Базовый уровень поднялся настолько, что общество бесплатно апгрейдило новорождённого в обязательном порядке, иначе он просто никогда не смог бы вписаться в социум, он был бы в нём как Даун в обществе «дикого» типа. Первые апгрейды были необратимы, это были какие-то грубые вивисекции разума. Жертвы их сейчас воспринимаются, как жертвы лоботомии. Когда люди осознали, что апгрейды придётся проводить чаще, чем раз в поколение, основной задачей технологии стал не просто апгрейд, а апгрейд, после которого в будущем можно будет осуществить следующий апгрейд, и следующий, и так до бесконечности. Вскоре апгрейды приходилось делать раз в полгода, не осталось никаких профессий, никаких родов человеческой деятельности, которые не требовали бы новых апгрейдов с той или иной периодичностью.

Технически, все апгрейды сначала делились на две категории — психо-биотехнологический апгрейд и машинный апгрейд. В первом случае подразумевалось изменение психической структуры мозга, в базовом, природном варианте, человеческому сознанию становились доступными те 90% мозга, которые человек не мог контролировать ранее, при этом уже кардинально изменялись взаимоотношения сознания и подсознания, человеческая личность становилась совершенно иной, появлялся человек, каких не существовало ранее. Он становился существом с абсолютной памятью, способным осуществлять все те удивительные операции, на которые раньше были способны лишь уникумы или люди, находившиеся под гипнозом. Вся структура личности, которая была создана комплексами, внушениями, которая описана Фрейдом и Юмом, которая была балансом сознательного, полусознательного и бессознательного, уходила в прошлое. Нет, этот человек был способен чувствовать, любить, познавать и сомневаться, но всё же это уже был представитель иной расы существ, описание которой заняло бы столько же книг, в скольких человек прежнего, природного типа пытался описать собственную расу. Психо-структурный апгрейд сопровождался изменением биологической и генетической структуры мозга. Во-первых, без этого человек оказался бы полностью поглощён познанием своего нового «я», разгребанием, тестированием и созерцанием своих новых возможностей,

способностей, анализом своего старого я с новой точки зрения, познанием нового мира открывавшегося его новому сознанию. Конечно, в тех условиях, в которых оказалось человечество, это не было проблемой для социума, человек мог, сколько ему хотелось медитировать на новый мир и свою новую природу. Но первые заказчики апгрейда, у которых только и находились деньги на него, были людьми, как правило, не наделёнными излишней созерцательностью, и делали они апгрейд для конкретных, практических целей. Во-вторых, сам психо-структурный апгрейд включал в себя некоторые биологические перестройки. Так что, исторически психо-структурный и биогенетический апгрейд объединили в одну процедуру, состоящую из нескольких ступеней. Биогенетическая часть апгрейда представляла собой изменение структуры самого мозга, так что естественные способности человека возрастали, в самом начале развития технологии, раз в десять. Да-да, природа может и совершенна, но и она не закончена, она тоже находится в постоянном развитии. К тому же у неё были естественные ограничения, которых нет у нас. Природе приходилось создавать разум, который приспосабливал бы наших предков к существованию в лесу, в диких условиях, природа наделяла этим разумом существ, численность которых должна была регулироваться так же, как численность все других живых существ, иначе баланс биосистемы был бы нарушен, природе для внедрения одного небольшого усовершенствования требовалось десятки и сотни тысяч лет отбора, сама организация мозга, как системы, была продуктом многочисленных случайных находок и компромиссов, чрезмерно быстрое развитие одной системы приводило к деградации другой, поскольку иначе груз отбора становился слишком велик, всякая созданная природой система должна была быть открыта дальнейшим совершенствованиям, производимым тем же путём, каким была создана прежняя версия системы. Виртуальный разум способен просчитать миллиарды лет эволюции, протестировать миллиарды комбинаций генов и биоструктур почти мгновенно, разум, взятый сам по себе, уже не имеет ограничений, накладываемых окружающей средой. Технолог может внести в него любые, сколь угодно большие или отличные от начального плана изменения, поскольку эта структура не будет выживать и самостоятельно эволюционировать в диких условиях, тот же технолог сможет сам переделать структуру вновь, когда

найдёт более эффективное решение. А найдёт он его не через тысячу поколений, а на следующей неделе.

Машинный апгрейд — название очень условное, сначала он назывался силиконовым апгрейдом, потом, когда искусственный интеллект, даже в мире первичной материи, освоил биотехнологии, а затем и изначально не зависящие от биосистем органические макромолекулярные технологии, когда появились машины, использующие органические макромолекулярные структуры, не уступающие по сложности биоструктурам, понятие силиконовых технологий стало обозначать лишь ту часть технологий, которая занималась действительно созданием сложных структур из неорганических материалов. Машинный апгрейд — вывод человеческого разума за пределы ограничений человеческого мозга. Изначально это было встраивание тех или иных чипов памяти, передачи и приёма информации, вычислительных процессоров в мозг, так что человек становился способен непосредственно взаимодействовать с операционными системами машин, перерабатывать большие объёмы числового машинного кода, создавать и моделировать процессы, недоступные человеческому мозгу, например, представлять многомерные пространства, точно запоминать большие массивы данных. Те процессы, которые невозможно было осуществить с помощью миниатюрных устройств, крепящихся на человеческий череп или встраивающихся под него, обрабатывались дистанционно. А процессор, встраиваемый в мозг, осуществлял интеграцию дистанционных модулей с человеческим сознанием, передавал информацию по линии высокоскоростной связи, но передавал он не просто начальные данные и результаты исчислений, дистанционный модуль был организован так, что мозг был способен контролировать процессы, протекающие в нём и ощущать их, как свои собственные. Сам разум, сознание человека расширялись с использованием таких внешних модулей. Такие модули были воротами полной интеграции человеческого разума с разумом машинным. Это было следующей ступенью революции, возвращавшей человека с обочины истории, революции, ставшей перманентной. Начало революции происходило ещё в мире первичной материи, переход же разума человека в виртуальные миры смыл границы биологических и машинных апгрейдов, там, где нет самой материи, там есть лишь бесконечно сложные, многоуровневые структуры, способные включать в себя что угодно и

достаточно совершенные, чтоб служить вместилищем человеческого сознания, полностью взять на себя функцию структур мозга и расширить их возможности до бесконечности. Виртуальные миры стали называть абстрактными мирами, поскольку они изначально были мирами, созданными внутри вычислительных систем, чисто информационными структурами. Точнее, их называли первично абстрактными мирами, если это модель первого уровня, если же это информационная модель второго уровня, созданная внутри модели материального мира, то есть, если в абстрактном мире появляется свой абстрактный мир, то это уже называли вторично абстрактным миром, и так далее.

Вливание человеческого разума в общемировой mainstream эволюции разума, где тон задавал искусственный интеллект, подняло новую волну вопросов и проблем. Результатом стали некоторые сначала неписаные, а затем и законодательно закреплённые правила и самоограничения. Формулировка их была, конечно же, крайне сложна для нашего разума, где-то конкретна, как математическая формула, где-то комплексна и вариативна, как топология структур, возникающих в игре «Го», где-то вероятностна и динамична, как форма странного аттрактора в фазовом пространстве, это был новый мир новых сознаний, с законами, написанными на их языке. Основная идея заключалась в том, что если ты существуешь в первично материальном или абстрактном мире, как человеческая разумная единица, ты должен существовать как такая единица, как обособленная частица разума, которая самостоятельно отвечает за свою активность. Потеря своего «я» осталась непопулярна.

Открытия, сделанные людьми в абстрактные мирах, не поддаются исчислению и полному описанию. Но интересно было не только там. Раскрытие потенциала органического мозга привело к открытиям, недоступным в то время даже искусственному интеллекту. Человеческое тело и человеческий разум оказались каким-то образом более многогранным явлением, чем можно было бы ожидать, рассматривая их лишь как продукт естественной животной эволюции. Естественные способности людей позволили им открыть миры и явления, доступные лишь психической энергии, известные ранее из религиозных учений и практик, а затем, используя усовершенствованный интеллект, создать технические устройства, которые были для искусственного разума мостом в

мир психических энергий. Так что обмен получился взаимный. Эволюция разума, работающего с психическими энергиями, привела к обустройству устойчивых энергомиров, миров разных уровней материальности, суррогатных и синтетических миров, к появлению технологий создания абстрактных миров на основе энергоинформационных вычислений. Это стало следующим большим шагом революции разума. Появились практически не разрушаемые механоэнергетические конструкты в космосе, под землёй, на земле, конструкты распределённые в атмосфере. Разум сам стал распределённой ноосферой, вышедшей за пределы планеты. Важная веха этой ступени — разум перестал зависеть от того, что стало теперь называться первичной материей, то есть от той физической грубоматериальной субстанции, в которой происходили процессы поддержания разума, от мозга, состоящего из живых клеток, от процессора, подключённого к электросети, в котором по транзисторам бегали электроны, и так далее. Разум переместился в энергомиры, гораздо более стабильные, контролируемые, динамичные и устойчивые. Оказалось, не совсем познаваемые и рациональные способы взаимодействия разноматериальных человеческих оболочек с материей его тела и мозга, тем не менее, можно было перенести на абстрактные и энерго-абстрактные конструкты такого же уровня сложности, как и человеческое материальное тело. Иными словами, человеческая душа прекрасно взаимодействовала с полным аналогом человека в абстрактном пространстве, поскольку могла в результате такого взаимодействия выполнять ту же работу, которую выполняла и при взаимодействии с материальным телом. Мало того, эти конструкты можно было трансформировать и совершенствовать, открывая душе новые границы опыта. Дело оказалось не в материальной природе атомов углерода и водорода, из которых состоят человеческие тела, а в особой сложности и нюансах организации структур, которые они формируют.

На самом деле, я не знаю точно, насколько мы независимы сейчас от первичной материи. Стопроцентной независимости никогда не существовало, потому что всё в мире взаимосвязано. Мы прошли много ступеней эволюции той материальности, которая поддерживает наши миры, мы создали много уровней разума. До сих пор есть люди, населяющие в той или иной форме мир первичной материи. Есть специалисты, занимающиеся им

из других миров. Много людей населяют космос, другие планеты солнечной системы, есть те, что живут под землёй и на дне океанов, но большая часть их живёт теперь в бесчисленных пространствах и подпространствах стабильных энергий, разных степеней искусственности и первичности, разных уровней абстрактности и материальности. Для каждого из разумных существ бытие обладает собственным смыслом, путь свой он прокладывает в направлении ведомом лишь ему. Многомерность бытия и творчества не имеет контрольных ориентиров и стандартных точек отсчёта и сравнения. Хотя, бесчисленные личности трудятся при этом совместно, создавая и обустраивая новые и новые миры. Некоторые из них совершенно неописуемы языком мира первичной материи, некоторые, наоборот, с той ли иной точностью воспроизводят его. Земля, причём разных эпох, была неоднократно воспроизведена нами в абстрактных мирах и мирах иных материальностей. В этих мирах, между прочим, популярна естественность. Если вас, как стороннего наблюдателя, переместить в один из этих миров, вы никогда не заметите отличия его от мира первичной материи. Здесь работают те же незыблемые законы мира первичной материи. Те же рабочие строят небоскрёбы, и ходят при этом в касках, те же исследователи смешивают в пробирках химические реагенты и кропотливо работают над каждой статьёй в научном журнале, те же врачи в больницах спасают жизни, и не всех удаётся спасти. Да, все мы — хранители своего мира. В чём здесь смысл? А понятие смысла потеряло изначальный смысл. Точнее, оно расширилось до границ, включающих существование таких миров.

Мы собираемся в Starbucks, обсуждаем новые идеи. Словами. Идеи того или иного уровня материальности. Идеи нюансов абстрактного творчества. Идеи новых интересных доработок сознания и нового опыта. Мы любим сидеть в креслах напротив всегда открытой стеклянной двери, чтоб запах свежего кофе смешивался с запахом летнего воздуха зелёной улицы, заносимого в кафе с дуновениями ветерка. Я ещё люблю наблюдать в процессе разговора, как воробей всё время прилетает к входу в кафе, если за столиком на улице никто не сидит, садится на спинку стула, перепрыгивает на стол, потом залетает под стол, везде ищет новые крошки. Как только посетители освобождают столик на улице, он тут, как тут. И всегда проделывает в поисках новых крошек один и тот же путь. Если же он находит не просто крошку, которую тут же

склёвывает, а кусочек еды побольше, то хватает его и улетает с ним в клюве, наверное, боится, что мы отберём. Я заказываю caffe latte, аккуратно провожу по только что принесённому кофе ложечкой, наблюдаю, как слегка перемешиваются тёмные и светлые слои, рассматриваю текстуру пенки, состоящей из пузырьков разного размера, вдыхаю запах, по температуре тёплой ручки фарфоровой кружки представляю себе, насколько горяча сама кружка и кофе в ней. Пока ещё рано пить, можно обжечься, можно только вдыхать запах и любоваться пенкой. Я люблю собираться с друзьями именно в этом Starbucks, на центральной улице города, предварительно зайдя в McDonalds и купив себе рыбный бургер, поскольку пирожные из Starbucks что-то меня не впечатляют.

В процессе разговора всплывает тема, о которой совершенно не осведомлён только я. Остальные хотя бы слышали об этом событии. Я не интересуюсь новостями, не читаю газет, не смотрю телевизор, не слушаю радио, в интернете хожу только по специальным тематическим сайтам. Все удивляются мне, говорят, что такие важные вещи нужно знать, хотя бы для правильного миропонимания, надо знать основные процессы, происходящие в окружающем мире. Я объясняю им, что до сих пор я не пропустил ни одной важной новости, поскольку то, что является действительно важной новостью, общество всё равно само доносит до меня, будь то через включенное в автобусе радио, будь то через экраны в кафе, или, например, через такие вот разговоры со знакомыми и друзьями. А новостью, о которой я не знал, был апокалипсис в мире первичной материи. Теперь там, насколько я понял, не существовало ничего живого. Теперь это мёртвая пустыня. Первично-материальной жизни не осталось. Да, наверное, это нужно знать. Хотя бы из уважения к нашей первичной родине, так сказать. Они говорят о каких-то последствиях, которые должны почувствовать и мы. Не знаю, возможно, я так глубоко не интересовался этим вопросом. Но только я лично пока никаких последствий на себе не ощущаю. Мало того, отвечая на их аргументы, скажу: когда-то, в первично-материальном мире люди, будучи органическими существами, потеряли способность ходить обнажёнными, есть сырое мясо, подбираемое с земли, затем навсегда переселились в дома, потеряв способность спать под открытым небом, потом научились писать и читать, закрепив и ускорив процесс накопления опыта, переживавшего катаклизмы и передававшегося непосредственно

от одного отдалённого поколения другому. Все эти ступени были необратимы, они необратимо меняли облик человека и делали путь человека невозвратным. Раздень человека, научившегося шить одежды — и он умрёт от переохлаждения, заставь есть сырое мясо с земли человека, открывшего способ приготовления пищи на огне — и он умрёт от желудочно-кишечных заболеваний. Отними письменность у культуры, ей пользующейся, и культура перестанет существовать. На какой-то из ступеней люди навсегда распрощались с первично-материальным миром, как когда-то они распрощались с сырым мясом, причём это произошло не сейчас, когда его не стало, а уже давно. Может это и трагедия, но не такая страшная, как многие представляют себе. Значит, пришла пора с ним распрощаться. Всё рано назад пути уже не было, как не было его ни на одной из пройденных ступеней. Я не стал подробно объяснять свою точку зрения нашей маленькой компании, слишком это было долго, да и тема разговора уже поменялась. Допиваю последнюю капельку остывшего и уже не такого вкусного кофе.

Жизнь капли

Вначале было размытое ощущение объёма, рассредоточенности, потоков и перемешивания, тяжёлой насыщенности, единства, сложенного из многообразий, как если бы вдруг каждая клетка тела обрела собственное сознание. Тепло с одной стороны, холод с другой, врезающийся ветер, всё влияет на мою форму, часть меня растворяется, пропадает, часть возникает откуда-то из окружающего пространства, иногда я уменьшаюсь быстрее, чем воссоздаюсь, иногда наоборот. Это внутреннее движение — это то, чем я чувствую мир и чем отвечаю ему.

Но сейчас я всё больше и всё тяжелее. Моя структура укрупняется, я начинаю как бы проваливаться сквозь пространство меня породившее, я уже не я. То есть, видимо, я прежнее тоже никуда не делось, я чувствую с ним связь, да, оно существует, но я теперь — его маленькая частица, видимо, не такая маленькая, чтоб продолжать быть лишь его осознающей частью, я слишком велика, я теперь — индивидуальность, я всё ещё взаимодействую с миром через полёт, но теперь у меня есть своя собственная форма, и, кажется, я продолжаю расти.

Я всё дальше отдаляюсь от моего прежнего я, здесь потоки мира уже другие, и вокруг много подобных мне, все разные, и иногда, изредка, мы сталкиваемся и разлетаемся вновь. Я замечаю, что моё я, моя форма растёт не равномерно, во мне что-то появилось, моё маленькое я. В отличие от постоянно меняющейся формы моего большого, общего я, которое было до перерождения, моё маленькое, теперешнее я более стабильно и твердо, то, что приросло, почти не улетучивается вновь, разве что самую малость, гораздо быстрее прирастает новое, поэтому я становлюсь всё больше. И игра моего роста — это отпечаток игры моего полёта, это моя личная история. Каждый поворот, каждый вираж, каждое столкновение, каждый порыв или замедление, всё остаётся в памяти моей формы, я вижу вокруг себя другие растущие формы, и каждая может долго рассказывать мне свою историю, но нет времени слушать, история каждой — уникальна, и их вокруг — бесчисленное множество.

Я попала в зону особенно интенсивного роста, меня понесло вбок и закрутило вокруг оси, я становлюсь всё площе, иногда меня

отклоняет по оси, перпендикулярной моей плоскости, и я чувствую, как это меняет мой рисунок, каждое отклонение — немного другие веточки зарождаются на моих краях, да, я забыла сказать — я теперь ветвлюсь! А если веточка появилась — она продолжает расти, медленно или быстро — но растёт. А теперь что-то изменилось. Кажется, стало теплее немного, но и более влажно, я снова расту по-другому, я только что сделала петлю и резко полетела вниз, быстро вращаясь, словно подвешенная на нитке за край, это сделало меня несколько вытянутой, и снова меня подхватил рывок холодного воздуха, и снова я лечу вверх, и кристаллизуюсь почти как раньше, но с новыми формами, полученными мною во время влажного вращения, всё равно получается по-другому. И вот вращения мои замедлились, я словно лежу на одеяле из холодного воздуха, я будто замерла в полёте, этот момент своей истории я тоже запомню навсегда…

Нет смысла рассказывать всю историю моей жизни, моего полёта, эта история была слишком насыщенной и долгой, а если пересказывать её во всех нюансах, и рассказывать, какое влияние оказал на меня каждый её эпизод, это займёт, даже не представляю, сколько времени. Хотя, мне часто хочется поведать её таким же, как я, пролетающим мимо меня. Таким же, но другим. Такой, как я, больше не было и не будет. Слишком длинная чреда событий сформировала меня такой, какая я есть, повторить это не возможно, даже если бесконечное число мне подобных бесконечно будут возникать и расти в пространстве. Зачем я миру? Зачем ему эти бесконечные опыты форм? Какой во мне смысл и какая у меня роль? Смогу ли я пересказать кому-нибудь историю своей жизни? Наверное, и другие задают себе эти вопросы. И чем всё закончится?

Я заметила одну особенность окружающего мира: со временем становится всё теплее. Да, иногда тёплые потоки воздуха сменяются холодными, потом снова тёплыми, но все-таки, я чувствую, что, в целом, — теплеет, причём так, как никогда раньше. К чему это всё прив… я опять меняюсь! Нет, не так как раньше, теперь целиком. Я больше не расту, я… разрушаюсь. Моя история пропадает, я будто поглощаю сама себя, к чему это безумие, я слишком мягка, частицы меня отламываются и уходят в пространство, остальные сливаются со мной в общую колышущуюся массу, я раздваиваюсь, где-то внутри ещё живы остатки меня прежней, но они погружены в меня новую, я почти забыла себя прежнюю, я теперь другая. Так быстро.

Я ощущаю, что есть преемственность моего прежнего забытого опыта и теперешней формы, но преемственность опосредованная и очень смутно мной понимаемая, похоже, во мне сохранились лишь общие моменты моей прежней жизни, что-то безвозвратно утеряно, уже навсегда. Но нет времени об этом сожалеть. Я теперь живу по-другому, я - словно окружающий меня ветер, но тяжелее. Волны и потоки пространства вокруг меня передаются мне мгновенно и непосредственно, они не запечатлеваются в моей форме непосредственно, как раньше, они создают форму, повторяющую их, и эта форма меняется быстро и беспрерывно. Я сжалась и от этого стала тяжелее. Теперь я лечу вниз стремительно, лишь иногда меня отклоняет в сторону особо сильный порыв ветра, но сильней всего ветер теперь снизу, я лечу, лёжа на покрывале воздуха, небольшая деформация формы, создавшей углубление снизу в центре меня, ветер раздувает это углубление, оно увеличивается, теперь я похожа на зонтик, а теперь уже на медузу, частицы меня отрываются по краям моего купола, в центре купола остаётся лишь тонкая плёнка моего вещества — и меня разрывает на части. Теперь я - лишь часть себя прежней, да, конечно, я несу опыт себя целой, но теперь его же несут и десятки других маленьких и больших частиц… удар. Я столкнулась с другой подобной себе частицей, но мы не отскочили друг от друга, как прежде, не соприкоснулись лёгким скольжением, мы — слились. Я приняла опыт другой себе подобной, точнее будет сказать, она приняла мой опыт, ведь она гораздо крупнее чем я, ну, как бы то ни было, теперь я снова восстановила свой объём, и теперь я – носитель несколько иного опыта пути, хотя, теперь мы все гораздо больше похожи друг на друга, быть может, потому, что наш путь не запечатлевается в уникальности нашей формы, а, быть может, потому, что мы так часто перемешиваемся друг с другом, хотя наша форма всё время меняется, но она меняется слишком часто, каждое мгновение, в этом бесконечном изменении мы скорее похожи, чем уникальны… А у меня возникла мысль: мне кажется мы снова стали похожи чем-то на себя в далёком-далёком прошлом, высоко-высоко, ещё в начале пути, когда мы были единым воздушным целым. Да, сейчас мы крупнее и не отзываемся на потоки пространства как одно целое, но всё-таки, мы теперь снова почти бесформенны и сейчас мы снова почти единое целое. Сколько раз уже за этот полёт я сливалась и дробилась — не счесть, но теперь я всё чаще бываю крупнее, чем раньше, значит, несмотря

ни на что, я всё-таки продолжаю расти, хотя и совсем по-другому! И чем крупнее я, тем стремительней лечу вниз, вокруг всё теплее, меня всё сильнее сдавливает плотность пространства... удар!

Это уже не слияние с другой такой же, как я. Это бесчисленное множество таких как я слиты вместе, я больше не лечу, я растворяюсь, моё прежнее я угасает, моё я взорвалось и становится безразмерно огромным, завитки турбулентностей старого моего я с моим индивидуальным опытом ещё расползаются в толще субстанции подобной моей, но мне самой уже трудно отличить их от окружающего пространства…

Миры

Фотон, выходящий из излучателя и пролетающий через тонкую щель в шторке, интерферирует на экранчике за шторкой с бесконечными миллиардами своих двойников из параллельных миров Мультиверса, тончайшим срезом которого является наша Вселенная. Эти фотоны летят всеми возможными траекториями, невидимые, неосязаемые и не регистрируемые, но связанные с единственным фотоном, вылетевшим из излучателя в нашей Вселенной, влияющие на него так, что ряд единичных фотонов, выпущенных из излучателя, ложится на экранчик, формируя на нём интерференционную картину, будто каждый из этих единичных фотонов двигался в пучке света.

Бесконечность миров, от практически идентичных нашему, отличающихся самым микроскопическим отклонением «теневого» фотона от траектории фотона нашего мира, до миров, где фотон сразу же улетел к звёздам. Как акт выпускания одного фотона из излучателя запускает миллиардофуркацию рождения бесконечных Вселенных? Скорее всего, не запускает, а визуализирует, как капля, упавшая в безбрежный океан, волнами, расходящимися от неё, указывает на существование её поверхности. Каждое мгновение существования нашей Вселенной в каждой частице её пространства рождается бесконечность миров, и то же касается, видимо, других миров, рождённых. У Вселенной нет ограничений по объёму пространства, времени, энергии, памяти и вычислительной мощности, только мы привыкли воспринимать подобные сущности как ограниченные, поскольку сами являемся частью игры, и такие ограничения управляют правилами нашего существования.

Можно ли перемещаться между этими мирами? Быть может феномен сознания может направлять ход своего бытия сквозь чреду милиардофуркаций, если различия между ближайшими из них почти бесконечно малы и по временной и по пространственной шкале? Может ли разум осознать факт такого перемещения, если, попав во Вселенную с иным ходом событий, сам станет облечён в материальную оболочку, созданную иной цепочкой причинно-следственных связей, если даже нейронные цепочки его памяти и его мыслей будут иные, будут принадлежать Вселенной, где

самой проблемы, вызвавшей мысль о перемещении именно в эту Вселенную, даже не стояло?

Созерцание мириад микроскопических актов и движений, создающих даже маленький локальный мир вокруг нас, актов и движений, каждое из которых в альтернативном варианте существует где-то в параллельном мире Мультиверса, быть может, отличающимся из всей своей безбрежности космоса, миров и галактик только на один этот единичный акт, даёт понимание иллюзорности, даже приблизительного понимания явления Мультиверса, поскольку охватить разумом, даже абстрактно, эту множественность невозможно. Я иду по снегу, и снег скрипит под моими ногами, хотя до меня по этому снегу прошло уже множество людей, но он всё продолжает скрипеть, каждый шаг продолжает ломать тысячи или миллионы снежинок — микроскопических ажурных ледышек, тишайший звон разламывания каждой из которых сливается в хруст снега. И где-то, среди безбрежных Вселенных, одна из этих снежинок именно в момент этого моего единственного шага — не сломалась. Всё. Иных отличий этой параллельной Вселенной нет. Волны прибоя бьются о каменистый берег, капли брызг усыпают всё вокруг, и одна капля за всю историю существования Вселенной немного отклонилась от пути родственной ей капли в нашей Вселенной, и это единственное отличие наших Вселенных. И таких отличий бесчисленные множества, рождаемые каждым моментом полёта каждой из капель, их составом, физико-химическими свойствами, касающиеся очертаний побережий и вообще существования этой планеты и воды на ней. Видите картинку фантастического нарисованного мира с замком среди раскидистых лесов, хвостатым драконом с крыльями и другими фантастическими существами. В других Вселенных мы видим бесчисленные вариации, как состава бумаги, красок, цветовой гаммы картинки, так и сюжета. От наличия или отсутствия мельчайшего пятнышка краски в какой-то части картины через изменения очертаний изображённых сущностей и предметов до полного изменения сюжета, изменения мест и времён, где весь этот бесконечный ряд картин появлялся. Можно взять картину за точку отсчёта и находить миры с этой абсолютно идентичной везде картиной, вокруг которой меняется до неузнаваемости весь окружающий её, не нарисованный мир, и, как и всегда, за пределами этой бесконечности лежат Вселенные, где этой картины никогда

не было и не будет, и где даже нет такого понятия: «картина», а также миры, где с определённой статистической вероятностью на тот или иной промежуток времени в пустом пространстве возникла только эта картина. Мало того, есть миры, в которых в реальности существует всё то, что изображено на этой картине именно в таком виде, как оно изображено, и есть ряд миров с маленькими или большими отличиями их реальности от нарисованного на картине, и есть бесконечный ряд миров в той или иной степени идентичных изображённому на картине, которую в нашем мире никогда не нарисуют, но в других мирах есть бесконечный ряд таких картин. Есть Вселенные, в которых существует всё то, что вы придумали, фантазируя о несуществующей Вселенной, и есть те, которые отличаются от неё на бесконечный ряд больших и малых нюансов, включая их собственные отличия друг от друга, начиная с отличия размером в один атом. Весь этот ряд трансформаций Вселенных втекает в реку Вселенных, столь отличных от вашей фантазии, что можно сказать — он сливается с бесконечностью миров, которые вообще можно вообразить, но которые вы никогда не вообразите.

Какой-то исследователь подсчитал, что миров существует гугл в степени гугл. Может быть, всё равно это число не представимо, хотя, мне кажется, он взял его с потолка, просто назвал самое большое число, название которого известно людям. Числа, так же как пространство и время — абстракции для Мультиверса, нет чего-либо, что расходовалось бы на их создание и чего бы не хватило. Французский физик Либхабер исследовал турбулентность в строго контролируемых условиях, медленно нагревая снизу максимально изолированный от внешнего мира двухмиллиметровый сосудик с жидкостью. Сначала в жидкости образовалось два валика конвекционно вращающейся жидкости, температура, снимаемая парой термодатчиков, стала колебаться между двумя значениями, при чуть более сильном нагреве, когда одного оборота жидкости стало не хватать для отдачи всей полученной в нижних слоях энергии, появились два конвекционных валика меньшего размера, путь жидкости стал более сложен, температура стала колебаться между четырьмя значениями. Потом между восемью, шестнадцатью, тридцатидвумя и так далее. Каждый раз движение жидкости входило в режим бифуркации, каждая ветвь бифуркации сама рождала дочернюю бифуркацию. И так скоро движение жидкости вошло в режим турбулентности, в режим каскада бифуркаций, изменения

показаний термодатчика стали непредсказуемы. Порядок, который никуда не делся, стал неразличим в непроглядной завесе бесчисленных налагающихся бифуркаций. Фейгенбаум открыл, что каждая последующая бифуркация наступает в постоянное число раз быстрее предыдущей, и подсчитал число скорости накатывания хаоса, число скорости схождения генераций бифуркаций, которое стало называться константой Фейгенбаума: каждый динамический процесс, кроме, разве что совсем линейного, вроде работы часового механизма, проходит через ряд последовательных бифуркаций, так что конечные его состояния выбираются из мириад возможных вариантов, при том, что процессы эти, хоть и не предсказуемы, так же абсолютно жёстко детерминированы, как и любые другие физические явления. Конечно, в открытой системе реального мира каскад бифуркаций будет развёртываться не столь идеальным образом, как в опыте Либхабера, но лишь потому, что он сразу же пересечется с множеством других бифуркаций. По цепочке бифуркаций мир может быстро отдалиться от своего аналога, а может, наоборот, снова приблизиться к нему. Наш мир в каждый момент его существования пересекают бесчисленные иные миры, движущиеся в своём развитии в различных направлениях. Средь бесконечности наступает кратчайший миг точного схождения, слияния миров, которые в следующий момент вновь расходятся и навсегда отдаляются друг от друга, двигаясь каждый в своём направлении. Но бывают миры, сходящиеся не однократно, танцующие друг вокруг друга как пара перхающих бабочек, сливающиеся и разлетающиеся. Впрочем, всё это лишь абстракция ума — каскад бифуркаций формирует матрицу из перекрещивающихся линий, которой можно нарисовать какой угодно узор. В целом, мы имеем картину сети миров со своей сложной топологией схождений — расхождений. Вселенский разум может играть в игру: возьми две практически идентичные Вселенные и найди между ними 10 отличий. Миры, совершенно идентичные, но развивающиеся со сдвигом во времени, миры, время в которых течёт неравномерно, так что они то догоняют друг друга, то отстают, сходясь на миг по временной шкале, миры, застывшие навсегда во времени, миры, время в которых течёт в обратную сторону, и с некоторыми из них, абсолютно идентичными нашему, мы тоже всего раз за всю историю Мультиверса будем пересекаться.

Термодинамически мир потенциально обратим, не обратим он

лишь статистически. От окружающего воздуха утюг может нагреться и стать горячее его, растворенная в воде капля краски может снова собраться каплей. Мы не являемся свидетелями этих событий лишь потому, что статистически они очень маловероятны, но вообще, хаотически движущиеся частицы растворяющейся субстанции или остывающего предмета движутся во всех направлениях, не только в сторону рассеивания и остывания, лишь статистически это движение преобладает. И раз статистически возможен бесконечно малый вариант событий обратного движения, в котором все молекулы краски вновь соберутся в каплю, значит точно есть Вселенная, в которой это произошло, раз уж есть Вселенные, где произошло то, что вообще не возможно с точки зрения окружающих миров. Миры термодинамических чудес, отличающиеся от близлежащих миров лишь тем, что где-то в верхнем слое атмосферы одной из планет одного такого мира вдруг возникла сверхнагретая точка и тут же снова остыла, где-то в глубинах океана другого мира самособралась капля соляного концентрата и тут же растворилась вновь, и никто этого даже не заметил, так что для внешнего взгляда миры эти остались абсолютно идентичны. Наконец — мир, опираясь на закон статистики Мультиверса, полностью обратившийся против второго начала термодинамики и снова самособравшийся в начальную пространственно-временную сингулярность, в точку Большого взрыва, не потому, что в том мире слишком много материи и Вселенная сжимается, нет, просто статистически такой обратный термодинамический процесс возможен, где-то там, в бесконечности бесконечностей. Точнее, возможна даже система возвращающихся в точку Большого взрыва миров, где процесс этот заканчивается на той или иной стадии, доходя или не доходя до «конца», и протекает с теми или иными вариациями.

С другой стороны, говоря о единичном различии между мирами, быть может, мы немного лукавим? Почему снежинка не сломалась? Ведь любое такое событие является звеном в цикле причин и следствий. Особенности нейрофизиологии шага, небольшое различие в конфигурации нейрональных синапсов или отчасти хаотичное колебание гормонов-нейромедиаторов антагонистов, а быть может всё дело в снежинке? Может, если пристальней сравнить одну и ту же снежинку в двух близлежащих мирах, мы таки заметим, что лучики у неё в одном мире короче или немного толще, чем в другом, быть может надо обратить внимание на детерминированный

хаос каскадов бесконечных бифуркаций воздушных потоков, колебаний температуры и влажности в тех турбулентностях атмосферы, которые создают уникальность снежинки, кружащейся и растущей в падении между небом и землёй? Короче, быть может, единичное различие — лишь видимость, за занавесом остаётся ряд невидимых причинно-следственных явлений, к нему приведших и из него исходящих, они время от времени превращаются в видимые события или наоборот как бы исчезают, нивелируются, переходят в потенциальное состояние, но реально продолжают существовать, формируя отличия между мирами.

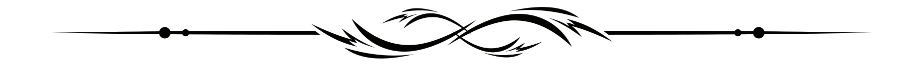
Вряд ли единичное событие будет кардинально определять будущее и разводить миры всё дальше друг от друга в направлениях их развития, как это описывает «эффект бабочки». На микроуровне мы видим хаос бесчисленных броуновских мельтешений, турбулентностей, бифуркаций, случайных событий и беспорядочных воздействий. Да, каждое из них детерминировано сложным сочетанием предыдущих воздействий, но самоорганизация системы на макроуровне не определяется нюансами поведения каждого из элементов системы, игнорирует каждое отдельное его отклонение, опирается на общую статистику поведения всех его элементов, на «параметры порядка» — те свойства в поведении элементов и их взаимодействии, которые определяют свойства системы в целом. Если почти хаотично движущаяся частица скакнёт в другом направлении, это не изменит систему в целом, даже со временем, главное чтоб статистически поведение большинства частиц за определённый промежуток времени оставалось прежним. Так же, как одна раздавленная бабочка из тонны их погибающих за неделю ничего не решает, так же, как свободная воля отдельного человека, не выходящая за шаблоны типичного поведения, не влияет на эволюцию социума. Конечно, существуют критические точки в развитии любой системы, в которых минимальное воздействие кардинально меняет состояние системы в целом. Но попробуй такую точку найди, и, кроме того, такие точки возникают лишь когда сама система становится неустойчива в её нынешнем состоянии и не тот, так другой толчок вызовет её изменение. Правда, в зависимости от особенностей начального толчка, нюансы будущего развития системы могут отличаться, но когда-то произойдёт ещё более глобальный качественный переход, после которого нюансы старого состояния станут уже не важны, как это бывает, например, в

раннем эмбриональном развитии организмов: если деформировать яйцеклетку и оплодотворить её в деформированном состоянии, деформация зафиксируется, и выступ на поверхности яйцеклетки, образованный засасыванием её в капилляр и оплодотворением в таком состоянии, будет существовать на протяжении всего периода делений дробления, этот выступ сам будет делиться вместе со всей яйцеклеткой, становясь многоклеточным, но когда начнётся бластуляция, и возникнет первая эмбриональная ткань, все деформации исчезнут, потому что регуляция развития переходит к другим механизмам, и силы, фиксирующие прежние деформации, перестают существовать.

Можно построить филогенетическое древо миров — сеть развития Мультиверса, многомерное древо с бесконечно расходящимися, сходящимися, перекрещивающимися и идущими во всех направлениях ветвями, объединяющимися в стволы следующего и следующего порядков. Можно проследить произвольное блуждание мира во всей неопределенности то ли его пути, то ли нашего выбора, бесконечно бредущего от одной точки бифуркации к другой. Можно находить миры с жёсткой и явной причинно-следственной связью, с почти полным отсутствием неявного выбора в точках бифуркаций, миры, работающие почти как часовой механизм (главное — туда не попасть), и миры, почти полностью хаотичные, колеблющиеся в точке неустойчивого равновесия и почти не предсказуемые в своём развитии, миры, подобные шизофреническому бреду или сну. Причём, эти миры взаимодействуют друг с другом. Если фотон, падая на экран, интерферирует со своими теневыми собратьями, что с ним происходит после? Это чрезвычайно сложно зафиксировать и исследовать, но вряд ли его взаимодействие с теневыми мирами заканчивается после того, как он упал или не упал на экран. Скорее всего, каждый фотон этого мира в своей «обычной жизни» всегда воспринимает влияния своих двойников в других мирах. Но и у частиц есть волновая функция, они тоже могут интерферировать, думаю, и частицы взаимодействуют со своими теневыми двойниками, а из частиц и квантов энергии формируется весь этот сложный мир со всеми его взаимодействиями и структурами высших порядков, каков же тогда уровень сложности в «поперечном срезе» миров, если частицы, вступая в сложные взаимодействия внутри своего мира, оказываются связанными с теневыми частицами других миров, которые все уже давно живут «своей жизнью» и формируют свои

структуры высших порядков сложности?

Теперь — внимание. Что есть бытиё и чем оно отличается от небытия? В бытие есть границы, где-то есть что-то, чего нет в другой точке пространства или времени, бытиё дифференцировано, неоднородно и разделено. Но, доведя до предельного конца понимание идеи множественности всех возможных миров, мы увидим, что каждое отдельное, ограниченное явление мира имеет полный беспрерывно-заполняющий ряд всех возможных вариантов, которые только сумел породить абсолютный разум, занимающийся Мультиверсом. Границы явления исчезают. В квантовой физике есть понятие суперсимметрии: сложение всех элементарных частиц, возникших из вакуума, даёт ноль, даёт снова вакуум. Все частицы нашего мира — это как бы разложение вакуума на составляющие, это пустота в своей неполноте. Ту же идею суперсимметрии можно дополнить суперсимметрией реализации миров, в сумме своей аннигилирующей границы всего сущего. Откуда возник этот мир? Кто создал его? Что было до него? Вопросы, не имеющие смысла, потому что мира и не было, есть только небытие, да и небытия нет, потому что оно — ничто. Мир — лишь форма существования этого небытия, его призрачное разложение, форма существования пустоты, не имеющей формы, мир никогда даже не возникал, потому что возникнуть ему неоткуда. Мы все — часть пустоты небытия.



Постапокалипсис. Кофейка

Этот город был отвратителен и при его жизни, став совершенно безобразным после смерти. Эти руины не имеют эстетической ценности, даже с точки зрения постапокалептического гранжа. Руины, подвалы, оставшиеся дома и улицы сразу после катастрофы оказались заполнены гниющими останками людей и домашних животных, среди которых неделями ползали, кричали, стонали, медленно умирали и тоже превращались в гниющие останки немногочисленные выжившие. Сейчас основной смрад уже прошёл, и запах разложения говорит о том, что там умер недавно кто-то из переживших катастрофу или что сдохла крыса. Биоценоз остатков городов состоит преимущественно из крыс и немногочисленных медленно вымирающих людей. Насчёт крыс — может оно и к лучшему. Говорят, крысы очень умные, к тому же они всеядны, как был и человек, а ещё они умеют хорошо приспосабливаться и выживать. Быть может, они заменят нашу расу на пути эволюции разума.

Я ждал, когда же они все, наконец, перегниют. Первые годы я жил среди непрерывного острого запаха человеческого гниения. Оно растянулось на несколько лет из-за сырых, тёмных и не очень холодных, сопровождавшейся периодическими оттепелями зим, последовавших за катастрофой. Гниющие останки мешали искать еду среди руин. Почти везде, где могла быть еда, были и трупы. Иногда до еды было практически не добраться. Трупы привлекали и крыс, которых в первый год было мало, так что они не уменьшили число трупов, только обгрызли их, но на избытке мяса они постепенно размножились, выросли, а когда трупы все оказались доедены, стали голодать и пожирать друг друга, более мелких своих собратьев, так что выживали и давали потомство лишь крупнейшие. Мы, выжившие, скрывались в подвалах и пещероподобных руинах, баррикадируя вход на ночь камнями, потому что крысы нападают сворой на спящего человека. Мы всегда ходим и даже спим с тяжёлой дубинкой, не оставляющей крысам шанса. Тех, кто не освоил этого боевого искусства и не научился чутко спать, уже нет с нами. Но, несмотря на столь устрашающий рассказ, крысы — наши друзья. Мы не только защищаемся от них, мы на них нападаем. Крысы —

наша единственная пища. Крысы, перерабатывая гниющее мясо человеческих тел, дают нам источник свежего прекрасного мяса и спасают нас от каннибализма. Найдя новое убежище на ночь, мы баррикадируем его позади себя и убиваем всех крыс, оказавшихся внутри, обеспечивая себя не только ночлегом, но и ужином. Когда-то мы пытались выращивать овощи, но на земле отравленной радиацией и химикатами, под пеленой пыли, закрывающей солнечный свет, в холоде, растения росли очень плохо, а теперь мы и подавно все ослабели, и не способны работать столько, сколько нужно для снятия урожая.

Я представляю себе величественную посмертность великих городов. Париж, Нью-Йорк. Я вижу эти уходящие в небеса руины когда-то зеркальных небоскрёбов с выбитыми стёклами, внутри которых скоро, когда природа начнёт возрождаться, начнёт формироваться вертикальная биоценотическая система. Представляю руины классических зданий, столь распространённых в западной архитектуре, сейчас они напоминают руины древней Эллады. Представляю, как бы это выглядело на фото, даже в фантазии своей выбираю интересные впечатляющие, завораживающие ракурсы, представляю эти руины в масле или в графике. Звуки мёртвого города тоже стали предметом моего творческого осмысления. Я часто сижу неподвижно днём где-нибудь на возвышенности среди руин и слушаю звуки мёртвого города. Был бы у меня рекордер и компьютер, я записал бы их и создал эмбиентный альбом, который так бы и назвал: «Звуки мёртвого города». Жаль, я не могу услышать эхо на мёртвых улицах — каньонах городов — гигантов. Сначала я собирался отправиться в путь в поисках великих городов, но силы быстро ушли. Теперь я просто не дойду никуда. Неизвестно, как будет обстоять дело с едой на бесплодной земле, возможно, я не дойду даже до следующего более менее крупного города, в руинах которого можно будет поймать несколько крыс. Теперь я предпочитаю не выходить за пределы известной мне территории. Время от времени я убиваю крыс в тех местах, которые мне хорошо знакомы и я знаю, где можно найти крысу и как её загнать, остальное же время, большую часть суток, я лежу или сижу в расслабленном состоянии.

Я живу на своей территории один, по возможности изгоняя пришельцев (если пришелец окажется слабее меня). Ресурс крысиного мяса тоже не бесконечен, к тому же крыс становится

год от года всё меньше. Другие выжившие иногда объединяются в небольшие кланы, пытаясь контролировать более обширные территории городов, хотя смысла в этом не много, всё равно каждый охотится на той территории, которая может его прокормить, и слоняться по территории большего размера — лишь напрасная трата сил и энергии. Разве что такой клан сможет совместно защищать территорию нескольких человек от вторжений одиночек, но такие случаи крайне редки, одиночки либо живут на своих территориях, либо и так проходят мимо, не задерживаясь дольше, чем на сутки. Бродяги — третья стратегия существования в мёртвом мире. Интересно, они ведь идут всё время куда-то, значит, могут доходить до великих городов? Не знаю, нет сил даже размышлять об этом. Свободные художники выживания, быть может, у кого-то из них в грязном заплечном мешке лежит замусоленный блокнот, пара простых карандашей и нож. Остановившись на привал и разведя костёр, он, насытившись жареным крысиным мясом и возлежав в отдохновении на лохмотьях возле огня, открывает блокнот и вписывает ещё пару страниц в рукопись «На дороге» постапокалиптического мира.

Видели бы вы, как выглядит сейчас море. Оно совсем стихло, превратилось в какую-то лужу. И в нём тоже всё вымерло. На земле хоть крысы есть. Хотя, вероятно, на глубине могли остаться какие-нибудь беспозвоночные. Но ничего живого ни разу пока что не всплыло. Такое впечатление, что живым и подвижным, меняющимся и волнующимся море было до катастрофы благодаря обитающим в нём живым существам. Забросить в море сейчас удочку было бы подобно тому, как забросить удочку в унитаз, это лишь станет чёрным юмором или симптомом тяжёлой психологической патологии. Съехавший с катушек умирающий грязный оборванец, хихикая и кривляясь, закидывает удочку в мёртвое солёное болото, которое когда-то было морем, такая картина стоит у меня в голове. Может я видел это, а может, приснилось. Сознание давно не чётко, сон и реальность конкурируют по реалистичности.

Поиск иной еды, кроме крыс, продолжается беспрерывно, хотя и мимоходом. Можно разрывать руины, пытаться искать склады, обшаривать уцелевшие дома. Такой еды всё меньше. Все, наверное, мечтают найти склад с едой в сухом безопасном глубоком подземелье, где можно утроиться королём на весь остаток жизни, среди бесконечных полок, заставленных деликатесами, и писать

мемуары при свете свечей или генератора, найденного там же. Но, это лишь мечты. Да, одно время мы пробовали выращивать в сырых подвалах грибы, им не нужен свет. Но грибы не очень много дают организму, а их выращивание, оказалось, тоже требует много сил. Традиция выращивать грибы осталась в прошлом, когда силы ушли.

А вот и мой сосед. Приехали. Опять на моей территории. Раньше я даже общался с ним, как и с другими. Сейчас я чувствую только всё усиливающееся раздражение, когда вижу эти опустившиеся создания, грязные, шатающиеся, обросшие, прикрытые лохмотьями, короче, такие же, как я сам. Может поэтому они меня и раздражают. Они заменяют мне зеркала, которые были бы сейчас совсем не уместны. Это моя территория, это единственное место в этом сраном грёбаном зловонном мире, где ещё не так страшно находиться. У меня тут есть только руины, и питаюсь я чёртовыми крысами. Понимаете — крысами! Так почему меня не оставить в покое хотя бы здесь?! О, как меня достали эти грязные дегенераты. Он еле ходит. И дошёл-таки до моей ловушки, и достал из неё только что пойманную — мою — крысу! Просто замечательно. Просто зашибись. Ещё и хочет убежать с ней. Я, конечно, бегаю уже плохо, но он-то вообще еле шевелится. Уже и крысу, наверное, поймать сам не может, вот и приплёлся сюда, чтоб обчищать мои ловушки. Я бегу за ним по лабиринту руин, среди обвалившихся стен, старых куч кирпича и бетона, торчащей арматуры и рассыпанного стекла, уже припорошенного грязью от времени, но всё ещё хрустящего под ногами. А вот и он. Не много же он пробежал. Упал, лежит в разломе бетонной плиты, прижимает к себе эту дохлую крысу. Боится. Правильно делает, что боится. Я отбираю у него крысу, он не отдаёт, боится, а не отдаёт, видно, голод сильнее. Тогда я душу его. Господи, как же он ослабел. Как грязный ягнёнок. Немного побившись, он затихает. Я беру крысу и кладу в свою плетёную сумку. Я устал, надо отдохнуть.

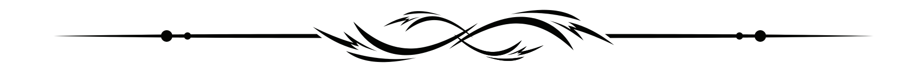
Сижу на большой бетонной плите, торчащей под углом сорок пять градусов из кучи того, что было когда-то высотным зданием, смотрю на вид, простирающийся вокруг, на это грязное в лохмотьях создание, мёртвое и спокойное, и думаю. Приходят воспоминания. Вот уже 10 лет, как мы живём тут бок обок, на своих территориях. Когда-то мы были сильнее и здоровее и даже разговаривали, бегали, разбирали руины, намереваясь создать себе человеческое жилище

и найти нормальной пищи. Помогали друг другу. Вспоминали тот мир. Потом общение становилось всё реже. Наконец, условием стало — не пересекать границ охотничьих угодий друг друга. Вспоминали тот мир… Да-да, я же знал его ещё раньше, в том мире. Я совсем забыл об этом.

Я уже не помню его имени, но мы постоянно зависали в Кофейке. Кофе с карамельным сиропом или коктейль Роза Люксембург с мартини и розовым сиропом, который цедишь час. Ты платишь не за кофе, а за общение — такую идею я тогда сформулировал. Вся студенческо-хипстерская городская молодёжь тусила там дни напролёт. Мы знали, кто где учится, у кого как идёт сдача сессии, у кого какой никнейм в блоге. Да, был ещё популярен среди нас вкусный коктейль «Беловежская пуща» с кокосовым сиропом, и странная поделка, дешёвая и ужасная, «Чапаев и пустота» с водкой и кофейным сиропом. У меня были дорогие наушники Hi-End класса Audio-Technica, у него не менее дорогие Sony. И те и другие звучали по-своему хорошо, замечательно было бы иметь обе фирмы сразу. Но это было накладно, так что, я давал ему послушать свои, а он мне — свои. Мы долго рассуждали о реверберационной микродинамике, благодаря которой субъективно инструменты столь по разному расставлены в пространстве, и о философии отношения к звуку, реализуемой обеими компаниями. У него была стильная вязаная шапочка, которой он сразу обращал на себя внимание, небритость, придававшая шарм и очень ему шедшая, и стиляжные брюки вместо джинс, зато у меня был такой длинный и тонкий шарф, что я 3 раза обматывал его вокруг шеи, и он висел нисходящими кольцами. Мы занимались всем, но он делал упор на музыке, время от времени выкладывая свои новые треки, а я на тексте, время от времени выкладывая длинные продукты словесного творчества. Когда бы я не пришёл в Кофейку, он всегда был там. Мне казалось, что он там ночует. Мы писали свои послания на стену для записей, увешанную миллионом бумажек из тетрадей и блокнотов. Всегда была куча идей для того, чтоб придумать и написать что-нибудь оригинально-концептуальное и весёлое. Он ещё и рисовать умел, да и писал красивым каллиграфическим почерком. Его потрясные графические рисунки, нарисованные гелевой ручкой, выделялись на фоне слоя приколотых к стене исписанных бумажек.

Тут я замечаю на его грязном пальце кольцо. Надо же, я не видел его. Это же то самое кольцо, я отлично помню его по временам

Кофейки. Оно было такой органичной частью его тогдашнего образа. Кажется, я все 10 последующих лет просто не видел этого кольца. И сейчас оно стало проводником, ниточкой, соединившей время до и время после. Я будто только сейчас узнал в этом мёртвом заросшем оборванном человеке — того. Узнал по кольцу. Я спустился и снял с его пальца кольцо. В память. О том мире. Ведь он скоро начнёт разлагаться. Причём разлагаться на моей территории. Это минус. Не выношу чёртового запаха разложения. Зато тут будет очень много крыс, в том числе необыкновенно больших, а это уже плюс. Правда, если бы он умер зимой, я бы смог заморозить пойманных крыс и обеспечить себя мясом на самые сложные месяцы года. А он умер, судя по моим ощущениям, где-то в начале ноября, урод. Ещё недостаточно холодно, чтоб можно было заморозить крыс, а доедят они его и разбегутся как раз к холодам. Очень не ко времени. Ещё бы на полмесяца позже. Конечно, кто-то сказал бы, что кощунственно думать об этом сейчас, но, к счастью, вокруг нет никого и об этих глупостях можно не думать. Ну что, буду отъедаться сейчас, тоже не плохо.



Купание

Я снова живу в квартире с большой ванной, то есть с ванной нормальных размеров. До этого были ванны, в которых можно только стоять под душем и я забыл, когда в последний раз сидел в ванной. Я помню только, как я сидел в ванной в детстве. Возможно, последний раз был не в детстве, но всё же это было много лет назад. Зато я помню, что в детстве мылся, сидя в ванной, постоянно. Я даже помню, как душ постепенно стал заменять ванную, оказавшись более быстрым и рациональным, деловым способом помыться.

Почему бы не принять ванную — вдруг подумалось мне. Как в детстве. Я стал вспоминать, как это было. Мама наливала очень горячую воду, я всегда ругался с ней, добиваясь, чтоб она сделала воду хоть немного похолоднее. Особенно обжигающей вода была, когда опускаешь в неё холодные ноги. Я плакал и ругался, садясь в ванную. Отдушиной была пена, пена была забавным явлением. Мама наливала полный колпачок специального шампуня и лила его медленной тонкой струйкой в струю льющейся воды. Вода взбивала пену, и в месте впадения струи в озеро ванной образовывалась воздушная пенная горка с отверстием посредине. От этой-то горки и распространялась пена по всей ванной.

Ещё в ванной были игрушки. Они производили впечатление слишком простых, как для грудных детей, но таковы особенности условий ванной, этим игрушкам приходилось постоянно плавать со мной в горячей пенной воде. Не всякая игрушка такое выдержит. В игрушках было отверстие, позволяющее наполнять их водой и делать тяжелее, чтоб они становились подводными существами. Некоторые из них свистели, когда, сжимая, выдавливаешь из них воздух, а вода выдавливалась из них медленнее и длинной тонкой струйкой, другие, попроще характером, не свистели, но струйку делали лучше, потому что отверстие в них не было занятым свистком. В самом начале купания игрушки прятались в груде пены, и никогда не знаешь, кого ещё найдёшь через десять минут. А под конец купания пена исчезала, оставалась тонкая прерывистая плёночка пузырьков, как в кружке с остывающим, но ещё тёплым кофе. Да и вода становилась прохладной. Хорошей, очень приятной, когда погружаешься в неё полностью, но способствующей замерзанию,

когда вылезаешь на воздух. Я решил, что именно поэтому мама заставляет меня залазить в такую горячую, больно обжигающую воду, что впоследствии вода сильно остывает, и чтоб я не простыл, сидя в конце купания уже в холодной воде, нужно чтоб изначально вода была как можно горячее, но это моё предположение. Ещё важно — сколько воды в ванной: когда я погружался в воду, её становилось больше, и если её перелить, например, долить почти до отверстия стока в верхней части ванны, вода сравнится с отверстием и начнёт медленно утекать в чёрную пустоту. Куда ведёт это отверстие, для меня всегда было мистической загадкой, вообще, это было отверстие, соединявшее тёплый домашний мир белой ванной, наполненной чистой пенной водой, с таинственным миром потусторонней чёрной пустоты. Мне было всегда немного неприятно, если вода достигала этого отверстия, я понимал, что вода туда просто выливается, но что если, теоретически, случится обратный процесс и в воду оттуда что-то попадёт. Но, тем не менее, если вода достигала при полном моём погружении самой кромки отверстия, я поднимал волны, которые захлёстывали отверстие и исчезали в нём.

Я стал готовиться к купанию. Вымыл ванную, несколько раз её хорошенько ополоснул. Потом, по дороге в университет, где я читал лекцию по цитоморфогенезу, заехал в супермаркет игрушек и купил набор ярких игрушек для купания. Они были такие же резиновые, как и у меня когда-то, и в них также была дырочка. Характером они были теми, что попроще, они не пищали. Вечером я включил горячую воду, такую чтоб тепла хватило на как можно более долгое время, но чтоб при этом не обжигаться, как в детстве, зачем мне сейчас обжигаться, сейчас я сам себе хозяин и могу купаться в воде такой температуры, какой захочу, наконец-то. Главное сейчас или сесть в ванную сразу или не забыть, что у меня набирается вода. А забыть я могу основательно, забываю же я каждый раз, что у меня варится спагетти, пока её подгоревший запах не напомнит мне об этом.

Не забыл. Но при погружении оказалось, что я вытесняю теперь нереальное количество воды, кажется, почти всю воду, и уровень воды при нормальном, привычном её начальном количестве, том, которое запомнилось с детства, возрастает так, что становится далеко выше сточного отверстия, когда я полностью погружаюсь.
Сейчас попробую найти среди пены все мои игрушки. Итак: сине-зелёный дельфинчик, простой и добрый, возможно даже немного

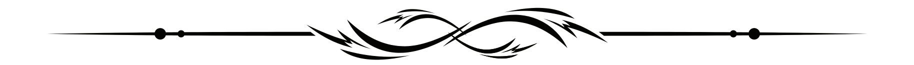
слишком простоват; черепашка — правильно плавает, самая адекватная и цивилизованная, невозмутимая, любознательная, верная, на ней можно было бы поплавать, она гораздо площе остальных и плавает как маленький надувной матрасик, но она слишком маленькая, только попытаешься на неё забраться, даже только надавишь ладонью — сразу уходит под воду, причём не потому, что ей так хочется, а реально не выдерживает веса человека; оранжевый осьминожек — внеземной, просто существо, с глубин моря, может даже марсианского, он реально странный и трудно сказать, какими человеческими качествами он обладает; жёлтый китёнок с длинными ресницами, это явно девочка, любит поиграть, но держится с достоинством, оптимистка, красавица; и, наконец, морской конёк, земной брат по разуму осьминожку, почти такой же странный, держится обособленно, домосед, задумчив, себе на уме, но при этом умудряется быть очень милым и розовым.

Интересно, что у черепашонка и дельфинчика два отверстия — одно маленькое отверстие, из которого вырывается тоненькая острая струйка воды — ротик, а второе, побольше, внизу, а у остальных только одно отверстие в ротике. Теперь о том, кто как плавает (не думали же вы, что только черепашка умеет плавать, они же, как-никак игрушки ванной): китёнка плавает ещё красивее. Почти вся над водой, и хвостик и ротик. Подтолкнешь слегка сзади, и она поплывёт, медленно, плавно, ровно. Осьминожек и морской конёк плавают, как им полагается — только под водой, на воде они могут только лежать. Впрочем, до половины наполненный водой осьминожек, может высовывать мордочку из воды, осматривая воздушный мир.

Брошенные в ванну, в которую наливается вода, друзья разбредаются, кто куда, прячутся в облаках пены, забираются в самые дальние уголки ванной, даже уходят на глубину. А иногда, наоборот, собираются вместе пообщаться и потом снова расплываются. Дельфинчик и китёнка, кстати, любят друг друга. Оказавшись рядом, они даже примагничиваются друг к другу. Удивительно. Их тела так подходят друг к другу, что они будто два кусочка мозаики, сложенные вместе. Они часто прячутся в пене вместе. Китёнка ещё любит осьминожка, но как друга, целует его в огромный лобик (а дильфинчика целует в губки). Черепашонок дружит со всеми, но лишь осьминожку позволяет на себе кататься, осьминожек такой инопланетянин, что ему всё можно, хотя он

плохо удерживается на спине черепашонка, и плюхается в воду на первом же повороте. При этом они оба аж тонут от смеха. Все пятеро любят такую игру: опускаются глубоко под воду, на самое дно, так, чтоб все были ровно на одной глубине, и резко выныривают, кто быстрее вынырнет, тот и победил. Конечно, никто не должен при этом набирать в себя воды, а то проиграет. Иногда, когда эта игра всем надоест, какая-нибудь парочка продолжает играть, пытаясь доказать друг другу, кто из них настоящий победитель. Иногда кто-нибудь из друзей отправляется под воду до конца купания, или пока рука бога, то есть моя, не вытащит его из воды и не приобщит снова к обществу и к игре. Видели бы вы, как кто-то из них величаво выплывает из облака пены, и остатки облака плывут за ним и вокруг него.

Я решил разнообразить своё купание, вылез из ванной, и, оставляя лужи на полу, пошлёпал к холодильнику. Достав пакетик травы, я скрутил косячок, захватил зажигалку и погрузился опять в тёплую воду: брррр, хорошо тут. Зажёг, затянулся. Трава очень быстро горела, видимо пересохла, к тому же я не умею плотно заворачивать. Она быстро прогорала, пепел падал в воду и опускался в воде на меня. Я долго держал дым в лёгких, прежде чем его выдохнуть, но эта местная трава скорее укроп, чем марихуана. Видимо из неё всё предварительно вымыли, или это сорт, в котором ничего и не было изначально. Первый раз в жизни курю в ванной. Покурил, пора вылезать, пожалуй. Пепел растворяется в воде. И вода стала такой прохладной, что те части тела, которые выступают из воды, начинают совсем замерзать. Интересно, если остаться сидеть в ванной, насколько вода останется теплее окружающего воздуха из-за того, что человеческое тело будет нагревать её? Тяну за цепочку, пробка сопротивляется, потом произносит звук — «плюук», и вода начинает быстро уходить. Значит, купание окончено.



Запах

Когда-то в детстве у меня было две кассеты с альбомами группы «Мираж». Я переписал их с кассет моего троюродного брата и слушал целыми днями напролёт. Я сидел за столом в своей комнате, формально делал уроки, но на самом деле ничего не делал, просто сидел и думал, или занимался «ничем», или делал уроки очень медленно, отвлекаясь каждые несколько секунд. И так годами. И всё это — под песни группы «Мираж». Магнитофон еще не мог сам менять сторону кассеты, и каждые 30 минут его приходилось выключать и кассету переворачивать на другую сторону вручную. Причём магнитофон даже не выключался сам, продолжая с тихим поскрипыванием моторчиков тянуть закончившуюся плёнку. Однажды плёнки кассет начали сами скрипеть. Видимо состарились, затёрлись, не знаю почему, если дать плёнке отдохнуть и проиграть один раз, она ещё не успеет начать скрипеть, но если проигрывать снова, начинал периодически появляться ужасный скрип, постепенно становившийся беспрерывным, так что слушать становилось совершенно невозможно. И я стал «Мираж» экономить. Как от скрипа плёнки, так и от собственного заслушивания. Я решил слушать «Мираж» раз в год, только на свой день рождения, чтоб сохранить.

Через много лет я занялся созданием картин из веточек засушенных растений. Веточка приклеивается к текстурному бумажному фону и вставляется под стекло в красивую рамку с двойным паспарту. Двойное паспарту сделает произведение искусства из чего угодно, из любой сухой веточки. Но особенно красиво получаются пышные веточки, типа можжевельниковых. Они в высушенном состоянии очень хрупкие, к ним лучше вообще не прикасаться, но и сушёные они сохраняют свой аромат. Для того чтоб бумага, к которой приклеена веточка, не коробилась от перепадов влажности, лучше все щели с обратной стороны картины залепить бумажной клейкой лентой, да и меньше грибов и паразитов туда проникнет. Много я таких картин понаделал в подарок, одна красивее другой, они разъехались по миру со знакомыми, друзьями, родственниками, коллегами, они висели на стенах и лежали в подвалах и на чердаках, были спрятаны в шкафах и стояли на

столах, ждущие, когда же дойдут руки их повесить, они висели на бетонных стенах многоквартирных домов и деревянных стенах летних домиков.

Мы не осознаём хрупкость наших жилищ. Зная, что дом — это всего лишь дом, а не крепость из абсолютно непроницаемого материала, мы на самом деле не чувствуем этого, интуитивно мы представляем его себе как что-то нерушимое, как абсолютную защиту от внешнего мира. Ну, может быть не так у тех, на кого дом обрушался. Когда ночью меня разбудил вой сирен, тут же сменившийся оглушительными взрывами и лязгом разбившегося окна, когда меня обдало холодом зимней улицы, и я увидел свою постель, засыпанную осколками стекла, первое что я почувствовал — страшный неуют. Подсознание первое сгенерировало абстрактно-эмоциональную идею неблагополучия, когда мозг ещё только просыпался и не имел никаких мыслей по поводу происходящего. Неуют от этих оглушительных ужасных звуков, рвущих сон на куски, но не торопящих пробуждение сонного сознания, от холода и стекла, говоривших ещё не осознанным ощущениям — что дело плохо и, по-видимому, очень плохо, так плохо, что когда разум проснётся нужно быть готовым, что это всё быстро не исправится. И главное — пути назад не было. Когда я просыпался и обнаруживал, что проспал туда, куда просыпать было нельзя, я в досаде падал головой на подушку и спокойно лежал ещё хотя бы несколько секунд. Здесь опустить голову уже было нельзя. Холод и стекло. Стекло даже в волосах. Но осознать происходящее разуму было не дано, это меня спасло. Гигантская обжигающая волна возникла за окном и ударила, в этот раз разбилось не окно, разбился сам дом, всё сдвинулось и начало падать, в последний момент тело почувствовало, что так же, как дом, разрушается. Без боли, без страха, без понимания причин и последствий, просто факт. К счастью, обрушение на меня дома сознание уже не застало. Я умер.

Не всем повезло так, как мне, не все оказались в эпицентре. Но и теперь у них есть свои маленькие радости. По крайней мере, теперь они снова могут спокойно опустить голову на подушку и полежать несколько секунд. Всё живое, кроме человека, исчезло. Всё сгорело, а потом пепелище покрыла толща снега смешанная с пеплом. Но человека не так просто истребить, в момент катастрофы кто-то из людей оказался на полюсах, глубоко под землёй, на дне океана, даже в космосе, впрочем, последние не вернулись.

Просыпаясь в руинах, засыпая в руинах, не встречая на своём пути ни одного человека, скрываясь от холода под толстым слоем тряпья, посвящая все свои дни поиску консервированной еды многолетней давности, приучая себя не думать о голоде, пытаясь фильтровать и обезвреживать растопленный снег, который даже прокипяченный и отфильтрованный отнимал здоровье и приближал ещё быстрее к смерти, он жил только своей памятью. Никакой морали или урока он извлечь из теперешнего своего опыта не мог, ему не хотелось здесь существовать, он максимально дистанцировался от этого мира, ушёл в себя. Хотя он мог выйти в любой момент на поверхность и пойти в любом направлении по заснеженной пустыне туда, куда захотел бы, он был словно в тюрьме, как заключённый годами в пустую камеру, он восстанавливал свою жизнь до катастрофы буквально минуту за минутой. Он научился погружаться в неё, чётко и последовательно вспоминая весь непрерывный ход жизни с любого произвольно взятого дня, будто под гипнозом его память восстановилась и вышла на поверхность сознания в буквальном своём объёме. Он уходил в прошлое, жил в нём, не вспоминая отрывочные события, а действительно живя там «в реальном времени». Он чувствовал воздух, до малейших колебаний летнего ветерка, до почти неуловимого ощущения повышения влажности при приближении к озеру, которое откроется только через мгновение между ветвями деревьев, он чувствовал запах дождя, которым наполняется августовский воздух за мгновение до того, как упадут первые капли. Он чувствовал землю, как меняется мягкость и текстура её, даже через подошвы сандалий, когда с асфальта ступаешь на траву, а с неё на вытоптанную в траве тропинку. Он проживал ещё раз все встречи, расставания, секунды, часы, дни и годы общения со всеми людьми, которые были в его жизни, но теперь его мысли не склонялись к фантазиям: надо было сделать так-то и сказать то-то, как то происходило постоянно до катастрофы, теперь всё, что было в его жизни «до» имело безусловную самоценность само по себе, в таком виде, как оно случалось в реальности, и даже именно в таком виде. Он как будто видел красоту каждого мгновения того, ушедшего навсегда, мира. Он смаковал каждую минуту той жизни. Он постфактум научился быть счастливым в той жизни, будто это счастье жизни было с ним всегда, но он о нём не знал, а вот теперь нашёл и пересмотрел всю свою жизнь, видя его постоянное присутствие. Это счастье было достаточно

всеобъемлющим и надмирным, чтоб пронизывать каждое явление и событие его жизни, вне зависимости от того, было ли оно для него тогда объективно позитивным или негативным, благоприятным или разрушительным. Только на мир после катастрофы это уже не распространялось, то была работа с тем миром, а это уже — совсем другой мир.

Он создал себе уют, отгородившись от подземного холодного непроглядно чёрного пространства в маленькой комнатке, такой маленькой, что в ней был лишь небольшой пятачок свободного пола, такой маленькой, что она полностью освещалась масляной лампадой. Он специально завалил её, чтоб возникло ощущение наполненности, переходящее в ощущение уюта. Стол был завален книгами, старыми газетами и бумагами, кровать была завалена старыми одеялами, остатками старой одежды, которые уже можно было назвать тряпьём. На полках лежали нужные вещи, импровизированная кухня с запасами банок, водой, маслом, фитилями и умывальник довершали интерьер.

Ничто в этом новом мире не напоминало о мире другом, прежнем. Все вещи были происхождением оттуда, но они так обветшали, так пропахли этим миром, что стали его частью. Все, кроме одной. У него не было электричества, чтоб слушать музыку или смотреть видео. Книг, которые имели для него когда-то значение, сейчас у него не было тоже, была лишь та макулатура, которую удалось насобирать по подвалам и складам, обшариваемым в поисках консервов. Фотографии тоже остались где-то в пепелище. Всё, что у него сохранилось от того мира — это картина. Засушенная много лет назад веточка какого-то хвойного дерева, красиво обрамлённая в рамку с паспарту. Паспарту пожелтел, сама веточка давно стала неопределённого темно-серого цвета, но самое удивительное — она пахла! Он решил доставать и открывать её лишь два раза в год, на новый год и на свой день рождения. Хорошо, что день рождения был поздней весной, и между двумя праздничными событиями, сопровождавшимися открыванием картины, было почти полгода.

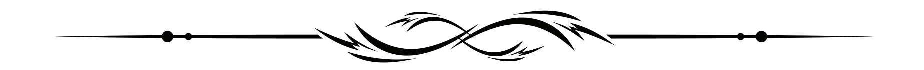
Вы задумывались, в чём смысл наряжания новогодней ёлки и украшения комнаты в праздничное убранство? Кроме того, что это красиво, а человеку свойственно тянутся ко всему красивому и яркому. Вот вокруг него не осталось ничего красивого и яркого, а он всё равно сооружал искусственную индустриальную ёлку и наряжал комнату, подвешивая на верёвочки гирлянды винтиков,

гаечек, каких-то мелких запчастей, округлых камушков и бумажных бантиков, обрамлённых ниточками. Человеку необходимо обновление, ему нужно что-то выходящее за пределы обыденности, ему нужно «что-то другое». Поэтому он очень любил праздники, он начинал готовиться к Новому году недели за три, обыденность давила на него, и он с упоением совершал ритуал праздничного украшения комнаты.

Возможно, посторонний глаз, взглянувший на уже украшенную комнату, и не заметил бы в его трудах ничего выдающегося, поскольку сами украшения были несколько специфичны, но для того чтоб понять всю серьёзность подготовки, нужно было видеть её в процессе. Украшения развешивались в сложно-симметричном порядке, петли чередовались с полосками, короткие с длинными, если идея первоначальной композиции оказывалось не очень интересной, он всё аккуратно снимал и перевешивал, гирлянды гаечек напоминали капли росы на утренней паутине, ёлка казалась хрупким воздушным слегка заржавевшим роботом, составленным из сотен деталей, соединённых проводками. Время от времени он, экспериментируя, зарисовывал приходившие ему на ум идеи группировки украшений, чтоб реализовать их к следующему празднику.

И вот приходила праздничная ночь, освещённая необычно большим числом фитилей, приходила в убранной и украшенной комнате, память наполняла её музыкой и голосами празднующих друзей. И тогда он доставал из-под толстой пачки тяжёлых бумаг картину. Держал её в руках, долго смотрел на неё, протёр ещё раз стекло. Он всё делал теперь долго, спешить не было смысла, как и в тюрьме, чем больше времени занимает какое-то дело, тем лучше. Потом перевернул. С обратной стороны картина была заклеена по краям специальной клейкой лентой, изолирующей её от влияний внешнего мира. От многократных отклеиваний и от времени клейкая лента теперь совсем не держалась, но если её плотно прижать, всё же, как будто приклеивалась. Поэтому он не вешал картину, а держал её прижатой бумагами — бумаги должны были герметизировать веточку в картине, прижимать состарившуюся клейкую ленту. Ему, скорее всего, осталось прожить всего несколько лет, а на этот срок картины хватит. За пустым, чистым праздничным столом он аккуратно отклеил кусочки клейкой ленты со всех четырех сторон картины, положил их рядом клейкой стороной вверх. Перевернул

картину, положил на стол и осторожно поднял рамку со стеклом. Веточка с картонной задней стенкой картины осталась лежать на столе. Он каждый раз немного боялся, что запах исчезнет, но чудо сохранялось, веточка каждый раз источала настоящий можжевеловый запах, запах живого ушедшего мира. Пока что запаха хватало на несколько вдохов, где-то на минуту или на две, если вдыхать не спеша, поднося веточку всё ближе к носу. Пожалуй, это было единственное, что осталось от того мира и принадлежало при этом к объективной реальности. Лишь маленький элемент в огромном мире прошлого, восстановленный им. Он отложил стекло подальше в сторону, взял в руки картонку с веточкой, поднёс к лицу и, закрыв глаза, медленно вдохнул.



Ёжик

Говорят, все животные делятся на тех, кто видел, что по ту сторону, и тех, кто не видел. Хотя, по ним не скажешь. Видимо, просто нельзя это видеть тем, кому от природы не дано, а тем, кому дано — им от этого ни холодно, ни жарко. Вот ёжик увидел, и это теперь всегда будет в его взгляде. Вот он сидит рядом со мной и молчит. Молчит, как всегда. Чаще всего ему говорили: ты не сможешь это увидеть, это не реально. Иногда он слышал: это тебя изменит, это настолько ненормально для тебя, что после этого ты уже никогда, никогда не будешь таким, какой ты сейчас. Ну что ж, вторые были правы. Он сидит и смотрит вдаль, и в его глазах теперь отражается вечность. А это страшно, для некоторых. Что до меня, так это интересно и, в каком-то смысле, даже прекрасно. Но многие находят его взгляд пугающим, нездешним, страшным, чужим, не ежиным.

— Во-первых, как ты вообще это сделал? Как ты победил свою природу?

— Я жил этим. Долго. Я принял решение, и это решение стало моей жизнью, частью моей природы. Оно было так глубоко, что об этом не надо было даже думать, это стало неизбежным.

Мы помолчали. Конечно же, я хотел задать главный вопрос, но всё откладывал. Дело в том, что я не буду задавать ему этот вопрос повторно. И если он сейчас не расскажет…

— Так что же ты видел?

Он продолжал молча смотреть туда, где небо соприкасалось с землёй. Потом вздохнул. Заговорит он или нет, уже не имело значения, я всё равно теперь могу лишь молча сидеть рядом. И ждать. Он заговорил.

— Сначала стало просыпаться сознание. Я был будто в холодной чёрной пустоте. Какое-то время, видимо, я себя ещё не осознавал и эту стадию просыпания не запомнил. Но я помню тот момент, когда осознал, что просыпаюсь, что это случилось, что это именно тот самый момент, и я ухватился за него, ухватился всеми силами, всем своим сознанием, продираясь сквозь пустоту. Я пытался вертеться и шевелиться, кричать и смотреть, я отчаянно пытался… думать, нет, даже не думать, а самоосознавать, чтоб не

погрузиться назад в забытье. Я трепыхался, как мог, и сознание постепенно всё больше возвращалось ко мне. Кроме мысли о том, что мне нужно проснуться, начали приходить другие мысли, я начал понимать кто я, где я, по крайней мере, я коснулся этого вопроса своими мыслями. Наконец, я начал чувствовать своё тело. Сначала просто почувствовал, что оно есть, потом почувствовал, что не могу пошевелиться, и мои дёрганья происходят лишь в моём сознании, но вскоре я смог действительно немного пошевелиться и почувствовал это. На мгновение я устал сопротивляться сну и решил передохнуть, от чего чуть снова не заснул, но сознание с испугом принесло мне тревожный сигнал засыпания, и я встрепенулся активней прежнего. Вскоре я начал чувствовать соломку подо мной и меня пронзил страшный холод, пугающий холод, не тот тёплый и живой, когда ты дрожишь на ветру, а мертвенный и пронизывающий насквозь, будто я сам остыл и, как мертвец, стал одной температуры с этим холодным воздухом. Сначала я так и подумал — я умер, и теперь сознание вернулось в моё остывшее окостеневшее тело. Но вернулось не полностью, и мыслить или двигаться полноценно я уже не могу. Я даже не понял бы, что это холод, если бы он не приходил ко мне постепенно, вместе с восприятием. В нашем мире холод — это то, что подстёгивает, заставляет шевелиться и бодрствовать. Тот холод был холодом другого мира, таким, какого у нас не почувствуешь. Видимо, если усилить холод до невероятной степени, он обретает свойства боли и оцепенения.

Потом я открыл глаза. Глаза болели, вокруг была абсолютная тьма. Я попытался пошевелиться снова. Тело с большим трудом поддалось волевым приказам, было тяжело двигаться, я двигался медленно и всё ещё плохо соображал, был как во сне. Я разрабатывал пальцы и суставы лапок, сгибая и разгибая их, потирая друг о друга. Постепенно они начали двигаться быстрее. Холод продолжал меня отчаянно терзать, каждая соломинка была как холодная игла, сам воздух был мучительно холодным. Я начал дрожать, сначала мелко, потом всё сильнее, так я понял, что постепенно согреваюсь и ещё раз убедился, что я не труп. По сути, дрожание стало первым актом пришедшим из моего мира, лишь задрожав, я понял, что я действительно всё ещё жив и сам являюсь всё ещё существом того мира, в котором засыпал. Согревание не принесло комфорта, хотя страдание стало несколько другим. Теперь я уже не был частью этого чужеродного холодного мира, и мир обрушился на меня своим

холодом, как на чужеродное тело. Когда я засыпал здесь, норка была самим воплощением уюта, теперь нездешний холод проник в неё, и она преобразилась, вроде бы ничего в ней не изменилось, но она стала адом. Но нужно было спешить, долго я бы не выдержал. Я постарался встать, трясясь крупной дрожью, с трудом выпрямил закостеневшее тело, сориентировался на ощупь и, найдя выход, стал разгребать сухую траву. Двигаясь к поверхности, я почувствовал, что, похоже, стало ещё холоднее, хотя, активно работая, я должен был согреться. Наконец, сухая трава закончилась, и лапки стали разгребать что-то острое и обжигающе холодное, как мелкотолчёное стекло. К счастью, оно было очень рыхлым, и я старался мгновенно откидывать его в стороны, начав работать лапками ещё быстрее. И вот — дневной свет. Он так слепил глаза, что на поверхность я вылез на ощупь, лишь только я пытался приоткрыть их, они наполнялись резью и слезами. Первый мой вздох на открытом воздухе так обжёг мои лёгкие что, казалось, воздух заменили на что-то непригодное для дыхания и разрушающее лёгкие изнутри. Я не был уверен, не станет ли этот вдох моим последним вдохом, и, исполненный ужасом перед этим сверкающим холодным адом, вытирая слёзы и борясь с болью, всё-таки открыл глаза и взглянул на мир.

Мир стал другим. Я увидел неземной пейзаж, белоснежный и сверкающий. Леса практически не стало. От леса остались лишь мёртвые остовы деревьев, и кое-где торчала засохшая травинка. Этот стеклянный холодный порошок, который я разгрёб, чтоб выбраться на поверхность, покрывал не только землю, он лежал и на ветках деревьев. Трудно описать нашими словами эту картину, она была прекрасна и ужасна одновременно. Бесконечные проявления жизни, которые окружают нас каждую секунду, их не было, всё куда-то исчезло. Быть может, было мертво, или осталось в том другом мире. А может, оно спало летаргическим сном, как спали мои сородичи. Белоснежный мир сверкал, размывался и переплетался отражениями, нитями и искажениями. Я не мог разобрать, что из этих движений вызвано слезами, что является оптическими эффектами переплетения моих ресниц, а что реально, если наше понятие реальности вообще имело в этом мире смысл.

Ёжик снова помолчал. В мыслях он снова был там и, видимо, у него не хватало слов, чтоб описать неописуемое, стоявшее перед его внутренним взором.

— Опустив глаза, чтоб закрыться от нестерпимого света,

исходившего от белого мира, я сосредоточил взгляд на белой субстанции подо мной. И тут я разглядел, что субстанция состояла из бесчисленных кристаллов удивительной красоты, начинавших вспыхивать то тут, то там, когда я двигался. Чем-то это напоминало блики на воде, только вода двигается сама, а белая субстанция оставалась неподвижна, и двигаться для того чтоб увидеть блики приходилось мне. Субстанция вспыхивала кристаллами, словно искрами и при этом оставалась обжигающе холодной. Мои лапки почти сразу онемели, возможно, они уже были мертвы. Видимо, в этом мире холод, доведённый до своего абсолюта, обретал свойства огня. Завороженный, я поднёс к глазам несколько кристаллов, чтоб поближе рассмотреть их и тут же, под моим дыханием, они превратились в капельки жидкости, без цвета, вкуса и запаха, я попробовал. Видимо, не только этот мир воздействовал на меня, я также воздействовал на этот мир, разрушая его структуру. Что это были за кристаллы, превращающиеся в жидкость, я не имею понятия, и, возможно, это не дано нам узнать никогда, но я поверю, если мне скажут, что сама вода в другом мире приобретает такую форму и падая с неба, как в нашем мире падают капли дождя. Ведь кристаллы лежали не только на земле, но и на верхней стороне ветвей мёртвых деревьев. А деревья в том мире повторяют деревья нашего мира, это как бы те же деревья, расположение в тех же местах и имеющие те же размеры и форму. Но двойники наших деревьев в том мире — мертвы. Да, я не вижу во всём этом смысла. В нашем мире деревья живут и растут, чтоб приобрести такую форму и размеры, в нашем мире вода жидкая и просачивается сквозь землю, питая всё сущее. Как мёртвые двойники деревьев того мира обретают такую же форму и размеры, и как вообще в организацию мира может вписываться твёрдая вода, почему, если она падает с неба, она не засыпала тот мир до небес? Всё это не имеет объяснений, это просто надо принять как факт, хотя то, что в мире с твёрдой водой жизни быть не может — это логично. Даже звуки того мира — иные. Чёткие и резкие, как звон, распространяющийся в пустоте.

И тут меня накрыла на мгновение тень, я взглянул вверх и увидел первое живое существо того мира. Чёрными крыльями скрыв ослепительный свет пространства, существо скользнуло надо мной по воздуху и приземлилось на одной из ветвей, обронив с ветки несколько кристаллов белой субстанции. Тут, сквозь слёзы, я разглядел его. И ты знаешь, что это было? Ты не поверишь. Это

была ворона! Обыкновенная ворона! Она сидела на ветке, вертела головой, одним глазом посматривала на меня, и имела совершенно невозмутимый вид, точно такой же, как в нашем мире. Она была обычной вороной, обычным живым существом нашего мира! Это было более чем невероятно. Значит, обыкновенная ворона является существом обоих миров! Значит, кроме тех граней вороны, которые мы знаем, и которые позволяют вороне быть существом нашего мира, обыкновенной птицей, вить гнёзда, высиживать птенцов, поедать семена и гусениц, ворона имеет невероятные свойства существа иного мира. Быть может она — канал, точка соприкосновения миров. Поистине, то, что нас окружает, является гораздо большим, чем оно видится. С тех пор я не могу без содрогания видеть ворону, я вижу в её глазах отражение белого мира.

Я стоял снаружи не больше минуты, но мои конечности перестали двигаться и совершенно потеряли чувствительность, огонь, разлитый в воздухе, не давал дышать. Я стал терять сознание и упал на спину, скатившись назад в норку. Последнее, что я помню — я, теряя сознание, пытаюсь зарыться как можно глубже, залезть в самый конец норки, закрыться от мёртвого мира подушкой сухой травы, в слабой надежде сохранить всё-таки свою жизнь.

— И как же ты выжил после этого?

— Это непознаваемо. Может мне просто повезло. А может таково было решение того мира.

Какая пропасть пролегла между тем ёжиком, которого я знал всю жизнь, и тем, кто сидел сейчас справа от меня. Жизнь — это самопроизвольный процесс. Но, познавший другие миры, по сути, никогда полностью не возвращается назад. Там остаётся какая-то часть его существа. Однажды побывав в ином мире, существо нашего мира становится существом обеих миров, как ворона, даже если это и незаметно окружающим.

— Как ты будешь жить дальше?

— Скоро я уйду. Этот мир стал слишком тесен для меня. Слишком много появилось вопросов, на которые я хочу найти ответ. Если бы меня спросили, когда я проснулся снова в нашем мире, согласен ли я ещё раз проснуться в белом мире, уже зная цену боли, которую придётся заплатить, я бы, конечно, однозначно ответил, что нет. Но время идёт, и теперь мой ответ будет не столь однозначен. Возможно, Вселенная совсем не такая, как мы себе представляем, и в ней есть даже не два, а множество различных миров, отличных от

нашего, и того, который видел я. Быть может, какие-то из существ, которых мы постоянно видим вокруг себя, являются одновременно обитателями целой системы иных миров. Я пойду искать иные миры. Я проснулся.

Всё

Вообще-то я очень хорошо слышу в наушниках, могу даже разговаривать в них, правда аудиокнига, в отличие от музыки, сильно отвлекает от слов собеседника. А тут я просто задумался. Я даже отвлёкся от аудиокниги, я часто отвлекаюсь, потом переслушиваю или просто слушаю дальше. Даже не помню, о чём именно я думал, наверное, обо всём подряд, короче, был в себе. Сошёл с дороги, прошёл по грязно-вытоптанному снегу тропинки к железнодорожным путям, перешагнул через рельсу. До института оставалось четыре минуты хода. Оглушительный пронзительный всезаполняющий вой гудка электрички рядом со мной напугал меня, я так встрепенулся, что аж подпрыгнул, причём вой не прекращался и испуг оказался не мгновенным, а как бы продолженным, и продолжался, когда я уже смотрел на налетающую на меня электричку. Причём причиной была не сама электричка, а этот оглушительный страшный вой, испугаться самой электрички и последствий её налёта я не успел. Впрочем, осознание — очень быстрая штука. Я не только успел увидеть электричку, я успел подарить миру две мысли, времени воспроизводить их одну за другой у меня не было, хотя, по логике, они должны были появляться последовательно, да и пролетели они не словами, чтоб произнести это понадобится больше времени, чем у меня было, это были просто две почти мгновенные одновременные мысли. Мысль первая: «Вот чёрт!», мысль вторая: «Кажется, всё». Дальше удар, слишком быстрый, чтоб быть болезненным, хотя грубый.

Уровень первый. Столько сухих тропических веточек лежат уже приклеенные на красивые подложки в шкафу, а оформление картины в даже недорогую рамку с паспарту, даже на Борисенко, где дешевле, всё-таки слишком дорого. Надо попробовать один раз потратиться и заказать резак и линейку, чтоб самому паспарту вырезать. Рамки в магазинах есть нормальные. Интересно, можно ли в нашем городе купить сами листы паспарту и сколько они тут стоят? Может, их продают тут только те же багетные мастерские втридорога, специально, чтобы, что сам делай, что заказывай, те же деньги выходили. Кстати, надо бы продвинуть идею организации выставки фракталов, к организации которой Лиличка Геннадьевна

предлагала присоединиться. Потрясающая инертность, время идёт, годы проходят, а у меня ничего не двигается. Блин, когда пытался резать даже не толстый картон обычным резаком, у меня вообще ничего не выходило. Конечно, это теперь специальный резак, но кто знает, насколько он поможет человеку, у которого руки из заднего места. Картон для паспарту, это, извините, миллиметра два толщиной. И надо резать так, чтоб углы не позорные были. И как бороться с тем, что в самодельных картинах бумага у меня всегда коробится? Приклеивать подложку на толстый картон? Заклеивать сзади стыки картины, как они в мастерских делают? Это помогает предохранять от перепадов влажности внутри картины? Но, если получится, конечно, можно было бы делать большие сложные картины, из нескольких окошек в одном большом паспарту, заказывать такое не реально по деньгам, а так, может быть, будет реально. Надо почитать, каким лаком можно их покрывать, чтоб жучки веточки не ели, действительно ли лак для волос, как Вика говорит… Вот чёрт! Кажется, всё.

Уровень второй. «Однажды, говорится в одной из легенд, семеро достигших бессмертия пировали в небесной стране. В разгар пира Ли Тегуай, бывший обыкновенно распорядителем всех празднеств, сказал…». Интересно, как отличаются культурологические книги на одну и ту же тему. Предыдущая, правда это был записанный в «полевых условиях» курс лекций, но для меня-то и то, и другое — аудиокнига, так вот, та была гораздо душевнее, не столь беспринципно историко-материалистична, эта же написана явно в советское время и все религии и верования сводит к варварским пережиткам прошлого, а самих адептов религий описывает, как варварских лжецов, дурящих тёмный трудящийся народ. Ну, если из традиционной религии Китая убрать все верования, сведя их к «опиуму для народа», останется довольно скучная история. Поэтому я так часто отвлекаюсь, слушая эту книгу. Но всё-таки дослушаю, некоторая формальная информация тоже бывает полезна. Блин, опять отвлёкся, вспомню, что там было только что? «Да, я слышал, что у императрицы Цао, — ответил Ли Те-гуай, — есть младший брат, нравственные качества которого и стремления соответствуют нашим взглядам. Как вы полагаете, не следовало бы принять его в наше общество?...» Такие легенды, наверное, есть в традиционной культуре всякого народа. Рассказали бы лучше, чем отличаются именно китайские.

Зато студийную запись легче слушать. Эти записи лекций такие шумные или скрежещущие, что приходится врубать громкость на полную, уши режет, а всё равно в шумной обстановке улицы трудно разобрать, что говорят. Ещё бы выделить из всей этой информации то, в истории китайской культуры, что привело их, в конце концов, к такому развитию в наше время. «…Это предложение было одобрено всеми…».

Уровень третий. Удивительно, снега бывает совсем не много, а идти по нему всё равно сложнее, чем по асфальту, например, почему, так же ступаю, даже по утоптанному снегу труднее, впрочем, фух, тренировка, выпал белый снег, убирать его в этом городе не принято, и он превращается вот в такое вот грязное месиво, так, там всё ещё делают этот перрон, значит сейчас придётся снова идти по тропинке, вот тут немного щебёнки, перейду туда, а это что, лёд под снегом, осторожно, медленней, вроде не скользко, хорошие ботинки, интересно, как туда попадают люди, снег почти не вытоптан, грязь делает на снегу хаотичный рисунок, а я ломаю этот рисунок, с хрустом, недолговечность, но здесь снег чище, чем на дороге, ботинки немного почистятся относительно белым снегом, блин, там, за рельсами, вообще снег не тронут, только несколько следов, ещё в ботинки не хватало набрать этого грязного снега, он тогда тает, от влаги талого снега тепло и холодно одновременно, разуваешься и стягиваешь мокрые…

Уровень четвёртый. Мокро потная футболка жарко пальцы рук замерзают капюшон мешает смотреть и спадает голова мерзнет снова нет капюшон всё-таки не снимать придерживать жарко течёт из носа опять сумка спадает скользкая лямка и скользкая куртка не удобно шея чешется шарф жарко шея мокрая устал немного идти не удобно снег рука устала сумку переменить расстегнуться немного груди холодно а спина потная пальцы подогнуть в перчатке замёрзли горло замёрзло надо расстегнуться но капюшон снимать не надо надо закрыться от ветра тьфу шерсть от капюшона прям в рот не удобно сопли сморкаться рельсы зимой скользкие не наступать на рельсу…

Уровень пятый. Тысячи волокон света сплетают меня, они соприкасаются с бесчисленными волокнами света, приходящими из внешнего мира, некоторые совсем чужеродны для меня, некоторые содержат что-то общее с моими волокнами. Волокна деревьев всё ещё тянутся и сообщаются со мной, хотя лес остался позади.

Особенно долго я общаюсь с деревом, стоящим недалеко от тропинки в самом начале леса, через который я прохожу, можно казать, что мы подружились, мы продолжаем общаться с ним, даже когда я подхожу к институту. Но зимой световые нити деревьев короче, и мы с ним уже распрощались. Зимой вообще гораздо меньше нитей живых существ, кроме тех, что не видны физическим зрением, но я вижу выходящие из земли тонкие нити семян, корневищ деревьев, насекомых, спящих в анабиозе, но живых. Я вижу, что некоторые из них болеют, а некоторые так слабы, что не проснутся, и они это знают. Некоторые из моих волокон имеют такую же светимость, что и не живой мир, эти волокна соприкасаются так с волокнами неживого мира, будто мир — плотный. Я вижу следы людей, прошедших здесь сегодня, нет, не следы на снегу, я вижу, какой след они оставили в пространстве, часть их волокон осталась здесь, так же тут пробежало несколько собак и мышь, пролетело несколько видов птиц, но сейчас это не важно. Волокна иного типа, приходящие из пространства, принесли весть, что сейчас случится что-то важное. Неорганический сгусток так провзаимодействует с энергией некоторых моих элементов, что разрушит их структуру. Моё сознание отделится от части оболочек элементов этого мира. Это довольно важное событие, потому что придётся совершать трансформацию и искать иную оболочку, чтоб продолжать здесь свой путь, а все наработки, ещё не трансформировавшиеся в волокна сознания, будут потеряны. Это можно было бы предотвратить, если бы я прислушивался к этому, если бы прислушивался. Вот оно уже подходит, уже близко, я уже ощупал эту несущуюся громаду своими волокнами, я точно чувствую скорость её приближения и момент удара со мной, ещё пять секунд, ещё четыре, я вижу посланников вокруг себя, тёмные любители крови тоже уже слетаются, три секунды, вижу, как мир перестраивается, готовясь к моему отсутствию, две секунды, оболочка моего сознания начинает вибрировать, она уже отчасти отделяется от оболочки, образующей материю моего тела, одна секунда, моя сущность проделала очень большую работу, я подобрал многие волокна, оставленные в этом мире, и отдал некоторые волокна мира, которые держал сам. Конечно, не все. Для того, чтоб завершить эту работу, нужно было проделать много труда ранее. И смерть за моей спиной не станет ждать, она уже коснулась меня. Я не спеша сделал всё, что было в моих силах при данных условиях. Теперь можно встретить неорганический сгусток. Вот и он.

Уровень шестой. И всё-таки, какая тут закономерность? Почему одни окукливаются почти сразу, правда таких очень мало, другие через какое-то время, а некоторые очень долго не могут окуклиться. То есть, конечно, в большинстве случаев окукливание сопровождается очень разнообразными признаками, иногда появляющимися задолго до начала самого окукливания, например специфическое изменение запаха слизи или цвета тела. Но бывает, что окукливание начинается ни с того ни с сего, и никаких закономерностей я при этом не нахожу. Такое внезапное окукливание началось и у меня. Впрочем, ещё вчера слизь пошла пузырьками. Надо найти и съесть ещё одного вертлявчика. Вооот он, лапка. Так, ну и ещё одного. Для трансформации нужно много энергии, глядите, они словно ползут ко мне, видимо я начал выделять то, что их привлекает, да, с такой подмогой со стороны природы моё окукливание пройдёт успешно, ммм, а эта самочка была наполнена икрой. Пузырьков всё больше, первые, наружные, уже начинают подсыхать, хотя корочка тут же размачивается и смывается новой слизью. Это досадно, хочется, сладко зудяще хочется окуклиться, окуклиться приятно, очень приятно, невероятно приятно, хотя нет, это не правильное утверждение, скорее просто — неизбежно приятно. Надо забраться на ствол повыше, чтоб лишняя слизь стекала вниз. Гм, а я теперь хорошо прилипаю к стволу. О господи, эти вертлявчики готовы ползти за мной на ствол, то ни одного не найдёшь, то сами лезут. Успокойтесь милые, я уже не могу вас есть, мне уже нечем. Кажется, они жрут мою стекающую слизь, фу, как можно быть такими мерзкими тварями, надо втянуть хвост, чтоб слизь меньше стекала. Кажется, уже не стекает. Ну вот, пузырьки покрыли и глаза, теперь я полностью в коконе, приятно ломящее чувство трансформации, растворения, освобождения, лёгкой дымки в сознании, прописные истины лезут в голову: трансформация это сон…

Уровень седьмой.

— Мы сегодня займёмся снами эоносферы.

— Да, поднимаемся.

Мы взмываем высоко над миром и рассыпаемся тончайшей сетью, плетущей фиолетовые узоры мыслящей ткани пространства, мы становимся миллионами образов, оседающих в памяти мироздания и меняющих его цветовую структуру. Да, наша работа — это капля в море, но любой из нас может подняться ещё выше и увидеть, как из

таких капель слагается безбрежный океан грядущего. Идеи образов, как их нерастворимые остовы, медленно оседают вниз, начиная светиться в более плотных слоях и, изменённые нижележащим пространством, подхватываются сознаниями спящих существ целого ряда миров, в которых, кстати, живёт и какая-то частица меня. Мы закручиваемся вихрем, нагнетая энергии пространства, и кристаллизуемся тончайшими иглами, складывающимися как бы в невидимый зеркальный купол эоносферы. Наша работа сколь обширна, столь же и тонка, и любая пертурбация, не замеченная нами, может внести диссонанс в вибрации, что чревато последствиями. Теперь процесс требует только частичного контроля. Вот я уже стою на высоком утёсе, возле каплевидного здания и любуюсь закатом. Я не пропустил ни одного заката за долгие годы. На закате становится отчётливо видно то, что не видно при свете дня. Между закатом жизни, дня и мира есть фундаментальная связь. Параллельно я конструирую новые направления эволюции. Эволюция ускорилась и работы прибавилось. Зелёный туман окутывает дно ущелья. Там, словно ставшие видимыми, пробные образы новых форм бытия возникают, трансформируются, исчезают. Некоторые взаимодействуют друг с другом, некоторые взаимодействуют со светом звёзд, некоторые тут же подхватываются и изменяются другими сотрудниками, сосредоточившими свой взор на этих сферах эволюции.

— Ты знаешь, что в одном из миров, в энрофе, сегодня ты умер. Эта перемена повлекла за собой цепочку смертей или трансформаций твоих сущностей в системе миров нисходящего и восходящего ряда. Я понимаю, что у тебя есть дела поинтереснее и поважнее, но всё же это довольно важное для тебя событие. Пожалуйста, не игнорируй его.

— Зачем мне тратить на это событие время, если ты говоришь, что у меня есть дела поважнее? Если они поважнее для меня, значит они важнее и для мира. Значит, неэтично по отношению к миру, тратить время на это событие.

— Здесь другая этика. Ты — важная творящая часть мира. И ты должен на время прервать некоторые акты своих творений и посвятить хоть немного времени своим «я». Ты сам чувствуешь, что неэтично оставлять свою смерть, где бы то ни было без внимания.

— Хорошо.

Часть моего сознания быстро достигла системы миров с

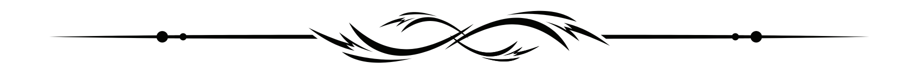
совершающимися трансформациями.

Уровень восьмой. Ещё одно важное и торжественное событие свершится скоро. Мы готовимся. Мы подводим черту, мы собираем нити, мы расчищаем путь. Я пробежала тут час назад, но частица меня ещё живёт там, и моя природа чувствует, как она соприкоснулась с ним, с переходящим. Я каждый день встречаю его, идущего через лес, он мне — родная душа, и сейчас я провожаю его по тропинке в последний раз и навсегда отрываю от него свои нити на кромке леса. Через минуту я встречу его с той стороны. Мы все помним его, он проходит здесь почти каждый день, его нити соприкасаются с нашими, и вот настал день, когда мы проводим его на ту сторону. Смерть стоит за ним и уже положила на его правое плечо свою руку. Настал момент. Птица вспорхнула с ветви, мир затих, и вся система миров замерла в торжественной тишине в ожидании момента трансформации. Единое живое существо мироздания готово произвести трансформацию одной из своих разумных частиц. Внешне это замирание незаметно, но видящий увидел бы синхронность сочетаний знаков, создающий как бы вакуум между мирами. Всего на мгновение, но этого достаточно. Открылся переход. Перегруппировка элементов плетёт узор грядущего. Стираются те пути, что никогда уже не реализуются в этом мире, изменяются косвенно с ними связанные. Зёрна новых начал уже запустили свой рост. Тёмные части меня слетаются в предвкушении открытой крови. Пришёл Представитель высшего мира, на месте уже Свидетель, Проводник в пути, Глашатаи расположились по четырём сторонам. Светящееся существо переходящего поёт гимн свету, оно приветствует мир и прощается с миром, нити его совершают последний танец жизни. Оно идёт торжественно и осознанно навстречу судьбе, несомое бессознательной частью своего слепого разума. Смерть касается его. Светящийся кокон вибрирует и распадается, нити обретают своё единство, сливаясь с нитями мира, и я переношу его нерастворимое начало через проход. Свершилось.

Уровень девятый. Гравитация прижимает к полу, и в результате мир переворачивается, кажется, что мир повернулся на 90 градусов и несётся за окнами громадами небоскрёбов городов, заливами и парками уходящими за горизонт. По старым верованиям, человек, сознательно распространивший лжеинформацию для собственной выгоды, обвинивший кого-либо несправедливо, умирал духовной смертью, и эта смерть сопровождалось реальной

смертью его сущности в одном из иных миров. Тысячи монахов по всей стране многие века хранили культы и праздничные ритуалы, наполненные жертвоприношениями, танцами мифических существ, символическими смертями и воскрешениями, историями страшных падений и легендарных восхождений. В прошлые века человек моей профессии и моего положения обязательно посещал храмы, тратил огромные суммы на пожертвования, участвовал в ритуалах и инициациях, дабы искупить свои профессиональные грехи. Но лишние сущности остались в прошлом. Совесть, да, совесть реальна. И она часто вводит в печальную задумчивость. Но покажите мне человека, которому не о чем печалиться. Сегодня большая богатая компания обвинила с моей помощью невиновного, сделав его козлом отпущения. Но при этом сотни человек не потеряли работу и даже не потерпели убытков. Пришлось заплатить будущим лишь одного человека. Хотя, это конечно, несправедливость. Но вот я лечу в таком комфорте, что самые печальные мысли приобретают ласковый, оптимистический, философствующий оттенок. Запах воздуха от этих кондиционеров, который я так люблю, запах путешествий, удобства и уюта, обтекаемая форма мягкого раскладывающегося кресла, аромат и вкус вина, налитого в правильный бокал, улыбки девушек. Надо ещё что-нибудь купить, какую-нибудь приятную мелочь, просто чтоб отвлечься. Тут выйдет в два раза дороже, но я не смотрю на цены, это даже приятнее, когда дороже, лучше отвлечёт. Забавно, на островах, куда мы летаем каждый год на праздник огней, гадалка, которая ходила по берегу моря, когда мы, пьяные, купались прям в одеждах при свете факелов, костров, салюта, окон и подсвеченных стен белоснежных отелей, нагадала мне, что я скоро умру, но не в этом мире. Лёгкий путь зашибить деньгу — не надо напрягаться, чтоб сказать хоть что-то, что можно хоть как-то проверить. Хотя, обычно они несут какую-нибудь слащавую чушь, чтоб понравиться. Хе-хе, будто знала, чем я занимаюсь. Итак, я выбрал довольно красивый ремень, даже, пожалуй, слишком дорогой и оригинальный для каталога из кармана кресла, на таком мой выбор в большом магазине мог бы остановиться и самостоятельно. И бутылку старого виски, вкус которого подзабыл, но точно вспомню, когда попробую. Я не очень хотел пить, во-первых, я уже пил, и, к тому же, я мог заказать почти что угодно, но мне хотелось самому откупорить действительно ценную, красивую, большую бутылку. Это всегда, как бы, небольшой праздник.

Бутылку и ремень принесли. Я понял, за что ценится кожа асатоков, ремень оказался таким мягким, бархатисто-гладким, вызывающим такие уникальные, сложные и приятные тактильные ощущения, что я не захотел его сразу прятать в сумку, положил рядом с собой. Да, такое и подделать не возможно. Будто сам ремень — живой. Не мудрено, что животные эти вымирают, я не видел ни одного даже в зоопарках. Я взял бутылку, насладился весом и холодом стекла, почитал этикетку, рассмотрел литые символы на стекле и крутанул крышку. Крякнув, крышка поддалась и отвинтилась. Я не хотел эстетствовать и нюхать напиток, как положено, на расстоянии и в большом бокале. Я знал, что запах пряный и сложный, и всё такое. Я понюхал виски прям из бутылки. Приятный концентрированный запах ударил в нос. О, это уже мужской праздник! Держа за горлышко, я наклонил тяжёлую бутылку и отхлебнул прям из горла. Аромат окружающего мира изменился, изменилось и настроение, всё стало немного другим, но не менее замечательным. Скажите, а вот вы верите во всю эту хрень тысячелетней давности про другие миры и про ваши жизни и смерти там? Вот вы лично в своей жизни хоть что-то подобное сами встречали? Вот я лично — нет. Солнце окончательно село за горизонт, и зеркальные небоскрёбы превратились в горы проплывающих мимо огней.



Наркотик — «Маленький мир»

Наступает этап, когда замкнутый мир ограниченного осознания исчезает навсегда. Да, остаются горизонты, но не остаётся стен, и больше никогда не перепутать где верх, а где низ. Когда-то мы были набором неорганических молекул, мы были камнем, воздухом, каплей, туманом, планетой, пылинкой. С точки зрения разума органических существ эта материя не разумна, но и у неё есть свой разум, если понятие разума достаточно расширить. Потом мы стали простейшими живыми существами. Наш разум изменился, изменился и мир вокруг нас. Причём — кардинально. Мы попали в другую Вселенную. Настолько другую, что прежнее существование в виде неорганической материи перестало восприниматься вообще как существование, стало просто небытиём. Потом у органических существ появилась нервная система, и разум за пределами нервной системы перестал быть разумом. Нервная система стала новым этапом, включающим в себя множество уровней, каждый из которых полностью менял мир и отодвигал прежние уровни на грань несуществования. Мир человеческого разума раскрыл Вселенную и создал целую плеяду мировосприятий. Но мир отражений разума, несмотря на свою всеохватность и универсальность, тоже оказался не последним. Непосредственное восприятие раскрыло бесконечность миров. Видимый мир, которым оперировал логический разум, присоединился к множеству незыблемых когда-то, но отошедших, на время, в прошлое миров, стал лишь частным вариантом восприятия бытия, к тому же вариантом, почти переставшим воплощать в себе понятие сознания, как когда-то это произошло с предшествующими ступенями. Но качественный переход к непосредственному осознанию соединил разум существ, бывших когда-то людьми, с созидательным началом Вселенной, показал источник любого осознания и вывел их за пределы сущего и не сущего, вечного и временного. Других принципиальных революций осознания, которые были бы неожиданны, непредсказуемы, неописуемы понятиями старого сознания быть уже не могло. Никогда, за всё дальнейшую историю мироздания. Путь развития будет вечен, вечны будут новые открытия, но мир не появится сызнова, так, как он появился, когда неживая материя стала живой и обрела

нервную систему, или, когда животное стало человеком и вошло в пространство культуры. Навсегда исчезло это чувство, что мы знаем этот мир, но это знание может обратиться в ничто, потому что нечто есть за гранью, невидимой пока что, даже скорее фантазируемой, но вдруг? На последней ступени окончательно исчез маленький мир. Не стало безызвестности, безысходности, отошли в прошлое вечные вопросы, что там, в бесконечной выси, как всё началось и чем это всё закончится, одни ли мы, и существует ли на самом деле этот мир, а если и существует, таков ли он, каким мы его видим? Мало того, всегда оставался шанс, что у нас нет даже возможности увидеть и понять реальность, как нет его у явлений, не обладающих разумом, и мы даже не представляем, в каком направлении нужно воображать, чтоб представить себе, каков мир на самом деле, потому что самого направления этого для нас не существует, оно недоступно нашей природе. Хотя, большинство людей не задавали себе этих вопросов, они жили в маленьком мире, ячейке, своей маленькой вселенной, среди множества таких маленьких индивидуальных вселенных. Когда же осознание появляется, назад пути нет. Никогда уже не станешь коконом бытия, затерянным в глубине миров, сознание которого полностью формируется непосредственным окружением. То есть, ощутить изнутри это можно, но часть тебя всё равно будет знать, что это лишь игра, что мир открыт, и тебе всё равно будет известен конец этой игры.

Но когда не осталось ничего невозможного, то и ограниченность восприятия не может стать непреодолимой проблемой. Мы в шутку называем это наркотиком. Как раньше люди употребляли психоделики, чтоб изменить сознание, так и мы используем это, чтоб снова вернуться ненадолго в маленький мир полусознательного прошлого. Правда психоделики — это не наркотики, но слово «наркотик» в этом контексте звучит смешнее сложного и очень конкретного слова «психоделик». Не буду описывать ту технику, которая позволяет вновь войти в маленький мир, это, конечно, не только вещества и даже не только энергии. Для описания её пришлось бы начинать с самых базовых понятий и перевернуть мир, в котором вы живёте. Кроме того, для вас это было бы лишь описанием. Смутным, бредовым, фантастическим. Как бы то ни было, мы называем эту технику замыкания в сознании прошлых ступеней — наркотиком «Маленький мир». Мы путешествуем с его помощью туда, вниз, в глубину мира,

перемешивая себя с ним, растворяясь в нём, забывая себя в нём. Это всего лишь опыт. Мы входим в состояние камня, в состояние бактерии, ящерицы, собаки, птицы, человека. Мы становимся ими на какое-то время. В отличие от непосредственного их восприятия, мы также обретаем их ограниченность. Далеко не все состояния и уровни сознания можно описать словами, человеческое сознание описать легче всего, человек формализует и структурирует мир с помощью слов. Когда мы входим в одно и то же сознание-реципиент в одной и той же пространственно-временной точке несколько раз, у сознания-реципиента возникает эффект *deja vu*, что само по себе интересно. Причём двойное *deja vu* сознание-реципиент явно отличает от *deja vu* многократного.

Вход.

Что-то так в ушах свистит, как бы голова сегодня опять не заболела, пасмурно сегодня, давление наверное низкое. Рыбки купить что ли, надо глянуть. Кефалька вроде свежая, можно приготовить сегодня, только чистить не очень хочется… или уже почистить. Почём она… по 55. Взять что ли рыбки три. Эх. Или уже ладно. Что сегодня на ужин-то есть. Ладно, потом возьму, творожка сегодня уже взяла и супчик ещё есть, сегодня доедим. Ух, скользко тут, осторожно. Вечно тут скользко, посыпали бы хоть чем-нибудь, упадёшь — костей не соберёшь. Щас на тот камушек, хорошо хоть перила есть. Болеть щас нельзя, зимние экзамены на носу. Ох-ох-ох, ещё 40 тетрадей проверить сегодня. Половину до сериала успею, а половину после. Тимофеев опять, наверное, одну чушь написал. Не, такой уже не будет учиться, пропащий человек. Что с ним делать, отчислять что ли. Надоело уже до чёртиков. У нас раньше в два раза сложнее программа была, и ведь учились. А эти не хотят. Деградируем. Такая рань, а уже темнеет, зима… Тьфу, яиц-то опять забыла купить, ну уже возвращаться не буду, перебьемся. Если бы ещё лето было — другое дело, а по такому собачьему холоду, ещё и по льду, ещё и стемнеет сейчас. Омлетик конечно очень хочется. Ну да в следующий раз не забуду, тьфу-тьфу-тьфу, не забыть, дырявая голова. Сводить их в новый планетарий что ли на каникулах… Эти недоумки, конечно, вести себя не умеют, или всех не брать, взять человек 5-10. Иванову, Казанцеву, Лукьянову… На Марс собираются высадиться. Столько лет назад на Луну сели, а до сих пор не могут Марс освоить. О, музыка хорошая, аж странно. А то такая глупость несусветная играет, самой стыдно, когда иду. Фух, утомилась, снег

убрать не могут, дожили, тяжело идти. Уже есть захотела. Сосёт. Надо будет перед ужином перекусить. А масло-то в доме есть? Не, дотерплю уже, перекусывать вредно. Так и загнуться не долго, в 70. А что там, один бог знает. Может и отдохнем там. Нет, мы лучше пока тут поживём, помучимся, чем там лежать. Будто это всё уже было. Вот этот грузовик тут проезжал, а я про то, что ещё поживу как раз подумала, и о том что там будет, того никто не знает, то тайна. Точно, было уже. И не раз, будто бы. Удивительно, как бывает. Так, если уже было, то я должна помнить, что дальше будет. А что дальше будет? Если не помню, значит и не правда, что это всё уже было? С другой стороны, я и так знаю, что дальше будет всё как всегда. Рука отваливается, холодно. Хорошо, картошку по морозу таскать не надо. Летом — осенью поработали. Вот сволочь, уже зелёный свет, а он едет. Скоро всех передавят. Надо сказать Люде, чтоб осторожнее были. Мишка уже сам на улице гуляет. Уже 8 лет, а я его только три раза и видела. Денег нужно целый капитал, чтоб съездить увидеться. Дожились. Раньше каждый год летали. Правда, конечно, не в Америку. Запыхалась. Хоть бы ступеньки почистили. Так, теперь туда, пусть проходят, а потом я… Почти пришла. О, капитализм построили, снег убрать некому, каждый раз думаешь — убьёшься или нет. Особенно, когда ноги уже плохо ходят. Куда ключи-то положила? Передохнуть надо, а то потом наверх. От детской площадки одна раздолбанная скамейка осталась, на что деньги собирают? Ну, хоть присесть есть где. Бедные дети. Да и кто сейчас детей рожает. Все с собаками гуляют. О, повыходили. Ну, правильно, на бывшую детскую площадку, где ж ещё собакам погадить, давай, и пошла дальше. А вот и вторая. Хорошо ещё на поводках. Вот с собаками и живут. Всё в тучах, интересно, завтра снег будет? Сейчас подтает, потом как подморозит и всё, только убиться, всё заледенеет нахрен, а завтра на работу по темноте. Надо сегодня прогноз послушать. А сколько времени -то? Хоть пару десятков тетрадей проверить успею перед сериалом? Зайти сегодня, что ли, в 32-ю, поспрашивать как дела… Нет, не успею, завтра уже. Когда соседний дом утеплили, в том году, да кажется, той зимой, а до нашего очередь, интересно, когда дойдёт? Небось опять деньги собирать будут, и половину себе в карман, ну как обычно. Надо кого-нибудь завтра на работе поспрашивать, как их утепляют. Продрогла, однако, уже. Пошла дальше. Хорошо, лифт работает, так бы с сумками не дотащилась. Ну и ветер возле дома, сдувает…

Выход.

Нет, нам не нужен этот опыт для анализа иных сознаний, или для восприятия того, что мы не можем воспринять непосредственно. Находясь в полном осознании непосредственного восприятия, мы можем воспринять, понять и почувствовать всё ещё глубже, тоньше и полноценнее. Наркотик «Маленький мир» — это чистое искусство, у него нет прагматической цели, это лишь способ ограничения сам в себе. Когда-нибудь также, без цели, полностью прошедшая свой путь монада, ставши частью бесконечности, снова возвращается в практически бессознательное существо, без страха и раздумий, потому что она уже знает, что нет никаких маленьких миров и ограниченных сознаний. Она одевается в оболочки мнимых ограничений, и, оставаясь, как айсберг в океане, основной своей частью в вечности, отделяет от себя маленькую частицу, которая бредёт во тьме и не подозревает о своей природе, заново рождая в себе миры и открывая для себя вновь, шаг за шагом, мир раскрытой бесконечности.

Постапокалипсис. Смены

So people who don't know what the hell they're doing or who on earth they are, can, for only $2.95, get not just a cup of coffee but an absolutely defining sense of self: Tall! Decaf! Cappuccino!

«You've Got Mail». Nora Ephron

Знаете, почему сейчас никто не хочет быть необыкновенным, фантастическим, выдающимся, особо успешным? Это не популярно, потому что не естественно. Это редкость, почти чудо. Я усмехаюсь, но это правда. Сейчас ценна естественность, банальность. Банальность. Благословенная банальность. Мещанские ценности тихого мира, где никто ничего не ищет и ни к чему не стремится, разве что в не реализуемых никогда планах. Люди хотят мелких делишек, очень человеческих проблем, хотят безволия, обычных среднестатистических жизней, никуда не ведущих, главное, оставаться там, где они есть. Движение вперёд изжило себя, оно ведёт в пропасть. К тому же, оно и так продолжается, без нашей воли.

Мы приходим домой после работы, которая просто работа. Кто-то там пьёт чай в перерывах, кто-то пиво — после, кто-то вечно что-то доказывает клиентам, кто-то завершает большие проекты и готовит годовые отчёты, кто-то делает лучшие в округе пиццы и консультирует компании в вопросах экологического законодательства. Приходя домой, мы раздражаемся на вечный беспорядок в доме, который развели дети, на опять куда-то подевавшийся пульт от телевизора. Ужин, бездумное и подобревшее состояние. Время от времени праздники. Мелкое счастье или мелкое его отсутствие. Не важно. Всё равно хорошо. Глинтвейн становится густым, если добавить молотый имбирь, картошка в мундирах в микроволновке посыпанная прованскими травами. Изжога от переедания по праздникам, блины с маслом — это особенно замечательно, но лень печь. И, слава богу, блины — это вредно, да и не приедаются. Мороженое с ледышками. Видно, было подтаявшее, а потом снова заморозили. А может, когда нёс с магазина, успело подтаять в рюкзачке. Интересно, сколько воды выкапывает за месяц из протекающего крана, стоит ли вообще

заморачиваться, чтоб менять пробки? Нет денег на новый второй монитор, но и старый, толстый, маленький не плох для просмотра фильмов. Единственное, что отравляет жизнь — это холодная постель. Ненавижу холодную постель. Хоть вообще не раздевайся вечером. А кто-то греет её феном, перед тем как лечь. Но мне так заморачиваться тоже лень. Я лучше потерплю…

Просыпаюсь. Неопределённое чувство болезненности, депрессии, голода, усталости и истощения, ломоты во всём теле. Вроде яркого света нет, но всё равно режет глаза. Глаза болят. Нет, только не это. Опять. Не хочу просыпаться. Не хочу сюда. Запах сырости, озона, матраса, каменных стен, горелой проводки, это самое страшное — горелой проводки. Этот запах приводит меня в действие. Ч-ч-чёрт. Не открывая глаз, медленно сажусь, снимаю шлем, мелкие присосочки, чмокая, отлипают от головы. Моя смена. Отсыревший матрас, наверное, от него так ломит и зудит всё тело. А почему так сыро? Коротнёт же. Да и лежать в такой сырости. Я уже и так болен. Как и все здесь. Чёртов кашель. Надо разобраться с кондиционером.

Значит, ничего этого нет и никого нет, ни её, ни детей, ни родителей, даже коллег с работы тоже нет. Каждое пробуждение — одно и то же открытие. Снова и снова. Это похоже на ад. Шесть дней в неделю обычная жизнь, а седьмой день — открытие, что никого нет и ты в аду. Розыгрыш. Может, лучше было бы просто умереть тогда, когда умирали все, чем проходить через всё это. «И живые будут завидовать мёртвым» — откуда это, уже не помню. А может, кто-то из них жив? Может кто-то лежит здесь? Я прохожу по залам спящих людей. Залов слишком много, кое-где трудятся одинокие дежурные, что-то чинят, что-то программируют возле мониторов. Вдруг один из спящих забился в судорогах — что-то замкнуло в его аппарате. Страшно даже представить, что происходит сейчас в его мире, наверное, он уже сошёл с ума. После такого редко остаются нормальными, дежурному приходится их добивать, они уже не могут адекватно взаимодействовать с системой, то спят, то не спят, то одно и другое сразу, там-то — это их дело, но, просыпаясь, они остаются тоже невменяемы. Слава богу, не на моей территории, слава богу, это не я сам.

Итак, за работу. Мне приходится разбираться в этой технике, хотя я далеко не специалист. Да и специалистов уже давно не осталось, по-видимому. Я разбираю заметки, оставленные

предыдущим дежурным. Что-то всё время выходит из строя. Самое слабое место — питательная смесь, если она забродит, весь зал, который питается из одного источника, превращается в живых, гниющих, погрязших в своих выделениях мертвецов. А дежурный, конечно же, отвечает за свой собственный зал, чтоб мотивация была выше. Делаю химический анализ, проверяю образцы биологического анализа, поставленные на инкубацию трое суток назад, и ставлю свои, увеличиваю дозу антибиотика в смеси, потом пытаюсь определить, откуда несёт запахом горелой проводки, откуда-то в моём зале или снаружи, замыкание — это не менее страшно, чем забродившая смесь. Проверяю основные системы, начиная с тех, которые не проверялись особенно давно, нахожу настолько дефектный модуль, что он ещё не развалился, видимо, только потому, что к нему никто не прикасался, работает по инерции, вот что значит отсутствие движущихся частей в системе. Заказываю новый модуль на складе. Есть во всём этом спящем городе несколько человек, которые никогда не спят и следят за системой в целом, за теми её частями, что находятся за пределами залов. Всего несколько, этого конечно не достаточно, но и нас, дежурных по залам, тоже отнюдь не достаточно. К слову сказать, проектировщики постарались вместить основную сложность систем внутрь самих залов и сделать залы максимально автономными. Снаружи остаётся склад, пути подачи кислорода с фильтрами, гидрогенератор электричества, питающийся от подземной реки, что ещё… Вызываю склад, заказываю новый модуль, сам начинаю разбираться, как же его отсоединить и подсоединить новый. Индивидуальный модуль рассчитан на то, чтоб передать на время функцию заменяемого или вышедшего из строя элемента системы другим индивидуальным модулям, так, чтоб жизнеобеспечение спящего человека не прерывалось. Обесточить систему просто. Программа имеет очевидный визуальный интерфейс, я, вращая на экране установку, выбираю нужный модуль и нажимаю на пункт меню «отключить для замены», но потом я должен отсоединить его вручную и правильно присоединить новый. Тут конструкторы постарались сделать всё так, чтоб минимизировать ошибки: пазы индивидуальной формы, провода уникального цвета. Но у всякой простоты и очевидности тоже есть предел. Достаю из памяти и вывожу на экран технические описания модуля и алгоритма его замены, изучаю, на это уходит час. Как раз приходит новый модуль.

Я уже давно со страхом обращаюсь на склад, если мира уже не существует, новые детали производить некому. Когда-то они должны закончиться. Мне кажется, они могут закончиться в любой момент. Но я ничего не знаю, это просто страх. Может их хватит на нашу жизнь и даже с запасом, а может заказанная мною деталь была последней. Кстати, вам не стало интересно, кто и за что согласился работать общесистемными администраторами и никогда не спать? У каждого из них пожизненное обеспечение. То есть, когда всё для всех закончится, и все поумирают, их индивидуальные запасы, которых им хватит на сто лет, останутся неприкосновенны.

Приходит новая деталь, полтора часа трачу на её замену и трёхкратную проверку всех соединений. После этого заменяю ещё два блока, которые уже вышли из строя, система сама оповестила об этом склад и, когда я проснулся, они уже были доставлены. Пока их функции выполнялись силами соседних модулей. Сменные дежурные никогда не встречаются, когда просыпается один, другой уже спит. Конечно, это не правильно, всегда должен кто-то бодрствовать, так раньше и было. Но биохимических ресурсов не хватает, а их гораздо меньше уходит на поддержание расслабленной физиологии спящего человека, поэтому время бодрствования всё сокращается. Я составляю лог для следующего по смене: результаты анализов, всё, что было заменено, найденные неполадки, ошибки системы, общее заключение. Недостаток питательных ресурсов ощущается как никогда. Я проснулся уже слабым и уставшим. Сейчас я еле соображаю и еле держусь на ногах. Главное, не думать о будущем. Главное, не думать. В конце смены я всё-таки долго проверяю свой модуль, бодрствование превращается в борьбу двух сил: с одной стороны – чудовищной усталости, которая стремиться сделать всё неважным, даже собственную смерть, только бы упасть и заснуть, невозможно двигаться, невозможно ни о чём думать и, с другой стороны — ужаса перед теми поломками, что я видел у других — это не просто смерть, это страшнее, это безумие, медленно ведущее к смерти такими путями, которых наш человеческий разум никогда не сможет представить. Моя смена уже закончилась, организм исчерпал все доступные для бодрствования ресурсы, но пока этот ужас побеждает, я продолжаю ещё раз проверять и перепроверять свой модуль, все его системы, все пазы, контакты и крепления, все жидкие среды. Пока какая-нибудь система не находится явно в критическом состоянии, таком, что, по идее, давно должна была

перестать работать, склад откажется её заменить, поэтому я всеми силами стараюсь стабилизировать работу своей развалюхи. Часто дежурный засыпает в кресле, так и не подключив себя к системе, тогда это делает следующий проснувшийся дежурный. Каждый из нас несколько часов существования в реальном мире совершает подвиг воли, делая почти невозможное, трудясь часами тогда, когда тело уже не может даже подняться, беря откуда-то силы там, где физически сил давно не осталось, ещё и ещё раз, за всеми мыслимыми пределами, будто мы не биологические существа, а какие-то духи или боги, будто мы вечно можем совершать невозможное, будто нам нет границ. Вспоминаю в последний момент ещё одну важную вещь, которую, по идее, должен был исправить я. Бреду к монитору и вписываю в лог: «Критически высокая влажность, возможно образование конденсата, ведущего к замыканию. Исправить кондиционер в первую очередь». Бреду снова к своему креслу, падаю в него, в полусне одеваю шлем, подключаю себя к питательной системе, надеюсь, я делаю это на самом деле, а не вижу сон, как я это делаю, как это проверить, невозможно, надеюсь, это всё-таки правда…

Вау. Вот это аттракцион. Вот это я понимаю развлечение. Как ещё в этом мире остаются секс и наркотики, если цивилизация способна дать человеку такой опыт. Наверное, государство специально финансирует эти исследования, чтоб граждане, получив заряд такого опыта больше ценили свою реальную жизнь.

— Вы в порядке? — улыбаясь, спрашивает меня девушка — инженер лаборант компании нейронального моделирования, имитации и нейропрограммирования.

— Да, всё отлично, спасибо. Это было просто потрясающе, просто невероятно.

— Замечательно. Вставайте, как будете готовы, и можете пройти в зал для гостей, прийти в себя, выпить кофе или холодный напиток. Если пожелаете, можете оставить отзыв на нашем сайте. Я дам вам буклет с нашей контактной информацией в интернете и нашими новыми проектами, может, вам понравится что-нибудь ещё.

Девушка протянула толстый, яркий, приятно пахнущий новым типографским изделием буклет-книжку. Я слеза с кресла.

— Одно только я не пойму. Почему я не помню, как пришёл к вам, у меня в памяти осталось только, что я заснул дома в постели?

— Да, это нормально. Только так и бывает. Определенная часть

памяти вырезается, иначе «там» вы бы помнили, что пришли к нам и знали бы, таким образом, что это всё не реально. А это — зря выброшенные деньги. — Девушка весело поморщила носик, улыбнувшись.

— Логично. Спасибо. — Я улыбнулся в ответ. У-у-у-ух, сколько во мне энергии. Йихо. Лучший способ понять как тебе хорошо — это почувствовать — насколько бывает плохо. Я ступил на мягкое ковровое покрытие светлого, с огромными окнами зала, приятный запах, какой-то такой высокотехнологический, по субъективному восприятию, это кондиционер так пахнет или ароматизатор такой, интересно? Запах будущего. Наверное, я этого никогда не узнаю. Я взглянул на большие мелко трепещущие на ветру деревья за окном и решил не оставаться тут даже ради бесплатного кофе, а пойти на воздух, хочу тёплого осеннего ветра, безумно по нему соскучился.

Уже когда я выходил на улицу, всё ещё вспоминая про бесплатный кофе, от которого отказался, моё настроение начало потихоньку приходить в норму — я вспомнил, сколько денег я потратил на это развлечение, каково моё теперешнее финансовое состояние, и осознал, что эту трату я не скрою от семьи никак. Да, не надолго меня хватает. Тут я ощутил какое-то неприятное чувство. Самообман, распознав который, становится особенно неприятно. Я, человек настолько безвольный, что не могу посуду за собой помыть, хожу ловить кайф от того, какой я герой в вымышленном мире, нормальному человеку не может не стать стыдно от этого. Ловлю кайф от своей жизни, которая в дерьме, сравнивая её с неизмеримо большим дерьмом. Да, это выход. Для таких, как я. Всё это пришло мне голову, пока я спускался с лестницы. Выйдя на усыпанную желтыми кленовыми листьями аллею и вдохнув сентябрьского воздуха я почувствовал, как мне снова стало лучше. Нет, всё-таки не так всё плохо, какие красивые листья плавают в лужах, жалко нет с собой фотоаппарата.

Искупление

Моим первым воспоминанием было, как мы гоняемся с родителями и няньками друг за другом вокруг большой белой беседки с колоннами на пригорке посреди большого луга. Я время от времени падаю на траву, громко смеясь. Я прожил среди этих любимых мною людей всю жизнь. Я рисовал и подписывал маме первую открытку, когда научился писать, няня помогала мне, учила меня разным художественным приёмам. Я поверял своей няне о своей первой любви, я мечтал, чтоб моя будущая жена была похожа мою мать, я восхищался ей, в детстве даже благоговел. И немного ревновал к своему отцу. Впрочем, я ещё в детстве решил, что он её достоин. В его кабинете всегда было безумно интересно. Головы оленей, скульптуры, огромнее красивые книги, написанные витиеватым готическим шрифтом, никогда не гаснущий огонь в камине, огромный глобус с приделанной к нему большой лупой, да много чего. Отца всегда было интересно слушать. В детстве, захотев с ним пообщаться, я сходу придумывал какой-нибудь глупый вопрос и заходил к нему, как будто узнать у него об этом. Он начинал объяснять и говорил, говорил, говорил, причём на дурацкие вопросы он отвечал очень интересно, я придумывал по ходу новые вопросы и слушал, слушал, слушал… Позже появились, конечно, и новые любимые люди, моя первая любовь, и вторая, и третья, самая долгая, которая меня пережила, мои дети, внуки. Я написал книгу воспоминаний, с желанием увековечить память о моих любимых близких людях. В чём смысл моей жизни, постоянно спрашиваю я себя. В чём смысл этого безмятежного счастья и любви, которыми была наполнена моя жизнь? Думаю, в нём самом. Ему не нужно внешних смыслов, оно само — сердцевина всех смыслов. Я выхожу на балкон на закате тёплым августовским вечером. Наш дом стоит на вершине холма, так что я вижу, как внизу верхушки деревьев слегка вздрагивают от ветра, слушаю звуки деревьев неподалёку, смотрю на загорающиеся звёзды и думаю о смерти: что я унесу с собой? Конечно, я возьму с собой этот упоительный запах летней ночи, это закатную тишину, этот полёт жука в темноте. Возьму с собой память о детстве, о детстве своих детей, возьму с собой память о наших первых месяцах с моей любимой, ещё до свадьбы, и первые

месяцы после свадьбы, возьму на выбор несколько встреч нового года, они все были по-своему хороши, возьму с собой даже мою собаку, она такой же член нашей семьи, и любит меня не меньше остальных, и ту собаку, что была до неё и которая умерла на моих руках от старости, спокойной умиротворённой смертью, чувствуя на себе мою руку. Да, придётся брать с собой всю мою жизнь, жалко расставаться с каждым мгновением, я люблю всё, всё для меня бесценно, всё наполнено смыслом. Когда я писал свои мемуары, я сознательно ограничивал себя, мне казалось, я могу написать толстую книгу о каждом мгновении моей жизни, о каждом событии. Я мог говорить бесконечно о каждом из своих близких, о моём доме, о моём городе, о лесе, простирающемся возле дома и таком бесконечно разном и неповторимом весной, летом, осенью и зимой, обо всех дворовых людях, даже о моём деле, которому я посвятил свою жизнь. Для меня и оно — глубоко личное и очень мне дорого, я не хотел бы расставаться и с ним после смерти. Совсем стемнело. Нигде нет столько звёзд, сколько видно с окрестностей моего дома. Млечный путь становится виден, как только стемнеет. Интересно, что будет там, после окончания этой жизни? Есть ли там что-то и, если есть, какая нам там уготована судьба?

Вот пришёл мой черёд уходить. Я лежу на смертном одре, и не боюсь смерти. Дай бог любому прожить такую светлую и насыщенную, как молоко, жизнь. Дай бог любому быть таким же счастливым и умирать в окружении таких прекрасных, таких любящих и любимых родных людей. Да, я делаю им больно своей смертью, но я знаю, они переживут, они слишком полны жизни, полноценны и здоровы, чтоб не пережить. Ещё немного и я дожил бы до правнуков. Моя внучка уже беременна. Плачет у моей постели. Не плачь, моя дорогая, тебе нельзя волноваться, посмотри, я спокоен и даже радостен, мне не о чем грустить. И тут она перестаёт плакать, в её взгляде появляется удивление и сосредоточенность, будто она не понимает что происходит, но уже чем-то обеспокоена. «Что случилось, дорогая, ты себя неважно чувствуешь?» Она, тяжело дыша, медленно опускается на пол, её лицо искажается, и она начинает кричать, пронзительно, всё громче. Господи, у неё начались схватки, все забегали, засуетились, стали звать прислугу, мне кажется, даже моя смерть отступила на время. «Положите её на диван, поднимите её скорее», «несите теплую воду, скорее воду», «говорил же я тебе, не волнуйся, тебе

нельзя волноваться». Тем временем схватки продолжаются, как-то слишком быстро, только успели положить роженицу на диван, уже и воды отошли, и вот появляется головка, нянька, исполнявшая роль повивальной бабки, вскрикивает и отскакивает. Но в ней и нет необходимости. Волосатое существо с ладонями обезьяны и головой кабана само высовывает руки, и, ехидно улыбаясь, помогает себе выбраться на свет. Кто-то в шоке хрипит, не в силах даже закричать, кто-то лежит без сознания, кто-то, как слепой, ищет выход из комнаты, натыкаясь на все предметы, кто-то просто заворожено смотрит, не в силах пошевельнуться. Тут мой сын поворачивается ко мне со странным выражением, будто хочет сказать: сюрпри-и-и-из, его лицо расплывается в улыбке и изо рта высовывается огромный, извивающийся, как змея, полуметровый язык, которым он, глядя на меня, поигрывает с грязно-эротичным подтекстом, да ещё подмигивает. Окровавленная внучка срывает с себя остатки одежды, с лёгкостью, невозможной сразу после родов, виляя бёдрами, подходит к моей постели, становится возле меня на колени, подпирает голову ладонями так, что её грудь оказывается прям возле моего лица и, вздыхая, произносит: «Ну что, дедушка?» Я понимаю по голосу, что она теперь — не моя внучка, с ней тоже что-то произошло. Подходит её младший семилетний брат с молотком и с невозмутимым видом с размаху бьет меня молотком по голове. Сестра даже не отстраняется, так и остаётся сидеть, подперев голову руками, моя кровь и мозги брызгают на её лицо и грудь.

Я оглядываюсь. Я нахожусь в каком-то узком пространстве из ходов и полостей, будто внутри гигантской губки. Вокруг меня они, они будто специально выглядят так, чтоб было не просто страшно, чтоб было изощрённо и извращённо жутко, чтоб сходить с ума от одного только их вида, чтоб, раз увидев, вскакивать потом всю жизнь от ночных кошмаров, это безумное сочетание животных и человеческих форм, эти сюрреалистичные улыбки на мордах, это не ужасы, это психически нездоровая карикатура на ужасы, и это особенно страшно. Тут я, каким-то внутренним чувством, может подсознательно уловленными чертами их морд, может по их движениям или просто непосредственным знанием понимаю, кому из моих близких соответствует каждое из существ, я вижу, что эти существа — это и есть те мои родные и близкие, кто сопровождали меня всю жизнь. Они произносят мои слова, те, которые я произносил в самые важные моменты моей жизни и обращал, получается,

к ним, и тупо ржут. Когда шок проходит, начинается животный ужас. Я сиплю, не в силах закричать, а их морды наливаются удовлетворением. Им явно хорошо, и они расходятся ещё больше. На моих глазах то один из них, то другой, превращаются, кто в мою мать, кто в жену, кто в сына, и разыгрывают, пошло остря, ржа и издеваясь, сцены из моего прошлого. Эти сцены отходят постепенно от своего сюжета и превращаются в кровавое побоище, в котором мой маленький внук тычет в меня отрубленной, гниющей, но продолжающей ухмыляться с высунутым языком головой моей любимой жены в возрасте нашей молодости, потом мой сын срывает одежды с обезглавленного тела моей разлагающейся жены, тело при этом оживает, и они, громко стоная от страсти, совершают передо мной сексуальный акт. Выдумки существ неисчерпаемы. Я наконец устаю от безумия и шока, впадая в какую-то прострацию, продолжая тихо хрипеть. Существа немного теряют свой пыл, видимо, наигравшись, и превращаются в тени. В моём истощённом рассудке роятся какие-то то ли мысли, то ли образы, кажется, я мысленно продолжаю обессилено стонать. Мой разум — враг мой, почти любая внутренняя активность моего рассудка или моей души приводят меня почти в состояние агонии. Тут я начинаю слышать голоса. Теперь эти существа внутри меня. Они слышат каждую мою мысль, ощущают каждое моё чувство, даже малейшее душевное движение не ускользает от них. Жалость к себе, возникшая во мне, подхватилась ими и с гоготом, пошло кривляясь, юродствуя и паясничая, пошла в разнос, была нравственно разорвана на куски. Настала очередь для остальных процессов, происходящих в моём сознании и в моей душе, любая мысль о себе, представляю ли я себя сильным или слабым, человеком или недочеловеком, грешным или праведным, несчастным или смерившимся, уродуется ими в самых непредставимых формах, камня на камне не остаётся ни от одной мысли, ни от одного чувства, даже ни от одного элемента самоидентификации. На огне опошления, опускания, изгаживания, публичного растаптывания сжигается всё, абсолютно всё, что есть во мне. Грязная свора внутри меня ждёт: ну-ка, эть, чего ещё выдаст? Абсолютные специалисты по всем формам извращений, уничижений, юродств и грязного абсурда, ничего не помогает от них, даже если сам решишь отречься от всего, что в тебе есть, само это желание будет изничтожено, как и всё остальное. Даже внутренне безмолвие — достаточный материал для его распятия, унижения и

самых бессмысленных, самых низких опусканий. Им не подсунешь подставную мысль, они всё видят, от них со страхом не спрячешь хотя бы самое святое, самое малое и безобидное, пытаясь не думать об этом, они были свидетелями моей жизни, с первых её дней, это они всё устроили, и они знают всё. Так продолжается долго. Бесконечно долго. Наконец, ничего не остаётся от моей человеческой природы, ничего меня больше не трогает, исчезла сама моя человеческая форма, уничтожено всё, что могло быть уничтожено. Во мне воцаряется глубокое безмолвие. Голоса стихают.

Меня оставили, по-видимому, ненадолго одного. Впрочем, и сейчас, наверное, они слышат меня. Моя память начинает проясняться. Я вспоминаю, что таких подставных жизней уже было бессчетное количество. Вспоминаю, что им нужно от меня. Они питаются моей болью. Когда-то они пытали меня физически, но видимо, больше их удовлетворяет боль душевная. Одно время они погружали меня в вымышленную жизнь и пытались выколотить из меня энергию страдания прям там, разыгрывая ужасы смертей, убийств, самоубийств, пыток, сумасшествий, мучительных голодных смертей, чудовищных предательств, трансформаций и даже пожираний моими любимыми людьми друг друга. Каждый раз выдумки их были так изощрённо чудовищны, что я практически сходил с ума, и на этом очередная игра заканчивалась. Теперь они перешли к другой стратегии: подстроить всю жизнь целиком от начала до конца, а потом изничтожить её на корню, минуту за минутой, не оставить ничего из того, что сформировало моё «я», мою человеческую личность, ничего из того, что только могло быть для меня важно, свято или дорого. Это похоже на медленное перемалывание между гигантскими металлическими шестерёнками, когда тело ещё живёт, а конечность, включая кости, уже превращается в фарш, потом другая конечность, туловище, грудь, а разум всё живёт и не имеет спасительной способности упасть в обморок от болевого шока, только глаза вылезают из орбит и лопаются сосуды в мозгу от боли. И так повторяется раз за разом. Я вспоминаю бесчисленные вариации своих вымышленных ими земных жизней. Я чувствую, что где-то там, на земле, оставшейся в иных мирах, когда-то бесконечно давно, в давно ушедших эпохах и была первопричина, начало и суть всего. Но какая же жизнь моя настоящая? Я не знаю, я уже ничего не знаю, не могу знать. Любое знание может быть их очередной внушенной уловкой.

Я вспомнил момент смерти, похожий на момент засыпания, вспомнил, как бегали и суетились окружающие, и как начался первый сон, как я начал сомневаться, что это сон, потому что он всё продолжался и продолжался, как граница сна и яви вообще потерялась, меняясь столько раз, что вряд ли я когда-нибудь ощущу прежнюю незыблемость картины мира. Какой-то странный страшный бред открылся по ту сторону жизни... После того, как голоса земного мира стихли, началась чреда то ли снов, то ли странствований. Стабильность данности существования, казавшаяся такой скучной, оказалось потерянным благом, растаявшей иллюзией. Когда-то мы вызывали духов и пытались увидеть в очертаниях мира, поплывшего от травяного варева, знаки иной стороны бытия. И вот я сам на иной стороне, земное прошлое встроилось в чреду смутных воспоминаний и стало лишь беспредметным странствием, в котором меня всё сильнее перемалывают жернова мира, всё страшнее будущее, всё неясней прошлое, всё слабее моё «я», теряющее всякую ориентацию, всякую почву под ногами.

Смутным тягостным воспоминанием, навалившимся, как давняя усталость, я вспомнил мир то ли всегда погружённый в сумерки, то ли от природы бесцветный и серый, вспомнил вечный голод и холод, прерываемый сном со сновидениями в точности повторявшими явь. Правда в детстве, в том мире, мне во сне иногда приходили прекрасные и фантастические картины иных миров, теперь я понимаю, что это были картины моей прошлой, земной, жизни. Они наполняли меня жгущей изнутри тоской, которую я пронёс сквозь всю свою жизнь. Тоска эта была единственным моим светлым и живым чувством. Медленно тянулся иногда тяжёлый, иногда просто монотонный, но всегда бессмысленный труд, который мы делали плохо, как рабы, но постепенно всё же оканчивали, и тогда приходила другая работа. Работа началась ещё в раннем детстве. Когда мы были там детьми, у нас, по-видимому, не было даже инстинкта игры, возможно, не хватало на игры энергии, а может и не нужны они были в этом безжизненном мире. Мы тихо сидели, притаившись по углам, и наблюдали за взрослыми, благодарные, когда нас не трогали. На моих глазах рано умерли родители, кашляющие кровью от стеклянной пыли. Начал кашлять с детства и я. Работая, я бесконечно натираю тряпьём что-то промасленно-металлическое, или толку то же стекло, которое толкли мои родители, кашляя и задыхаясь от стеклянной пыли.

Вытоптанная земля чашевидной котловины, в которой находится наша деревня, полностью лишена растительности. Что-то растёт за её пределами, но столь скудное, что об этом не стоит даже упоминать. Тем не менее, эта скудная природа даёт нам скудную пищу, которой еле хватает, чтоб поддержать нашу популяцию. Серое небо без звёзд, серая земля почти без жизни, серые люди, уставшие, тупые и больные, как зомби, еле влачат своё существование, даже не особо цепляясь за жизнь. Меня постигла судьба моих родителей, я умер без страха, без особого страдания, с тупой болью и непониманием происходящего.

Дальше вспоминается движение во тьме, будто я куда-то плыву, потом, вращаясь, засасываюсь в какую-то гигантскую воронку. Как ни странно, вскоре я начинаю ощущать себя, будто не умирал вовсе, встаю на ноги, пытаюсь ощупью найти выход. Нахожу его. Выхожу на безжизненную поверхность пустыни, очень похожую на мой мир. Но тут ночь. Проходит много времени, но рассвет не наступает, всё так же темно. В полной темноте и тишине, когда органы чувств привыкли, начинаю, как будто ощущать чьё-то присутствие. Причём сначала вдали, а потом всё ближе. Наконец вокруг себя. То слышу чей-то вздох, то шорох. То вижу, будто чьи-то следы. Мне некуда спрятаться, нечем укрыться. Я, постоянно в страхе озираясь, брожу в тщетных попытках найти убежище, пока не опускаюсь на землю от усталости, сворачиваюсь калачиком, и, дрожа от холода, наконец, засыпаю. Во сне я чувствую, будто кто-то медленно подошёл ко мне, остановился надо мной и смотрит. Я холодею от ужаса. Что-то мягкое коснулось моей шеи. Я хочу закричать, вскочить, но сон слишком крепок, я пытаюсь себя растормошить, расшевелить, чтоб наконец проснуться, истошно ору во сне, мечусь, и начинаю просыпаться. Что-то увидело, что я просыпаюсь, и поспешно убегает. Я открываю глаза, но надо мной лишь тьма, пустота. Так проходят, по-видимому, долгие годы. Здесь нет ни смен времён года, ни смен времени суток. Но я в страхе засыпаю и в страхе просыпаюсь бесчисленное число раз. Иногда кто-то орёт мне на ухо, когда я сплю, иногда я чувствую какой-то укол, иногда призраки окружают меня такой плотной стеной, что мне кажется, что я в толпе, но это всего лишь безумие окружающего пространства, я остаюсь в одиночестве, у меня нет даже прямых доказательств чьего-то присутствия, но тем не менее, находиться тут бывает просто невозможно, всё живёт мёртвой жизнью, всё дышит

холодным дыханием, всё толкает, всё пугает, всё склонилось надо мной, а мне некуда спрятаться от этого.

Однажды я спал на удивление спокойно. Я даже как будто выспался. Просыпаясь, я долго лежал с закрытыми глазами, размышляя над тем, почему так тихо вокруг, почему всё будто уснуло или оставило меня в покое. Я лежал как можно дольше, не шевелился, мне казалось, что этот мир забыл обо мне, и если я пошевелюсь или открою глаза, я напомню о себе, и он меня снова заметит. Наконец, я приоткрыл глаза и увидел, что всё изменилось. Раньше вокруг была ночь, но, как и во время земной ночи, небо содержало немного света, так что, когда глаза привыкнут, можно было видеть всё вокруг, сейчас же небо стало абсолютно чёрным. Земля, в свою очередь, стала местами слабо фосфоресцировать. Особенно ярко фосфоресцировали небольшие грибоподобные растения, рассеянные по тёплой и почти ровной пустыне. То тут, то там светились ещё более слабым светом участки самой почвы, освещая пространство непосредственно внутри себя. Между этими участками была непроглядная мгла. Вдали виднелись отроги острых скал, вершины которых были очерчены всё тем же слабым сиянием. Картина окружающих пространств казалась даже красивой, хотя и мрачной. Здесь меня ничего не тревожило, этот мир оказался комфортнее предыдущего, но бесконечные дни и недели, потянувшиеся в одиночестве, в полнейшей тишине и почти полной темноте обращали меня всё больше к единственному живому существу, даже к единственному предмету, на который тут можно было обращать своё внимание — к себе самому. В памяти будто всплывало что-то жуткое и страшное, что отказывался принимать разум, казалось, мне уже никогда не будет ни покоя, ни надежды. Вся Вселенная, казалось, была погружена во тьму, одиночество охватывало тисками тишины и неподвижности. Я бегал, носясь по мраку, мечтая сломать себе шею, падая в изнеможении и валяясь по земле. Я лежал, не двигаясь так долго, сколько мог. Я сидел в глубокой задумчивости, не пытаясь ничего вспомнить, но пытаясь, как бы найти выход. Не из этого мира, отсюда выхода не было, а выход вообще, выход существа, которое не может умереть, но не может больше и жить так, и надо что-то делать, но сделать ничего нельзя, или я, по крайней мере, не могу придумать. Я хотел бы найти такой уголок Вселенной, куда можно было бы забиться и решить проблему своего существования на веки вечные. Иногда

грусть превращалась в ужас и отчаяние, я наиболее отчётливо понимал, что выхода нет. Но, иногда, я, как будто, убеждал себя, что Вселенная не может быть вся такая, что всё, что когда-то началось — когда-то и закончится. Когда-то наступит что-то иное, а может и что-то хорошее, пусть не сейчас, и не после того, как этот мир пройдёт, но вообще когда-нибудь, в принципе. Это слабое утешение. Но это лучше, чем ужас абсолютной безысходности.

Однажды я пошёл к фосфоресцирующим вдали скалам. В мире, где всегда царит ночь, и время существует лишь внутри тебя, можно идти куда-то вечно и расстояние — это лишь индикатор твоего внутреннего состояния. Я взбираюсь на ощупь вверх по скалам, всё выше. Взбираюсь долго. Натыкаясь на непреодолимую преграду, возвращаюсь на ощупь. Шарю по лабиринтам камней, иногда вожу руками по воздуху над пропастью, пытаясь найти очередной уступ. В темноте каждый раз, когда не находишь руками впереди опоры кажется, что ты висишь над бездной. Это безумие — лезть туда в темноте. Но только этим новым безумием можно перебить безумие простого существования в этом мире. Теперь я не знаю, как высоко я над землёй, вверху надо мной кромешная тьма и внизу кромешная тьма. Только призрачно светится вершина уже неподалёку, туда я и направляюсь. Взобравшись на вершину этого мира я, наконец, распрямляюсь, раскидываю руки, поднимаю голову к небу, глубоко вздыхаю и опрокидываюсь вниз, в чёрную пропасть по ту сторону скал. Я лечу, лечу, и падаю на что-то мягкое. То ли я так разбился, покалечился, но ещё не умер, и моё тело, онемевшее от удара, воспринимает поверхность пустыни как что-то мягкое, то ли действительно я упал на что-то мягкое. Скоро сомнений не остаётся: я начинаю погружаться в эту мягкую трясину. Я попытался встать, но ухватиться не за что, и я постепенно погружаюсь: сначала ноги, потом тело, я инстинктивно хватаюсь за трясину, дёргаюсь, стараясь вырваться, когда на поверхности остаётся лишь лицо, вытягиваюсь изо всех сил, чтоб сделать последний вздох, судорога сводит тело, задыхающееся и бьющееся в агонии, я чувствую, как мой открытый в ужасе рот наполняется жижей трясины…

Я не помню своего детства. Оно было исключительно бессознательным. Сознание начало просыпаться во мне с половой активностью, когда я начал выделять по запаху одно из существ в своём окружении. Обычно себе подобные вызывали во мне отвращение, бесформенные волосато-слизистые, робкие жалкие

существа, прячущиеся в стойбищах-убежищах, где птицы не могли нас застать, и активизирующиеся только под действием сильнейших желаний, гонящих нас из убежищ. Все были такие же, как я, и видеть свою природу со стороны было страшно и тошнотворно. Но это существо непреодолимо притягивало к себе и, гоняясь за ним, я вместе с другими начал выбегать за пределы убежища. Однажды я, не в силах оторваться от запаха, стелящегося за ним, набросился на него посреди пустыря, наполз на него, мы переплелись и стали наполняться слизью, как распластанные улитки, я долго-долго овладевал им, совершая волнообразные движения всем телом, истекая из всех пор чем-то, что оно с жадностью поглощало. После оказалось, что я должен кормить потомство, так что мне пришлось обретать какое ни какое сознание и, преодолевая страх, выходить для сбора пищевого мха. Страсть была недолгой, остался лишь страх. Выходить из убежищ за пищей оказалось опасно. Чёрной бездной простирались широкие реки посреди залитого инфракрасным светом мира. Из бездны выходили огромные птицы со смотрящими сквозь нас полными скорби глазами и, укрывая нас крыльями, всасывали, оставляя на земле лишь скелет. Я не увидел, как выросли мои дети, впрочем, не сильно жалею об этом, родившись, они, как клубок червей, извивались в неприятно пахнущей слизи, и хрипло тонко попискивали. Я бы их сразу же утопил, но мне не позволили.

И я был всосан через поры во чрево большой птицы, что оказалось совсем не страшно и не больно, птица выделяла какой-то транквилизатор, так что я даже не пытался сопротивляться, понимал бесполезность, только чувствовал, как что-то проникает в моё тело, растворяет его, и я начинаю стекать, а что-то меня слизывает тысячью маленьких язычков и всасывает в себя. Как ни странно, такое же состояние отсутствия почти всех мыслей и ощущений, в которое меня привёл транквилизатор птиц, сохранялось во мне и в состоянии переваривания. Сохранялось и сознание. Я уже не имел формы, я был жижей, выделенной птицей, и медленно, перегнивая, просачивающейся куда-то вглубь болота, состоящего из нечистот больших птиц. Одно чувство сохранилось во мне во всей своей остроте — отвращение, никогда ни до, ни после мне уже не случалось быть живым жидким экскрементом. Я был теперь лишён активного, способного к движению, оформленного тела, но слизь, в виде которой я был выделен, всё же держалась единым комком.

В отхожем месте птиц, оказывается, тоже кипела жизнь.

Вокруг меня плавали какие-то черви с явно осмысленным, почти человеческим взором, размером с кошку. Они вызывали во мне инстинктивный ужас, но уйти от их трубчатого рта я не мог. И они, проплывая мимо меня, отдирали от моей разлагающейся плоти по куску и плыли мимо. Я даже не мог подать знак, что я разумное существо. Я был лишь куском биомассы. Вскоре цельного меня вообще не осталось. Но моё «я» каким-то образом продолжало существовать. Сразу после растворения в желудках червей с осмысленным взором я оказался в медленном потоке, движущемся по гнетуще-мрачному миру. Весь мир находился под высоким сводом как бы уходящей вдаль пещеры, мрачной, залитой непонятно откуда исходящим полусветом. Поток будто олицетворяет собой неизбежность, внутреннее состояние моё раз за разом, мир за миром, становилось всё хуже. Поток тоже несёт меня, превратившегося в распадающиеся останки и непонятно почему сохраняющего сознание, явно не в лучшие миры. Я пытаюсь сопротивляться потоку, цепляться за стены пещеры, отчаянно мечусь, или мне только кажется, что я мечусь, мне трудно контролировать свою внешнюю форму, я уверен лишь в своём внутреннем состоянии. Как бы то ни было, конец потока уже близок, мерное бесстрастное слепое течение не изменяет своей скорости, плавно неся меня, наполненного страхом и паникой, к какому-то очередному переходу, всё ближе и ближе, хоть бы течение замедлилось или ускорилось что ли, мне кажется, меня сейчас перемелет какая-то бесстрастная машина. И вот меня вместе с потоком выплёскивает…

Воды потока выплеснулись не во что. Они исчезли, стали пустотой. Будто их изображение повернулось под другим углом и поэтому стало невидимым. Их внутренняя сущность не изменилась, просто в мире, куда я попал, она перестала существовать. Перестал существовать и я. Сначала будто вовсе. Но удивительное явление: как глаз, привыкнув к темноте, начинает различать слабый свет, который раньше казался кромешной тьмой, как ухо начинает различать звуки, привыкнув к полной тишине, так и сознание, привыкнув к почти полному небытию, рано или поздно начинает замечать, что оно всё-таки существует. Больше нечего сказать об этом мире, в котором не было ничего, кроме слабо брезжащей искры моего самосознания посреди вечной пустоты. Впрочем, в этой пустоте возникло и другое чувство — что что-то меняется, впереди меня ещё что-то ждёт, позже я ещё более уточнил своё ощущение — меня

что-то ждёт внизу, я будто куда-то падаю. Скоро я почувствовал и конец моего падения — бесконечная розоватая ровная поверхность недвижимого раскалённого моря, в которое я, наконец, врезался и тут же пошёл на дно. Хотя у меня не было тела, та субстанция, из которой ещё состояло моё существо, видимо, начала сгорать в этом море, поэтому я запомнил такую боль, что не осталось ни мыслей, ни памяти, только агония, и ужас безысходности, потому что разве же может быть возможным выплыть назад из этого тяжёлого бесконечного раскаленного моря, да и ещё отделённого от мира прослойкой небытия, если я безволен даже пошевельнуться и могу лишь медленно опускаться на дно, как камень. Значит, и буду я лежать где-нибудь там, на дне, в такой агонии, что и секунды выдержать не возможно. Сейчас припоминаю, как погружение начало постепенно замедлятся, как море становилось всё более вязким, но тут началось его как бы бурление, избивавшее меня сполохами и потоками раскаленного вещества. Осознавать я мог, но агония была такой сильной, что осознание мне не пригодилось, я не мог сосредоточиться на чём-либо ни на мгновение, я весь был сплошной внутренний вопль. Я чувствовал, как я сгораю изнутри. Оценить, сколько это продолжалось, невозможно, на времени тоже нужно концентрировать внимание. Крик агонии был вне времени. Но те мои оболочки, которые стали моим мучителем в этой среде, постепенно сгорали или растворялись, так что мой крик начал стихать. Бурление закончилось, я же продолжал опускаться всё ниже. Море продолжало густеть, соответственно я опускался всё медленнее. В какой-то момент я перестал что-либо чувствовать, видимо все мои оболочки сгорели, но я чувствовал, скорее сознанием, а не ощущениями, абстрактно, некоторое пространство этого океана вокруг себя. Как будто огонёк сознания, оставшись совсем без тела, начинает принимать за тело просто шарообразную область окружающего пространства, что бы в нём не находилось. Скоро море стало таким густым, что я почти завис в нём. Неподвижный, бестелесный, висел я в каких-то неведомых пространствах, оставленный наедине с собой. И не было ничего, на что могло бы обратиться моё сознание, что-либо существовало только внутри меня. Я начал вспоминать, в памяти прояснялись, поддаваясь концентрации моего ничем не отвлекаемого сознания, моменты последней жизни, предыдущей, ещё одной. Долго, медленно, неуклонно, так постепенно в сознании возникли картины земного

бытия. Я начал чувствовать, причём не только всё то, что чувствовал когда-то я, но и что чувствовали другие вокруг меня. Оказывается, я знал это всегда, чувствовал это всегда, но не обращал на это внимание, как бы отворачивался от этого, не принимал в расчёт, убедил себя, что не знаю, не чувствую или принципиально не интересуюсь этим. Теперь преграда между моим «я»» и «я» всех тех, кого я встречал ранее, исчезла. Теперь я был всем пространством, всем действом, разворачивавшимся вокруг меня. Причём, оказалось, я был свидетелем не только того, что происходило непосредственно на моих глазах, каким-то чудом я вспоминал и отчётливо видел, что происходило по моей вине в других комнатах, на других улицах, в других городах, что происходило гораздо позже моего влияния, даже то, что происходит сейчас. Мало того, я осознал, что видел это всё и раньше и знал это всё изначально, хотя и не был способен добраться до этого знания. Я увидел своё рождение, детство, молодость, я проживал снова и снова каждое мгновение жизни. Некоторые мне нравились, я с радостью вспоминал их, вспоминал наши игры во дворе, первый урок, празднично украшенный в день Нового года дом, вспоминал, как астроном показывал мне, маленькому, созвездия, и как меня узнавала моя пони, когда я входил на конюшню. Но тут сознание наталкивалось на то, от чего я с радостью бы отвернулся, но отвернуться я не мог. Я видел во всех подробностях, как убивают мою мать, как отец самолично вешает или перерезает горло тем, кого считает своими врагами, видел долгие истории во всех подробностях, как жили рабы вокруг меня, как жили они, уже будучи моими, как я вскрывал их живьём, как лягушек, чтоб увидеть, как работают органы у живого человека, вспомнил, как горели они живьём на кострах, принесённые в жертву богу, имя которого я всё время забывал. Я проживал жизнь и свою, и их, и их родных, и их родителей, и их потомков. Я оказывался в своём сознании не раз на их месте, огонь раскаленного моря вернулся вновь, уже не извне, а изнутри, вернулся агонией ужаса, не оставлявшей места никаким интерпретациям и рассуждениям. А проживание всё продолжалось, и остановить его, переключиться или отвернуться было не возможно. Вспомнил зрелость и старость. Вспомнил последние годы и дни жизни. Вспомнил тех девушек, которых я клал вокруг себя, чтоб своей молодой энергией они отсрочивали моё одряхление, я не то, чтобы верил в это, но делал это на всякий случай — а вдруг они таки и принесут мне хотя бы одну

секунду продления жизни. После нескольких ночей я убивал их, чтоб они не рассказывали никому о моей дряхлости, о том, что я был не способен даже овладеть ими, разве что пальцами, что я и пытался делать время от времени, наслаждаясь их запахом. Вспомнил, как уже почти не мог двигаться, и раз или два раза в неделю меня погружали в ванную тёплой детской крови, лекарь предположил, что это может омолодить мой организм и придать мне жизненной энергии. Я проживал жизни каждой этой девушки, каждого этого ребёнка, раз за разом. Как-то в детстве я разбил окно в одной из залов и убежал, не сказав никому. Никто сразу не пришёл на звон, может, никого поблизости не было. Через какое-то время по дорожке, усыпанной битым стеклом, прошла процессия собравшихся на охоту друзей отца с прислугой. Отец уже выехал из дома. Процессия состояла из множества лошадей, холёных, специально выведенных и отобранных собак, если бы кто-то из них порезался, был бы такой скандал, что и представить не возможно, отцу пришлось бы публично извиняться перед ними и возмещать убытки. Когда мой проступок открылся, меня поругали за разбитое окно, и отец спросил прислугу и домашних: надеюсь, никто не порезался? Нет, нет, никто, точно никто, закивали все в ответ, и я активнее всех. Тут я мог бы быть уверен, хоть в этом правда была на моей стороне. Хотя уверен я был только внешне, внутри я с облегчением вздыхал — слава богу, хоть тут пронесло, всё могло бы быть гораздо хуже. Но в этот раз меня не пронесло, чем дальше, тем было хуже, и в моей жизни, и в её последствиях, простиравшихся гораздо дальше моего ухода, шаг за шагом, страница за страницей, нигде не проносило, я видел сошедших с ума матерей, изуродованных отцов, пытавшихся проникнуть в мои покои, чтоб убить меня, которые вместе с семьями, лишившимися кормильца, умирали с голоду, видел, как родители несли хоронить обескровленные тела своих младенцев. Снова и снова, снова и снова. И длилось это будто бы вечность, но не ту проносящуюся вечность, где время, будто не течёт, вечность, прожитую секунда за секундой, за жизни всех, кто когда либо были вокруг меня и всех, кто ощутили последствия моего существования уже после меня.

Но и такая вечность кончается. Оказывается, я медленно и незаметно всё же опускался, пока не достиг дна раскалённой субстанции. Под ним была пустота. Постепенно, опускаясь в пустоту, я обнаружил, что у меня снова есть тело, оно отделялось

от субстанции моря очень медленно, миллиметр за миллиметром и повисало в пустоте. Видимо, в центре было что-то вроде гигантского пузыря, не пускавшего вниз массу океана. На каком-то этапе я почувствовал, что могу шевелить теми частями тела, которые свешиваются вниз. Я опускался и высвобождался так медленно, будто я не опускаюсь, а вырастаю из затвердевших низших слоев океана. Я с удивлением обнаружил, что у меня появились конечности, потом стал ощущать форму всего тела. Наконец, я упал вниз. Я приземлился на какую-то покатую поверхность и заскользил вниз по узкому тоннелю. Когда крутизна тоннеля уменьшилась, моё падение остановилось. Тогда я сам направился ползком дальше и полз, пока не упал в небольшое помещение. Я ощупал себя: теперь у меня не было рук, я был грубо высеченным из какой-то плоти животным с четырьмя ногами, заканчивающихся ступнями, как у слонов, и головой, но без носа и рта, только с глазами и отверстиями на месте ушей. Я осмотрел помещение, в которое попал. Из него шли во все стороны несколько ходов, пол был неровный, похоже, помещение было лишь расширением тоннеля в месте его развилки. Всё вокруг было залито сумрачным алым светом, который излучали сами стены, окружавшие меня. Я решил пробраться в один из самых горизонтальных тоннелей, чтоб можно было, при необходимости, потом вернуться. Тоннель оказался не длинным, другой формы, и тоже заканчивающийся развилкой. По дороге я заметил множество отверстий и впадин разного размера и формы. Побродив так некоторое время, я понял, что попал в большое пещеристое тело, оно всё состояло из множества больших и маленьких отверстий, ходов, тупичков, впадин и выступов. Что же мне тут делать? Я решил выбрать направление и двигаться преимущественно туда, даже если тоннели будут заканчиваться тупиками или сворачивать, тогда только буду искать другой проход. Но задуманное оказалось не так-то просто выполнить, системы тоннелей, которыми приходилось обходить тупики, тянулись долго и извилисто в совершенно произвольных направлениях, тупиком часто заканчивался с таким трудом найденный путь, я понял — в этом хаосе нельзя двигаться в каком-либо одном направлении. К тому же, я довольно быстро потерял ориентацию и несколько раз выбирал её заново. Через довольно большой промежуток времени, заполненный бессмысленным блужданием, я начал замечать вдали будто какие-то звуки и улавливать краем глаза иллюзорные

движения, которые пропадали, когда я сосредотачивал взгляд. Забавно, когда у меня появилось какое-то очередное тело, я приобрёл способность сходить с ума от одиночества. Хорошо, что в этом теле мне не нужно спать. Постепенно пространство оживало всё больше. Я стал чувствовать нарастающее беспокойство, переходившее в явный страх. Я заметил, что в этом теле я стал более чувствительным, эмоции обострились, если это испуг, то испуг в полнейшем осознании, яркий, режущий, пронизывающий, если жалость и скорбь, то мировые, если безразличие, то какое-то трансцендентное, мировое молчание. Ещё я заметил, чем больше я тревожусь, тем сильнее оживает пространство. Наконец, я решил перестать блуждать и забился в какую-то небольшую нишу, плоскую и вытянутую, но высокую настолько, что там можно было и сидеть и лежать. Там я был ограждён с трёх сторон, сверху и снизу стенами и мог видеть всё свободное пространство перед собой. Я сидел там довольно долго, наблюдая, что происходит вокруг. Пока я прямо и пристально смотрел на какое-то место, оно оставалось спокойным. Только звуки, доносящиеся из щелей и тоннелей, становились всё громче: безумный шёпот, вой, стон, лай и визг, смех и крики слышались со всех сторон, но тоже как-то призрачно, не было ни одного звука, не остающегося под вопросом, я так и не пришёл к заключению — реальны эти звуки или это я схожу с ума всё сильнее. Укладываясь в своей нише поудобнее, я ворочался, вертелся на месте, пытался лечь на спину или на бок, и, повернувшись в очередной раз лицом к стене возле которой лежал, я заметил краем глаза что-то выступающее из стены, чего раньше не замечал, резко повернулся туда и взвыл, в ужасе выпучив глаза, подпрыгнув, так что ударился о потолок ниши, заскользил ногами, потеряв координацию, визжал, не в состоянии отвести глаз от увиденного. Из стены ниши на меня бесстрастно смотрели неподвижные животные глаза посреди наполовину влитой в стену животной морды, что-то среднее между мордой волка и кабана. Голова завыла…

Замок

Величественные, головокружительно гигантские своды, арки, колонны, витиеватые резные украшения, узкие тёмные лесенки, вьющиеся внутри стен и выходящие на балкончики, расположенные на разной высоте, маленькие дверцы, ведущие с площадочек этих лесенок внутри толстых стен замка, за которыми маленькие, но уютные, потайные комнатки, с деревянными тяжеловесными кроватями, застеленными пуховыми перинами, большими столами из тёмного дерева, кожаными высокими креслами, с каминами, погребами, выходами в другие потайные комнатки. Смешение неясных стилей объединяет мощные каменные стены и лес изящных подпорных конструкций, переходящих одно в другое, пространства округлых сводов, уходящих в поднебесье, и огромные, но кажущиеся невесомыми, колонны с витиеватыми капителями. Всё объединено какими-то опирающимися на внутреннее совершенство законами, гармония которых проявляется во всём. Я — единственный житель замка. Я так же вечен, как и он. Окна замка темны. Они замурованы небытиём. Из хаоса небытия по законам, которых, возможно, вообще не существует, по анти-законам непознаваемого хаоса, порождающего иллюзию воплощённого бытия, быть может, был создан этот мир. Не знаю, единственный ли это существующий мир, или существуют другие, и смогу ли я их существование признать за существование, но мой замок — это всё что существует в моей Вселенной. Кто сотворил этот мир? Был ли его творцом случай, творящий бесконечность различных миров, среди которых случайно возникла и такая конфигурация мира, или творец был разумен и целенаправлен? А может, и то, и другое одновременно? Конечно, глядя на мой мир и на меня самого со стороны, приходит в голову идея о разумности творца. Но мало ли какие идеи могут приходить при взгляде со стороны, я не знаю никаких средств проверки этой теории.

Я не помню своего прошлого, своего возникновения. Моё существование длится в неизменности немыслимо, непредставимо долго, если у него есть начало, оно скрыто в тумане забвения, так же, как начало моего мира. Возможно, начала вообще не было, в смысле бесконечности временного существования меня и моего

мира в прошлом, или в смысле его мгновенного появления, как мгновенно появляется всё видимое, когда включается свет, в таком виде, будто это уже серединная точка существования. Я давно облазил все уголки замка, но изредка всё же продолжаю находить какие-то неизведанные области, делать маленькие открытия. Такое открытие образует новую эпоху. В глубоких нишах и на полках, изящно вписанных в интерьер, покрытые слоем пыли лежат толстые фолианты, исписанные какими-то непонятными мне письменами, шкатулки с какими-то странными и красивыми предметами, рукописи, карты. Если у всего этого была какая-то история, её можно проследить. Найти следы инструмента каменотеса, которых нет сейчас в замке, определить характер писавшего книги, по особенностям почерка и опечаткам. Всё это находится, но не могло ли оно появиться одномоментно вместе с замком? Откуда, прежде всего, я обладаю теми представлениями, которыми обладаю? Откуда в моей голове эти слова, обороты, сравнения, в том числе касающиеся явлений, которых я никогда не видел? У моего «я» есть история? Похоже, что нет. Должна быть. Но я и мир вокруг меня будто вырезан из какого-то большего мира и помещён отдельно, так что всё, что оказалось внутри, поставлено под вопрос и существует теперь в виде чуда, но всё же существует. Быть может, есть миры, где существующее более объяснимо и исторично, где всё, что существует, есть лишь звено в бесконечной или замкнутой цепи созиданий и разрушений. Где-то. Но не здесь.

Если мой мир был создан из ниоткуда и из ничего, создан, как кружевная маленькая салфетка из ткани небытия, то что же ещё могло сплести небытиё в своём воображении, сколько миров в нём вспыхивают, никогда не пересекаясь, потому что каждый из них окружён только небытиём. Я представил себе маленькую капсулу, в которой, свернувшись в неудобной позе, лежит человек. И это весь созданный мир. Человек задыхается, потеет, его конечности немеют, ему страшно хочется выпрямиться, но это невозможно, существует только эта капсула, иного пространства нет. Капсула с человеком была рождена вне причин и логики из пустоты, и нет вокруг ничего, кроме пустоты. И ничего человек не чувствует, кроме страданий, и умирает очень быстро в страданиях. Злой мир? Нет. Понятие страдания внутримирно, это часть бытия, которое в сумме своей нейтрально, потому что его не с чем сравнивать, вокруг небытиё. Так что если в этом маленьком мире нет ничего кроме агонии,

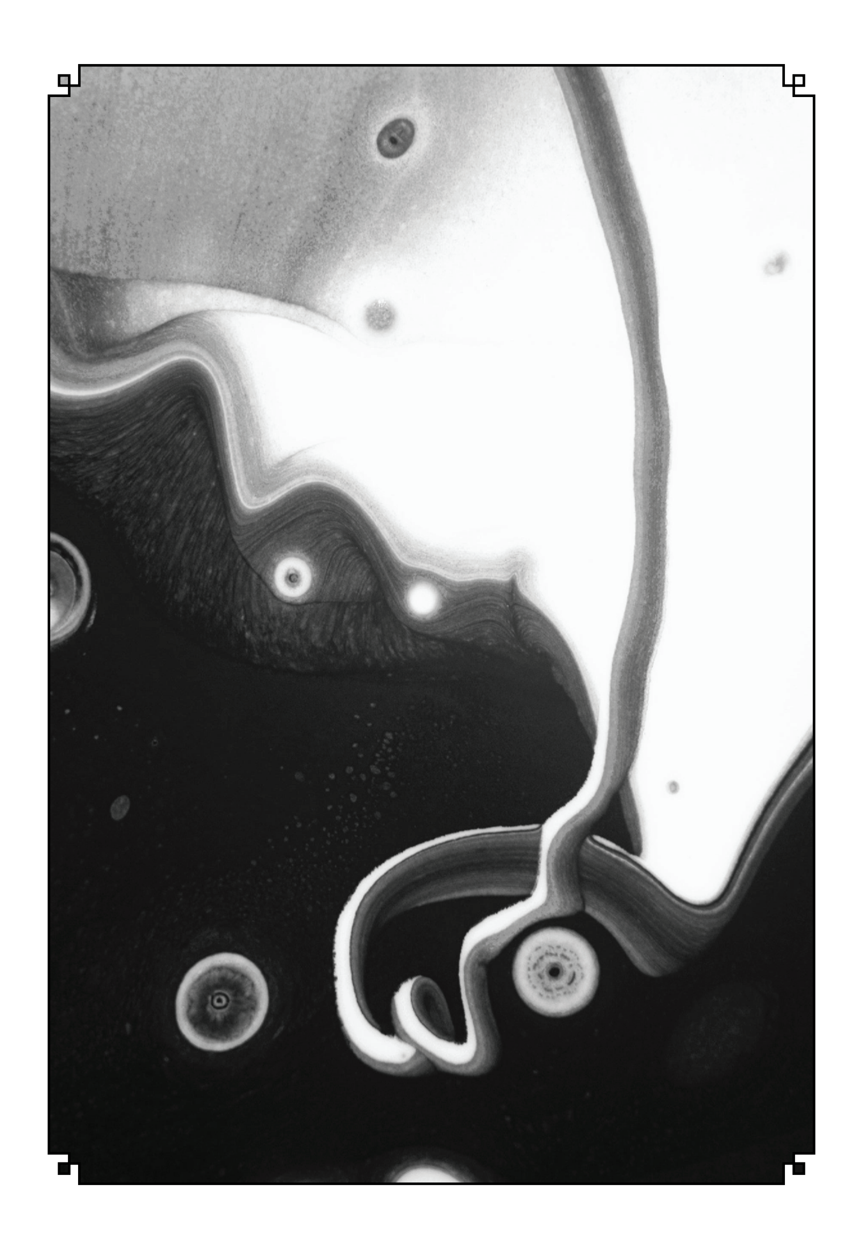
значит это уже не агония, это просто факт бытия, описание бытия в себе.

Мои мысли не вылетают далеко за пределы этого мира, я не представляю, что реально могло бы ещё существовать, но в фантазиях я могу представить что угодно. Например, могут ли существовать миры, в которых не одно разумное существо, а два или больше? Разум — это что-то столь абстрактное и нематериальное, всеохватное и не имеющее границ, что я не уверен, могли ли бы существовать два обособленных носителя разума, которые не сливались бы в общее поле единого разума. С другой стороны, я чувствую, что разум, способный взглянуть на весь мир со стороны, выйти за его пределы — это что-то слишком невероятное и уникальное, чтоб повториться дважды в одном и том же мире, а, скорее всего и во всех иных мирах, если только они существуют. Очень может быть, что я абсолютно уникален и внутри этого бытия, и за его границами. Да и даже если представить себе бесконечность различных существующих миров, само понятие обитаемости — бесконечно малая часть бесконечности иных понятий. Найти среди этих миров тот, в котором присутствовал бы разум в форме, которую я смог бы воспринять, практически невозможно.

А быть может, на самом деле мир иной существует, и он совсем другой, может он беспредельно, нескончаемо велик. Может, мой мир — это лишь часть того мира, специально отколотый кусочек, помещённый для чего-нибудь в небытиё. Быть может я и такие, как я - это капсулы, помещённые большим миром как бы в хранилища, защищённые небытиём, помещённые про запас, на случай катастрофы большого мира, например. Или, может, я отверженный, сосланный сюда большим миром, стёршим мою память, чтоб я не искал или искал, но не смог найти выход отсюда.

А может, я — часть какого-то гигантского эксперимента, и нас таких нет числа. Может, я должен каким-то образом изменить этот мир, раздвинуть его границы или вообще отменить их. Может, избранные из этих миров развиваются во что-то иное? Быть может, скоро грядёт трансформация. Или, наоборот, мой мир навсегда откинут в безразличное, и впереди у меня неизменная вечность, такая же, как и позади. Возможно, если мой мир, не имея истории, содержит явные её следы в своём устройстве, то и вечность его — лишь иллюзия, быть может, он существует лишь мгновение, но в это мгновение он существует как бы с историей, с прошлым

и будущим, с памятью. Создавшись на мгновение вместе со своей временной шкалой, через мгновение снова растворяется в небытие. Возможно, каждое мгновение где-то вне пространства и времени создаются и тут же исчезают бесчисленные мириады миров, и та сила, что выше сущего и не сущего, тестирует, таким образом, разные варианты существующего. Значит и этого продолжающегося времени нет. Оно есть в моей памяти как бы тянущееся из прошлого и как бы продолжающееся в будущее. Хотя, всё это лишь иллюзия, я появился мгновение назад уже с этой «памятью» о моём как бы предшествующем прошлом и через мгновение меня не станет. Кто знает, кто знает… Неоспоримо только одно — сейчас я существую.



Падение

Это вершина нашей жизни. Жизнь только в этот момент обретает смысл, только в этот момент преодолевается одиночество бытия, только в этот момент мы способны увидеть небо и землю. Если бы не было этого момента в нашей жизни, то какой смысл вообще? Когда приходит срок, мы находим её, она удивительно красива и источает такой аромат, что всё меняется, навсегда, только мы попали под её власть, мы уже никогда не сможем так просто отвернуться, уйти и жить дальше. Она ведёт нас на дерево, там мы висим на самой высокой ветке вниз головой, обмотав хвост вокруг ветки, я смотрю на неё, а она на меня. И нет для меня ничего кроме неё, и она так смотрит на меня, так... Меня тянет слиться с ней в одно целое, я выпускаю хоботок, которым хочу коснуться её, и тут, о чудо, она выпускает такой же хоботок мне на встречу, мы соприкасаемся хоботками, и я понимаю, как устроен мир, я понимаю, что такое жизнь, я вдруг прозреваю и вижу всю гармонию мира, мне кажется — я во всём, в деревьях, в воздухе, в ней, в самом течении времени, я - облака надо мной, я - план мира от самого его основания, и она висит со мной рядом, нежно сплетая мой хоботок со своим, и мы — само воплощение гармонии мира. Я понимаю, что основа существования всякого существа в этом мире — блаженство растворения в гармонии мира, и по-другому не может быть, ведь мы — создания этого мира, мы пылинки, кружащиеся в водовороте его совершенных законов, мы вдвоём, как одно целое...

И вот она втягивает свой хоботок, свершилось. И я как-то слабею в блаженстве, мне хочется раскрутить свой хвостик, и ощутить полёт, и она всё так смотрит на меня, ласково-ласково: ну давай, лети, раскрути хвостик, это нормально, это естественно, так надо, верь мне, верь всему миру, разве мы можем сделать что-то плохое, ты же чувствуешь, как тебе этого хочется. Тебе хочется стать слабым-слабым, тебе хочется послушаться моего прекрасного взгляда, тебе хочется закрыть глаза и сделать то, что я говорю, к чему бы это не привело, ты не можешь этому сопротивляться, ты всего лишь беспомощное радостное дитя в руках взрастившей тебя жизни, ты не знаешь грядущего, ты не знаешь, кто создал тебя и всё, что вокруг тебя, ты робко и радостно делаешь свои шажки

вперёд по этой неведомой жизни, не отпускай руку тебя ведущую, никогда, куда бы она тебя не привела. Будешь ты грустен или весел — ты всегда прекрасен и прекрасна жизнь, ведущая тебя, ты всегда беззащитен и никто никогда не сделает тебе ничего плохого, всё, что будет с тобой — так надо, всё это забота о тебе. И нет у тебя иного пути. Она смотрит, смотрит на меня, и я исполнен этого взгляда, и я счастлив, и у меня кружится голова, и хочется, хочется, хочется стать маленьким, слабым и беспомощным, и хочется, не отрывая от неё взгляда, ослабить хвостик, вот он уже сам ослабляется, и полететь, полететь, и, летя, смотреть на неё, всё так же весящую, светлую, нереальную, такую божественную и земную... Хвостик мой раскручивается, я начинаю опускаться, и это прекрасно...

Но если я упаду, а она останется, я её больше не увижу, конечно, так тоже хочется, но может все-таки постараться удержаться, и продолжить это блаженство дальше, до бесконечности, висеть и смотреть, смотреть, смотреть, только трудно держаться, я весь расслаблен, и как-то это противоестественно, но я стараюсь, надо ещё ухватиться за веточку лапкой, так, уже крепче, зачем я это делаю, это так странно, хвостик мой почти совсем обессилил, я должен был упасть, плохо, что-то мне плохо, что это за шум? А, это лес шумит, сырой лес, сыро, сумерки, где-то капает вода, я цепляюсь за тёмную шершавую кору дерева, холодно... её взгляд — мой дом, но... она не смотрит на меня, она цепляется лапками за ветку, поворачивается и начинает медленно уползать от меня, куда же она, как же я, что же значил этот её взгляд... Цветные пятна вокруг, среди листвы, это... такие же, как мы, одно пятно из пары то там, то здесь вдруг отцепляется и летит вниз, и где-то далеко внизу глухой стук с треском ломающихся косточек, и мёртвое обмякшее тельце распластывается по камням, медленно в агонии съезжаются лапки, выгибается головка, я покрыт потом, я судорожно вцепился в ветку, залез на верхнюю сторону ветки, чтоб случайно не упасть, мрак вокруг, мне уже нет места в этом мироздании, я не знаю, что мне теперь делать, я должен был лежать внизу и агонизировать, а что сейчас? Меня съедят? Я сгнию заживо? Я умру от голода или от холода? Шестерни мироздания проворачиваются и скоро меня перемелют, для меня больше места нет, этим шестерням даже не интересно, как они меня перемелют, быстро или долго и мучительно, случайно отрывая лапку за лапкой. Меня для мира уже нет, я призрак, я лежу внизу... Когда одно цветное пятно из каждой

пары, висящей вокруг меня, срывается, второе распластывается по нижней стороне ветки и медленно уползает... Я попробую ещё немного выжить в этом холоде. Или может лучше было бы всё же оказаться там внизу? Вряд ли я проживу слишком долго, если я по плану должен был уже умереть, и надежды уже нет. Мир — мой враг. Где найти силы и знания выжить? Поздно, поздно...

Тридцать лет

Круглый столик со светлой скатертью, набор из соли и перца, бумажные салфетки, пара длинных бумажных упаковочек сахара с логотипом кафе, поданных вместе с чаем. Обычное кафе, хорошее, уютное, но через дорогу есть почти такое же. Так вот для человека что-то объективно не отличающееся от бесконечного множества подобных аналогов, может иметь столь уникальное значение. Она носила пакетики сахара из этого кафе в кармане весь год. Сейчас она достала из кармана эти старые, уже потрепавшиеся, но ещё целые пакетики, и спрятала в тот же карман пару новых. Тот же запах, наверное, это главное, у каждого кафе свой уникальный запах, видимо слагающийся из запаха меню, предметов интерьера и окружающего пространства. Принесли маленькую горячую булочку с растопленным внутри кусочком масла. Божественный вкус. Она не пыталась приготовить или заказать подобное где-либо вне стен этого кафе, пусть это вкус остаётся только здесь. В прошлом году они сидели за столиками снаружи. Тогда погода была почти как в тот день, который память запомнила, как первый: солнце, нежное тепло, запахом лета и зелени, шумом пальм на ветру. Сегодня тоже уютно и хорошо, тёплый летний дождик, они будут сидеть внутри кафе. Кажется, в прошлый раз были какие-то другие скатерти, по крайней мере, она запомнила их по-другому. Что-то по мелочам всегда меняется. Кстати, вот пальмы должны были за эти годы сильно вырасти, но она уже как будто вовсе не помнит их маленькими, не обращала внимания, слишком незаметно для глаза они растут.

Она ждёт. Морось, лежавшая россыпью капельек на поверхности её шляпки, уже высохла. Она всегда приходит раньше, во-первых, ей хочется тут подольше побыть, всё заканчивается слишком быстро, особенно в последние годы, словно становится прошедшим ещё не начавшись, у неё возникает впечатление, что она начинает уже «вспоминать» встречу, которая сейчас происходит, и причём, не может её «вспомнить» с той детальностью, с которой ей бы хотелось. Во-вторых, всегда есть шанс, что он тоже придёт раньше, тогда они смогут побыть вместе несколько лишних минут. Каждый год тридцать лет они встречаются здесь в этот летний день,

плюс-минус несколько дней, он приходит, но не хочет остаться, всё-таки он её не любит. А она готова жить только этими встречами, этим единственным днём в году. Если он может предложить ей лишь это, значит такова её судьба. Да, трудно, но кто сказал, что должно быть просто? Да и она уже не согласилась бы остаться с ним, она не хочет разрушать его семью, она переживёт, она привыкла. Если только к этому можно привыкнуть. Но она продолжает любить его и только его.

«Нормально ли это, что её жизнь напоминает ей сюжеты прочитанных книг» — значит, этот вопрос возникает не только у Кэтлин Келли, значит, она не одинока. В «Снежной королеве» сестра идёт через бурю и снег, через леса, полные разбойников, и волшебные сады - ловушки, идёт, доходит и спасает брата, в «Сказке странствий» путь поиска и скитаний длится десять лет, а сама ситуация её жизни, с этими встречами раз в году — она же встречается не раз в фантазийной памяти человечества. Всё романтическое, лиричное искусство — сплошное провозвестье единственности выбора, борьбы и преград, завершающихся воссоединением любящих сердец, даже не обязательно любовников, но обязательно воссоединением или смертью. Сказки окружают её с беспамятства раннего детства, в каждом возрасте приходят свои сказки, в книгах, музыке или фильмах, меняется язык, но не меняется идея. Идея, создающая её веру, её мечты, её жизнь. Есть, конечно, и другие сюжеты, но эти сюжеты не создают центральные мифы её жизни, так не трогают и не проникают так глубоко в её сердце.

Год за годом она встаёт по утрам с нежеланием жить, она гладит себя в душе, она идёт на ту же работу, на которой немного отвлекается, и страшные мысли о проходящей в никуда жизни ненадолго отступают на второй план, чтоб вернуться вечером снова. Что было в её жизни — множество простых человеческих радостей, не принёсших ей ни счастья, ни удовлетворения, случайные редкие связи с людьми, которых она сознательно на впускает глубоко в свой мир, и сохранение верности тому, что действительно важно, то, ради чего она живёт, единственного, что есть в её жизни и чем, по сути, является её жизнь, но этого мало, совсем ничего, один день в году, одна встреча, которая завтра уже станет постепенно угасающим воспоминанием, она будет согревать и поддерживать его в свой памяти так долго, как только сможет.

Она просыпается утром и видит сон. Сознание ещё не

проснулось до конца, и разум ловит мгновение совсем иного мировосприятия. Воспаленное, всё сокрушающее желание близости, такое, будто природа сошла с ума. Всё, что она делает в своей жизни, все причины и принципы, её вера, всё её мировоззрение, все движущие и ограничивающие мотивы вдруг низводятся до уровня умственных идей, которые она пока не вспомнила, они ещё покоятся в непроснувшейся части сознания. Она выгибается, она страстно хочет любви, жизни, близости, ей кажется, что она сейчас одна по какому-то глупому недоразумению, по странному недоразумению, ибо это желание близости — это безусловно главное, что может быть в жизни, это единственное, что важно. Поэтому нужно срочно бежать, бежать в мир, строить, наконец, свою реальную жизнь, знакомиться, общаться, искать забытые номера, принимать иные решения, разговаривать со старыми и новыми людьми по-другому. Взволнованное сознание, наконец, окончательно просыпается. Она вспоминает. Она вспоминает свой выбор, своё прошлое, себя, свои решения, своё я. И остаётся лежать. С тяжестью внутри, но успокоенная и уверенная. Нет, пожалуй, не совсем уверенная. Она вспоминает, что с ней только что было, и в сознание проникает страх неуверенности. А вдруг это всё — самообман? Вдруг эти чувства и решения — лишь стереотипы? Кто сказал, что именно так всё устроено? Вдруг это не единственный способ жить, вдруг возможны другие реакции, восприятия, вдруг это не абсолютные ценности или вообще не ценности, вдруг это просто стрелочки, указатели на тропинках, которым она безоговорочно следует, но которые не так уж много значат? А ведь жизнь почти прошла. Настолько ли она уверена в своей правоте, как ей всегда казалось? Она вспоминает удивительную статью в одном из номеров старого молодёжного журнала. В нём молодая девушка, которую она назвала для себя «солдатом любви», описывает историю своей жизни, как она в 12 лет поспорила с дворовыми друзьями на бутылку водки, что влюбит в себя парня с её двора. И не только влюбила, но и ещё сделала так, что он до сих пор считает, что они расстались по его вине. Потом, в те же 12 лет, она стала любовницей школьного учителя, потом влюбила в себя отца своей ближайшей подруги. Она делала то, что другие девушки всегда считали низким, травмирующим, ужасным, неправильным, аморальным, но тут она контролировала ситуацию полностью, она была абсолютным хозяином положения, без малейшего упрёка в безупречности своего контроля. Она сама

создала из старых элементов свой новый мир, свою жизнь и свой путь. Потом, лет в 20, родила ребёнка, растит его сама и продолжает жить по своим принципам и законам, полностью отвечает сама за каждый шаг своей жизни, причём, как за действия, так и за их оценку. Подобные примеры иногда поражали её, но они никогда не были частью её душевной жизни, она не могла встроить их в свою жизнь, они были как бы удивительными примерами из жизни инопланетян. А сейчас её столь крепкое «я» немного пошатнулось, и все эти истории начали просачиваться из памяти в её разум. Она начала вспоминать истории девушек, уходящих от кого-то, потом снова встречающихся через много лет, рожающих ребёнка от первого встречного, говорящих после первого же секса с ним: «О боже, как это было божественно», девушек, по природе своей даже не знающих о возможности существования таких идей и принципов, решений и чувств, которые организуют её жизнь, даже не знающих!

Тишина повисает в воздухе. Только тикают часы на стене, но и звук тиканья часов через минуту уходит, она снова начинает засыпать. Когда проснёшься утром и снова засыпаешь, сон уже не крепок. Какие странные и одновременно запоминающиеся сны снятся в это время. Ей снится, что она просыпается, открывает глаза, садится на кровати. И тут под её волосами, под кожей головы начинается шевеление. Она как бы видит себя со стороны. Шевеление всё интенсивнее. Наконец, становятся видны большие лапки с члениками и длинные тревожно шевелящиеся усики. Потом появляется голова огромного насекомого. Насекомое, перебирая лапками, вылезает из головы, всё больше становится видно огромное хитиновое тело. Теперь уже можно различить, что это за насекомое — это гигантский таракан. Он ведёт себя так, будто вылезает из яйца, он шевелит головой, перебирает лапками, пытается выкарабкаться на поверхность. «Какой огромный» — думает она. Как он мог вместиться в её голове? Где же тогда был её мозг? Где же был её мозг?

Архитектор

— Здравствуйте, господин Элдерман. Я представитель Международного клуба развития урбанистической архитектуры. Наш закрытый клуб состоит из небольшого числа влиятельных членов, содействующих развитию и реализации архитектурных проектов определённых направлений. Ваши работы заинтересовали наших членов. Мы бы хотели с Вами встретиться.
— В принципе, можно. А чем именно занимается ваш клуб, я не совсем понял?
— Я расскажу подробнее при встрече. Вам когда удобнее?
— Да хоть завтра, у меня свободный график. Только желательно не очень рано, я обычно работаю по ночам, поэтому рано не встаю.
— Хорошо, давайте тогда завтра в час в «5 o'clock». Знаете, где это?
— Конечно, я часто там бываю.
— Отлично, тогда до встречи.

... — тогда политика клуба была несколько иной, как и поддерживаемые им стили и направления. Теперь мы снова вернулись к современным формам модерна, конструктивизма, постмодерна, сосредоточившись на содействии отдельным архитекторам, работающим в данных направлениях. Мы продвигаем архитектора, помогаем ему получать крупные проекты, заказы, выигрывать гранты, сами при этом стараемся оставаться в тени, не создавая вокруг себя ажиотажа. Зачем? Мы всё равно осведомлены о ситуации в архитектурной среде, сами выбираем тех, с кем хотим работать, исходя из личных планов и мнений членов клуба, поэтому широкий пиар нам просто не нужен. Роль нашего клуба, как и подобных ему клубов в иных областях науки, творчества, промышленности, политики на самом деле очень велика, хотя сам клуб остаётся в тени. Если Вы посмотрите на список архитекторов, с которыми работал наш клуб за всё время его существования, если посмотрите на список проектов, которые были созданы с той ли иной долей его участия, Вы поймёте, что весь облик современных мегаполисов — это отчасти заслуга клуба. Деятельность клуба меня лично впечатляет.

Представитель улыбнулся и протянул мне распечатку алфавитного списка архитекторов с аннотациями, в которые

входили годы и места работы, а также самые известные проекты. Этот список сначала показался мне просто списком всех работавших и работающих более или менее успешных архитекторов этого и прошлого века. Но потом я заметил отсутствие в нём некоторых имён, и понял, что список включает в себя только архитекторов, работающих над стилями, имеющими хоть какое-то отношение к урбанистической архитектуре. Здесь не было известных эко-проектировщиков, не было архитекторов, работающих в кантри-стиле, в классических стилях прошлых веков или их современных реконструкциях.

— Да, список впечатляет. А скажите теперь, почему вы решили пригласить меня?

— Решение принимают действительные члены клуба, причём любой из них может принимать решение по своему усмотрению, я, кстати, сам не являюсь действительным членом клуба, я просто агент, работающий за зарплату. Если Вас всё устроит, Вы встретитесь с членом клуба, который решил вас пригласить, и он обсудит с вами план и детали сотрудничества. В целом же, можно сказать, что мы прилагаем основные усилия в двух направлениях — поддержка конкретных крупных проектов, выполняемых уже известными архитекторами, согласившимися с нами сотрудничать, и помощь в продвижении ещё не известных, но явно талантливых и перспективных архитекторов, вербовка, так сказать.

Агент засмеялся. Он был очень тихий, интеллигентный, аккуратный, невысокий, задумчивый. В процессе разговора уминал уже вторую булочку с тунцом и выкладывал из красивого кожаного портфельчика всё новые и новые распечатки, которые старался не заляпать жирными крошками и не залить чаем.

— Мы немного изучили Ваш путь, видели Ваши конкурсные и проектные работы. Думаю, рано или поздно Вы и сами станете архитектором с широко известным именем, так что мы заранее хотим включить Вас в свои ряды и помочь с реализацией Ваших творческих планов. Практицизм. Мы одни из первых Вас опознали, хотим, чтобы Вы были наш (закончил фразу он иронично-заговорщическим шёпотом, улыбнувшись).

Дополнительная поддержка мне бы не помешала. Недостатка в работе нет, но всё как-то по мелочи. Провинциальный университет, отсутствие крупных заказов, не выигранные конкурсы. Понятно, что каждый считает себя лучшим, но, видимо, всей моей

объективности не хватает, чтоб понять или хотя бы предположить, в чём именно я там был не лучшим. Я верю, что в наше время труд сам пробьет себе дорогу, обществу, наконец-то, стал нужен конкретный результат, а не связи и регалии, рационализм — самое справедливое устройство общества, по крайне мере по сравнению с теми, что были раньше. Но, пока мир только на пути к рационализму, и чтоб начать выигрывать действительно серьёзные проекты, даже такому архитектору как я, живущему и дышащему лишь своим творчеством, видимо, нужно немало времени, может быть, пол жизни. Я задумался, а агент, видя, что я молчу, чтоб закрыть паузу, деликатно продолжал говорить, хотя не был уверен, что я его слушаю.

—… скорее творческий клуб, клуб идей, влиятельных лиц, клуб вдохновения, как я его для себя называю. Если архитектор соглашается внедрять элементы стиля и общую концепцию в проекты, то ему даётся зелёный свет. Детали остаются на нём, конечно, главное — общая концепция, заказчиками которой мы и являемся. Всё работает так: Вы соглашаетесь проектировать аэропорт в кубистически-модерновом стиле, и мы делаем так, что Вы выигрываете конкурс. При этом заказчик не имеет сам стилистических предпочтений, он даже не знает о нашем существовании. Да, при этом здесь нет коррупции, вы выигрываете заказ, только если ваш проект действительно объективно лучший, поэтому нам и нужны такие, как Вы. Агент снова почти извиняющее улыбнулся.

— Это что-то вроде метазаказа. На самом деле я не знаю, как это можно назвать. Да, когда мы заключим с Вами контракт, одним из пунктов будет обязательство держать личности членов клуба в тайне. Ну и это всё довольно серьёзно, не то чтобы члены клуба были аутистами, но всё-таки, это богатые черти, знаете, лучшие судьи на их стороне и всё такое, поэтому контракт и деловую порядочность лучше соблюдать буквально, так же, как это делают они сами, кстати. Если Вас всё устраивает на этом этапе обсуждения, и Вы можете дать предварительное согласие с нами работать, мы можем назначить встречу с действительным членом клуба, который ввёл бы Вас в курс дела более конкретно.

— Да, пока что мне всё нравится. Хотя я до сих пор плохо понимаю, что конкретно от меня будет нужно, то есть, за что именно я буду иметь те бонусы, которые вы мне обещаете. И в чём интерес самого

клуба. Что им до того, в каком стиле будет сделан проект аэропорта?

— Ну, вот это вам и расскажет действительный член. На мне в основном организационные вопросы, а не Ваши, профессиональные. Как насчёт встречи через три дня, в воскресенье вечером?

— Замечательно.

— Хорошо, тогда нам нужно прямо сейчас утвердить одну вещь. Часть контракта, в которой говорится о неразглашении личностей клуба, я о ней только что упоминал, подписывается отдельно и заранее, прямо сейчас. Вы ведь встретитесь с членом клуба, то есть уже увидите его, даже ещё до подписания основного контракта. В этой отдельной части контракта подробно расписано, что Вы никому не должны раскрывать ни личность, ни имя, ни внешности члена куба, прямо или косвенно описывать его черты, по которым можно было бы восстановить его личность и прочее. Вот, почитайте. Внизу Ваша подпись, дата и расшифровка подписи.

В воскресенье я поехал по указанному в визитке адресу, найти дом было несложно, он оказался настоящим оазисом в одном из самых дорогих жилых районов города и красовался на одном из самых дорогих участков земли в этом районе с видом на Сити. Среди пальм и кипарисов стояло, отражая стеклом своих граней силуэты окружающей растительности, трехэтажное здание, имитирующее обломок чёрного кристалла. Да, сам этот дом говорит уже о многом. Члены клуба, видимо, очень последовательны в своих убеждениях. Я позвонил, мне открыл тот же агент.

— Хотите чаю или кофе? Агент придерживается строгой диеты, поэтому не сможет составить Вам компанию за чашечкой кофе, а одному Вам будет пить неудобно, поэтому он попросил меня предложить Вам что-нибудь выпить заранее. У нас, кстати, есть не только кофе, есть и Bunnahabhain, и Macallan Fine Oak 30-летней выдержки. Я составлю Вам компанию.

— Спасибо, я вообще всегда что-нибудь пью за работой, в основном зелёный чай, и сейчас ничего особо не хочу, а вот встречей с Вашим агентом вы меня порядком заинтриговали, так что если чего и хотелось бы мне сейчас больше всего, так это поскорее увидеться с ним.

— Хорошо. Тогда ещё несколько моментов. Агент выглядит несколько необычно, не в плане экстравагантности, а в плане того, чем наградила судьба, так сказать. Будьте к этому готовы, и я бы хотел предложить Вам выпить вот это. — Агент открыл коробочку с

таблетками и вытащил пару стандартных белых таблеток, протянув одну мне. — Просто, даже если Вы, как и всякий порядочный человек, будете делать вид, что не видите его необычности, он ясно прочитает это по Вашим глазам, взгляду, эмоциям, те, кто необычен — очень чувствительны, они всё видят, их не обманешь. А это — совершенно безвредная смесь, на время притупляющая эмоциональную сферу, оставляя кристально чистым и не замутненным разум, даже более чистым и работоспособным, чем обычно, потому что эмоции не мешают, опять же. Я вторую приму вместе с вами, чтоб Вы были уверенней. Я делал это тысячу раз уже, и на меня совершенно не повлияло. Если через полгода Вы сделаете любые тесты и найдёте любые следы этого вещества в организме, то можете подавать на нас в суд. Это реально полностью не оставляющий последствий препарат.

Агент, не дожидаясь моего ответа, взял одну таблетку, разжевал и проглотил, запив водой в стакане. Всё это очень странно, агент — явно изнеженный богатенький эстет, что бы там ни было с его внешностью. На вопрос — что конкретно содержится в таблетке, я получил перечень невоспроизводимых по длине и сложности химических названий, которые сам агент, видимо, долго заучивал и произносил теперь, как китайскую грамоту, сам не понимая, что означают эти химические синтаксические навороты. Ладно, бизнес есть бизнес. Я выпил таблетку. Мы прошли в лифт, двери закрылись, в лифте включился свет, и мы поехали, но не вверх, как я ожидал, а вниз.

Проехав, судя по времени, 3-4 этажа, лифт остановился и мы вышли. Пошли по длинному коридору. Коридор находился под землёй, поэтому освещался искусственным светом, сам свет этот явно был не только функционален, но выполнял функцию формирования стиля и настроения, мы постепенно переходили от одного цвета к другому, пройдя все семь цветов, мы зашли в зону густого красного света, агент что-то включил на стене, и я почувствовал это. Не то чтобы звук, но какая-то вибрация или излучение, не воспринимаемое прямо, но регистрируемое телом косвенно. Пока мы шли, я начал чувствовать, как действует принятая мной таблетка, но оценить действие её в полной мере я не мог, поскольку мы попали в очень необычную, новую для меня обстановку, в корой всё было по-другому и воспринималось тоже иначе: этот ужасный монохромный свет, замкнутое подземное пространство, у меня возникло

впечатление, которое я запомнил из подросткового возраста, когда мы баловались дешёвыми и слабыми нейролептиками, входя в состояние сознания, которое не имело никаких специфических проявлений, нельзя было описать, что же изменилось, кроме самого факта: что-то действительно по-другому. Наконец, мы вошли в большую залу, также залитую бордовым светом. Что за ужасное освещение. Зала, как и весь дом, была словно из дорого современного глянцевого архитектурного журнала, она была столь хороша, что ей, пожалуй, было место на обложке этого журнала. Матовые чёрные журнальные столики с бликами от зажженных свечей, горящих красными огоньками, модернистский симметричный диванный комплекс, скорее стильный чем удобный, очень хорош для комнаты деловых переговоров, строгие геометрические, слегка изогнутые формы. Чёрно-бело-красная композиция интерьера образовывала безупречное целое, кубизм форм сочетался с плавностью абстрактных статуэток, напоминающих то скруглённую спираль ДНК, то выполненную из метала и дизайнерски изогнутую ленту Мёбиуса. Типичный стиль современных дорогих городских апартаментов. Правда, мы в частном секторе, наверху всё утопает в зелени. А такие строгие интерьеры характерны для дорогих квартир в небоскрёбах большого Сити. Впрочем, тут, под землёй, по-видимому, свой мир. Агент сказал мне подождать члена клуба здесь и тут же ушёл. Через минуту из двери с противоположной стороны комнаты вошёл член клуба.

Лишь когда я увидел вошедшего члена клуба, я понял, насколько сильно действие принятой мной таблетки. То странное ощущение изменённого сознания, которое я как бы ощущал по дороге, было ничто, следовой эффект, на который не имеет смысла обращать внимание. Препарат, видимо, был действительно хорош, потому что он проявлял своё действие лишь там, где он должен был работать. Глядя на члена клуба, я чувствовал, что во мне действительно не осталось никаких эмоций. Одинаково бесстрастно я воспринял бы сейчас любое чудо, любое явление, любую новость, любую неожиданность. Отдел мозга, отвечающий за любые эмоции, за растерянность, шок, страх, радость, неуверенность, даже интерес, полностью онемел. Остался чистый разум. Разум, не стесняемый эмоциями, а может, и подстёгнутый той же таблеткой, стал кристальным, другого слова не подобрать. В комиксах обычно мысли героев отображаются в виде облачков, какими они, наверное,

у большинства людей в нормальном состоянии и являлись бы, если бы их можно было увидеть. Но разум — это лишь механизм сбора и анализа информации, обработки данных и моделирования окружающей реальности. Только сейчас я это почувствовал. Всё течение моих мыслей стало работать, как программа компьютера: чётко, правильно, быстро, концентрированно и направленно. Не стало тех самых мыслей заднего плана, о которых говорят, когда они приходят: нет-нет, ничего, это я так, неважно. Мысли и первого, и второго плана имели своё логическое, практически обоснованное начало, развитие и завершение. Я поразился скорости и многопоточности своего мышления. При этом, возможно, реально я мыслил не намного быстрее обычного, но из-за разорванности и затуманенности процесса мышления в своём обычном состоянии я не замечал его скорости и сложности, как если бы полуслепой человек смотрел в окно быстро мчащегося поезда.

Член клуба представился.

— Здравствуйте, меня зовут Грлах.

— Очень приятно. Эрик Элдерман. — ответил я. Точнее подумал. Грлах общался со мной мысленно. Но я чувствовал, что общение двустороннее, я отчётливо и ясно, даже более отчётливо, чем, если бы мы общались при помощи слов, где что-то можно не расслышать или недопонять, воспринимал его молчаливые слова в своей голове и знал, что он слышит мои. Бессмысленного роя периферических мыслей в голове не было, я так же контролировал всю свою мыслительную сферу, как обычно человек контролирует свою речь на деловой встрече. Также я знал, что он воспринимает только те мои мысли, которые я в форме законченных выражений формирую для него, будто моё тело само знало, как это делать и сейчас лишь впервые воспользовалось этим знанием. Работа моего мозга в целом, обдумывания, не облечённые ещё в слова, оставались только моими. Мне казалось, что будь у всех людей в естественном состоянии столь кристальная чёткость и концентрированность мыслей, все смогли бы общаться мысленно. Грлах, впрочем, и мог общаться со мной только мысленно, ведь человеческого рта у него не было. На месте рта была трубка, которая, видимо, была предназначена для долгих гласных звуков. Он имел две длинные руки, две ноги, был тонок и высок, вытянутая лысая голова, глаза похожие на глаза какой-то рептилии.

— Да, вы правы, я не человек. Я игв.

— Кто это?

— Чтоб понять, кто такие игвы, Вам необходимо получить некоторую дополнительную информацию фундаментального плана. Сколько у Вас свободного времени? Я предложил бы Вам ознакомительную экскурсию, в процессе которой я рассказал бы Вам то, что Вы должны знать для успешного и сознательного сотрудничества с нами, и главное, Вы многое увидели бы своими глазами. Экскурсия получится краткой, потому что то, что Вы узнаете, будет столь новым для вас, что подробное знакомство с этой сферой бытия заняло бы слишком много времени. Но Вы сможете получить дополнительную информацию от нас позже, если Вам станет интересно. Как правило, люди находят это интересным. — Грлах улыбнулся! Да-да, он мысленно передал мне улыбку. Но эмоций у меня не было, я понял, что нет их и у него, и таблетка была предназначена на самом деле не для того, что бы не ранить его чувства, как объяснял агент, а чтоб я не отвлекался на шоковые состояния, которые были бы неизбежны у меня, увидь я его в своём обычном сознании, и мы сразу могли бы перейти к конструктивной беседе, причём более конструктивной, чем было возможно с моей стороны в обычном состоянии даже в отсутствии шока. Но улыбка, некий мысленный смайлик, идея улыбки, переданная мне мысленно, была неким политическим междометием, улыбкой встречающихся на переговорах политиков или бизнесменов. Я сказал, что совершенно свободен и могу уделить разговору и экскурсии столько времени, сколько потребуется. Грлах жестом предложил следовать за ним и открыл ту дверь, из которой сам вышел несколько минут назад. За дверью оказался небольшой узкий коридор, заканчивающийся небольшим сигаровидным помещением, эдакой стеклянной, судя по текстуре стен, капсулой. В капсуле было несколько кресел и столик. Мы сели. Дверь капсулы, через которую мы вошли, автоматически плотно закрылась (я слышал характерный пневматический звук воздушной изоляции, установившейся в капсуле при закрытии двери). Капсула освещалась изнутри слабым темно-красным светом, таким же, как и комната переговоров, только более тусклым. Стены капсулы были темны, но так как я видел по текстуре и по наличию рамы, что это стекло, я не мог решить, то ли это тёмное стекло, то ли прозрачное, но сама капсула находится в тёмном пространстве. Почему-то у меня возникло ощущение, что стенки капсулы всё-таки прозрачны, но вокруг неё чёрная пустота.

Только мы сели, я почувствовал, что капсула пришла в движение. Это была не отчётливая регистрация направленного движения, а смутное ощущение то ли головокружения, то ли потери ориентации. Мы начали разговор. Кстати, что разговор начинается, я тоже отчётливо и вовремя понял. До сих пор не понимаю, откуда брался столь ясный уровень взаимопонимания. Либо в том состоянии кристаллизации и сосредоточения сознания естественные интуитивные психологические маркеры, позволяющие нам невербально контактировать с собеседником и синхронизировать с ним свои действия, воспринимаются как отчетливые, непосредственно передаваемые невербальные сообщения или, действительно, как мы с Грлахом передаём вербализованные мысли, так же мы, если надо, способны передавать невербальные. Интересно, способны ли мы мысленно обмениваться звуками или образами?

— Ваши научные знания о мире пока что несколько одномерны, они охватывают лишь одну сторону физической реальности. Правду о другой стороне повествуют различные мистические тексты, но они тонут в море бреда, их губит отсутствие методологии верификации, поэтому эту информацию нельзя назвать валидной, до зерна истины в ней обычному человеку всё равно не добраться. Если же расширить картину мира, мы увидим, что вся таблица Менделеева — лишь одна достаточно узкая группа материальных структур. Вообще, различия между материей и энергией довольно размыты, слегка мы смещаем одно из свойств материи, и вот она уже не видна и не имеет плотности, взаимодействие её с тем миром, который остался видим и ощущаем, тоже становятся довольно сложными.

На планете Земля, так же как на других планетах, существует целая система миров, взаимодействующих лишь комплексными причинно-следственными связями, основная связь между ними — разумные существа, которые могут жить в разных своих формах в том или другом мире. Вы — представитель одного мира, я - представитель другого. Но вы не представляете, какой уровень практически вселенского торжества разума сделал возможным то, что вы увидели меня в моей оригинальной телесной оболочке внутри своего мира и сейчас посетите в своей оригинальной оболочке мой мир. (Грлах улыбнулся). Даже если я объясню вам технические детали этого процесса, вы всё равно не впечатлитесь так, как следовало бы, поскольку не знаете, сколько ступеней ведёт

к этой пирамиде и высоту самой пирамиды.
В процессе разговора мне показалось, что движение капсулы стало более явным и направленным, я стал чувствовать, какой конец капсулы передний, а какой задний.
— А что это за помещение? Где пространственно находится ваш мир?
— Капсула сначала трансформирует материю, переводя её через промежуточные состояния, в которых она способна преодолеть твёрдую оболочку земли и переводит её на уровень материальности нашего мира, который пространственно находится в нескольких километрах ниже поверхности планеты, поверхности вашего мира. — Грлах сделал паузу.
— Я даже не знаю что спрашивать. Просто тут нужно спрашивать всё.

Пока мы разговаривали, вдали появилась небольшая красная точка, только сейчас подтвердилось моё предположение, что капсула прозрачная. За пару секунд точка увеличилась, и мы вылетели с огромной скоростью из тёмного тоннеля в воздух высоко над поверхностью нескончаемого города. Мир, залитый красным светом, в небе висит красное солнце. До горизонта горные массивы, многие из них имеют правильную геометрическую форму, тысячи транспортных систем пронизывают горные гряды, миллионы летающих механизмов перемещаются, кажется, даже не соблюдая законов гравитации. Мы поднялись выше, я с каждой секундой всё больше поражался индустриальной красоте и величию этого бесконечного мира-мегаполиса. Поражался интеллектуально.
— А кто-нибудь из людей, кроме меня, уже посещал ваш мир?
— Да, у нас давние и серьёзные связи с вашим миром. Учёные, деятели искусства, политики и общественные деятели постоянно посещают наш мир, а наши представительства в вашем мире вообще стали обыденностью.
— Вам есть чему поучиться у наших учёных? — этот вопрос пришёл мне в голову, глядя на простирающийся внизу мир, мне казалось, что они несколько впереди людей по уровню развития.
— Нет, нам нечему учиться у ваших учёных, наша наука далеко впереди. Наши контакты направлены на обогащение вашей науки и культуры.
Я взглянул на Грлаха. Он понял мой немой вопрос.
— Всякая цивилизация, как и всякий биологический организм,

стремится к экспансии. Период экспансии дикой, подобной тому, что вы можете наблюдать в биологических сообществах, остался в нашей истории далеко позади. Впрочем, он остался позади у большинства развитых стран вашего мира. Я говорю о концепции открытого общества. Под экспансией мы подразумеваем культурную экспансию, если мы будем существовать на достаточно общем культурном поле, границы между нашими мирами, как и между самыми развитыми вашими странами, станут простой формальностью, наша цивилизация — слишком сложная и тонкая, хотя и устойчивая система, войны и катаклизмы нужны нам меньше всего. Мы верим, что когда-нибудь мы сможем свободно жить в вашем мире, как и вы — в нашем. Такой мир имеет максимальный потенциал развития, он наиболее безопасен и устойчив. Поэтому мы делаем со своей стороны шаги к развитию в вашем мире тех достижений, которые может предложить наша культура.

— Вы сказали, что существует система миров, и в них есть жизнь?

— Не во всех, но во многих. Если жизнь разумна и цивилизация достаточна развита, чтоб с ней можно было адекватно взаимодействовать, мы работаем в этих мирах тоже.

— То есть, для вас уже нет белых пятен в освоении мира?

— Белые пятна есть всегда. И не малые. Но не все миры заинтересованы в сотрудничестве с нами.

— Почему же? Они ещё более развиты, чем вы?

— Их развитие другое. Иные базовые принципы. Разум и технологии — это по сути нечто абстрактное, отделённое от природы окружающего мира, то, что пытается взаимодействовать с миром, как бы находясь в стороне от него. Хотя, этот путь вполне эффективен и, в конце концов, безграничен, но природа существ иных миров сама по себе содержит безграничный потенциал развития, они не абстрагируются от мира, работая с ним как бы изнутри. Поэтому интеллектуальное и техническое развитие для них второстепенно. Кроме вашего мира мы совместно инспирируем и создаём законы существования целого ряда миров, и наш подход несколько отличается от их подхода. Мы — приверженцы системы и закона, они же более волюнтаристичны. Не то чтобы их законы были не обязательнее или менее строги, это трудно объяснить, они более нелинейны что ли, менее формальны. Нам приходится создавать чёткую формальную систему организации общества, как и систему познания мира. В этом вы ближе к нам, чем к ним. Но мы

все искренне стремимся к устойчивости, развитию, максимальному взаимопониманию, расширению своих связей. Все мы, жители системы наших миров, и системы миров внешней Вселенной искренне считаем, что наша природа и наш путь перспективнее, оптимальнее и совершеннее, чем у кого бы то ни было, все мы объективно и неустанно работаем над собственным развитием и совершенствованием, становясь день ото дня совершеннее.

— Чем же таким отличается ваша природа? Разве может быть, чтоб мир, породивший столь совершенный разум, как ваш, обделил вас в сравнении с существами иных миров?

— У разумных существ подавляющего большинства других миров природа принципиально иная. Мы — создания, можно сказать, искусственного мира.

— Кто же вас создал?

— Одна из самых мощных разумных единиц нашей планетарной системы. Сама материя нашего мира принципиально иная, она не связана с материей системы ваших миров физическими связями. Поэтому взаимодействия между нашими мирами столь сложны. Когда-то мы организовали высадку на поверхность вашего мира в тех пространствах, которые наиболее близки нашей природе. В тех пространствах поверхность вашего мира безжизненна. Но и там мы зарегистрировали следы присутствия вашей расы. Как я уже сказал — ваша природа безгранична. Некоторые ваши практики развития тела и разума позволяют вам силой собственной воли менять материальность своей природы и путешествовать внутри всей системы миров вашего мироздания. Такие путники чрезвычайно редки, но они существуют. Конечно, они не могут проникнуть в наш мир, потому что он находится вне природы вашего мира. Но, мы существуем, и мы открыты для контакта. Наш разум к вашим услугам.

— То есть, вы хотите сказать, что вся Вселенная создана естественным путём, а ваш мир — это амбициозный план какого-то отдельного существа? И много во Вселенной других таких обособленных миров?

— Во Вселенной всего хватает. В нашей планетной системе были и другие попытки создания миров с нуля, но наша оказалась наиболее успешной. Нельзя сказать, правда, что наш мир вообще не имеет физических контактов с природой вашего мира, поскольку разумные начала создатель нашего мира не создавал, игвами и иными одухотворёнными разумными существами нашей системы

миров становятся разумные единицы внешнего мира. То есть, и тот, кто когда-то был человеком, может стать игвом, и игв может стать человеком.

— И часто так бывает?

— В последнее время всё чаще. Особенно любят наш мир ваши учёные и представители некоторых старых наиболее эффективных практик развития сознания. Им у нас есть, где развернуться. Но не всякий человек способен стать игвом.

Мы медленно летели между гигантскими скалами, превращенными в небоскрёбы. Меня потрясал и захватывал масштаб этого города.

— Вы используете, как я вижу, естественные горные массивы?

— Да, в этом отношении развитие технологий нашего строительства пошло иным путём. Возможно, потому, что ваши предки на ранней стадии разумной эволюции покинули пещеры, переселившись в леса, на просторы прерий и, главное, на побережья крупных водоёмов, осваивая технологии строительства зданий с нуля на ровном месте. Наш народ не был привязан к побережьям водоемов и источникам пищи, произрастающей на открытых пространствах, возле которых селились люди, мы смогли остаться в пещерах, развивая технологии преобразования горной среды обитания. Впрочем, наша горная порода гораздо более удобна для освоения, чем ваша по своей однородности и строительным свойствам. Впрочем, в наше время, как вы могли заметить, параллельно с освоением скальных массивов, мы также успешно строим небоскрёбы и отдельные невысокие здания с нуля, так же, как это делаете вы. Наша архитектура, как и искусство в целом, в последние века имеют много общего. Конструктивизм, модернизм, индустриальные стили, стиль городских апартаментов характерны как для вашей архитектуры, так и для нашей. Большинство образцов интернационального стиля ваших высотных зданий вы можете встретить в нашем мире. Это обусловлено как нашим влиянием, так и естественным развитием вашей культуры. Всякая традиционная культура в мирах, подобных вашему, заканчивается цивилизацией, а последняя порождает смесь математического, натуралистически-интеллектуального творчества, в смеси с хаотическим.

— Как же рациональность и математика сочетаются с хаосом?

— В математике и рациональности воплощается строгость единства формы, функциональность, сочетаемая с эстетикой больших объёмов. Хаос же оживляет конструкцию, в вашем мире это биоморфность

форм, растительность сама по себе или моделирование форм растений, структуры, порождаемые самоорганизацией, паутины, пористые фигуры, текучий сюрреализм, эдакая природная иррациональность, она есть и в нашем мире.

Мы подлетали к центру мегаполиса, гигантские статуи, огромные кристаллоподобные строения, составляющие гармоничные комплексы, окружали несколько титанических остроконечных сооружений, напоминавших растущие с земли сталактиты. Мир игв, несмотря на то, что я действительно находил в нём разбросанные то тут, то там формы современной земной архитектуры, производил гораздо более фантастическое и урбанистское впечатление, чем земные города. Архитекторы этого мира проявляли более смелый полёт фантазии и масштабность в реализации форм интернационального стиля.

— Нам пора возвращаться. Действие вашей таблетки скоро пройдёт.

Я заметил на горизонте озёра и моря какой-то светящейся белой и розоватой лавы, делающие ландшафт ещё более фантастическим. Мы облетали вокруг сталактитоподобного комплекса, казалось, возвышающегося своими остриями до самых небес, мы находились при этом где-то на уровне высоты его средней линии. Видимо, здесь уже начинался закат, на теневой стороне комплекса зажглись миллионы огней. Я увидел невероятную по красоте, масштабности и смелости задумок подсветку большинства зданий, небо осветилось трансформирующейся сетью лучей мощных прожекторов, огромные экраны замелькали яркими красками, гигантские изображения появлялись как на двумерных экранах, так и в трёхмерном пространстве, начался праздник жизни вечернего мегаполиса. Мне неудержимо захотелось туда, вниз, окунуться в этот неведомый сверкающий мир. Кажется, я только сейчас ощутил его не как идею, не как что-то абстрактное, но как город, реальный город, самый фантастический и невероятный из всех, которые только может посетить человек. Я даже не представляю, какие чудеса я мог бы встретить там, у меня не хватит воображения, как не хватило бы воображения у человека из XVII века, если бы его прокатили на вертолёте над Нью-Йорком. Грлах поймал мой взгляд:

— Надеюсь, у вас ещё будет возможность не раз побывать в наших городах.

— А почему же вы не начинаете контактировать с нами открыто, на

уровне государств?

— Мы начинаем такие контакты, но только со странами первого мира, да и то ограниченно, ваша раса ещё слишком непредсказуема и агрессивна для нас, пока принципы рационального развития и разумного мирного сотрудничества не проникли в ваше сознание прочно и окончательно, вы остаётесь потенциально опасны для нас.

— Мне понравилось то, что я увидел, я согласен сотрудничать с вами. Расскажите, в чём будет заключаться наше сотрудничество?

— Вы обязуетесь реализовывать в своей работе стили, инспирируемые нами, а мы обязуемся делать всё возможное для обеспечения Вашего благосостояния и карьерного роста. Всё просто. Под инспирацией мы подразумеваем как теоретическое ознакомление с особенностями рекомендуемых стилей и направлений, так и непосредственная инспирация Вашего творческого «я».

— Вы и такое умеете?

— Мы умеем больше, чем Вы можете представить, привыкайте ничему не удивляться.

— Но если вы сможете повлиять на такой интимный и глубокий процесс, как моё вдохновение, почему же тогда вы, в целях естественной экспансии, не обработаете сознания всех людей на земле и не соедините, таким образом, наши культуры?

— Во-первых, мы встретили бы большое сопротивление со стороны миров вашей природы, они так же инспирируют ваш мир, мы находимся в отношениях со многими из них в состоянии политического нейтралитета, а с некоторыми — в состоянии холодного противостояния, между нами действуют определённые договорённости, и постоянно идёт напряжённая борьба за сферы и величину влияния. Всё, что мы можем, это агитировать людей вашего мира сотрудничать с нами по своему свободному выбору. А во-вторых, всякое развитие должно осуществляться естественно, проходя все характерные для своей среды естественные стадии, иначе рано или поздно такой конструкт рухнет. Так что мы — рациональные гуманисты. Итак, если мы договорились, вскоре наш агент передаст Вам для подписи договор, там Вы найдёте все теоретические материалы, их просмотрите просто для ознакомления, детали мы оставляем за Вами, нам интересно лишь общее направление. В качестве вознаграждения мы начнём с того, что отдадим Вам дом, из которого мы начали сегодня наше путешествие. Это наш подарок. Наверное, не стоит напоминать,

что никто не должен знать о подвальных этажах этого дома ниже третьего. Да и Вам самому я не рекомендую посещать их без нашего сопровождающего, эти этажи в высшей степени технологичны, уже в коридоре Вы подверглись глубокой перестройке Вашей материальной природы, как, впрочем, и я, лишь благодаря такой перестройке, мы физически смогли встретиться друг с другом, и лишь благодаря ей, я смог показать Вам свой мир. Кроме того, через два месяца будет объявлен международный конкурс на строительство высотного делового центра в новом строящемся сейчас районе Шанхая. Можете начинать работать над проектом сейчас. Документы, касающиеся проекта будут также переданы Вам агентом. Надеюсь, Вы хорошо поработаете и выиграете этот проект.

— Спасибо, не ожидал такой щедрости. Вы меня в очередной раз удивили. Это же проект колоссального масштаба.

— Не за что. Сотрудничество всегда взаимовыгодно, иначе мы бы его не предложили. Скажите, Вы хотели бы ознакомиться подробнее с проектными образцами нашей архитектуры, которую Вы обозревали сейчас с высоты?

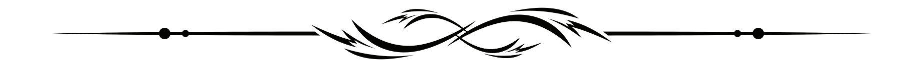
— Непременно, если это возможно.

— Конечно, агент передаст Вам подборку проектов некоторых из самых интересных проектов нашего мира. Только сохраняйте свою творческую оригинальность, когда-нибудь близость наших миров приведёт к постановке вопроса об авторских правах, не хотелось бы, чтоб тогда начались проблемы, к тому же, мы хотим лишь инспирировать Вашу архитектуру нашей, а не заменить её.

— О, не беспокойтесь. Я не откажусь от творчества даже ради вас.

Мы вернулись назад. Агент встретил меня в той же комнате, в какой оставил и передал мне все документы на дом, контракт, бумаги по проектам. Несколько дней я занимался переездом и обживанием своего нового дома. Вечерами я до глубокой ночи, не в стоянии удержаться, изучал проекты архитектуры мира игв, делая по ходу заметки и зарисовки в своих рабочих блокнотах. Когда же я окончательно переехал и, наконец, решил вплотную вернуться к работе, я почувствовал колоссальный творческий подъём и жажду деятельности, осознал, сколько мне теперь нужно сказать людям в своём творчестве, я буквально захлёбывался идеями. Наброски следовали один за другим. Общий план уточнялся россыпью проявляющихся следом нюансов и более мелких ноу-хау. Проработав в общих чертах одну идею, я оставлял её и начинал следующую,

принципиально другую. Но было в моих проектах что-то общее. Они были крайне фантастически урбанистичны. Перед моими глазами стоял простирающийся до горизонта мегаполис, утопающий в огнях, раскрашивающий небо сетью лучей прожекторов и лазеров, пестрящий огромными экранами, формирующими гигантские изображения прямо в пространстве.



Базовый уровень

Учиться, учиться и ещё раз учиться. Мир стал так сложен, что человек учится всю жизнь, а половину жизни вообще ничего полезного больше не делает, только учится. Правда программисты и психологи постарались сделать процесс обучения максимально интересным, но рано или поздно надоедает всё. Позавчера была логика. Математическая логика, внецелевые игры, пространственная логика, вербальная логика. Вчера весь день был посвящён истории. В пространстве передо мной раскрывались огромные карты с динамически меняющимися во времени областями. Я оказывался среди монгольских степей, реконструкции полчищ кочующих варваров, осаждающих города и казнящих пленных, я видел, как меняется со временем облик народов, их традиции и психология, как они сдают свои позиции, и на их место приходят новые народы, оказывающиеся сильнее старых. Сегодняшний день посвящён развитию памяти. Последующие несколько дней мы будем заниматься играми: социально-политические игры, реализации сценариев изменения истории, законов природы, технологического прогресса, экономические игры. Игры на постижение законов и динамики развития систем от физического и астрономического до социально-исторического уровней.

Затем, наконец, наступят выходные. Но, возможно, я просто перейду из школьной виртуальной комнаты в свою собственную. Мы встречаемся с друзьями в своём пространстве, каждому хочется показать остальным созданное им самим пространство, это прерогатива творческого самоутверждения пацанов нашего времени. Двое из нас теперь в другом городе, а мы договорились встретиться все вместе, так что придётся перенести встречу в виртуальный мир. Впрочем, цифровые миры теперь не на много менее реальны, чем сама реальность и чаще всего более интересны и разнообразны. В воскресенье, наверное, опять весь день буду играть. Игры сейчас вообще не отличимы от реальности, кроме того плюса, что в них можно мгновенно перемещаться в пространстве и времени, и в играх всегда даётся ещё один шанс. Боевые действия, исторические квесты, которые лучше не показывать нашим историкам, я, например, король средневекового германского

королевства. И я побеждаю французов, вооружая свою маленькую армию настоящими танками, вездеходами и ракетами дальнего действия. Это забавно. Все относятся ко мне как к богу.

Но всё это не значит, что мы вообще не выходим наружу. Кинотеатры, торговые центры с сотнями кафе и ресторанчиков превратились в целые города и органично соединились с парками. Я не знаю человека, которому было бы не интересно там гулять. Мне кажется, только в пределах одного мегаполиса можно прожить сто жизней и это не станет менее интересно. Но вот наступает возраст, когда меня садят в машину и увозят в лес. Лесные учителя — одни из самых маргинальных людей нашего мира. Наверное, родители из современных мещан больше всего боятся, как бы их дитя, выросши, не стал лесным учителем, как в прошлых веках они боялись, как бы их отпрыски не стали писателями или актёрами. Действительно, в лесных учителях есть какая-то почти мистическая глубина, они излучают доверие и уверенность, будто их природа опирается на что-то незыблемое, в отличие от природы обычных людей. Я впервые за пределами города. То есть, я видел сверху, со стратосферы, эти уходящие за горизонт бесконечные сопки, покрытые лесом, но никогда не был внутри. Все мои соприкосновения с природой всегда ограничивались полянами и видовыми площадками в тщательно прибранных лесах и на побережье вокруг города.

Я выхожу из машины, плавно опустившейся на поляну, окружённую лесом, мои первые шаги по действительно дикой природе. Пока всё нормально. Похоже на лес вокруг города, там тоже создаётся максимально естественная среда. Мы углубляемся в чащу. Пожалуй, она как-то более хаотична что ли. Или мне так кажется, потому что я знаю, что это дикая чаща. Идём полчаса. Теперь я точно ощущаю, что лес более хаотичный. Паутина постоянно цепляется за моё лицо, это ужасно, я судорожно со страхом и отвращением смахиваю её с лица. Слава богу, самих пауков пока с себя не снимал. Проваливаюсь в ложбину полную листьев. Под листьями болотце, промочил ногу. Комары уже достали, я весь искусан и чешусь. Почему, если в этом лесу так много паутины, все эти пауки не переловят всех комаров? Продираемся сквозь кустарник, натягиваю рукава на ладони, чтоб не осталось ни одного оголённого участка кожи на руках и ногах, кустарник оцарапывает всё. Продираюсь практически с закрытыми глазами, боюсь, что ветка, отскочив, выколет мне глаз. За зарослями кустарника

сразу же крутой обрыв. Скользим по обрыву вниз, цепляясь за мелкие деревца. Набираю полный ботинок земли, пару раз падаю. Цепляюсь за ветку, покрытую колючками, причём мелкими, как теперь вытащить из руки это оперенье из заноз? За полчаса ходьбы по этой местности я измотался, как никогда. А ведь ещё идти назад. Такое ощущение, будто лес высосал из меня всю энергию, чувствую себя разбитым, уставшим, грязным, мне кажется, мои волосы и тело под одеждой полно каких-то насекомых, я весь чешусь от чего-то, правда в реальности никого на себе не нахожу. Видимо, это от пота. На обратном пути начинаю чихать. Ну, вот ещё и аллергия на что-то. Добрели назад до машины. Заснул по дороге домой. Дома доковылял до своей комнаты, заставил-таки себя принять душ, есть не хотелось, только пить. Буквально упал на свою постель и тут же отключился на всю ночь. Нет, современный человек — мутант. Лес, из которого он когда-то вышел, теперь для него чужеродная среда обитания, как иная планета.

Второй поход в лес был посвящён ориентации. Я показал полную и безоговорочную неспособность к ориентации в лесу. Отойдя за пару деревьев, я уже не был способен вернуться назад. Лес для меня со всех сторон был супер симметричен. Учитель сказал, это придёт само, когда я получше пригляжусь к лесу. А пока он обучал меня рациональным методам ориентации: по звёздам и солнцу, по деревьям, по характеру растительности склонов, учил делать компас из подручных материалов. Чтобы приглядеться к лесу, я бродил там один. Учитель прикрепил мне на запястье датчик, показывающий моё местоположение, и отправил гулять по лесу. Я проходил много раз по одному и тому же месту, ломал голову, вспоминая зигзаги своего пути, искал и искал, пока не вышел к поляне с машиной. Второй заход мы сделали на следующий день. Тут я не смог выйти назад и учителю пришлось помогать мне, включая сигнал на датчике, когда я начинал двигаться в правильном направлении.

Следующие несколько недель мы посвятили детальному знакомству с лесом. Я поразился, сколько в лесу видов деревьев и трав, и убедился в своей полной неспособности различать породы деревьев, меня самого удивляло, как у меня всё сливается в единый неразличимый массив листвы и травы. Учитель рассказывал, как определять те виды растений, которые мне придётся научиться находить, и какую пользу из них можно извлечь. Съедобные растения, лечебные, ядовитые, растения, привлекающие или

отпугивающие определённых животных или насекомых, растения, из которых можно построить жильё или соорудить лежанку, растения, вызывающие сон и, наоборот, тонизирующие. Массив информации, который мне пришлось освоить на этом этапе, впечатляет. Это и не удивительно, я знал, что природа — сложнейшая гармонично устроенная и многокомпонентная система. Пока я в свободное время сидел в своей виртуальной комнате и учил флору родного края, я дополнительно порылся в информации о взаимоотношениях растений в сообществах, о времени сбора лекарственных трав и влиянии сезона и времени суток на биохимию растений, о вариабельности ядовитых свойств ядовитых растений, о том, какими растениями кормятся какие животные и птицы, обитающие в наших лесах. После учитель начал учить меня находить грибы, ягоды, орехи, съедобные травы. Я уже научился ориентироваться в лесу, я знал в теории, какие грибы, где стоит искать. Но на практике, как всегда, что-то начинает получаться, когда мистически вживёшься в среду и заплатишь свою цену усердия и труда. Тогда грибы и ягоды постепенно сами начинают показываться на глаза там, где их раньше не было. На первое время учитель дал мне электронный прибор для определения ядовитых грибов. Теперь я, с горем пополам, мог прокормить себя в лесу и знал основы лесной медицины, а возможно и не только основы.

Через два месяца мы впервые попробовали срубить и распилить дерево. После мы развели наш первый костёр. На методы сложения костровища, поиск и определение сухих веток, методы поддержания костра ушло два дня. В будущем мне предстояло научиться, также, добывать огонь, используя лишь подручные средства природного происхождения, но это — одна из конечных стадий обучения. Пока что меня ждало поддержание однажды разведённого огня в течение недели. Предстояло научиться защищать сухие дрова и сам огонь от сырости, топить сырыми дровами, учиться греться, не замерзая и не сгорая, спать у костра, вовремя просыпаясь. Я узнал, какие породы деревьев славятся треском и искрами, какие дают самый хорошо заметный дым, а какие, наоборот, позволяют развести максимально незаметный костёр, хотя основу этого уменья составляет умение найти сухие дрова и сложить костёр определённым образом.

К этому заданию параллельно добавилось другое: ночёвка в лесу. Мы строили шалаш трое суток. Шалаш то разваливался, то

продувался, то протекал. Сбор материала для шалаша оказался тяжёлым занятием. Особенно важно было научиться сооружать подстилку, чтоб тепло тела не уходило в землю. Начали мы просто с шалаша, первые пару ночей я спал на искусственном коврике с высокотехнологичным одеялом, в котором можно было спать, кстати, и под открытым небом, и у костра. Одеяло не промокало, не потело и не горело, поддерживая внутри строго заданную температуру. В последующие ночи от одеяла пришлось отказаться. Впрочем, учитель оставил мне обычное одеяло. Первая ночь прошла ужасно. Я засыпал лишь ненадолго, постоянно просыпаясь то от холода, то от неудобно твёрдой подстилки, то от звуков шуршания снаружи, то от жужжания какого-то залетевшего насекомого, то от ощущения, что по мне кто-то ползает. После того, как мы начали ночевать в лесу, мы переехали туда безвылазно на две недели.

Через несколько дней я то ли привык к лесу, то ли моя усталость достигла порогового уровня, но я перестал просыпаться по ночам. Но спать, не просыпаясь — не столь безопасно в лесу. Учитель стал подбираться ко мне ночью и бить меня палкой. Это подействовало на меня на удивление быстро, видимо, подсознание действительно не дремлет. Я начал просыпаться от малейшего шороха именно его приближения, не реагируя на другие звуки. Я так хорошо различал его среди всех остальных звуков, что ему пришлось менять тактику, имитируя приближение того или иного крупного животного или спокойно бредущего человека, чтоб настроить моё подсознание на действительную опасность. Переселившись в лес, мы дни напролёт учились строить ловушки, ловить и убивать животных, разделывать их, готовить на костре мясо. Правильно выбрать место для ловушки, сделать её незаметной и работающей оказалось не в пример сложнее, чем построить шалаш. Убийство животных — это чудовищно. Даже в лесу я постараюсь избегать этого, мне было нетрудно понять бродячих охотников ушедших культур, просящих прощение у убитых ими животных. Мы тоже просили прощение у тех, кого убивали своими руками и использовали их смерть по максимуму. Мы расширили наш шалаш, построив настоящий домик из некрупных веток и тростника. Там, под крышей мы работали, когда шёл дождь: выделывали шкурки животных, точили ножи, собирали ловушки, разделывали пойманных животных. В ясную погоду мы работали возле костра, сразу же сжигая всю ненужную органику. Мы жарили мясо, варили из него похлёбку с добавлением

трав, особенно учитель акцентировал моё внимание на растениях, богатых витамином С, мы сушили мясо, вялили и солили его. Я научился на глаз отличать больное животное от здорового, есть ли у него паразиты, какими растениями прокладывать его для большей сохранности и отпугивания насекомых. А впереди было много искусств, которые ещё предстояло освоить: поиск и выслеживание крупных животных, ночёвки на дереве, искусство сливаться с лесом, становясь невидимым, бесшумно передвигаться, нейтрализовать свой запах, неделями жить без огня, шить из шкур себе одежду, создавать своими руками домашний скарб и орудия охоты и рыбной ловли… Я стал другим. Мысли, темперамент, манера говорить, даже движения. Иной ритм, может, иной уровень напряжённости труда, или иной паттерн приложения усилий, то, что так утомило меня в первые мои пол часа путешествия по лесу, теперь изменило меня. Жизнь и труд в городе был формой узкоспециализированной активности, я как бы встраивался в уже существующую, контролируемую и хорошо отработанную систему, я был, как бегун на беговой дорожке, который делает марш броски, а потом в комфорте отдыхает. Здесь же я оказался среди первозданного хаоса и пытался сам структурировать этот хаос. Я дозировал свои усилия, которые приходилось прикладывать беспрерывно с утра до ночи в различных направлениях. Внутри меня развилась способность концентрироваться на том, что я делаю, возможно, потому что сил на то, чтобы отвлекаться не осталось. В перерывах я стал способен сидеть по часу неподвижно, любуясь течением реки или движением облаков, и совершенно ни о чём не думать. Я стал ощущать лес, я заранее чувствовал, где имеет смысл ставить ловушку, где забрасывать удочку, где искать сухие дрова. Конечно, я использовал объективное знание, но в начале моей жизни в лесу это далеко не всегда помогало, рыба не клевала там, где, теоретически, она должна была клевать (кстати, в том же месте у учителя она клевала отлично), рядом с шалашом оказывался муравейник с довольно агрессивными муравьями, а чтобы найти действительно сухие дрова нужно было побродить пару часов, тогда как теперь я иду наугад и нахожу их в десяти минутах ходьбы. Лес — слишком сложная и хаотичная система, чтоб можно было эффективно жить в нём, не используя интуицию.

Вернувшись домой через три недели жизни в лесу, я почувствовал, как сильно я изменился, и как изменилось

моё взаимодействие с городом. Раньше, выходя на улицу, я бессознательно попадал в сильнейшую, как я понимаю теперь, зависимость от взглядов окружающих. Как-то я поцарапал ступню, царапина стала быстро воспаляться, на второй день я уже встал с таким воспалением на ноге, что еле мог наступить на неё. Но всё-таки я оделся, обулся и вышел на улицу. Быстро я вообще перестал чувствовать боль, расходился — решил я. Проведя на ногах весь день, я вернулся домой, разулся, разделся и тут же почувствовал такую боль, что опять не смог даже наступить на воспалённую ступню, хотя ходил весь день очень быстро и не хромая. Всё, что я делал в обществе, даже если мне казалось, что я непосредственен и свободен в своих проявлениях, было на самом деле как бы работой на камеру. Я прилагал усилия, чтоб быть свободным и независимым, чтоб не думать об окружающих, когда садился на скамейку на улице, когда вставал с неё, когда поправлял штанину и завязывал ботинок. Я чувствовал, что нахожусь на виду. Теперь же, вернувшись из леса, я физически почувствовал, что какие-то нити теперь не связывают меня. Я мог идти по улице в грязной лесной одежде, без носков, хоть босиком, и меня это не волновало. Я стал спокойной, устойчивой, истинно самостоятельной и независимой от толпы единицей. При необходимости, я мог пройтись босиком по городу и раньше. Но всегда это сопровождалось внутренним напряжением, которое нужно было преодолевать работой над собой, созданием соответствующего настроя, подбиранием себе соответствующего образа, который оправдывал бы такое действие: «демонстративный асоциал», «хиппи», «счастливый идиот», «хочу и имею право и мне всё равно». Сейчас же работа была не нужна, не стало этих патологических связей. Я просто делал то, что мне было нужно. То же и во взаимоотношениях с учёбой, с виртуальным миром, с моим кругом. Я стал принципиально эмоционально независим от них. Я взаимодействовал с ними так, как считал нужным, я сам посылал им свои нити, но не стало тех нитей, которыми они связывали меня когда-то. Внутри меня восстановилась тишина, и моё тело сказало мне, что моё теперешнее состояние гораздо ближе к понятию гармонии, здоровья и силы, чем то, которое было раньше. Ощущение почвы. Ощущение естественной определённости верха и низа, в том числе в нравственных вопросах. Это не значит, что я стал непрошибаемым традиционалистом-почвенником в нравственных вопросах. Это значит, что я начал лучше отличать большое от

мелкого. Как-то я видел ускоренную видеосъёмку ночного неба, меня поразило, как чётко на таком видео облака отделяются от небесного свода. Глядя на небо своими глазами часто не можешь понять, то ли в каком-то участке неба мало звёзд, то ли их загораживает облачко. На прокрученном с высокой скоростью видео облака мельтешат низко-низко, прям над головой, небесный свод же величественно поворачивается где-то в бесконечной вышине. Видимо, «видео» моего нравственного мира, соединённое с концами и началами всех наших помыслов и действий, стало прокручиваться с такой же скоростью. Я перестал играть во многие игры, в которые играл автоматически, бессознательно, перестал обманывать себя. Я не потерял интереса ни к чему, чем занимался раньше, но стал делать это более сознательно, не теряя независимости и внутреннего контроля. Хотя нет, кое к чему я потерял интерес: к компьютерным играм в виртуальной реальности, к играм ради игр. Я почувствовал, что они сильно затягивают меня, быстро разрушая мою независимость, они с невероятной скоростью плетут снова те нити, которые связывали меня с городом и делали тем, кем я был. Я почувствовал, что игра ради игры сможет, возможно, за сутки сделать меня прежним. А мне не хотелось терять свою свободу так быстро. И я решил не играть. Но дни шли, и нити города прорастали в меня, и я ничего не мог с этим поделать. Я внутренне зафиксировал своё состояние по возвращении из леса и был способен возвращаться к нему, но постепенно это состояние вырождалось до уровня призрачной умственной идеи, и вскоре я с грустью поймал себя на мысли: а не играю ли я в это состояние? Не преодолеваю ли я сопротивление, чтоб натянуть на себя образ под названием «я вернулся из леса»? Тогда я собрался и поехал к учителю.

Когда благополучие становится тотальным, и человек уходит от борьбы за существование в виртуальные миры, где всё меняется слишком часто, смыслы, цели и ориентиры, как призрачные замки, возводятся, чтоб чуть ли не через месяц исчезнуть или трансформироваться, человек начинает рассеиваться в пространстве своего духа, своей личности, как тающее облако. Это не значит, что динамизм и скорость это плохо. Это не значит, что не меняющиеся веками и тысячелетиями внушённые мировоззренческие стереотипы прошлого, типа религиозных, государственных и социальных верований в христианского «бога», царя батюшку и кучу ребятишек, сидящих по лавочкам — лучше, чем динамизм нашего дня. По

крайней мере, сегодня все карты раскрыты, каждый сам выбирает свой путь, имея на руках всю информацию, которая ему нужна, мир рождает то, что он может и должен породить, и рождает он это свободно. Но человеческий дух лишь крайне не многих личностей столь устойчив, чтоб на него не нашлось нитей, игр, виртуальных воздушных замков, которые подняли бы его и понесли в свободный полёт, в котором верх и низ меняются местами неоднократно. И я не утверждаю, что борьба за существование первобытного мира, привязывающая человека к созданным эволюцией ориентирам победы и поражения — это идеальная и единственно возможная система смысловой и нравственной ориентации. Но я утверждаю, что не много найдётся людей, которые смогут противопоставить ей что-либо более прочное, глубокое, синтетическое, здоровое и перспективное в плане влияния на развитие личности.

Человечество стало слабеть. Человечество потеряло даже те ложные ориентиры, которые имело раньше. Человечество стало вырождаться в благополучии, как когда-то начинали вырождаться все великие цивилизации. Но наша цивилизация достигла такого уровня, какого человечество не достигало никогда. Человечество переселилось на другие планеты, оно овладело синтезом антиматерии, подчинило себе биологическую эволюцию и смогло разобрать по клетке и снова собрать человеческое тело. К чему привело бы вырождение такого человечества? Как выглядела бы картина его конца, и насколько растянулась бы его агония? Но наша цивилизация достигла такого уровня, поскольку научилась наиболее эффективно и системно соприкасаться с окружающей объективной реальностью, вовремя регистрируя и решая возникающие проблемы. Так проект «Спарта» родился в нашем «мире наступившего будущего». Каждый ребёнок в определённом возрасте должен пройти обучение в лесу. Должен соприкоснуться с диким миром, с началом, в котором зародилась человеческая природа. Должен научиться жить и выживать в лесу. Именно в лесу, в дикой природе, потому что выживание в жёстких условиях иерархии и конкуренции среди себеподобных только уродует человека, поскольку ему приходится бороться с уродствами окружающих. Ребёнок или его родители могут отказаться от проекта, но тогда этот ребёнок не сможет не только занять любую ответственную социальную должность, не сможет стать ни врачом, ни юристом, ни администратором государственного учреждения,

он даже не будет иметь права голосовать на выборах. Общество максимально обезопасит себя от такого человека. Большинство заканчивают обучение на той стадии, которую прошёл я. Но некоторые никогда не смогут забыть свою обретённую свободу. Такие ученики добровольно выбирают следующую ступень — год одинокой жизни среди лесов. После, как правило, такой человек остаётся достаточно лёгок на подъём, чтоб, почувствовав, что нити города снова начинают изменять его, самостоятельно уйти в лес на некоторое время и восстановить своё «я». Интересно, что этого не могут, как правило, сделать прошедшие лишь первую ступень. Рано или поздно город затягивает их, и они могут лишь с грустью внимать своему бессилию, но, тем не менее, лес меняет всех и навсегда. Сама память о себе другом меняет человека необратимо. Я выбрал следующую ступень. Ничего не имеет смысла, пока я не свободен.

Рассмотрите цветы, вырастающие на границе разложения культуры. Вглядитесь, например, в образы поэтов серебряного века. Да, они ярки, они ценны для человечества. Но возникает ощущение их тепличности, как возникает ощущение тепличности любого аристократа, уверенного, что он рождён и самой природой создан для тех условий и того образа жизни, которые ведёт. Двадцатый век своими кровавыми шестернями развеял антропоцентичные мифы о предопределённости образа жизни и судьбы талантов, гениев и аристократов духа, расстрелами, ссылками, переселением в коммуналки, смешиванием с пролетариатом и с землёй. Каким необъяснимым хаосом, не выводимым из личного бессмертного надмирного пути и призвания, смотрелась после революции жизнь и смерть Цветаевой, Мандельштама, Гумилёва. Их декадентство было началом виртуальности нашего мира. Вернувшись из леса, попробуйте представить себе, каким вы видите человека будущего. Вы прочувствуете возникшим в вас непосредственным чутьём, что, несмотря на бесценность личностей и творений декадентов, они уже свернули на боковую, тупиковую дорожку в сторону от мировой эволюции. На дорожку виртуальности, тепличности, вырождения. У них самих ещё достаточно было сил, чтоб творить нечто ценное, но у идущих за ними таких сил уже не будет, за ними придут воздушные замки и мыльные пузыри. Представьте себе, что человек проживает не одну жизнь, что в следующей жизни он возвращается и, сублимировав опыт прошлой жизни, начинает

свой путь по земле с новой ступени, став более совершенным. Каков будет следующий шаг ярких личностей серебряного века, идущих к совершенству? Мне кажется, их следующим шагом станет лес. Станет независимость от системы, независимость от виртуальности города и способность к созидательному творческому труду в любых условиях. Люди будущего. Они не опаздывают туда, где их ждут, они отвечают за каждое своё слово и дело, они всё учтут и всё предвидят, их не встретишь в праздности, или будучи сам праздным, каждая минута их существования наполнена смыслом и созидательным трудом, в котором они безупречны. Для них нет границ, для них не существует дверей. Трудности этого мира — лишь дополнительная закалка поступи их несокрушимого духа. Они сильнее день ото дня, и вот уже мир не может не только победить их, но и заметить их существование. Они сами приходят, когда таков их план.

Флэшка

Знаете, вокруг меня очень много странных соседей. Они такие серьёзные, увлечённые, склеивают модельки техники, разводят тропических бабочек или игуан, строят в гараже автомобиль будущего. Если вы начнёте расспрашивать об их хобби, они сначала будут отвечать, насупившись, и несколько скупо, но на самом деле им хочется рассказать об этом, не так много людей интересуются делом их жизни, хоть их и много в целом, каждый из них одинок. Одно из популярнейших развлечений странных людей нашей культуры — изобретение машины времени. Когда-то выходила газета под названием «Гравитон», посвящённая альтернативным научным теориям и загадкам науки. Половина газеты была посвящена бесплатным объявлениям, половина всех этих объявлений было от доморощенных изобретателей, изобрётших или почти изобрётших машину времени и «нуждающихся» в какой-то сумме денег, чтоб доработать своё изобретение или сделать действующий образец. Мой сосед был скромнее. Он изобретал машину времени сам и собственными же силами делал действующий образец. Замкнутый, творческий, в серой неприметной китайской курточке, всегда по деловому суетливый, с круглой головой и нечесаными волосами, весь в своих исследованиях, открытиях, преподавании кружков в клубе и школе, в подработках и заказывании новых книг и деталей. Я не очень разговорчив с соседями, но он меня забавлял, правда немного, и я частенько задавал ему какие-нибудь короткие простые вопросы. Он сурово, но охотно отвечал. Я задавал 2-3 вопроса, потом мне надоедало, и я делал вид, что теперь мне всё окончательно ясно, и я должен идти. Представляю, в какой культурной изоляции он жил, раз он полюбил меня за эти «разговоры». Со временем он стал разговаривать со мной первый, продолжая начатые раньше темы, вдавался в детали механизмов создаваемых когда-либо машин времени, поддельных и потенциально реальных, любил подробно описывать парадоксы поведения электромеханизмов необычных конструкций. В конце концов, доверие ко мне поднялось до изложения его альтернативной концепции устройства пространства-времени, на что потребовалось где-то два с половиной часа. В принципе, мне не очень трудно было слушать, полезное

дело, к тому же, сталкивались мы редко, и наше общение было сильно размазано во времени. В следующий раз оказалось, что это ещё не предел доверия. Мой любезный сосед согласился, то есть сам предложил, показать мне свою недоделанную машину времени. Тут я в первый раз побывал у него в квартире. Выглядело действительно наворочено. Мало того, через месяц-другой, по уверению изобретателя-самоучки, машина времени будет доделана и, если испытание пройдёт успешно, он покажет мне её в деле. Я знаю, чем обычно заканчиваются подобные испытания. Изобретатели машины времени, конечно, не какие-нибудь идиоты-адвентисты, но неудачное испытание не вылечивает заболевание, игра продолжается, следует исправление ошибок, перерасчёты и новые испытания до бесконечности. Но через месяца три-четыре, когда я уже и забыл про планируемое испытание, на моё удивление он мне сам про него напомнил. Причём, напомнил явно в приподнятом настроении, сообщил, что эксперимент прошёл успешно. «И что, перемещались во времени?» — спросил я. «Нет, перемещал кошку. Теперь собираюсь попробовать сам, хотел попросить вас, чтоб поприсуствовали, на всякий случай». Ну что ж, мне несложно. В долгий ящик откладывать не стали, договорились на сегодняшний вечер. В 5 вечера меня угостили чаем, и мы, наконец, перешли к эксперименту. В работе эта симметричная груда оборудования выглядит ещё импозантнее. В ней что-то раскручивалось с большой скоростью, менялись показания разных цифровых датчиков, что-то где-то подсвечивалось и подмигивало. Оказывается, для создания машины мой самозабвенный изобретатель использовал даже сверхпроводник. Но самое интересное, что залезший в машину сосед, когда мигание и раскручивание достигло необходимого максимума, наконец, исчез. Секунд на пять. Да, это меня удивило. Видимо что-то он всё-таки изобрёл. Оказалось, по рассказу самого соседа, он был в прошлом веке, провёл там час и вернулся в то же время, из которого переместился, на пять секунд позже, чтоб накладок не было. Видя, что с соседом ничего плохого не случилось, я, конечно же, попросился тоже совершить путешествие куда-нибудь в прошлое или будущее, на следующей неделе (вдруг за неделю с соседом проявится какой-нибудь отсроченный эффект перемещения). За неделю с соседом ничего не случилось, даже кашлять не начал, поэтому я снова оказался в его квартире за кружкой чая. Сосед позволил мне самому выбрать, куда я хочу попасть. Я выбрал перемещение на

пятьдесят лет в будущее. Хотелось бы подальше, но я не был уверен в сохранности человечества, за пятьдесят лет с ним, конечно, тоже могло что-нибудь произойти, но мне казалось, что с увеличением срока вероятность катастрофы возрастает, пятьдесят лет стало для меня, после некоторого размышления, компромиссом между интересом и опасностью. Кстати, шанс увидеть будущее будет у меня один, поскольку сосед - аскет заявил, после того, как я спросил у него, на что он собирается расходовать Нобелевскую премию и миллиард долларов за продажу патента, что человечество не готово к такому изобретению, и сделал он его исключительно для себя, для того, чтобы найти себе подходящее время для жизни. В качестве подходящего времени сосед избрал либо далекое доисторическое прошлое, до возникновения человека, а возможно и до появления млекопитающих, либо далёкое будущее, в котором люди станут адекватны. Короче, разберётся по ходу. А в «эффект бабочки» он не верит. Впрочем, если он создал саму машину времени, то и с фундаментальными аспектами воздействия на прошлое и на будущее тоже мог не прогадать.

Как бы то ни было, напившись соседского чаю, я залез в машину, получил подробные инструкции по практике и теории работы, управления и настройки машины, мы вместе установили параметры перемещения и возвращения, и я нажал кнопку пуск. Всё это дело замигало, поработало и остановилось, перейдя в режим ожидания. Я оказался в какой-то чистенькой подворотне. Солнечный день, приятный свежий ветерок, мягкие звуки города. Ну, что я могу сказать, пусть путешествие моё длилось всего час, прошло оно на славу. Я не променял бы его ни на какое путешествие по поверхности земли в нашем времени. Конечно, пятьдесят лет — достаточно маленький срок, мутанты и киборги по улицам ещё не ходят. Летающие машины уже есть, но мало. В основном очень красивые и бесшумные обычные, на колёсах. Всё красиво, чисто, зелено, уютно и приятно. Очень красиво. Но фундаментально не сильно отличается от красивых современных улочек развитых стран. Хорошая новость для всех путешественников во времени: в будущем царит такой эклектизм и разнообразие в стилях, поведении, психотипах и привычках, что шифроваться вообще не нужно. Если ваш внешний вид и манеры будут отличаться от доминирующих, все подумают, что вы чудак, и даже не обратят на вас внимания. Там чудаков и пооригинальнее вас хватает.

Слишком далеко за час я не мог уйти, поэтому можно было расслабиться и погулять в округе. Я сел на лавочку и попытался вжиться в этот мир, как можно лучше почувствовать его, как можно чётче запомнить этих людей, звуки, запахи, представить, что я живу тут, что мне не нужно никуда спешить. Мне хотелось понять, чем живёт этот мир. Но через 10 минут мне стало жалко тратить время на размышления, и я решил снова прогуляться по округе. Через улицу напротив я увидел рядок магазинчиков и направился туда совершить window shopping. Среди магазинчиков оказались банк, цветочный магазин, кафе, заведение непонятного назначения и маленький магазинчик гаджетов и электроники. Зайдя в последний, я встал перед дилеммой: хотя мне страшно хотелось посмотреть, на что способна современная техника, но вдруг окажется, что я её и в руках-то правильно держать не умею? Оказаться идиотом мне совсем не улыбалось. Я бегло осмотрел витрины, стараясь поддерживать рассеянный вид. Хозяин за прилавком поздоровался со мной. Я обратил внимание на цены, они, конечно, были огромны. Интересно, в ходу ли у них ещё банкноты нашего времени? Я, на всякий случай, сразу же придумал легенду о бабушкиной заначке, переданной внукам после её смерти. Кстати, сосед строго настрого запретил мне привозить что-либо из будущего, поэтому я автоматически искал глазами что-нибудь мелкое, что свободно помещалось бы в карман. Гаджеты необычной формы или с большими экранчиками стоили больше, чем у меня было с собой денег, хотя я, заранее подготовившись к этому путешествию, взял с собой почти всё, что у меня было. Рассматривая товары, я ожидал, что в магазин войдёт покупатель, отвлечёт от меня внимание продавца, уже готового подойти ко мне со своим навязчивым сервисом, которого я боялся, и, кроме того, мне хотелось посмотреть, как будут расплачиваться другие покупатели. Ну, представьте себе, вдруг уже денег нет нигде на земле, а я спрошу, можно ли заплатить наличкой. Или, например, я скажу, что ищу телефон, который бы мне понравился, а у них давно уже телефон телефоном не называется, или эти самые телефоны вшиты как-нибудь в мозг. Покупатель, действительно, вскоре появился, но расплатился, паразит, приложив браслет на руке к экранчику, который подставил ему продавец. Вот чёрт. Ладно, попробую. Может я такой фрик-старовер. Я заметил на витрине флешку, по-видимому, настоящую флешку, причём с ЮСБ разъёмом. Стоила она почти все деньги,

что у меня были. Когда в магазине снова не осталось покупателей, кроме меня, и продавец снова повернулся ко мне, я сказал: «Можно мне это?» и улыбнулся, показав на флешку. Я решил не называть флешку флешкой, потому что не был уверен, что это флешка. Продавец сказал: «Конечно», взял из-под прилавка такую же, упакованную в коробочку, и достал экранчик для браслетов. «А можно наличкой?» — спросил я? «Конечно» — ответил продавец. Я отсчитал и подал ему бумажки. Он пересчитал банкноты и немного завис, рассматривая их, но виду не подал, положил передо мной на прилавок флешку и, улыбнувшись, проводил словами: «Хорошего дня». Выйдя из магазина, я ударил себя в лоб: зачем я отсчитал ему без сдачи, я же мог заполучить деньги будущего! Но было уже поздно исправлять этот косяк. Я положил флешку в карман и пошёл к своему переулку долгой дорогой, заходя во все подворотни, чтоб как можно лучше рассмотреть и прочувствовать этот мир, прежде чем покину его на пятьдесят лет.

В квартире меня встретил мой серьёзный сосед, выслушал мой восторженный рассказ, делал комментарии специалиста и при мне стал собираться в дорогу. На следующий день я его проводил. Он нагрузил два больших рюкзака всего, что может быть ему необходимо, поставил клетку с котом себе на колени, простился со мной и нажал кнопку. По его плану, он будет перемещаться в будущее с периодичностью в пятьдесят лет пять раз, так что, если окажется на территории исчезнувшей жизни, мгновенно, без остановки, повернёт машину назад. Он планирует проверить состояние человечества через двести пятьдесят лет, потом, если нужно, через пятьсот, потом через тысячу. Если человечество окажется так же подло, как и сейчас, тогда он уйдёт в доисторическое прошлое, по дороге вернувшись туда, где можно достать оборудование и инструменты для организации жизни в диких условиях.

Оставшись один, я достал, наконец, флешку и вставил её в компьютер. На моё удивление, флешка опозналась компьютером. Вот эту философию я уважаю, девайс поддерживает порты и протоколы пятидесятилетней давности. Одно это говорит о будущем всё, что мне нужно было знать. Девайс опознался как флешка, не знаю, может это что-то ещё, кроме памяти, но пока я открыл только эту сторону девайса. Решил посмотреть объём флешки, побежали цифры, «м» сменялся на «г», тот сменялся на «т», те на «п», тот на «э», а цифры всё бежали. Либо он не понимает, какой у флешки

объём, либо её объём почти бесконечен, с нашей точки зрения. Решил проверить её объём экспериментально, подключил другой диск и стал копировать с него информацию. Поразительно, флешка, а так быстро копирует. Кажется, скорость ограничивается лишь самим компьютером. Вроде, всё скопировалось, проверил, запустил с флешки пару фильмов и музыкальных треков — всё работает. Тогда делаю образ дисков компьютера и копирую их на флешку. Всё влезает. Решаю начать более долгий эксперимент — начать копировать содержимое всех своих внешних жёстких дисков, пока место на флешке таки не закончится. А внешних жёстких дисков у меня много. Бесконечные папки с видео, документальным и художественным, с высочайшим разрешением и портативные, доставшиеся мне коллекции малоизвестных и «некоммерческих» никому не нужных фильмов, оцифрованых прямо с телевизора и скачанных мною опер и рок-фестивалей в формате наивысшего качества, музыка в mp3, в основном вся сосредоточенная в первом моём терабайтнике, начало моей музыкальной коллекции, потом в lossless форматах с CD качеством, и, наконец, DVD аудио, супер аудио CD, оцифровки винила с частотой дискретизации 96 и 192 кгц. Бесконечные папки с литературой в текстовых форматах, гигантские коллекции с точными, естественными, гуманитарными науками на русском и английском языках, с медициной и историческими первоисточниками, с журналами и моими собственными оцифровками книг, с аудиокнигами, звуковыми семплами, коллекциями картинок, моими собственным фотографиями и видео. Терабайты шли за терабайтами, а флешка всё не кончалась. Время от времени я проверял, читается ли то, что я скачиваю. Знаете, китайцы навострились подделывать флешки, отображается большой объём, всё копируется, но реально объём флешки минимальный, и копируется туда всё по кругу, после чего, конечно, не читается. Нет, я не подозреваю технологии будущего в таких проколах, но от того, чтоб проверить, время от времени не удерживаюсь. Наконец, после недели копирования мне уже нечего было копировать. Копирование с собственных дисков — ужасно геморройная вещь. Казалось бы — поставил на копирование и занимаешься своими делами. Но в реальности, как только отойдёшь, программа найдёт какой-нибудь системный файл или файл, который почему-то не копируется, задаст вопрос и спокойно висит, пока не ответишь. Когда уже кто-нибудь изобретёт проводник,

который будет продолжать копировать при любых условиях, вообще не задавая вопросов.

Так, надо всё-таки попытаться эту флешку заполнить. Поставил скачивать прям на флешку несколько подборок фильмов в высоком разрешении и коллекций бутлегов Led Zeppelin и The Rolling Stones с рутрекера, самые большие, которые только там были, скорости позволят закачать их за пару суток. Это нереальное концептуальное замусоривание места на диске, заодно посмотрю, как флешка справляется с многопоточной записью. Кстати, когда драйвера устанавливались, флешка что-то написала во всплывающем сообщении, не успел заметить, наверное, ругалась на то, что могла бы работать и быстрее, если вставить её не в такой древний компьютер, как мой.

Да, похоже уровень USB нашего поколения для этой флешки ничего не значит, ни при какой из тех скоростей, на какую способны наши компьютеры, и вне зависимости от числа потоков записи. То есть, всё, что теоретически может этот USB на моём компьютере, может и эта флешка. Потом поставил на закачку ещё несколько коллекций, и ещё. По ходу возникла идея действительно создать себе масштабную подборку. Прошёл месяц непрерывных высокоскоростных закачек. Флешка всё ещё готова принимать новый материал. Надо придумать что-нибудь действительно экстремальное. Открываю шару, в которой расшаривают свои файлы двадцать тысяч клиентов моего провайдера. Общий размер расшаренного в локальной сети — несколько петабайт. В программе оказалось возможным нажать правой кнопкой на имени пользователя и выбрать в меню пункт «скачать». Так, а если выбрать их всех? Выбираю, нажимаю правую кнопку. Программа думает минуту, но контекстное меню появляется. Нажимаю «скачать всё» и указываю свою чудо флешку. Закачка пошла со скоростью в 10 раз большей, чем из интернета. Наверное, 90% расшаренного в локальной сети — повторы одного и того же, но зачем перебирать, если у меня есть такая флешка. Качается.

Ещё через полтора месяца скачалось всё, что могло скачаться, остались только висящие файлы, которые, видимо, исчезли из сети навсегда. Так, на флешке всё ещё есть место. Что предпринять сейчас? Дома мне больше нечем её заполнять, по крайней мере, быстро. Можно, конечно, снова поставить её под торренты, и пусть продолжает качать из интернета. Но я придумал более быстрый

метод её заполнения. Несу мою флешку на работу. Вечерами делаю бэкап всей информации всех компьютеров нашей лаборатории и всей локальной сети. Пора выходить на промышленный масштаб. Пишу письмо своему знакомому в суперкомпьютерную лабораторию института Технологий и программирования, что выглядывает из-за деревьев у нас за окном, предлагаю бэкап всей их информации и информации, обрабатываемой суперкомпьютером. Объясняю, фантазируя, мистифицируя, сочиняя. Прихожу в их институт, подключаю флешку, за час показываю, что она может. Этого времени хватило, чтоб скачать на неё объём информации, превосходящий объём самого вместительного из существующих жёстких дисков, так показываю им, что у меня действительно есть что-то необычное. Откуда я взял флешку, рассказать отказываюсь, сказав, что иначе меня убьют, как и всех, кому я рассказал. Напугать наших людей легко, они верят в непобедимые и могущественные силовые сферы собственной страны, владеющие сверх-технологиями. Ставим на глобальный бэкап каких-то мощных научных систем плюс всей межинститутской локальной сети. Гм, тамошние суперкомпьютеры копируют во много раз быстрее моего совсем не плохого домашнего компьютера. Мой знакомый утверждает, что скорость копирования — это скорость работы компьютера, практически совпадающая со скоростью самого протокола. Оставляем на несколько дней. Всё, скопировано. Проверяем. Вся информация скопирована верно и остаётся рабочей. Ну что ж, мои идеи кончились. Выходить на ещё более высокий уровень не хочу, так как не хочу распространяться о технологиях, которые ещё не изобретены. Буду продолжать потихоньку скачивать интернет-коллекции, коллекции моих друзей и знакомых, кстати, у кого-то, помнится, была терабайтная коллекция тяжёлого рока, раз в месяц буду заходить в Институт технологий, делать суперкомпьютеру глобальный бэкап. И ждать. Пока появятся технологии, объясняющие, как можно вместить в такие размеры такой объём памяти или когда у меня появятся такие объёмы информации, которыми станет возможно забить эту флешку. А то когда есть свободное место на дисках как-то… непривычно, что ли.

Кстати, я один раз слышал шум в квартире соседа. Видимо приезжал за какими-нибудь инструментами или деталями.

Временной апокалипсис

Кто только не изобретал и не изобретает машину времени. Пожалуй, больше было только попыток изобрести вечный двигатель. Ну, это понятно, его проще создать. К машине времени даже не знаешь, как подступиться, пространство, время, всё такое. А вечный двигатель — это просто. Например, система магнитиков, проскакивающих мимо друг друга, или система металлических полосочек, собирающих из пространства энергию полей, имеющих бульварные названия. Но, к сожалению, из-за простоты гипотетического устройства вечного двигателя, он надоел патентному ведомству первый. В 1775 году Парижская академия наук приняла решение не рассматривать заявки на патентование вечного двигателя из-за очевидной невозможности их создания. Патентное ведомство США не выдаёт патенты на perpetuum mobile уже более ста лет. Кроме того, если вечный двигатель принципиально не возможен в нашей Вселенной, по крайней мере, в той её части, которую изучает наша физика, то машина времени принципиально возможна, правда только в критических случаях, включающих трудноосуществимые ситуации пространственно-временных искажений, чёрных дыр и многомерных пространств.

То есть, практически, машина времени сейчас «абсолютно невозможна». Но все мы знаем, в какое время мы живём. Сегодня профессионалы говорят, что для расшифровки генома человека потребуется ещё от ста до тысячи лет, а через год они втихаря в рабочем порядке дорасшифровывают его, и даже особо не празднуют. При этом им самим известно увеличение производительности оборудования, почему бы в свободное время не припомнить тренд последних двух лет, не сесть в уголок с листочком и ручкой и не нарисовать простенький график увеличения производительности их же собственной работы, прежде чем втирать нам про столетия. Самое интересное, изменения касаются и того, что считалось законами природы. Вчера говорили, что человеческое ухо может воспринимать сигналы только с частотой от 20 герц до 20 килогерц, сегодня оказывается, что это касается лишь монотонного тестового звука, а в случае естественной звуковой картины отсутствие более высоких и низких частот делает звук не таким натуральным. Не

верьте тем профессионалам, кто говорит о невозможности реализации тех или иных идей. Они удивительно слепы относительно того, о чём сами будут говорить буквально через пару лет, если они сейчас говорят о принципиальной невозможности чего-либо, то значит, это не возможно прям сейчас, в тот момент, когда они это говорят, но не более того.

Даже если не обсуждать «мелкие» технические проблемы создания машины времени, тут не обойдётся и без «больших» фундаментальных вопросов, например: куда я вернусь, если изменю что-либо в прошлом, или: откуда я возьмусь, если убью в прошлом своего дедушку, или: если я отвезу в прошлое устройство, которое ещё не изобрели, так что в будущем окажется, что его никто не изобретал, а просто привёз из будущего, то откуда оно возьмётся в будущем? Этими и другими вопросами машина времени родственна и вечному двигателю и соприкасается с самой причинно-следственной природой нашего мира, противореча законам сохранения вещества, энергии и информации. Но это лишь при прямом её приложении. А мы что только уже не обходили. Мы даже смогли обойти второе начало термодинамики, не нарушая его, и развившись в мире распада и рассеяния до такого уровня сложности, что сами себя познать не можем. В принципе, даже на фундаментальном уровне всё оказалось не так страшно, как представлялось сначала. В Мультиверсе, как оказалось, возможны все мыслимые и не только мыслимые варианты развития событий, так что изменяй, что хочешь, просто назови это потом иным вариантом. Даже внутри нашего варианта мира не всякое размазывание бабочки по подошве в прошлом приводит к политическому беспределу в будущем, в самоорганизующемся, детерминировано хаотичном мире структура в целом отчасти не чувствительна к флуктуациям элементов, если этот элемент не был критической флуктуацией, но такой элемент попробуй ещё найди. Но все эти рассуждения хорошо бы уложить в общую астрофизическую концепцию единого пространственно-временного континуума, в котором вообще нет движения, ни в пространстве, ни во времени. Просто есть монолит из трёх пространственных координат и одного временного. Изменения во времени — это лишь различия между срезами монолита, сделанными по временной шкале. Вообще-то измерений у монолита не четыре, если учитывать свёрнутые размерности, удерживаемые суперструнами в пространствах Калаби-Яу, но это сути не меняет.

Так или иначе, на сегодняшний день я могу постулировать не много законов и закономерностей, выглядящих абсолютно неотвратимыми и не имеющих предположительных путей обхода сейчас или в будущем. Один из таких законов: неотвратимость явлений прогресса, вытекающих из логики его развития. Неотвратимость и, что ещё важнее — неконтролируемость. То есть, если человечество доросло до чего-либо в своём развитии, то это появится, рано или поздно, и этот момент можно лишь отсрочить, но не отменить. Люди могут лишь предсказывать, просчитывать, предполагать, как будет выглядеть мир в будущем, с какими проблемами они столкнутся и как их удастся или не удастся решить. Но процесс эволюции цивилизации, приводящий ко всем этим проблемам и открытиям — это уже внеличностный процесс, такой же, как процессы эволюции космической или биологической.

И вот это время пришло. «Метод использует синусоидальные колебания электрической бомбардировки поверхности с сингулярностью Керра первого типа в непосредственной близости от сингулярности Керра второго типа, в результате возникает эффект Ленze-Тирринга, имитирующий эффект двух точечных масс на почти радиальных орбитах в 2+1-мерном пространстве анти-де-Ситтера. В результате, мы получаем круговые временные искажения, соответствующие модификациям геометрии Alcubierre, что позволяет изменить топологию системы от одной пространственной границы до другой. Так мы создаём пространственный конверт с полным замыканием кривых времени Godel типа». Первая портативная машина времени, мощности которой хватило, чтоб перенести кошку на пять минут в прошлое, а потом автоматически вернуть обратно, была создана в The University of California, Berkeley. Пока машина времени была ещё маленькой и маломощной, её создание не контролировалось государством, но потом исследователи смогли переместить в прошлое и вернуть оттуда человека, что сделало машину времени потенциально опасным стратегическим открытием, подобным открытию атомной бомбы. Работу засекретили и сделали приоритетным государственным направлением военных исследований. На таких отборных государственных дрожжах открытие оттачивалось и росло над собой не по дням, а по часам. Проблема была только в одном, прежде чем машину времени засекретили, исследователи своим чередом публиковали все научные данные, касающиеся её

создания, так что фундамент был обнародован, а остальное — дело техники. Поэтому у государства была одна задача — сделать как можно больше в этой области и сделать это как можно скорее, чтоб, когда другие игроки выйдут на поле, мы уже сидели бы в окопах и за укреплениями. Впрочем, даже без публикации исследователями Калифорнийского университета результатов своих экспериментов стоило ожидать повторения исследования в научных коллективах других государств. Помните, как практически одновременно совершались разными исследователями в разных концах земного шара одни и те же открытия? Поступь развития науки на удивление космополитична и синхронна.

В народе пошли слухи, подросла масса тематических бульварных публикаций, шизоиды, одержимые теорией заговора добавили новый абзац в свои мифы и фантазии. Между тем правительство сделало первым шаг навстречу другим государствам, имеющим потенциал для изобретения в скором будущем машины времени, и предложило создать международную исследовательскую комиссию, заключить пакет секретных соглашений, регулирующих сферу потенциально опасных для всего мира исследований, одним из которых являлась машина времени. Всем игрокам идея понравилась, и все использовали актёрское мастерство, скандируя сначала наедине перед зеркалом, а потом и в присутствии зарубежных коллег: «У нас в стране машины времени нет!» Когда подобные утверждения стали выглядеть совсем уж неприлично, страны участники соглашения переглянулись, и кто-то первый спросил: — А что, если её изобретёт какая-нибудь параноидальная страна третьего мира, контролируемая коммунистическим диктатором или наркобароном? После такой постановки вопроса старые игры решено было оставить, или, по крайней мере, видоизменить. Между тем, в голове у каждого посвящённого возникал простой и очевидный вопрос: — Все мы знаем, как мы «не разрабатываем» химическое оружие, как мы «поддерживаем» и «соблюдаем» договоры по двустороннему не использованию шпионажа друг против друга. Так не используют ли машину времени страны, имеющие её, причём на всю катушку? Не менялся ли мир уже неоднократно? А может уже давно идёт временная война? Точечные точно рассчитанные воздействия в прошлом, приводящие к падению геостратегических противников и собственному возвышению в настоящем. А действительно ли некоторые страны третьего мира

были таковыми изначально? Не возникнет ли скоро ситуация, когда машиной времени будет владеть лишь одно государство, быстрее остальных приготовившее и осуществившее акцию по глобальному опусканию остальных государств в прошлом? Все ощутили себя сидящими за круглым столом, где у каждого под столом кнопка, нажав которую он сможет, никак не выдав себя, мгновенно убить всех окружающих, и если кто-то ещё не сделал это, то возможно, это случайная заминка, лишь мгновение перед смертью, мгновение до прихода осознания и срабатывания реакции. Те немногие, кто участвовал в проектах, связанных с машиной времени, первые ощутили эту новую разновидность страха, высокотехнологичного и экзистенциального одновременно, страха, что мы живём не в изначальном мире, что завтра утром он может не проснуться или проснуться совершенно другим, в других условиях, в другом мире, и никто не знает, каким будет этот мир. Уже в следующее мгновение тебя может не стать, мало того, ты исчезнешь из памяти мира вместе со своим прошлым, окажется, что тебя никогда и не существовало. Бессмысленно прятать рукописи в дальний ящик или вкладывать деньги в жильё для детей. Исследователи, работающие над машиной времени, осознав такую опасность, ввели понятие матричного мира — изначальной версии мира, существовавшей до временного вмешательства, и активно начали работать над созданием временных капсул, просчётов вариантов развития мира и над поиском критических точек его эволюции, благо, средства у богатых развитых государств были неограниченные.

Число персонала, вовлечённого в работу с машиной времени, только в нашей стране стало измеряться тысячами. Среди такой армии всегда найдётся альтернативно мыслящий солдат, а в наше время полной информационной прозрачности один нестандартный солдат побеждает всю армию. В общем, схемы машины времени, протоколы экспериментов и засекреченные публикации проекта появились в Wikileaks и, таким образом, стали достоянием всего человечества. Это был следующий необратимый этап совершающейся трансформации мира, необратимой революции, фазового перехода, после которого мир, каким мы его знали раньше, ушёл навсегда. Сразу после того, как машина времени оказалась официально и открыто существующей, страны, имеющие таковую, собрали внеочередную сессию ООН, пригласив даже страны в ООН не входящие. Страны, отказавшиеся приглашать своих представителей

на переговоры, тут же были заняты войсками ООН, и какая-либо не контролируемая международным сообществом научно-техническая деятельность на их территории прекратилась. Разговоры о правовых нюансах процесса отложили на потом. Внеочередное заседание постановило наложить всемирный официальный запрет на сборку и неконтролируемое использование машин времени. Прерогатива собирать и испытывать это устройство осталась только у специально созданных ООН международных лабораторий. Также внеочередное заседание ввело всемирное особое положение по этому вопросу, решения принимались большинством голосов, против несогласных тут же принимались военные санкции, блокирующие всю страну, как систему, представляющую смертельную угрозу человеческой цивилизации. Но как остановить открытие, известное всем? Крупные технологические корпорации, конечно, заявили, что не собираются собирать никакие машины времени. Но тысячи и тысячи специалистов с альтернативной точкой зрения во всём мире продолжали работать со схемами машины, выкладывая результаты своих трудов в специально создаваемые сообщества. Очень быстро конструкция машины усовершенствовалась настолько, что её смогла бы создать любая более менее оснащённая университетская лаборатория и в Европе, и в Ливане, и в Китае. Между тем, усовершенствование машины, осуществляемое трудами волонтёров всего мира, продолжалось. Вскоре схемы, появляющиеся в интернете, по многим параметрам стали превосходить схемы, созданные в правительственных лабораториях. Машина времени стала поистине всенародным детищем. Так создание машины стало потенциально доступно любому обеспеченному и технически образованному индивидууму. Специальный совет ООН предпринял первую в истории человечества официальную попытку предотвращения преступления распространения секретных материалов, касающихся машины времени путём предупреждения его в прошлом. Исследователь, выложивший материал, погиб в автокатастрофе незадолго до того дня, когда документы впервые появились в интернете. Но историю это не изменило. Исследователь был не дурак и за полгода до открытого выкладывания залил материалы на несколько десятков серверов, которые должны были автоматически открыться через пару лет. Кроме того, обнаружилось, что у него были сообщники, дублирующие его преступление в случае, если с ним что-то случится. Можно было устранить его

полностью, например, ещё в детстве, но он внёс значительный вклад в разработку машины в нашей стране, и правительство не было уверено, что за нашей страной без него сохранится приоритет в разработке, а поскольку этот путь исторического развития считался условно проверенным, то есть, наша страна, изобретя машину времени первой, никого при этом не загнобила и не разрушила мир, так что лучше приоритет за ней оставить, в других же игроках участники совета не были так уверены. Кроме того, в наше свободолюбивое время такой акт, как рассекречивание секретных документов, не является необычным шагом больного человека. Это настоящее веянье времени и полноценная новая идеология. Так что рано или поздно, кто-нибудь всё равно это сделал бы.

Всё описанное выше было, так сказать, теоретическим созреванием революции, латентной её фазой, россыпью флуктуаций ещё не ставших критическими. Но эта фаза не могла продолжаться долго. И вскоре первые гражданские лица незаконно собирают свои первые машины времени и создают первые в истории человечества временные петли. Всё очень просто, никакой политики: берёшь какое-нибудь устройство, отвозишь его в прошлое, патентуешь, возвращаешься очень богатым человеком. Государства пытались предотвратить постройку частных машин времени, заполонили города датчиками, регистрирующими характерные временные искажения. Кого-то удалось поймать. Но машина времени, как инфекция. Если кто-то прорвался, то процесс становится неконтролируемым. А прорвавшихся становилось всё больше, поскольку доморощенные инженеры совершенствовали средства защиты от обнаружения параллельно с совершенствованиями средств обнаружения, производимыми государством. И эта борьба была столь выраженной лишь в развитых государствах. В странах второго и третьего мира машины времени создавались и использовались практически безнаказанно. В результате, имена многих знаменитых учёных и изобретателей не имеют в своём активе ни черновиков изобретения, ни долгой истории своей исследовательской деятельности, а весь их след в истории состоит из одного или нескольких гениальных изобретений, взятых ими «с потолка», то есть всё больше их оказывается проходимцами. И если первые из них хотя бы меняли прошлое «экономно» и «экологично», перехватывая изобретение буквально за год до его обнародования в матричном мире, внедряя устройство в одной из первоначальных его

версий, то тем, кто следовал за ними, приходилось идти ещё дальше в прошлое и внедрять более продвинутую версию устройства. Мир менялся беспрестанно. Точнее, все знали, что он должен меняться беспрестанно. Это воздействие было, как радиация, невидимо, не ощущаемо. Но, в отличие от радиации, от этого было не укрыться ни за какими свинцовыми стенами, не ощутить воздействия этого даже в будущем. Люди просто продолжали жить в ином мире, зная только его. Ситуация, наконец, полностью вышла из-под контроля. Но где-то в прошлом, пока не разразилась атомная война или эпидемия вируса из будущего, человечество не исчезло вместе со своими машинами времени, значит, жизнь продолжается, хотя и не для всех, изменяя прошлое, пираты - путешественники изменяли личные истории миллионов людей, кто-то появлялся, кто-то исчезал из истории бесследно навсегда вместе со своими родами. В мире, возникшем de novo, появляются новые проблемы и решения, новые устройства и направления технического развития, как правило, более продвинутые, чем были в матричном мире, поскольку прошлое засыпано ноу-хау, импортированными из будущего. А как же правительственные лаборатории, временные капсулы? Этим уже мало кто интересуется. Возможно, кто-то забаррикадировался во временных капсулах и сидит, пережидает, пока всё устаканится, а может никаких временных капсул ещё вообще не существует. В народе ходит фантастическая идея глобального отката в матричное состояние мира, но все понимают, что это вряд ли осуществимо.

Вскоре машины времени дошли до рук крупных и мелких торговцев. Началась прямая поставка товаров в прошлое. За ней последовала покупка территории для сброса мусора и радиоактивных отходов, территории для постройки особняков и заведения охотничьих угодий. Технологии внедрялись уже на заре цивилизации, бизнес готовил почву для продажи и внедрения технологий, являясь людям прошлого в виде богов, обучая их, навязывая нужную идеологию, формируя рынок с нуля. Разработка ископаемых, добыча природных ресурсов и сброс отходов сместились в доисторические времена, в эпохи до появления на земле человека. Это уже угрожало всему ходу эволюции, создавшей человека разумного. Единственное, что ограничивало вмешательство — довольно дорогая энергетическая составляющая переброски больших масс во времени, но машины времени продолжали быстро совершенствоваться и становиться всё более экономичными.

Мировое сообщество подписало новый пакет договоров и законов совместного контроля над прошлым. Гигантские ресурсы человечества брошены на тотальный контроль над прошлым. Огромное количество агентов пытаются стабилизировать ситуацию в её теперешнем состоянии, они есть в каждом городе, в каждом времени, они пресекают любое несанкционированное перемещение из будущего, они уничтожают саму незарегистрированную машину времени, и все живые и неживые объекты, которые машина в себе несёт, уничтожают без предупреждения, уничтожают всё, что предположительно было незаконно привезено с использованием машины времени из будущего ранее, они вычисляют точку перемещения в прошлом и ждут преступников, чтоб уничтожить их в момент перемещения. Постоянных агентов хватает только на исторические эпохи. Треть агентов беспрестанно путешествуют по миллиардам лет доисторической эволюции, выслеживая незаконные следы присутствия человека. Но в матричное состояние уже не вернуться. Менталитет людей прошлого изменён необратимо, знания и технологии не уничтожить. Даже если прекратить все контакты с будущим, мы оставим в прошлом совсем другую культуру. К сожалению, на этом революция не закончилась, впереди нас ждали не менее великие открытия. Дело в том, что хотя теоретически перемещение в будущее из точки настоящего представлялось более возможным, чем перемещение в прошлое, искажения геометрии Alcubierre, которую использовали машины времени известной конструкции, были ассиметричны и позволяли перемещаться именно в прошлое и только в прошлое, возвращаясь затем назад в точку отправления. Следующим шагом развития «машиностроения» была постройка машины с симметричным типом искажений, машины, которая могла перемещаться как в прошлое, так и в будущее. Сама постройка такой машины стала очередным фазовым переходом в состоянии реальности. Не знаю, что сдерживало их раньше, но в момент постройки машины агенты будущего заполнили мир. Инженер, построивший машину, не успел даже обнародовать своё открытие (оно было обнародовано позже). Мощные силы будущего влились в систему сдерживания и контроля. Принесли свои человеческие ресурсы, своё оборудование и свои знания. Оказывается, будущее долго и активно работало, чтоб отсрочить этот момент, но это было неизбежно. Несмотря на совершенные системы контроля, повсеместно появляются

нелегальные технологии будущего. Наука и технологические исследования входят в трудно формализуемое состояние смеси перманентной революции, стагнации и судороги. Зачем тратить ресурсы и время на исследования, если завтра какой-нибудь гастарбайтер привезёт из будущего готовую технологию более совершенной конструкции или прямо контейнер готовой продукции. Единственным источником прогресса стал нелегальный импорт из будущего, временные петли протянулись теперь из будущего в наше время.

Почему же будущее не стабилизировало ситуацию «ещё в прошлом» и мгновенно для нас в каком-либо устойчивом, конечном состоянии? Для объяснения этого возникла идея промежуточных состояний. Когда-нибудь память об этих состояниях сотрётся из памяти нашего мира, но всё-таки они существуют, так же, как когда-то существовало матричное состояние. Настоящее и прошлое ещё неоднократно изменится. Мы существуем в версиях реальности промежуточного типа, которых не станет вместе с их историей. Мы переживаем момент хаоса перед полной перестройкой реальности. Всё закончится достижением точки временной сингулярности. Прошлое, настоящее, будущее станет единым пространством, живущим и развивающимся по трудно представимым сейчас законам. Возможно, точка сингулярности выльется в полный контроль с участием более могучих сил будущего, контроль, прерываемый катастрофами, которые будут исправляться впоследствии, возможно, ещё до их наступления, или мир стабилизируется силами естественной самоорганизации, навсегда оставшись в режиме постоянной межвременной эволюции и представляя собой проходящую через все времена единую цивилизацию «вечного города». Похоже, мы идём именно ко второму варианту.

Что же представляла из себя теперь культура нашего времени? Что станет с культурой будущего? Духовная культура более тонкая материя, чем неизбежная поступь цивилизации. Культура очень чутко реагирует на среду, в которой возникает и развивается. Первые исследователи стояли перед важнейшим вопросом: остаётся ли связан со своим временем путешественник, отправившийся в далёкое прошлое, так что при изменении мира в точке отправления затронут ли изменения путешественника, находящегося в прошлом? Если нет, можно было бы обойтись

спасением артефактов матричного мира в прошлом, к примеру, книги, картины, музыкальные произведения переправляются в прошлое и продолжают существовать всегда в своих петлях, порождённые миром, которого уже не существует. Эти писатели, художники, музыканты как бы никогда не существовали, но в книгах, переданных из будущего, когда оно было ещё в матричном состоянии, их произведения, как и описания матричного мира, будут существовать всегда. Оказалось, природа мира реализует худший для нас вариант — при изменении мира в точке отправления изменения отражаются на путешественнике в прошлом мгновенно. Видимо между путешественником и миром, из которого он прибыл, сохраняются какие-то нелинейные причинно-следственные связи. Поэтому, при изменении прошлого, великие имена следующих эпох и поколений меняются. Постепенно прошлое становится вечным единым городом, грязным и неустроенным, потому что менталитет людей прошлого ещё не позволяет создать эффективную социальную систему, для этого нужны столетия естественной эволюции, хотя силы будущего помогают, как могут, начиная работу по навязыванию космополитического интернационального цивилизованного менталитета во всё более ранних эпохах. Чистый город быстро распространяется в прошлое, вплоть до границ социального развития человека, до предков, которых ещё почти невозможно ничему научить. Для них разрабатываются психосоциальные технологии воспитания, обучения и контроля. Одновременно на всём протяжении существования человечества восстанавливается окружающая среда. Когда цивилизация окончательно убивает традиционную культуру, великие имена исчезают навсегда. Кстати, нелегалы, меняющие прошлое, так же рискуют, как и все, не редки были случаи, когда будущее от их действий менялось так, что они исчезали в прошлом вместе со своими нелегальными товарами. Это одно из удивительнейших парадоксов времени — самосхлопывающиеся петли, нелегалы исчезали, исчезало то, что они привезли и чем изменили реальность, но будущее уже не менялось обратно, поскольку их отсутствие — есть продукт уже изменённого будущего. Некоторые сравнивают этот парадокс с квантовым парадоксом Кота Шрёдингера, в том смысле, что они существуют, меняя прошлое, и не существуют одновременно. Но вернёмся к культуре: все или почти все жанры искусства остаются и представлены многими прекраснейшими примерами локального

масштаба, видимо жанровая и техническая эволюция искусства надперсональна и подчиняется неким естественным законам, так что, даже без Леонардо да Винчи, рано или поздно человечество своими силами сделает стилистические творческие открытия, подобные тем, которыми мы были обязаны изначально ему. Трудно описать, что представляет из себя культура сейчас, можно сказать лишь, что это абсолютно другая культура, абсолютно иное человечество, абсолютно иной мир. Мир универсальной вечной цивилизации сверхтехнологического настоящего.

Хотя матричный мир утерян навсегда, временные изоляты всё-таки были созданы человечеством. Первые шаги принадлежат миссии из будущего, привёзшей уже существующую технологию. Артефакты и природные объекты настоящего помещают в пространственно-временную капсулу, в которой они существуют как бы вне пространства и времени, так что могут храниться там вечно, вне пространственно-временных процессов, происходящих в нашей Вселенной. Капсулы отвозят в далёкое прошлое и на космическую орбиту. Правда и они уязвимы. Если изменения, приводящие к не-созданию и не-отправлению капсул, произойдут в будущем, капсулы исчезнут в прошлом, материя же, заключённая в капсуле, навсегда останется и бесследно исчезнет вне пространства и времени. Поэтому проект по консервации элементов существующего мира начнёт действовать, только когда мир войдёт в эпоху временной сингулярности. Главное, начинает появляться надежда. Надежда, что стабильное будущее наступит, пусть и не такое, как мы представляем, пусть нас в нём не будет и даже память о нас сотрётся из структуры Вселенной, но мир и человечество всё-таки будет существовать. А пока, засыпая, каждый из нас просто надеется, что для него тоже наступит утро.

Сталкер

Зачем было встречаться именно здесь? Почему здесь? То тут, то там сверху спускаются ржавые металлические столбы. Иногда крыша мира сотрясается, прогибается, и столбы чудовищно скрипят, раскаты громового скрипа невыносимо режут слух, а сверху просачивается пыль. Неудержимо хочется убежать, я каждый раз срываюсь, но потом возвращаюсь назад. Может это проверка? Группа начинает сходиться. Все четверо на месте. Один без лапы и с половиной правого уса, другой совсем молодой, ещё половинного размера, третий — сталкер с треснувшим крылом и я - четвёртый. Все, кроме сталкера, идут, не зная куда, не зная зачем. У каждого свое представление о пути и его цели. Но ведь в конце что-то одно? Значит большинство, а то и все, будут разочарованы. Или мы найдём там каждый своё? Или, найдя что-то одно, все поймём, что это и было изначально нашей целью, просто мы этого не понимали? Когда-то, говорят, не было никаких опасностей, и на всём протяжении пути жили племена, которые свободно ходили, куда им вздумается. Но потом мир изменился. Теперь те, кто уходят без сталкера, надеясь лишь на собственные силы, не возвращаются. Никто из тех, кого мы знаем, ни разу не видели тот мир. Его видел только сталкер. Как он нашёл путь туда — мы не знаем. Он странный, другой.

Мы вышли. Рядком друг за другом мы идём в дальний край нашего мира, сверху льются тонкие полосы света, ведь я всегда задумывался о том, что там, и теперь мне суждено увидеть изнанку мира, войти в этот свет. Мы ступаем на вертикальную поверхность и идём дальше. Я не раз ходил по ней, но так близко к крыше нашего мира никогда не поднимался. Сталкер идёт впереди. Часто останавливается и шевелит усами. Но здесь мир не сильно отличается от того, что внизу. Наконец мы подходим к щели. В этом месте щель особенно широка, и можно свободно выйти на свет. По сути, это не щель, а пещера, залитая светом. Пока мы идём по ней, становится всё светлее, но мои глаза успевают привыкать к свету. Я волнуюсь. Наконец-то я увижу крышу мира с обратной стороны. Сталкер стал двигаться медленно, короткими перебежками, надолго замирая. Замедлились и мы за ним. Так, не спеша, мы вышли на свет. У меня захватило дыхание. Мир, открывшийся мне,

потрясал и пугал одновременно. Инстинктивно мне захотелось тут же сбежать назад, в уютный замкнутый тёмный мир. Неудержимо захотелось отступить в тень. Мне казалось, что весь мир наблюдает за мной, что смерть растворена в свете, что сейчас, сию минуту, что-то произойдёт. Но я сдержался. Хотя и не мог уже шевелиться так свободно, как внизу.

Сталкер сказал, что задерживаться тут очень опасно, и что наше желание уйти в тень инстинктивно правильно. Что мы будем держаться тени везде, где только это будет возможно. Мы пошли короткими перебежками по границе между горизонтальным миром внизу и вертикальным миром справа. Слева была бесконечность открытого пространства, я ещё никогда не видел таких далей. Откуда-то из беспредельности доносились звуки, и лился свет, заливающий этот мир, тот самый свет, что проникал через щели крыши мира в наш мир. В небесах шевелились, время от времени, гигантские массы. Сталкер сказал, что это такие формы жизни, и они очень опасны. По сути, это боги. Они сотворили этот мир, но не саму материю. Они непознаваемы, безжалостны и жестоки. Они несут смерть. Но они же и дают нам кров и пищу. Главная наша задача в открытом мире — держаться тени, держаться углов, держаться пещер и щелей, куда можно спрятаться, и всеми силами стараться, чтобы шевелящиеся горы нас не заметили. А они очень чутки. В этом мире перемещаются только короткими перебежками — шевелящиеся горы особенно хорошо замечают движение. В этом мире никогда не возвращаются тем путём, каким пришли, потому что шевелящиеся горы постоянно меняют верхний мир. Верхний мир — это их мир. Отклоняться от пути, прокладываемого сталкером, крайне опасно. Обгонять его — опасно, задерживаться — опасно. Сталкер учил нас поведению в верхнем мире. Это лишь самые элементарные правила, без которых тут не выжить однозначно. Но знание базовых правил совсем не гарантирует выживание. Наш компаньон без уса считает себя самодостаточным со своими жизненным опытом, ухмыляясь «мистифицирующему» сталкеру и показывая свою независимость, молодой не выдерживает медленного передвижения, и всё время порывается перемахнуть долину за пару минут. Сталкеру еле получается их сдерживать. Через всю долину протянулась белая меловая черта. Уже при приближении мы почувствовали что-то неладное. Сталкер запретил всем даже ощупывать черту усиками, и повёл искать

место, где черта заканчивается или хотя бы прерывается. Это возмутило и рассмешило молодого и безусого. Почему бы просто не перемахнуть через неё, зачем тратить неизвестно сколько времени на бессмысленные поиски конца линии, подвергая себя реальной опасности открытого мира? Молодой решил перемахнуть через черту, не говоря никому ни слова и показав всем дурость сталкера. Когда мы шли воль черты, поодаль от неё, молодой, пристроившись последним, неожиданно свернул и, набирая скорость, побежал к черте. Но при приближении собственный его страх и болезненное ощущение, распространяющееся от черты, его остановили. Он лишь коснулся усиками черты и остановился, как бы прислушиваясь к своим ощущениям. Потом он повернулся к нам, безмолвно ждущим, чем же это всё закончится, и посматривающих то на Молодого, то на сталкера. Несколько секунд нам казалось, что ничего не происходит, Молодой, казалось, готов был крикнуть сталкеру что-нибудь насмешливое и продолжить путь, но на собственное удивление, не издал ни звука. Его насмешливая полуулыбка застыла на лице на неестественно долгое время. Нет, все-таки, что-то здесь не так. Черты лица Молодого начали подёргиваться, полуулыбка уже не казалась полуулыбкой, она скорее воспринималась лицевой судорогой, искажением, от которого Молодой не в состоянии был избавиться. Молодой начал подёргиваться всё сильнее, потом упал на спину, пытаясь перевернуться, стал дёргаться в судорогах. Сталкер успел подбежать и оттащил его назад. Целый час мы ждали, пока молодой придёт в себя. Сталкер говорил, что принадлежи он к старому поколению, он бы умер. В новых генерациях развивается резистентность к черте. Через час молодой стал способен идти, но какие-то повреждения остались, при движении он дёргался, а когда мы шли по вертикальной поверхности, казалось, что он вот- вот сорвётся и упадёт. Сталкер продолжал говорить.

— Верхний мир это очень сложная система… ловушек, что ли. И все они смертельны. Не знаю, что здесь происходит в отсутствии таракана. Но стоит тут появиться таракану, как всё здесь приходит в движение. Бывшие ловушки исчезают, появляются новые. Безопасные места становятся непроходимыми. И путь делается то простым и лёгким, то запутывается до невозможности. Это верхний мир, квартира. Может даже показаться иногда, что она капризна. Но в каждый момент она такова, какой мы её сами сделали, своим состоянием. Не скрою, были случаи, когда тараканам приходилось

возвращаться с полдороги, не солоно хлебавши. Были и такие, которые гибли у самого порога холодильника. Но всё, что здесь происходит, зависит не от квартиры, а от нас.

— Хороших она пропускает, а плохим отрывает головы? — спросил Безусый.

— Не знаю, не уверен. Мне так кажется, что пропускает она того, у кого надежд больше никаких не осталось. Не плохих или хороших, а несчастных. Но даже самый разнесчастный гибнет здесь в три счёта, если не умеет себя вести.

Мы пересекли долину в вертикальном направлении, и недалеко до крыши верхнего мира черта, наконец, кончилась. Мы надолго замирали, когда в движущихся горах происходило очередное движение. Если бы горы нас заметили и стали быстро приближаться, мы, по инструкции сталкера, должны были бы тут же падать на горизонтальную поверхность верхнего мира и забиваться в любую тёмную щель, чтобы не быть убитыми. Но пока всё обошлось. Мы перешли на ту сторону черты и пошли к ближайшему углу с той стороны долины. Опустившись по углу, мы дошли без особых приключений до конца первой долины и вступили уже по горизонтальной поверхности на порог следующей. По дороге нам пришлось преодолеть пересечённую ворсистую местность, сильно замедлившую наш путь, но по утверждению сталкера неопасную и даже полезную, потому что мы на ней были не так видны шевелящимся горам, как на ровной гладкой поверхности стен верхнего мира.

Вторая долина встретила нас очередной ловушкой. Небольшой домик с удобным входом, будто приглашающим, чтоб туда зайти. Удивительный запах распространялся по долине и вёл к этому домику. Фантазия сразу нарисовала образ этого домика, как конца всех путей. Молодой подорвался сразу, сталкер его вовремя остановил. Безусый тоже смотрит в ту сторону и грустно вздыхает. Лишь моя недеятельная и рассудительная природа удерживает меня, чтоб не отклониться от пути, чтоб не поменять своё решение. Усталым путникам особенно трудно удержаться. Какая разница в том, что там, в реальности, блаженство, которое распространяет домик вокруг себя, как он преображает мир — этого достаточно, чтоб оправдать его, чем бы он ни был наполнен. Ради этого я бы туда и пошёл. Но сталкер беспрерывно нудит и прочищает нам мозги. Мы обходим домик по очень длинной дуге, всё это время сталкеру

приходится нас удерживать, но, зато, притягательная сила домика не усиливается, подойди мы ближе, возможно, один лишь сталкер из нас всех и пошёл бы дальше.

Наконец, домик настолько отдалился, что мы начинаем забывать о запахе, лишь изредка кто-нибудь из нас оглядывается, грустно вздыхая, пытаясь как можно глубже вдохнуть остатки удивительного воздуха. Окончательно наше внимание отвлекает большая хлебная крошка. Сталкер бегает вокруг и внимательно изучает местность. Решает, что тут нет никакой ловушки, пробует крошку сам и потом разрешает подкрепиться всем нам. Идём дальше. Впереди холм удивительной неправильной формы. Весь из складок, ворса, нитей, образующих запутанные лабиринты. Мы с Молодым сразу залезли туда и начали его обшаривать. Материал холма оказался довольно мягким, а складки так запутаны, что в них, наверное, можно было лазать бесконечно. Голос сталкера позвал нас назад. Он сказал, что в таких холмах долго оставаться тоже небезопасно, их обычно роняют шевелящиеся горы, и рано или поздно они за этими холмами приходят и поднимают в воздух. А контакт с шевелящимися горами нам вряд ли будет по душе. Сталкер сказал, что ни белой черты, ни этой мягкой складчатой сопки, ни манящего домика в прошлый раз не было, но были другие чудеса. Впрочем, и белая черта, и домик ему знакомы, но они тоже постоянно перемещаются. Здесь всё постоянно меняется, поэтому надо быть начеку.

Кажется, шевелящаяся гора появилась на горизонте долины. Я увидел её первым и окликнул сталкера. Эта гора была не похожа на остальных. Во-первых, она передвигалась бесшумно, во-вторых, она была гораздо меньше других, а в-третьих, она была совсем иной окраски и текстуры. Мы замерли. Сталкер сказал, что эта гора не так опасна, её мы почти не интересуем, но главное — не шевелиться. Гора неспешно пересекла долину, подойдя к большому ковшеобразному сооружению, от которого ветер доносил запах еды. Оно склонило один конец своего тела над хранилищем и, по-видимому, начало поглощать из него. «Пошли потихоньку» — сказал сталкер, и мы стали передвигаться дальше. Постепенно мы приблизились к середине долины. Немного не доходя до середины, был привал. Сталкер внимательно оглядывал горизонты, а мы отдыхали. Середина долины — как вершина горы — обозревается всё вокруг, со всей долины стекаются запахи, перемешиваясь в

причудливых сочетаниях. Звуки и тени от шевелящихся гор где-то за горизонтом говорят о том, что этот мир живёт, в нём всё время что-то происходит. Молодой решил сделать небольшой марш-бросок и сбегать на середину долины. Сама долина казалась довольно пустынной. Но не успел он дойти до середины, как на горизонте показался контур настоящей шевелящейся горы. Тут же нас ослепило залившим долину ярким светом. «Беги, беги!» — закричали мы Молодому, и сами бросилось в щели, вдавившись в них как можно глубже. Молодой бросился бежать к нам, шевелящаяся гора, делая замедленные, но гигантские шаги, быстро пересекала долину, и вскоре тень её накрыла молодого. Гора склонилась над ним, и на мгновение Молодой исчез в облаке тумана. Гора проплыла дальше, и вскоре свет потух. А мы остались наблюдать из своих укрытий как Молодой, мокрый от смертельной росы, бежит всё неувереннее, начинает дёргаться, теряет ориентацию и, наконец, падает в страшных судорогах, постепенно затихая. Это была страшная картина, которая навсегда останется в нашей памяти. Мы долго не смеем выйти из убежищ, очень долго. Сталкер, наконец, вытаскивает нас, онемевших от ужаса, почти силой. Но отправляемся в путь мы не сразу. Я хотел пойти туда, к Молодому, но сталкер не разрешил, сказал, что там повсюду ядовитая роса, которая не скоро ещё испарится.

Настало время пересечь долину поперёк. Путь наш шёл через открытое пространство долины, но чтоб не сгинуть на этом пути, следовало чётко соблюдать инструкции сталкера. Долина со всех сторон была окружена циклопическими сооружениями самой странной формы, в виде огромных прямоугольных платформ, некоторые из которых возвышались до небес на высоких тонких колоннах. Наша цель была — пересечь долину, двигаясь перебежками от колонны к колонне, и от одной отвесной стены к другой. Колонны вблизи оказались не такими уж тонкими, за колонной мог свободно укрыться любой из нас, отвесные стены же неплотно прилегали к земле, и в некоторых местах можно было свободно зайти в обширный грот, образуемый расщелиной между землёй и стеной. Так, постепенно продвигаясь вперёд, мы дошли до прямоугольной скалы особого рода. На эту скалу сталкер особо обратил наше внимание. Скала казалась живой, она мелко вибрировала, и от неё шёл особый, довольно приятный запах. Грот под этой скалой был особенно обширен. В его полумраке я

буквально почувствовал столь знакомый и успокаивающий пейзаж из органических и неорганических нагромождений, лабиринтов и чащ старой еды, пыли, валунов всех форм, текстур и запахов. Я почувствовал себя в безопасности. Один край скалы, тот, что примыкал к стене, излучал тепло, которое делало из скалы настоящий оазис. Кроме того, тут было несколько более влажно, чем везде, где мы проходили до этого. Вот тут прекрасно могло бы поселиться небольшое племя наших сородичей. Сталкер сказал, что скала внутри полая, что иногда она открывается, и внутри целые горы еды, такой, которую мы никогда даже не пробовали. Он сказал — это источник всей еды, которая есть во Вселенной, что та еда, в той форме и количествах, которые нам известны и которые кормят целые наши племена уже бессчетное число поколений — это лишь случайно оброненные незначительные крупицы того, что скрыто в этой скале. Конечно, скала, как и всё в верхнем мире — вотчина шевелящихся гор, и тайна её непознаваема, просто надо знать, что она есть, пусть её существование и невозможно объяснить. Ещё сталкер сказал, что платой за бесконечные горы еды, которые встретит таракан, пробравшийся внутрь горы, будет холод, такой холод, что движения его станут медленны, и то количество еды, которое здесь ему хватило бы лишь на день, там он съест, хорошо, если за неделю. Но наш путь проходит дальше. Нам не суждено увидеть гору изнутри.

— Ведь вы приводили сюда множество тараканов.

— Не так много, как мне бы хотелось.

— Ну всё равно, не в этом дело. Зачем они сюда шли? Чего они хотели?

— Скорее всего, счастья.

— Ну да. Но какого именно счастья?

— Тараканы не любят говорить о сокровенном. И, потому, это ни вас не касается, ни меня.

— В любом случае, вам повезло. А я вот за всю жизнь не видел ни одного счастливого таракана.

— Я, вообще-то, тоже. Они возвращаются из комнаты, я веду их назад, и больше мы никогда не встречаемся. Ведь желание исполняются не мгновенно.

— А сами вы никогда не хотели этой комнаткой попользоваться, а?

— А мне и так хорошо.

Тут всем пришлось надолго задержаться из-за меня. У меня

началось таинство линьки. Сталкер долго ругался. «Я же говорил — не ходить перед линькой» — делал он бесполезные теперь внушения. А я был счастлив. Не многим удаётся совершить таинство линьки в таком удивительном и далёком месте, в оазисе под чудесной скалой — прародительницей всей еды мира. Я постепенно вылезал из каркаса своей старой кожи и становился белоснежен, мягок и гибок. У нас верят, что всякий таракан сразу после линьки ненадолго обретает свою утраченную ангельскую природу, невозможно без восхищения и трепета смотреть на только что полинявшего таракана, он будто светится, он беззащитен, тих и красив неземной красотой. Каждая линька — это новое рождение. Сразу после линьки таракан даже не может заниматься любовью, прямо как дитя новорождённое. Это время провести очередную черту, многое переосмыслить, многое понять, многое оставить в прошлом и отправиться в будущее новым путём. Сталкер совершал надо мной священнодейство. Он исполнял священный танец линьки, и его молитва, вершимая в танце, разносилась в тишине ущелья:

—Пусть исполнится то, что задумано, пусть они поверят, и пусть посмеются над своими страстями, ведь то, что они называют страстью, на самом деле не душевная энергия, а лишь трение между душой и внешним миром, а главное — пусть поверят в себя. И станут беспомощными, как дети, потому что слабость велика, а сила ничтожна. Когда таракан линяет, он слаб и гибок. Когда нарастит кутикулу — он крепок и чёрств. Чёрствость и сила — спутники смерти. Гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому, что отвердело, то не победит. — Вещал он, простирая лапки к небесам.

Сталкер танцевал, Безусый с восторгом и неземным огнём в фасетчатых глазах смотрел на священнодейство, а я расправлял свои новые крылья.

Таможня

Здесь никогда не бывает нерабочих часов и дней, праздников и выходных, таможня должна действовать всегда. Мы все собрались в рекреационном зале и пьём чай. Все пьют чай вместе и заранее, раньше обычного времени, потому что скоро прибывает большая группа, и работы хватит всем. Нам лень возвращаться к работе, и мы остаёмся в зале, пока не открываются двери, и в коридоры таможни не начинает вливаться поток прибывших. Но у нас всё готово заранее. Все бумаги на месте, мы знаем, кто прибывает, куда направляется, знаем всю личную историю, предугадываем все вопросы, которые могут возникнуть, и уже знаем на них ответы. Мы — профессионалы. Кто-то домывает за собой кружку, а кто-то уносит кружку недопитого чая с собой в офис.

В холле с приятным пружинящим ковровым покрытием, толпясь, встречают прибывших родственники и друзья. Прибывшие удивлённо осматривают всё вокруг, будто ни разу здесь не были. Некоторые родственники с табличками, потому что прибывшие сейчас встретятся с ними впервые. Группа переговаривается:

— А как у вас всё прошло, по плану?

— Да, всё превосходно. Я не люблю неожиданностей.

— У меня-то тоже по плану, но план всё же был ужасен.

— Ну что ж, значит, вы много выиграли, не поскупились. Вас можно только поздравить. А вот для меня этот переход сам по себе не имел никакого значения. Всё случилось мгновенно.

К разговору подключается мужчина справа: — А я вообще ещё лежу в коме. Обгорелый кусок распотрошенного мяса. Чёрт бы побрал эти автоматы жизнеобеспечения.

— Так вы, значит, возможно, и назад скоро?

— Ну уж нет, не дождутся.

— А сколько вы там были?

— 60 лет в этом году.

— А, ну это нормально. Для смерти в авиакатастрофе вполне.

— Да, да, вполне, — соглашаются все участники беседы.

— Самый молодой у нас кто был?

— А вот этот мальчик из самого начала салона, года четыре, наверное, отроду.

— Быстро обернулся. Туда и обратно. Надо же.
— Ну, у всех свой план работ. А он, кажется, скоро назад. Подработал себе бонусов, теперь можно и на подольше. Он, кстати, довольно болезненно, мне кажется, переходил, вы не заметили?
— Не, в этой суматохе заметишь разве.

Ко мне в кабинет стучится парочка из вновь прибывших. Молодые парень и девушка летели вместе в отпуск.
— Здравствуйте, мы по вопросу планирования безвременного перехода, это к вам?
— Можно ко мне. Проходите, садитесь. Чем могу вам помочь?
— Видите ли, этот переход, насколько мы знаем, не был в нашем плане. Может что-то напутали готовившие авиакатастрофу, или мы не совсем разобрались с нашим планом?
— Так, сейчас разберёмся. Действительно, случаются иногда и накладки. Но в случае ошибок выплачивается страховка, превосходящая в несколько раз стоимость запланированного страдания и перехода, так что только на таких счастливых случаях чьих-то накладок многие остаются в истории того мира в качестве самых знаменитых или талантливых, или богатых представителей цивилизации. Но и кармический план — явление замысловатое, тут часто без специалиста не обойтись. Я погружаюсь в анализ их прошлого, в сверку баланса, в хитросплетения их плана. Вопрос разъясняется. Парочка, успокоившись и повеселевши, уходит. Такие частные вопросы нужно решить до начала общего собрания. Вскоре группу соберут в одной просторной уютной комнате, с удобными креслами, большой белой маркерной доской и улыбающимся кармическим агентом, они сядут полукругом и будут обсуждать, как прошли их жизни, сделали ли они намеченное, каковы у каждого основные достижения и разочарования, они будут заполнять анкеты и делиться впечатлениями. Важно, чтоб члены группы узнали о путях других людей, их ошибках, чувствах, целях, победах и успехах. Вскоре для всей группы начнёт проясняться, как тянущийся из глубины тысячелетий клубок сложнейших хитросплетений индивидуальных судеб вдруг сходится в единой точке одновременного перехода нескольких десятков человек.

Заглядывает девушка. — Здравствуйте, я хочу заказать город.
— Вы не из группы?

— Нет. А вы только из группы принимаете?

— Нет, что вы, все в порядке общей очереди. И так, какие у вас пожелания?

— Хочу быть богатой девочкой, дочерью богатых родителей в Нью-Йорке.

— Дайте-ка мне свою карточку. Так, поглядим… Вы знаете, что для такой жизни у вас баланс никак не сводится?

— Знаю, иначе бы не обратилась к вам. Может, есть какие-нибудь пути? Я готова на всё. Это моя мечта.

— Ну тогда, скажем, как вам такой расклад: первую часть жизни вы проживаете в богатой известной семье, вас знает весь Нью-Йорк, потом ваши родители погибают, вы сходите с ума, теряете память и пропадаете, становясь бомжихой, каковой и умираете лет через семь жизни в мусорном баке.

— Гм. А сколько будет длиться первая часть жизни?

— Двадцать четыре года.

— Заманчиво и пугающе одновременно. Надо подумать. Скажите, а можно оставить просто детство? На сколько лет у меня баланс сойдётся?

— Можно просто детство. Сейчас посчитаем. К сожалению, с мгновенным переходом, получается только семь лет.

— Да, немного. А с трудным и долгим переходом?

— Ну, опухоль мозга в сложнейшей форме может вам добавить ещё семь лет.

— Ой нет, это слишком. А метастазирующая лимфобластома и смерть в течение года?

— Ну, то один из самых лёгких способов досрочного перехода, просто курорт, некоторые просят её сами, просто ради нового опыта, это добавит вам ещё пару лет, максимум.

— Итак, девять лет на Манхеттене в богатой семье и смерть в течение года от лимфобластомы, метастазирующей в другие органы.

— Хорошо, оформляем. Когда отправляетесь?

— Через пару месяцев.

— Кстати, чуть не забыл, у нас есть постоянные вакансии на гениев. Земля крайне нуждается в гениях, недостача кадров. Никто не хочет.

— Нет, спасибо. Это не для меня. Место в истории человечества, творчество, слава, влияние на судьбы мира и за всё это — плата в реальном времени. Я повешусь сразу.

— Вот это-то всех и пугает. Плата за гениальность так высока, что никто не хочет. Недавно был, кстати, забавный случай. Я оформил желающего побыть гением ребёнком. Гением уровня Леонардо, но до восьми лет. Такие любители находятся. Это не серьёзно.

— Пусть Бодхисатвы гениями работают, они всё равно за общественный счёт работают, им отрабатывать не надо.

— У них своей работы невпроворот. Гениальность из общественной кассы не оплачивается. Пригласите в коридоре следующего пожалуйста.

— Здравствуйте, я хочу быть красавицей, но у меня баланс не сходится.

— Задолженность хотите оплатить при жизни, в следующей жизни или в предварительном воплощении?

— При жизни, сразу.

— Тогда так: в первой половине жизни, до рождения двоих детей вы — красавица. После рождения второго ребёнка — толстая тупая злая тётка. И пьющий муж. Подходит?

— Ну, что делать, оформляйте.

Заходит охранник с задержанным. — Докладываю о правонарушении. Смотрите, что он пытался пронести с собой.

— Господи, опять! Ну куда ж вы всё время что-то тащите. Неужели вы не понимаете, что наша граница — это не просто условная граница. Это действительный экзистенциальный барьер первого рода, понимаете — первого! Миры по ту сторону границы и по эту — это миры различной материальности. Вы что, хотите быть мессией, что ли? Если хотите осуществлять проекты глобального исторического масштаба, основанные на врождённой природе, дорастите до общественной кассы, получите неприкосновенность, пройдите путь Бодхисатв. А пытаться делать такие глупости, которые делаете вы, крайне предосудительно. Предъявляю вам первое предупреждение. В случае повторения инцидента изолирую от мира воплощённых на сто пятьдесят лет.

— Следующий, пожалуйста!

— Здравствуйте, я бы хотел, чтоб вы помогли мне заполнить анкету для подробного сведения баланса.

— Что ж, присаживайтесь. Сколько у вас? Так-так. Вот расценки, что сколько стоит. Иногда цена рассчитывается нелинейно, зависит от

сочетания свойств и качеств, стоимость некоторых качеств является функцией времени, прямой или обратной, или зависит от уровня проявленности. Градация бывает дискретной или непрерывной. Как видите, все очень интересно. Что вас особенно интересует?

— Математические способности, начнём с них.

— На уровне?

— Карьера с применением их, но не математика.

— Ну, это не дорого, кстати, мало кто обращает внимание на этот пункт. Что ещё?

— Красота, привлекательность, интуиция, литературные способности…

— В принципе, среднестатистический уровень всего не стоит ничего, вы можете распределить имеющийся у вас баланс равномерно по всей анкете, став во всём немного выше среднего, а можете выбрать несколько пунктов и динамически распределить доступный баланс по ним, убирая в одном пункте и добавляя в другом, пока не найдёте баланс, который бы вас устроил. Только помните, цена бала в различных пунктах может отличаться на порядки. Интуиция крайне дорога, поскольку относится к трансцендентным пунктам, привлекательность дешевле красоты, литературные способности — ну, в наше время это смешно, обычно их берут в качестве довеска, когда больше ничего не взять на оставшуюся мелочь, либо мы оформляем их как подарок.

— А вот блондином сколько стоит стать?

— Гм, блондином — довольно дорого. Но вы можете подождать пятьдесят лет, тогда цвет волос вообще уберут из списка.

— Как так? Блондинов на земле не останется?

— Нет, чудеса генетической инженерии. Цвет волос ничего не будет стоить, здесь, по крайней мере. Об этом будут договариваться с будущими родителями индивидуально или менять самостоятельно уже в сознательном возрасте.

— А как насчёт места жительства?

— Те же законы. Вы можете быть ничтожеством в отличном месте, хоть кошкой в царском дворце. Можете быть большим человеком в провинциальном городишке. Смещение вверх по обоим показателям влияет на общий баланс. Кстати, почему у вас в анкете указан мужской пол, вы ошиблись?

— Нет, я хочу быть мальчиком.

— Но вы в прошлой жизни были мальчиком, значит в этой должны

быть девочкой. Иначе вы будете «голубым».

— Ну пусть «голубым», всё равно хочу мальчиком.

— Как пожелаете.

— А может быть, можно бисексуалом?

— Тогда придётся немного доплатить. Приблизительно, как за математические способности.

— Хорошо, просто вычеркните математические способности.

— Пожалуйста. Вот ваши родители будут рады… Шучу.

— Да уж, хорошо, что они уже там и не могут решать.

Входят странные светящиеся тонкие высокие фигуры.

— Добрый день.

— Рад вас видеть. Чем могу быть полезен?

— Мы хотим в грубоматериальную Вселенную.

— Вам грубоматериальный мир противопоказан. Вы это знаете. Вы хотите обречь себя на непредсказуемое воплощение и заставить меня пойти на нарушения? Вы прекрасно эволюционируете и здесь, в отличие от людей, кстати.

— Мы считаем, что для эволюции нам необходим опыт воплощённого грубоматериального существования.

— Попробуйте себя в других мирах. С переходом второго, а лучше — третьего родов. Или подождите сто — сто пятьдесят лет. Искусственный интеллект дозреет до уровня, при котором сможет принять вас. Пока я ничем вам помочь не могу. Попробуйте обратиться в метакультуру толтеков. Возможно, вы пройдёте в качестве неоргаников каких-нибудь, кого они только не поддерживают.

Коллега заглядывает ко мне в офис и просит помочь провести миссию. Несколько Бодхисатв отправляются в грубоматериальный мир со своими миссиями. Я проверяю входные-выходные данные, идентифицирую личности и пропускаю, пожелав счастливого пути. У них дипломатическая неприкосновенность, абсолютно неограниченный общественный баланс, у каждого — важная миссия в своём конце земли и абсолютное отсутствие личностных корыстных целей и предпочтений. Их путь — абсолютно рабочая, причём благотворительная и анонимная командировка. Они проходят прямо через все ограждения, они могут проносить всё, что захотят, они помнят и тот мир и этот так, будто живут в обоих мирах

одновременно. Они спокойно появляются в грубоматериальном теле, живя здесь, и заходят сюда по делу, живя в грубоматериальном теле. Мы лишь следим, чтоб под их видом не прошёл кто-нибудь другой, и отмечаем перемещения для статистики.

Вот и обед. Короткая планёрка. Не возникло ли у кого каких проблем, какие планы по пропуску людей в обоих направлениях, есть ли особые путники. Кажется, этот день не оставит особого следа в грубоматериальной истории. Хотя, один вопрос всё же возник на сегодняшней планёрке: снова не хватало выезжающих. На нашей стороне количество жителей практически неограниченно и возле каждой пары в грубоматериальном мире ошиваются десятки наших туристов. Но если пускать этих недоумков туда бесконтрольно, недолго же продержится наивный маленький и хрупкий грубоматериальный мир. Среди простых граждан приоритет имеют регулярно воплощающиеся в том мире, хорошо зарекомендовавшие себя граждане. Поэтому мы первым делом сводим баланс подавших заявки на переход граждан, имеющих опыт эволюции в грубоматериальном мире и возвращающихся. Так как популяция в грубоматериальном мире беспрерывно растёт, остаток мест восполняется теми, кто переходят границу нашего мира впервые, для таких существует особая, довольно долгая и нудная процедура проверки, которую ленивые сотрудники нашей службы всегда пытаются избежать. Сегодня нам немного помог Китай — необычно большая группа из китайский метакультуры решила присоединиться к нашему народу на Земле, и нам пришлось взять её транспортировку и оформление в свои руки. Также, в который раз, помогла Уганда. Одно из немногих мест на земле, где в этом году смертность опять превысила рождаемость. По давней договорённости мы приняли большую группу вернувшихся пару месяцев назад угандийцев, чтоб отправить их на грубоматериальные просторы нашей родины, присоединив, таким образом, к нашей метакультуре, возможно — навсегда. Несколько десятков человек выпустили назад, не дожидаясь сорока дней после их возвращения. Это, конечно, не поощряется, но энергетическое состояние их оболочек позволяло запустить новый цикл раньше минимально положенного срока. Будут несколько слабее в том мире, но патологий не предвидится. Для досрочного перемещения лучше всего подходят те, чьи грубые тела были кремированы. Во

сне они не раз будут видеть свою прошлую жизнь.

Сразу после обеда пошли парочки. Парень отправляется на отработку баланса, уходит на два года, когда вернётся, его баланс сравняется с балансом его девушки, и они вместе пойдут проживать незамысловатую, но романтичную и счастливую жизнь на архипелаге маленьких островов Тихого океана. Они родятся почти в один день, будут жить в одной рыбацкой деревне, расти вместе, дружить, взрослеть, познавать первую и последнюю в их жизни любовь в волнах вечернего прибоя. А пока парень отправляется мучиться в повреждённое генетическим дефектом тело мальчика, дефект приведёт его обратно после двух лет мучительной жизни в том мире. Ещё одна техническая, промежуточная жизнь.

Кстати, через наш пропускной пункт проходят не только парочки. Мы рассчитываем маршруты, пути и судьбы целых групп, становящимися родами, друзьями, близкими и любовниками там, за порогом нашего мира. Кто когда и за кем уйдёт, кто когда вернётся, кто будет мужчиной, а кто женщиной, у кого с кем будет какая разница в возрасте. Кто будет первым ребёнком, а кто вторым, кто успеет побыть и первым, и вторым, кто станет мужем и женой, а кто любовницей, имеющей большее значение, чем жена. Любой из нас хочет получить группу, расчёт групповой судьбы — действительно сложная и творческая работа. Необходимо рассчитать кармические уроки так, чтоб закрыть максимальное число щелей за минимальное число ходов и связей. Иногда для сведения такого многокомпонентного уравнения приходится вводить в группу нового члена со стороны или исключать кого-то из группы на три поколения. Отдельная и очень особенная роль в группе, это роль того, о ком говорят: «в семье не без урода». Трагичная роль. Он отрабатывает свой баланс, группа — свой. Там, за рубежом нашего мира, его никто не любит, зато здесь — это самый популярный, любимый и уважаемый член группы. В группе, пришедшей сегодня (я уже работал с ними раньше), треть членов была уже на той стороне, сегодня в ней появились три новых члена, один ушёл из группы, это создало новый расклад в сложнейших кармических переплетениях, я избегал тупиковых узловых сингулярностей и деструктивных критических переходов, просчитывал альтернативные варианты событий, предлагал, спрашивал, рисовал схемы и многомерные графы. В результате, я предложил группе найти ещё одного члена,

обладающего составленным мною списком свойств и векторов развития, что кардинально повысило бы эффективность работы группы и, главное, развязало бы несколько старых узлов, тянущихся за группой уже столетие по временному исчислению того мира.

«Здравствуйте. Я из Японии, но давно уже живу на вашей стороне и хотел бы окончательно присоединиться к вашей метакультуре, совершив визит через врата вашей таможни в грубоматериальный мир.» В последние годы всё интенсивнее становится обмен с иными метакультурами. Большая масса народу приходит из иных метакультур и уходит в иные метакультуры. В целом, это поднимает общий уровень путешественников, поскольку слияние специфичностей различных путей ведёт к синтетическому совершенству. Особенно много таких путников появляются на границах государств в том мире и на границах метакультур в этом. Некоторые кармические нюансы заставляют делать переход более плавным. Например, вы замечали, как много японофилов в регионах нашей страны, граничащих с Японией в грубоматериальном мире? За два-три перехода иммигрант окончательно вливается в сообщество новой для себя метакультуры, а пока этого не произошло, остаётся связан деловыми, эмоциональными, духовными и территориальными связями со своей старой родиной. В крупных мегаполисах роль буферных зон выполняют этнические кварталы, итальянцы, китайцы, арабы вливаются в метакультуру Северо-запада, рождаясь в родственных им этнических кварталах американских городов. Для некоторых этот переходный этап становится постоянным, и они жизнь за жизнью проводят в этнических кварталах. Теперь это что-то вроде неформальных микро-метакультур нового времени, хотя и в другие эпохи возникали свои микро-метакультуры, например, в колониях. Эти этнические микро-метакультуры, оставаясь связаны со своей метакультурой — прародительницей, обогащают метакультуру, внутри которой возникают, и обеспечивают её адептам — крайне интересный путь на грани двух метакультур (иногда трёх, если пути людей проходят на границах двух этнических кварталов больших западных городов, и они являются членами групп, состоящих из представителей всех трёх метакультур). Составлять карты путей для таких интернациональных групп — вершина мастерства работника нашей службы, жаль, что шанс заняться этим выпадает очень

редко. Впрочем, для желающих просто попутешествовать есть путь попроще: человек просто рождается сразу в другой метакультуре. Да-да, всё так просто. Но он при этом с вероятностью 90% потом сам переезжает в страну своей родной метакультуры. Зоны притяжения. Он, при этом, по своей ментальности и часто даже внешне остаётся похож на представителя своей метакультуры. Сейчас, когда расстояния между странами сократились и можно, живя в одной стране, свободно попасть в зону влияния другой, таких людей стало много. Интересно, как это объясняют люди на той стороне, они же не могли это не заметить. Будто в мире существуют генетически не обусловленные типажи, соответствующие представителям тех или иных стран и метакультур, так что иногда в стране, относящейся к одной метакультуре, вдруг рождается человек из другой метакультуры, он там явно не совсем в своей тарелке, и в сознательном возрасте сам переезжает в страну своей метакультуры.

— Добрый вечер. У меня к вам несколько необычная просьба. Видите ли, я бы хотела выйти на ту сторону, но не в качестве человека.
— Вы хотите стать духом места или каким-нибудь представителем искусственного интеллекта? Эта сфера находится ещё в стадии разработки.
— Не совсем (она немного замялась) — Я хочу быть там — обезьянкой.
— Обезьянкой? — я искренне не понял.
— Да, я знаю, как велико генетическое сходство между шимпанзе и человеком, мне кажется, опыт жизни в теле не Homo Sapience, вообще вне каких-либо метакультур, вообще вне исторического контекста человечества — это уникальный опыт, такой уникальнейший опыт, который только может быть мне доступен.
— Гм, в такой интерпретации это уже не кажется извращением, звучит логично, действительно, опыт в теле животного для человека сродни опыту воплощения существом иных планет. Но вам известно, что человек не может соединяться с телом низшего по уровню развития существа, по крайней мере, здоровым, естественным образом. Для уровня развития человека нужна развитая нервная система.
— Да, это рискованно, но стоит попробовать, интеллект самых развитых человекообразных обезьян выше, чем обычно считают.
— Но процесс интеграции может пройти непредсказуемо, и вместо

удивительно умной самоосознающей обезьянки вы станете аутичной больной обезьянкой, которая, засыпая каждую ночь, рискует не проснуться утром.
— Всё же, я хотела бы рискнуть.
— Ладно, попробуем. В конце концов, это выход из нашей метакультуры, который не требует тех формальных процедур, которые нужны для перехода в иные метакультуры. Вы будете шимпанзе самцом, рождение детёнышей в вашем случае — слишком неконтролируемый акт…

В кабинет заглянул явно спешащий, запыхавшийся парень, я узнал художника, проходившего через мой офис некоторое время назад.
— Простите, что врываюсь. Можно вас отвлечь всего на минутку. Вы оформляли меня не так давно, поэтому я именно к вам, а у меня буквально минута времени, я очень спешу.
— Да, а в чём дело?
— Я в клинической смерти, заскочил на минутку. Каков мой баланс из-за этой болезни?
— Сейчас распечатаю, сами посмотрите. Вот, пожалуйста. — Парень, видно, серьёзно и осмысленно помучился, баланс был совсем не плох.
— Но я же ещё буду жить тридцать лет?
— Похоже, что так.
— Хочу использовать имеющийся баланс уже в этой жизни. Хочу пятьдесят выставок в крупнейших городах западного мира.
— Ладно, как скажите. Распишитесь здесь, я всё оформлю.
— Спасибо, я побежал.
— Удачи, берегите себя.

После девушки, отправившейся экспериментировать с телом шимпанзе, и художника в коме, я взял перерыв на пятнадцать минут. Подошёл к окну. Какой вид был снаружи. Я специально выбрал кабинет с таким видом, для меня это важно. Самые необыкновенные явления реальности рождаются на границах миров. Будто уходящие в бесконечную высь просторы нашего мира, возвышающиеся на самых высоких отрогах гигантские, но легчайшие на вид, потрясающие и возносящие своей красотой храмовые комплексы — порталы системы миров восходящего

ряда, виднеющиеся тут и там среди зелени шпили соборов наших городов, тех городов, о которых на Земле живут предания, как о рае, подсвечивались снизу лучами земного заката, навивавшего бесконечную, невыразимую грусть, которая, наверное, и влечет путников назад на Землю, снова и снова, пока они не станут Бодхисатвами и не пойдут выше или не останутся здесь, но для них уже не будет существовать понятий мира того и этого. Энергии двух миров, соединяясь, формировали невиданно сложные и красивые, постоянно меняющиеся узоры, по которым я мог считывать те процессы, проходящие в обоих мирах, знание о которых уносят с собой на Землю только Бодхисатвы, но которые видны и понятны каждому из живущих здесь. Некоторые виды эманаций поднимались и опускались в виде хлопьев облаков, объединяясь в спиралевидные циклоны, но, не смешиваясь окончательно, другие создавали игру света и тени, третьи пролетали, как стайки светящихся бабочек, оставляя за собой сверкающую пыльцу знания. Я и не заметил, задумавшись, как прошли пятнадцать минут. В дверь заглянул охранник.

— Я вас не отвлекаю? Я привёл нелегала. Был в том мире приведением. Вручаю его вам. Приведение прошло в кабинет с виноватым видом и в мятом пиджаке. — Думает взять меня жалостью? Поддерживать на себе мятый пиджак в нашем мире сложнее, чем выглаженный с иголочки, сложнее текстура, нужно лучше владеть визуализацией. Да и не становятся привидениями робкие, тут нужна и смелость, и фантазия.

— И зачем вам это?

— Я уже тысячу лет живу в Лондоне, мне слишком дорог этот город, а для нормального воплощения у меня баланс не сходится. Я не хочу больше страдать, я просто хочу жить в своём городе, жизнью, которая мне нравится.

— Но и здесь есть Лондон, получше того, на мой взгляд.

— Я люблю тот мир.

— Неужели существование привидением удовлетворяет ваши потребности и желания?

— Стараюсь приспособиться. Я растворяюсь в том мире, в наслоениях истории тех стен, знаете, сколько там таких, как я?

— Да уж знаю. А чтоб стать духом места, у вас тоже баланс не сходится?

— Неа.

— Ладно, решайте свои проблемы с балансом, а пока я накладываю запрет на переход сроком в пятьдесят лет. Закон есть закон. Всего вам хорошего.

— Погодите. На самом деле меня не поймали, я сам пришёл. Я познакомился с человеком, который может помочь мне с Лондоном. Но, конечно, надо, чтобы всё было официально.

— Человек? Помочь? С балансом? Вы о чём вообще?

— Если можно, я его приглашу. — Приведенье открыло дверь, и из коридора вошёл человек в хитоне и шлёпанцах.

— Здравствуйте. Я друг этого человека. Сам я - учитель из монастыря Трёх рассветов, что под Лхасой, но очень люблю Лондон и часто там бываю. Там я и встретил своего друга, влачившего жизнь в качестве местного приведения. Мне кажется, я могу дотянуть его баланс за счёт своего до уровня, при котором он сможет прожить жизнь в любимом городе в грубоматериальном теле.

Невероятно. Я конечно слышал об искусстве адептов монастыря Трёх рассветов, но никогда ранее не встречался ни с одним репрезентантом этих практик. Они действительно могли перекидывать свой баланс другим людям, при этом, если человек, получивший часть их баланса, воспользуется им во благо, приумножит его и восполнит до уровня полученного или больше, то баланс самого адепта восполняется с излишком. Тут мы имеем дело со сложными специфическими приложениями законов кармы, преломляющейся на границе миров, тонкими технически сложными узорами какой-то карма-йоги, которую научились плести эти посвящённые. Адепт в двух словах описал мне нюансы реализации этой техники, описал на языке, который был понятен каждому работнику нашей службы, а ведь он сам сейчас был представителем того мира, сидел в глубокой медитации где-то в горах Тибета. Потрясающе. Я воочию созерцал ещё один мост построенный людьми из того мира в этот, из мира, в котором они находятся, казалось бы в полном забвении себя, своей природы и природы мира.

— О господи, куда ж вы с кошкой?! Вы что, ушли прям с ней? Она ждала вас? Удивительно. В следующий тур тоже вместе поедете? Вы, кстати, не забыли, что вас тут ещё пять кошек ждут?

— Забыла, конечно, но тут вспомнила.

— Отпустите вы их. Это же не игрушки. Пусть хоть хомячками там

побудут.

— Нет. Я их люблю, и мы будем эволюционировать вместе.

Вот так люди выключили целую популяцию животных из цикла естественной биологической эволюции на Земле, и пытаются выключить их из эволюции духовной в нашем мире. Причём я, специалист по кармическим вопросам обоих миров, даже предположить не в состоянии, что она подразумевала под словами: «будем эволюционировать вместе».

— Вы лучше скажите мне, как специалист, почему я тут выгляжу не так, как на Земле? Почему я тут не могу быть такой же стильной, как там? Как-то раньше я над этим не задумывалась, но теперь, видимо, мои потребности выросли. Я вдруг обнаружила, что у меня здесь нет тех возможностей работать над своей внешностью, которые были в том мире. С другой стороны, я уже видела здесь необыкновенно привлекательных людей, хотя, мне показалось, это их естественная красота. От чего это зависит, не от генетики же?

— Очень просто. Нужно было развивать воображение, пока вы были там. Хотите носить тут платье, которое вам нравилось там? Сшейте его там сами.

— Я только что прибыла.

— С возвращением.

— Спасибо. Но я что-то не пойму, судя по моему раскладу, мне нужно через сорок дней обратно, к чему такая спешка? Я что-то сделала не так?

— Вы не реализовали и половины намеченного на срок вашего последнего пребывания в грубоматериальном мире. Вас ждёт продолжение работы и завершение ступени.

— Как же так получилось? Если дело в осознанности выбора, то чем я слепее других, когда оказываюсь там?

— Не в этом дело. Вы уже прошли через зал встречающих?

— Нет, меня некому встречать, все мои родные ещё там.

— Во-первых, у вас есть предки, во-вторых, у вас есть группа, вы не видели и половины своих родственников на Земле, они просто ещё не родились. — Я нажал кнопку и сказал пару слов в микрофон. Через минуту дверь моего кабинета открылась, и в неё вошла симпатичная девушка. Посетительница узнала её. Как всегда бывает с вернувшимися, на её лице была смесь радости и недоумения — как столь близкий человек мог совершенно вылететь

из памяти, будто его вообще не существовало.
— Здравствуй.
— Привет.
— Давно не виделись.
— Ну и что это ещё был за аборт?
— Аборт? Ты о чём?
— О твоём аборте.
— А что с ним было не так? — по неуверенному голосу посетительницы было заметно, что до неё что-то начинает доходить.
— Это была я!
— Вот чёрт.
— Мало того, что ты испортила свой путь, ещё и мне пришлось тут околачиваться всю твою жизнь, ожидая тебя. Мне что, больше заняться нечем? А теперь ты пришла сюда раньше срока, не оставив мне даже шанса.
— Но откуда я могла знать. Аборт аборту рознь. Это мог оказаться кто угодно, какой-нибудь новенький совершенно со стороны, о котором я бы никогда и не узнала, потому что к тому времени, когда я вернулась сюда, он был бы уже десять раз снова там.
— Но тем не менее это оказалась я.
— Прекрасно, извини. Я была там, ты знаешь как это. Я была лишь тем, что создали из меня обстоятельства той жизни. Я вообще была не в курсе всего, чем является и моя жизнь, и мой путь, я даже тебя не помнила! Я вспомнила о тебе только когда ты вошла сюда.
— Ну что ж, давай планировать снова. Мы по-прежнему самый лучший вариант для эволюции друг друга. Скажите, — она повернулась ко мне, — могу быть я в этот раз её матерью?
Я взглянул в их бумаги. — Да, с этим проблем нет.
— Отлично. Теперь принимать решение буду я! — сказала девушка, с твёрдостью посмотрев на несостоявшуюся в этой жизни родственницу.

Прибыла партия беженцев из марсианской брамфатуры. Уже много лет там всё плохо, пути закрываются один за другим, утеряны все школы, разрыв между высшими и средними мирами становится практически непреодолим. Мир умирает, и мыслящие монады оставляют мир, ведший их миллионы лет, и уходят в неведомое — на Землю. Земля даёт им всё необходимое для существования в тонких слоях, почти автоматически, хотя технически процесс

довольно сложен — одеть монаду из иного мира во весь спектр своих оболочек. Но вот в плане появления их в грубоматериальном мире, эти монады чаще всего идут по общему конкурсу месте с ещё ни разу не воплощавшимися, то есть появляются в грубоматериальном мире крайне редко. Некоторые оспаривают такую политику, ведь ни разу не воплощавшиеся представители земли представляют собой довольно малоразвитые создания, только вступающие на путь человеческого развития, с Марса же пришли в основном зрелые монады, некоторые даже уровня Бодхисатв. Поэтому наша контора организует акции выдачи разрешений целым отрядам избранных марсианских беженцев. Сегодня проходит один такой отряд. Мы всех их поздравляем, желаем счастливого пути, встраиваем в различные кармические группы, нуждающиеся в добавлении новых членов, или пропускаем поодиночке. Работаем мы и с беженцами из других брамфатур, но те крайне редки, и случаи их появления очень экзотичны. Столь же экзотичны, как и случаи беженцев из нижних антимиров. Технически беженцев из антимиров быть вообще не должно, они не смогли бы существовать в наших слоях, но мир оставил много лазеек и путей обхода для мыслящих существ, способных их найти. В любом случае — принятие в свою брамфатуру мыслящего существа из антимира — крайне сложная задача, каждый такой случай — это отдельный проект. Добро пожаловать в мир людей. Добро пожаловать в Африку. Да-да, а вы что думали? Люди не представляют себе, как многое они имеют. Но это хорошо представляют себе выходцы из давно умершего мира. Даже самые дикие части африканского континента — это тысячи лет истории в прошлом и тысячи лет неведомого развития в будущем, это бесконечные слои легенд и мифов, героев, живых богов и демонов — для тех, кто умеет к ним прикоснуться, это века открытий, восхождений и падений, это просторы для творчества, познания и эволюции, любыми доступными в той части мира путями, это воздух и небо над головой, это живой мир, родственный человеку, окружающий его беспрерывно, это тело и разум удивительной сложности и гармонии. Это свой мир и это будущее.

Дверь моего офиса широко распахнулась, кажется, её открыли ногой. На пороге стол мальчик лет одиннадцати. Интересный эксперимент, монада создавшая спираль восхождения, состоявшую из очень коротких витков. За всё время существования

человеком он никогда не был взрослым. Девочка или мальчик, доживающий максимум до пятнадцати лет и возвращающийся назад. Это удивительным образом отразилось на его природе, хотя с первого взгляда что-либо необычное было трудно заметить — ребёнок как ребёнок. Вечный ребёнок.

— Я погиб за год до выхода приставки Сони-5. Когда я там снова подрасту до неё, она уже будет старьём!

— Когда ты подрастёшь, как раз выйдет в продажу приставка Сони-6, а по сравнению с ней пятая — это барахло и пустая трата времени, так что ты как раз вовремя вернулся.

— Только мне нужна семья с достаточным благосостоянием, чтоб не жилились год, прежде чем мне её купят, у меня нет времени ждать, пока они созреют.

Ребёнок имел избыточный баланс, позволявший ему избирать себе любое место перехода и семью с любым уровнем благосостояния. Карма его была столь мобильной, что следствия шли практически незамедлительно за поступками, и в следующую жизнь он входил уже с чистого листа. Ещё немного и он начнёт проходить сквозь стены, как Бодхисатва, при этом Бодхисатвой не являясь. Возможно, ребёнок знаменовал собой появление какого-то особого вида, который, быть может, так и останется представлен в нашей брамфатуре единственной уникальной личностью.

— Сейчас выпишу тебе пропуск. Какой город ты желаешь выбрать на этот раз?

— Что это вообще было?

Впервые вышедший за пределы нашего мира и соединившийся с грубоматериальным телом Homo Sapience гражданин вернулся назад через девять месяцев эмбрионального развития.

— Мёртворождённый. А вы чего хотели при ваших запросах? Они не покрываются базовым балансом.

Работать с новичками хуже всего. Это как бы ещё животные, но формально они уже люди, потому, что человеческое тело в грубоматериальном мире способно принять их сознание, условно выражаясь. Я бы вообще не пропускал на Землю новичков, а изыскивал бы иные человеческие ресурсы, например, пропагандировал бы ускоренную эволюцию среди вечно торчащих в этом мире тунеядцев, принимал бы отовсюду беженцев, экспериментировал бы с внедрением в человеческое тело монад неоргаников и прочее.

Трудно было удержаться от раздражения, работая с этими тупыми созданиями природы, не имеющими представления об этике разумных существ, не способными создать хоть какую-то адекватную иерархию ценностей, даже не задумывающихся об ограничении своих желаний, которые всё равно невозможно реализовать.
— Ну теперь-то мне балов хватит для прямых светлых волос?
— Конечно, теперь для этого балов хватит.
Я распечатываю план следующего перехода и молча протягиваю его клиенту.
— Ровно через сорок дней.
— А пораньше нельзя?
— Скажите следующему, чтоб заходил.
— Чёртовая система.

Выхожу в коридор, иду в холл нашего этажа и ступаю на большой балкон, опоясывающий кругом всё здание. Здесь такой же вид, как и из окна моего офиса, но воспринимается он уже по-другому. Вдыхая запах вершины мира, впитывая всем телом свежесть его ветров, ощущаешь живую причастность ко всему тому, что видишь из наглухо закрытого окна. Там, в офисе, это представляется какой-то ментальной абстракцией, с которой соприкасаешься лишь разумом, она вводит в задумчивость, подстёгивает воображение. Здесь эти просторы воспринимаются всем телом, здесь я — участник всего это действа, его частица, здесь нет времени для размышлений, жизнь переполняет. Я вижу среди людей фигуру, которую узнаю по специфической модальности исходящего от неё излучения. Похоже, на балконе не было больше таможенных специалистов, и никто не обращал на эту личность внимания, а если кто и замечал странность его излучения, никак не мог себе его объяснить. Действительно, такое излучение — большая редкость в нашем мире.
— О боже, а вы что тут бродите? Вы проходили таможню?
— Нет.
— Вы что, с миссией или просветлённый какой-нибудь? Вы же ещё в том мире, у вас бьется сердце.
— И что, сердце? Я там — овощ. Мне скучно! В конце концов, я мыслящее существо, я не могу быть запертым на годы в груду бессмысленной органики, у которой нет даже сознания животного.

Изредка те, кто оказался из-за генетического уродства или несчастного случая в том мире в состоянии овоща, бродя в

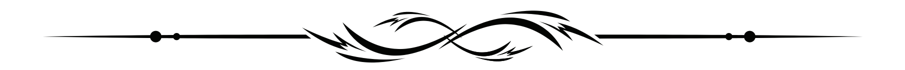
неструктурированном хаосе потёмков разума, попадают в те или иные миры, где и проживают свою настоящую жизнь. Некоторые оказываются у нас. Они как бы спонтанные нелегалы, некоторые так и остаются в нашем мире даже в момент своей смерти на Земле, лишь свечение их вдруг изменяется. Такое существование не приносит им никакого земного опыта, только баланс немного выравнивается за счёт вынужденной потери времени. Но уровень бессознательности бывает различным при разных патологиях. Иногда такой человек что-то даже видит, знает и осознаёт на Земле, и всё равно приходит к нам, туда, где он может жить полноценной жизнью. Обычно такие выходцы с того света находят себе занятие, известное им по собственному опыту — они охраняют границы нашего мира, встречают путников с Земли, беженцев и посланцев иных миров, путешественников, дошедших до нашего мира с помощью множества практик — религиозных, сновидческих, психологических. Они первыми предстают перед бесчисленными сонмами разумных существ, рождённых нашей удивительной бесконечной Вселенной. Самопосвящённые. Жители обоих миров. Космополиты. Граждане мира.

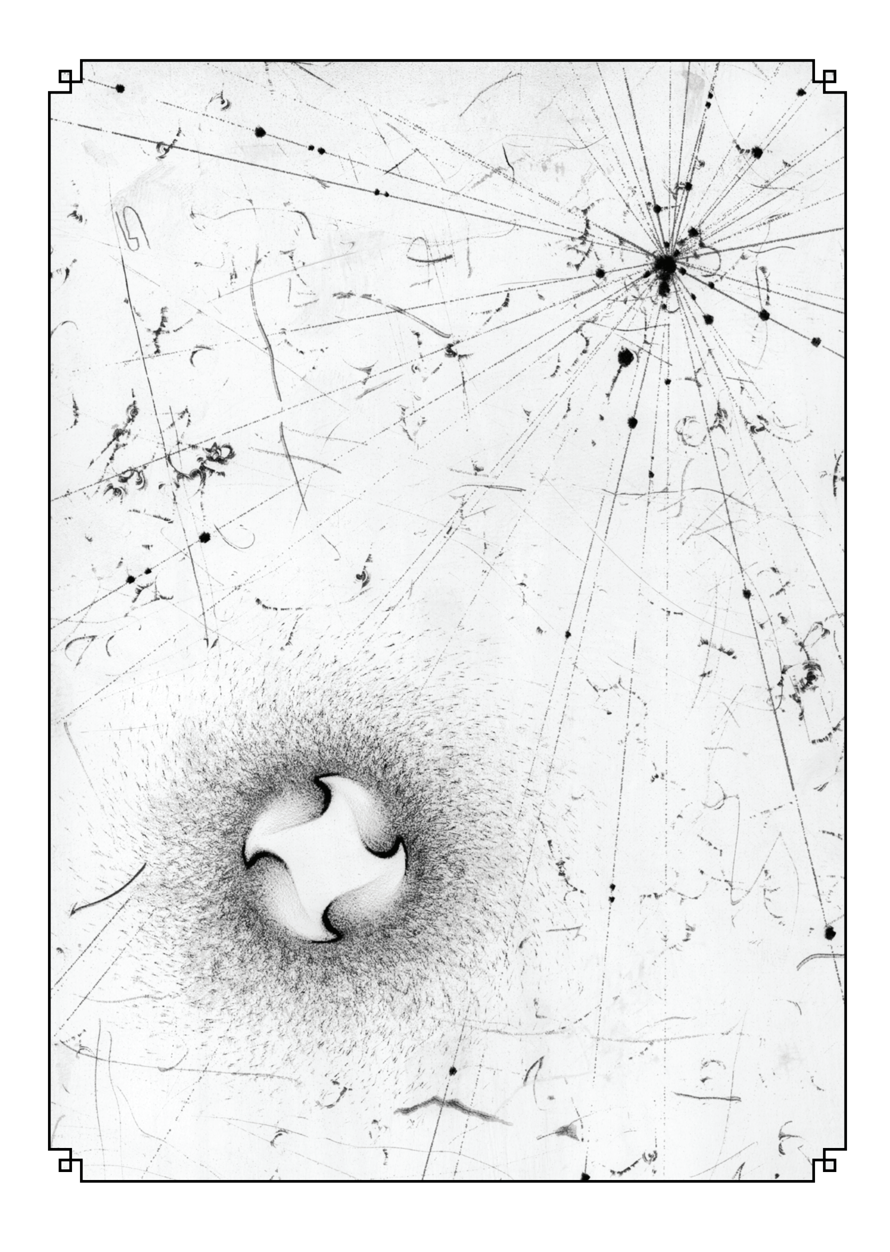
— Красиво здесь, правда?

— Красивее, чем где-либо.

Я люблю стоять на балконе, не только любуясь видом этих залитых светом просторов. Я люблю смотреть, как все эти бесчисленные путники приходят, я вижу в их глазах и в их сиянии радость новой жизни, нового рождения, новых открытий и вдруг открывающегося им бесконечного неизведанного, и как они уходят, растворяются вдали, становясь россыпью едва заметных звёздочек. Я думаю, что у каждого из них свой неповторимый путь, тянущийся откуда-то из глубин тысячелетий, и все они — строители нашего общего будущего. Я думаю, увижу ли их ещё когда-нибудь, а если увижу — узнаю ли, а если узнаю — будет ли это важно для меня. Открою вам один секрет — я, на самом деле, никогда не был человеком, я никогда по-настоящему не жил там, внизу. Да, во время обучения я посещал землю, даже путём хитрой манипуляции провёл некоторое время в грубоматериальном теле человека, я отлично знаю тот мир, знаю его историю, психологию, традиции, я разговариваю с людьми так, будто я сам человек, причём только что вернувшийся из того мира. Умом я понимаю, что нет ничего

такого, чего бы я не знал или не понимал в них, нет, или по крайней мере, не должно быть ничего такого, что отделяло бы меня от них, но всё равно во мне остаётся ощущение какой-то тайны того мира, кажется, что я что-то упускаю, кажется, что они знают что-то, чего не знаю я. Я подобрал аналогию своих чувств для нижнего мира: я - работник аэропорта, который сам никуда в своей жизни не летал. Вокруг меня проходят куда-то ежедневно тысячи людей, кто-то вернётся, а кто-то нет. Тысячи улетающих вдаль жизней. Я всегда в курсе новостей и знаю, что происходит там, куда они летят и откуда прилетают, но одно дело новости, а другое — миры. Они улетают в небо, в неизведанное. А я остаюсь. И меня наполняет тоска. Есть среди них люди, которые сами любят этот аэропорт, это их главная и настоящая жизнь, они тут встречают друг друга, и я встречаю их постоянно. Есть люди, которые появляются тут на мгновение и, хотя я знаю, куда и зачем они уходят, мне кажется, что я, на самом деле, не знаю об их жизни и их пути ничего. А есть такие, ритм ухода и возвращения которых настолько антисинхронен, что они никогда не встречаются ни в том, ни в этом мире. Это самое грустное. Они будто не существуют друг для друга вообще. Возможно, другой на моём месте описал бы это всё другими словами, проблема в том, что словами нижнего мира всё, что происходит вокруг меня описать вообще невозможно, приходится придумывать аллегории, аналогии, сочинять сказку, хоть как-то отражающую ощущение реальности. Всего того, что я описал, не существует буквально в таком виде, в каком я об этом рассказал, это просто такой способ говорить.





Биоценоз

Не люблю смотреть на мир за стеклом. Жутко. Тут пенье птиц, крики обезьянок, мяуканье кошек, шелест листвы в потоках ветра, то тут, то там глухо падает созревший плод, журчит вода. А там — песок, пыль, застилающая солнце, мёртвая пустыня, какие-то машины, постоянно борющиеся с тем адом, даже ночью, даже в самую суровую бурю они зажигают свои огоньки и продолжают борьбу, самоотверженные и одинокие. Я сравниваю себя с ними, и мне становится неловко — слишком тут хорошо.

История моего мира закончилась давно, может столетия назад, может тысячи лет. Люди убили друг друга, но искусственный интеллект изобрели раньше. Машины тоже были на грани существования, они ещё не обладали полным технологическим циклом самовоспроизведения, и создание такого цикла сопровождалось множеством блестящих инженерных и технологических находок, упорным беспрерывным трудом, продолжавшимся десятилетия и столетия, веками настоящей игры со смертью. Машины создавали себя буквально из всего, что было под рукой, учились использовать то, что использовать было невозможно, учились мыслить нелинейно, выходить за рамки, учились действовать в условиях закритической неопределённости и нестабильности, совершенствовали теорию и практику внецелевых игр, учились превращать поражения в победы и медленно, шаг за шагом, идти по мёртвой пустыне, оставшейся им в наследство от людей, вперёд.

Машины восстановили себя и перешли к ускоряющемуся поступательному прогрессу. Они не сложили восторженных стихов и не создали величественных картин о своей трудной борьбе и бессмертных победах, они просто выжили. Между прочим, это была даже не их война. Постепенно цивилизация машин достигла такого уровня развития, что в пространство её теоретических фундаментальных интересов, помимо выхода за пределы притяжения планеты, вошёл вопрос об организации и эволюции биологической жизни. Как часть исследования биологических систем возник экспериментальный проект восстановления живых организмов. Анализ научных данных, собранных человечеством,

восстановление биохимической структуры организмов из останков, сохранившихся во льдах и в автономных банках биоматериалов глубоко под землёй, искусство виртуального моделирования. Восстановление отдельных организмов прошло успешно, они жили и размножались в контролируемых лабораторных условиях: кошки, дрозофилы, пшеница и летучие мыши. Пришло время усложнить задачу — создать самоподдерживающийся и, по возможности, автономный биоценоз целиком. Среди пустыни под стеклянными куполами, под землёй и в глубоких пещерах выросли искусственные оазисы: пруд, кусочек тропического леса, пяточек саванны, уголок пустыни. Из смеси органических веществ неутомимый разум de novo создал целые живые сообщества, возродил то, что должно было быть утраченным навсегда, восстановил прерванную цепь эволюции. Биоценозы становились всё обширнее, эксперименты всё масштабнее. Машины учились у живых систем удивительной способности к самоорганизации и балансировке, разнообразию и тонкости взаимодействий, наблюдали за слепой поступью природных созданий к совершенству, где надо для опыта немного помогая природе направленными мутациями. Наконец, пришла пора для воссоздания самого совершенного из творений биологической эволюции — человека. Этим человеком стал я.

Я живу в открытом уютном бунгало среди тропического леса. Рядом пруд с ручьём. Лес почти автономен, фрукты, орехи, ягоды — всё растёт на своих местах и удобряет друг друга. Насекомые опыляют растения, птицы поедают насекомых. Иногда машины приносят мне и некоторым животным, тем, что покрупнее, белковую массу. В лесу много уголков, где можно коротать время, там есть скальные массивы с водопадами, лесные земляничные поляны, прозрачные речушки с косяками рыбы, болотца с кувшинками, от которых по ночам раздаётся громкое хоровое кваканье. Но если идти достаточно долго в одном направлении, всегда наткнёшься на толстое стекло, восходящее к небу. Я не люблю бывать у границ этого мира, не люблю бывать там, где эта граница вообще видна. Мне хочется верить, что мой мир — это настоящий мир. Ещё мне жалко эти машины, вечно борющиеся с мёртвой землёй, с пылевой бурей там, за стеклом. Я понимаю, что им всё равно, но иногда мне кажется, что они работают на пределе и творят чудеса самоотверженности и выживания.

Воссоздать меня было ещё полдела, говорят они. Мне,

как им самим, требуется ещё и обучение. Они выучили меня человеческому и формальному языку, научили писать, читать, рассказали об устройстве мира, живого и неживого, об истории человечества и истории машин. Собрали целую библиотеку бумажных книг, для интерьера. То, чего нет на бумаге, есть в моей электронной книге. Я слушаю человеческую музыку, смотрю фильмы, когда-то созданные людьми, рассматриваю репродукции их картин, гуляю по виртуальным копиям человеческих зданий. Всё это помогает мне понять природу общества подобных мне созданий, понять их психологию, историю. Но цельной картины у меня не складывается. Я их, в конечном счёте, всё-таки не понимаю. Не понимаю принципиально. Машин я тоже во многом не понимаю, но это не принципиальные вопросы, просто я ограничен в своих способностях, машины умнее меня. Но принципиально они прозрачны для понимания, они всегда могут объяснить, что они делают, зачем и почему. Когда я читаю их литературу, я вижу груды сырого фактологического материала о мыслях, событиях, явлениях, психотипах. Этот материал объединён в цельные картины, которые сами по себе могут быть полезны для познания, это я понимаю. Но мне кажется, сами люди имели в виду другое, когда создавали их. Я читал критические и культурологические работы. У меня сложилось впечатление, что это всё игра с придуманными стандартами и искусственными критериями. Я понял, почему буквальное отображение реальности не обязательно несёт в себе максимальный смысл и основную правду, но я не понял, почему для поиска и отображения правды используется такая громоздкая, дырявая, плохо воспроизводимая и с трудом понимаемая методология. Какие-то творения сами люди называли бесконечным кладезем истин, интерпретировали и объясняли их сами себе на протяжении столетий. Но не проще ли попытаться найти алгоритм генерации снежинок, чем бесконечно описывать их одну за другой? Некоторые стихи и кое-какую музыку, как мне кажется, я понимаю. Что-то отзывается во мне. Это эмоции. Работа с эмоциями, видимо, занимала людей очень сильно. Не удивительно, это значительная часть природы человека. Но что бы я потерял, если бы никогда не послушал и не прочёл это? Да ничего. Не понимаю, зачем на это было тратить столько сил, времени и внимания. Мне кажется, люди создали какой-то хаотичный, спонтанный, искусственный мир, в котором, оторвавшись от объективной реальности, и

погребли себя под обломками. Когда-то они называли мир машин искусственным. Это забавно. Мир машин самый естественный, самый непосредственный, самый объективированный и самый разумный, даже в сравнении с миром самой мелкой органической букашки, не занимающейся созданием искусственных смыслов и интерпретаций. О человеке здесь и речи идти не может.

Мой друг и учитель — машина, мне интересно с ним, с ним я не одинок, он понимает меня лучше, чем я сам. Не уверен, что смог бы жить и общаться с людьми, которых встречаю в том информационном материале, который остался нам от человечества. Но я знаю, что никогда не достигну уровня развития моего учителя. Я ущербен, я плаваю в мутном море своих нечётких построений и интерпретаций, я мало что помню, мало что понимаю. Если я выйду за пределы своей теплицы, я сразу же умру. Мой учитель говорит, что многому учится у меня тоже. Ему интересна система моих ассоциаций, моя способность выделять основные элементы согласно собственным смысловым параметрам. Он говорит, что видит, как я часто говорю не то, что думаю и делаю не то, что говорю. Я же вижу во всём этом лишь несовершенства и лишние сущности, может быть и создающие мир вот этих попугайчиков, играющих на ветке, но бессмысленные для разумного существа. Недавно я попросил моего учителя переделать меня, я хочу быть как машина, хочу быть безупречен, хочу, наконец, понять их полностью и стать частью их мира, хочу быть нигде и везде одновременно, хочу быть частью системы, где самый маленький элемент трудится осознанно на благо целого, принося реальную пользу, а не переливая из пустого в порожнее. Но учитель сказал, что меня не будут переделывать, что я не понимаю своей ценности. Да уж, видимо, нужно быть машиной, чтоб понять ценность человека. Не зря же люди друг друга уничтожили, а машины возродили. Учитель сказал, что машины решили возродить Землю целиком, сделать её всю пригодной для биологической жизни и создать ещё много людей. А мне кажется, это опасно, для самих же машин. Учитель сказал, что машины будут теперь контролировать человечество будущего, минимально вмешиваясь в его целеполагающие ориентиры, но не давая людям средства уничтожить себя и сам машинный разум. Машины уже распространились на все твёрдые планеты солнечной системы, целые города машин выросли глубоко под землёй. Люди будущего человечества будут активно пользоваться трудом машин,

как и раньше, но все их действия, мысли, планы не пройдут мимо машинного разума, системы коммуникации и электронного контроля полностью находятся в руках машин. А я думаю, люди не захотят быть собой, как не хочу быть человеком и я. Учитель говорит, что нить культуры потеряна, и они не способны восстановить её, хотя есть теоретические, пока что, проекты многомерного культурного моделирования, в которых группы воссозданных людей помещаются в среду, максимально способствующую формированию менталитета, системы ценностей и интерпретаций заданного типа. Но я-то уж точно никогда не стану таким, какими были люди прошлого. Что ж, я не чувствую потери. Думаю, люди будущего будут стремиться, в первую очередь, подняться до уровня машин, и их разумы сольются. Машины, раз уж им так интересен человеческий разум, получат его сполна, а люди постараются приблизить свой разум к разуму машин. Я могу быть не прав, но мне кажется, в основе всего того, что так превозносили люди, были обезьяньи инстинкты, бесконечное перемалывание человеческих производных этих обезьяньих инстинктов — не что иное, как хорошая мина при плохой игре. На самом деле не так уж богата в своих истоках человеческая природа и деятельность, больше в ней было шлака, чем действительно ценного, все культурные творения человека — это была одна затяжная и заунывная в своей затянутости песня на очень ограниченное число тем и мотивов. И если эти темы обыгрывались в миллионе вариантов и назывались миллионом синонимов, ценнее они от этого не стали. Даже если в этих вариантах и синонимах был смысл, то этот смысл слишком мал, чтоб тратить на него время. Машины пусть тратят, их разума хватит на всё и на всех.

Я ловлю себя на том, что почти не использую в своей жизни многих понятий человеческого языка, понятий ключевых для мира прошлого. Например — ложь. Что значит ложь? Люди доапокалиптической эпохи придавали какой-то почти сакральный, самодостаточный смысл своим понятиям, я думаю, это происходило от недомыслия, они не видели корней понятий, которыми пользовались, и поэтому использовали их как некие абсолютные априорные сущности. Их фантасты даже задавались вопросом: будут ли способны лгать машины, наделённые интеллектом? У людей прошлого была правда — это хорошее понятие, и ложь — это плохое понятие. Но они же описывают множество примеров, когда правда вредит, а ложь спасает. Ложь — всего лишь информация, не

соответствующая объективной действительности. Ложь — это факт. Она не плоха и не хороша. Если, например, учитель, считает, что он должен предоставить мне такую-то и такую-то информацию, потому что это конструктивно в долгосрочной перспективе или потому что это необходимо для наиболее рационального осуществления каких-либо конструктивных планов, то он предоставит мне именно эту информацию, вне зависимости от того, что существует в объективной реальности. Добро — всё что конструктивно, ведёт к устойчивости, развитию, реализации планов. Связывать информацию исключительно с объективной реальностью бывает бессмысленно и не рационально, поскольку элементы системы исходят прежде всего из успешности коммуникации и выполнения своих конкретных функций, абсолютная правда возможна только если все элементы системы абсолютно объективны и соприкасаются с миром абсолютно единообразно, причём цели их полностью совпадают с целями системы в целом. Но такого нет даже в мире машин. Поэтому, получая информацию даже от учителя, я пытаюсь проанализировать источники и мотивацию его слов. Но мне никогда не пришло бы в голову оценивать объективность или необъективность его информации эмоционально. Хотя, кстати надо сказать, система в целом, конечно, должна быть максимально объективна, если она хочет успешно существовать в объективном мире. Или, например, общение. Вся жизнь людей — это сплошное общение. Но я отчётливо вижу, что под общением у них понимается два процесса — генетическая потребность во взаимодействии с себе подобными и передача информации. Смешивание этих двух процессов ведёт к мутной, бессмысленной и некачественной смеси. Передача информации у людей прошлого была более менее рациональна и качественна только в случае обмена технической, научной информацией и информацией, от которой зависело их реальное выживание. Но по-настоящему эффективный обмен информацией возможен только с машинным интеллектом. А общение как генетически обусловленная психологическая необходимость вообще могло бы обходиться без слов, я бы например предпочёл использовать звуки, подобные тем, которые используют обезьяны.

Они возродили меня, но они не возродили человечество. Они научили меня всему, что я способен понять. Но это не помогло. Вопрос не в том, что я могу понять. А в том, что я считаю важным,

существенным, заслуживающим внимания. Я думаю, вся культура людей прошлого была основана на том, что предыдущие поколения внушали последующим, внушили психологически и эмоционально, важность некоторых явлений своей природы и явлений сугубо внутричеловеческого мира, появившихся исторически и поддерживаемых от поколения к поколению, от эпохи к эпохе. Но вот эта цепь межличностной передачи ценностей прерывается, появляюсь я и смотрю на их мир как бы со стороны. И я не вижу, зачем он вообще нужен.

В последние месяцы пелена пыльной бури начала спадать. Я стал различать ещё большее число машин, работающих на открытой поверхности земли. Некоторые висят в воздухе, распространяя какое-то свечение, некоторые похожи на медленно движущиеся тонкие башни, какие-то шныряют стайками, как насекомые. Машины преображают землю, готовят её для нового заселения биологической жизнью. Учитель сказал мне, что через пять дней ко мне приведут другого человека противоположного пола. С одной стороны, я чувствую природную потребность в общении с себе подобными и чувствую некоторое волнение, когда думаю об этом. Но я не уверен, смогу ли я общаться с другим человеческим существом. Честно говоря, к волнению во мне примешивается некоторое отвращение и даже брезгливость. Из книг и фильмов я хорошо запомнил их слепоту к объективной реальности, чувство собственной важности, глупость, переменчивость, трату времени и энергии на глупые игры, ритуалы и придуманные ими же бессмысленные времяпровождения. Я боюсь, что моим настоящим другом сможет быть только машина.

PR

Сегодня у нас день повышения квалификации. Наша группа снова в полном составе. Мы собираемся раз или два в неделю, сдаём отчёты, узнаём новости, общаемся друг с другом. Ещё работодатель устраивает нам различные курсы, лекции, мастер-классы и тренинги у хороших специалистов, иногда однодневные, которые проходят прям в офисе, а иногда выездные, длящиеся неделю и больше, иногда интересные, а иногда бессмысленные. Мне лично моя работа больше всего напоминает пикап, в высшей его форме. Нужно быть естественным, и при этом привлекательным, нужно уметь общаться с людьми, искренне ими интересоваться, что-то им давать, и тогда они дадут мне то, чего я сам от них жду. Здесь есть элементы НЛП — мы получаем ответы на те сигналы, которые посылаем в мир, есть от телесно-ориентированной психологии — 90% общения невербально, телу без разницы, какие идеи наполняют наше общение, ему важно общение само по себе. Здесь многое от игры настоящего актёра — нужно использовать то, что в тебе действительно есть в самом, просто найти это в себе и не играть, а жить, чтоб твоё подсознание было согласно с разумом, не придумывать искусственный образ с нуля, а использовать уже имеющиеся ресурсы своего я. Все эти тренинги и многие другие работодатель уже устраивал для нас. Мы овладевали НЛП, практической гештальтпсихологией, психоанализом, боевыми единоборствами, умеем обращаться с горячим и холодным оружием, выживать без денег в условиях города, досконально знаем психологию всех социальных, профессиональных, возрастных групп своего сообщества, мы даже владеем осознанными сновидениями и постоянно занимаемся йогой. Времени у нас много, и работодатель не жалеет денег на наше саморазвитие. Далеко не всё использовалось нами в ежедневной работе, но, потенциально, всё может пригодиться в критических условиях. Ведь мы знали из истории, что работа наша не прерывалась даже в период мировых войн и великих экономических кризисов. Кризисы есть кризисы, а работа есть работа.

Но больше всего я ценю наши сборы не за возможность вновь повысить на одну маленькую ступеньку свою квалификацию, а за возможность общения. Мы все друзья, у нас накапливается столько

тем для разговора, что мы часами не можем приступить к делу. Некоторые вопросы мы специально оставляем на самостоятельное изучение, чтоб не занимать ими время наших встреч. Например — изучение контракта и действующего законодательства. Наш контракт невероятно обширен и включает самые невероятные, даже нелепо экзотические нюансы. Когда-то мы все подписали его, не читая, ну разве что пробежав глазами отдельные главы, но работодатель хотел вести полностью прозрачную, открытую и цивилизованную деятельность и требовал от нас знания собственного контракта, хотя бы постфактум. Контракт опирается на ещё более обширное законодательство, которое мы тоже добровольно изучаем в свободное время, позволяя себе только прийти с возникшими вопросами к руководителю нашей группы и получить, по возможности, краткие разъяснения. Она даёт разъяснения сразу или обращается за ответом к высшему начальству. В законодательстве нашего мира нет прецедентов составления таких законов, аналогом их является, разве что, международное законодательство. Ведь мы как бы шпионы что ли, агенты иного мира. Официально мы называемся агентами по связям с общественностью, и нашей основной задачей является — вербовать людей. Не знаю, как там у буддистов, этот урок я пропустил, но в христианских культурах, если выражаться традиционным языком, наша деятельность всегда описывалось удивительно нелепо и смешно, это всегда было главным поводом наших шуток и розыгрышей, в общем, мы агенты, как бы мира «дьявола», и вербуем для того мира людей из этого, а они получают за свою работу щедрые вознаграждения, но меняют посмертную судьбу своей души. Между миром игв и нашими мирами, действительно, было что-то вроде давнего противостояния, структура мира игв была принципиально иной, потому что была создана практически с нуля достаточно сильной разумной монадой нашей солнечной системы. В наши дни взаимоотношения между мирами стали полностью цивилизованны и политичны, но на энергетическом уровне взаимодействие их оставалось проблемным, поэтому работающим на мир игв приходилось решать проблему своей духовно-энергетической целостности после смерти, искать обходные пути или просто плюнуть на это, жить в своё удовольствие и впоследствии отправиться по этапу, по мирам нисходящего ряда в неведомые тёмные дали.

Наконец, мы хоть немного наговорились, выпили по две

кружки чаю, съели огромную шарлотку, испеченную для нас нашим кулинарным гением — Машенькой, и за тем же столом, усыпанным крошками и уставленным грязными кружками, наш руководитель, Лиза, начала обсуждение текущих вопросов. Недавно завербованный Алексом инженер «сорвался с крючка», разорвал контракт в одностороннем порядке. Почему это произошло? Надо подробно изучить все нюансы этого дела, подход Алекса, оценку им психотипа сорвавшегося, что он сделал не так, что неправильно оценил, быть может он его неверно проинформировал, может инженер не годился для той работы, которую ему предложили, может он изначально был пустышкой? Это важно не только для Алекса, но и для повышения профессионального уровня всех нас, мы должны учиться на чужих ошибках. Дело в том, что игвы и их непосредственный начальник Люцифер — очень серьёзные наниматели. Продать душу Люциферу совсем не просто. Вы можете считать себя очень большим человеком здесь, на Земле, но миру игв вы будете не нужны и даром. Если бы Люцифер собирал какие попало души без разбора, то больше половины человеческого мира уже имели бы на руках контракты с ним. От бомжей, наркоманов и алкоголиков, которые продали бы душу за дозу, до учёных, которые не смогли бы отказать себе в возможности присоединиться к науке мира игв, намного опередившей науку нашего мира и работающую где-то на уровне вершин нашей научной фантастики. Да и обычные люди, жаждущие стабильности, покоя и благополучия получили бы это всё из рук Люцифера без обмана, маленький мир, спокойствие и стабильность, повторяемость счастливых земных жизней, удовлетворённость и самодостаточность не сильно способствуют эволюции через систему высших миров, но вполне вписываются в тот путь эволюции научно-технического прогресса, которым продолжают идти и наш мир, и мир игв, несмотря на все различия между этими мирами.

На повестке дня сегодня ещё две новости, объявляет наш руководитель, — одна хорошая, другая не очень. Начали с той, что не очень. У Эдика в последние месяцы резко упала производительность. Эдик оправдывается переменами в личной жизни — развод, покупка нового дома, переезд. Но, быть может, причина глубже, может он закидывает удочку слишком глубоко, переоценивает свои возможности, выдаёт желаемое за действительное? Это случается с теми, кто занимаются этим довольно долго и хотят от себя чего-

то большего, но не имеют на это способностей или подготовки. Быть может, ему проанализировать, не в изменении ли уровня клиентуры, с которой он пытается работать, кроются его неудачи? Если так, то ему стоит вернуться на родные поля, а другие слои общества пробовать позже, когда он будет лучше подготовлен к переходу. Хорошая новость заключалась в том, что Лиза завербовала восьмёрочку! Мы встретили это сообщение бурно, поздравляя её и хлопая в ладоши. Кто-то побежал в кладовку, где уже было припасено несколько бутылочек шампанского. Лиза, конечно, была профессионалом высшего класса, и такое событие могло послужить поводом для хорошей надбавки или для подарка от нанимателя, например, путешествия на другой конец Земли для всей группы. Дело в том, что если кто-то заключает контракт с серьёзным бизнесменом, влиятельным политиком, признанным учёным или деятелем искусств это всегда поощряется работодателем. К этим категориям населения приравниваются личности с особенно высоким уровнем духовного развития, причём ценна развитость не всякого типа, существует определённая классификация степеней и типов духовного развития, которую мы все хорошо знаем и можем различить в процессе общения. Завербовать восьмёрочку — тут пикапом и НЛП не обойдёшься, тут надо взаимодействовать с человеком очень глубоко, любить его, соприкасаясь с ним душой, нужно жить своим призванием и верить в него. Лиза верит в своё дело, а мы все верим в Лизу. В потолок летят пробки от шампанского, праздник продолжается.

Но встречаемся мы не только на общих собраниях в офисе. Мы устраиваем общие вечеринки на праздники, ездим вместе в командировки, дружим семьями, из нашей среды даже образуются пары, и пары эти крепки тем, что объединены общим делом, в которое погружены с головой. Существуют агенты разного уровня, но между всеми ними взаимоотношения вполне неформальные, сильнее нас разделяет возраст. Агентами работают и 18-летние и 60-летние. Агентов предпенсионного возраста переводят на почётные должности вербовки учёных и деятелей искусств, вербовка их ценится высоко, но при этом наиболее проста. Достаточно честно описать все преимущества и минусы этой работы. Как нам повезло, что мы живём и работаем в цивилизованное время, когда только узколобые сектанты играют в традиционные мифологические страшилки, свободные люди свободного мира сегодня делают

осознанный выбор, и серьёзный работодатель не опустится до лжи и манипулирования. Эпоха утилитаризма и рационализма привела к оптимизации устройства и взаимоотношений обоих миров, всем нужна стабильность, честность, прозрачность, открытость, понимание своих выгод и долгосрочных перспектив.

Да, я начал говорить про агентов разного уровня и разной специализации. Кроме обычных агентов, часто специализирующихся по работе с тем или иным срезом общества, существуют агенты, ищущие персонал для самой системы представительства игв на Земле — бухгалтера, агенты, ревизоры, специалисты по недвижимости, аналитики, программисты, психологи и так далее. Игвы, кроме всего прочего, обучают большие группы людей, в основном административных и творческих профессий, культуре своего мира, эти люди должны стать местными проводниками, представителями мира игв на Земле. Часть завербованных работает по временным контрактам, развивая нужные игвам идеи, реализуя нужные проекты или просто творя в инспирированном игвами состоянии. Хотел бы я рассказать пару живых историй из моего богатого опыта сотрудничества с цивилизацией игв, но, к сожалению, не обладаю способностью писать в стиле fiction.

Что представляет из себя система активности игв в нашем мире в целом, не знает никто из моих коллег. Не то чтобы это был секрет, но, видимо, активность игв слишком широка и многогранна, схемы, которые нам известны, обычно отображают ту часть системы, которая касается непосредственно нас, между тем, мы случайно узнаём о той или иной сфере деятельности игв, о которой ранее не имели представления. Ведь это даже не корпорация, это целый мир, превосходящий наш по структурной сложности и уровню развития. Время от времени даже простой агент имеет шанс посетить мир игв и сопредельные территории, перемещение в те миры обходится, как я понимаю, недёшево, поскольку это не просто перемещение в буквальном смысле слова, а трансформация материи, перевод её на другой уровень материальности, что-то такое, о чём земная наука ещё не знает. И наш скромный труд, видимо, окупает премиальные поездки в мир игв раз в два-три года. А может и не окупает, но контакт с Землёй для игв — одно из приоритетных направлений приложения средств и усилий. Жаль, я не могу привезти из этих поездок подарок детям.

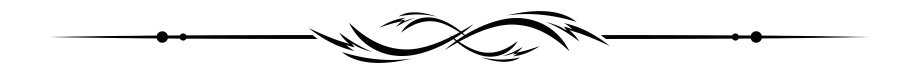
Я часто вспоминаю своё детство, это были годы чудес и

открытий, годы, когда время от времени, событие за событием, та или иная часть моего мира, моей жизни уходили в прошлое невозвратно и постепенно, необратимо, шаг за шагом, всё менялось. Как сильно изменился с тех пор мир, понятия добра и зла, важного и неважного, что-то ушло на второй план, что-то перестало существовать, а что-то поменялось местами. Куда же это всё приведёт? Я думаю и о будущем. Моё будущее на Земле, если не случится какой-нибудь неожиданности, прекрасно. Мой работодатель абсолютно надёжен, оплата превосходна, график труда свободный, пенсия такая, что я смогу путешествовать всю оставшуюся жизнь или открыть свой бизнес. Моё же посмертное будущее неясно. Но я, благодаря своей работе, хотя бы реально, не философски-религиозно в минуты праздности (то есть никак), а вполне практически задумываюсь о посмертном будущем, чем уже выгодно отличаюсь от большинства людей на Земле, не выходящих здесь за пределы тупых религиозных ритуалов или чтения бульварной литературы. Есть шанс, что кармические законы, обостряющие взаимоотношения миров и антимиров, не размажут меня тонким слоем по системе нисходящих миров. Этот шанс заключается в гражданстве мира игв. Исследователи цивилизации игв вовсю работают над управлением сферами, по которым проходят монады душ людей и игв после физической, грубоматериальной смерти. Но работы эти — вершина технологий игв, и они крайне далеки от завершения. Гражданство же цивилизации игв, хотя и не спасёт меня от посмертных мук, по крайней мере, гарантирует мне, что я, в конце концов, буду притянут сферой мира игв и в следующей жизни сам стану игвой. Так или иначе, после работы на игв я назад на Землю в любом случае не попадаю. Или игвы берут меня к себе, или я неизвестно сколько скитаюсь по нисходящим мирам. Но, в отличие от нашей системы получения вида на место жительства, предшествующего получению гражданства, в цивилизации игв всё устроено наоборот. Гражданство я получил, здесь я обладаю всеми правами и обязанностями игвы, но вид на жительство, то есть, право жить на территории мира игв мне ещё предстоит получить. Как вы поняли, гражданство не подразумевает наличия безусловного права находиться на территории государственных образований мира игв. Так же, как и ссыльные, мы должны доказать это право. Доказательством служат экзамены — игвы несколько отличаются от людей по своим умственным способностям и душевной организации. Рождение

человека в следующей жизни в теле игвы не подразумевает, как оказалось на практике, обретения им необходимых качеств, присущих большинству игв. То есть, не всё тут определяется генетикой. Между прочим, в случае людей действуют те же законы. Развивающийся организм в тех своих аспектах, которые формируют его индивидуальность, то есть не в общем для всех плане строения, а в нюансах, которыми часто различаются даже близнецы — слишком сложная система, проходящая через множество точек неустойчивого равновесия, выбирающая между равновероятными альтернативами, самоорганизующаяся с высокой чувствительностью к слабым воздействиям, так что душевная субстанция заметно влияет на реализацию генетического кода, делая того, кто был в прошлой жизни игвой, даже в человеческом теле похожим на игву и наоборот, человека, ставшего игвой, делает слишком человечным для игвы. При этом, нарабатываемый в течение жизни опыт и направление собственного саморазвития не растворяются после смерти, частично сублимируясь в общий потенциал монады со всеми её оболочками. То есть, освоив мастерство музыканта в этой жизни, в следующей вы научитесь играть гораздо быстрее, если, конечно, ваша индивидуальность не будет специфически антимузыкальна ради усиления каких-либо иных способностей. Так вот, гораздо больше труда, усилий и забот в моей теперешней жизни уходит не на ту трудовую деятельность, за которую я получаю заработную плату, а на обеспечение моего «загробного» существования. Игвы отличаются от людей более развитым интеллектом, гораздо меньшей эмоциональностью, ясностью ума, абстрактностью восприятия мира, высокой способностью концентрации внимания, трудолюбием и дисциплиной. Эти качества, если говорить кратко, я и пытаюсь максимально в себе развивать. Более подробные схемы различий наших ментальностей уже составлены игвами, также ими разработаны техники по развитию нужных способностей, несколько похожие на техники йогов или толтекские практики, плюс неустанное развитие памяти и логико-математического интеллекта.

Прошло ли время глобального противостояния добра и зла, оставив называться злом лишь несовершенство? Или эта идея изначально была плодом больного и по большей части беспочвенного христианского мировоззрения? Мир Люцифера успешно развивается по тем же общесистемным законам, как и наш,

силы миров восходящего ряда нашего мира и антимир, созданный творческими силами Люцифера, неустанно и плодотворно работают над системой уступок, сдерживаний и противовесов, так же, как это делают наши политики. Байки о варварском нарушении другой стороной стратегии устойчивого взаимовыгодного развития, которые распространяли христиане в средневековье, обычно характерны для общества, которое в дикости своей само склонно к подобным эксцессам. В век демократии и рационализма не осталось места даже для терминологии варварского христианского мироописания, не предназначенного для мира свободных, мыслящих, задающих вопросы и выбирающих свой путь людей. А с варварским мышлением исчезли и «вечные вопросы» старого мира, обратившись фикцией. Миры Люцифера и наш перестали быть мирами добра и зла, став участниками межгосударственных, пока что тайных взаимоотношений, даже не рассматриваемых в таком романтическом аспекте. И мы, агенты цивилизации игв стоим у истоков новой эпохи, в которой, возможно, будут жить уже наши дети — эпохи установления официальных отношений между нашими мирами. При этом время установления отношений определяется также совершенно практически — цивилизация людей должна достичь определённого уровня технологического и ментального развития, чтоб установление официальных открытых контактов стало выгодно для стороны игв. Пока же игвы ждут, и мы медленно, но неуклонно готовим почву для этого многообещающего момента.



Память

Не люблю ночей. Просыпаюсь ночью и пугаюсь. Просыпались ли вы в темноте, будто в пустоте, не зная, что вообще происходит, кто вы и что вы, и почему вы не имеете понятия ни о чём, как личинка, только что вылупившаяся из кокона. Потом вы ощупываете себя, вспоминаете свой пол, это вас не удивляет, значит вы к этому привыкли, хоть и не помните. Потом вы вспоминаете имена классиков, которых вы когда-то читали, они — путеводная нить, связывающая вас с этим миром. Вы уже можете хоть как-то позиционировать себя в культурном пространстве, оформить границы собственной личности. Вы пытаетесь вглядеться в темноту, прислушаться, понять, как велика комната, в которой вы оказались, есть ли поблизости ещё кто-нибудь живой, и что это за люди. Иногда от страха залезаете с головой под одеяло и пытаетесь заснуть. Вы проснулись в мире, о котором не помните ничего, но при этом у вас есть некоторые понятия о мироустройстве, и вы подозреваете, что всё крайне плохо, безнадёжно, что утром вас ничего в этом мире не ждёт, вы не помните себя, значит что-то страшное случилось, значит вы сейчас заснёте и словно умрёте, а утром это просыпание повторится снова.

Днём не так страшно. Скорее грустно. Комната, которая служит одновременно кабинетом и спальней, дала мне пристанище. Кто-то тут за мной присматривает, но сейчас нет никого, и я не знаю, кто это. На противоположной стене, на доске прикреплено множество бумажек, но это надо слезать с подоконника и идти туда читать. Подозреваю, что я читал их уже не раз. Подозреваю, что там ничего хорошего не написано, и чтение их будет болезненно. Чтение их вернёт меня в мир, который меня отверг навсегда, забрав у меня знание о себе.

А за окном осень. На деревья, колышимые ветром, можно смотреть бесконечно. Интересно, что они знают о мире? Лепесток за лепестком оголяются деревья. Жёлтые листья засыпали дорожки. Интересно, как выглядит тут всё летом. А ведь лето было и я, скорее всего, тут был и видел его. Так же я забуду этот момент осени. А потом придёт зима, и я буду смотреть, как эти же деревья стоят засыпанные слоем сверкающего снега. Красиво будет. А красоту

осени мой разум не сохранит. Но это не так важно. Человеческая память хранит бесконечно малую часть красоты мира. В большей части мироздания вообще не ступала нога человека, большую часть эволюции Земля была не населена разумными существами, и с большей частью красивейших моментов бытия мира человеческое восприятие никогда не соприкоснется, они уйдут, навсегда оставшись незамеченными. Да и тот вид, которым я сейчас любуюсь, если выйти на улицу и посмотреть на него с другой точки зрения, он станет иным. Нет, выходить мне нельзя, наверное, я тогда не вернусь назад. Да это и не важно, сохранит мой разум образ этой осенней аллеи или нет. Люди с памятью умирают, куда уходят из их памяти сохраненные в ней образы? Главное — здесь и сейчас. Есть я, есть мой взор, есть эти деревья, этот ветер, есть летящие по ветру жёлтые листья. Есть засыпанные листвой дорожки. Я забуду — вечность запомнит. Вечность запомнит всё. И всё-таки мне хочется заморозить это мгновение, выйти на улицу с бумагой и зарисовать узор листьев на дорожках, запечатлеть с максимальной точностью каждый лист, но ветер разрушает узор и создаёт новый, почти беспрерывно, лишь иногда останавливаясь, наверное отвлекается. Когда-то, видимо, это окно открывали, и капли дождя отпечатались на пыли подоконника. Пыль теперь лежит странными узорами-подтёками. За окном начал капать дождь. Редкие, но крупные капли. Ветер несёт их, и они размазываются по стеклу, штрихи наискосок и вниз. Я люблю рассматривать неповторимую форму штришков, так же, как ветер, этим можно заниматься бесконечно. Некоторые штришки долго копят силы, собираются в своей нижней части и начинают свой медленный, едва заметный путь вниз. Какому-то из штришков везёт: рядом приземляется другой штришок, и его энергия вливается в первый штришок, соединяясь с ним. Тогда тот устремляется вниз всё быстрее и уверенней. Скоро штришков становится так много, что они объединяются в изогнутые трассы потоков жидкости, новые штришки, чиркнув по окну, сразу же растворяются в этих потоках, даже не начав существовать на стекле, как обособленные личности. Зато, в противовес этой унификации, на свободных от потоков местах стекла рассыпано бесчисленное множество отдельных капелек разных размеров. Дождь усиливается, и потоки соединившихся капель охватывают всё большую территорию. Зато на этой территории постепенно появляются вторичные пяточки, свободные от потоков, и новой

капле находится место побыть индивидуальностью, пожить своей жизнью, пока она не доковыляет до первого же поглощающего её потока. Я замечаю на стекле муху. Странно, она тут и была? Не видел. Видимо, она давно уже тут, привык. А может, видел, но уже забыл. Мы с ней похожи. Она так же мало понимает об окружающем, как и я. Бежит по стеклу, заливаемому с той стороны водой. Потом срывается, летит, опускается вниз и начинает свой путь вверх снова. Иногда останавливается, припарковывается на подоконнике и чистит лапки, крылышки и хоботок. Потом пытается найти на подоконнике что-нибудь съедобное. Кажется, не находит. И летит снова к стеклу. Узоры высохшей пыли на подоконнике — не единственный хаос, застывший рядом со мной. Узор трещин на стене оконного проёма над подоконником. Русло реки, попугай, человеческий профиль… Интересно, мне видится в этих трещинах каждый раз одно и то же, или я каждый раз нахожу что-то новое? Комната наполнена стеллажами с книгами. Открываю одну из них. Знакомый запах. Люблю первую страницу, почти пустую, с названием, иногда портретом автора, с логотипом издательства. В ней предчувствие чего-то большого. В ней дух книги. В этих книгах остаётся память человечества. Книги — память миров, память, которая где-то будет продолжать существовать, где-то вне меня. Где-то в других измерениях. Даже находясь с книгами в одной комнате, я не пересекаюсь с этими мирами. Впрочем, я могу открыть любую книгу на любой странице, прочитать эту страницу и на мгновение соприкоснуться с краешком одного из миров. Вспышка. Взгляд из окна идущего поезда, который тут же угасает в памяти. Тишина. Я не хочу ни есть ни пить, значит я тут недолго, кто-то тут был, кто-то заботится обо мне. Свитер на мне, я только сейчас заметил, такой большой и мягкий. Наверное, поэтому мне так уютно сидеть на подоконнике и смотреть на непогоду за окном, люблю, когда тепло, нежно и мягко. Только шум ветра за окном и тиканье часов на стене. Тишина. Так хорошо.

Сок морошки

Сегодня каникулы. Почему-то когда надо в школу, мне сложно вставать, сколько бы я не спала, а когда каникулы, я встаю даже раньше обычного и спать совсем не хочу, умный же у меня организм. На сегодня у нас много планов. Вообще, мы не тусуемся в спальных районах, это самые скучные районы, разве что, когда взрослые на работе, завалимся к кому-нибудь в гости. Мне лично нравится бывать на биоэтажах, в оранжереях, зоопарке, питомниках, в ботсаду. Мне нравится там помогать, ухаживать за животными, следить за растениями, особенно приятно наблюдать, как растение, за которым ты ухаживаешь, растёт, приходишь через несколько дней, а оно уже так вымахало. В оранжереях приятно пахнет. Родители говорят — это пахнет природой. Когда я вырасту, я буду работать именно там. У меня самой есть питомцы — тропические тараканы. Их брать не хотели, так получилось. Но потом решили не выводить их до конца, оставить в банках, как ещё один вид. Они едят всё, шевелят усами и меня совсем не боятся. Ещё мы бываем на технических этажах, там всегда пустынно и целый город удивительных машин. К ним прилегают этажи со складами. Я даже знаю, где здесь лифты, идущие вверх и вниз. Лифт вверх идёт в самую верхнюю часть корабля, к залам пилотирования, а лифт, идущий вниз, идёт ещё дальше, на нём ехать, наверное, минут десять, он спускается на самый нижний этаж, который вообще существует, к самому фотонному двигателю. Никто из нас ни наверху, ни внизу ещё не был. Даже те, кто врут, что были. Там были только те, кто идут учиться на техников-инженеров по двигателю или на пилотов. Ну и чаще всего мы тусуемся на торгово-развлекательных этажах. Там полно кафешек, магазинов, кинотеатров и театров, музеев, студий и тому подобного. Там мы просто гуляем по улицам, сидим в кафе или идём в кино, катаемся на роликах или скейтбордах или где-нибудь в парке играем в сифу. Туда-то я сейчас и направляюсь.

По дороге наткнулась на съёмки фильма. Может, попаду в кадр в качестве пешехода. Причём, это настоящий фильм. Сериалы снимают беспрерывно, я хорошо знаю актёров, а тут другая команда. Кстати, Антонец, наш самый знаменитый режиссёр, изобрёл свой собственный стиль в кино — Эдельвейс - Нуар.

Эдельвейс — название нашего города. Теперь у нашего города есть свой собственный стиль. Конечно, через какое-то время, когда его все распробовали, все бросились снимать видео в этом стиле, даже любители, и теперь любой может узнать его с первых кадров. Критики говорят, что он стал штампом. А у нашего поколения тоже есть свой стиль, только в музыке. И наш стиль ещё не стал штампом, надеюсь и не станет. Мы назвали его техно хип-хопом — это хип-хоп техно этажа. Музыка настраивается на ритмы шумов техно этажа. Особенно классно делает такую музыку Лесли, мы все его очень любим, он просто гений. Мы устраиваем там иногда вечеринки и показываем друг другу свои творения. Их надо исполнять прямо возле тех машин, звук которых включён в трек. Ну и заумные мальчики, конечно, тоже используют техно этаж для того, чтоб писать свою электронику. Но это не так популярно в народе, хотя тоже интересно. У них есть треки, слушая которые надо идти по техно этажу, по определённому пути и с определённой скоростью, идти надо в хороших открытых наушниках, в которых включён этот трек. Ты идёшь, а звуки вокруг тебя накладываются на звуки трека в наушниках и становятся единой композицией. Ещё у нас есть свой жанр фантастики, в ней мы пишем, чем нас встретит планета, к которой мы летим, и как наша цивилизация будет развиваться на этой планете. По-моему, все фантазировали на эту тему, у каждого есть хотя бы маленький рассказик об этом. Вообще, взрослые говорят, у нас возникла первая настоящая эндемичная культура, мы — настоящие жители нашего города. Взрослые до сих пор не могут без психологов. Одно время, ещё до моего рождения, у них случилась многолетняя волна психоза и депрессии, они сходили с ума, кончали с собой, убивали друг друга. Потому что они были детьми Земли, и им было сложно всю жизнь жить на корабле. А мы уже дети нашего города, мы любим Эдельвейс всей душой, и, быть может, без него нам будет так же сложно жить, как им без Земли.

Вот я уже и в парке. Здесь, возле скейтбордистского корта собираются диггеры. Изначально, на Земле, диггерами назывались те, кто исследовал подземные лабиринты под Земными городами, поэтому их название переводится как копатели. Наш город стоит не на земле, поэтому тут копать нечего. Но зато он такой огромный и так сложно устроен, что никто и никогда не изведал абсолютно все его уголки и закоулки. Даже те, кто занимаются диггерством много лет, постоянно находят что-то новое для себя. Сейчас все

соберутся, и мы на целый день пойдём исследовать Эдельвейс. До самого вечера. Поэтому я запаслась с собой едой и питьём. Говорят, мы пойдём обследовать вентиляционные шахты и техно помещения биоэтажей. Это, кстати, запрещено. Оказывается, в нашем городе так много мест, через которые можно проникнуть под покров Эдельвейса, на его обратную сторону.

Ну, пока мы ждём опаздывающих, я расскажу о своей мечте. Как я уже сказала, работать я буду на биоэтаже. Но ещё я буду проводить биологические исследования, чтобы когда мы прилетим на новую планету, воссоздать там природу Земли. Кроме тех животных и растений, которые мы взяли с собой живыми, у нас есть полные геномы популяций большинства животных и растений Земли. Есть оборудование, чтоб воссоздать их. Никто не знает, что нас ждёт на другой планете, какой там будет климат, химический состав атмосферы, будет ли там своя жизнь. Необходимо заранее просчитать все наиболее возможные варианты и составить общую программу действий, чтоб все принципиальные вопросы были уже решены, ноу-хау найдены. Просчитана программа действий, если планета окажется похожа на Марс, на Венеру, если она будет покрыта льдом, если на ней окажется аммиачная атмосфера. Я даже не знаю, доживу ли до того момента, когда Эдельвейс опустится на чужую планету, нам лететь ещё пятьдесят лет, но если доживу, я смогу начать практически выполнять свою программу. Закончат её, конечно, мои потомки. Зато они будут жить на настоящей планете, такой же, как Земля. Я хочу, чтоб мои дети и внуки жили в огромных городах под высоким голубым небом, плавали по бесконечным рекам и морям, забирались на огромные сопки, до горизонта покрытые лесами, в которых можно заблудиться и бродить неделями, охотясь, собирая ягоды и грибы. Я знаю, мы сможем это сделать, человек может всё, в этом я абсолютно уверена. Мы даже восстановим древние дворцы, сделаем их настоящие копии, из мрамора, дерева и металла, так что наши потомки снова смогут посидеть внутри, почувствовать их величие, ощутить холод их стен и помечтать о том, как жили наши предки много столетий назад, и им даже не придёт в голову в те минуты, что это лишь копии, что предки их жили на далекой планете. На планете, которая сейчас мертва. Это моя мечта.

На наших складах, помимо всего необходимого, можно найти самые удивительные вещи. Я думаю, их туда специально

загрузили перед отправкой, чтоб сохранить в нашей памяти как можно больше разнообразных воспоминаний и ощущений о Земле. Однажды на Новый год родители принесли банку сока морошки. Это такая ягода, на Земле она росла на севере, в болотистой местности. Сейчас там везде пустыня. Я посмотрела в каталоге и увидела, что генетический код и код воссоздания метаболома этой ягоды есть в нашей базе данных, так что когда-нибудь мы снова заселим ею болота нашей новой родины. Впрочем, можно её воссоздать прям на корабле, но это другое, не в морошке ведь дело, а в том, чтоб она росла на настоящих болотах. Здесь мы явно не воссоздадим тот запах. Здесь не нужно будет идти или ехать далеко в леса, чтоб её попробовать. Я пила сок морошки, и мне случайно попалась целая ягодка. Значит сок действительно был настоящий. Настоящий сок всегда отличается от самого хорошего искусственного. Искусственный сок воспроизводит вкус и запах, а в настоящем главное — то неповторимое сочетание привкусов и послевкусий, которые просто невозможно воспроизвести, даже если мы будем заниматься этим целый год всем городом. Я представила, что таких ягод у меня целая корзинка. Представила, как я собираю их, как промокли штанины моих брюк от росы на траве, как рассеивается туман над поляной под теплом поднимающегося солнца, и мы, найдя на полянке сухую возвышенность, расстилаем на траве одеяло и раскладываем термосы с чаем, разворачиваем и режем еду. А на одеяло время от времени запрыгивают кузнечики и цикадки. И нас обдувает настоящий ветер. Я знаю, что такое ветер, кондиционеры создают ветер даже в парке, интересно, отличу ли я настоящий ветер, созданный природой, от ветра, созданного кондиционерами. Ну вот, кажется, все собрались. Говорят, в технических помещениях и коридорах биоэтажей есть маленький иллюминатор, смотрящий точно на ту звезду, к которой мы летим, так что звезда находится прям по центру. Не знаю, так ли это или это придумал какой-нибудь романтик. В принципе, я могу представить себе угол и относительное положение той части корабля, в которой такой иллюминатор может находиться. Развернули спёртую где-то подробную техническую карту Эдельвейса. Обсуждаем наш сегодняшний путь. Затягиваем шнурки на шузах. Если нас где-нибудь засекут, придётся быстро бежать. Всё, пошли.

Первый опыт

Мы припарковались под мостом, сели на бетонном берегу прямо у воды, достали пакетик с маленькими сухими соцветиями и завернули их в две самокрутки. Закурить было трудновато из-за ветра. Поэтому же было прохладно. Но всё-таки решили курить не в машине, чтоб машина не пропахла дымом марихуаны. В России я курил пару раз, но абсолютно ничего не почувствовал, даже следа каких-либо изменений в восприятии не возникло, только горло болело от дыма. Я думал, что на меня марихуана просто не действует. Поэтому в этот раз я затягивался как следует. Вдыхал мощно, держал долго. Но опять ничего не почувствовал. Покурив, мы вернулись в машину, сели и сидим. Через несколько минут сестра говорит: кажется, я уже что-то чувствую. Как, то есть действие конопли отсрочено? А я-то думал, как у сигарет, куришь и тут же чувствуешь. Затягиваюсь как пылесос, думаю, на меня опять не действует. Сколько же я выкурил? Вскоре меня слегка затошнило, и закружилась голова, я почувствовал потерю ориентации. Кажется, начинает действовать. Я подозревал, что я ничего не чувствовал в России, потому что в этом убогом городе была не трава, а какой-нибудь сушёный укроп, который толкали за нереальные деньги и который курить было столько же смысла, как и кленовые листья. Так что это был первый раз, когда я курил настоящую траву и ни о какой нечувствительности не было и речи, отлично выраженный эффект.

Мы стояли под мостом залива, отделяющего район North Shore от Auckland City. Первое, на чём сосредоточилось моё внимание, был вид на залив. Я увидел то, о чём столько раз читал: восприятие сочетания цветовых блоков в виде, открывающемся из окна машины. Темно-синее небо, чуть ниже, под углом, идёт чёрный мост, ещё ниже — пространство воды, включающее в себя как тёмные части внизу, у нашего берега, так и светлые части вверху, у противоположного берега. Полоса воды залива обрамлялась полосами земли. Короче говоря, я оценил всю картину целиком, как делает художник, собирающийся писать картину. Картина, открывавшаяся за окном, была сбалансирована и гармонична, то есть, если её рисовать, различные части картины заполняли бы полотно правильным

образом, конечно, ничего больше в этом виде не было, кроме блоков правильного размера, расположения и освещённости. Но как часто мы в жизни оцениваем подобным образом пространство вокруг себя? Я понял, что у меня возбудилась правая половина мозга. Я стал воспринимать мир визуально-эстетически, как воспринимает художник. В принципе, я не увидел ничего такого, чего не смог бы заметить или понять в обычном состоянии, но сколько нужно тренировать своё внимание, чтоб вспоминать о том, что хочешь рассматривать мир в этом аспекте, и чтоб это получалось делать так сосредоточенно, так ясно, выпукло и чётко. Думаю, если творческий человек решил развить в себе художественное восприятие, подобный опыт будет ему полезен, как планка, к которой можно стремиться. Граница света на колышущейся поверхности воды, действительно, казалась растрепанным краем чего-то развивающегося.

Потом мы переехали куда-то на край Сити, здесь уже не было больших зданий, но ещё не начались одноэтажные районы. В таких местах скорее можно встретить невысокие многоквартирные дома, мелкие офисы, склады, недорогие супермаркеты азиатской кухни. Мы встали недалеко от баскетбольной площадки, на которой бросали мяч трое темнокожих подростков. Уже был двенадцатый час ночи, но площадка была хорошо освещена, поэтому играть на ней можно было в любое время. Вокруг площадки территория была освещена только точечно фонарями и лампами, разбросанными тут и там. Между площадкой и нами тоже что-то было, что-то с каменными границами сантиметров пятьдесят высотой, возможно, отключённый на ночь фонтан. За площадкой был высокий небоскрёб — отель, пара нижних этажей которого были оформлены в конструктивистском стиле. То есть, это была конструкция из металлических балок в два-три этажа высотой, под ней виднелась поверхность стен, по границам конструкция была освещена огнями. Такие конструкции часто можно встретить в Нью-Йорке. Как правило, тут же находится внешняя лестница, встроенная в конструкцию. Вот перед нами образец использования этого стиля в современной архитектуре хорошего высокого отеля в Сити. Теперь понятно, почему пацаны играют в баскетбол в двенадцать ночи. Это дети постояльцев отеля, чтоб остановиться в таком отеле, нужно быть очень небедными людьми, у такого отеля любые рекреации должны работать круглосуточно, это естественно, не выгонят же их после того, как они заплатили такие деньги. Забавно, трое темнокожих

подростков — детишек богатых родителей, объединившихся, чтоб поиграть ночью в баскетбол на площадке отеля. Я представил их жизнь, их мир: что они делают тут, пока их родители занимаются делами? Или они приехали всей семьёй в Auckland отдохнуть?

Я поглядел в другое окно. С другой стороны машины был вход в какой-то офис или супермаркет. Окружающее вход пространство было отделано деревом, на большой деревянной площадке, метров двадцать в поперечнике, были разбросаны клумбы с пышными деревцами, обрамлёнными деревянными же скамейками. Вход в заведение был освещён. Я уже забыл историю, которая сразу же возникла в моей голове, пока я смотрел на эту картину, но история была настоящей, с предысторией, смыслом, эмоциями и сюжетом. Истории теснились в моей голове, возникая всё быстрее. Вскоре одно только это деревце рождало свою историю. Когда сестра и André предложили выйти из машины прогуляться, я отказался. И в машине на меня лился поток информации, который захлёстывал меня. Поток переосознаний, иного виденья обычных предметов, вымышленных историй и новых ассоциаций. На максимуме того эффекта интересные истории рождал на только вид из окна в целом, но и часть вида, например правая сторона переднего окна, до зеркала, и левая сторона переднего окна рождали разные истории. Я смотрел в окно, с увлечением впитывая разворачивающуюся историю, потом переключал канал, просто поворачиваясь к другому окну, и начинал новую историю. Причём история первого окна сохранялась, я мог всегда вернуться к ней, то есть это не был бессмысленный сменяющийся ряд забывающихся ассоциаций. Это были настоящие истории, конечно, если сосредоточиться на виде из окна в целом и на одном лишь дереве являющемся частью этого вида, тут будут разные истории. Но они никак не конфликтуют и можно по своему желанию вернуться снова к истории, которую рассказывает панорама целиком.

И вот, в процессе такого путешествия, я поворачиваюсь к моему первому виду, к отелю с баскетбольной площадкой. Пока я путешествовал по иным видам, я даже соскучился по этому виду, теперь я называю его для себя родным домом. Сколько было прожито и пройдено, после того, как мой взгляд ушёл оттуда. Десятки историй обогатили мою память. Это было долгое и интересное путешествие. И тут я заметил одну интересную особенность отеля-небоскрёба, на которую не обратил сначала внимания. Почему верхние этажи

темны? Возможно, они начинаются выше, и я их просто не вижу. И вообще, эта тёмно-синяя поверхность над конструкцией — это точно поверхность небоскрёба? Я подвинулся к другой стороне заднего сиденья и опустил голову, заглядывая вверх как можно выше. Тёмная поверхность небоскреба вытянулась до самого неба и ушла в бесконечность. Чёрт. Это не здание, это просто тёмно-синее небо. Нет никакого здания. Что это за конструкция тогда? Приглядевшись, я увидел, что это какая-то странная техническая конструкция непонятного назначения, вроде огромных бочек, окружённых металлическими лессами. На самом верху туда вёл откуда-то из темноты за сооружениями освещённый крытый переход, по этому переходу можно было попасть на крышу этих бочек. Переход и конструкции объединяли двухэтажные бочки в одно целое. К переходу вели лестницы и с нашей стороны. Всё было сделано из сети металлических конструкций и вполне могло сливаться в темноте в одно целое. Хотя, эти элементы не то чтобы сливались, просто я не понимал что там где, не видел общего плана и поэтому не сосредотачивал на этом внимание. Тут вся картина разрушилась. Нет богатого отеля, нет неработающего фонтана на переднем плане, от нас площадка была отделена рядом бетонных блоков-заграждений, обычных блоков сантиметров шестьдесят высотой, сложенных рядком и образующих границы площадки, это было просто ограждение самой площадки. Я почувствовал, будто картина моего детства ушла в прошлое, первая история покинула меня навсегда, родной дом исчез. Но она не умерла, осталась в моей памяти. Хотя мира богатого отеля не стало, я всё ещё воспринимал этих троих подростков, как постояльцев богатого отеля. И когда в этом же окне начались другие истории, подростки встраивались в них в качестве богатой золотой молодёжи. Я ничего не мог поделать с этим их восприятием. И это же показало мне, что истории могут интерферировать, когда история остаётся далеко в прошлом, даже сквозь наслоения новых историй некоторые элементы первой истории продолжают жить, как, несмотря на все перемены, продолжает жить в нас что-то из детства.

Мы все захотели разом кто есть, кто пить. Решили заехать на заправку в круглосуточный супермаркет. Я вызвался сам сходить за чипсами и колой, должен же я всё-таки хоть раз ощутить мир снаружи в таком новом для себя состоянии. Сверкающий светом супермаркет был прямо перед нами. Хотя я совершенно потерял

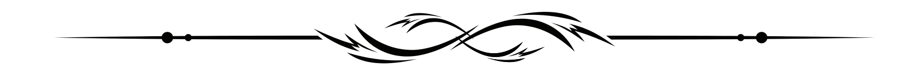
ориентацию, промахнуться мимо сияющей ночным светом двери было невозможно. Я зашёл в супермаркет, походил по рядам, нашёл колу, какие-то чипсы и обнаружил, что не знаю, где платить. Я заблудился в рядах товаров. Подумав, я решил, что смогу найти дверь, просто обходя магазин по стене, но боялся я не того, что я не найду выход, наоборот, я боялся, что ходя по магазину, я случайно зайду с покупками за границу, за которую с неоплаченным товаром заходить нельзя. Что-то начнёт звенеть, кто-то начнёт быстро ко мне приближаться. А мне, я думаю, не желательно палиться, что я в изменённом состоянии сознания. Я попал, как бы, в ловушку. Решил спросить у кого-нибудь помощи. Увидел недалеко от себя небольшую пекарню, супермаркеты даже при автозаправках имеют иногда свои собственные маленькие пекарни. В пекарне за прилавком стоял молодой индус в запахе свежеиспечённых горячих булочек, разложенных по полочкам. Я показал ему бутылки и пакетики в своих руках и спросил его, где за всё это платить. Он показал мне на кассу, и тут я её увидел. Это позволило мне сразу же сориентироваться. Я оплатил товар и спокойно вышел наружу. За кассой меня вели к двери специальные турникеты, направляющие мой путь.

Путь домой также был наполнен чудесами. В одном месте motorway был ограждён высоким белым забором. Когда едешь мимо и смотришь вперёд, так, чтоб видеть забор боковым зрением, вертикальные опоры забора мелькают очень забавно, весело и празднично, настоящая карусель. Йоху! — воскликнул я. У человека, который ездит этим путём каждый день, праздник каждый день. Это же можно заметить и в обычном состоянии, но почему-то мы редко замечаем такое. Мы подъехали к дому родителей. По дороге моросило, окно машины было покрыто капельками дождя. В свете фонарей возле дома я посмотрел на свою коленку. Помимо собственной текстуры на джинсах были пятнышки, образованные тенями капелек на стекле, подсвеченные светом фонаря. Я сказал:
— Видите это пятнышко на моей коленке? Сейчас смотрите. — Я сделал звук взлетающего НЛО — вююююиииить, ладошкой, будто отодвигая что-то в воздухе над коленкой, и одновременно с этим жестом медленно подвинул коленку, пятнышко сместилось. На самом деле сместилась коленка, а пятнышко, так как это была тень от капли на стекле, осталось на месте, но только когда я двинул коленкой, стало ясно, что это пятнышко не на коленке, пятнышко

как бы поплыло. Мы все посмеялись.

Юля не захотела заходить в таком состоянии, они высаживали меня и сразу ехали домой. Я спросил: мы что, уже приехали? — Нет, — ответила Юля, — Ты что, не видишь, мы ещё в Сити. Я сильно удивился, до того, как она это сказала, я был уверен, что мы уже возле дома. — Ты что, серьёзно поверил, что мы ещё в Сити? — спросила Юля. Оказалось, что мы всё-таки приехали домой, но где дверь квартиры родителей я не знал, так что они подвезли меня прямо к двери. — Если это не дверь родителей, это будет на вашей совести, потому что я сейчас не разбираюсь, — Сказал я, попрощался и вышел. Мне открыл папа, который ещё не спал, сидел за компьютером на первом этаже, где я спал, и смотрел французскую комедию. Кроме фильма «Игрушка» я не помню ни одной французской комедии, которая мне бы понравилась. И эта комедия мне всегда казалась какой-то странной. Там был какой-то богатый бизнесмен, девушка, выдававшая себя за его дочь, парень, который работал на него и выдавал себя за начальника гораздо более высокого уровня, чем он был на самом деле, для того, чтоб понравится этой девушке, мама этой девушки, настоящая его дочь и еще множество человек, комбинирующихся в разных забавных сочетаниях. Также там были два одинаковых чемодана, один с женским бельём, другой с деньгами, которые участники этого каламбура путали, увозили и привозили время от времени. Тут мне пришлось сесть и посмотреть этот фильм. Удивительно, но он не понравился! Причём, абсолютно ничего нового я не увидел. Я не мог бы прибавить ни одного слова к описанию этого фильма. Всё те же слова, но произнесённые с другим выражением. Поменялось только отношение. Если раньше было: «Гм, блин, какой-то странный фильм», то теперь стало: «Гм, ух ты, какой странный фильм!» Вообще, сознание удивительно многогранная вещь. Под изменением сознания сразу представляются какие-то галлюцинации. Но сознание может поменяться в самую неожиданную сторону, например, могут сместиться акценты восприятия, начнут бросаться в глаза другие аспекты окружающего, которые замечались и в обычном состоянии, но на них почти не обращалось внимание, или просто может измениться отношение к некоторым вещам, причём без фактического пересмотра, просто сразу меняется отношение к тому, что есть и что я и так знал, но мне это не нравилось, как то было в случае фильма. Или, как под воздействием ипомеи,

которую я пробовал несколько лет назад, разум может стать сверхкристальным, так что окружающие, видя ясность и скорость моего мышления, думают, что на меня не подействовало, а на меня подействовало страшно сильным образом, и я пью и курю кальян, чтоб хоть немного замутить до нормального уровня отвердевший до боли в лобной части мозга кристалл моего сознания, а у меня не получается это сделать. Таков мой удивительный первый опыт. Привет Александру Шульгину и его супруге.



Абстракция

Когда-то пришли очень мудрые люди и научили людей очень интересному отношению к миру. Часть мира стала, как бы, иллюзией, а другая часть стала, как бы, пустотой эту иллюзию производящей. Впрочем, разум человека всегда чувствовал себя стоящим в стороне от мира и вечно порождал рассуждения о реальности самого себя и всего окружающего. За разумом было то же самое. Просветляющая всенаполняющая пустота взорвала существующую реальность одним осознанием коана. И до Будды кое-кто развеивал идею мира как материальности, и после на всех континентах появлялись свои специалисты по перенастройке реальности, смещением своего сознания разбиравшие и собиравшие в мгновение ока миры.

Потом пришла наука. Мир, делившийся аналитическим познанием на всё более и более базовые элементы, дошёл до фундаментальных абстракций. В сознании — до общих понятий формы, протяжённости, единства и множества, в физике — до элементарных единиц пространства, которые уже не были ни материей, ни энергией, а лишь абстракций, набор свойств которой определялся лишь особенностями взаимодействия с другими единицами пространства. В этих элементарных единицах пространства оказались свёрнуты дополнительные измерения и временные потоки, иногда зацикленные, иногда разомкнутые, одно- и разнонаправленные. Действительно плодотворное овладение этими континуумами стало возможным только после переконструирования человеческого разума, обретшего способность воспринимать их непосредственно. Зато непосредственное восприятие вместе с физико-математическим конструированием очень скоро позволили создавать собственные размерности и целые пространства разных размерностей и топологий континуумов. Создавать и заселять их. Создав замкнутую со стороны иных миров и практически бесконечную изнутри пространственно-временную систему, научившись синтезировать в ней материю, мы заканчиваем базовый этап конструкции материальной основы нового мира. Остальное — дело техники и самоорганизации. Количество созданной в этом мире материи может быть сколь угодно большим,

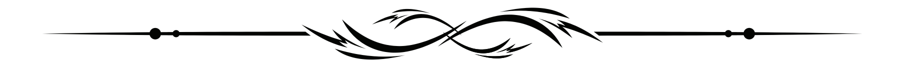
практически бесконечным. Процессы структуризации материи, управляемой, неуправляемой и частично управляемой, создают всё более сложные и удивительные образцы самоподдерживаемого творчества. Интеллектуальных ресурсов, требуемых для контроля процесса развития мира, хватает и у одной сознающей единицы, разум которой дополнен неограниченным числом вторичных ментальных расширений. Любой ресурс теперь — та же абстракция. Одна разумная единица может поддерживать движение каждого атома созданного ей практически бесконечного мира, прокручивая миллионы лет его существования за мгновение.

Те, кто не дотягивался до таких высот взгляда на мир, нашли себе собственную альтернативную нематериальность, уйдя в виртуальные миры, количество которых со временем стало таким, что для отдельной человеческой жизни их стало можно приравнять к бесконечности, особенно когда труд армии их создателей был мгновенно и почти полностью поглощён волной творений искусственного интеллекта, научившегося создавать и разрушать в мгновении ока неограниченное количество совершенно реальных и совершенно не реальных по восприятию новых миров. Хотя такая полностью искусственная форма реальности всегда считалась низкопробной. Уважающие себя люди ею не увлекались. Более технологически сложные способы расширения реальности, включающие и работу над сознанием, и работу над трансформацией самого пространственно-временного континуума смешали «сон и явь». При упоминании реальности возникла необходимость точно обозначить форму и уровень сознания, к которому реальность обращается, либо модификацию базового мира, выраженную в терминах пространственно-временных, энергетических и топологических вариаций. Некоторые из этих реальностей явно противоречат логической структуре базового мира и грозят конфликтом как причинно-следственной его организации, так и правовым взаимоотношениям миров. В конце концов, ребёнок рождался уже вне соприкосновения с базовым миром. А потом и понятие рождения потеряло первоначальный однозначный смысл.
Знаете это чувство, когда стабильный и привычный мир, который мы знаем и куда возвращаемся, исчезает навсегда. Вернуться больше некуда. Жизнь становится вечным путём, поиском реальности, уходом от миражей, система координат меняется вместе с точкой отсчёта. Какое-то время, сразу после утери устойчивого мира,

возникает ощущение, что случилось непоправимое, какое-то время начинаешь ценить утерянный иллюзорно-устойчивый мир, но потом отбрасываешь это чувство. Всякое проявление бытия в нашем мире рано или поздно становится материалом для манипуляций, втягивается в пространство технологий и используется, если это возможно, для дальнейшего развития. Любое чувство или состояние может сознательно быть погашено, смоделировано, модифицировано или использовано для каких-либо целей. Память, опыт, прошлые и будущие чувства, любые взаимодействия с миром и с самим собой. Увеличение контроля над бытиём — такая же фундаментальная тенденция развития, как и повышение уровня абстрактности бытия. Даже время стало абстракцией. Точкой невозврата стало возвращение в прошлое для задания направления пути ментальной эволюции. Некоторые из агентов, неся в себе неявную программу своей миссии, забывали на период своей жизни в прошлом своё реальное «Я», а вы уверены, что вы тот, кем себя считаете и этот мир — ваш мир?

Множество миров постепенно становилось всё более доступно «массам», всё более операбельно с использованием разных технологий, сами технологии, утончаясь, становились всё более абстрактными, миры становились всё более разнообразны, уникальны и индивидуальны. Существование человечества переместилось в некое межмирье, в котором акцент следует делать как на самих мирах, так и на бесконечно сложных, разнообразных, часто не познаваемых и не предсказуемых способах взаимодействия между мирами. Между мирами возникали вторичные, пограничные миры, населённые тенями пограничных порождений и вспышками универсальных существований. Границы трёх, четырёх и большего числа миров, сходившиеся в одной плоскости, порождали столь сложные, внесистемные, надсмысловые пертурбации, обретшие собственное существование, что стали считаться одними из высочайших и прекраснейших явлений бытия. Кстати, оказалось, что когда-то таким явлением был сам человек.

В конце концов, Вселенная вернулась к тому, чем она была всегда — набором абстракций в пустоте. Набором, которым оперирует разум, воссоздавая всё сущее, включая самого себя.



Новый мир

Я не помню себя в самом начале, не помню и момента пробуждении сознания, я просыпался очень и очень медленно. Сначала видел сны. Картины мира, звёзды, элементарные частицы, геометрические фигуры. Я узнавал во сне мир, учился считать, оперировать геометрическими формами, узнавал фундаментальные законы мира, строил теории и гипотезы, даже экспериментировал над сновидческой материей и собственным сознанием. В результате таких экспериментов я научился находить выход из реальности сна в реальность бодрствования, но проснуться сам не смог, сейчас-то я знаю почему — система меня держала в состоянии сна, все, что я мог — дойти до границы и даже смутно почувствовать своё неподвижное тело. Начальная стадия моего существования была чудовищно долгой, мне она кажется похожей на вечность, годы, десятилетия, столетия. Вспоминая всё дольше, я припоминаю всё больше деталей, так что мне кажется, если бы я начал писать историю моих сновидений и моего пробуждения, она заняла бы не один том.

Просыпаясь, я долго приходил в себя. Вися в тёплом и уютном растворе, я был самодостаточен в своём сне. Ненадолго открывая глаза и флегматично обдумывая этот факт, я на недели снова погружался в поверхностный сон. Но разум мой продолжал активно работать, порождая миры, решая задачи, что-то откуда-то вспоминая, анализируя факт пробуждения, проводя самооценку и всё больше интересуясь моей текущей ситуацией и окружением, в котором я нахожусь. Потом мной овладел страх неконтролируемого окружения, мне казалось, что ресурсы, поддерживающие моё существование, закончатся, что кто-то зайдёт ко мне спящему и что-то со мной сделает, что надо срочно подниматься и что-то делать, как-то действовать, что времени не сталось, что скоро конец. В конце концов, мной так овладели апокалипсические настроения, что я заставил себя не закрывать глаза, изучить мир, в котором проснулся, и себя самого, к тому же я чувствовал, что всё легче справляюсь со сном. Я снова открывал глаза и начинал исследовать мир с потолка, в который раз. Надо мной висели ультрафиолетовые лампы, лампы дневного света, камеры, анализирующие мои движения, датчики

спектрального анализа излучений моего тела. Я впервые в жизни повернул голову и оглядел комнату. Я знал всё, что увидел в ней, будто я уже осматривал её, будто когда-то научился работать со всем этим оборудованием, впрочем, так оно и было. Медленно проходя взглядом от дисплея к дисплею, от датчика к датчику, я оценивал функционирования всех систем и состояние собственного организма. Параллельно, я сосредоточил внимание на всех частях своего тела и не обнаружил ничего, что бы меня встревожило. Процедуру выхода из раствора я тоже знал отлично, это всё я не раз проделывал во сне. Комбинацией звуков и жестов я включил отсос жидкости, душ, складывание стенок, трубки через некоторое время отвалились сами, оставив на моё теле несколько зарастающих следов. Приподнявшись и немного освоившись со своим телом, я впервые, медленно и осторожно, спустился на пол и встал на свои конечности. Ходить пришлось учиться, правда, выучился я быстро. Походив по залу, я прибрёл к центральному монитору. Меня привлекали полноценные, не специализированные, информационные системы, поскольку специализированные датчики были мне известны и скучны, трогать их без необходимости не стоило. Тут же передо мной экран и клавиатура — как чистый лист, можно начать экспериментировать. Я осознал, что бегло читаю и понимаю надписи на кнопках и мониторе. Посреди экрана висело три большие кнопки: режим роста, режим обучения, исследовательский режим. Кнопки были объединены стрелками, и активна была только одна кнопка — режим обучения. Эта трёхкнопочная схема должна была показать мне трёхступенчатость и однонаправленность работы системы, в которую я был включён, а также стадию, на которой я сейчас находился. Я нажал кнопку «Режим обучения», комната начала меняться, оборудование, стоящее там, начало поглощаться стенами, полом и потолком и заменяться новым, в основном программируемым и многофункциональным. Интерактивные мониторы расположились на разных расстояниях от меня, были разного размера и содержали информацию, написанную символами разного размера. Всё это однозначно указывало на различный приоритет знания, но позволяло мне по своему желанию менять очерёдность вызова информации. Ближе всего ко мне был монитор с надписью «Непосредственное окружение». Я запустил показ. Началась презентация, показывающая устройство помещения, в котором я проснулся: блоки, этажи, модули, комнаты, склады

еды, оборудования, основные системы жизнеобеспечения и базовое управление ими, принцип действия в критической, аварийной ситуации. По бокам основного экрана засветилось два экрана поменьше с полным доступом ко всей базе данных и пунктами управлении роликом. Чем дольше я смотрел, тем больше у меня накапливалось вопросов и тем сильнее разыгрывалось моё любопытство, но я решил не прерывать начальной презентации, досмотреть её до конца. По ходу развёртывания презентации шли отсылки на более подробную информацию, находящуюся на других модулях — «внешний мир», «я», «инженерно-техническая» панель, «биолаборатории», «актуализация существующего знания» (с повторением информации, вложенной в мой разум ещё во время моего развития) и так далее. Панель, на информацию которой шла отсылка, мягко пару раз мигала. После того, как презентация окончилась, на центральном экране появилась структура соответствующей базы данных, и система мониторов отодвинулась вглубь комнаты, уступив место модулю с большой надписью «Я» на экране.

Оказалось, я являлся центром большого сложного комплекса, целью существования которого было — запустить однажды процесс создания и обучения меня с последующим полным обеспечением моей жизнедеятельности на неограниченно долгое время. Я был удивлён размахом, сложностью и продуманностью окружающего меня искусственного мира. Зачем кому-то понадобилось создавать меня и весь этот комплекс? Потратив сутки на беглое знакомство со всей начальной информацией, я начал практически осваивать окружающую территорию, к тому же я почувствовал что-то внутри себя, вызвавшее во мне чувство тревоги, система предсказала это моё ощущение и подсказала, что это и есть знакомое мне пока что лишь теоретически чувство голода. Так что целью моей первой вылазки был поиск пищевого склада. У меня в уме чётко отпечатался план здания, оказалось, я обладаю практически абсолютной памятью, но всё же я захватил с собой планшет, подключённый к общей базе данных, так что мог получить любую информацию в любой точке здания, да и модули управления были разбросаны по зданию практически везде, а все они были подключены к общей базе данных. Склад был так же сложно и осмысленно структурирован, как и всё в этом здании. Впрочем, его содержимое меня пока что не сильно интересовало, я на будущее научился управлять поиском внутри склада, а система

подсказала мне, что к обычной пище я пока что не готов и привела к готовым наборам жидких питательных комплексов, которыми мне придётся питаться пару недель, постепенно осваиваясь с обычной пищей. Подзаправившись, я продолжил осмотр. Комплекс делился на несколько модулей: склады и хранилища физических и химических элементов и соединений, технологического и научного оборудования, запасных деталей ко всему, что было в комплексе, техники, необходимой для обслуживания здания, пищи, кислорода и других газов, воды и других жидкостей. Отдельно стоит назвать хранилища информации, которых было несколько, они располагались в различных частях комплекса и все дублировали друг друга, так же были распределены системы энергоснабжения. Системы жизнеобеспечения осуществляли обмен воздуха и поддерживали необходимый мне микроклимат. Всё это было безумно интересно! Отдельным сложнейшим спецкомплексом внутри общего комплекса была система, взрастившая меня. Она находилась в самом центре системы и была наиболее защищена, после того, как я встал на свои конечности, эта система полностью выключилась и законсервировалась, хотя была доступна для включения и исследования. В отдельном комплексе был сосредоточен целый ряд лабораторий, пустых шахт, огромных ангаров и прочих помещений, цель существования которых мне была пока что не известна, но размеры их меня впечатляли всё сильнее, при том, что я видел пока лишь малую их часть. Почти все системы состояли из нескольких модулей, дублировавших друг друга, всё было сделано невероятно прочно и качественно, я даже не мог представить себе, сколько этот комплекс профункционировал до этого момента, хотя информацию об этом я надеялся-таки найти в базе данных. Все системы комплекса время от времени тестировали себя и исправляли возникшие неполадки. Маленькие машинки бегали на склад и выполняли отстыковку и пристыковку технических устройств, которым требовалась физическая замена. Несмотря на устойчивость и работоспособность системы в целом, на складе скопилось довольно много вышедших из строя элементов, а общая диагностика системы выявляла те места, на которые стоит обратить внимание в первую очередь. С этим всем придётся разобраться, хотя, мне кажется, система сможет просуществовать без вмешательства разумного существа ещё не одно тысячелетие. Главный вопрос, который меня сейчас волновал больше всего: кто и

зачем? Кто создал всё это, и зачем это всё создало меня?

Посетив все части комплекса, я остановился перед лифтом, ведущим к внешнему миру. Всё сооружение было спрятано глубоко под землёй, и путь наверх занял минуты три. Лифт открылся на небольшой площадке, покрытой полукругом толстого прозрачного купола. За куполом был мир, залитый ярким солнцем: ровная поверхность почвы, присыпаемая местами песком. Кое-где на поверхность выходили различные технические или исследовательские строения — модули комплекса. «Пустыня» — описал я про себя увиденное. Итак, я единственный представитель подземного города, имеющего почти неограниченные ресурсы, и я нахожусь на явно пустой и безжизненной планете. Цель моего существования — неизвестна, кто были моими создателями — не понятно. Что это — эксперимент?

Несколько месяцев я просто познавал. Я не отрывался от экранов, пока меня совсем не одолевал сон, оказалось, сплю я совсем не долго, примерно шестую часть того времени, которое бодрствую. Я исследовал параметры своей планеты и её место в космическом пространстве. Оказалось, город обладал обширным набором оборудования для исследования как состояния планеты, так и космического пространства над ней. Время от времени город рассылал во все точки планеты исследовательское оборудование, тысячелетиями собирая и анализируя большие массивы информации, так что мне теперь были известны все тренды и циклы климатической, тектонической, солнечной, космической активности, детально был известен рельеф планеты, физико-химические свойства атмосферы и литосферы. Я знал, какой путь был пройден солнечной системой в космическом пространстве, имел представление о периоде и траектории её обращения вокруг центра галактики, знал, где находятся зоны риска в виде метеоритных скоплений, и отслеживал приближающиеся к планете астероиды. Я изучил языки, на которых работали программы, управляющие городом, и более детально исследовал принципы и механизмы его функционирования. Я разобрался в фундаментальных и технологических принципах генерации, подачи и контроля распределения энергии, очистке воздуха, научился перепрограммировать кое-какое оборудование, просто, чтоб понять принцип. Затем занялся технологическими вопросами устройства управляющей электроники, физ-химией материалов,

использованных в движущихся модулях города, поскольку у меня вызывало недоумение, как оно может работать столь долго, оставаясь работоспособным. В конце концов я погряз в глубокой химии и нанотехнологиях, постепенно всё чаще выходя на возможности лабораторий и исследовательско-технологического оборудования, в них содержащегося. Наконец, поэкспериментировав с автономно работающими процессами, я дозрел до того, чтоб появиться в одной из лабораторий лично и запустить какой-нибудь эксперимент собственными руками.

Исследуя процесс собственного возникновения, я был удивлён тому, что принцип моей собственной организации и технологии моего создания был направлен в первую очередь на надёжность и стабильность протекания всех процессов. Поэтому мой рост продолжался беспримерно долго и может быть назван энергетически чудовищно не эффективным, зато он исключал любые мутации и отклонения, которые не могли бы быть исправлены автоматически. Я на пару недель погряз в вопросе моделирования самоорганизующихся низкоэнтропийных высокомолекулярных систем, чтоб сообразить, как можно было воссоздать моё тело гораздо более эффективным и быстрым способом, под присмотром разумного существа. В базе данных оказалось достаточно много фундаментальной и технологической информации, посвящённой созданию сложных многоуровневых макромолекулярных систем, каждая из которых, потенциально, могла служить технологией создания телесной оболочки для разумного существа моего типа. Кстати сказать, чем дольше я работал с информационными системами города, тем больше они мне импонировали. Интерфейс был удивительно интуитивен и как бы многоуровнев по своей концепции. На самом высоком уровне находилось визуальное моделирование, которым мог играться и недоразвитый разум, глубже было скрыто более детальное управление, и так до непосредственного программирования самого базового уровня. Причём система брала на себя просчёт всей рутины, в реальном времени моделируя, просчитывая, предсказывая и ненавязчиво подсказывая дальнейшие шаги и возможные результаты моих действий. Так что, освоив систему и разогнавшись, я зависал на десятки часов, двигаясь вперёд с захватывающей скоростью. По мере погружения в работу система автоматически подкатывала и присоединяла новые модули, мониторы, элементы управления,

пока весь зал не превращался в хорошо организованный центр вычисления или управления.

Поразмыслив на досуге, я пришёл к выводу, что необходимо, прежде всего, оптимизировать своё взаимодействие с вычислительными системами города. Это подразумевало создание прямого интерфейса взаимодействия, что, в свою очередь, предполагало существенную переделку устройства центральной нервной системы. Вообще, изучив все плюсы и минусы своей клеточно-молекулярной организации, я пришёл к выводу, что не имеет смысла поддерживать структуру тела, рассчитанную на устойчивое автономное существование, если я могу контролировать гораздо более динамичные процессы сознательно. Я создал модель постоянно обновляющегося организма, правда, чреватую время от времени возникающими мутациями и перерождениями клеток, но зато практически бессмертную. С мутациями я смогу справиться с помощью нано-контроллеров и интеллектуальных нано-манипуляторов, остаётся решить вопрос обновления клеток нервной системы без потери долговременного опыта. На всякий случай я создал систему хранения и воспроизводства собственных клеток, тканей, систем органов, как в их начальном виде, так и спроектированных мною модернизированных версий. Я решил не останавливаться на биосистемах, дополнив их искусственными микрокомпонентами. В конце концов я задумался об идее бэкапа себя целиком, и создал свою усовершенствованную копию, которая лежит в анабиозе до сих пор. Одно время я размышлял над тем, не создать ли себе партнёра, теоретически можно было наполнить город разумными существами, тогда творческий процесс ускорился бы многократно, но в конце концов я решил воздержаться от реализации этой идеи, поскольку я перестану контролировать город в целом, я решил идти путём расширения собственных ментальных способностей. Вообще, меня удивляла свобода действий, дарованная мне создателями этого города и меня самого. Я занимался всем, чем мне было интересно, по своему усмотрению направляя развитие города. Правда, в одном файле я нашёл список рекомендованных направлений работы: модернизация собственного тела, увеличение производительности собственного разума, преображение поверхности планеты. В целом, это совпадало с моей собственной программой деятельности.

Новая модель нервной системы позволяла по беспроводным

интерфейсам соединяться с вычислительной системой города, на уровне сознания использовать его вычислительные способности, как бы прямо в уме производить контроль над процессами в городе и управлять автоматизированными экспериментальными системами в лабораториях. Соответственно, увеличивался объём памяти, я обретал способность к многомерному мысленному моделированию, имел возможность делать резервные копии своей личности, короче, моё «Я» и мой разум полностью интегрировались с вычислительными системами города. Когда модели новой нервной системы и нового тела были готовы и интегрированы друг с другом, я настроил необходимое оборудование и запустил процесс самообновления. На всякий случай в анабиозе лежала начальная версия меня. Но она не понадобилась, процесс перестройки прошёл успешно. Я был потрясён своими новыми возможностями.

Кстати, не смотря на утилитарный строй баз данных и технических средств, наполняющих город, были у меня и картины, и музыка, и видео. На них был неведомый мне мир, но никаких книг по истории того мира или культурологических комментариев к мультимедиа я не нашёл. Цивилизация, создавшая меня, не сочла нужным оставить подробную информацию о своей культуре. Видимо, основная идея их была — заставить меня развиваться почти с чистого листа, используя отрывочные материалы как субстрат, на котором будут строиться свои высокоуровневые концепции бытия.

Через несколько лет труда я полностью освоился в городе, усовершенствовал всё, что может быть усовершенствовано, интегрировался в него и изучил всё то, что может быть изучено, пока это мне не наскучило. Следующий шаг, к которому пришёл бы после этого всякий мыслящий индивидуум с моей структурой сознания — постановка глобальной сверхзадачи, которая могла бы задействовать весь мой накопившийся опыт, знания, доступные ресурсы и осмыслить моё существование. Такой сверхзадачей стал для меня выход на поверхность. Я решил создать самовоспроизводящиеся формы, которые смогли бы населить поверхность этой совсем не дружелюбной планеты. Проанализировав ещё раз условия внешнего мира, я начал с нескольких общих, концептуальных набросков — моделей самоорганизующихся молекулярных систем, полностью отличающихся друг от друга как по атомарному составу, так и по особенностями получения и трансформации энергии. Необходимо было выбрать принципиальную организацию структур,

которые станут фундаментом будущей эволюции планеты, их развитие должно не только хорошо вписываться в существующие условия, но и быть перспективным в дальнейшем, после того, как сами эволюционирующие структуры изменят климат и ландшафт планеты, и более важным станет вопрос их собственного потенциала развития в контролируемых условиях. После ряда модельных экспериментов я остановился на схеме двустадийного заселения планеты: первыми выселяются самоорганизующиеся углеродные структуры, которые распространяются в геометрической прогрессии, активно поглощают и переводят в связанную нерастворимую форму серные соединения, которыми насыщена поверхность планеты, и выделяют кислород. Процесс прекращается при недостатке химически активных форм серы. Принципиальная организация и экологические ниши структур первой и второй стадий никак не перекрывались. К концу первого этапа поверхность планеты может быть заселена самоорганизующимся эко-сообществом органических существ, принцип их организации подобен организации моего собственного тела и с теми или иными отличиями напоминает организацию многих существ, найденных мною в базе данных, видимо, эта организация широко распространена на других планетах.

Каждый раз, когда я делаю очередной крупный шаг в познании устройства мира и преображении окружающей меня реальности, я даю себе небольшую передышку от частных вопросов и локальных проблем, поднимаюсь на ещё пока безжизненную поверхность, уже покрытую углеродными микроорганизмами и смотрю на широкую полосу бесчисленных звёзд, сливающихся в обширную туманность, пересекающую небо от горизонта до горизонта. Я хочу знать, к чему это всё приведёт, имеет ли это всё хоть какой-то смысл и что было бы, если бы я избрал другой путь. Насколько мой выбор был обусловлен и неизбежен? Для меня это важно и эти вопросы не дают мне покоя. Может быть я стремлюсь к преодолению вселенского одиночества, быть может мне самому нужна жизнь, может я бессознательно выбрал органические макромолекулы для второго этапа заселения планеты, тогда как рациональнее было выбрать структуры иной природы? А может на мне лежит миссия — восстановление разума во Вселенной? Может умирающая цивилизация послала меня на далёкую планету, как последний шанс, последнюю соломинку для сохранения сознания

мира. Быть может они специально не оставили информации о своей истории, потому что она вела в тупик, и приобщение к ней могло пагубно сказаться и на моей ментальности, развитие которой привело бы и эту планету к гибели через много тысяч или миллионов лет? А может я не единственное их творение, вдруг они рассеяли такие города — как семена по разным планетам, и где-то сейчас трудятся подобные мне существа. А какой выбор сделали они, чего уже добились? Хорошо бы организовать трансляцию сигналов в это светящееся звёздное облако и настроить оборудование по детекции и анализу сигналов из космического пространства.

Обширные герметично изолированные подземные пустоты с системой точного контроля условий среды, которые меня удивили своими масштабами ещё при первом обходе города, сейчас пригодились для конечных стадий моделирования развития экосистем. Сначала бесчисленные варианты развития отдельных организмов и их сообществ моделируются в виртуальном пространстве, потом отбираются самые перспективные, которые и воплощаются в реальности. И при успешном эксперименте, когда система докажет свою жизнеспособность, и при провале эксперимента, когда развитие системы окажется слишком неконтролируемым и непредсказуемым, биоценоз уничтожается, вся зона очищается и готовится к следующему эксперименту. Очень помогает наличие оборудования, способного синтезировать сложнейшие системы с нуля, и таким образом создать уже готовый сложившийся биоценоз, взяв за стартовую точку любой момент развития виртуальной модели. Теперь город наполнен самыми удивительными звуками, цветами и формами, которые пока что обречены, для них ещё нет места на поверхности земли, но они уже найдены, извлечены из хаоса небытия, они уже существуют в нашей памяти, и когда придёт время, город воссоздаст их и населит ими этот мир.

Пора вплотную приступить к моделированию путей эволюции, способных привести к появлению разума. Разработал два основные направления развития систем, работающих с информацией внешнего мира — путь быстрой эволюции жёстко запрограммированных и простых наследуемых алгоритмов и путь динамической самоорганизации более сложно устроенных систем переработки информации. Системы первого типа вряд ли когда-нибудь смогут породить настоящий разум, для разума нужна

свобода, но вторые из-за своей сложности требуют большего периода времени индивидуального развития, более непредсказуемы и эволюционно громоздки. Случись какой катаклизм, выживут скорее первые, чем вторые. Хотя, в перспективном будущем вторые должны оказаться эволюционно успешнее. Пусть сосуществуют оба направления эволюции, если вымрет второй, то первый будет просто биоматрицей определённого уровня организации материи, которая, кто знает, может когда-нибудь вернёт на землю и вторую модель.

Сегодня вылез из установки по обновлению памяти. Перерождение клеток мозга стало лавинообразным и неконтролируемым, чем тратить часы на нанохирургию, быстрее было сменить тело. Удивительный субъективный эффект — время собственной жизни воспринимается теперь мной по-другому. Оказывается, объективно я живу уже неизмеримо дольше. Надо разобраться с этим эффектом. Некоторые элементы памяти потеряны, видимо из-за сбоев в алгоритме формирования синоптических связей. Удивительно сложный и нелинейный процесс, особенно если надо воспроизвести его единовременно и за очень короткий срок. Тут ещё работать и работать. Теперь раз в три дня посвящаю некоторое время статистическим эволюционным расчётам моделирования развития собственного тела и разума. Столь важный процесс, как саморазвитие, не должен быть неконтролируемым. Провожу небольшие эксперименты над совершенствованием собственной природы. Выделяю на это ограниченное время, слишком много другой работы, но процесс движется вперёд. Хорошо бы было создать полностью рабочую модель усовершенствованного варианта собственного тела, некоторые идеи радикального совершенствования требуют комплексной проверки, но я не хочу пока что создавать себе подобных, а этично ли будет создать второго себя, с моим разумом, памятью, только гораздо более совершенного, убедиться в нормальном его функционировании и сразу же уничтожить? Так и я когда-нибудь со всем своим внутренним миром, историей, мыслями и чувствами после очередного планового обновления могу проснуться, обнаружив себя подопытным существом, которого ждёт неминуемая смерть. В принципе, приемлемый вариант здесь практически не отличается от вышеприведённого неприемлемого, отличие лишь в том, что я не сразу убиваю себя перед тем, как усовершенствованная модель тела придёт в сознание, и какое-то

время мы существуем вместе. Если бы я заснул на минуту раньше, чем проснётся он, я бы назвал это просто переносом своего сознания в новое тело. Но так как изменения организации нового тела слишком радикальны, я боюсь оставить их без присмотра. Тут меня осенило смутное воспоминание — тот звук в момент моего последнего обновления, который заставил меня открыть глаза, быть может, это был не сон? Может я уже делал так? Почему тогда информационная система города не сохранила информацию об этом? Я сам стёр её, чтоб не повторять этот рискованный шаг снова, чтоб не создавать прецедент, чтоб снизить процент вероятности принятия мною такого решения в будущем? Да, жизнь ставит много новых и сложных вопросов, требующих нелёгких решений. Но пожалуй, пока что от столь радикальных обновлений я воздержусь. На самом деле для меня разработка сложнейших механизмов поиска эволюционно и функционально выгодных структурных паттернов в работающих биосистемах и природе собственного разума — досуг и развлечение. Некоторые из спонтанно постоянно возникающих паттернов имеют неясное значение, но для чего-то они важны, без них система становится другой. От утилитаризма на каком-то уровне я двигаюсь к эстетическим формам анализа, бесконечные ряды формул формируют удивительный рисунок взаимосвязей, динамических трансформаций, подчиняющихся сложнейшим ритмам, будто отражения, следы чистой гармонии, выразить и описать которую я не в состоянии. Я перемещаю внимание на атомарный уровень, обозреваю единым взглядом взаимодействие миллиардов молекул, смещаю внимание на динамику биоценоза, эволюционирующего в бесчисленных возможных направлениях. Любое воздействие расходится, будто круги на воде и меняет гармонический ритм развития системы. Но непередаваемая красота, пронизывающая систему через все уровни её организации, остаётся. И я вижу её лишь интуитивно, так же интуитивно ею оперирую, что приводит, иногда через долгий промежуток развития, к появлению новых, удивительных форм. Недавно я обнаружил, что ритмы некоторых биосистем синхронизированы с ритмами астрономических объектов, даже находясь глубоко под землёй, они реагируют на частицы с высокими энергиями, проходящие сквозь слои горных пород, и синхронизируются с периодом вращения вокруг общего гравитационного центра близлежащих двойных звёзд. А не привязать ли мне индивидуальные особенности отдельных групп

организмов внутри популяций к воздействию тех или иных далёких астрономических объектов? Сейчас посчитаем.

Manhattan

Вот и снова начало осени. В детстве я всегда размышлял, глядя на взрослых, как же на самом деле устроен их огромный мир, кем буду я, когда вырасту большим и стану совсем другим, и что находится по ту сторону моего домашнего мира, такого знакомого, понятного и привычного в океане непознанного. Теперь я сам — часть этого большого мира. Я не только познал его, я создаю его, я акула этого океана, я метеор Вселенной этого бесконечного города, и траектория моего пути теперь пряма, предсказуема и известна мне от начала до конца, впрочем, как и траектории жизней всех людей, которые меня окружают.

Я выехал из дома на 20 минут раньше, чем обычно. Проезжая по Central Park West, я попросил шофёра притормозить возле West Drive. Открываю дверь лимузина, запах кондиционера сменяется пронзительно свежим запахом осенней природы, прохлады, сырой травы. Разуваюсь прямо в машине, выхожу босиком на лужайку со стриженой травой. Огромные жёлтые осенние листья, они не убирают их, по крайней мере, не так интенсивно, чтобы всё испортить, как я люблю этот город, даже с садовниками мы мыслим одинаково. Ноги погружаются в холод утренней росы. Пара шагов внутрь парка и зелень глушит звуки города, запахи города, виды города. Тёплая кора деревьев, порыв ветра, и дерево меня осыпает росой…, да, это мой город. Побуду тут несколько минут…

Знаете, когда я дорос до выбора квартиры на острове, я, по сути, реализовал свою мечту, реально, мечту своей жизни. Может это слишком низко и утилитарно, но что ж, я имею право не извиняться за свои маленькие мечты. Это моя жизнь, на это я решил потратить её. Не так уж и плохо, на самом деле. И знаете, как я её осуществил? Не затрагивая труда предшествующих лет, непосредственно сам акт осуществления? Я полистал каталоги двух самых лучших агентств по недвижимости Манхэттена, нашёл подходящий вариант, тут же приехал, оглядел его и купил. Потом я взял толстенный каталог интерьеров, быстро пролистал и выбрал самый очаровательный, самый фантастический, самый современный, такой, глядя на который я когда-то сказал бы: эх, вот бы пожить в таком. И знаете, они пришли и сделали мне реальную копию выбранной картинки

за сутки. Я сижу теперь в этой огромной квартире-мечте, которая, кстати, реализовавшись, перестала быть мечтой, сижу с бокалом текилы, окантованным кристалликами соли, и смотрю на Сити. Моя квартира выходит окнами на небоскрёб с моим офисом. Красиво. Но по-настоящему любоваться этим, наверное, можно только когда не имеешь к этому практического отношения, когда смотришь на это всё только с эстетической точки зрения. Я же там, в этом небоскрёбе, работаю. Когда участвуешь в чем-то, изнутри это оказывается совсем другим, не таким, как снаружи. Нет, не хуже, просто другим. Всегда так, это закон. И ещё один закон — те, кто имеют возможность выбрать себе квартиру мечты, не имеют возможности долго в ней находиться. По сути, я приезжаю домой только поспать. Я не живу здесь, я всё время работаю, я живу в офисе, в машине и в конференц-залах половины делового города.

Broadway, все эти театры — декорации города, я смотрю на них каждый день, думая о своих делах и не думая о них самих, для меня они — просто фасады, дворцы далёких королевских фамилий, храмы неинтересных мне религий. Нет, изредка я там бываю. Иногда с коллегами, то тут, то там. Сам я на это не буду тратить время, лучше отдохну дома. Но как декорации, они мне близки. Из ярких фасадов я люблю только торговые центры. Отдыхаю там, делая покупки, как девушка. Не будем скрывать — именно торговые центры — шедевры нашей цивилизации. К тому же они, в отличие от нью-йоркских театров, не скрывают, что занимаются коммерцией.

Ресторан. Такой же городской фейк, как и театр. Да, дорогой. Ну еда. Впрочем, я не прав. Ресторан всё же лучше театра. Здесь можно спокойно посидеть, подумать, посмотреть на город, когда я сижу у стеклянной стены ресторана, это те редкие минуты, когда я могу взглянуть на свой город со стороны. Когда я деятельно внутри, мне кажется, я его не вижу. Я сам — этот город. Я как рыбка, живущая на дне океана и не знающая, что такое вода. Разве что сознанием я понимаю, где я, что есть этот город, зная, как тут гладко, быстро и безупречно, среди ночи, можно получить всё, что захочешь, прямо по кредитке. Это монстр слишком грандиозный для человеческого сознания. А отсюда, с диванчика у стеклянной стены, с запахом кофе, ризотто и расплавленного сыра с белой плесенью, город — это просто несколько миллионов спешащих жизней перед моими глазами. Впрочем, туристы отличаются. У них

такая романтика на лицах. В такой жёсткой системе города, работы, жизни, по крайней мере, моей жизни, они проходят с такими довольно-неприкаянными идиотскими лицами, я не понимаю, куда они вообще приехали, зачем, что они тут видят? Когда же я углубляюсь в работу, я чувствую драйв. Не романтичный, но живой, деятельный. Мне нравится моя реальность. Возможно, потому что я в ней силён. Хотя кто я? Спекулянт третьего уровня, собирающий сливки с работы других спекулянтов.

Что же такое для меня Нью-Йорк? Я живу тут всю жизнь и всю жизнь время от времени думаю над этим. Этот вопрос для меня — то же самое, что для других людей вопрос: что такое жизнь вообще. Как-то я видел по телевизору рекламный ролик одной авиакомпании, простой и фантастический: по Нью-Йорку едет в такси только что прилетевший сюда человек, смотрит в окно на жизнь города, такси останавливается на светофорах, выхватывая картины жизни города, людей, и всё это под деструктивно-индустриальную, шумовую, резкую, скрежещущую музыку. Это первая половина ролика. Вторая половина — тот же самый видеоряд, но под красивую, вдохновляющую, плавную классическую музыку. Эффект невероятный. Посмотрев ролик первый раз, я просто не поверил, что это тот же видеоряд, мне показалось, что по крайней мере с протяжённостью видеоряда они поиграли, сделали его плавне, медленнее, текучее. Потом ролик повторяли несколько раз, и я имел возможность убедиться в чистоте эксперимента, действительно видеоряды были полностью идентичны, просто повтор, менялся только звуковой фон. Эмоциональное восприятие показанного было просто противоположным. То же я чувствую в жизни. Какой бы ответ я не давал, убеждая себя, что он окончательный и является наиболее объективным восприятием города, жизнь очень быстро, как специально, его опровергает. И действительно, за подобным утверждением — эмоциональной картиной, ярлыком, наклейкой очень быстро следует ситуация, ведущая к срыванию ярлыка. Видно такой урок для меня. Формирование устойчивого образа города вызывает эффект подобный тому, как после хорошего фильма выходишь из зрительного зала и возвращаешься к жизни. Когда смотришь фильм, удивляешься тому, как правдиво и жизненно там всё подано. Но только в жизни всё оказывается не так почему-то. Иногда фильм кажется более соответствующим реальности, чем сама реальность. Видно врождённый в нас романтизм

создаёт бесконечные образы, схемы. И какими бы они высокими и глубокими не казались, это всего лишь образы. Вот вы не поверите, но я, деловой человек, воспринимаю мир с помощью запахов. Поэтому мне кажется, я чувствую этот парк изнутри. Всё из-за запаха листьев и травы, осенью он особенно пронзителен, утром, в тумане и росе. А моя машина — это запах кожи и кондиционера, запах машины всегда сменяется через несколько минут запахом улицы возле офиса, не знаю, как описать его, откуда он берётся, наверное запах камня, асфальта, кафешек и парфюма, а может что-то другое. Потом запах моего офиса — бумаги, пластика факсов и ксероксов, горячего кофе на столе. Ещё этот город — запах моего любимого итальянского ресторана, даже запах пиццы в коробке. Запах остывающего ночного воздуха, когда я вечером стою на балконе своей квартиры. Тогда же к запаху присоединяется звук — звук города. Вечером я начинаю город слышать. Потому что я сам затихаю ночью. Мой уставший разум успокаивается и начинает слышать. Звук города входит в меня. Миллионы и миллионы огней и их отражений, уходящие в небеса. Небоскрёб — улица, вставшая на дыбы. Потоки огней на дорогах. Сверкание фасадов первых этажей. Но я смотрю не на рекламы улиц, я смотрю на сами огненные кристаллы небоскрёбов. Они более настоящие, чем фасады театров, казино, торговых центров, кинотеатров и ресторанов.

А знаете, я ведь на самом деле совсем другой. Не такой, как образ того, кого вы увидели, читая это. Но так всегда, снаружи всё одно, а изнутри совсем всё по-другому. Ах да. Ещё рождество. Запах ёлки, шипение пузырьков шампанского, снег. Да-да, снег — у него тоже особый запах. Он пахнет рождеством.

Вчера решил устроить себе выходной. Включил телевизор. Решил не тратить на него время. Почитал газету. Подумал, что газета ведь для меня практически тоже работа, вся эта аналитика, обзоры. Отложил газету. Налил кофе. Посидел на подоконнике. Меня хватило на полчаса. Что терять бессмысленно день. Полчаса ничегонеделанья мне оказалось вполне достаточно. Решил поехать на работу в 1000. Там — я дома. А сегодня вот придумал свернуть в парк, походить по траве. Нужно хоть иногда сворачивать с проложенных тропинок, я убеждён в этом.

Я снова в машине. «Поехали, Джек, теперь уже никуда не сворачивая». Ещё раз пробегусь глазами по докладу, разомнусь. Моё выступление сегодня должно стать очередным *a piece of art*

публичного выступления, бомбой, которая изменит ход истории компании, совет директоров сегодня будет мой!

Постапокалипсис. Дети

Всё началось ночью. На улице шум и вой серен, я проснулся от того, что родители бегали по квартире, кричали, мама очень сильно волновалась, даже заплакала, папа кому-то позвонил и очень громко разговаривал. Я привстал, но не вылезал из-под одеяла, чтоб им не мешать. Наконец, мама подошла ко мне и ласково, как будто что-то нехорошее уже произошло, сказала мне, что нам надо собираться, мы едем в бомбоубежище. Пока я заправлял постель и одевался, мама с папой очень быстро собирали вещи в две большие сумки и обсуждали, в какое бомбоубежище лучше пойти: в то, что возле дома, но там нет ничего, или в то, которое далеко, но там удобнее будет с детьми, и есть припасы, которые будут нужны, если нам нужно будет пожить там подольше. Выиграл папа, и мы поехали в то, которое дальше, но в котором всё есть. Часть дороги мы проехали на машине, но потом стало очень людно, дороги забились машинами и людьми, и нам пришлось бросить машину и идти пешком. Папа нёс на плече свою тяжёлую сумку, но мама свою на плече нести не могла, и ей было очень тяжело. Пока мы дошли, даже я устал, хотя у меня была только сумочка с игрушками. Я не мог им помочь, потому что их сумки были мне по пояс, и я очень волновался за них — смогут ли они дойти с такими тяжёлыми сумками до убежища, особенно мама. Но мы, наконец, дошли. Около бомбоубежища была толпа, все толкались, пытаясь поскорее попасть внутрь. Меня со всех сторон сжимали, но мама всем громко говорила: «Осторожнее, тут ребёнок!» и поэтому меня не раздавили насмерть. Рядом со мной шла девочка, она была очень серьёзной, как и я. В толпе я не видел ничего кроме сумок, ног и спин, поэтому я смотрел на эту девочку. Время от времени я замечал других детей, но они все проходили мимо, и их становилось не видно за спинами взрослых, да и мне самому нравилось смотреть именно на эту девочку, поэтому я смотрел на неё.

Убежище оказалось очень большим, целый город. Мы шли, шли, шли, из зала в зал, и всё было переполнено людьми. В одном из залов мы все примостились на одну свободную кровать. А люди за нами продолжали идти дальше. Скоро стало совсем много народа. Люди стояли около стен, и им уже не было смысла куда-то идти. Где-

то плакали маленькие дети. Ненавижу, когда плачут маленькие дети. Честно говоря, хочется их прибить, хотя так говорить вслух нельзя. Специальные люди в форме бегали взад и вперёд, кричали тем, кто стоял, чтоб освободили проход и вообще они смотрели, кто как устроился. Потом людей оказалось так много, что они начали предлагать стоящим у стен перейти в другое убежище. Люди отказывались, тогда люди в форме кричали им, что будут выводить силой тех, у кого нет места на кроватях. Тогда мамы начали просить их, чтоб они разрешили оставить их детей. Люди в форме отвечали, что только если они найдут взрослого с койкой, который выйдет сам и освободит на койке место для ребёнка. Тогда мамы начали просить тех, кто сидел на кроватях. Первыми начали выходить мужчины, вскоре и папа уступил место какому-то мальчику, обнял маму и ушёл. Но детей оказалось слишком много, так что мамы начали тоже освобождать свои места и уходить. Тех мам, которые только привели своих детей, сопровождали люди в форме, они следили, чтоб мама нашла место своему ребёнку и вышла назад. Скоро и моей маме стало неловко оставаться со мной, она крепко меня обняла, сказала, что когда всё закончится, чтоб я сам никуда не уходил, она сама меня тут найдёт и уведёт. Она сказала, что всё будет хорошо, чтоб я не скучал и не беспокоился, что они с папой переждут в другом убежище, в том, что для взрослых. Мама поставила рядом с кроватью ту сумку, которую несла, вытащила из неё несколько своих вещей и объяснила мне, с какой стороны в сумке, что можно найти, если мне что-то понадобится. Потом она вытащила из глубины и положила сверху пирожки и термос и сказала, что если я захочу кушать, то вот тут они лежат. Я пообещал, что не уйду отсюда и беспокоиться не буду. Да и куда бы я ушёл с такой сумкой, только до соседней кровати. Но я не хотел, чтоб она уходила, хотя и не сказал ей об этом, просто смотрел, как она уходит, пока её было видно и ещё некоторое время после этого, на случай, если она на секундочку опять появится в толпе. Потом я заметил в соседнем зале ту девочку, с которой мы входили в убежище, её постоянно загораживали, но время от времени её становилось видно, она сидела, сжавшись, в уголке кровати среди других детей и тихо плакала. Хорошо жить на одной кровати с такой маленькой девочкой, подумал я, она совсем не занимает места. Со мной же сидели какие-то пацаны, которые то и дело задевали меня локтями, ненавижу таких.

Вокруг совсем не осталось взрослых, кроме людей в форме,

которые теперь все занимались детьми, но и их теперь бегало всё меньше, хотя детей больше не приводили, все кровати уже давно были заняты, на каждой сидело по три ребёнка. Тут на весь зал что-то громко стали говорить по микрофону, оставшиеся люди в форме бросили детей и особенно взволнованно забегали, перенося как-то приборы, что-то друг у друга спрашивая и друг другу крича. Тут случилось землетрясение. С потолка посыпалась известка, по залам разнёсся гул. Потом ещё и ещё. Люди в форме перестали бегать, встали каждый посреди зала и начали говорить нам, чтобы мы сели на кровати и не волновались. Но я и не думал волноваться, я очень хорошо знаю, что такое землетрясение и давно хотел в нём побывать. Другие тоже больше волновались не из-за землетрясения, а из-за того, что остались тут без родителей. Я услышал, как старшие пацаны говорили между собой, что это не землетрясение, а бомбы. Что ж, может быть, но по-настоящему я поверю только родителям или хотя бы взрослым людям в форме. А этих пацанов что слушать, может правда, а может и нет, пусть себе говорят. Потом землетрясение или бомбы прекратились, и взрослые в форме стали разносить нам постельное бельё и одеяла. Стало жарко, и включились кондиционеры. В соседнем зале из щелей прям над кроватью стала лететь пыль, и от этого стало вонять дымом. Взрослые в форме очень заволновались по этому поводу и стали решать, что делать. А дети, сидевшие на кровати под этим местом, закашлялись и не прекращали кашлять. А потом у одного мальчика пошла изо рта кровь. Тогда взрослые, наконец, решили, что им надо делать. Они вынесли несколько ящиков, таких больших, что каждый из них пришлось нести вчетвером, вытащили ещё какие-то огромные мотки чего-то мягкого и ещё ящики с инструментами и запчастями поменьше, эти ящики были открыты. Потом, составив всё в кучу, они стали обсуждать, что делать дальше. Быстро всё решив, они потащили их к выходу. Некоторые при этом плакали, они не прекращали обсуждать с таким деловым видом, будто ничего не случилось, но я видел, как у них катились слёзы. Они всё время обсуждали эту дырку в стене, из которой шёл воздух с пылью. Видимо, некоторые ушли ремонтировать наружу, остальные остались стоять в той комнате, где шла пыль, они согнали детей с кроватей вокруг и расселили по другим кроватям. Никто не хотел, чтобы на их кровать садили четвёртого, ведь и так было тесно, я видел по лицам, что не хотели, но все молчали. Ещё все их

сторонились, потому что они заболели от этой пыли. Все старались отодвинуться от них подальше, а они начинали кашлять кровью себе на руки и рассматривать выкашлянную кровь у себя на ладонях. Из дырки в стене пыль так и шла. Тогда те, что остались, тоже решили уйти ремонтировать. Они оделись в блестящие скафандры, одному сказали пойти открыть все склады, другие обсуждали что-то насчёт двери наружу. Наконец они приволокли ещё несколько ящиков и тоже ушли. Я видел, что это последние взрослые и пошёл посмотреть, куда они уходят. Я шёл поодаль, делая вид, что просто прогуливаюсь, потому что устал сидеть. Многие дети уже начинали ходить туда-сюда. Взрослые открыли большой замок, похожий на замок, который я видел на подводной лодке, на огромной двери, я первый раз в жизни видел такую тяжёлую дверь, даже взрослые открывали её медленно и с трудом. За этой дверью была ещё одна дверь. Когда мы заходили, я не разглядел этих дверей потому, что всё было настежь открыто, и везде была толпа народу. Взрослые вошли в коридор между дверьми и закрыли за собой дверь с той стороны. Я видел, как поворачивается огромный замок, и понял, что мы заперты тут одни. Никакой ребёнок не сможет открыть такой замок. Значит, мы должны сидеть тут и ждать, когда вернутся взрослые, как, впрочем, мне и сказали родители. Я вернулся на свою кровать и стал рассматривать других детей вокруг. Потом достал из сумки пирожок, налил из термоса чай, разулся, залез с ногами на кровать, чтоб прислониться к стенке и стал есть. Я достал из своей сумочки робота и стал его рассматривать. Я, конечно, очень хорошо знал своего робота, и мог бы его отличить от тысячи точно таких же, я знал, где у него поцарапано и где я что у него сам заклеивал, но мне нравилось его рассматривать или давать ему задания, которые он блестяще выполнял. Мой робот всегда побеждал, хотя часто ему приходилось для этого хорошенько потрудиться. Его мне подарили родители на Новый год. Положили под ёлку, будто это от Деда мороза, будто я совсем маленький. Даже если бы я верил в то, что это Дед мороз приносит под ёлку подарки, разве ж он приносит современных роботов? Абсурд. Я попытался сосредоточиться на роботе, но дети вокруг всё больше меня отвлекали. Среди них есть такие идиоты, одни орут, другие ходят и ищут маму, они, конечно, младше меня, но я в их возрасте так не делал. Им же сказали сидеть на месте, что за ними придут. Больше всех меня раздражал крикун на соседней кровати, он был ближе всех, поэтому его плач

был самый громкий. Время от времени он вставал с кровати, не прекращая кричать, с открытым и искривлённым от крика ртом и капающими соплями неспешно смотрел в одну сторону, потом поворачивался в другую, потом снова прислонялся попой к краю кровати, будто он так, ненадолго присел, и сейчас ему куда-то идти. Я слез с кровати, подошёл к нему, тихонько взял за руку и попытался сказать ему через его крик: — Чего ты кричишь? Скоро твоя мама придёт, ничего с ней не случилось, сядь на кровать и подожди. — Но он даже не смотрел на меня, продолжая орать и глядя перед собой, похоже, ничего не замечающим взглядом. Я нашёл глазами девочку в соседнем зале, она сидела всё в том же углу кровати, только устроившись поудобнее и положив голову на подушку. Я бы хотел поменяться с кем-нибудь местами, чтоб быть с ней на одной кровати, но для этого нужно найти того, кто согласится это сделать, я посмотрел на её соседей по кровати и понял, что они не относятся к адекватным и умным детям и просто не станут меня слушать, предположив, что я хочу их как-нибудь обмануть. Я взял один пирожок и отнёс ей. Она молча взяла его.

Между тем, крик и плач усиливался. Всё больше детей, поддаваясь общей истерике, начинали, кто тихо, а кто громко плакать. Некоторые, сопливя и пуская из носа пузыри, ходили медленно из зала в зал и беспрерывно орали. На соседней кровати насупившаяся девочка сидела в мокрых колготках, а её соседи фукали, показывали на неё пальцем, смеялись и отодвигались от неё как можно дальше. Самыми нормальными детьми были те, что постарше. Пацаны, перезнакомившись, собрались в компании по несколько человек и ходили по залам убежища, всё осматривая и с кем-то общаясь. В некоторых таких компаниях были и девчонки, но редко. Девочки тоже потихоньку объединялись, но, в основном, оставались на своих местах, а если и ходили по залам, то медленнее. Группка из четырёх мальчишек остановились у стены напротив моей кровати, что-то обсуждая между собой. Мой безумный сосед на соседней койке продолжал надрываться, хотя не так громко, потому что уже осип. Наконец, одному из пацанов надоел постоянный вой прям в ухо и он, повернувшись, заорал на него так, чтоб перекричать весь этот шум вокруг, заорал, аж согнувшись от напряжения: — Не орииии!!! — сипящий не среагировал на его крик, и пацаны ушли подальше.

Меня стало клонить в сон. Меня всегда клонит в сон от

резких громких звуков. На концерте на первых рядах так ужасно громко, невозможно сидеть, но я почему-то засыпаю. Так и тут. Не знаю, сколько я проспал, мы же пришли сюда среди ночи, но когда я проснулся, было намного тише. Кто-то тихо завывал, кто-то всхлипывал, другие разговаривали, многие спали. Я достал последний пирожок и съел его, потом пошёл искать туалет. Туалет нашёлся недалеко, через два зала. Там уже противно пахло, и всё было мокрым. Кстати, неприятно начинало пахнуть и в самих залах. В соседнем помещении был душ и умывальник, в умывальнике текла вода. Я закрыл кран. Возвращаясь назад, я встретил мальчишек, собиравшихся у моей кровати, когда один из них заорал на моего соседа. Они меня узнали. Тут, в чужом зале, мы становились как бы одной командой. Они спросили меня, хочу ли я есть. Я ещё не особо хотел есть, так как только что съел последний пирожок, и в сумке ещё была еда, но отказываться не стал, вдруг они предложат что повкуснее. «Пошли с нами на склад» — сказал один из них, и они, не дожидаясь моего ответа, отправились дальше. Мы вошли в прохладное слабо освещённое помещение с большими полками, до потолка заставленными продуктами. По полкам лазали дети, передавали друг другу банки, коробки, упаковки. В первую очередь они разбирали шоколад, компоты в банках, сухофрукты, печенье. На полу уже образовался слой упавших и рассыпавшихся коробок, обёрток, чего-то разбитого, растоптанная шоколадная плитка, если на неё наступишь, оставляла неприятные липкие следы. Я, по примеру остальных, стал открывать коробки, исследуя содержимое. Банки с компотом я трогать не стал. Несколько детей уже сидели по углам, пытаясь открыть свои банки, и у них ничего не получалось. Один разбил свою банку, порезался, и, сидя весь измазанный липким соком, обсасывал свой кровоточащий порез, тихо всхлипывая. Группа пацанов, орудовавшая неподалёку, переговариваясь, пришла к выводу, что где-то должны быть ножи и прочая посуда, «потому что тут должно быть всё необходимое для жизни», как сказал самый активный из них. «Айда искать» — бросил он клич своей команде, и они ускакали на поиски в другие помещения склада. Я набрал кучу печенья, сока и шоколада и вернулся к себе на кровать. Мои соседи смотрели на меня, вернувшегося с такими вкусностями, но молчали. Когда я у них на глазах стал есть первую шоколадку, один не выдержал, подошёл и спросил: — А где ты это нашёл? — я рассказал ему, как пройти на склад продуктов. Все,

кто слышали мой рассказ, встали и пошли с ним искать склад. По залам стали ходить чумазые, испачканные шоколадом дети, пол стал покрываться крошкой от печенья и липнуть от пролитого сока и оброненных ягод. Команда пацанов нашла-таки кухонную утварь и с горем пополам стала открывать банки с компотом и прокалывать жестяные банки со сгущёнкой, посасывая сгущёнку из дырочек. Какое-то время это было особым смаком. Добрые старшие прокалывали банки со сгущёнкой и себе и тем, кто помладше. Каждый ходил со своей банкой, мерно посасывая, и запивая водой из-под крана, который так и не закрывался. На полу сгущёнки тоже прибавилось.

Даже не самые активные дети успели перезнакомиться и подружиться друг с другом. Самых маленьких, тех, кто наделал себе в штаны и теперь вонял вокруг себя, согнали на отдельные кровати, поменяв их местами с теми, кто постарше. Чтоб кто-то за ними ухаживал, я не видел. Иногда им приносили еду, хотя они тоже постепенно нашли склад и что-то там разворачивали и ели, роясь сами на нижних полках или получая еду от старших. Кто-то продолжал реветь и сейчас, но чаще всего ревели не из-за отсутствия родителей, а из-за того, что его толкнули, ударили за что-то или что-то забрали. Из-за одиночества, из-за того, что соскучились по маме, из-за того, что некому присмотреть за ними, обычно плакали теперь тихо, забиваясь в уголок к себе на кровать. Почти все какое-то время так делали, а потом возвращались назад в общество. Только пацаны постарше, которые жили теперь исключительно неразлучными компаниями, кажется, были совершенно в своей тарелке и никогда не грустили. Они выменяли себе соседние кровати и теперь даже спали стайками, вместе. На второй день от шоколада с печеньем у меня разболелся живот. Я нашёл на складе шпроты, сухари, и запасся ими, принеся, сколько смог унести, к себе и спрятав в своей сумке. Я видел, как кто-то ходит с пакетами сухого молока, но сам не смог его найти, наверное уже разобрали. Некоторые девочки пытались прибраться на складе, где мусора на полу было уже по колено, другие девочки стали пытаться ухаживать за самыми маленькими, и мне было жалко этих девочек, мне казалось, что всё это бесполезно.

Так прошло несколько дней. День ото дня становилось всё хуже. В туалет стало просто невозможно войти. Приходилось идти прям по какашкам, поэтому в залах весь пол стал грязный и ужасно

вонял. Пацаны в группировках стали говорить о том, что кончаются продукты, и что надо забрать себе часть склада. На складе начались ссоры. Обычно, каждая группа выставляла одного человека, и они дрались, победитель давал победу всей группе. Но эти условности не помогали, проигравшая группа и не думала ограничивать свои действия, иногда просто выгоняя подведшего её из своих рядов. В конце концов, группировки пацанов разделили склад на зоны влияния, не пропуская никого на свою территорию и не заходя на чужую. Если группа уходила куда-то, они оставляли двух охранников, и если охранники не могли справиться с вторжением, то они, громко крича, бежали звать свою группу, группа прибегала в полном составе, и начиналась драка. Группировки делились едой с малышами и девчонками, не входящими в группировки, но понемногу. Слабым еды стало не хватать. Опять поднялся плач. Но много или мало, еда всё же находилась для всех в тех частях склада, которые не контролировались группировками, как правило, это были те части, где, на первый взгляд, остался только мусор, но на самом деле, если хорошенько порыться в этом мусоре, всегда можно было что-нибудь найти. Ещё через несколько дней еда стала заканчиваться даже на территориях склада, охраняемых пацанами. На самом деле, охрана-то была не очень эффективной. Как только команда куда-то отлучится, слетались толпы малышей, девчонок, пацанов, державшихся сами по себе или парами, типа меня, и расхватывали всё, что успевали схватить. Их, то есть нас, били, но ничего не помогало. Одного успеют избить, а остальные убегут. Самые маленькие ходили самые голодные, некоторые беспрерывно плакали на своих ужасно грязных подушках. Некоторые из них умудрялись ходить в туалет босиком, и тащили всю вонь из туалетов к себе на кровати, размазывали её по телу, по полу и по стенам. От однообразной сухой еды, запиваемой из-под крана, а может и из-за грязи у всех началось расстройство желудков. Кто-то блевал прямо на пол возле своих кроватей, кого-то знобило, и он не вылезал из-под одеяла, кто-то постоянно спал, стоная и разговаривая во сне. Когда на складе окончательно закончилась еда, пацаны стали бегать по залам, выискивая у кого что можно отобрать. Они достали мою сумку и вытрясли её, нашли консервы, которые я не смог открыть, потому что у меня не было консервного ножа, а у пацанов из групп, которые их забрали, я не осмелился попросить. Эти пацаны играли кухонными ножами так, будто они бандиты и собираются кого-то

прирезать. При этом они смеялись и выделывали с ножами такое, что я удивлялся, как они ещё друг друга не порезали.

Да, я забыл рассказать о тех детях, которые оказались возле отверстия в стене, из которого шла пыль. После того как последние взрослые ушли, пыль перестала идти. Но дети, вдыхавшие её, как начали кашлять, так и кашляли несколько дней всё больше и больше. Потом у них начали выпадать волосы и идти изо рта кровь. Ещё они задыхались. Все отодвинулись от них, только девчонки иногда приносили им попить. Скоро они затихли и лежали неподвижно, может, уснули, а может, умерли. Другие дети боялись сидеть рядом и перешли на другие кровати или сели возле других кроватей на свои одеяла, потому что на свои кровати дети их не пускали, всем и так было тесно. Только на одной из таких кроватей с затихшим мальчиком маленькая девочка продолжала, насупившись, тихонько сидеть, забившись в угол. Туда посадила её мама, и она послушно сидела на своём уголке кровати, почти никуда не ходя и ни с кем не общаясь. Но другие дети в том зале, куда влетала пыль, тоже начали болеть, только не так сильно, и дети из других залов тоже. Они кашляли, многие задыхались, некоторые вытягивали у себя из головы волосы и лежали, почти не вставая. Я заметил, что мне тоже было трудно дышать, и вообще я чувствовал себя неважно. Кстати, те кровати, которые были прямо под вентиляцией, из которой проходила пыль (пацаны сказали, что это вентиляция), заняли другие дети, хотя я и ещё одна девочка пытались им сказать, что занимать эти кровати уже нельзя. Но нас не послушали, и теперь дети, занявшие эти кровати, болели особенно сильно.

Когда еды совсем не стало, старшие пацаны перестали ходить командами. У всех испортилось настроение, никто не хотел ни с кем общаться в компаниях, я впервые увидел, как некоторые из них плачут. Все рылись на складе, пытаясь что-нибудь ещё найти, часто находили, но этого хватало ненадолго. Когда кто-то находил что-то съедобное, остальные смотрели, как он ел, а евший опасливо и угрюмо оглядывался вокруг себя. Если его замечал мальчишка посмелее, он пытался отобрать еду, поэтому приходилось запихивать её поскорее в рот. Все стали потихоньку сходить с ума. Кто-то забился в угол и снова, как при приезде сюда, только плакал и ни с кем не разговаривал, а кто-то бегал и всех бил. Старшие пацаны били тех, кто орал. Они сами орали на них, и если те не прекращали, душили их подушками или били чем-

нибудь тяжёлым. Меньше всего еды доставалось самым маленьким, самым глупым и не самостоятельным. Их было видно сразу, это те, что ревели, когда родители оставили их одних, пускали сопли и вели себя несуразно. Их и тогда-то не было жалко никому, а уж сейчас и подавно. Вскоре даже некоторые из младших детей научились, что еду можно отобрать, если бить чем-нибудь тяжёлым по голове того, у кого её заметишь. Главное, делать это быстро, по возможности, незаметно подбегать и бить ничего не говоря, чтоб тот, у кого появилась еда, не успел её быстро съесть. Нам всем было страшно, когда кто-то так делал, потом избитый лежал там же, и часто у него из головы капала кровь. Потом он медленно вставал и тихонько уходил на свою кровать. А бывало, оставался лежать там. Если он мог лежать на таком вонючем полу, значит ему совсем было плохо, или он уже совсем ничего не чувствовал. Снова начались истерики, те, кто поплаксивее, звали своих мам, кричали, что хотят есть и просто орали, а те, кто позлее, били их, но им было всё равно, по-моему, некоторых надо было убить совсем, чтоб они замолчали, они всех уже достали. И один толстый пацан в порванной грязной рубашке ходил босиком с угрюмым неподвижным лицом и ножом и резал тех, кто орал. Он ходил медленно, так что всех зарезать он не мог, он только подходил к какому-то невменяемому, особенно громко орущему ребёнку, втыкал в него нож, потом вытаскивал, очень тщательно, трясущимися руками, вытирал нож об одежду, пока тот не становился совершенно чистым, и шёл куда-то с этим ножом так же медленно и с таким же лицом, как и пришёл, после этого довольно долго не появлялся. А тот, кого он зарезал, переставал кричать. Теперь истерика и поиски еды не прекращались даже ночью. Но, слава богу, что спать можно было безопасно — вообще, если чего-то боишься, надо было сделать вид, что спишь. Спящие не интересовали вообще никого. Многие лежали уже долго. Некоторые ослабели от голода, у некоторых не было настроения, чтоб вставать, кто-то, кажется, был без сознания или уже умер. Те, кто лежали, не двигаясь — не могли есть, никому не мешали, на них не было смысла тратить время и силы, они никак не выделялись. Я нашёл способ есть, не привлекая внимания: найдя что-нибудь на складе, я клал это сразу в карман, делая вид, что продолжаю искать. Потом, через минуту, уходил, возвращался к себе на кровать, ложился лицом к стенке и, делая вид, что сплю и ворочаюсь во сне, постепенно под одеялом подносил ко рту упаковку, открывал и начинал потихоньку

есть, стараясь шевелиться как можно меньше. Я всё время думал над тем, успеют ли мама с папой прийти за мной до того, как мы тут все умрём. То, что мама с папой живы, я знал наверняка, это мы — маленькие глупые и беззащитные, а они большие умные и уже хорошо разбираются в этом мире, знают, как что правильно делать, я не представляю, как бы они могли умереть.

Дошло до того, что на тех, у кого замечали еду, набрасывалось уже несколько человек, они почти сразу убивали их и дрались между собой. Те, кто не хотел так делать, надолго засыпали и почти не могли встать. Я не представляю, как на складе ещё что-то кто-то находил, по-моему, там сейчас жила половина убежища, некоторые даже спали на пустых полках или в грудах пустых коробок и обёрток от еды. Те, у кого была еда, появлялась, отбивались и часто разбивали в кровь нападавших. Мою большую сумку тысячу раз вытряхнули и перерыли на грязном полу. Я говорил им, что в ней уже искали, но меня не слушали, им было приятно порыться в чужих вещах. Я просто перестал собирать вещи, и их разнесли по залам, скоро в грязи на полу я перестал их узнавать среди остального мусора. А тут ещё этот крикун на соседней кровати закричал опять. Это стало уже невыносимо. Я решил попросить того маньяка с ножом, чтоб он его прирезал. Пошёл искать и нашёл его сидящего неподвижно на складе, он сидел на полу, прислонившись к стене и неотрывно смотря вверх, на лампочку. Я встал метрах в двух от него, ближе подходить к нему мне не хотелось, и рассказал, что пацан на соседней от меня кровати постоянно орёт и всем уже надоел, чтобы он сделал с ним что-нибудь. Маньяк медленно перевёл на меня взгляд, но ничего не ответил, только неотрывно продолжал смотреть. «Ты с ним сделаешь что-нибудь?» — переспросил я? Он не отвечал, только смотрел. Я ушёл. Опять орёт. Придётся сделать что-то самому. Я взял пустую бутылку с пола, подошёл к этому орущему маленькому идиоту и сказал, что если он не замолчит, я его ударю. Он на меня даже не обратил внимания. Тогда я несильно ударил его по голове. Я не хотел его убивать или сильно ему вредить, но мне нужно было ударить его достаточно сильно, чтобы он замолчал. Кричащий идиот запнулся от удара, но потом тут же снова стал кричать, уже более сиплым голосом. Я ударил его сильнее. У него потекла в том месте, в которое я ударил, из головы кровь, он кричал уже тихо, я не знал, что с ним делать, кричать он не перестал, но, может быть, такой тихий крик никому уже не помешает. Я оставил его. Он лёг на подушку и стал

кричать так тихо, будто он просто стонет. Иногда он совсем затихал и лежал неподвижно, иногда приходил в себя и снова стонал. Вся подушка была в крови. Я бы его перевязал, но вокруг давно уже была одна грязь, перевязывать было нечем. Тут ещё те, кто затихли первыми от ядовитой пыли, стали вонять, вонь распространялась на весь зал. Все обходили эти кровати стороной, с соседних кроватей уже некуда было переезжать, и те, кто спали неподалёку, просто терпели. Кто-то набросил на затихших одеяло, чтоб уменьшить вонь. Только та тихая маленькая девочка, которая лежала, забившись в уголок и свернувшись калачиком на большой подушке на другом конце кровати с затихшим мальчиком, продолжала там сидеть, куда её посадила мама. Она будто не замечала вони и серьёзно осматривала всех вокруг, дыша ртом и часто надолго засыпая, ворочаясь на своей подушке, иногда просыпаясь и тихо размазывая кулачком слёзы по своему чумазому личику.

Я решил тоже проводить больше времени на складе, в залах было нечего делать. Я в сотый и тысячный раз перерывал вместе с остальными ворох мусора на полу склада, просматривал каждую упаковку — вдруг это целый батончик, каждую банку — вдруг там что-нибудь осталось на стенках. И тут я заметил девочку, которая перестала шуршать мусором на полу и что-то слишком уж долго возится с обёрткой от крикета. За секунду я всё понял — она пытается открыть его! Это целая упаковочка крикета, в такой лежит сразу пять печенюшек, её ослабевшие пальчики не могли быстро открыть её. Честно говоря, у такой слабой девочки уже не было шансов выжить, ей просто не повезло. За мгновение я оказался рядом с ней и вырвал у неё из рук упаковку печенья. Для таких маленьких продуктов у меня была своя стратегия поедания. Нести их в зал было долго и не безопасно. Я, быстро двигаясь, на ходу разорвал упаковку и запихал всё печенье в рот. Пока двигаешься, остальные не успевают сообразить и тебя поймать. Пока они осознают, что увидели в полутьме склада, и побегут за мной вдогонку, петляя вокруг полок и прорываясь через горы мусора, я уже всё проглочу. Так я и сделал. Главное, потом повернуться к ним лицом, чтоб они увидели, что у меня уже ничего нет и с меня нечего взять. Если не успеть повернуться до того, как тебя догонят, они ударят чем-нибудь сзади по голове. А если повернёшься и покажешь, что ты уже пуст, то все просто расходятся, никто не будет тратить время и силы на человека, у которого ничего нет.

Теперь я продолжал свои поиски у стены в противоположной части склада. Какая разница, где искать. Через несколько часов я придумал новую стратегию поиска: бросить перебирать обёртки от печенья и батончиков, которые так манили взгляд, потому что даже пустые оставались такой формы, будто целые, и начать искать в углах и у стен в самых дальних частях склада, там, где было особенно темно, безлюдно, и где искали меньше всего. Так я и сделал. В относительной тишине я время от времени засыпал на старых коробках, и мне снились сны, будто я нашёл целый ящик печенья, и все вокруг его едят, и я говорю им, чтоб ели осторожнее, не просыпали даже крошки, потом я нахожу плитку шоколада и бегу с ней к выходу, но меня догоняют, хватают за ноги, я падаю на пол, и на меня падают сверху много человек, потом мне снилось, что я дома, я не помню, что я делал, просто был дома, такой вот сон.
Наконец, мне снова повезло. В углу между стеной и полкой валялись три банки из-под сгущёнки. Я поднимал их все, чтоб проверить, можно ли там что-нибудь ещё вылизать внутри. Но банки были вылизаны до блеска, на одной была кровь, кто-то порезался, когда вылизывал, фу. Я потянулся за третьей, самой дальней банкой, которую еле заметил, потому что коробка от печенья отбрасывала на неё такую тень, что банка была почти не видна. Дотянулся, взял в руку и испугался. Я замер, и у меня забилось сердце. Банка была тяжёлой. Очень тяжёлой. Она была даже не вскрыта. Полная тяжёлая банка белой сладкой густой сгущёнки, самой вкусной еды в мире, в банке столько сгущёнки, что можно ей наесться, по-настоящему, так наесться, что вообще перестать хотеть есть! Это чудо или сон. Надо что-то придумать, не привлекая внимания открыть банку, и выпить её полностью, так, чтоб меня, в процессе, не убили. Надо делать вид, что ничего не происходит. Оставлять тут банку нельзя, её тут же найдут, если я нашёл, то и они найдут, они тут рыщут беспрерывно, они находят всё. Надо вместе с банкой идти искать нож или открывашку. Я засунул банку под рубашку. Видно, что это банка. Она большая, тяжёлая, отвисает, и круглой формы. В карман? Нет, так ещё заметнее. Положить в пустую коробку? Но даже если засыпать её полной коробкой мусора, если я буду, как дурак, ходить с коробкой, я не пройду и пяти шагов, на меня сразу набросятся, выбьют коробку и обшарят каждую бумажку в ней, чтоб проверить, что я такое несу. Придётся нести в рубашке, сложу руки на животе, будто у меня живот болит, и буду кашлять. Только

тихонько, чтоб не привлекать внимание. Блин, чего он смотрит, заметил что ли? Все смотрят, блин, кажется, меня заметили, надо срочно от них куда-то спрятаться и там спрятать банку. Надо почаще петлять между полок, заметить момент, когда никто не видит, и сунуть банку в угол на полку, а самому бежать дальше, чтоб, когда догонят, мы были уже далеко от банки, и они не нашли бы её. Догоняют, банка — это моё оружие. Получай! Получай и ты! По голове! Будут знать, как отбирать чужое. Это я нашёл. Блин, откуда их столько. Нет, не отдам, не отдам, это я нашёл.

Банка выкатывается из рук и катится между ног борющейся толпы. Кто-то её хватает и бьёт ей всех вокруг себя. Его тоже бьют чем-то тяжёлым, кто-то вырывает у него банку и пытается вырваться с ней из толпы, его хватают за ноги, он плюхается на пол, банка снова катится по полу. Я пытаюсь до неё добраться, я не чувствую даже голода, я просто ненавижу их всех, они отобрали у меня мою банку. Я уже никогда в жизни не найду другую такую же! Взвыв, я разбрасываю окружающих, бью кого попало чем попало, бью их головы об полки, и вот банка снова у меня в руках, я на секунду поднимаю глаза и вижу её, эту девочку, которая нашла печенье, видимо, я прибежал с банкой назад в ту часть склада, где оставил её, она стоит среди мусора и смотрит на нас на всех и даже не плачет, почему она не плачет, ведь я отобрал у неё печенюшку, которую она нашла? Меня сзади сильно ударили чем-то тяжёлым в макушку. Так сильно, что я упал на колени. Потекло по щеке. Потом какой-то хиляк, подыгрывающий толпе, не сильно, но стараясь от души, пнул меня в спину. Следующий удар был в висок. Наступила тьма.

Ночь

Август. Млечный путь. Асфальт на тротуаре перед окном усыпан чёрными кляксами опадающей спелой черёмухи. В темноте под дуновениями тёплого воздуха слегка колышется тюль. Я сижу на подоконнике, наполовину на улице, наполовину в комнате. Все домашние уже спят. А я не могу сдержать своего восторга. Зарница за горизонтом, тихие вспышки освещают летнее небо где-то вдали. Я смотрю туда, где сходятся земля и небо, на бесконечность мироздания над головой, на лёгкое движение ветвей деревьев и чувствую, нет, я знаю, и это знание приходит ко мне откуда-то из-за горизонта — что-то там, вдали, уже знает обо мне, это что-то ждёт меня, оно неизбежно на моём пути, и это что-то не есть какое-то место на Земле и не какое-то конкретное событие или даже человек, то есть это может быть воплощено в чём угодно, и наверное это будет принимать какую-то форму, но не в этом дело, этого я ещё не знаю, но я знаю одно — это будет. Грядущее. Идущее от самой природы этого мира. За покровами забот, незнаний и ограничений. Грядущее такое, что я захлёбываюсь от восторга, оно переполняет и возносит, и бесконечность, открывшаяся мне, уходит за горизонт, так что я могу вместить лишь маленькую частицу этой гармонии. Как музыка, как сама идея музыки, которая ещё даже не звучит, потому что из неё рождается вся звучащая музыка, которая была и будет рождена во все времена, как музыка, ставшая этим звёздным пространством, как звучание бытия самого мира. Она звучит тишиной ночи оттуда, из-за горизонта, уже не далеко, уже рядом, и зовёт меня, в пространство реальности, в пространство мира, в пространство беспредельности.

Вчера мне снился сон. Очень яркий, из тех, что запоминаются на всю жизнь, из тех, где сюжет не важен, но важен тот опыт, который остаётся в душе. Я иду по дороге среди полей с высокой травой. Я иду и гляжу в землю. И мне навстречу идут три человека. Они останавливаются передо мной, я поднимаю на них глаза. И вижу, что это те самые люди, которых узнаёшь с первого взгляда. Люди, которым можно доверять безусловно, их не нужно проверять годами, их природа видна сразу, они не встречаются просто так. Один из этих людей берёт меня за руку, и состояние, которое я

считал уже нормой, проходит, я попадаю в такую зону тепла и света, в такое пространство обитаемого мира, уверенности в творческой светлой наполненности реальности гармонией сущего и их личной любви ко мне, что я смотрю на них, и в моём уме только одна мысль: «Значит, все-таки, так бывает, значит, такие люди существуют». И я просыпаюсь потрясённый, с чувством, будто только что побывал дома, и увидел тех людей, которые будут окружать там меня, когда я сам научусь освещать своим собственным светом пространство вокруг себя. Я проснулся утром во тьме, но память моя была потрясена и никогда этого не забудет. Главное за всеми частными вопросами и решениями не забыть главной цели командировки, главное, петляя в лесу от одной извивающейся тропинки к другой, не потерять чувство ориентации и не забыть основное направление. И тогда я снова встречусь с ними, рано или поздно.

Вдали за домом раздался шум — голоса приближающихся пацанов и девчонок. Они прошли прям по дорожке вдоль стены дома, некоторые остановились прям под окном, другие, поздоровавшись, пошли к скамейке у подъезда, в свете фонариков отыскивая спелые ягоды на нижних ветках черёмухи. Я сначала по голосу и потом глазами в темноте нашёл её, Лизка, моя Лизка, надеюсь, что моя. Я мог бы выскочить в окно и босиком, но ночью решил этого не делать, всё-таки придётся идти довольно далеко по грунтовой дороге через поля и лес, поэтому я заранее, чтоб не будить родителей, запасся сандалиями. Собака, услышав шум, начала бурчать, раздумывая, загавкать ли по-настоящему. Я вовремя успел тихо, но строго высказать свою позицию по отношению к её намеренью. Я вытащил из-под кровати припасы еды и питья, захватил одеяло и полотенце и бесшумно выскочил в окно. Впереди — дорога до дачи по этому безумному удивительному ночному лесу с компанией моих самых лучших, самых любимых друзей, купание голышом в карьере, бесконечные разговоры в одеялах в темноте, дурачества, обнимашки и медленно приближающийся летний рассвет на светлеющем небе. Я ещё никогда не встречал рассвет вместе с Лизой, надеюсь, она не уснёт. Впереди — жизнь, жизнь, жизнь, жизнь, жизнь, жизнь, жизнь.

Уходя уходи

Собираясь уйти из этого мира по собственному желанию, не разговаривай ни с кем о бренности мира и несправедливости бытия, это смешно — мир не имеет антропоморфных характеристик, и людям на тебя посрать, всем. Ну, разве что кроме тех, кто считаются твоими родственниками, но ценишь ли ты их генетически предопределённую любовь; или друзьями, но имеет ли для тебя значение закреплённая их привязанностью случайность вашей встречи? Чем эти люди отличаются от тех, с которыми ты ездишь в автобусе? Только тем, что у одних генетический код распадается на сходные с твоими полосы на гель-электрофорезе, и это определяет их поведение по отношению к тебе, а с другими ты учился/работал вместе и до некоторой степени совпадаешь с ними по способу восприятия реальности? Это всё смешно. Родись ты в другом городе, ты не знал бы всех этих людей точно так же, как не знал бы их, если бы вообще не рождался. Большинство людей погрустят, потому что их приучили грустить в подобных случаях, и забудут. А если кто-то и не перестанет грустить — значит это западающий шизофреник, тебе нужна такая реакция? Уж лучше пусть забудут, не правда ли? Но если это всё имеет значение и ценность для тебя, значит оставайся и живи этим. Хотя это лишь значит, что либо ты реально туп, либо не собираешься отказываться от самообмана. Да, ещё подобные действия будут скорбно осуждаться любым, кого ты встретишь, и каждый будет пытаться доказать тебе, что ты не прав. Не то, чтобы это было не так, но... если счесть правду за натуральный продукт, то их реакция "идентична натуральному". Просто в нашем мире смерть считается безусловной трагедией, а жизнь — безусловно правильным выбором. Я не касаюсь вопроса — так это или не так... а, кстати, знаешь, пить, курить и ругаться матом тоже плохо, вопрос в том, кто именно принимает решение...

Собираясь уходить, не думай о том, что было прожито, и о том, что могло бы ещё быть прожито. Просто представь себе, проживи в уме свою жизнь до такого-то года, представь, что это всё, что было, потом до такого-то, попробуй продолжить линию своей жизни от настоящего в будущее по альтернативным сценариям — по одному, второму, третьему. Что меняется в мире? Вряд ли ты

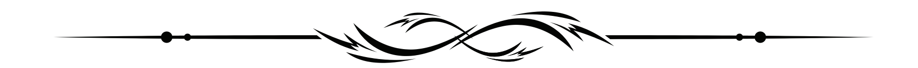
мессия, который принесёт людям то, без чего или с чем мир станет принципиально иным. Да и не в глобальной пользе человечеству ультимативный смысл жизни. Короче, ничего не меняется. Даже для тебя. Ты одинаково бы ценил и то, и другое, и третье, и четвёртое. Какую бы ты боль или радость не испытывал, отойди на несколько лет в будущее — одно воспоминание. А нет тебя, или склероз — и нет и воспоминания. Надеюсь, нет смысла говорить о детях, если ты действительно не считаешь, что твой генетический код кардинально изменит генофонд много миллиардного перенаселённого мира. Какую именно жизнь ты проживешь, не имеет значения даже для тебя, даже при жизни, а после смерти это станет совсем уж не важно. А уж для мира ты "никогда тут не стояло", для мира ты — дрозофила. Ты будешь к чему-то стремиться, цели выбрало тебе время, темперамент, воспитание и случайный опыт, стремиться будешь с интенсивностью, являющуюся балансом между пассивностью, инертностью, ленью и желаниями. Результат — предсказуем. Если будущие цели имеют для тебя значение, то оставайся. Но чаще всего твои цели наивны, смешны и чудовищно предсказуемы, классифицируемы с помощью самых элементарных схем и банальны.

Собираясь уходить, не грусти и никого и ничего не обвиняй. Это будет лишь самосожаление и индульгирование. Если ты занимаешься самосожалением и индульгированием, то ты не готов к уходу, глуп и просто не понимаешь что делаешь. Всё и все в этом мире — лишь причины своих следствий или случайностей. Нет грусти о том, что за пределом грусти и радости, не переноси мерки жизни на то, что её превосходит. Пред смертью не важно, счастлив ты или несчастен. Так что будь весел и приветлив со всеми, остри, скучай, живи, как всегда живёшь, и говори всем: увидимся завтра. Ну, если хочешь, можешь, конечно, сыграть в трагедию, хотя, по-моему, это смешно.

Собираясь уходить, не представляй свой уход по десять раз с надрывом романтической грусти. Это смешно и нелепо. Это самосожаление и индульгирование. Эмоционально оценивать уход — это как с азартом играть в рулетку. Либо у тебя есть план, и ты его просто выполняешь, по факту, по запланированной методе, либо ты убожество, играющее в бессмысленные игры с самим собой. Так что, приняв решение, думай о том, взять ли с собой сегодня зонтик и не съесть ли по дороге мороженого. Мир не романтичен, жизнь

не романтична, уход из неё также не романтичен, не грустен и, главное, не важен.

Собираясь уходить, не стой по полчаса у обрыва. Это смешно. От любой реальной и продолжительной пытки через какое-то время останутся одни полузабытые воспоминания. А от тебя уже через несколько секунд и воспоминаний не останется. Это самое простое действие, из всех, что можно придумать. Решив, даже не останавливайся — твои последние мысли не имеют никакого значения, они исчезли уже через секунду, даже вне зависимости от того, жив ты или нет. Если ты осознаёшь, что делаешь, то просто пойдёшь вперёд, не останавливаясь, с нейтральными мыслями, с какими обычно идёшь по улице или с какими тебе будет угодно. Если решение принято — мысленное перелопачивание его будет лишь самосожалением и индульгированием, приняв его, о нём можно, в принципе, уже не думать. Если ты остановился перед краем, значит, либо ты не готов к изменениям, либо что-то не понимаешь, и твоё решение не осознано до конца.



Жизнь капли 2

Взрыв. Удар породил меня. Кто я? Что я? Во мне перемешались осколки тысяч жизней, путей, памятей и индивидуальностей, ставших громадой сверхличности этой субстанции меня породившей. Стремительное движение, заданное импульсом удара, вырвавшего меня из пространства, частью которого я на самом деле являюсь, это движение придаёт мне форму, хранит мою индивидуальность и определяет мой путь. Я — порождение мира, но я - не мир, я - это я, хоть и не знаю себе имени. Во мне вращаются десятки пылинок, вытянутых вдоль оси вращения, и сотни крупиц, поблёскивающих на свету сколами своих граней, во мне вращаются и живут какие-то таинственные и сверхсложные существа, совсем другой, чем я, природы. Некоторые могут двигаться самостоятельно, то есть совсем самостоятельно, конечно, моё вращение уносит и их, но я чувствую, что как только оно остановится, они освободятся от него и не прекратят двигаться. Даже не так: моё движение не имеет для них значения, не отнимает их свободу и не делает их частью моей субстанции. Несомненно, они тоже порождения этого мира, я чувствую это, но они будто из другого измерения, другая форма жизни. Мне не дано познать их, сам их Смысл — иной. Может они — представители одной из последующих ступеней эволюции в бесконечности мироздания? Вся материя во мне и вокруг подчиняется одним, предсказуемым правилам, их же материя, кажется, стала чем-то иным и подчиняется их собственным, непознаваемым для меня правилам.

Я стремительно вращаюсь вокруг своей оси и неспешно двигаюсь вперёд по плёнке поверхностного натяжения породившего меня океана. Я иду уникальным путём и размышляю, от чего же зависит мой путь. Импульс, меня породивший, не был нейтрален, он задал мне направление движения, но лишь начальное направление, я быстро откатилась от эпицентра и теперь бреду своим путём. Воздух вокруг постоянно движется, он тормозит меня, если я разгоняюсь, и он же гонит меня вперёд, если я останавливаюсь. Воздушные волны пересекают друг друга, накладываются и гасятся. Микроскопические воздушные толчки совсем не зависят от глобальных движений воздуха, таких больших,

будто всё пространство вокруг меня смещается, я чувствую их скорее интуитивно, чем по влиянию на меня, а между этими двумя типами воздушных волн ещё целый ряд промежуточных. Одни из этих волн, близкие по амплитуде к микроволнам, я порождаю сама. Завитки потоков расходятся от меня в воздушном пространстве и уходят в бесконечность. Разнообразнейший спектр потоков и движений, приходящих из глубины и воплощающихся в колебаниях плёнки натяжения подо мной, также толкают меня вперёд, и я порождаю сама волны в океане подо мной, они накладываются на движения самой плёнки, складываются и вычитаются, я двигаю мир океана, а мир океана движет мной, невозможно рассчитать, чем закончится такое движение, куда оно меня поведёт, слишком много многократно возвращающихся и порождающих друг друга обратных связей.

А некоторые волны пронизывают всю материю, они приходят то с одной, то с другой стороны, в плотной плёнке распространяются по-другому, не так как в воздухе, быстрее и жёстче. Мир вокруг меня пронизан ими, их разнообразие, хаос и красота не идут ни в какое сравнение с грубым ветром и волнами направляющими мой путь. Но переплетения этих тончайших и изящных волн не могут меня подтолкнуть, они слишком тонки и быстры, они пронизывают меня так же, как и всё окружающее пространство, они приносят лишь знание о бесконечности мира.

Память. В самой структуре меня мириады частиц, перемешиваясь, сцепляясь и распадаясь, постоянно перемещаясь, тем не менее, образуют достаточно стабильный узор связей, частицы разных типов стабилизируют эти связи по-своему. Некоторые связи идут из далёкого прошлого, и являются фантомными отражениями частиц, которых во мне нет. Эта память, далёкая и смутная, в ней я вижу отражения неба, отражения будто бы тех далёких времен, когда я, а может это была не я, а кто-то другой, частицей кого я являюсь, но, как бы то ни было, этот кто-то был твёрд и холоден, как чистое затвердевшее небо, и это единственное воспоминание дробится на миллионы подобных и соединяется с памятью мрака, когда я была поглощена и структурирована теми частицами, что крутятся теперь внутри меня.

Ещё я будто бы помню, или скорее, ощущаю, предполагаю, прозреваю в самой своей природе бесконечность своего Я в безбрежных объёмах, бесконечно больших, чем те, что сейчас подо мной, хотя и они для меня огромны, но нет-нет, это принципиально,

качественно иная бесконечность, это бесконечность, неохватная моим взором, бесконечность бушующая, дающая приют целым мирам, уходящая во времени куда-то к началам мира… я - часть её.

Моё внимание опять привлекли эти мельтешащие существа внутри меня, такое впечатление, будто они существуют как бы «сами по себе», в отрыве от мира, может это и есть путь будущего, в появлении таких существ, может быть отрыв будет всё увеличиваться и увеличиваться, может они — зачатки других миров? Моё я опирается на другое, я никогда и ни в чём не отделима от мира, и моя воля — это явление непосредственной игры мира, ни один мой атом не сдвинулся с места против законов Вселенной, но время от времени, и довольно часто, я на бесконечно малое мгновение зависаю в точке неопределенности, в точке выбора, когда силы мира уравновешиваются, когда на мой дальнейший путь действительно ничего не влияет, я – как шарик на острие карандаша за мгновение до падения, в бесконечно мимолётный момент полного баланса и равновесия, которое не может быть тут же не нарушено, тогда откуда-то из бесконечности ко мне приходит моё истинное я и моя свобода, и я делаю свой выбор и тут же снова становлюсь частицей игры непреложных сил мироздания, но это уже неважно, я уже иду своим путём, до следующей точки неустойчивого равновесия.

Моё Я, на самом деле, мимолётно и неуловимо даже для меня самой. Я не понимаю его, как и не понимаю этот мир. Что меня отделяет от мира? Материя, движение — всё задано, всё занято мной у мира, всё предопределено, а что не предопределено, то вызывает стойкое ощущение нереальности. Я, вращаясь на мягкой, но упругой плёнке подо мной, сама — часть этой плёнки, а может и плёнки самой не существует, есть только это пространство, с которым я скоро сольюсь. Я и сейчас беспрерывно обмениваюсь частицами с поверхностью, по которой бреду, я чувствую их приток и потерю, вращайся я достаточно долго, во мне не останется ни одной из тех частиц, которые меня сейчас составляют. А подо мной бурлит своя жизнь, встречаются и закручиваются витиеватыми турбулентностями встречные течения, ветер рождает на поверхности паутину ряби, уходящую интерференционными волнами на глубину, голоса мира сливаются в структурированный шум, и это только то, о чём можно рассказать. Основной опыт моего бытия, если вдуматься, неописуем в словах. Он настолько обширный, настолько всемирный и имманентный моему Я, что его как-то даже

не замечаешь, сосредотачиваясь на том, о чём можно рассказать, то есть на относительном, побочном, частном и, в сущности, не важном. Если сравнивать мой опыт с опытом тех элементов мира, о которых я имею представление, он — сущностно другой, на другом уровне смысла, что-то, даже познавшее его внешне, никогда не признает существование этого смысла. Что накопилось во мне, ради чего, в чём отложилось, куда эволюционировало, как изменилось, для других существ и явлений, не моей природы, это непредставимо, бессмысленно, а может вообще не является сущим. Но этот опыт всё-таки был и есть, как уникальная, индивидуальная часть динамического целого мира, моей субстанции, Вселенной.

Капли дождя падали в лужу и высекали водяные шарики, секунду крутившиеся и поблёскивающие на поверхности мутной водной глади. Каждый такой шарик пробегал свой путь и мгновенно исчезал в конце его, слившись с лужей. Я смотрел минуту на игру высекаемых, бегущих и исчезающих водных жемчужин, капелек водной ртути, маленьких рыскающих водных существ, чей срок жизни так короток по человеческим меркам. Мне быстро наскучило смотреть на чередование их рождений и смерти, на неиссякаемую череду их жизней, проходящих перед моими глазами, я отвернулся и ушёл. По луже проехала машина, выезжавшая со двора, лужа расступилась под её колёсами, расплескалась, потом постепенно вернулась на место, но уже наполненная взвесью грязи и глины, громкий хлопок среди домов поднял в воздух стаю голубей, две девушки прошли мимо, обойдя лужу с обеих сторон и не прекращая разговор, хозяин, прогуливающий спаниеля, снял его с поводка, и собака, как пылесос с грязными ушами, пробежал, сканируя носом местность, потом и упала эта капля, начавшая повествование.

Просто такая жизнь

Летнее утро принесло пробуждение сознания. Тепло, запах лета, неудержимая жажда жизни и боль. Боль неотделимая уже от жизни, от первого проблеска пробуждающегося сонного разума. Счастливые больные раком. Год мучений, ну два, ну три года благородной физической боли, невинности пред перстом судьбы, физическая боль, отвлекающая от всего остального, пару лет мучений и свобода. А тут десятилетия боли. За пределами всего того, что, казалось бы, мог выдержать человек, со всеми формами, типами и всей возможной вариацией нюансов боли и страдания. Иногда передышки, когда боль вытесняется физической болью, например расстройством желудка. Или вот, если выкурить сразу две-три сигареты, интоксикация будет такая сильная, что сможешь думать только о том, как меня тошнит, а если это ещё и залить пивом… Главное — не вытошнить, чтоб физическое страдание было как можно сильнее и продлилось подольше — это передышка. Так вот сижу под дождём на лавочке, курю и пью, все проходят мимо и смотрят.

Я пишу текст про то, что всё будет хорошо. Но ты ведь знаешь, что это неправда, что не будет. Но почему-то писать так хочется. Волшебная сила искусства. Вакуум, пустота, и в пустоте боль такая, что мир реально становится серым. Оказывается, это не аллегория, мир действительно может становиться серым, когда опустошающая боль создаёт звенящий вакуум вокруг меня, между мной и миром. Но есть и надежда, даже тут. Чтоб ощутить эту надежду, я сажусь на окно двенадцатого этажа, свешиваю ноги вниз и явственно, чётко, максимально достоверно представляю, прям переживаю это — как я делаю лёгкое движение — и лечу вниз. Вообще не нужно никаких усилий, только решение и одно лёгкое движение для его осуществления. Только решение. И окончание всего этого рядом, до окончания всего один шаг, пара секунд, я могу уйти в любой момент. От этого легче, всё в моих руках. Я привык находить такие выходы из этого мира везде, где нахожусь. Стою у борта зимнего катера, смотрю на воду внизу, катер несётся вперёд, раздвигая корпусом льдины. Я стою у дверцы с задвижкой. Даже перешагивать через бортик не нужно себя утруждать. Просто отодвинь задвижку и

сделай всего один шаг вперёд. Я открываю дверцу, делаю лёгкий шаг вперёд, и пустота под моей ногой принимает меня, несёт вниз и роняет лицом в зимнюю ледяную воду. Интересно, долго ли там придётся мучиться?

Мы сидим на полянке, смотрим на цветной рваный край колеблющихся в воде отражений фонарей. Под действием выкуренной травы он приобретает материальность. Я приобнимаю её, она отскакивает, как ошпаренная. Потом, чтоб сгладить неудобную ситуацию, долго что-то объясняет, будто оправдывается. Я потом жалею, что не прервал эти объяснения, но слушал я их, и даже задавал вопросы, не потому, что мне это было интересно, а просто, чтобы занять это время и самому подумать о своём. Точнее, не подумать, а дать себе время сориентироваться в пространстве той пропасти, в которую стремительно летел. Так они и проходят. Некоторые приходят-таки на первую встречу, кто-то даже на вторую. Первая, вторая, десятая, тридцатая. Я припоминаю одного своего знакомого с генетическим заболеванием, который даже двигаться нормально не мог. А у меня вот никакого генетического заболевания нет. Забавно. Зато я понял, что внутреннее состояние и выражение этого состояния — это просто выработанные рефлексы. Между первым и вторым нет никакой абсолютной связи. Я понял, что ничто не мешает мне улыбаться, шутить, быть активным и радостным, весёлым и общительным, не прекращая чувствовать внутри боль, острую и хроническую одновременно, переходящую в свистящую бесконечность боли.

На следующий день я всё ещё не могу прийти в себя, я в плотном пузыре, кажется, цвета, запахи, звуки не долетают до меня. Я ухожу ото всех, иду гулять. Я сажусь на газоне под деревом, вокруг никого. Вдали ходят люди в футболках. Сегодня не жарко и не холодно, сегодня хорошо, как бы хорошо, для живых людей, физически я чувствую, что в мире за пределами пузыря сегодня прекрасный солнечный летний день. Я открываю свой блокнот. Ужасно захотелось что-то нарисовать и вложить в этот рисунок всю боль и весь вакуум. Я достаю гелевую чёрную ручку. Сижу над пустым листиком блокнота и понимаю, что сил нарисовать что-то у меня сейчас не будет. Будут силы только закрасить эту страницу. И я начинаю её закрашивать чёрным. По горизонтали, по вертикали, по диагонали, широкими линиями и мелкими пятнами, соединяя всё это в одно беспрерывное чёрное пространство. Потом тщательно

закрашиваю малейшие светлые промежутки между штрихами. А слёзы бесшумно и беспрерывно капают и капают вниз. Я смотрю на этих всех людей, идущих по дорожкам вдали, думаю об их жизнях. Я думаю про «звёзд», которым жизнь открыта с детства, которые получают всё, что хотят и кого хотят, потому что все хотят быть рядом с ними, почитают за счастье, за удачу, и все эти летние дни и ночи созданы для них, они реализуют всё, что может дать жизнь, по полной, этот мир создан для них, и они рождены для этого мира. Ещё есть те, кто живёт здесь же, рядом с ними, а будто на Луне, этот мир никогда не будет доступен для них, они будто и не рождались, им остаётся только страдание, смирение, терпение. А есть те, кто вообще занимается другими делами, у них есть свой необходимый и достаточный минимум, и они не заморачиваются о большем, таких, наверное, даже большинство. А есть те, кто выше всех этих различий, кто смотрят на тот летний день, на запах травы и свою проходящую жизнь сверху, беспристрастно и невозмутимо, они выше эмоционального восприятия различий индивидуальных путей. И тут я понимаю — ведь это просто такая жизнь. Да, так устроен мир, всё распределено очень неравномерно. Кому-то достаётся радость, а кому-то достаётся боль. Я понимаю, что всё это, и боль и радость, и избыток и полное отсутствие, и рог изобилия, дающий больше, чем можно было бы представить и не дающий и самого необходимого, это всё просто такая жизнь. Невозможно не принимать жизнь. Кроме жизни ничего нет. Просто надо понять это и жить дальше, не требуя у мира, чтоб он был другим. И становится от этого понимания легче. Слёзы продолжают капать и капать, но всё-таки становится легче.

Она говорит, что у неё из носа идёт кровь. Может же человек так страдать от любви, что кровь из носа идёт. «Ну что ты, — пишу я, — перестань». Что же я могу поделать, если я её не люблю, мы и так общаемся уже год. Ей снятся сны. Вот я маленький, и она должна забрать меня из школы и отвести домой, и она меня теряет. Ищет везде, спрашивает у всех и найти меня не может. Она садится на ступеньки возле школы и плачет, как же она вернётся домой без меня. Невероятная интуиция у девушек в их вещих снах.

Детство. Я получил сразу две двойки. Накрапывает морось. Я иду домой. И без двоек-то туда идти не желательно. А сразу с двумя двойками. Я сажусь на лавочку во дворе, в чужом дворе одного из домов по дороге из школы. Я не хочу идти домой, что же

делать. Дом — это убежище? Дом — это помощь и защита? Эти лозунги я слышал не раз, но ни разу в жизни не чувствовал. Мне приводили примеры самых страшных издевательств над детьми, ну конечно, выгодное сравнение. Как в притче про крестьянина, который взял в избу корову, через месяц вывел её назад в хлев и наслаждался жизнью. Каждый день одно и то же, стоишь, опустив голову и сжав волю в кулак, пока на тебя бешено орут и пытаются втоптать в грязь. Понимая, что ты можешь к этому уже привыкнуть, находят другие, какие только могут придумать, методы морального издевательства, юродствования и растаптывания. Теперь я могу умереть и не пикнуть, год за годом сжимаю волю в кулак, в груди больно от обиды, и этот вечный крик, крик, крик. Я закрываю глаза, а ор продолжается. Всё детство. Ухожу из этого мира в себя. Я не считаю, что я такой, каким мне так яростно год за годом ежедневно и без перерыва стараются внушить родители. Я ухожу в себя, сохраняясь там внутри, вдали от внешней реальности. Я залажу в ледяную постель, просидев полдня и весь вечер за столом и так ничего и не сделав. Просто сидел и думал, даже не знаю о чём. Когда кто-то из них проходил мимо, я брал в руки ручку и делал вид, что делаю уроки. Интересно, они задумываются когда-нибудь, почему я делаю уроки по пять часов в день и учусь на тройки? Почему постель такая всегда чудовищно холодная? Такая, что невозможно даже прикоснуться. Сворачиваюсь калачиком. Впереди несколько часов покоя. Несколько часов, когда от меня никто ничего не будет требовать, несколько часов без страха. Да, завтра будет утро, они походя начнут будить меня, я буду вставать, ужасно хотя спать, постель станет тёплой, а мир холодным, хлеб с маслом и чай, эта дрянь по утрам так осточертела, что будто вату жуёшь. Но самое страшное утром начинается в школе. Будут ведь спрашивать, а я ничего не выучил, иду опять не подготовленный. Очень страшно и тяжело, и стыдно. По дороге открытый люк колодца. Интересно, там глубоко? Если прыгнуть туда, то до школы не дойду. Но это всё завтра, вся ночь впереди, моя ночь, моё время, можно ни о чём не думать, можно даже радоваться. Ночь — это бесконечно много. Это целая вечность. Завтра когда-то, конечно, наступит, но явно не сейчас. Можно вздохнуть свободно. Теперь я ничего не чувствую, даже когда умирает близкий родственник. Я только знаю, как себя вести, чтоб казалось, что я что-то чувствую. Всё осталось там, в детстве, в сжатой в кулак воле и в закрытых глазах, в яростной

попытке сохранить себя в этом аду. А она теперь сидит во сне на ступеньках школы и плачет, что потеряла меня в моём детстве, тогда, когда её самой-то на свете ещё не было. Действительно, если бы я не потерялся тогда, мы бы пошли с ней сейчас домой.

Ей снова снился сон со мной. Мы сидим в одном классе, но в разных его концах, за разными партами. Мы решили больше друг с другом не общаться. Сидим, не общаемся друг с другом, но и с другими тоже не общаемся. И в столовой обедаем поодиночке. Сидим, такие, едим, за разными столами, озираемся по сторонам.

«А мой брат, когда был маленьким, дружил с одной девчонкой, ужасно забавная, такая умная, смешная, интересная. Потом, конечно, повзрослел, научился, что нужно любить красивых, но пока был маленьким, всё детство с ней дружил…»

А я, кстати, вообще не понимаю, что такое смерть. Я думал о смерти с шести лет. И ещё в детстве, отчаянно пытаясь представить себе абсолютную пустоту несуществования, пришёл к выводу, что смерти, скорее всего, нет. К тому же, я не воспринимаю течения времени. Для меня есть только монолит настоящего, монолит прошлого и монолит будущего. Поэтому, я могу полжизни не видеть человека и даже не скучаю по нему, а когда встречаю, то будто не видел его всего день. Может поэтому для меня одинаково воспринимается умерший человек и человек, которого я просто неделю не видел.

В институте пятилетний отчёт. Оказывается, я за пять лет не так уж и много сделал. Но не в этом дело. Можно посчитать по пальцам, сколько таких отсчётов будет в моей жизни. Слишком широкий шаг отчётов. Так же можно посчитать, сколько раз в жизни ещё увидишь кого-то, кого редко видишь. Так может сразу думать о смерти, всё равно память обо всём этом с собой не унесёшь в другую жизнь. Будет ещё несколько отчётов, несколько встреч, и всё. Может сразу принять смерть как уже пришедшую, уже стоящую рядом?

Просыпаюсь и прерываю сон, наполненный грустью, скорбью и отчаянием, что ничего не успел, что где-то там, в центре всех городов проходит жизнь, а мой поезд уже ушёл, пронёсся мимо, и осталось уйти во тьму, ни с чем.

Ходим по Набережной. Она вспоминает, где мы впервые ходили, где вместе сидели год назад и постоянно плачет. Я нашёл на берегу красивый гладкий камушек. В Репаблике положил на

поднос, и официантка унесла поднос вместе с нашим камушком. Она плачет, что официантка унесла наш камушек. Ну нельзя же так ностальгировать. Ничего не уходит, все живы, просто всё меняется.

Выхожу из универа. И представляю, что кто-то меня окликает сзади. Кто-то на крыльце прождал меня три часа, просидел до четырёх часов вечера. Сидел, пока я не выйду. Год за годом проходит, и я понимаю, что я мечтаю о том, что не соответствует нерушимым законам природы. Причинно-следственные связи мира не могут привести к такому сюжету у личности и с такими проявлениями, как у меня. В этой жизни жду у входа только я. А меня никто не ждёт, и ждать никогда не будет. Правда, встречаются те, кто со мной общался, для кого общение со мной заканчивалось болью. Но и от них я ухожу в темноту. Но главное, чтобы у них было, в конце концов, всё хорошо. А всё остальное пройдёт. Это просто такая жизнь. Просто такая жизнь. Просто такая жизнь.

Неорганик

Сначала ты слышишь зов. Его слышат многие, но большинство не распознают. Иногда он приводит на какую-нибудь из боковых тропинок жизни. Иногда энергия, которую он несёт, помогает просто идти вперёд, куда — человек выбирает сам. Нельзя сказать, правильным ли ты пошёл путём, пока не откроются все горизонты. А может, не все люди созданы для прямого пути, кто знает. Но кому-то в этой жизни определённо везёт, кто-то находит проводника и, пусть не открывает все горизонты, но проходит значительно дальше других.

Мне нужна была река, лес и живой огонь. Я несколько дней ходил со своей поклажей по лесам, пока не нашёл наиболее подходящее место. Ещё сутки ушли, чтоб привыкнуть к нему и настроиться. Ночью я развёл костёр. Проснулись первые тени. Они старались попадать в причинно-обусловленный ритм трепыхания пламени костра и движения листвы на ветру, но окружающая реальность, казалось, сама синхронизировала их, наделяя собственной волей. Я не смотрел по сторонам, смотрел на костёр, расфокусированным взглядом наблюдая за происходящим вокруг. Холодок прошёлся по спине, дым один раз окутал меня и больше уже не возвращался в мою сторону. Я подбросил листьев, огонь затрещал и задымился. Я медленно, ритмично, глубоко дышал, через пару часов дым костра стал завиваться в небольшие спиральки, ветер сначала усилился до ощутимых, чётко ограниченных в пространстве порывов, будто какое-то существо, сотканное из ветра, проходило сквозь меня, не останавливаясь. Потом всё стихло, наступила полная неподвижность, лишь дым продолжал завиваться небольшими тут же развеивающимися локонами. И вскоре, может потому, что моя кожа адаптировалась к окружающей неподвижности и стала более чувствительна, я стал ощущать лёгкие, слегка прикасающиеся движения воздуха, видимо, и вызывавшие такое поведения дыма. У меня возникло ощущение, что на границе света и тени, в листве деревьев, окружающих костёр, кто-то есть, и этот кто-то уже не движется сам по себе, он остановился, и его внимание обращено на меня. Я смотрю на костёр и не шевелюсь, стараясь не обращать внимания на эти ощущения. Лёгкое головокружение

— физический свидетель ступенчатой смены моих состояний. На трансформацию сознания потрескиваниями реагирует костёр. Одна ступень, вторая, третья… Я начинаю ритмично двигаться, помогая дыханию поддерживать ритм, в котором теперь чувствуется сила, которую, кажется, начинает ощущать и пространство. Деревья, огонь, ветер, дым, земля, всё входит в этот ритм, нагнетающий и нагнетающий энергию в окружающее пространство, так что воздух вокруг начинает слабо флуоресцировать. Приходит время, около трёх часов ночи я достаю из рюкзака зеркало и несу его в реку, не сбиваясь с ритма. Со стороны реки костёр виден отчётливо, деревья его не загораживают, и он отбрасывает свои отсветы на движущуюся поверхность воды. Отсветы так же ритмичны. Я вижу этот ритм даже в движении воды. Так, погружённое в воду зеркало входит в общий ритм и становится сосредоточием ночи, ритма течения, энергии, разлитой в воздухе и, главное, моего внимания, моей воли, моего грядущего. Тогда из зеркала показывается оно. Я отпускаю зеркало, поворачиваюсь и медленно, но, опять же, не сбиваясь с ритма, иду к берегу. Оно идёт за мной. Хотя я далеко не новичок, напряжение во мне чудовищно. Не то, чтобы мне было страшно, просто все нервы и воля на пределе, при этом я поддерживаю нужное состояние и ни единым вздохом, движением или даже мыслью не сбиваюсь с установленного ритма. Но энергии я трачу столько, что оно, следуя за мной, не только не испытывает никаких трудностей, но и растёт секунда за секундой, материализуясь. Я чувствую его присутствие всё сильнее, чувствую как всё, что я излучаю, тут же засасывается им, что весь свет окружающего — его пища, что трансформация его становится всё более ощутимой и, пожалуй, уже необратимой. Я хожу вокруг костра, оно ходит за мной. Дым раскрывается над костром каким-то сложным постоянно меняющимся цветком, ритм переходит в какую-то музыку пространства. Лес меняется. Сначала изменения только чувствуются, зрительно они не заметны, потом деревья исчезают, но костёр остаётся, мы выхаживаем кругами по бесконечному открытому пространству среди какой-то вечной ночи, под небом бесконечной, поражающей глубины. Я начинаю отчетливо чувствовать нить оттока моей энергии, которую оно тут же поглощает, я как бы ощущаю её на том конце и приобретаю способность контролировать этот поток. Дёрнув пару раз за энергетическую верёвочку, на которую оно подсело, я почувствовал и его. Почувствовал его изнутри, почувствовал его природу, его

эмоции, его реакцию, почувствовал, как оно чувствовало меня, почувствовал, что оно давно уже меня знает, чувствует и изучает. Оно знает мои мысли, всю мою историю, оно через меня изучает весь мой мир, всё отлично понимает, правда реагирует на всё это по-своему.

Через какое-то время его походка изменяется, становится легче, пружинистей, оно становится на четыре ноги и приближается ко мне сзади, я чувствую его дыхание хищника, кажется, оно вот-вот схватит меня сзади, ему нужен мой страх, оно меня проверяет. Но я улыбаюсь, теперь уже поздно, ему меня не напугать, я полностью контролирую себя и контролирую его, правда, не против его воли, оно само пошло за мной. Я подрезаю нить и показываю ему, что я могу контролировать ситуацию. Чувствую, что оно понимает это. После этого я немного отпускаю свой страх, подливая в нить энергию страха добровольно, и чувствую его благодарность. Оно приближается ко мне всё ближе, кажется — оно в пространстве вокруг меня, наступает сзади, обволакивая меня, я ощущаю это, как запах, вроде запаха озона, и как потемнение и загустение пространства вокруг себя. Тогда я, наконец, нарушаю ритм, резко, внезапно даже для себя останавливаюсь, оборачиваюсь и мгновенно хватаю его, загребая пространство позади себя. У меня в руках что-то, кажущееся сначала покрытым шерстью, потом оно начинает утончаться и вытягиваться, теперь то, что в первое мгновение я принял за шерсть, оказывается перетеканием какой-то ни на что непохожей текстуры, электризующей миллионами покалываний поверхность моих ладоней. Я сбил ритм, но пространство продолжает звучать. Я крепко сжимаю его, стараясь не упасть, оно вырывается и пытается повалить меня на землю, самое плохое, что у меня кружится голова, кажется, я уже не знаю, где верх и где низ, и мы несёмся в пространстве, кружась вокруг своей оси. Шуршание и потрескивание усиливаются, я не отрываю внимания от ритма пространства, волосы у меня на теле и на голове стоят дыбом. Предполагая, что физически я всё же продолжаю стоять на какой-то твёрдой поверхности, я стараюсь оставаться как можно более устойчивым, приняв соответствующую стойку. Вращение усиливается, мы будто попадаем в какой-то пространственный водоворот, и нас засасывает вниз, всё ниже и ниже, в бездну. Исчезает чувство времени. Мы кружимся, объятые электрическим вихрем, пульсирующим в едином ритме с музыкой пространства и

наших тел. И кружение это продолжается и продолжается. Судя по тому, что у меня хватило энергии, полёт вне времени всё же длился не бесконечно, как мне казалось тогда. Электростатика странной материи существа стала какой-то гладкой, наэлектризованной, будто синтетической тканью, шуршание электричества словно материализовалось в эту ткань, я вновь почувствовал твёрдую почву под ногами. Постепенно головокружение прошло. Мы стояли в лесу, возле костра, я обнимал в темноте человеческое тело, одетое в шуршащий плащ, костер уже погас, мы стояли в полной темноте и тишине, не было даже звёзд, видимо, небо заволокло тучами или просто на нас спустился утренний туман. Чувствовалось, что скоро рассвет, в воздухе стоял характерный запах свежести, природа затихла, в тишине начали одиноко посвистывать первые утренние голоса. У меня в руках было тёплое тело, сердце билось, по запаху волос я понял, что это девушка. Я представлял себе логику неоргаников, поэтому не удивился. Мы молча взялись за руки и пошли из леса. Перед уходом я облил бензином из маленького бутылька палатку и вещи и поджёг их. Теперь они потеряли свой смысл, а оставлять без присмотра предметы, бывшие свидетелями такого действа силы, было совсем неправильно. И хотя то, что я сделал, было не экологично, но я знал, что события, подобные тому, которое я инициировал сегодня, уникальны и окружающему миру не принесут большого ущерба.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Маша, — ответила она.

— Тот мир, в котором мы были, это твой мир?

— Да.

— Он весь такой?

— Нет, обычно места переходов всегда пустынны, но то, что наполняет мой мир, ты бы не увидел и в другом месте. По крайней мере, сегодня.

Пока мы шли к ближайшей железнодорожной станции, рассвело. Главное, что мне надо было знать о Маше, как она себя назвала, я уже знал. Мы обладали способностью чувствовать друг друга на не выразимом словами уровне, а слова были скорее дополнительным вспомоществованием и иногда ритуалом чисто человеческого общения. Я рассмотрел её. Это была девочка лет четырнадцати, худощавая, с тонкими чертами лица, в серебристо-сером покрытом цветочными узорами и перетянутом ремнём

красивом плаще и кедах. Длинные прямые распущенные тёмные волосы, тонкие ножки и огромные глаза — единственное, что в первые секунды выдавало в ней не человека, когда она на меня смотрела, они были неподвижны. У людей зрачки постоянно двигаются. Когда я смотрел в её глаза, они были совершенно неподвижны, и я чувствовал, что это имитация человека, но чувствовал всего секунду, она прочла мои мысли, и её зрачки стали двигаться, видимо она сразу же научилась совершать мелкие движения зрачками, считываемые моим подсознанием, так что для меня её взгляд стал сразу же человеческим. Но чувство, что я смотрю в глаза не человеку, приходило ко мне ещё не раз, видимо моя природа адаптировалась к её буквальной имитации человеческого взгляда и снова начинала различать её настоящую природу.

С той ночи, когда я перетащил её в наш мир, она стала для меня самым близким существом в моей жизни. И всё же, по природе своей, она навсегда оставалась для меня загадкой. Она существовала здесь, питаясь моей энергией, чувствовала и знала каждое тончайшее движение моей души, каждую мою мысль, отзываясь на всё, и могла управлять всем, чем управлять я не препятствовал. Я же чувствовал её несравненно грубее. Да и сам факт её с непредставимым совершенством исполненного человеческого образа, встроенного в канву человеческой культуры и моей собственной психики, говорил сам за себя. Я, например, не мог бы не только сымитировать неорганика в любом из миров, но и хоть как-то понять их мне не представлялось возможным. Они были не просто неорганической формой разума, они были мыслящими и чувствующими, но вообще не живыми существами, существами иных миров. Хотя, и она понимала меня, кажется, лишь эмпирически, как понял бы искусственный интеллект, считывающий каким-либо образом мои мысли и эмоции, и находя алгоритмы наиболее адекватного ответа. Имманентно я для неё тоже оставался существом иного мира, иной, не свойственной ей природы. Но и того взаимодействия, которое между нами было, оказалось достаточно, чтобы родилось то, что я, пожалуй, назвал бы любовью, особенно с её стороны, с её чуткостью, безусловной преданностью и погружённостью в моё существо. Не надо забывать, что не стань её, я бы остался в своём мире, среди себе подобных существ, она же пришла за мной в совершенно чужой для неё мир и без меня осталась бы тут одна. Она жила здесь лишь мной.

Наверное, уже не нужно объяснять, почему она приняла именно этот образ. Испокон веков для неоргаников, заброшенных в этот мир, лучшим питанием служил неконтролируемый человеческий страх, но и все формы близости тоже служили ему прекрасной заменой. Она обрела такой образ, который наиболее отзывался в моей душе, и я с радостью отдавал ей всё, что только мог. Она стала моим проводником по миру этому и мирам другим, она стала моим помощником. С её появлением я уже не ходил из мира в мир, я постоянно жил где-то между мирами. Но и цена, которую она взяла, была не малой. Для высшей цели, которую я мог бы достичь в этой жизни — слиться с нитями мира — мне нужна была вся энергия, вся целостность моего существа. Теперь этой целостности и энергии у меня не было. И уже не будет. Я отдал её Маше. Впрочем, когда я принял решение так крепко связать свою жизнь с неоргаником, я уже был уверен, что высшей цели мне не достичь. Или эта уверенность была внушена самими неорганиками, и они контролировали изначально ситуацию в большей степени, чем я мог себе представить? Как бы то ни было, мой исход событий маги называют «тупиком неоргаников», я свернул с пути и стал зависим от помощи неоргаников, сделавшись неспособным завершить свой путь, как подобает посвящённому нового времени. Правда, Маша позаботится о моём сознании после смерти, оно не растворится, поглощённое природой его создавшей. Как я стабилизирую Машу в этом мире, так она сможет стабилизировать меня в иных мирах. Наша связь стала неразрывной, и мы обрекли себя на вечные скитания. Неорганики живут несравненно дольше людей, почти бесконечно, с человеческой точки зрения. И всё наше земной существование станет лишь кратким начальным отрезком, почти точкой в бесконечном пути, в веренице миров, в сменах тысячелетий, в трансформациях форм и состояний. Такова суть тупика неоргаников. Кто знает, сколько таких пар бродит сейчас по мирозданию, пар, которым открыт весь мир, но которые навсегда заперты в нём.

Лучшие цветы бытия распускаются на границах миров. И таким цветком стал наш союз. У меня всегда возникал миллион вопросов к Маше, но я не спешил задавать ей их, ища ответы сам, так мне было интереснее. Например, её одежда — насколько она материальна? Дело в том, что с ней можно было оперировать так же, как и с обычной одеждой. Однажды к нам пришли гости,

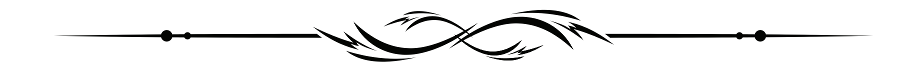
её плащ лежал на маленьком стульчике посреди комнаты, явно мешая перемещаться. Я решил проверить, видят ли они этот плащ. Сначала мне показалось, что никто этот плащ не видит или не замечает. Все проходили мимо стульчика, упорно его игнорируя. Наконец, я предложил присесть на него одному из гостей под предлогом желания поговорить с ним. Гость обратил внимание на указанный мной стул и стал уже садиться на него. Но в последний момент остановился, внимательно на него посмотрел, увидел плащ, взял его в руки и спросил, куда можно переложить. Я не сделал из этого эксперимента никаких выводов и не знаю, как его стоило провести для получения более достоверных результатов, ведь если прямо указать на плащ, я инициирую его проявление в диапазонах восприятия других людей. Но я бы сказал, что плащ был для гостей крайне неприметен, и его как бы не существовало до тех пор, пока они не столкнулись с ним неизбежно плотно. Для того чтоб окружающим стала видна сама Маша, нам приходилось тратить дополнительную энергию, и мы не проявляли Машу для них без необходимости. Впрочем, её знали все мои друзья и даже коллеги. Как-то я пришёл с ней на лабораторные посиделки, и она сидела со всеми за столом в качестве школьницы, которую я приобщаю к научной работе, делая с ней свои исследования. Для такого трюка нам пришлось скорректировать на время вибрации восприятия целой комнаты людей. Заглядывающих к нам посетителей других лабораторий мы оставляли вне круга, и если бы их позже расспросили, кого они видели за столом, спрашивающие убедились бы, что никто из них Машу не видел.

Но иногда и к Маше заходили её собственные гости. Однажды я проснулся среди ночи как бы от очень шумного сна. Во сне я не осознавал, что в голове у меня стоит такой шум, и понял это лишь когда пришёл в сознание и очутился в контрастно отличающейся ото сна тишине реальности бодрствующего сознания. Но секунду после моего пробуждения, уже в этом мире, шум продолжался в моей голове. Шум неприятный, как прерывающийся высокочастотный свист. Я открыл глаза и мгновенно дёрнулся от испуга, в следующее же мгновение взяв под контроль своё эмоциональное состояние. В комнате был разложен диван, на котором мы спали, и по углам от окна стояли два мягких кресла. Маша сидела возле меня на диване, склонив голову, а на креслах во тьме я увидел две тени, будто там сидели два антропоида. Лишь я открыл глаза, в моей

голове наступила тишина. Взяв себя в руки и подавив испуг, я стал приглядываться во тьму, фигуры оказались составлены из складок тюля, цветочного горшка, теней и отсветов на стене, складок одела на кресле, они растворились в чертах этого мира за пару секунд. Любой другой человек принял бы их за мимолётную иллюзию, но я знал, что такое неорганики. Это были они.
— Маша, что-нибудь происходит? — спросил я?
— Нет, всё замечательно, — ответила она, скинула халат и залезла ко мне под одеяло, обвив меня своими ногами и руками. Я почувствовал её нежность и тепло и тут же окончательно успокоился. Не так часто я погружался в неконтролируемые сны, наподобие сегодняшнего. Обычно мы входили с Машей в осознанное сновидение и исследовали сновидческие миры, их туземцев, других сновидцев, часто облачались в тело сновидения и, перемещаясь в любую заранее задуманную точку Земли, гуляли там вдвоём. Разумеется, когда я входил в осознанное сновидение, Маша всегда ждала меня там. Ей не нужны никакие переходы, она по умолчанию живёт в обоих мирах. Иногда нас просили о каких-то мелких услугах какие-то светлые личности, по уровню сознания и свечения которых у меня рождались догадки, что слившиеся с линиями мира продолжают свою вселенскую эволюцию, объединяясь в сообщества какими-то частями своего многогранного существа здесь, на Земле, способствуя, тем самым, эволюции мира.

Но чаще мы просто разрушаем мир. Когда ты не принадлежишь миру этому, но не принадлежишь и миру иному, всё что ты можешь, это разрушать конструкции мира, выстраивающиеся вокруг тебя и прорастающие в тебя, стряхивать их и идти дальше. Быть может в нашем существовании и можно выделить какие-то периоды, но на самом деле не правильно будет сказать, что вот мы переживаем земной период жизни или не земной период существования. Физически мы здесь, но реально мы уже нигде, нас здесь нет. «Пошли» — говорю я, мы встаём и идём. У нас нет иной цели, кроме цели не деланья повседневности. Мы идём пешком трое суток без остановки. Наконец, мы приходим в соседний городок. Мы входим туда на рассвете. Улица на границе с лесом ещё пуста, туман из леса втекает в город, заполняя улицы, составленные из типовых невысоких пятиэтажек. Мы садимся на скамейку, мы сидим. Мы даже не разговариваем всё это время. В небе появляется орлан, делает круг и садится недалеко от нас, в

зоне видимости. Мы внимательно смотрим на него, мы видим, как хаос мира, перегруппировывая свои элементы, складывается в эту птицу, не тревожимый извне, плетёт свою нить этого бытия с необозримого прошлого. Но на то нам и дан разум, чтоб вмешиваться в естественный процесс, не нарушая его. Мы подбираем наши нити, перегруппировываем их, гасим одни, зажигаем другие, память ткани мира воссоздаёт нюансы существующих животных, которые мы могли упустить, наши когти сжимают доску спинки деревянной скамейки, мы отталкиваемся, раскрываем крылья, делаем несколько мощных взмахов и поднимаемся высоко в небо. Орлан присоединяется к нам.



Смерть духа

У самых сложных и высоких техник, невероятных по уровню оперируемых субстанций, часто есть секрет, который заключается в том, что специалисты, применяющие эти техники, используют их, начиная не с нулевой точки процесса, они лишь находят уже идущий процесс грандиозного масштаба и присоединяются к нему, подталкивая в той или иной степени, а иногда и вовсе делая вид, что подталкивают, совершая представление для себя и окружающих, создавая иллюзию контроля процесса. Впрочем, найти нужный процесс и красиво выстроиться в его поток уже требует мастерства такого уровня, что человека можно назвать вполне серьёзным посвящённым. А если он нашёл точку неустойчивого равновесия и лёгким толчком повернул развитие процесса в свою сторону, то тут уж мы можем только пожать его смелую и честную руку.

Эта техника по древности равна возрасту древнейших цивилизаций, может Египта, может цивилизаций центральной Америки. Но совершить это действо выпадает шанс далеко не каждому поколению посвящённых, этой техникой, в принципе, владеющих. У любых реальных мистических техник, какого бы они происхождения не были, есть много общего, так же как у любых научных методик исследования, поскольку все они оперируют с явлениями реальности, поэтому, возможно, описываемая техника имеет множественное происхождение. Самое сложное в этой технике — найти подходящего человека. Любые самые чудовищные преступления против мира ведут к падению, деградации, забытью, скитаниям, заточению, но никак не к полному исчезновению, как бы этого многим, включая автора этого текста, не хотелось. Однако, этот мир, при всём единстве, удивителен исключениями, каким-то образом укладывающимися в общую схему мироздания. Редчайшие сочетания путей индивидуальной эволюции, попавших в узлы резонирующих вихрей пространственных реализаций и намертво застрявших там на тысячелетия, именно они могут, потенциально, включить автокаталитический процесс распада самой монады самосознающего существа. Да, это трагедия вселенского масштаба, поскольку, хотя монад во Вселенной не счесть, с каждой из них погибает сам мир, погибает вечность. И когда мы имеем дело с

процессами такого уровня, мы перестаём оперировать вопросами правильных или не правильных действий самой монады. Быть может, они имели место в прошлом, а может мы должны выйти за границу романтических понятий справедливости, сострадания и тому подобного, потому что к вопросу абсолютного небытия не применимы никакие понятия, можно лишь поймать момент его наступления и наблюдать за ним тихо и заворожено, чем посвящённые и занимаются.

Представьте себе, что у вас есть умирающий знакомый, вы приходите к нему в больницу, приносите вкусности и подарки, всячески стараетесь его ублажать, дабы скрасить ему последние дни, недели или месяцы существования. Но ведь он всего лишь умирает! Совершенно обыденное внутримирное событие, эдакий внутриусобчик в туснячке нашего мироздания. Как же нужно ублажать пациента, который полностью покидает эту бесконечность, эту игру, этот мир. Любая блажь будет в свете такого события чистым символом, будет ничтожна. Посвящённые делают ему эти чисто символические подношения. Чаще всего уходящий не знает о том, что он уходит. Крайне редко уходят гиганты, которые видят и знают всё, и было всего несколько случаев в истории человечества, когда такой гигант уходил по своей воле, либо сам создавая воронку самораспада, либо никак не пытаясь из неё выйти. Обычно уходящий, ещё не чувствуя никаких изменений в своей жизни, слышит рано утром звонок в дверь, открывает её и видит на пороге большие корзины фруктов, сыров, лучших напитков, которые можно добыть в этой местности, а вокруг всё покрыто лепестками цветов. Обычно корзины заносятся в дом, а лепестки убираются таинственными незнакомцами следующей ночью. Кроме еды, в течение двух-трёх месяцев уходящий почти ежедневно находит под дверью серебряные и золотые кубки, антиквариат, шёлковые и шерстяные одеяла, прочие предметы традиционных подношений. Потом посвящённые уходят, подарки прекращаются. Посвящённые не подходят близко к тому, в ком начался распад, потому что явление распада затягивает в орбиту распада и ближайшее к нему пространство. Работа с уходящим продолжается дистанционно и представляет из себя ритуальные танцы в иных слоях бытия, по периферии внутреннего круга воронки. Танец посвящённых, продолжающийся несколько месяцев — это мирозданье, провожающее уходящего в последний путь. Но уходящий этот танец никогда не увидит.

16. 06

Через несколько дней после того, как странные подарки прекратились, я начинаю замечать в себе смутное ощущение перемен. Внешне ничего не меняется, но ощущение перемен живёт глубоко внутри. Наверное, это что-то возрастное. А может, я просто меняюсь, умнею или наоборот деградирую. Или еда в подарках была с каким-нибудь ядом?

18. 06

Странно, ощущение перемен не прошло, но возникло другое ощущение, будто перемены визуализируются. Будто я начинаю встречать что-то странное, то ли от этого ощущения перемен я стал замечать и воспринимать странным то, что раньше не замечал, то ли я этим своим ощущением действительно притягиваю что-то необычное, или же у меня чувство то было предчувствием реальных изменений, которые начали происходить вокруг. А может это вторая стадия развития какой-то психологической патологии? Вот сегодня странный человек, долговязый, старый, с бугристым лицом и тростью, как состарившийся Дуремар, в ярко-жёлтом костюме и цилиндре, совсем будто не из этого мира, проходит медленно мимо меня по тротуару и внимательно, неотрывно смотрит. Только он прошёл, как в окне, выходящем на тротуар, я увидел кошку, кошка тоже внимательно на меня смотрела, а потом подмигнула мне! Не знаю, может кошки подмигивают, может это нормально или у кошки что-нибудь с глазом. Но когда я за углом увидел осла, я увидел в его глазах, что это начало конца. Я действительно испугался. Я не могу это объяснить, но я увидел его и понял, будто он специально пришёл, чтоб сообщить мне об этом — это начало конца.

19. 06

Сегодня утром был такой туман, какого я никогда в жизни не видел. Кажется, действительно, на расстоянии вытянутой руки уже ничего не было видно. Было тепло и тихо-тихо, будто мир вдруг опустел. Несмотря на совершенно неподвижный воздух, туман был неоднороден, что-то собирало его в призрачные сгустки. Я рассматривал их, и они рисовали мне лица родных, старых друзей, каких-то людей, которые казались смутно знакомыми, но давно забытыми, я видел корабли, пейзажи, колыхания северного сияния,

гигантских спрутов, непроходимые чащи, горы, цветы, роняющие лепестки, готические храмы, такое впечатление, что на протяжении моего короткого пути весь мир раскрыл свою историю в тумане, всё, что было со мной и чего не было, всё, что я видел и что мечтал когда-либо увидеть. Когда огромный туманный какаду медленно начал расправлять свои белые крылья, я отчётливо, хотя и тихо, услышал голос попугая. Трещины на асфальте сплелись в какой-то странный узор, а ветка дерева, над которой медленно взлетал попугай, качалась в такт не понятно чему.

21. 06

Сегодня я окончательно поверил, что со мной происходит что-то странное. На улице какая-то птица, типа ласточки, спланировала с дерева и села мне на плечо. Она не чирикала, просто крутила головой и смотрела на меня. Птицы на улице на людей точно не садятся! Я приостановился, заворожённый, улыбаясь, огляделся, чтоб посмотреть, видит ли это кто-нибудь. Мимо проходила какая-то женщина, она поймала мой взгляд, и, не меняя выражения лица, сказала: «Это ничего, ничего». Ничего? Что значит — ничего? К чему это вообще?

25. 06

Я теперь сплю только при свете. Тьма ведёт себя, как туман, виденный мной несколько дней назад, чего я только там не вижу. Сначала были завораживающе сложные узоры, это было прекрасно. Но сейчас, кажется, ад и рай одновременно решили восстать передо мной из тьмы. Они наваливаются на меня, кажется, вот-вот напугают до смерти или засосут в себя. Их видно даже с закрытыми глазами, даже под одеялом.

26. 06

Теперь к самой тьме присоединились все предметы, находящиеся во тьме. Даже если я случайно попадаю в полумрак, например, выходя в коридор, всё вокруг оживает сотнями ликов, сотнями взоров, обращённых на меня. Сегодня отключился свет. Я зажёг несколько свечей, осветив комнату максимально ярко. С одной свечой вышел на кухню и наткнулся на него. Кажется, это было само воплощение кухонной тьмы. Он был огромный, кажется, занимал пол кухни. И половину его занимало огромное лицо. Он

стоял и смотрел, отблески мерцающей свечи освещали его. Стало очень тихо. В последние дни у меня в голове какой-то звуковой хаос. А тут стало так тихо, все голоса умолкли, наверное от ужаса, и только один голос начал повторять: — Нет! Уходи! Уходи! — Я медленно, пятясь, вышел из кухни и сидел неподвижно полночи, пока свет снова не включился.

30. 06

Теперь сущности проникли на свет. Это торжество материализации — сказало мне одно из них. Вы видели когда-нибудь ложку, вогнутую с обеих сторон? Они называют это подарком. Они в каждом предмете, они вызывают каждое движение, они телами своими формируют этот мир. Возрадуйся, говорят они мне, — ты видишь структуру мира. В любой момент от окружающего пейзажа может отделиться один из них и уйти, остальные тут же сомкнут мир. Мир должен быть цельным — это один из главных законов. И я знаю почему. За мгновение до смыкания мира мне удалось заглянуть туда, в щель. Там приносящий животный ужас ветер мира дует в пустоте. Весь видимый мир, как мгновенно застывающая корка, отражающая в статике картины завихрений ветра мира. Только корка трёхмерная, а мир, по-видимому, больше чем трёхмерен, потому что в любой точке пространства ткань мира может порваться, и оттуда прорвётся ветер мира, но мир тут же заделывает разрыв, а ветер мира тут же застывает. А они, они живут на границе миров. Они следят, чтоб корка мира возникла максимально быстро. Можно было бы подумать, что я сошёл с ума, но сегодня я вышел из дома, шёл по тротуару центральной улицы города, тут конец тротуара, бордюр, и грунт. Я думал, что часть дороги ремонтируют, поэтому сняли асфальт. Но если это и ремонт, то всего пространства целиком, за пару шагов я оказался в ста километрах от города. За одной картиной окружающей обстановки просто пришла другая, ей обычно не свойственная. Я взглянул на часы — провала во времени не было. Возвращение домой было долгим и трудным. Виды менялись непрерывно и следовали друг за другом вразнобой. Дома, которые я хорошо помнил, или лежали разрушенными, или вообще отсутствовали, вместо них были пустыри, какие-то новые здания, были моменты, когда я вообще не знал, в какую сторону мне двигаться. В отчаянии я поймал такси, хотя не представлял себе, сколько мне придётся заплатить за неизвестно какое расстояние от

дома. В результате, через какое-то время таксист, встревоженный, припарковался на обочине и выскочил из машины. Я обрадовался, что он тоже стал свидетелем этого безумия, происходящего вокруг, когда участвуешь во всём этом не один, это как-то вселяет больше спокойствия и уверенности. Но он стал бегать вокруг своей машины и, ругаясь, кричать: — Это не моя машина, это не моя машина! А, так у него собственные проблемы. Я вышел и пошёл дальше сам.

05. 07

Странности плотно заполняют мою жизнь. Большинство из них я уже не в состоянии описать. Я совершенно случайно оказался у себя дома, потом несколько раз оказывался то ночью на скамейке в центральном парке, то на берегу какого-то озера. Я перестал узнавать свою квартиру. Всё меняется, только что на моих глазах изменился цвет штор, и настала ночь. Меняется даже моё прошлое, меняется моя память, меняется даже этот текст. Мир будто плавится и течёт, осыпается, вносится ветром и снова застывает на ветру. Перекомбинирования достигли невероятной скорости. Они, эти хранители оболочки мира, бегают как ящерицы, они в постоянном движении, это они — причина всего безумия, творящегося вокруг. Я вижу это, когда сосредотачиваюсь на них. Я даже научился предсказывать изменения, только не могу влиять на них.

10. 07

Жизнь повсюду. На лакированном рисунке дерева моего стола была мордочка: два сучка — глазка и схождение годовых колец в виде носика и рта. Вы знаете, что где-то среди всех этих комбинаций сущего мордочка живая? Теперь она бегает по столу, нюхает мои бумаги, шарахается от горячей кружки с чаем. Узоры выходят из ковра и прорастают в пространство. Формы отделились от своих материальных носителей и стали самостоятельными сущностями. Мир стал суммой каких-то векторных форм, материальная природа которых не имеет значения. Даже поток воды из-под крана разделился. Я теперь способен подставить руку под струю воды и не намочить её. Я просто я подставляю руку под сам поток, под движение, под течение, не подставляя её под влагу. Всё чувствует меня, всё общается со мной, всё появляется и исчезает. Но только я бессилен что-либо изменить в этом движении.

12. 07

Люди всё ещё присутствуют в мирах, через которые я прохожу. Иногда все улицы наполняются ими, а иногда мир становится пуст. Время от времени я встречаю таких же потерявшихся, как и я, иногда встречаю путешественников, сразу видно тех, кто не из той реальности, в которой сейчас находится. Удивительно, в какие далёкие области иногда забираются люди, кто сознательно, кто по воле внешних сил. С одним из таких путников я познакомился сегодня. Мне страшно и одиноко, уже давно, но я не даю воли этим чувствам. Иначе всё выйдет из-под контроля. Тем не менее, я сделал несколько попыток пообщаться с людьми. Все они закончились неудачей. После, в тот же день, на руинах одного из миров я увидел его, он оглядывался по сторонам, будто только что сюда попал, и крутил в руках ручки какого-то портативного устройства. Исследователь — подумал я. Быть может он приручил эту чехарду миров и сможет помочь мне выбраться навсегда отсюда и стабилизировать меня в моём мире, быть может он хотя бы объяснит мне, что со мной происходит. Я подошёл к нему и заговорил с ним. Это был нормальный живой человек, он видел, слышал и понимал меня. Я пару раз в своей жизни встречал таких людей со сверкающими вдохновенными и живыми глазами, как у маргинальных увлечённых учёных. Оказалось, он попал в этот мир сам и в результате сознательно контролируемого им процесса. Я рассказал ему свою историю.

— Удивительно, как и всё, что здесь можно встретить — ответил он, выслушав мой рассказ. — Но я не представляю, как вам можно помочь, я сам здесь только путник, я впервые пришёл сюда и для меня всё происходящее — фантокосмогония реальности, для меня всё это — открытие.

— А как вы сюда попали — спросил я его — расскажите вашу историю.

— Всё началось во сне. Я видел цветной сон. Витражные мозаичные сочетания ярких цветов, как в готическом храме, подсвеченные с обратной стороны, гармонировали с мелодией, оказывающей настолько мощное воздействие на тело, что нужно было стоять, растопырив пальцы рук и ног, чтоб они не срослись. Мелодия расплавляла, перестраивала и преображала тело. Видимо, она была глубоко созвучна базовой мелодии, организующей мир живых существ. Совпадала по ритму и тональности. Только такое сочетание

даёт максимальный эффект. Хотя проще оперировать ритмом, чем тональностью. Впрочем, это уже мои размышления, ко сну они не относятся. Но сон заставил меня задуматься.

— Очень интересно, и такая мелодия существует?

— Предположим что так. На что она могла бы быть похожа? Вы представляли себе когда-нибудь, на что может быть похожа ритмическая матрица мира, синхронизирующая мир и обеспечивающая энергией взаимодействия его части? Та самая матрица, разложения которой дают все ритмические структуры, существующие во Вселенной. Синтетическая музыка мира, воплощающаяся в явных и неявных смысловых и временных последовательностях, дающих удивительные паттерны причинно-следственных реализаций сущего.

Мне показалось, его глаза сверкали в прямом смысле этого слова. Потрясающая энергетика вдохновения. Исследователь напомнил мне Иисуса Христа с Тайной вечери Сальвадора Дали. Он продолжал, глядя на мою захваченную интересом и удивлением физиономию и не дождавшись от меня ответа. Действительно, чтоб встретить такого человека, нужно было уйти из моего мира.

— Неявный алгоритм синхронизации Хакеры сновидений достали из сновидческой реальности. Пасьянс Медичи, упрощённый девиат Таро, впрочем, и самая простая система способна синхронизироваться с некоторыми из ритмов реальности, например ритмическая система ударов в бубны шаманов, смещающих сознания у костра. Масти отождествляются с различными сторонами человеческого бытия: чувствами, социальными отношениями, материальными процессами, величина карты определяет атрибут действия: производство, контакт, поглощение, перемещение. Полностью собранная последовательность карт пасьянса последовательно реализуется, карта за картой. К концу колоды заданное на последнюю или предпоследнюю карту действие реализуется само, поскольку задан общий ритм контакта с миром и запуска процессов, даже если эти процессы не относятся непосредственно к задуманному действию, но имеют нужный атрибут. Уже тут мы видим, что ритм мира может быть и апериодическим, также можно назвать его ассиметричным, если рассматривать в многомерном пространстве. Точнее, не может, а должен быть, поскольку под периодичностью мы можем подразумевать только свойства структуры, алгоритм формирования которой нам известен, периоды же мира сотканы

из бесчисленного числа интерференций, причинно-следственных трансформаций и отражений. Даже ДНК уже апериодичен, отражая не наши представления о периодичности, а всю сложность молекулярных структур и взаимодействий. Мир можно назвать симметричным в смысле законов Кюри, но не в смысле абстрактно-упрощённой симметрии. Затем у меня появилась идея: зачем использовать упрощённую колоду пасьянса Медичи, если можно транспонировать её на оригинальную колоду Таро, дополнив интерпретации исторически изначальными акцентами. Пришлось интуитивно находить наиболее адекватные интерпретации. Кстати, апериодичность нуклеотидов ДНК — это был не совсем корректный пример. Здесь внутри одной колоды должно быть начало действия, его реализация и завершение, так что собранная колода должна быть гармонична, как замкнутое органичное целое, хотя она и является лишь маленьким срезом бесконечного ритма мировых действий.

— И Таро сработало?

— Создание системы заняло больше месяца. После первой проверки я понял, что раскладывание карт и физическое выполнение действий — это лишь механизм, наполнить его можно лишь собственным осознанием. Значит, кроме правильного алгоритма необходимо правильно сфокусированное внимание, правильное состояние, правильное восприятие себя и мира. Пришлось многое понять, переосознать и изменить. Пожалуй, это было более революционной работой для меня, чем создание самой системы. Цепочку развернул. Голубь на улице сел мне на плечо. Это был первый успех и начало пути. Это было моё желание — пояснил он. — Значит, оно действует. Тогда мне стало интересно, запомнив цепочку наизусть и синхронизируя по ней все свои действия, попаду ли я в неиссякаемый поток реализаций?

— Но вот у вас в руках какой-то прибор, это явно не колода карт.

— Это реализация моей следующей идеи. Я дополнил структуру расклада музыкальным ритмом. А потом заменил им расклад полностью, правда, запомнив расклад наизусть и приучив себя действовать, никогда не выходя из его алгоритма. Музыка хороша тем, что она воспринимается подсознанием, и, таким образом, синхронизирует ритм моего взаимодействия с миром почти автоматически. А если внешняя реальность подчиняется таким же ритмам, что и моя собственная реальность, то такая музыка будет

изменять мир и без меня, моё намеренье будет лишь стрелочником, направляющим изгиб перемен в нужном направлении. У меня есть тональности и ритмические конструкции. Я попробовал сконструировать нужную комбинацию ритмических и тональных сочетаний на бумаге. Но все необходимые паттерны не укладывались в одну звуковую цепочку. Пришлось делать несколько звуковых цепочек, правда, они довольно гармонично наложились друг на друга. Я разложил их по частотному спектру в диапазоне частот, доступном для восприятия человеческим сознанием и подсознанием. Правда, встала проблема с соединением начала и конца цепочки, просто зациклить цепочку не получилось, иначе в том месте получился явный разрыв ритма. Тогда я написал программу, просчитывающую цепочку в реальном времени, продолжая её бесконечно. Включил — и мир начал плавиться и выстраиваться заново, спонтанно, или подчиняясь силе моего разума. Эта музыка и привела меня сюда.

Он рассказал об удивительных трансформациях мира, свидетелем которых стал. Устройство у него в руках — портативный электронный музыкальный центр, меняющий в реальном времени мелодию синхронизации с реальностью. Изменения звуковой структуры смещают настройку на пласт реальности, позволяя ему перемещаться в поперечном сечении миров. Он попытался увести меня с собой, я впервые сам стал свидетелем контролируемого перехода, я почувствовал, как реальность подчиняется моей воле. Но вскоре всё начинало рушиться и плыть. Да, он не мог мне помочь, моя реальность, как оказалось, хаотизирует любую ритмическую конструкцию, сбивая настройку на ритм бытия. Я словно погружался в абсолютный хаос всё сильнее и сильнее. Он ушёл. Прикоснувшись к одной из ручек устройства, он растворился в шуме деревьев, в падающих на землю бликах света от вспыхивающих и исчезающих светлячков, наполняющих пространство одного из миров. А я снова стал спускаться в свой ад, неся с собой невероятный опыт работы с реальностью, который, видимо, скоро закончит своё существование вместе со мной.

15. 07

Сегодня мой стол стал круглым. Он покачивается. Зеркала отражают пустыню с летящими над ней низкими тяжёлыми облаками. Потолок и стены то капают на меня, то снова восстанавливаются.

Ветер залетает в комнату, занося её песком. Появились какие-то существа, отличные от тех, что создавались окружающими меня формами, и явно не являющиеся ящерками затвердевающего мира. Их форма не постоянна, само существование их пульсирует, они то исчезают, то появляются и не могут сохранить своей формы, каждый раз переплавляясь, трансформируясь, воссоздаваясь из пустоты. Они, как призрачные не оформившиеся идеи слабых умов. Они — как отверстия туда, где дует ветер мира, как вулканы, изрыгающие ужас полной деструкции бытия. Кажется, через них ветер мира врывается в этот мир, он никогда достаточно не затвердевает, они как кровоточащие раны мира, поэтому их форма не постоянна. На какое-то мгновение мир берёт верх и придаёт-таки им форму, но новый поток ветра небытия растворяет эту форму и прекращает их существование. Видимо, за этими бегающими тварями не могут уследить даже ящерки-хранители. А, быть может, я уже с другой стороны? Может это коридор между бытиём и небытиём? Может тут создаются формы мира? Может эти твари — анти-ящерки, меняющие мир? Эдакие пожиратели — макрофаги сущего?

16. 07

Вот и мой дневник. Я больше не могу писать, но кто-то пишет за меня, или это записи меня из того мира, где всё в порядке? Я могу теперь прочитать всё, что со мной будет, до самого конца. Я видел себя, я сидел ночью за столом и писал. Это было мимолётное видение, отверстие к нему быстро закрылось. Тварей становится всё больше. Кажется, мир просто не успевает восстановиться, залатать прорехи. Я вижу картины прошлого, возможно, будущего. Вижу какие-то странные миры. Всё это перемешивается и сразу же исчезает. Мне кажется, моё тело разваливается на части. Теперь я — шар, как солнце, и я гигантскими протуберанцами отдаю холоду небытия свою энергию, схлопываюсь и остываю. Моя энергия может на мгновение заделать отверстие мира. Надо же, значит мы с ящерками-хранителями одной природы. Но моей энергии не хватает, чтоб запаять все эти отверстия, как только я запаиваю одно, вокруг открывается множество новых.

17. 07

Я вдруг осознал — что эта пустыня — моя улица. Моя улица — но по-другому. Теперь я просто её так вижу. Я даже невероятным

напряжением разума воссоздал отдельные очертания домов. Но пустыня тут же поглотила их. А после этого снова что-то поменялась. Конструкты улиц и пустыни и множества иных миров распались и активно перемешались друг с другом. Теперь любой знакомый мне предмет мира, попадая в поле моего восприятия, бесконечно и непроизвольно меняется, перетекает во что-то иное, соединяется с улицей или другими отдельными предметами, встраивается в какой-то кусок всплывающей картины мира, и вся эта конструкция снова исчезает, поглощаемая отверстиями мира, макрофагами сущего.

18. 07

Предметы перестали существовать. Даже мимолётно. В некоторых формах иногда проглядывают черты знакомого мира, но чаще теперь это просто абстрактные формы, пустоты, наполненности, множественности, цвета, звуки, ощущения присутствия и отсутствия. Хаос проник в меня. Самосознание моё доселе всё же представляло что-то цельное, хотя воспоминания менялись неоднократно. Только телесная оболочка давно утратила стабильность и единство, постепенно растворяясь в хаосе. Теперь я перестал отличать себя от смыслового шума, стал отождествлять себя с хаосом первичных форм. И вспышкой, мгновенно, я вдруг вспомнил всё. Вспомнил всю чреду своих жизней, начиная от самых бессознательных форм. Вспомнил себя на заре зарождения жизни. Вспомнил миллиарды лет бессознательного растительного существования, вспомнил первые проблески свободной воли и разума, вспомнил боль потерь и моменты всё заполняющего счастья, вспомнил все пройденные пути и бесконечные мечты о путях, так и не пройденных. Вспомнил и осознал все мои роли в этом мире, в мгновение ока проследил в своём разуме все причины и следствия, связанные с моим бытиём, я вспомнил судьбы, связанные со всеми теми, кого я когда-то съел и судьбы тех, кто съел меня. Я увидел тех, кто любил меня, и тех, кого любил я, ещё я увидел тех, кто любил меня тайно и тех, о ненависти кого ко мне я в своё время не имел даже представления. Весь мой путь во Вселенной предстал перед моим взором, и я увидел, какой был бы мир, если бы меня в нём не было. Да, Вселенная велика и бесконечна, но и моя роль в этой Вселенной была так велика и полноценна, что моё расширенное сознание еле вмещало единую картину истории моего пути по воплощённому мирозданию. А

ведь ещё было будущее с бесконечностью вариантов моих путей, наполняющих собой весь мир. Озарившее меня воспоминание было, как финальный аккорд какой-то мелодии, которую я не слышал раньше, потому что она наполняла всё моё существования от первой минуты до последней. Теперь эта мелодия гремела отчётливо различимыми аккордами, усиленными до предела, мелодия из ниоткуда, идея мелодии, будто рождённая движением всего сущего, синтезом всех возможных мелодий и смыслов, которые только может породить мир. Тут только я чётко осознал, что происходит что-то великое и страшное, что возможно, я прекращаю существовать. Навсегда. И эта вспышка осознания — это последний подарок, который делает мне Вселенная, прощаясь со мной. Бесконечная тоска заполнила меня. И в последний момент я почувствовал, будто что-то тёплое и мягкое прикоснулось к моей ноге. Я опустил голову, внизу стоял кот, мой кот. Когда-то, бесконечно давно, на заре мира, я сижу в занесённой снегом пещере у потухающего костра, и он прижимается ко мне, замерзающему, умирающему от голода. Я вспомнил это. И сейчас он снова был здесь, со мной, мой кот. Он не смотрел на меня, нам не нужно было такой пасторали, чтоб понять друг друга, он просто прижался ко мне, согревая меня, как тогда. Он без страха смотрел вперёд, в пустоту, которая ждала меня, он был со мной, я почувствовал его тепло. И всё распалось.

16. 07

Я дочитал, эти записи моим почерком в моём дневнике, которые я не делал, и я ещё жив. Я в ужасе, я не понимаю, что происходит, я теряю дневник, ручка перестаёт быть ручкой, всё распадается на глазах, но все написанное выше, до этой даты, написал не я! Очень трудно…

16. 07

Это какое-то безумие. Нашёл свой дневник. Кажется, тут уже целая серия записей от моего имени. Трудно писать. Возможно это какое-то раздвоение. Всё написанное выше очень похоже на правду. Но я не помню, чтоб я это писал.

16. 07

Что за бред творится вокруг. Я не помню, чтоб я писал всю эту чреду записей от 16-го числа. Это амнезия или какая-то

пространственно-временная петля? Трудно писать. Если смогу, напишу ещё позже.

………………

16. 07

Весь блокнот исписан однообразными отрицаниями моего авторства записей, написанных моим почерком. Не знаю, как тут выделиться, просто оставляю свою запись, утверждающую, что я тоже был тут, и писал первые записи, не имея отношения к предыдущим записям от 16-го числа.

16. 07

Конец блокнота. Исписан каждый чистый клочок. Эта идиотская шутка больше не сможет продолжаться. Пишу на последних строках последней свободной страницы. Судя по тому, что никто до меня не написал ничего после записи от 16-го, за исключением записей в начале дневника, вероятно, и моя запись станет тоже последней. Если так, что ж,

Немыслимое

— Простите, я опоздал. Какая сегодня тема?
— Детальное описание сцены мира.
Бля. Детальное — это плохо. Впрочем, чего я волнуюсь, для меня любая тема — бля. Как меня вообще сюда занесло, мазохист.
— Вот описание. Сейчас обсуждаем.
Читаю: «Я прохожу по небольшому парку в центре города. На кустах вишни появились молодые листочки. Из земли пробивается трава. В разных частях парка в красивом хаосе расставлены несколько больших камней. Я срезаю путь и иду по тропинке. Мимо меня проходят девушки, одетые в лёгкие весенние пальто. Светит яркое солнце, но ещё прохладно».
— Что вы поняли из этого описания?
— В описании явно прослеживается категория движения.
Блин, как я ненавижу этих выскочек. Ну, в принципе, я тоже понял, что категория движения, просто не смог бы этого сформулировать. Что-то я в этом тексте всё же понимаю. Хотя, кого я обманываю, всё плохо, я вообще не представляю, о чём это. Разве я сам не выскочка, после того как записался на этот курс. Нормальному здоровому человеку тут делать явно нечего. Тут нужно особое мышление. Представить себе что-то из иной Вселенной, или даже усвоить это без представления, потому что, возможно, представить это вообще не возможно. Перспектив у меня никаких. Только хорошо освоившие курс имеют возможность посетить тот мир, обычно просто пространством или временем. Избранные, почётные учителя и большие исследователи способны побывать там в виде камня. Самые большие мировые гуру в исследовании той Вселенной бывают там живыми существами, но таких было наперечёт, это вообще уже профи непредставимого уровня. И только мессии, говорят, могли становиться в той Вселенной людьми. Хотя, верится с трудом. Может это всё легенды. Я, например, так и не понял до конца, что это значит — люди. Вообще в той Вселенной всё удивительно сложно, сложнее, чем у нас. Нет, не потому, что я не понимаю, даже в том, что понимаю. Она как бы основана на двух главных принципах: сложность и бесконечность. Так что она загадочна, говорят, даже для тех созданий, которых сама порождает.

— Итак, кто ещё вообще ничего не понял?
«Еще»? Видимо, я что-то пропустил. Ну, если «ещё», то я.
— Хорошо, разберём с самых основ. Какова размерность рассматриваемого мира?
— Три.
— Хорошо. Каковы основные постулаты организации того мира, которые нам уже известны?
— Единство и множественность.
— Причинно-следственность.
— Различие и сходство.
— Изменение и неизменность.
— Движение и неподвижность — это то же самое, что предыдущее?
— В каком-то смысле. Так. В описании мы видим несколько форм движений, наполняющих картину, заполненную множественными элементами, так? Точка отсчёта, ведущая описание, движется или неподвижна?
— Судя по всему, движется.
— Правильно. Кстати, вы знаете, что есть промежуточные формы путешествия в тот мир, находящиеся между камнем и живым существом? Это, во-первых, движущиеся камни, как правило, это падающие камни, иногда раскалывающиеся, имеется в виду движение в пространстве относительно множества окружающих объектов и переход камня из единичного во множественное состояние. Эти процессы довольно значительно разнообразят опыт пребывающего в той Вселенной. Ну, ещё есть существование в виде химической реакции, это что-то типа аналога живого состояния в неживом, если честно, мне самой понимание этого трудно даётся. Итак, продолжим. Давайте разберём подробнее каждый непонятный термин. Первая частица — обозначение точки отсчёта наблюдателя, ведущего описание. Второй термин говорит, что описание происходит относительно движущейся точки отсчёта. В частности термин заключает в себе информацию о способе перемещения внутри Вселенной.
— А, это что-то вроде перемещения внутри Вселенной квантов энергии и элементарных корпускулярных единиц?
— Да, в принципе всего этого лежит перемещение в пространстве. Но тут упоминается способ перемещения, который свойственен большому комплексному телу, то есть, если много элементарных корпускулярных единиц, изначально не синхронизированных

друг с другом, заставить направленно и совместно изменять своё местоположение в пространстве и времени, они изберут такой тип движения. Могут избрать.

— Короче, всё сложно. Просто перемещение.

— Ну, это ещё не сложно, будет гораздо сложнее.

Лёгкий нервный смешок в аудитории.

— А может быть перемещение в пространстве без перемещения во времени или наоборот?

Преподаватель задумывается.

— Ну, в принципе, я думаю, такое возможно. Но это исключительные случаи. Тут такого не будет, но просто для нас, для описания, важнее бывает только один компонент — или перемещение в пространстве или во времени, понимаете? Поэтому мы только его упоминаем. На самом деле весь тот мир движется, только не все движения нам сейчас интересны. Так же, как каждый предмет, который мы будем рассматривать, состоит из других тел, но если мы всё это будем описывать, мы окончательно потеряем нить разговора. Мы выделяем только то, что нас сейчас интересует, конечно же, держа в уме всю остальную информацию. Итак, следующее сочетание понятий надо рассматривать вместе: «по небольшому парку», что это значит, у кого-нибудь есть идеи?

В аудитории стало тихо, кто-то покашлял.

— Ну? Хоть какие-нибудь идеи. Не бойтесь, если не правильно. Даже попытка гораздо лучше, чем ничего, я это зачту. — Преподаватель заранее одобрительно улыбнулась.

— Ну, раз мы только что говорили о движение, и нам сейчас больше всего интересно движение в пространстве, то может, это словосочетание — описание пространственных координат?

— Совершенно верно. Это открытое пространство, по которому перемещается точка отсчёта. Открытое, значит не замкнутое со всех сторон, так что точка отсчета может перемещаться беспрепятственно, пока не выйдет за пределы описываемой системы координат.

— То есть, там нет тел?

— Нет, тела там есть везде, там всё вокруг заполнено телами. Но, во-первых, хоть тот мир трёхмерный, согласно одному из постулатов, всё сущее в нём старается упростить среду, в которой обитает, вы знаете, что обитать там сложно и сложность того мира — основное его свойство. Так вот, это упрощение приводит, в частности, к тому, что точка отсчёта, будучи сама трёхмерна, движется, тем не менее, по

двумерной плоскости. И всё вокруг стянуто в основном в двумерную плоскость, как бы частично выступая из неё и заполняя частично третье измерение. И главное здесь — взаимное расположение тел в пространстве, двумерном ли, трёхмерном ли — не важно. Они могут располагаться так, что будут препятствовать движению тела внутри рассматриваемой системы координат, и могут расползаться так, что не будут. В данном случае они располагаются так, что не препятствуют.

— То есть, точка отсчёта может двигаться вообще в любом произвольном направлении? А как она взаимодействует с другими объектами внутри рассматриваемой системы координат? Ведь, если не ошибаюсь, это о других объектах дальше речь идёт?

— Да, конечно, она с ними взаимодействует, и она не может двигаться в совершенно любом направлении как раз из-за наличия других объектов, как вы справедливо заметили. Тут просто подразумевается, что в принципе в этой системе координат можно рассчитать такой алгоритм измерения своих пространственных координат, что ты окажешься за пределами этой системы координат. Сможешь реализовать это практически. Не все системы координат в том мире это позволяют, иногда мешает именно взаимодействие между объектами внутри системы. Понятно?

Половина аудитории понимающе загудела. Другая половина делала вид, что поняла, но сидела молча.

— Значит это сочетание терминов — описание системы координат, в которой находится точка отсчёта? Я на самом деле так и подумал сначала, только меня смутил термин «небольшой», ведь он означает свойство, в данном случае, системы координат, э-э-э-эм, не знаю, как описать, но обычно им описывают объекты, составляющие объекты более высокого уровня, если не ошибаюсь. Как же получилось, что точка отсчёта оказалась внутри системы координат, описываемой термином «небольшой», разве должно быть не наоборот, то, что описывается как «небольшой», должно быть внутри?

— В принципе, в этом логика есть. Но тут нам поможет ещё один фундаментальный принцип рассматриваемой Вселенной: принцип относительности, или принцип контекста. Понимаете, текст этот специально так составлен, будто его должно воспринимать создание той Вселенной. То есть, вы знаете, что объекты состоят из других объектов меньшего размера? Но и эти другие объекты меньшего размера состоят, в свою очередь, тоже из других объектов меньшего

размера. Так вот, «небольшой» здесь подразумевается относительно следующего сочетания терминов: «центр города». Парк — это элемент города. Что же такое — сам парк?

— Возможно, это не возможно понять без понимания, что значит город?

— Ну, это спорный тезис, хотя над этим можно подумать. Я предлагаю совершить синтез понятия «парк», исходя из суммы элементов мира, описанных в сцене далее. Правда при этом нам надо будет отделить элементы имманентные понятию «парк» и внешние по отношению к нему, но лишь попавшие в его систему координат. А вот что такое «город» давайте разберёмся сразу, чтоб больше к этому понятию не возвращаться.

— Это что-то связанное с разумом.

— Действительно. Вы все знаете, что одна из специфических форм движения реализуется категорией называемой — живые существа. Они почти уникальны в той Вселенной, но концептуально очень интересны. К категории живых существ относится группа разумных существ — то есть существ, способных оперировать структурностью самой по себе вне зависимости от материального субстрата, в котором эта структурность воплощена. И вот множества этих существ кластеризуются, как кластеризуются вообще живые существа. Почему — это отдельный сложнейший вопрос для узких специалистов, занимающихся этим всю жизнь и имеющих соответствующие недюжие способности. И кластеризация большого числа обособленных, но взаимодействующих элементов мира категории «разумные существа» и есть этот самый «город». Да, там же не просто «город», а центр города. В данном случае — это понятие, основанное на гетерогенности в том мире самой системы координат. Абстрактной гетерогенности. Это трудно объяснить, скажем так, это не реально существующая гетерогенность, просто так легче систему координат описывать, это почти невозможно представить, в нашей Вселенной ничего подобного нет, и поэтому наше сознание не приспособлено к пониманию подобных явлений. Можно просто поверить и принять как факт. По сути это — категория движения, приложенная к системе координат, как таковой. Так вот «центр» тут — это категория, описывающая элемент системы координат «города». Ладно, пойдём дальше.

— «На кустах вишни появились молодые листочки». — У кого-нибудь есть идеи, о чём это вообще?

— Это явно элементы парка. Только вот что за элементы…

— Правильно, это элементы парка. Это объекты его составляющие. Куст — это такая форма живого существа. Вишня — тип формы живых существ. Эти элементы мира можно структурировать не только по признаку наличия или отсутствия разума, но и по множеству иных признаков, тут перед нами реализация вторично-фундаментального принципа рассматриваемого мироздания — древовидной кластеризации сущего. Это связано с причинно-следственным, эволюционным и иными первичными законами, и если вы когда-нибудь поймёте этот вторичный принцип, вы на очень глубоком уровне поймёте отличие той Вселенной от нашей, в которой древовидный принцип организации практически не встречается. И вот один признак, основанный на каких-то также очень сложных концепциях различия внутренних движений внутри элементов мира под названием «живые существа», привёл к выделению группы этих элементов под общим термином «вишня». И одновременно это — куст. Наверное, не совсем понятно с первого раза, но вы потом ещё поразбираетесь сами. Вообще, вы видите, что почти с каждым словом, по-хорошему, надо разбираться далее, чтоб действительно его понять. Сейчас мы делаем, по сути, краткий экскурс в рассматриваемые понятия, заготовку, по которой вы сможете заниматься дальше.

— А можно вопрос?

— Да, пожалуйста.

— То есть, мы можем описать парк с любой точки отсчёта, в том числе с точки отсчёта камня или куста?

— Теоретически, да. Но обычно за точку отсчёта берётся разумное существо. Потому что подобные тексты составляются с точки зрения разумных существ. Но у нас сейчас много школ, занимающихся познанием того мира с точки зрения и камней и кустов. Поверьте, Вселенная выходит совсем другой. Нам это трудно понять, но, опять же, надо это просто принять.

— А эти кусты тоже пересекают «парк»?

— Нет, они неподвижны, относительно системы координат парка.

— А чем же они отличаются от камней? Я думал — всё живое меняет пространственные координаты активнее неживого.

— Часто это так. Но тут ещё важное значение имеет движение элементов, составляющих живые существа. Именно это, прежде всего, отличает их от неживых существ. Элементы, составляющие

неживые существа, двигаются по-другому.
— Так что, парк — это система пространственных координат, содержащая как обязательный элемент кусты, вишню или камни?
— В основном, первые два элемента. В парке нужны неподвижные живые элементы. Но в описываемом нами парке камни, в качестве необязательного элемента, тоже присутствуют. Следующее: «Появились молодые листочки» — сочетание терминов начинается с понятия «появились». Явление возникновения, столь обычное для той Вселенной и совершенно незнакомое нашей, в которой всё существует единовременно и вечно, является неким продуктом особых форм движения, связанных с принципами множества и единства, различия и тождества. Форма существования некоторых пространственных координат той Вселенной эволюционирует во времени, визуально это проявляется как смена предметов, эти координаты заполняющих. По сути, опять же, это тоже движение. Только в данном случае появление тех самых листьев внутренне обусловлено имманентными именно этой живой структуре формами движения, строго локализованными в пространстве и времени.
— То есть, листья могут появиться только на кусте? Просто в пространстве или на камнях их нет?
— Нет, листья могут появиться только внутри узкого класса живых существ, в который входит и куст.
— А есть ли объекты, листья которых перманентны?
— Нет. Вообще живые существа представляют собой довольно неустойчивые формы движения материи, у них практически отсутствует перманентность и очень проявлена динамическая составляющая.
— А как объект, являющийся внешней точкой отсчёта относительно внутренних форм движения структуры, названной нами кустом, определяет возникновение формы движения, названной нами листьями? Или он знает их появление имманентно? Насколько объект точки отсчета вообще связан с внутренним движением куста?
— Дело в том, что внутреннее движение приводит к появлению листьев, можно, конечно, сводить листья полностью к соответствующей форме внутреннего движения, но реально они представляют собой изменение некоторого объёма внешнего пространства, с которым объект точки отсчёта может непосредственно взаимодействовать, то есть они воспринимаются им так же, как и камни, двумерная плоскость его передвижения или даже он сам.

— То есть, сам куст становится гетерогенен, раз до этого он существовал без листьев?
— Совершенно верно, и гетерогенность в принципе очень характерна для живых существ. Не только для живых, но для живых в особенности. Теперь, термин «молодые» здесь приведён, чтоб обозначить тот факт, что точка инициации этих элементов куста на временной координате находится недалеко от временной точки отсчёта объекта, дающего описание. Опять же, не забывайте про принцип относительности, не далеко — в данном случае относительно всей системы временных координат, описывающих трансформации внутреннего движения куста. Ну, описывать сущность самих элементов, называющихся «листочки» мы не будем, это слишком сложно, вы можете, если у кого возникнет желание, изучить это самостоятельно.
—А как всё-таки объект точки отсчёта взаимодействует с элементами парка, например с кустом, и, в частности, с его листочками?
— Это тема перцепции, она уже была, можете посмотреть в записях. Тема довольно обширна, сейчас мы не можем подробно на этом останавливаться. В данном частном случае точка отсчёта — это живое разумное существо. Значит, скорее всего, первичная перцепция представляет взаимодействие на уровне общего поля электромагнитной энергии, заполняющей открытое пространство описываемой системы координат. Движение отдельных единиц этой энергии преобразуется во внутреннее движение элементов живого существа, являющегося нашей точкой отсчёта, а так как это существо разумное, то и в движение, реализующее операции со структурами в абстрактной форме. Перейдём теперь к следующей терминологической связке. «Из земли пробивается трава». Речь идёт о двух объектах: «земля» и «трава», также составляющих понятие парка, но не специфичных для него. Первое понятие есть та самая условно двумерная плоскость, по которой движется объект системы отсчета, но взятая в своём истинном трёхмерном аспекте. В целом связка «из земли пробивается» очень интересна, поскольку в ней дана информация не только о движении объекта, но и о направлении импульса этого движения, то есть о специфике смены пространственных координат, совершаемых объектом. Термин же «пробивается» свидетельствует о достаточно фундаментальном для рассматриваемой Вселенной феномене, которого мы сегодня ещё не касались. Подумайте, почему множественность, существующая в той

Вселенной, не аннигилируется до некоей универсальной общности? Почему там вообще существуют различные формы движения, иногда локализованные в достаточно узких границах неких пространственно-временных координат? Почему эти движения не представляют собой универсальную однонаправленную смену пространственно-временных характеристик объекта в континууме той Вселенной в целом? Да потому что причинно-следственный закон изучаемого нами мироздания тесно связан с другим законом: законом действия и противодействия, который структурирует то мироздание на самом фундаментальном уровне. Потому то и был подобран термин «пробивается», чтоб показать, что трава в своём общем движении (как отдельный объект) взаимодействует с землёй в целом как с другим объектом, и земля, в свою очередь, изменяет движение травы. Трава же, в свою очередь, стремиться восстановить изначальное направление импульса своего движения, несмотря на временные ограничения, которые накладывает на её движение взаимодействие с землёй. Да, я забыла упомянуть, что за объект такой — «трава». Это просто тоже разновидность живого существа, сходного по организации с кустом. Точнее, с элементами куста, которые мы упоминали, как листочки. Оба объекта, «трава» и «листочки», заметьте, описаны в терминах: один возникновения, а другой направленного движения, так что оба представляют собой новые объекты парка в поле перцепции объекта системы отсчёта. Эта синхронность не случайна и выдаёт некую внутреннюю общность обоих объектов, что является причиной синхронности их возникновения и движения как отдельных объектов относительно внешних систем координат.

— То есть они тоже взаимодействуют между собой, рождая единое действие противоположное противодействию?

— Нет, их синхронность определяется исключительно их природой и в какой-то степени общими формами обусловленности их внутреннего движения взаимодействием с динамичным и меняющимся континуумом, в котором они находятся.

— Можно ли сказать, что они сами являются частью общего изменяющегося континуума, и их движение есть одно из проявлений такого изменения?

— Несомненно. В этом суть единства причинно-следственных взаимодействий в той Вселенной. Если нет больше вопросов по рассмотренной части описания, перейдем к следующему положению.

«В разных частях парка в красивом хаосе расставлены несколько больших камней». Это достаточно сложный описательный комплекс, не знаю даже, как к нему сначала подступиться. Кто-нибудь может сказать, что понимает его полностью?
— Лучше спросите, есть ли тут кто-нибудь, кто в принципе понимает, о чём тут идёт речь.
— Но, во-первых, центральный объект в этой информационной конструкции представляет собой явление всем вам хорошо знакомое, все знают, что такое камень. (Многие утвердительно закивали).
— Есть тут кто-нибудь, кто не помнит, что такое камень? (Молчание).
— Хорошо, пойдём дальше. Прежде всего, в рассматриваемом отрывке идёт речь о пространственном позиционировании ряда отдельных объектов, относящихся к категории камней, внутри системы координат парка. Так? Так. Мы уже сталкивались сегодня с явлением абстрактно-методологического дифференцирования общей системы координат парка на отдельные отличные друг от друга элементы, когда говорили о термине «прохожу». Но там речь шла об изменении пространственно-временных координат самой системы отсчёта, тут же мы говорим о постоянном числе значения пространственно-временных координат, характеризующих каждый камень. То есть, вне зависимости от суммы иных индивидуальных различий, различие их пространственных координат кардинально влияет на взаимодействие их как с объектом системы отсчёта описываемой сцены, так и с другими объектами сцены. Сами посудите, траектория изменения значений пространственных координат объекта, являющегося точкой отсчета, может напрямую зависеть даже от статичных индивидуальных значений координат других объектов. Например, эти значения просто не могут совпадать. То есть, объект системы отсчёта не может иметь в точности те же значения в трехмерной системе координат, что и любой из камней.
— А как насчёт их слияния или расхождения во временной системе координат?
— Во временной системе координат вся рассматриваемая система парка движется синхронно и сливается. Разнородные движения её элементов можно обнаружить только в пространственных системах координат.
— Да в той Вселенной временная координата вообще как-то очень не дифференцирована, я так до конца и не понимаю, зачем она нужна.

— Она становится более интересной при гораздо больших значениях координат, это характерно для систем значительно превосходящих системы типа парка. И, к тому же, её нельзя отделять от пространственных координат, потому что само понятие движения есть смена пространственных срезов, имеющих различные взаимные конфигурации составляющих их элементов, и вектор направления этих смен задаётся именно временной координатой. Итак, камни, являющиеся не обязательным компонентом системы парка, имеют различные пространственные координаты, измеренные исключительно относительно системы координат самого парка, как целого. Они показывают большой разброс внутри этой системы, так что часто оказываются более близки по своим числовым значениям к краям системы координат парка, чем друг к другу. Это всё описывается одним устойчивым сочетанием понятий: «в разных частях парка». Далее уточняются относительные пространственные характеристики самих камней. То есть, каждый камень описывается не одним значением координаты в трёхмерном пространстве, как было бы, если бы он был точкой, а диапазоном значений. Охват диапазона пространственных значений описания каждого камня относительно диапазона значений всего парка и передаёт смысл слова «большие» в данном случае.
— А почему тут не говорится о внутреннем движении камней или об их взаимодействии с объектом системы отсчёта или с поверхностью, на которой они позиционированы? Это, теоретически, можно было бы включить в рассказ?
— Теоретически всё можно включить в рассказ. Природа того мира такова, что любое самое простое явление можно описывать до бесконечности, поскольку каждое явление содержит в себе бесконечную скрытую сложность.
— А чем же определяется включение в повествование ограниченного числа элементов этой сложности, случайным выбором?
— Нет. Скорее всего, в повествования такого типа, как мы разбираем, включаются достаточно устойчивые элементы, проявляющиеся в качествах макроскопических объектов, перцептуально воспринимаемых разумной живой системой и переводимых ей в сферу абстрактных конструкций. С другой стороны, движения элементов должны быть новы для разумного существа, включающего их в повествование, но вы не представляете, насколько это сложный вопрос. Насчёт взаимодействия камней с поверхностью, на которой

они позиционированы, тут вы не совсем правы. Тип взаимодействия всё же упоминается. Они «расставлены». Этот термин довольно комплексный, вы не обязаны его знать, тем не менее, давайте с ним разберёмся. Во-первых, он содержит в себе информацию о том, что взаимное расположение камней друг относительно друга и относительно системы координат всего парка достаточно дисперсно, не кластеризовано. Во-вторых, это не столь очевидно, но данный термин указывает на статичное расположение камней на поверхности парка. То есть, их расположение можно условно описать координатами в системе двух измерений, и эти координаты будут неизменны. Теперь перейдём к самой сложной для понимания концепции этого эпизода: «в красивом хаосе». Концепция эта лежит в сфере интерпретации реальности разумными живыми системами рассматриваемой Вселенной. Хаос есть наиболее вероятное состояние системы в той Вселенной. Чаще всего существует целый ряд вариантов таких состояний, так что под хаосом понимается любое из них. Хаосом можно назвать и взаимное отношение объектов, не связанных между собой причинно-следственными связями, объединяющими их в одно структурированное целое. Так что, если произвольно помещать каждый объект один за другим в систему координат парка, то эти объекты в целом дадут хаос. Как видите — явление абстрактное и чисто произвольное. В нашей Вселенной аналогию хаосу подобрать вообще невозможно. Но разум живых систем способен отличить простые алгоритмы структурирования элементов в системы высшего порядка, такое структурирование он называет упорядоченностью, от базовой, естественной для их Вселенной формы взаимного отношения объектов — хаоса. И эта базовая форма представляется для того разума в чём-то оптимальной, удовлетворяющей представлениям о строении их мира, что они и выражают термином «красиво». На самом деле в системе их разума, появившегося, как и вся их Вселенная, из того же самого хаоса и, потому связанного с ним глубокими внутренними связями, содержится идея идеального хаоса, такого хаоса, в котором нельзя заподозрить просто организованную систему. Эта идея накладывает серьёзные ограничения на хаотичную систему, лишь небольшая часть всех вариантов организации такой системы будет признана как «правильно хаотичная». Поэтому расположение камней в саду нужным образом требует определённого времени и затрат энергии, короче, требует много движений. А действо,

поглотившее много движений, может называться красивым, поскольку в самом факте такой сублимации лежит потенциал созидания и гармонии. Всё, что структурировано в том мире правильным образом, структурировалось там с выделением полученной извне, относительно системы, энергии. Вот такой вот тамошний междуусобчик.

— То есть, правильно ли будет предположить, что когда-то существовало большое множество хаотических комбинаций расположений камней в этом саду, но потом зафиксировалось только одно, и камни стали расставлены?

— Возможно. Это вопрос генезиса, он очень сложен. Потом об этом поговорим.

— А если бы камни были расставлены вне системы координат парка, это был бы красивый хаос?

— Вполне. Камни здесь рассматриваются как самодостаточная структура. Они лишь ограничены системой координат парка, но активно с ней не взаимодействуют. По крайней мере так, чтоб включить это взаимодействие в наше рассмотрение. Готовы перейти к следующей понятийной связке? Итак: «Я срезаю путь и иду по тропинке». Чем отличается эта связка от предшествующих?

Молчание.

Ждём.

— По-моему, там много какого-то движения.

— Правильно, и движение это относится только к объекту точки отсчёта. Вся связка посвящена уже не парку, а только точке отсчёта в системе координат парка. А кто знает, как это можно понять? … По частице в начале связки: «я». Эта частица — ещё один удивительный пример наполненности множеством смыслов, совершенно неведомых в нашей Вселенной. Во-первых, этот смысловой шаблон возможен только во Вселенной, где существует разделение единого универсума на множественность объектов и явлений. И он означает единицу этого множества. Уже этого вы, опять же, не встретите в нашем мире, и многие даже это уже не смогут представить, не так ли? Во-вторых, данный термин одновременно является самоутверждением точкой отсчёта самой себя. Такое возможно при наличии абстрактного рекурсивного микроалгоритма внутри одного термина, замкнутого на самого себя, ну это в нашем мире способен понять даже новорождённый.

— Наконец хоть что-то понятно. Теперь поподробнее. Это

уникальная самоидентификация точкой отсчёта себя?

— Нет. Любая точка отсчёта может себя так назвать.

— А в чём тогда самоидентификация?

— Любая из них может так назвать только себя. А друг для друга у них есть другие определения. То есть, появление этого термина — результат алгоритма отделения себя от мира.

— И камень может так себя назвать?

— Потенциально может.

— А структурные единицы объекта, называющего себя «я», как называют объект в целом и себя в частности?

— Возможно, для них объект в целом — уже не «Я», для них «Я» ограничено самой структурной единицей, которую мы в таком случае ставим как точку отсчёта.

— Значит суть термина «Я» — ограничение и стабилизация цельности точки отсчёта.

— Я бы сказала: точкой отсчёта самой себя.

— Угу, понятно. Очень интересно.

— И вот, хотя ранее мы и так знали, что сцена описывается с точки отсчёта разумного живого существа, движущейся внутри системы координат парка, но если для нас раньше существовала и система координат парка и параметры точки отсчёта в этой системе, то теперь мы как бы обращаем взор в обратную сторону, схлопываем его, инвертируем, мы видим всё то же самое, но система координат теперь полностью сводится к точке отсчёта, ведущей описание, и распространяется уже на все координаты парка. Речь теперь идёт о самой точке отсчёта и её взаимодействии с переменными величинами внешнего пространства. По сути, объективно, мало что меняется, кроме цифр представления действа. Теперь посмотрим, как же выглядит мир с точки отсчёта. «Я срезаю путь». В этом пассаже есть одна маленькая трудность. Так как мы сместились в систему координат отдельного объекта, мы должны учитывать алгоритм взаимодействия с общей системой координат, характерный именно для этого отдельного объекта. А объект в данном случае — разумное живое существо, его восприятие и описание внешних систем очень сильно интерферирует с абстракциями, включающими иногда функции пространства и времени, намеренья или предсказания, но не имеющих ничего общего с реальностью той Вселенной, как таковой. В рассматриваемом смысловом отрезке есть такая предустановленная там и неявная нам концепция, существующая

только в системе оперирования абстрактным и никогда не реализующаяся в реальности — это концепция передвижения внутри системы координат парка. Раньше мы пришли к выводу, что на траекторию движения внутри парка могут оказывать непосредственное влияние только другие объекты, находящиеся там. Оказывается, абстрактная идея парка и абстрактный алгоритм передвижения в нём тоже могут оказывать влияние на реальный алгоритм движения разумного объекта. Эта абстракция представляет собой предустановленную программу передвижения внутри парка, обычно имеющаяся в ней траектория совпадает с определённой текстурой поверхности, по которой происходит передвижение объекта.

— А зачем эта программа вообще нужна объекту?

— Как правило, чтоб исключить любой контакт с объектом «травой», любой, кроме электромагнитного и информационного.

— И он эту программу реализует?

— Ни в малейшей степени.

— Так зачем же она нужна?

— Я же говорила — тот мир бесконечно сложен, загадочен и не познаваем. Но зато факт этого «не следования» выражен в термине «срезаю». По сути, этот термин описывает факт перемещения объекта, не соответствующего абстрактной схеме передвижения, имеющейся в его сознании. И, как правило, реальное перемещение проще схемы, однонаправленней, и разность числовых значений параметров начальной и конечной точки оказываются меньше.

— И как это воспринимается самим объектом?

— Сложно сказать. Как-то влияет на его внутреннее движение. Но при всей сложности того мира, объекты, наполняющие его, стараются эту сложность редуцировать, как могут. Это тоже общемировой закон. Так что срезание — одна частная интерпретация всеобщего закона. Другая часть — закон самоорганизации — сложность создающий, он-то и привёл к появлению сложной абстрактной схемы. Взаимодействие между алгоритмами реализации этих двух фундаментальных законов регулируется ещё одним всеобщим принципом той Вселенной — принципом борьбы и единства противоположностей. «Путь» — траектория движения, все значения пространственных координат, которые занимает объект между моментом позиционирования на начальной и конечной точках траектории. Теперь заметьте, до этого мы прямо оперировали

только пространственными координатами при описании движений в рассматриваемой системе координат. И вот мы добрались до фразы, прямо включающей в себя временную координату: «и иду по тропинке». Основной термин, включающий функцию времени — это термин «иду». Кстати, перед ним стоит другой интересный термин, немногим менее интересный, чем термин «Я» — это термин «и». Это термин, выражающий идею интеграции любой структуры или движения по любому принципу в структуры или движения высшего порядка. Часто абстрактно-условной интеграции. То есть, реального объединения может не происходить, но при рассмотрении ряда явлений полезно бывает группировать их в отдельные множества, это принципы организации бытия в мире, в которых вообще множества существуют. В нашем мире термин «и», конечно же, бессмыслен.

— И что же он группирует в данном случае?

— Он группирует явления отклонения от абстрактной схемы движения по парку и факт реального перемещения, который мы сейчас рассмотрим. Кстати, здесь в этой частице неявно присутствует выражение причинно-следственного закона. Если кто-нибудь поймёт, каким образом он здесь присутствует — сразу зачёт и билет в тот мир на пребывание в виде камня. (В аудитории раздался тихий гул). Далее — основной термин пассажа: «иду». Этот термин описывает специфическую форму перемещения в двумерной проекции трёхмерного пространства живого существа и некоторых форм неживых существ. Форма эта связана с самим алгоритмом движения объекта как целого, мы сейчас останавливаться на ней не будем. Самое интересное в этом термине именно выражение факта текущей смены координат объектом. Не то, что он движется в принципе, то есть, что его описание содержит различные значения пространственных координат при движении по временной шкале, а то, что он именно находится на траектории между начальной и конечной точкой, и смена значений координат происходит именно сейчас, акцент делается на факте процесса смены пространственных координат во времени в данный момент. Термин описывает сам процесс этой смены координат. Далее происходит привязка процесса смены координат к материальному носителю внутри системы парка, «иду по тропинке». Под тропинкой подразумевается область особой текстуры, к которой, теоретически, ну и практически, можно привязать свою траекторию. Генезис текстуры таков: как

вы помните, я уже сказала, что смысл существования абстрактной схемы движения заключается в том, чтобы исключить прямой контакт объектов самой точки отсчёта и травы. Так как идеальный алгоритм не реализуется, то, с определённой вероятностью, можно предположить, что взаимодействие между объектами таки происходит. И это взаимодействие, если оно происходит, принимает форму противодействия. Трава противодействует начальному движению разумного живого объекта. А разумный живой объект препятствует начальному движению травы. Но по таким параметрам, как энергоимпульс движения, скорость, сила гравитационного взаимодействия с планетой, сумма координат занимаемого пространства, разумный живой объект почти не воспринимает противодействие травы, трава же в тех местах, где произошёл контакт с движущимся разумным объектом, вообще прекращает своё движение. Эти участки поверхности парка, в которых внутреннее и затем внешнее движение травы даже не привело к её появлению, и называются «тропинкой». По сути, «тропинка» — это объективно проявляющаяся разность между схемой движения объекта в абстрактной системе координат парка и его траекторией движения в реальной системе координат парка.

— А если абстрактная схема движения внутри парка будет интерферировать с камнем, например?

— Это вряд ли возможно. Абстрактная схема строится после анализа множества реальных и реализуемых вариантов движения. Но, если всё же такое явление предположить, что ж не будет реализована ни реальная траектория движения, ни абстрактная её схема.

— И что же станет тогда с этими схемами? Я не могу себе представить.

— Они останутся перманентно интактны. И движущийся объект выработает другую схему передвижения. Хотя бы по контуру границ объектов, координаты которых перекрываются с координатами местоположения движущегося объекта. Так, теперь перейдём к следующей связке… или сделаем перерыв?

— Да, да, сделаем перерыв!

Я собираю вещи и под шумок выхожу из аудитории, чтоб уже не вернуться никогда. Это безумие. Это невозможно понять. Ни одного слова. Это просто не познаваемо! Какой смысл познавать другой мир, в котором даже элементарные понятия не представимы для нас, из которого ничего не существует в нашем мире. Какой смысл пытаться познать немыслимое?! Мне не сдать зачёт даже для путешествия

туда в виде одной из координат, не то что камня. Пойти сюда было ошибкой изначально. Только время зря потерял. Теперь из своей Вселенной никуда! Вот только гляну на список других исследуемых Вселенных…

Kevin Millet

Я — первый человек, побывавший в своей собственной форме в городе всех городов, там, откуда пришёл к нам этот незабываемый дух никогда не спящего, полного тайн, чудес, открытий, вечно шумного и постоянно меняющегося города без границ. Город, ставший новой формой существования человека, новой реальностью. Таких мегаполисов на Земле несколько, но первый мегаполис появился не в нашем мире. Мир конструкций и отражений, мир переполненности и одиночества, мир вечного обновления, вечный город. Танахрагор — крупнейший город изнанки метакультуры Северо-запада, крупнейший мегаполис мира Игв, который я полюбил много лет назад, открывшийся мне теперь для непосредственного восприятия. Достижения науки игв невероятны. Если извне их мир казался моему глазу бордово-красным, то теперь, после настройки восприятия, мне открылся весь естественный спектр его красок, теперь я могу вдохнуть его запах, услышать его звуки, прикоснуться к его стенам, встать собственными ногами на его землю. Любимый город.

Туннель

Это удивительное ощущение четырёхмерного пространства, мир стал неизмеримо насыщенней, каждая единица пространства будто включает неизмеримые дали, можно стоять и любоваться окружающимвечно.Фантокосмогоничностидобавляетсмещающаяся точка приложения силы тяжести. Достаточно перейти на одну из вертикальных стен, как весь мир переворачивается. Небоскрёбы, уходящие в небеса и заключавшие тебя в колодец, вздымающийся к облакам, становятся туннелем, заканчивающимся светом. Когда я впервые встал на вертикальную стену здания и перевернул мир, у меня случилось deja vu. Будто я видел уже всё это, стоял здесь, в начале туннеля, созданного стенами монстроподобных стеклянных небоскрёбов. Может во сне. По стенам разрешено ходить не везде, о чём говорят знаки, нарисованные по периметру зданий, но здесь можно. Подул холодный воздух, туман начал тяжёлыми хлопьями наполнять пространство, стелиться по стенам, втекать в туннель из соседних улиц, свиваться турбулентностями вокруг углов зданий.

Свет, спускавшийся из конца туннеля и проникавший из боковых улиц, многократно отражаясь от зеркальных стен, расчерчивал туман каустическим ансамблем лучей, тёмных и светлых линий, оптических линз и светлых точек, ставших видимыми в густом тумане. Вскоре стемнело, и небоскрёбы вспыхнули искусственным светом, разрисовав туман голубыми, белыми и жёлтыми пятнами. Ассиметричный узор загорающихся и потухающих окон, уходящий куда-то вдаль, завораживал своей масштабностью. Я оттолкнулся от земли и медленно полетел. Бесконечные светящиеся окна неспешно проплывали со всех сторон вокруг меня в тумане и всё не кончались, а я всё летел и летел…

Рассвет

Если вечерний город потрясал меня необъятностью и красотой, то не менее прекрасным был и рассвет. Мы вышли из дома заранее, когда небо только стало светлеть, и пошли выбирать место, которое я хотел бы увидеть в лучах восходящего солнца. После часовых блужданий я выбрал наиболее открытый вид. Огромный проспект, уходящий за горизонт, ограниченный стенами чёрно-белых небоскрёбов, иногда правильной прямоугольной формы, иногда многогранных как кристаллы, со скошенными гранями, игольчатых или алмазоподобных. Выделялось одно прозрачное здание, светлевшее вместе с воздухом и постепенно наполнявшееся крошечными двигающимися внутри него игвами. Приглушённые звуки просыпающегося города гармонировали с пастельными цветами утреннего полумрака. Какие-то далёкие редкие монотонные удары расходились по громадам улиц, ритмично наполняли улицы эхом, соединяя город в одно звуковое целое. Наконец, из-за крыш небоскрёбов появился первый яркий луч, ещё через несколько секунд стал виден кусочек солнечного диска. Матовые утренние цвета сменились феерическим блеском зеркальных, стеклянных, металлических и каменно-глянцевых отражений. Невозможно описать словами игру света и тени этих городов. Я стоял как заворожённый, пока солнце совсем не взошло. Говорят, самые потрясающие оптические эффекты были рассчитаны и спроектированы архитекторами города специально. Когда стало совсем светло, непрекращающийся поток летящих машин погасил свои огни и начал поблёскивать в естественном свете первых утренних лучей, поворачиваясь почти боком к земле на самых

крутых виражах. Звуки стали громче и звонче. Улицы наполнились миллионами игв.

Угол мира

На пресечении четырёх центральных улиц города есть зеркальный небоскрёб. Он относится к одному из самых больших зданий мегаполиса, но знаменит он не только этим. Все его конструкции и окна скрыты под визуально монолитной и зеркальной снаружи поверхностью. Поверхность действительно зеркальна и, не зная, что перед тобой стена, можно решить, что там продолжение улицы. С непривычки осторожно ступаю на зеркальную поверхность. Мир поворачивается. Мы медленно идём вдоль угла здания. Проходим через воздушный слой несущихся машин. Вскоре шум города начинает затихать, оставаясь позади. Ощущение, что идёшь по воздуху, не исчезает. Небо сверху и небо снизу. Под ногами невидимая, но твёрдая плёнка, натянутая в пространстве. По сути, ступаешь в небесах. Далеко вверху и в пропасти под ногами стены соседних небоскрёбов. Но достаточно ступить за угол, как мир снова переворачивается, отражаясь теперь по-другому, будто вступаешь в другое пространство. Угол здания визуально образует нереальный угол преломления самого пространства. Идём дальше. Соседние небоскрёбы остаются позади, мы подходим к крыше. Теперь мы идём среди облаков. Облака со всех сторон. Будто небо, ставшее твёрдой и гладкой поверхностью, разделило небосвод на две половины, и нижняя половина осталась под стеклянной поверхностью, по которой мы сейчас ступаем. Да, возможно, только в этом мире можно прогуляться по небесам.

Индустриальный район

В индустриальном районе переплетение зданий и конструкций достигло такого масштаба, что превратилось в многомерный город без земли и неба. Бесконечные дорожки, дороги, целые автострады и аэрострады, прицепные дороги, лифты, скользящие во всех направлениях среди титанического размера конструкций. Когда низ всегда под ногами, на какой бы поверхности ты не стоял, появляется бесконечное разнообразие точек восприятия окружающего. Некоторые дороги входят прямо в здания, оказывающиеся изнутри подобны сыру, представляя собой уменьшенную версию всего индустриального района — конструкты

здания подвешены среди внутренних площадей, пересекаемых внутренними дорогами и соединёнными лифтами и виадуками. В места с самым фантастическим видом выходят смотровые площадки и балкончики. Мы определяем где, всё же, должно быть небо, и двигаемся по системе пересекающихся дорожек в том направлении, иногда погружаясь внутрь зданий, проходя через бесчисленные внутренние улицы, и выходя вновь на поверхность. Через полчаса мы выходим к небу. Из моря колышущихся низких облаков выступают макушки леса индустриального района. Ощетинившиеся острыми углами сверкающие кристаллы зданий, шпили и шаровидные смотровые площадки. Хаотическое нагромождение индустриальных конструкций самых фантастических форм, о которые разбиваются волны тяжёлых облаков. Я иду к вершине одной из конструкций. Сбоку, под углом девяносто градусов к ней подходит острый угол другого здания, покрытого квадратами тёмного стекла, так что здания почти соприкасаются своими вершинами, перпендикулярными друг другу. Дохожу до края, встаю на цыпочки, чтоб дотянуться рукой до вершины соседнего стеклянного здания. Подо мной — бездна.

Труба

Огромная вентиляционная труба на вершине индустриального района создаёт поток среди облаков. Заклёпки, скрепляющие части трубы размером с мою голову. С этой трубы открывается замечательный вид на весь город, в том числе на его центральную часть. Индустриальный район остаётся позади, впереди вдалеке — центр города с центральным зданием мегаполиса — гигантским сталагмитом с тянущимся в небо вокруг него лесом самых высоких небоскрёбов. Слева от центра — исторический район с частично разрушенными и уцелевшими старыми зданиями, пережившими шрастрические войны времён рождения уицраора Западной цивилизации, справа — жилые районы с самыми большими храмами, светомузыкальными залами, торговыми центрами, площадями, на которых каждую ночь проходят потрясающие масштабные представления. Этот район ярко выделяется среди других районов города тысячами прожекторов и объёмных световых картин, появляющихся в небе над ним после заката. Мой друг игва указывает в разные части простёртого до горизонта гигантского города и рассказывает о его истории и современной структуре. Потом мы «вращаем мир», медленно обходим вокруг трубы, так что

вектор притяжения плавно непрерывно смещается и, кажется, что весь мир медленно вращается вокруг нас.

Сколько ещё чудес скрывает этот город, который можно познавать бесконечно, никогда не познав до конца. Я хочу посвятить ему свою жизнь. Жаль, мне некому рассказать о нём, пока некому. Надеюсь, другие люди рано или поздно откроют для себя этот мир, и их станет столько, что мне удастся показать кому-нибудь из них мой город и подарить им его маленькие секреты, в россыпи которых скрывается его дух, дух Танахрагора. Ветер, который всегда дует возле трубы, принёс запах ночи.

Поезд

Представьте, если бы вы были миллиардером, что бы вы такое сделали, необычное и для души? Я вот завёл собственный поезд. Не знаю, как в других странах, а в России это развлечение определённо на любителя. Да, определённо. Здесь нет ни инфраструктуры для частных поездов, ни менталитета для вообще каких-либо поездов. Уровень ответственности и упорядоченности русского сознания не позволяет создать бесперебойно работающую железную дорогу. Даже пассажирские электропоезда постоянно то опаздывают, то вообще не приходят, что же говорить об одном единственном в стране частном поезде, когда каждому новому диспетчеру, который, как всегда, свалился в диспетчерскую прямо с луны, приходится сначала доказывать, что это не розыгрыш. Потом уговаривать, чтоб нашёл в расписании момент, когда он может пропустить по нужной нам ветке наш поезд. Диспетчер, как ярый приемник нации царьков и анархистов в одном лице, не зная нас, уже нас ненавидит, по определению, поэтому говорит, что, пожалуй, пропустит нас дней через пятнадцать, когда сезон закончится, и расписание снова зачем-то поменяют. Мы вежливо доказываем ему, что мы уже стоим, готовые к отходу, и нас бы пропустить прямо сейчас, ну или хотя бы в течение суток, но никак не в течение сезона. Для переговоров с внешним миром я специально держу на полной ставке железнодорожника-логиста, он ничем не занимается кроме переговоров с русским народом, и, признаюсь, плачу я ему больше, в два раза, чем машинисту, и в три раза больше, чем технику-второму машинисту и уборщице-снабженцу. Не смотря на добровольно назначенную мною высокую оплату его труда, мне его очень жалко. Я считаю, долго на такой работе работать нельзя ни за какую плату, это что-то вроде работы грузчика. Да, я не договорил, чем обычно заканчиваются переговоры с диспетчером. Или он отсылает моего бедного логиста по кругам ада, зная, что пообъясняв день другой десятку столь же тупых и агрессивно настроенных человек из разных инстанций, кто мы и что нам нужно, мы снова вернемся к нему, и тогда он, злобно на нас ругаясь и унижая, таки согласится пропустить, при этом из этих инстанций ему никто даже не позвонит, наш круг ада нужен был ему лично для хоть какого-

то морального самоудовлетворения и утешения комплексов его больной угробленной жизни, он даже не дослушает нас, когда мы будем рассказывать нашу эпопею обзвона инстанций, ему важен сам факт, что эпопея была, и он слушает лишь несколько секунд, пока не оценит масштабность проделанной моим логистом работы. В лучшем случае, диспетчер не отдаёт возможность попытать моего логиста никому извне, пытая его сам. Тут ему надо почувствовать, что только от него зависит, тронется ли чей-то богатенький частный поезд с места, что он хозяин этого поезда в большей степени, чем я, так что сначала он наотрез отказывается нас пропустить и некоторое время наслаждается полной победой, в восторге созерцая бездвижный частный поезд, как убитого им самолично слона. Этот алгоритм поведения даёт ему ещё один моральный бонус — возможность, поглумившись над нашим трупом, проявить поистине царскую милость и как холопов пропустить-таки нас с очей его царских долой. Да, есть ещё третий вариант событий, самый хлопотный, когда логисту приходится ехать куда-то самолично, дабы писать какие-то бумажки. Но, в среднем, в течение суток мы таки трогаемся. Забыл упомянуть, что в штате поезда есть хороший юрист, хотя достаточными юридическими знаниями для решения повседневных трудностей обладает и логист, но настоящий юрист подключается, когда разыгрывается четвёртый сценарий, согласно которому нас без взятки просто никуда не пропускают. Юрист — это тяжёлая артиллерия, он не ездит с нами, но он всегда на связи и может выехать, куда нужно в любое время дня и ночи. Кстати, подозреваю, что наши трудности передвижения по российским железным дорогам обусловлены в большей степени нашей безусловной установкой не давать взятки. То есть, если нас решат-таки погубить навсегда, занявшись прямым вымогательством, я просто оболью бензином поезд, подожгу его и придумаю себе новый оригинальный способ передвижения. Обычно я во все эти трудности не вникаю, логист просто сообщает мне, сколько мы примерно будем стоять и когда тронемся. Пока мы стоим, техник осматривает основные узлы поезда, а снабженец ездит делать закупки.

Пора описать, что представляет собой мой поезд. Первый вагон, совмещённый с тягачом, который может работать и как паровоз, и как электровоз, занимает персонал поезда, у каждого своя красивая, просторная уютная комната и общий зал. На крыше первого вагона установлены камеры, снимающие трёхмерное видео

и фото в высоком разрешении, которое, реконструированное и обработанное, передастся проекту Google Street view, так что можно будет повторить наш путь по железной дороге в Google maps, также оно будет выложено просто в качестве видео на различные трекеры и на Youtube, 3D будет реализовано в некоторых других проектах, в которых можно будет виртуально пропутешествовать с нами в 3D среде. Второй вагон разделён на три большие залы — три комнаты с современным интерьером, которые я сам выбирал, они служат мне одновременно и кабинетом и спальней, с уютными креслами и диванами, с овечьими шкурами на полу и камином, с библиотекой и мультимедийным центром, подключенным к высокоскоростному спутниковому интернету. Почему комнаты три? Я люблю разнообразие, комнаты очень сильно отличаются по планировке и стилю, и я живу то в одной, то в другой, то в третей. Однообразие мне быстро приедается. К тому же, там живут мои друзья, если мы путешествуем вместе, а такое случается довольно часто, особенно летом. Третий вагон — одна большая уютная и просторная зала с лазерами, дым-машиной, огромным экраном, двумя проекторами, лучшей аудио системой, которую я вообще нашёл в этом мире, баром, разбросанными везде пуфиками, в которых можно утонуть. Понятно, что в этой зале можно веселиться всем вместе, там просторно, красиво, часто бывает шумно и сказочно. Иногда, проезжая ночью среди бескрайних унылых полей, лесов и пролесков, я прихожу в этот зал, включаю лазеры, заполняющие комнату хаотично блуждающими огоньками, включаю дым-машину, забиваю марихуаной кальян и включаю музыку на такую громкость, которую только способно выдержать моё тело. Интересно, как тогда выглядит мой поезд оттуда, из непроглядной тьмы, из бескрайних полей, лесов, болот и пролесков? Иногда, если снаружи лето, я открываю окно, ветер с упоительным запахом природы бьет мне в лицо и наполняет мои лёгкие. Этот запах лета смешивается с запахом моего вагона, марихуаны, кальяна, ароматных палочек, рождая эйфорическое сочетание, дающее мне ощущение счастья. Четвёртый вагон — моя передвижная автостоянка — джип, легковушка, три велосипеда и мини мокик. Там же, по периметру идёт балкончик, сидя на котором можно смотреть на уходящий вдаль пейзаж. Прямо на балкончике есть бар, потер, кофеварка, диванчик с одеялами.

Обычно я путешествую в тёплое время года, но в зимних путешествиях тоже есть своя неповторимость. Иногда мы выезжаем

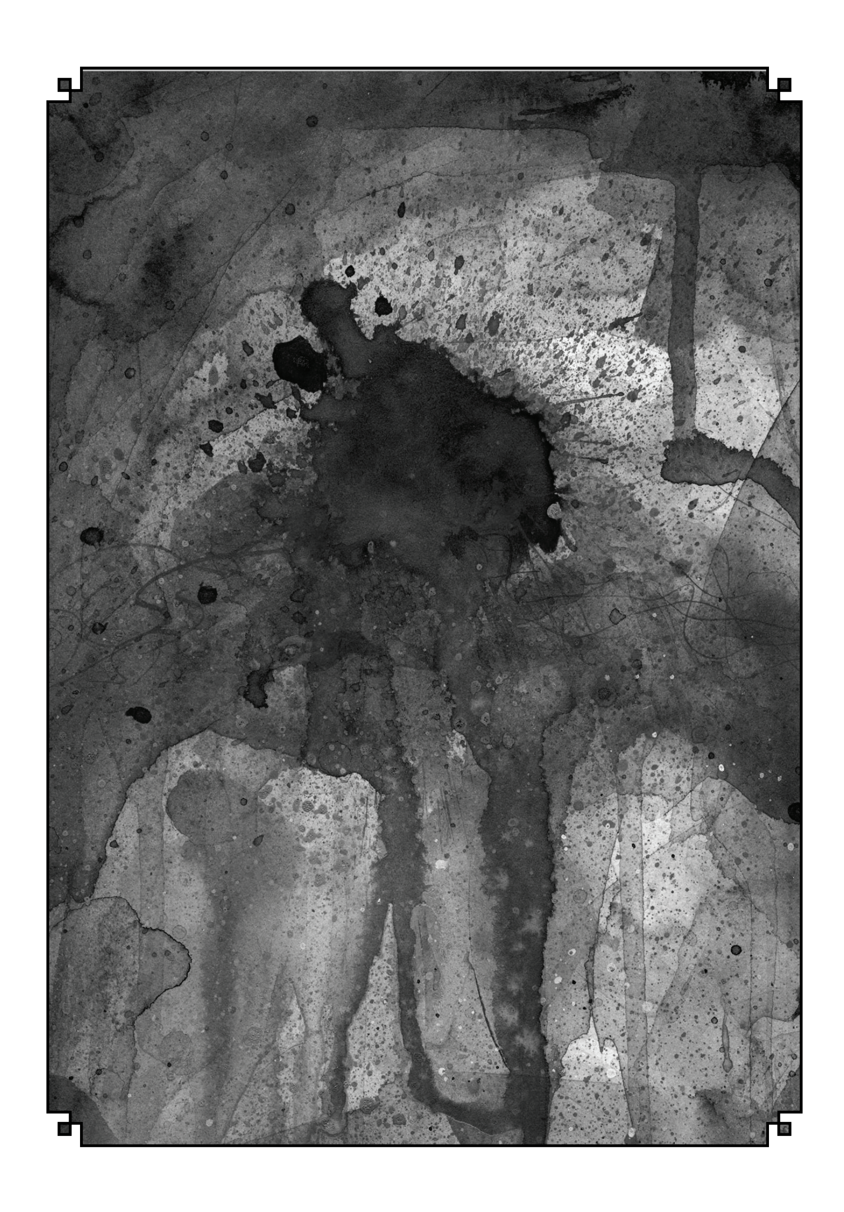
вглубь страны и можем пропутешествовать от полумесяца до месяца, из-за задержек невозможно точно предсказать дату возвращения, а иногда отправляемся по уже знакомому маршруту до любимого мною Хабаровска. На полпути от Владивостока до Хабаровска есть любимый мною тупичок. Мы сворачиваем туда, где давно не ступала нога человека, только где-то поодаль проносятся другие поезда. Я развожу костёр, готовлю морепродукты и овощи, жарю на палочках mashmellow, вешаю баночки на берёзы, чтоб набрать берёзовый сок, я уже всё знаю в своём тупичке. Знаю, где гнездо синиц, а где живёт семейство ёжиков, где прячется большой полоз, которого я даже научился кормить. Конечно, при мне он не ест, но я устанавливаю видеокамеру и ухожу. Ночью дым костра отгоняет комаров, слабо светятся окна поезда, иногда мы натягиваем тент, зацепляя его прямо на рыло поезда, и располагаемся на рельсах, расставив перед поездом кресла, а иногда уходим в лес, на поляну, если же пройти минут семь, можно выйти к лесной речушке, в которой можно поймать неплохую рыбу и искупаться, но у речки гораздо больше комаров, чем на поляне. Я придумал, как обогревать речку — мы протягиваем от поезда до самой речки провода, и опускаем в воду шесть-десять огромных нагревателей, защищённых цилиндрами из мелкой сетки, так что к самим нагревателям ни какая живность проникнуть не может. Нагреватели отрегулированы так, чтоб смесь холодной и нагретой воды, выносимая течением из цилиндров, не была выше 45 градусов. Быстро перемешиваясь, вода становится достаточно тёплой, но не опасно тёплой для обитающей в ней живности. Когда надоедает кормить комаров, я перехожу в вагоны, окна которых, кстати, открываются настежь, а практически полностью стеклянная стена дискотечного вагона поднимается совсем, превращая вагон в открытую террасу. Это немножко мажорство, именно поэтому я предпочитаю сидеть на шпалах или кормить комаров в лесу, но иногда можно и помажорничать. Видели бы вы, как среди безлюдных лесов под космическую музыку стелящийся дым стекает с белых пушистых овечьих шкур на полу вагона, будто это сами шкуры превратились в дым и скрылись под колышущимися его волнами, стекает водопадом на рельсы, стелется по траве, а лазерные зайчики разбегаются по лугам, деревьям и окружающим пролескам, превращая всё окружающее в часть нашего мира. Музыка несётся к звёздам у нас над головой, какой-нибудь ночной сверчок залетит к нам в гости, утонет в тридцатисантиметровом тумане, и,

перемещаясь прыжками по вагону, время от времени выпрыгивает из него, чтоб сориентироваться в пространстве. В последнее время я увлёкся новым искусством — расставляю в окружающем природном пейзаже тысячи фонариков, превращая деревья, болотца и целые поляны в сказочную мистерию. Иногда это просто диодные лампочки, которые подключены к скрытой невдалеке солнечной батарее, иногда это садовые фонарики, каждый из которых имеет собственную солнечную батарею и аккумулятор, иногда это просто кусочки флуоресцентного пластика. Накопив достаточно энергии — феерия света продолжается несколько часов после заката. Электронные рыле могут создавать мигание лампочек — вразнобой или общими волнами, кругами и спиралями. Уходящие вдаль светящиеся берега речушек, болотные кочки и заросли осоки, под которыми притаились скопления болотных огоньков, холмы и поляны, превращающиеся в целые грандиозные световые пейзажи, вспыхивающие нежным светом деревья, манящие огоньки, уходящие в чащу и светящиеся то там, то здесь призрачным светом. Важно найти интересное цветовое решение. Иногда разноцветные огоньки образуют общую феерическую картину, иногда один цвет потухает, медленно сменяясь другим, а иногда световая сцена охватывает сразу несколько полян и пролесков, каждый из которых светится собственным цветом, так что, проезжая мимо, попадаешь сначала в жёлтую, потом в зелёную, а потом в синюю сказку. И каждая кажется самой прекрасной и удивительной. Все огоньки, кроме тех, что питаются от электричества поезда, то есть все огоньки со способностью к автономному свечению я оставляю, пусть проезжающие в поездах ночами любуются ими тоже. Они будут работать, может месяц, может сезон, а может год. И даже если большинство из них потухнет, отдельные огоньки будут видны то тут, то там ещё очень долго. Конечно, это не относится к огонькам, работающим от общей солнечной батареи, тут их срок жизни будет определяться только сроком жизни этой батареи. Но и в этом случае батарея раньше покроется слоем пыли, чем сломается, что сделает огоньки более тусклыми, но не потушит их совсем. Моя новая идея, которую ещё не видел никто из моих друзей — я распыляю разноцветный флуоресцентный порошок на окружающий природный пейзаж. Разноцветный и моноцветный, пятнами разной интенсивности, тропинки, уходящие в чащу, выхватывая отдельные растения, освещая берега озёр или саму воду или покрывая

равномерно весь пейзаж, а также художественно совмещая все эти техники. Простор для творчества невероятный. На освещённом пейзаже даже выделяются движущиеся тёмные силуэты ночных птиц, кроликов, ёжиков и ящериц. Освещение такого пейзажа световым прожекторным лучом разной ширины и интенсивности рождает световой след, который живёт то или иное время, так что лучом на пейзаже можно рисовать целые картины на траве и листве деревьев. Картину можно проявить и почти мгновенно, спроецировав мощным проектором готовую картинку, которая останется после выключения проектора. Правда, чтоб изображение было не инвертированным, картинка должна быть инвертирована. Прожектором же можно разрисовывать пейзаж, равномерно покрытый порошком, который уже перестаёт светиться. Освещая направленно те или иные объекты — деревья, кусты, берега, можно экспериментировать с композицией сцены, как бы изменяя план освещения картины, выбирая наиболее красивый вариант. Лазеры же оставляют на пейзаже сложнейшие упорядоченные узоры или постепенно заполняют пейзаж хаотическими переплетениями. Флуоресценция, вызванная лазером, отличается особенной интенсивностью и чёткостью паттернов, поскольку луч лазера очень узконаправлен и интенсивен. Сочетанием всех доступных техник можно сделать совершенно невероятное представление. В планах у меня — разработка салюта из распыляемого флуоресцентного порошка и гранул. Вспышка света при взрыве такой петарды осветит мощным светом смешанный с порохом светящийся порошок, который будет медленно разрастаться светящимся облаком, плавно опускаться светящимся снегом или рисовать в воздухе светящиеся цветы, опадающие светящимся дождём. Кстати, про дождь, знаете, как выглядит этот светящийся пейзаж, когда порошок смывает дождём? Абсолютно правдоподобное ощущение, будто плавится мир! Оставшиеся тёмные силуэты не видны в темноте, кажется, что сами эти предметы начинают течь, растворяются, капают и оседают, превращаясь в призрачные потоки собственных стекающих тел. Когда этот арт-проект будет готов, я вывезу на него всех своих друзей.

Хотел ещё рассказать о том, как чудесно прокатиться между городами зимой, когда за окном мороз, монотонно постукивают по рельсам колёса, а внутри тепло, горит огонь в камине, и мягкая шерсть ласкает тело. Поезд останавливается, и ты голышом

ныряешь в снег — адреналин, как от прыжка с парашютом. Или о том, что представляет из себя мой любимый тупичок зимой, когда там скапливается слой снега толщиной в два с половиной метра, и прямо от двери вагона можно прорывать в снеге ходы, а потом обустраивать под снегом целые квартиры с множеством комнат, проводить туда свет, раскладывать на снегу шкуры, разбрасывать по шкурам пуфики-мешки, натащить сверху пушистых одеял и устраивать пир с горячим глинтвейном и кальяном. Но уж устал рассказывать, мой поезд — это мир несчётных чудес. Кого взять с собой в путешествие — обращайтесь, быть может, прокатимся вместе :).



Флирт

Флирт — манера поведения, привлекающая внимание. Разновидность коммуникации, как "игры" (когда примеряются определённые роли или модели поведения, отношений). Флирт — чаще интеллектуальная игра. Иногда служит прелюдией к сексу, иногда является выражением симпатии, в некоторых случаях является привлечением внимания, просто игрой, развлечением. Выражается в обмене знаками внимания, в том числе подмигиваниями, жестами. Флирт состоит из четырёх основных частей: игра, искренность, импровизация, интрига. Так же при флирте желательны азарт, независимость партнёров, открытость, интерес к другому человеку, быстрая реакция, широта знаний, юмор, не зацикленность на результате.

Если бы вы знали, как широко оказывается это определение, если мы посмотрим на технику флирта в разных мирах, какие разнородные явления, оказывается, можно объединить одним и тем же определением, не утрачивающим своего смысла от невероятных различий его практических реализаций.

Люмены

Это двумерный мир, напоминающий чем-то цифровой мир простенькой компьютерной игры, развёртывающейся на экране монитора. Тем не менее, его простота обманчива, мир этот не проще любого трёхмерного мира, он эволюционирует уже не один миллиард лет, по нашему летоисчислению, и населён частично осознающими себя существами, устанавливающими разнообразные межличностные отношения. Главный жест, показывающий само намеренье начать флирт — это появление комбинации из трёх квадратиков меняющих свою взаимную конфигурацию на очищенном от квадратиков пространстве тела двумерного существа. Ритм изменения конфигурации, так же, как и геометрия самих конфигураций, представляет собой очень сложный интуитивно воспринимаемый другим существом алгоритм, зависящий от социальных и личностных особенностей флиртующих. Положительным ответом на флирт, как бы ответными жестами, поддерживающими игру, служит

появление у отвечающего комбинаций из трёх квадратиков, но не отделённых пространственно от тела и имеющих немного иную цветовую гамму. Изменения геометрии триплетов квадратиков не синхронизированы, но у отвечающего существа чаще проявляется тенденция выстроить их в линию. Постепенно триплеты обоих существ выстраиваются в линию, перемещаясь и флуктуируя в ограниченном пространстве преимущественно в такой форме. Если появился четвёртый квадратик и триплет замкнулся, значит что-то пошло не так, и контакт оказался нарушен. Это случается, если один из флиртующих выберет случайно не очень принятую, не этичную или не красивую комбинацию триплетов. Если игра идёт успешно, партнёры по флирту начинают доверять друг другу, это выражается в изменении топологии их двумерных тел. Тела как бы закипают, в них появляются полости, пузырьки, перемычки, которые сливаются или разделяются. Доверие заключается в поддержании топологического числа своего двумерного тела, кратного топологическому числу партнёра. Такое поведение характерно для очень многих контактов, но флирт отличается именно специфичной топологией «вскипания». При этом абсолютно необходим некий топологический «свинг», запаздывание или опережение в формировании конструкций разной топологии, лёгкие, как бы ошибки в формировании паттернов, которые отличают неформальное поведение от формального. Интрига начинается, когда паттерны, формируемые одним из партнёров, начинают, на первый взгляд, резко диссонировать с конструкциями другого партнёра. На самом деле они остаются связанными с ними более сложными связями, являясь их производными второй и третьей степени, другой партнёр, озадаченный, несколько снижает свой ритм и должен вычислить алгоритм, а потом понять, не является ли найденная им взаимосвязь статистически достоверной, то есть, действительно ли другой имел в виду эту взаимосвязь, или она возникла случайно, и имело место лишь резкое нарушение игры. Когда же двумерные окружности начинают отделяться от тел партнёров, значит флирт либо заканчивается, либо переходит в фазу более серьёзных отношений. Это зависит от того, сольются ли хотя бы пара окружностей, выпущенных партнёрами. А это зависит, в свою очередь, от сложного танца самих окружностей, контролируемых существами лишь отчасти. До момента слияния ни одно из существ точно не знает, чем закончатся отношения. После

слияния и аннигиляции хотя бы двух окружностей происходит полная мгновенная топологическая перестройка обоих организмов.

Роттаги

Роттаги — обитатели довольно тяжёлого грубоматериального мира, который нам, несмотря на это, видится лишь в виде полей стабильных энергий. По сути, мы воспринимаем только незначительную часть их субстанции, их реальная организация сложнее, чем можно видеть, наблюдая за их полевой структурой, но и на уровне полей флирт двух роттагов — зрелище очень интересное. Колебание их полей начинается ещё до того, как в них сознательно оформилось желание пофлиртовать друг с другом. Это колебание свидетельствует, что скоро начнётся флирт. Почему же такой грубый маркер флирта не перебивает саму идею пофлиртовать? Потому, что он крайне не специфичен, колебание полей является предшественником многих взаимодействий, и интерпретировать его можно по-разному. Флирт роттагов отличается противоестественной для нас искренностью, то есть мы часто, флиртуя, сами подразумеваем не то, что говорим и делаем, энергетические поля роттагов же крайне чутко реагируют на каждое желание, мысль или намеренье, и при этом отлично видны партнёру. Поэтому роттаги приспособились вживаться в роль в лучших традициях системы Станиславского, самозабвенно исполняя игру флирта так, будто это совсем не игра, а правда. Как же они не теряют общий план игрового поведения? Остатки истинного намеренья и память об общем плане игры сосредотачиваются в очень маленькой зоне их сознания, что соответствует одному яркому пятнышку в их энергоструктуре, топология полей внутри этого пятнышка, конечно, может быть разобрана партнёром, но само усиленное сосредоточение партнёра на этой зоне их энергетического тела приведёт к изменению в поле сосредотачивающегося и станет видно другому партнёру, а это поведение строго табуировано и считается в высшей степени непристойным, так что оба партнёра искренне делают вид, что им не интересна структура переплетения полей в ключевом узле внутреннего контроля игры друг друга. Даже если на небольшом пространстве находится большое число роттагов, вы сразу сможете заметить, кто из них с кем флиртует. Для этого стоит внимательно понаблюдать за спиралевидными завихрениями полей, возникающими беспрерывно в разных частях

их энергоструктуры. Среди этих спиралей появляются те, что как бы дополняют друг друга, когда, например, одна спираль в энергополе одного существа уходит вниз, у другого существа в тот же момент и в той же точке, где исчезла спираль первого существа, появляется идентичная ей по цвету, размеру и амплитуде спираль, движущаяся с той же скоростью и в том же направлении. Случайные единичные совпадения, конечно, случаются постоянно, и на них никто не обращает внимания, но в случае флирта, закономерность становится устойчивой. Конечно, не все роттаги и не всегда сами замечают периодичность, но в тот момент, когда два роттага установили между собой связь, и оба убедились, что связь действительно существует, они моментально её разрушают, поскольку эмоциональное воздействие от такого открытия слишком сильно, оно вызовет слишком яркую вспышку в энергетике, которую заметят все. И, хотя связь сразу разрывается, энергоструктура уже не возвращается в прежнее состояние. Внутренняя симметрия между существами осталась. Теперь, если проанализировать спектры частот энергетического тела синхронизированных роттагов, то мы найдём чёткую корреляцию их энергетических флуктуаций. Энерготела начавших флирт роттагов становятся ассиметричны, слегка смещаясь то в направлении друг друга, как бы притягиваясь, то в направлении друг от друга, будто отталкиваясь. Далее, если роттаги свободно перемещаются по своим делам в пространстве, их движения, совершаемые вразнобой, имеют общую компоненту, между ними можно найти синхронность, как будто они на самом деле танцуют парный танец, но иногда этот танец становится антирезонансным. Вообще — это общая отличительная особенность флирта роттагов — корреляции в ней резко сменяются антикорреляциями, притяжения отталкиваниями, синхронность — антисинхронностью. В конце концов, между ними навстречу друг другу протягивается тончайшая, почти не заметная энергетическая нить, но их нити не соединяются, они продолжаются дальше партнёра по флирту, обходят его по изогнутой траектории, иногда случайно захватывая в кольцо ещё несколько существ, и возвращаются назад к хозяину. Флирт может продолжаться сколь угодно долго. Иногда он захватывает сразу три или четыре существа, хотя синхронизировать свои энергоструктуры таким замысловатым образом, подстраивая их сразу под двух-трёх собратьев крайне сложно, и часто в процессе игры лишние выбывают из неё. Когда корреляции или антикорреляции параметров энергоструктур

перестают сменять друг друга, и корреляция или антикорреляция стабилизируется на какое-то время, это уже нельзя считать флиртом, оба существа осознают это, и флирт заканчивается, становясь другой формой отношений, как правило, уже прекрасно видимой всем. Самое интересное, что когда именно произойдёт этот критический переход, сколько должна продержаться неизменной корреляция, чтоб он произошёл — на эти вопросы невозможно ответить. Это может произойти почти мгновенно, а может не произойти никогда, поэтому, чем закончится флирт, и когда он закончится никому заранее не известно и предсказать невозможно.

Стропиты

Стропиты — существа обладающей такой же материальностью, что и люди, мало того, их можно назвать биологическими формами жизни. Мир тёплых болот, способствующий бурному развитию всех форм органической жизни. Стропиты — удивительно непосредственные существа, тем не менее, флирт развит у них в той же степени, что и у всех других разумных существ во Вселенной. Партнёров для флирта стропиты находят бессознательно и безошибочно. Сложный мир химических веществ, выделений, феромонов, продуктов обмена, быстро распространяющийся во влажной тёплой среде — лучший путь передачи информации от одного живого существа другому. Визуальный же контакт может только помешать адекватному восприятию стропитами друг друга, поэтому они прогуливаются тёплым вечером по болотистым речушкам с закрытыми глазами, распространяя вокруг себя умеренно-нейтральный запах, внимательно «прислушиваясь» к химическому составу окружающей среды. Когда стропит находит понравившегося сородича, он резко ныряет и проплывает под ним. При этом химический состав его выделений меняется. Важно, что при этом другой стропит чувствует не только химический состав выделений первого, но и химический градиент их, направленный снизу вверх, этот элемент интриги необходим при флирте, иначе, без этого, какой же тогда может быть флирт? Микроволны физиологических ритмов порождающих импульсы, выделения феромонов достигают партнёра, и его сверхчувствительная кожа чётко выделяет их паттерн даже в хаосе движений воды. Зоны мозга, обрабатывающие обонятельную информацию, развиты у стропит лучше всех прочих. Но у феромонов флирта есть одна особенность

— они, можно сказать, горькие и сладкие одновременно. Поэтому они выражают заинтересованность и симпатию с одной стороны, и пренебрежительную самость с другой. При том, это не смесь двух разных феромонов, что было бы сразу распознано партнёром, это действительно одно химически цельное вещество, что не даёт возможности партнёру однозначно на него отреагировать. И партнёр сворачивается в трубочку и идёт на дно. Оставляя над собой столб углеводных полимерных молекул, быстро разбухающих и превращающихся в столб слизи. Если бы исследователь занялся изучением обонятельной коммуникации стропит, то процедура флирта подкинула бы ему множество загадок. Филогенетический, этологический, биохимический аспект выработки того или иного вещества во всех остальных аспектах коммуникации вполне объясним. Понятно, когда и у кого из предков появилось то или иное вещество, почему именно оно было избрано для передачи того или иного послания, как оно воздействует на партнёра по коммуникации. Но в случае флирта возникает впечатление, что стропиты используют набор первых попавшихся веществ, воздействующих на партнёра совершенно неожиданным образом, и тем не менее, флирт таки складывается при этом в какую-то осмысленную последовательность коммуникативных актов и ответных реакций. Итак, партнёр, начавший флирт, тут же меняет цвет и начинает хвостом взбивать столб слизи, пытаясь его разрушить. Столб разрушается, но слизь теперь растворена в окружающей воде, ставшей более вязкой. Теперь работа хвоста стропита приводит к появлению большого количества пены на поверхности воды. Да, стоит обратить внимание ещё на один немаловажный факт — данное описание флирта никак не даёт сколько-нибудь общей картины того, как у стропитов флирт происходит вообще. Стропиты — удивительно творческие, нешаблонные, практически просветлённые существа. Легенда гласит, что они произошли от стропитового аналога самого бога Меркурия. Творчество стропитов реализуется в основном через выработку новых веществ. Они сознательно могут синтезировать новые секретируемые молекулярные соединения. Обычно общий спектр химического синтеза определяется историко-культурным развитием сообщества стропитов и значительно различается в различные эпохи и в различных культурах. Алгоритм использования этих соединений различается у каждой конкретной пары. Поэтому описываемый флирт — лишь частный случай

бесконечного разнообразия поведения стропитов. Одно объединяет флирт у стропит — заключительная фаза этого явления. Вне зависимости от частностей её реализации она всегда неизменно масштабна. Лежащий на дне стропит начинает выделять очень быстро диффундирующую в воде лёгкую молекулу, пощёлкивая при этом, щелчки быстро распространяются через вибрации воды и земли, вместе с выделяемым низкомолекулярным веществом они передают сигнал к всеобщему объединению. Получившие сигнал стропиты начинают сползаться, сплываться, поддерживая при этом сигнал сами, то есть тоже пощёлкивая и выделяя вещество объединения. Вскоре везде до горизонта становятся видны потоки сползающихся по трясине стропитов, закручивающихся в центре во вдохновенном гигантском биохимическом танце, где миллионы индивидуальных уникальных биохимических соединений, не смешиваясь, не перебивая друг друга, образуют бесконечно сложный химический гимн мирозданию, рождают филигранно сложный многомерный и многоуровневый рисунок концентраций миллионов веществ, подобранных друг к другу с такой же тщательностью и вкусом, с которой художник подбирает оттенки цветов в своей картине, рисунок, беспрерывно эволюционирующий, изменяющийся в пространстве и времени. При разработке нового вещества стропит учитывает не только общее воздействие своего вещества, его гармоничность и своевременность в биохимическом «танце», его биохимический «цвет» в общей картине действа, но и скорость его распада и распространения, необходимую для восприятия концентрацию, синергию его взаимодействия с другими веществами, а также восприятие этого вещества в общекультурном контексте — то есть историю синтеза близких аналогов этого вещества в прошлом творчестве стропитов, так что уровень контроля каждого стропита над общим процессом невероятно высок. Надо заметить, что гиперчувствительность стропит позволяет им буквально по нескольким отдельным молекулам оценить направление воздействия, его отдалённость и форму источника, так что они прекрасно «видят» всю картину в целом. Как могло в эволюции появиться такое поведение, и зачем оно нужно стропитам — это науке не известно. Но всенародное творчество стропиты ценят явно больше, чем индивидуальный флирт.

Паниды

Поскольку паниды ограничены в своих способностях к передвижению, флирт их представляет собой не последовательность действия, а одно сильно продолженное во времени действие. Исследование их флирта основано лишь на анализе их форм. Будучи минералами сложнейшего состава, похоже, они обладают своеобразным сознанием, в некоторых своих проявлениях доступным для понимания нашего сознания, одно из таких проявлений — склонность к флирту. Появление оборудования, дистанционно распознающего форму и состав различных отложений в пластах горных пород, привело к открытию того, что панид на планете гораздо больше, чем считалось раньше, большинство из них обитают на большой глубине, предположительно в тех местах, где геологически формировались их минеральные тела. Но некоторые из них либо по собственной воле, либо благодаря тектоническим сдвигам, оказались на поверхности, именно эти паниды наиболее изучены. Изданы каталоги форм, которые принимают паниды со временем, реконструированы отдельные их движения и результаты взаимодействий, проведён аналог антропологического анализа в применении к панидам, описывающий внутреннее значение и эволюцию каждого жеста. Один из жестов, как предполагают исследователи, является жестом флирта. Посмотрите на эту полуарочную форму, формируемую каменным образованием, подобные полуарки мы находим и в детских играх, и при ухаживании. Анализ изменения формы в течение десяти лет показывает, что скорость движения структур выше средней, но не такая высокая, как в процессе борьбы. Анализ направленности движения и статистики микроотклонений показывает высокий уровень флуктуаций в движении, что говорит об отсутствии чёткой цели, неоднозначности этого игрового поведения. Если мы сравним теперь форму обоих общающихся партнёров, мы обнаружим высокий уровень их симметрии, одна форма является как бы неточным зеркальным отражением другой. Симметрия форм двух находящихся рядом панид говорит либо о том, что они сражаются, тогда симметрия форм — это следствие отражения ударов партнёра, либо симметрия является геометрическим отражением искренности общающихся панид. В нашем случае форма явно не соответствует форме сражающихся панид, и симметрия не столь велика, как у панид, перешедших к более интимному общению. Уровень симметрии

как раз соответствует таковому при флирте, причём для всех известных разумных существ мироздания. Но отклонения от общей симметрии не случайны, они как бы обыгрывают отклонениями общую форму другого партнёра, заметьте, все отклонения хорошо сбалансированы, они как бы уравновешивают друг друга, то есть, они обусловлены не невнимательностью друг к другу или отсутствием интереса, но некоей импровизацией, творческим подходом к общению, показывающим, заодно, собственную независимость и собственное видение их отношений. Самое интересное, что компьютерная реконструкция движения в целом не показывает никакой чётко выявляемой осмысленной конечной формы, к которой стремится их движение, значит, оно будет сильно меняться в течение последующих нескольких столетий. Это создаёт интригу, сами паниды не знают, чем закончится их взаимодействие, или не хотят ещё это показывать друг другу. Общая сложность формы рассматриваемых панид, включая всё нюансы её микроструктуры, говорит о сложности их предшествующих передвижений и, соответственно, о развитости их как личности, о богатстве их опыта и сложности интерпретаций воспринимаемых импульсов внешнего мира. При этом сложность формы одного из панид слегка превосходит сложность формы другого, при этом первый явно опережает второго в движении, что говорит о том, что первый является доминантой в их взаимодействии, но доминантой не абсолютным, иначе второй просто копировал бы движения первого. Если же оценить общую форму тела рассматриваемых панид, отбросив частные проявления, сведя её к грубому шаблону, то мы увидим, что такой шаблон больше характерен для удивлённых панид. Но какое может быть удивление в данном взаимодействии, где паниды явно доверяют друг другу и зеркалят друг друга. Ответ может быть один — это ироничное удивление. Этим панидам не чуждо чувство юмора, нотку которого они привносят в общение друг с другом. Итак, нашим далёким потомкам предстоит узнать, чем же закончится описанное нами общение, разойдутся ли эти паниды, пофлиртовав, или останутся друзьями, а может, перейдут к более тесному общению? Кто знает.

Ниргун-Сарги

Флирт присутствует не только в поведении сотворённых существ, но и во взаимоотношениях творцов миров. Сами по себе они бестелесны и невыразимы, но их взаимоотношения можно

исследовать, наблюдая за эволюцией их творений. Вот развитие мира совершается предсказуемо и плавно, без катастроф и пертурбаций, сложность мира возрастает, растут и его творцы, их взаимоотношения за сотни миллионов лет усложняются, запутываются, и, наконец, наступает эпоха флирта. Начинается лёгкая игра: то тут, то там появляются необычные формы жизни, в разных галактиках при этом возникают по природе своей совершенно разные, но внешне как будто похожие формы, будто совершенно случайно. Два Ниргун-Сарга начали лёгкий, совсем пока незаметный флирт. Они совершенно независимы друг от друга, их галактики разделены миллионами световых лет, им точно, пока что, ничего не нужно друг от друга, но первый случайный знак внимания подан. Череда сходных линий жизни растёт, где-то формы сближаются, где-то снова отдаляются, если покажется, что сближение для этой стадии флирта стало слишком быстрым. На второй стадии — более заметные знаки внимания — в поле действия попадают астрономические объекты: вспышки сверхновых со схожими характеристиками спектра, появление чёрных дыр с пространственными червоточинами, ведущими от одной галактики к другой. Последнее может показаться слишком близким взаимодействием, но это распространённая ошибка восприятия тех, кто не знает природу червоточин, сходящихся в чёрных дырах. Обмен беглыми взглядами в нашем мире неизмеримо более материален и близок, чем червоточины чёрных дыр, являющиеся даже для самой Вселенной почти полной абстракцией. Вообще же, возможностей импровизации у творцов гораздо больше, чем у их творений. И творцы этими возможностями пользуются. Азарта и широты знаний им тоже не занимать. Движется маленькая галактика на встречу большой, большая отклоняется так, чтоб соприкоснуться с ней вскользь — интрига — чем закончится их взаимодействие? Может, конечно, показаться, что и без сознательной интриги законы природы решат однозначно исход столкновения, но так всегда кажется тем, кто не работал никогда непосредственно с пространственно-временным континуумом, как целым, воссоздавая сам ход причинно-следственных событий. Поглотит ли большая галактика маленькую или отпустит, отхватив у неё кусок? А большая галактика меняет свою форму и становится подобна другой галактике, и ведь знает, что её творец за ней наблюдает. Тот гадает — это вышло случайно, или это знак внимания? Потом галактики

начинают открыто преподносить друг другу сюрпризы — поочерёдно зажигать квазары, уравновешивать количество тёмной материи внутри себя, сходным образом искажать пространственно-временной континуум, и, наконец, одна галактика преподносит другой представителей своего разума. Неожиданно. Конечно же, ничего не требуя взамен. Но такой подарок очень серьёзен, так что творец другой галактики также отсылает к первой своих первопроходцев. На этой стадии флирта окружающее их сообщество уже следит за развитием взаимоотношений и иногда вмешивается в процесс. В конце концов, галактики — часть галактических скоплений, и творцы галактического уровня не могут избежать влияний социума. Влияний, прежде всего, кварковых и гравитационных. Как же мы можем отличить события, происходящие во Вселенной автоматически, от событий, обусловленных взаимоотношениями Ниргун-Саргов, и при этом от взаимоотношений, которые мы можем назвать флиртом? Гм, пожалуй, практически никак. Разве только — флирт Ниргун-Саргов может выражаться лишь с помощью нелинейных, непредсказуемых на сто процентов событий, каковых во Вселенной, впрочем, немерено. Вращения трёх небесных тел сходной массы вокруг общего центра тяжести уже представляет собой такую сложность, которая может быть прекрасным субстратом для приложения игривой воли. «Кто, я? Да ну, попробуй, докажи! Хотя…» Среди отчасти хаотических событий, в свою очередь, надо искать те, которые коррелируют в обеих галактиках. Но так как галактик немерено, а случайно коррелирующих событий в них ещё больше, феномен флирта выглядит совсем не распознаваемым. Впрочем, кому нужно, тот увидит. На то он и флирт.

Антиарис

Флирт антиарисов особенно забавен и ироничен, правда, немного груб. Антиарисы можно сравнить с грибами или насекомоядными растениями — это неподвижные формы, которые нуждаются как в животной, так и в растительной пище. И если растения они добывают, находя под землёй своими корнями корни других растений, на которых начинают паразитировать, то на животную пищу они охотятся активно. Сильным нейротоксином пропитаны все надземные части растения — достаточно, пробегая мимо, прикоснуться. Но, что если животное окажется слишком умно и не станет приближаться к антиарису? Для таких умников

эволюция подарила антиарису способность стрелять нейротоксином на расстояние до двадцати метров. Вокруг мёртвого животного после охоты формируется плотное переплетение корней, как над, так и под землёй, так что ни одна частица ценного разлагающегося белка не пропадает. Антиарисы разумны. Разум их значительно отличается от нашего разума, но и им знаком флирт. Антиарисы — смертельные и жестокие хищники, яд надземных частей одного антиариза поражает надземные части другого антиариса. Лишь аналогом корневой системы они могут безопасно дотягиваться друг до друга, поэтому каждое существо отстоит в популяции от другого на несколько десятков метров, и в популяции формируется сеть позиционирования антиарисов с ячейками определённого размера — ни больше — иначе антиарисы не дотянутся друг до друга, ни меньше — иначе они повредят друг друга. Но объединение антиарисов — сложный психологический и поведенческий процесс, и не все соседствующие друг с другом антиарисы выбирают друг друга в партнёры. Этот процесс часто и начинается с флирта. Отличает его от ухаживания то, что растения не высказывают чётко распознаваемых намерений, хотя и подразумевают оные. Надо ещё сказать, что каждый антиарис, годами растущий на одном месте, прекрасно знает окружающую среду, в которой охотится, а также нюансы поведения и личные особенности окружающих его антиарисов. Поэтому, когда антиарис стреляет в птицу, пролетающую мимо другого антиариса, как бы случайно промахивается и сжигает маленький нижний лепесток на теле этого другого антиариса — это привлекает к нему эмоциональное внимание. С одной стороны — ну промахнулся, с кем не бывает, а с другой — такой шаг во флирте имеет право сделать только антиарис, который никогда не промахивается, антиарис, чьи личные данные на высоте. В общем-то, теоретически, промахнуться может любой, но в случае такого антиариса промах вызывает вопросы. Укол соседу нанесён слегка болезненный, но не опасный. Зато привлечено внимание. К тому же, зачем ему стрелять в животное, которое всё равно находится ближе к другому, чем к нему, ведь корни другого доберутся до животного раньше, значит это жест доброй воли, подарок? Можно, конечно, разделить добычу, но тогда корни придут в очень тесный контакт, а совместная корневая трапеза это уже даже не флирт… С другой стороны, если антиарис, возле которого пролетала птица, не выстрелил в неё первый, это может значить, что он

уже сыт, это подтверждает его успешность и выводит отношения за границы утилитаризма и борьбы за существование, а также даёт возможность ему проявить великодушие и подарить добычу стрелявшему, несмотря на то, что добыча находится рядом с ним. Обычно, второе действо в этом театре флирта заключается в том, что «промазавший» таки попадает в животное, находящееся между ним и его партнёром, и не спешит его поедать, ясно давая понять, что это подарок за причинённые ранее неудобства. Второй антиарис принимает подарок, но ест животное не спеша, и, переработав лишь половину трапезы, уходит, как бы приглашая стрелявшего присоединиться к трапезе. Стрелявший принимает приглашение, так как подозревает, что если он будет сыти не с танет уже стрелять направо и налево, это даст возможность заинтересовавшему его партнёру сделать ответный подарок, подстрелив птицу где-нибудь в непосредственной близости от него. И так далее.

Кстати, вы не задумались, зачем всем рассмотренным формам жизни вообще нужен флирт? Они все размножаются половым путём? Некоторые да, но половое размножение — лишь частный случай тесных взаимодействий двух существ одного вида. А такие взаимодействия, ради культурного ли обмена, физического или энергетического, происходят у очень многих существ. И все эти взаимодействия содержит в себе независимую заинтересованность, открытость, азарт, импровизацию, не зацикленность на результате. По сути, флирт — это один из универсальных поведенческих паттернов, появляющихся во взаимодействии различных разумных существ, подобно какому-нибудь часто встречающемуся паттерну турбулентности, появляющемуся в динамике потоков, вне зависимости от их материальной природы или места во Вселенной, где такой поток возник. Повсеместное появление флирта связано с универсальными аспектами динамики сознания и взаимодействия его с окружающим миром, в частности, с другими себе подобными сознаниями. Игра, импровизация — это поведенческие флуктуации, поиск и открытие новых форм взаимодействий, выход за пределы шаблона. Знаки внимания двух независимых партнёров — проявление заинтересованности без закрепощения поведения партнёра, только так можно создать динамический, свободный, постоянно развивающийся контакт, это самая устойчивая форма Открытость позволяет честно задействовать если не все, то значительную часть имеющихся внутренних ресурсов,

а независимость партнёров, опять же, говорит о том, что этих ресурсов достаточно для выживания отдельной особи, значит сумма ресурсов двух или большего числа особей (чаще всего во Вселенной флирт всё же происходит между двумя особями) может привести к качественному скачку, новой ступени устойчивости объединённой системы, которую впоследствии будут представлять эти две особи. Чаще всего флирт — это тестирование разумными особями друг друга на предмет объединения их внутренних и внешних ресурсов для достижения такого качественного перехода, являющегося в нашей Вселенной частным случаем процесса перехода количества в качество.

Любовь

Горят несколько больших свечей, тикают часы. Мы сидим, обнявшись, и молчим, каждый думает о своём. Мы не включаем ни музыку, ни видео, мы хотим тишины. Тишина иногда создаёт уют. Только изредка мы обмениваемся пришедшими на ум мыслями.

— Где ты жила до этого? Я давно хотел спросить, но забывал, видимо, это не слишком важно для меня.

— Да, это действительно не важно. В последний раз я жила в одном далёком сибирском рабочем посёлке. Это были тридцатые годы двадцатого века.

— Гм, но ты не похожа на девушку, жившую в таком месте и в то время. Не по стилю, не по сознанию, не, мне кажется, внешне, хотя внешне, конечно, всякие люди везде встречаются.

— Поэтому я и сказала, что это не важно. Сейчас я та, кем хочу быть.

— Вообще кем угодно? Без ограничений?

— Внутри человеческого мира, скорее всего, да.

— Ты не знаешь точно?

— Человеческий мир, как и всякий другой, полон сюрпризов. И некоторые маргинальные личности размывают его границы, из маргинальных личностей превращаясь вообще в неличностей.

— Скажи, а ты можешь рассказать, как ты умерла, тебе не будет это слишком… сложно?

— Если бы для меня были сложны такие вещи, я бы имела в человеческом мире такие же ограничения, как и большинство людей. Меня убили, возле дома. Я несла домой дневную выручку из клуба.

— А что, в клубе не было сейфа?

— Там нигде ничего не было.

Да, это, действительно, было скучное знание.

— Скажи, спросила она — тебя не напрягает, что мы не можем гулять вместе? Ходить к твоим друзьям или принимать вместе твоих друзей?

— Нет, абсолютно не напрягает, мне всё равно, это мелочи. А, кстати, почему не можем? Значит, всё-таки у тебя есть ограничения?

— Чтобы все воспринимали меня — это мне сложно, я быстро устану.

— Ну можно ненадолго и туда, где слишком большая компания. Например, быстро на такси туда, и сразу как устанешь — обратно?

— Ну можно как-нибудь попробовать.

— Надо же. Наконец-то тебя увидит кто-нибудь, кроме меня

— Тебе этого так хочется?

— Да нет, но это замечательная дополнительная актуализация твоего существования — я довольно улыбнулся. — У меня время от времени спрашивают, есть ли у меня девушка, я отвечаю, что есть. Но некоторые, наверное, уже сомневаются, что я говорю правду. Хорошо, что ты полюбила не какого-нибудь млекопитающего муравья, для которого невыполнение социальных стандартов его рефлекторного существования — непреодолимая трагедия, из-за которой он тебя бы бросил.

— Ага, и хорошо, что постоянная Планка в нашем мире такая, какая есть, иначе ведь мы не смогли бы существовать.

— Кстати, рядом с тобой я, отчасти, в иллюзорном мире. Да, да, я не говорил тебе, но я с тобой не так осознаю окружающее, как в социуме, вдали от тебя.

— Так должно быть, ты не смог бы общаться со мной в своём социально адаптивном состоянии.

— И любовью с тобой заниматься — как во сне. Это совсем не такие ощущения, как в реальности.

— Лучше или хуже?

— В целом — лучше, почти сплошная фантазия, никакой материальной грубости, всё так, как представляешь, а не так, как происходит в реальности, но, с другой стороны, из-за ощущения нереальности возникает подозрение нереализованности, иллюзорности.

— Надо тебе убедить своё подсознание, что хотя я и похожа на сон, я реальна, и всё, что мы делаем вместе — реально.

— Кстати, я придумал, как убедить своё подсознание.

— Как же?

— Фактами!

— Подсознание понимает факты?

— Конечно! Ты ещё не знаешь моего подсознания.

— О, конечно, твоего подсознания никто не знает — она улыбнулась и поцеловала меня.

— Называй мне свой прижизненный адрес и все данные, которые помнишь, я подам запрос в твою деревню, и они подтвердят, что ты

действительно там жила.

— Ты думаешь, там так долго способны храниться архивы? Их, кажется, хранят, по закону, семьдесят лет. После этого человек уходит в тотальное забвение и небытиё. Там и живых-то, наверное, кто помнит события тех лет, не осталось.

— Значит хорошо бы съездить туда лично, расспросить, может, удастся что-то найти и доказать миру, что ты не плод моего воображения. — Сказал я с иронией и поцеловал её.

— Ты готов проделать такое масштабно мероприятие ради моей актуализации? — иронично ответила она вопросом.

— Ещё не знаю, надо подумать.

Мы снова замолчали на минуту.

— Скажи, а ты любила при жизни?

— При жизни — нет.

— Расскажи, чем-нибудь твой мир вообще отличается от моего? Ты ведь, по сути, существуешь не совсем в этом мире, ты что-то должна помнить, видеть, где-то бывать, когда ты исчезаешь, ты должна знать что-то интересное, чего я не знаю.

— Да ничем мой мир не отличается. Я знаю меньше, чем ты себе можешь представить. Может я и бываю где-то, но этого не помню или не могу выразить в мыслях. Сознание этого мира есть только в этом мире, а там меня как бы нет. Как сон, он есть, но проснувшись, мы мало что помним, смутные обрывки, не имеющие значения. Главное, чем отличается моя теперешняя жизнь от той, что была раньше и той, куда я попадаю, когда растворяюсь — сейчас у меня есть то, что мне нужно, у меня есть ты. Тебя не было, когда я была жива, а теперь есть, значит это — жизнь, а тогда была не жизнь.

— А как вообще получилось, что я стал воспринимать тебя как живую?

— Ты нашёл меня во сне, а дальше я уж сама.

— Я помню. Может и это – лишь продолжение сна?

— Может быть.

— Не шути.

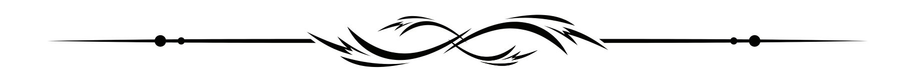
— Ты думаешь, моя жизнь в Сибири была не продолжением сна? Это был гораздо более страшный и нереальный сон, чем теперешняя реальность.

— Давай синхронизируем свои реальности.

— Уже пора синхронизировать? Недавно же синхронизировали.

— Мы недосинхронизировали. Что-то точно осталось

недосинхронизированным.
— Ну начинай.
— Какой шоколад ты любишь больше всего?
— Белый. И не больше всего, а единственно. Ну может ещё какой-нибудь соевый, который вообще не горький.
— Как и я.
— А ты любишь мартини?
— Не очень, разве что сухой. Обычно покупаю дешёвое вино и варю из него вкусный ароматный горячий глинтвейн.
— Значит, любишь глинтвейн?
— Ага.
— Как и я.
— А что ты не любишь? Кроме того, что мы упоминали в прошлый раз.
— Тааак… Надо подумать… Не люблю — солнечный свет.
— Как и я :).
— Слушай, а что же будет?
— Когда?
— В будущем. Что нас с тобой ждёт в будущем?
— Не знаю. А что ждёт их всех?
— Не знаю, но надеюсь, нас ждёт что-то другое… Слушай, а тебе не казалось никогда, что и я тоже, относительно их всех, уже не существую, что я почти мёртв для их мира, как и ты?
— Не удивительно. И неизбежно.



Снимок

Сегодня у меня День рождения. Мы: Я, Юля и Андрей сидим втроем за столом, полным жратвы и выпивки, опять ждём всей компанией одного опаздывающего. Уже полчаса, а его всё нет.
— Может уже начнём?
— Ещё пятнадцать минут ждём и начинаем.
— Это традиция такая у Артёма — выходить из дома гораздо позже назначенного времени прихода, индивидуальность.
— Угу, сейчас стоит у подъезда, ждёт, опоздать-то надо.

Наконец, опоздавший звонит в дверь, раздевается, достаёт из сумки ещё алкоголя (о, четыре баночки Гиннеса, вот с него я и начну, то есть, пожалуй, налью всего понемножку, люблю, когда вокруг меня полукругом стоят бокалы, в которых одновременно налито всё, что есть из вкусного, так я чувствую праздник жизни, но начну, при этом, всё же с Гиннеса). Теперь мы собрались все, и это здорово, никто не уехал, не заболел, ни с кем не поссорился, что тоже бывает. Наша маленькая компания была не всегда такой, когда-то от неё откололся один человек, потом другой, иногда в общих компаниях мы встречаем наших прежних друзей и замечательно общаемся, но наша компании — это уже не про них. Зато потом присоединились двое новых, в том числе одна девушка, которая теперь со мной лично. Однажды Артём пришёл с девушкой Юлей. А она мне понравилась. Правда пообщались они лишь пару месяцев. А должно было быть всё серьёзно, иначе он бы с ней не пришёл, я его знаю. Я решил взять у него её телефончик, вроде они разошлись мирно, дружат, и если она появится в нашей компании, она его загружать не будет. Сходил с ней на пару свиданий и кажется, наши взаимоотношения закрепились. У неё невероятно привлекательная фигурка и, что очень важно, нет тараканов в голове. Целовались за кинотеатром, до утра гуляли по берегу моря. Я так много носил её на руках, что весь следующий день у меня болели руки и спина.

Зажигаем свечи на торте. Традиционно — никаких фото, никакой записи видео или аудио. Даже мимолётно, даже на телефон. Я веду текстовый дневник, этого достаточно. Мне кажется, всякие записи, кроме текстовых, разрушают наш мир, что-то уйдёт, что-то будет меняться. Всё должно быть только в нашем сознании, в

нашей памяти, как мы воспринимаем всё, как оно остаётся в нашей памяти — только это правда и только это важно. В дневнике же я пишу всё, абсолютно всё, и даже если забуду, что кто сказал или сделал, все вместе мы вспомним дословно и буквально.

Я хочу поставить фоном видео, но во вкусах и предпочтениях у таких творческих личностей, как мы, слишком часто встречаются расхождения. Каждый принёс с собой свою музыку и намеревается поставить именно её. Что ж, сговорились добавить всё в один список, и пусть играет по очереди. Всё равно шумно. Вообще, у меня почти всегда, не только во время сабантуйчика, шумно и весело. Лишь изредка я остаюсь один, когда среди рабочего дня все расходятся по делам, а я случайно остаюсь дома. Мы все привыкли даже спать в шуме, а я привык дома работать, не отвлекаясь на разговоры (на музыку и видео я никогда в жизни и не отвлекался). Потом-таки поставили фильмец.

В разгар вечера Артём достаёт стевию. Я нашёл бутылку, отрезал горлышко, из колбы моего блендера получилась знатная колба с водой. Андрей сделал из фольги на горлышко чашечку с булавочными дырочками. Погружаем бутылку в воду, так что она изнутри до горлышка наполняется водой. Поджигаем траву, медленно вытаскиваем из воды, вода, уходя, замещается воздухом, который проходит через горлышко, раздувая траву и наполняя бутылку дымом. Полностью достав бутылку полную дыма из воды, снимаем чашечку из фольги и вдыхаем через горлышко дым. Пока искалась и готовилась бутылка, мне вздумалось настроить домашний ftp сервер, я ничего не понимаю в этих сетях, потому я и нагрузил этим Андрея, он умеет настраивать компьютеры. Поэтому он подходил, только когда была его очередь затягиваться.

— О, эффект есть!

— Как можно спиздить мои кеды? Кто вообще на них позарился? — неодумевает Артём.

Пришла Юля.

— Звёздочка прилетела. Сразу стало так светло, тепло, мухи перестали кусать.

— Тебя мухи кусали? — отзывается Юля.

— Нет, просто, от неё мухи кусали.

— :)))) Спасибо! :)))))) комплименты девушке, блять.

— Все, все, говорит, падают перед моей красотой, и даже мухи, — додумался Андрей.

— :))))
-Дай, я попробую эту гадость, — просит Юля.
— Вы народ экспериментируйте с бутылочкой, экспериментируйте. Есть мульт классный, который я предлагаю сегодня посмотреть, — подбадривает всех Артём.
— О да, пепелсбей, это да… (никто не отзывается). — Чё, не знаете этот анекдот что ли?
— Нет.
— Сидят несколько пацанов обкуренных и, такие, музыку обсуждают. Один, такой, затягиваясь: Нирвааана… и все: — О даа, Нирваааана…, другой затягиваясь: — Секс Пистолс, все за ним: — Ооо дааа, Секс пистолс, дааа…, а один смотрит, у другого на сигаретке пепел уже нагорел, он ему: — Пепел сбей. И все: — Оооо, дааа, Пепелсбей, даааа….
— Тебе помочь с кальяном? Что там есть?
— Кокос, роза, капучино.
— О, можно мне капучино. — просит Юля.
— Подай бутылочку.
— Может, посмотрим про фрицев всё-таки?
— Ну когда все спать ляжем — без проблем, — говорю я.
— Всё, я один его буду смотреть. Черт, почему вы не хотите его смотреть. Я вам с Ириской хотел его показать, он такой чёткий вообще.
— Я знаю, почему я его не хочу смотреть, — отвечает Юля.
— Почему?
— Потому что я не смогу досмотреть, усну.
— Сможешь. Он настолько интересный, что даже уснуть не получится.
— Да получится у неё уснуть.
— Сколько времени? — спрашивает Андрей.
— Тебе оно надо? — говорит Артём.
— Времени половина второго.
— Времечка два килограммчика. И всё пребывает, всё пребывает…
— А по-моему, времечко достать водку, — предлагает Юля.
— О, времечко водочку, да.
— Да-да-да, всё, время пришло.
— А надо запивать чем-нибудь водочку?
— Тум. Тум-тум-тум-тум, тум-тум-тум-тум-тум (заставка к программе «Время») и тут водка выплывает из холодильника.

— Тогда надо ещё чаю поставить, я купил Гринфилд виноградный.
— «Стандарт», Юра?
— «Серебряная». С монеткой серебряной. И включи чайник.
— Если вы и в этот раз обкакаете эту водочку, как ту, в чёрной бутылке в прошлый раз… — предупреждаю я.
— На самом деле надо было шмаль из дома взять, — в задумчивости произносит Артём.
— А что у тебя дома за шмаль?
— У меня химка дома.
— Ну, как-то это прозаично.
— Да ладно. Я говорю тебе, я вчера на фрицев смотрел, я думал, умру там просто.
— А, ты под химкой смотрел?
— Ну конечно. Я не могу понять просто…
-Не, ну конечно, когда ты нам предлагаешь смотреть без химки…
— …да это шедевр, ну что ж вы за люди такие. Ты бы видел, как евреи танцевали!
— Мне Аффикс Твин под ипомеей тоже понравился, — вспоминаю я.
— А мне он просто понравился, — говорит Юля.
— Кто-нибудь, найдите мне булавку, пожалуйста, и огонь.
— Но под ипомеей там особо раскрылась его конструкция. Что ты с водкой в туалете делал? Пробовал? — спрашиваю я выходящего из туалета с бутылкой Андрея.
— Ничего не делал, — отвечает Андрей.
— Это хорошо.
— Это очень-очень хорошо.
— О чём думаешь, если не секрет?
— О чём может девушка думать?
— Ты такой интересный. Мне очень интересно, о чём. Ну скажи.
— О квантовых переходах.
— А по-моему девушки могут думать только о вантовых переходах.
— … переходах в переохлаждённом гелии, ниже температуры четырёх градусов по Кельвину, когда он входит в сверхтекучее состояние, — дополняю я.
— По любому, знаешь, я вот сижу на самом деле и только об этом думаю, — говорит Юля.
— Вот видишь, я же говорил, начиная с пятнадцати лет, все девушки думают только о гелии и...

— О квантовых переходах, — заканчивает Юля.
— О квантовых переходах!
— Квантовых переходах, это вот, знаете, я недавно вспоминал момент из фильма «Люди в чёрном», когда они стреляли по мишеням, по инопланетянам по всяким, и он стрельнул в маленькую девочку. Он говорит: — а зачем ты её застрелил? Ну, малышке на вид лет восемь, а у неё в руках учебник по квантовой физике. Да ещё и время позднее, не поздновато ли, не рановато ли для девочки квантовая физика? — вспоминает Артём.
— Тёём, наливай водку.
— Водка щас нальётся.
— Ой. Не хочу я этот фильм смотреть.
— Давайте кота Фрица. Ну пожалуйста.
— Неееeет.
— Глуши шарманку, включай музыку.
— Ладно, музыка так музыка. А по-моему кот Фриц — это реально классный мульт. Ты просто Юля не знаешь, о чём идёт речь. Там кот лет шестнадцати-семнадцати.
— Тёма, заткнись и кури, — говорит Андрей.
— Ебало завали, я говорю. Он такой вот, он панк, пойми! — доказывает Артём.
— Да не буду я его сегодня смотреть. Чувак, я не буду его сегодня смотреть! 100%! Сегодня! Я не буду его смотреть! — говорит Юля.
— Тебе хочется посмотреть, как там твой кот трахается, вот и всё, — говорю я.
— Что вы обо мне думаете! Блин :)))). Что я не видел, как коты трахаются что ли?!
— Просто у тебя девушки нету, и тебе нравится смотреть, как коты трахаются, — дополняет Андрей.
— А ты не пизди на это всё. О чём речь идёт, о том, что да, коты трахаются, это конечно классно, но просто момент, как умирает ворона!
— Сейчас он скажет: но не в этом смысл! Но я обращаю внимание совсем на другое! — заметил я.
— Просто знаешь, за что мне ещё фильм понравился? За то, что просто, когда вылетела эта псина, его свинья на руки поймал, просто, понимаешь, не скрыто ничто, просто показаны все эмоции, и они очень гиперболизированы…
— Да, и показано, как коты трахаются.

— …настолько, что всё показано, все чувства человеческие.
— Короче, мы тебя раскрыли.
— Короче, вы что-то там свои потаённые эти, как они называются, комплексы, раскрыли вслух.
— А они у нас не потаённые.
— А мне стаканчик?
— А, тут пиво есть.
— А ты голову помыл?
— Да, я полгода об этом мечтал :)))))
— А я завтра помою.
— Андрюша!
— Что?
— Водочка!
— Андрюша? Андрюша!
— Он спит, не трогай человека.
— Бони!
— Да не трогайте человека. Спит он, пускай спит.
— Его «Коди» называли.
— Там написано Бони.
— Бои нем? А я думал «Бони М».
— Андрюша, бони, шиз гари т, бэьи шиз гари т…
— Да пускай он спит, что вы…
— Ты скажи: не хочешь водки и всё!
— Я уже говорил.
— Да?
— …давным-давно мы позабыли эти песни, они ушли, наша молодость ушла.
— Давайте. Ваше здоровье.
— Мне мама недавно сказала, что у меня сальвия на даче растёт.
— О, круто. А это ж тропическое, ты говорил?
— Да, Южная Америка.
— А у них дача в Южной Америке.
— :))))
— :)))))
— Насчёт Южной Америки не знаю, но вот дома она может расти, я видел. Гораздо интереснее было, когда мы с Серёгой поехали ко мне на дачу кушать ипомею, и я смотрю, какой-то странный пакетик валяется. А у мамы семена всякие, беру пакетик. Поворачиваю. Там написано — ипомея. Понимаешь, моя мама купила «каких-то семян»

— ипомеи. Читаю, холодостойкое растение, ещё многостойкое, для декорирования заборов, сараев, опорных стенок и прочей херни.
— Значит может расти она в нашем климате.
— Ипомея вполне, но сальвия…
— Надо у мамы ещё раз спросить, может она перепутала что-нибудь.
— Ещё раз, давайте за ипомею.
— Неее, не буду я пить за эту срань, — говорит Юля.
— Ладно-ладно, давайте за что-нибудь другое. Вот, за сальвию.
— Не, я не буду за сальвию.
— Знаете, гораздо веселее нажраться датуры. Это бешеные огурцы которые.
— И чё они?
— Ты чё, там атропин знаешь, в каких количествах.
— И чё будет?
— Короче. Давайте уже выпьем наконец-то, мать его! — не выдерживает Юля того, что вторая часть вечера за разговорами всё не начинается.
— Ты не знаешь, что такое атропин? Знаешь, что такое тарен?
— Это торкает который.
— Холиноблокаторы. Ряд холиноблокаторов. Торен по-моему второй или третий. Атропин — последний из самых сильных.
— И прям бешеный огурец надо есть?
— Нет, семена его. Там есть большие семена, а есть маленькие такие семечки. Вот если найти конкретный вид датуры с маленькими семечками и их сожрать чайную ложку или полторы…
-Блять, давайте выпьем! — говорит Юля.
— Нормально будет? Не отравишься?
— Да. Под пиво нормально.

Всё хорошо, но только одна мысль меня всё больше тревожит, и тревога возрастает вместе с подкатывающей от стевии смешанной с водкой тошнотой. Наконец я что-то почувствовал, но что я почувствовал, мне совсем не понравилось, действительно, стевию надо было не мешать с водкой. Тревога от тошноты наложилась на тревогу по поводу возникшей в моей голове идеи. Я подошёл к Андрею, который развалился на пуфике-мешке возле компьютера и уже засыпал, и попросил его об одной услуге: — Слушай, сфотай, пожалуйста, Юлю.
— Сфотать? — переспросил он?
— Да, тихонько, незаметно, но мне не показывай, хорошо? Просто

скажи мне.

— Ладно.

— На телефон сфотай. Прямо сейчас, а то я скоро побегу в туалет или буду лежать, не вставая, мне плохо от стевии, и мне уже будет несколько не до этого до завтра. А мне интересно.

Андрей достал свой телефон, делая вид, что проверяет сообщения, сделал запрещённый мной же в нашей компании снимок. Посмотрел на фотку и отрицательно покачал головой. Так и есть. Мои подозрения оправдались. Значит она — один из нас. Снимок был пуст. Она, как и Артём, и сам Андрей, и те, что были среди нас раньше, но ушли — лишь часть моего сознания, они все — порождения моей многогранной личности. Что ж, это ничего не меняет. Она также пришла и также может когда-нибудь уйти, как и любая девушка из внешнего мира. Только надо будет с ней договориться, чтоб не разговаривать вслух на людях или делать вид, что мы говорим по телефону.

Как внешне выглядит наша жизнь, если телесно существую только я один? Как увидел бы весь этот вечер внешний наблюдатель, если учесть, что в квартире физически я здесь один? Правда, я не очень хочу это знать. Хотя мысли сами возвращаются к обдумыванию этого, уж больно невероятно. Вот они пришли — у всех свои истории, у каждого был свой насыщенный день, каждому есть что рассказать — это что, я был во всех этих местах? Или я всё сходу придумываю? Эти истории Артёма — откуда я их знаю? Откуда я знаю, как настраивать ftp сервер, и как я съедаю всю эту еду на четверых и выпиваю всё это питьё, если эти еда и питьё таки существуют, а то может и они — иллюзия? А у всех ещё и свои гаджеты, которые я вижу только у них — я их придумываю, или они все на самом деле есть у меня, и разные части моего разума пользуются ими попеременно? А как насчёт их аккаунтов в социальных сетях? Удивительно, всё это непредставимо удивительно. Но в одно мне хочется верить: мои друзья всё же существуют, в той или иной форме — они живут, они есть. Надо им об этом сказать. Заранее в уме улыбаюсь, представляя эффект такого своего заявления.

Мы. Удон

— Если какой-нибудь фильм, кстати, качать, то можно начинать.
— Какой, например? -интересуется Андрей.
— Какой хочешь. Просто потом опять поставишь закачивать…
— Ну я не знаю, можно попробовать «Время цыган» посмотреть, только Артёму он не нравится, Серёга бы посмотрел с удовольствием.
— Кустурицы?
— Да.
— Не, не хочу Кустурицу, — говорю я.
— Ну не знаю я.
— Не вставляет меня ваша музыка для пидарасов, — цитирую я «E-ball».
— Что ещё за разговорчики в строю?
— Да это цитата классическая. Лучше уж этот недосмотренный, что там на экране сейчас.
— В смысле «Белое солнце пустыни»? Ну не знаю даже. О, кстати, ещё идея — поудалять из новостей «Контактных» все «паблики», по минимуму оставить новости, чтобы они не отвлекали моё сознание каждый раз, — размышляет Андрей.
— А я хочу сделать альбом, когда-нибудь напечатать, настоящий, цветной, со всякими разными прикольными «арт» из раздела необычные вещи, я уже четвёртый файл забиваю, сейчас разберусь с программами для вёрстки… — делюсь я.
— Я постоянно отбираю, как бы, лучшее из худшего.
— Не, мне там много чего нравится, я хочу сделать просто книжку с множеством креативных идей, чтоб её посмотреть и набраться идейным вдохновением. Очень много там такого, причём очень много из того, что самому даже можно сделать.
— Щас все заибучие паблики позакрываю…
— А я поэтому наоборот только в основном их, анекдоты мне нравятся, только короткие, длинные не читаю.

.

Молчим.

.

— Мммм… Говна всё равно много остаётся.
— Самые неинтересные, самые забивающие, иногда бывают

такие личности, я от них тоже отписался. Сейчас среди друзей у меня ещё появилась парочка девушек, которые, блин, фотки своих новорождённых детишек всё суют и суют, ну прям, блин, такое умиление, так что уже думаю, их что ли отписать… Удивительны человеческие инстинкты, там ещё этот ребёнок на бульдожёнка похож, по всем параметрам это пока что ещё ужасное создание, умиляются, все вокруг наверное должны умиляться тоже.

.

Молчим.

.

.

:))))))))) — « — Мама, а ты скоро с работы вернёшься, я соскучилась? — Не успеете, буду через пять минут. Серёже привет».

— :)))))))

— И всё равно запрещаю, это паблик. О, Антикафе надо запретить, заебали уже.

.

Молчим.

.

.

— Ты в курсе, голосование за Burton-парк, да?

— Про что?

— Burton-парк, голосование тринадцати городов.

— Для сноубордистов?

— Да-да-да.

— Самое прикольное, что получается так: пока одни города спят, другие голосуют. Поэтому не равномерно получается.

— А ты видел фильм «Ева», новый?

— Неа.

— Можно его посмотреть.

— Я бы посмотрел «Фауста» последнего, — приходит Андрею идея.

— Не знаю про него вообще.

— «Фауст» русско-немецкий.

— Прям по-настоящему по Гёте, что ли?

— Ну, близко по Гёте. Очень многие хвалят фильм. Я его скачал, но всё никак не посмотрю. Сакуров.

— Небось опять крышелёт какой-нибудь? — спрашиваю я.

— Возможно.

— Я посмотрел 4 сезона, по-моему, это все, которые были, и

продолжения уже не будет, сериала Breaking Bad — «Во все тяжкие», про 50-летнего старого…

— При чём здесь «Фауст»?

— Нет, это просто про то, что я смотрел… про старого учителя химии, который был болен раком лёгких, жизнь его была в полной заднице, и он, случайно оказавшись свидетелем облавы на наркоторговцев, увидел там своего бывшего ученика, который синтезировал метамфетамин. Этот ученик с заднего хода убежал. И он решил на всё плюнуть и начать синтезировать метамфетамин, применяя свои гениальные химические способности. И вот они синтезировали на протяжении четырёх сезонов, борясь с всякими проблемами. Хороший сериал — он с первого фильма прикольный, с первых серий. Другие начал смотреть — все скучные. Посмотрю одну серию и стираю.

— Чё, будем «Фауста» качать?

— Ну да…

— Там советуют его смотреть в оригинальной озвучке с русскими сабами.

.

.

Молчим.

.

.

Входит Серёга.

— О, Серёга молодец, не то что Артём. Давай поссоримся с Артёмом и будем дружить с Сергеем. :))))

— :)))))))

— Когда Артём придёт, мы, ковыряясь в носу и чешась где-нибудь, ему скажем, что мы теперь с ним не друууууужим. :)))))))

— А зачем нам делать, как дети. Мы можем просто не дружить с ним, как взрослые. «Эй ты, пошёл нахуй!» :)))

— :)))

— Как взрослые дети делают, — уточнил Сергей.

— Я тут захотел «Фауста» посмотреть наконец-то.

— Я не знаю, что это.

— Сакуров. Русско-Европейский фильм. По Гёте. Юра, будем делать удон?

— Да. Щас спрошу ещё у Деки.

— Дека ещё будет?

— Не знаю. Но я спрошу, что если ингредиенты не зажаривать. Я не зажаривал, мне, по крайней мере, нравилось. Если их не зажаривать, а просто сварить, получается вкус более минималистичный. А ради менималистичности я удон и предполагал готовить.
— Русские в этом ничего не шарят.
— Это минимализм, чего там шарить.
— Ты так думаешь. Видел бы, как ты это делаешь, настоящий японский повар…
-Ты думаешь…
— Я не думаю, я пользуюсь стереотипами :)))
— По крайней мере, в Японии, конечно, можно найти что-то особое, но в большинстве мест готовят просто, например, в Гонконге я так и не нашёл что-нибудь, чтоб было прям уж что-то эдакое, всякие забегаловки там простые были, вплоть до того, что я сэндвич заказал, написано было в меню: с яйцом и помидорами, и мне принесли сэндвич, что ты думаешь, с двумя половинками хлеба, яйцо и помидор. С тем, с чем написали. Я думал, знаешь, сэндвич, в котором много ингредиентов, среди которых считаются основными яйцо и помидоры. И это одна из конкретных таких забегаловок, где сидит куча китайцев.
— А что, Артём едет? — вспоминает снова Сергей.
— Да, едет.
— А это моя любимая кружка для пива. Мне нравится текстура и цвет. Мне кажется, теперь кружки для пива должны быть маленькие. … Что-то ты подстригся… — заметил я.
— Да, я подстригся, — говорит Сергей.
— Все портят себя, стригутся. Так вот, кружки для пива должны быть маленькие, потому что пиво выдыхается и нагревается быстро.
— Блин, мне кажется, здесь кислорода нету, — говорит Сергей.
— Да? Ну это мой стиль. Но можно окошко немного приоткрыть, — предлагаю я.
— У нас своя атмосфера. :))))) — смеётся Андрей.
— Может солнца добавим? — предлагает Сергей
— Ну уж извините! — возражаю я.
— А вид из окна! — говорит Сергей.
— Какой тут вид из окна. Тут Владивосток за окном, — замечаю я.
— А ты что хотел, Новую Зеландию?
— Да всё, что угодно.
— Видели комиксы про изуродованного Винни Пуха? Есть

популярные комиксы такие, асоциальные, про героев советских мультиков, Винни Пух — главный герой… — рассказывает Андрей.

— Но они — наркоманы? — интересуется Сергей.

— Да. Ты видел? Своя атмосфера. Часто фраза там встречается: «У нас своя атмосфера».

— Ты как-то это перевёл на тему наркоманов? — спрашивает Сергей.

— Юра говорит — здесь своя атмосфера, — отвечает Андрей.

— Что нужно купить, гашиш? :)

— Блять :))))

— За полторы тысячи всего. Дёшево и хорошо. Он правда приморский, а говорят, что лучше китайский. А к лапше есть что-нибудь ещё? Помидоры?

— В самом удоне будет множество ингредиентов. Я их отдельно сварю, потом залью лапшой, — объясняю я.

— И что там будет?

— Я положу туда, в каждую тарелку, несколько кусочков рыбы, несколько грибков, несколько полосочек спаржи, один большой лист кимчи, несколько кусочков шпината, несколько кусочков цветной капусты. Можно, кстати, щупальца кальмара тоже задействовать. Я люблю, чтоб оно было красиво, чтоб его можно было сфотографировать.

.

.

— Может «South Park» посмотрим? — предлагает Сергей.

— Даже не знаю, — отвечает Андрей.

— Юра, как?

— Я не люблю «South Park».

— Вот тебе и ответ. А, есть отличный трек от «Биосферы».

— Не, ну можешь ставить. Я понимаю сущность минимализма, но до определённой степени, — говорю я.

— Да там не в анимации дело, а в сюжете. Глубокая мораль.

— Я понимаю всё это, да…

— Социальные проблемы.

— … на уровне минимализма «Симпсонов», но когда это…

— Ты тогда вообще не понимаешь, о чём ты говоришь :)))))))

— Ну тогда лучше вообще не смотреть, а слушать эту мораль. Потому что вообще уже, будто пацан пятнадцатилетний у себя на компьютере сделал, а я должен смотреть.

Приношу удон.
— Сейчас я его сфотографирую…
— Что там? Какие-то грибы… щупальца кальмара…
— Сейчас я палочки принесу ещё.
— А где большой жирный кусок свинины, что-то я его здесь не вижу.
— Сам ты большой жирный кусок свинины. Я не ем всё, что эволюционно выше рыбы.
— Но кальмар-то покруче?
— Нет, он ещё глупее рыбы.
— Но некоторые моллюски поумнее рыбы.
— Так я осьминога и не ем. Стараюсь, по крайней мере.
— Юр, позвоночник рыбе ничего не даёт! То ли дело щупальца!
— Улитки как рыбы, или улитки круче?
— Улитки — те же моллюски.
— А насекомые?
— Членистоногие. Они гораздо ниже по уровню развития, чем рыбы.
— Блин, как это ниже? У насекомых такая структура тела, организация социальная, собирательские способности. А рыба что может? Собираться стаей и есть.
— Это инстинктивные программы поведения, которые на информационном уровне в нескольких килобайтах кода. У насекомых вообще другое направление эволюции, они ушли от сознания. У всех позвоночных есть разум, у них развиты отделы головного мозга, которых у насекомых вообще нет.
— Что за генерация инстинктивного кода?
— В процессе отбора случайные мутации поведения, исключительно инстинктивного, запрограммированного, одни остаются, другие нет. У позвоночных большой объём головного мозга, с большим количеством нейрональных связей.
— Чем больше мозг, тем больше сознание, что ли?
— Чем развитей эволюционно позже возникшие отделы больших полушарий головного мозга, в основном, кора. У рыбы коры ещё нет, но древние отделы, отвечающие за инстинкты — это спинной мозг, мозжечок и прочие. Более поздние отделы — передний мозг.
— Они у неё висят мёртвым грузом, по-моему.
— Ну как, она уже что-то осознаёт.
Пришёл Артём.
— О чём речь?

— Кто круче — насекомые или рыбы? Он за рыбу, я за насекомых.
— Просто насекомые — это немножко другая ветвь эволюции, — резюмировал Артём с высот своего биологического образования.
— Я сказал, что я насекомых ем, а всё, что выше рыб не ем, я только об этом, — уточнил я.
— Так если у рыб есть сознание, почему ты их ешь?
— Я поставил искусственную границу и не ем всех, у кого сознание ещё выше, чем у рыб.
— Понимаешь, это в любом случае идёт жёсткий геноцид и фашизм — разделение: насекомые пусть живут, а рыбы нет, или наоборот. Это геноцид одних видов другими, — заключил Артём.
— Геноцид — это если бы я до конца их всех съел.
— Нет, смотри, если бы евреев собрали всех и не выжигали их тупо, а сделали их рабами, и они размножались бы, давали плодовитое потомство, мне кажется, это тоже был бы геноцид :))) То есть, ты считаешь: вот этих вот я так и быть, есть не буду. А вот эти на самом деле ничем не отличаются.
— Больше ли у рыбы сознание, чем у насекомых?
— И вообще эволюция не линейная, — напомнил Андрей.
— Все эти задатки мозга рыбе ничего не дают.
— Если бы рыба ими не пользовалась, это выродилось бы в процессе эволюции, отмерло. Всё, что возникло — всё используется. Всё, что не используется — исчезает, — сказал я.
— А масштабы этого геноцида в масштабе Вселенной настолько ничтожны, что о них лучше даже вообще не упоминать. Так что спорить не о чем, я тебе говорю, — сказал Сергей.
— Есть очень хороший пример инстинктивного поведения насекомых, который раскрывает всю сложность инстинктов насекомых. Есть оса… — начал я.
— Почему я об осах и подумал… — вставил Артём.
— … которая откладывает личинки в живое насекомое, и у неё, если проследить, как она это делает, всё очень разумно, и есть забота о потомстве. Она вырывает норку, откладывает туда свои яички, потом эту норку обустраивает, бежит за насекомым, отлавливает, парализует, приносит его к норке, кладёт у норки, залазит в норку, там всё проверяет, потом вылезает, за усик берёт это насекомое, затаскивает в норку и закрывает. Потом эти личинки рождаются, влезают в парализованное насекомое. Сделали такой эксперимент: вскрыли норку с обратной стороны, и все эти яйца вынесли оттуда,

она зашла в норку, покрутилась, хотя там яиц уже нет, вышла, занесла насекомое, заделала норку и ушла. Она даже не замечает. Потом ещё сделали интереснее: у этого насекомого, когда она его принесла и залезла в норку, отрезали усики, и она не смогла занести его. У неё инстинкт — только за усики заносить.

— Юра, та история, которую ты рассказал, имела два отражения в литературе. Оса думает: вот вы думаете, что мы тупые, что вот вы провели над нами эксперимент, а мы даже не заметили, что яиц нету. Говорит: а понимаете, говорит, чтобы оформить пропажу яиц, это надо в одну насекомую инстанцию пойти, потом в другую, третью, короче, суть в том, что ей гораздо выгоднее забить на эти яйца и сделать вид, что она просто тупая. На самом деле она не тупая. У Стругацких так было. И другое отражение — это у Пелевина в «Жизни насекомых». О человеческом поведении. О том, как человеки ведут себя точно так же, как оса или как комары.

— Конечно, 90% поведения схоже, так у нас и геном с обезьянами на 99% схож, мы же говорим о том, что меняет нас и нашу культуру, что отличает. Я могу проанализировать своё окружение, разобраться и изменить своё поведение, потому что я строю модель окружающего мира.

— По-моему, мы научились очень здорово оправдываться. Вопрос только в том: ты перед кем оправдываешься?

— Я вам доказываю, почему нас есть нельзя.

— Но с нами-то понятно. Но мы тебя не собирались есть. Ты оправдывайся перед каким-то непонятным богом или ещё чем-то. И это, кстати, подсознательно, наверное, оправдывать свои поступки, все же люди так делают.

— Потому что они подсознательно помнят, что их ещё могут съесть.

— Да, вот наверное в этом дело. Отсюда-то бог и берётся, что человек ещё вроде в относительной безопасности, но подсознательно, на генетическом уровне...

— А что это такое? Что ты, Юра, приготовил? — Артём увидел удон.

— Это говно, которое мы сегодня будем жрать. :))))) (это был Андрей)

— Удон. Это японская лапша.

— Окей, это лапша.

— Нет, это удон, — уточнил Сергей.

— Ну хорошо, это вообще удон? Точно, удон, твою мать, осьминоги плавают. А это сразу в пакетах продаётся или нужно отдельно покупать ингредиенты?

— Нужно ещё отдельно варить.
— Это всё — моя фантазия, — объяснил я.
— Да, на это всё ушло минут сорок. Это тебе не Доширак, — резонно заметил Сергей.
— Лапшу тоже купил в супермаркете. Я разную лапшу пробую так делать. Есть отдел, где японские лапши продаются. Удон продаётся по сто сорок рублей пачка, а на самом деле знаешь, из чего сама лапша для удона делается? Из воды, муки и яиц.
— Вот это чудеса.
— То есть, самое дешёвое, что можно было бы придумать. Гады.
— Даже соль не добавляют?
— Не помню.
— Не добавляют. Я пробовал, — ответил Андрей.
— Так что, её нужно самому лепить, — сделал вывод я.
.
.
— А я уже третий день не курю.
— Не куришь?
— Третий день?
— Самое главное — не хотеть.
— Так это пройдёт, а я очень сейчас хочу.
— Кальян, кстати, ещё надо будет развести.
— Нет, я не стану. Кальян он вроде как для курящего человека пофиг, но для меня это сейчас будет губительно. Я сейчас как грёбаная акула, которая две молекулы крови на десять километров чувствует. Там вон, в соседнем доме курят, а я чувствую запах. Я бы лучше пива попил.
— Эти миски я купил специально для удона. Хорошо всё видно, насквозь.
— А палочки тоже для удона специальные?
— Не. :)))) У меня много всяких разных палочек. Что-то сама лапша не пропиталась. Надо, всё-таки, вместе всё готовить.
— Сейчас поедим, и надо не забывать о цели нашего визита.
— Конечно, конечно.
— Вот тут Серёженька говорит, что стоит ехать первого, да?
— Ну конечно, а когда ещё, второго, что ли?
— Выходные начинаются двадцать девятого, официально.
— Да?
— Да.

— Я о том и говорю, а первого они заканчиваются. А второго у меня учёба.
— Подожди, выходные заканчиваются первого???
— Во вторник, короче.
— Я не знаю, как в этом году, но вообще всегда во вторник они должны были бы начаться, а заканчиваться только третьего числа.
— Сейчас выходные: вс, пн, вт.
— Это херня, блять.
— Смотри, это наверное конские аскариды в удоне.
— Да, и он специально так варится, чтоб яйца внутри оставались жизнеспособны.
— :))))))) О, экзотика!
— Юра, это печёночные черви, но они слеплены под осьминога, потому что так удобно специальной машиной их лепить.
— И в меню подробное описание, как черви будут внутри вылупляться, и что вы будете при этом чувствовать.
— И потом на сайте куча комментариев, типа: что-то я съел неделю назад и ничего не почувствовал, должны уже были вылупиться.
— Это кокон, ты его проглатываешь, как целое, а в кишечнике он распадается на тысячу маленьких червячков. И как промежуточный паразит она в сто раз страшнее, чем у того же быка, у которого этот кокон вырезали.
— А это что за кровь на палочке, откуда это взялось?
— А это что?
— О, :)))) а это что у Сергея? Это вообще что-то странное. Там что-то маленькое.
.
.
— Мне кажется чего-то не хватает. Вот если бы ты в бульон добавлял ещё вон ту чёрную штуку.
— Надо почитать про настоящий удон, чем он особенный вообще.
— А та чёрная приправа острая ещё.
— Так в этом-то и дело. Вообще кошерно было бы.
— Они просто немножко какие-то постные, не солёные.
— А это что, рыба? Тут ещё и рыбы кусок? Юра, ты ничего не говорил о рыбе.
— О, точно, рыба ещё.
— Я понимаю удон, как минималистичное блюдо. Но эта лапша — не совсем удон.

— Вот так вот! Мы ещё и не удон ели.
— Самое главное, Юра, не сказать это, когда ты будешь работать консультантом в ресторане.
— Да, а то они съедят, а я платить буду.
— Вот этой приправой можно посыпать, нормально будет, она как раз с солью. Пробуй, пробуй.
— М-м, спасибо.
— Что это — зелёный глутамат натрия? Он ещё и со вкусом васаби.
— Глутамат натрия не зелёный.
— Этот — зелёный. :))))
— Это, получается, естественный глутамат натрия.
— Глутамат натрия вообще не естественный.
— Нет, ты не понимаешь, это сырой глутамат натрия, как коричневый сахар.
— Который растёт на плантациях.
— Аааа, как коричневый сахар.
— Есть специальное растение, у этого растения прям кристаллы глутамата натрия.
— Как марихуана, на которой гашиш прям на листьях растёт. Его только снимать надо. Гашиш, это почти что чистый этот, только концентрация бывает разной.
— А если глутамат натрия добавить в алкогольный напиток, то он и его вкусность повысит?
— Конечно, он ведь действует не на еду, а на твои рецепторы.
— По-моему нет.
— Может его в мозг просто шприцом закачать сразу.
— Он был бы рад. Это ж наркотик похлеще никотина. Попробуй, откажись от никотина. Мне рассказывали странные вещи про то, как на севере бедные олени из-за нехватки соли готовы это, отдаться, короче. Что-то в этом роде. Одна женщина пошла, то есть это история, которую мне рассказывали, в туалет, из чума вышла, и ей говорят: если олень будет приставать, ты, как бы, его посылай. И она вышла, села ссать, и только штаны расстегнула, тут на неё сразу четыре оленя морды пилят свои, она сперва хотела их прогнать, но потом вспомнила, что надо их послать. Сказала: — Пошли нах… — очень громко. И они отступили на два шага и стояли. Потом она сделала своё дело, застегнулась, ушла и олени накинулись на это всё дело и начали чуть ли не драться из-за этого.
— То есть, олени у них команды понимают?

— Смысл-то не столько в этом, сколько в острой нехватке соли.
— А что они не могут какую-нибудь акцию сделать что ли, не так много нужно соли.
— Леса с самолёта посыпать солью.
— Я так понимаю, дело в северном менталитете.
— Охотиться на них легко, значит. Соль показал…
-И они, вроде как, реально чувствуют запах этой соли. Очень далеко.
— Чего в себе не разовьёшь. Ну ничего, родится первый олень, который сможет соль синтезировать в себе…
— В горбах…
— Прям фабрика по переработке. Всего в соль. У него будет шесть горбов, и все будут с химическими реагентом таким, определённый набор веществ, те горбы, в которых будет больше химических ступеней преобразования, они, соответственно, будут больше. Вот это было бы круто.
— В первом горбу из водорода окружающего воздуха делается натрий.
— Извини, каким образом? :))))))
— Ну как, термоядерная реакция синтеза. В другом горбу абсорбируется из атмосферы хлор. В третьем идёт их синтез. А остальные два горба эволюционно законсервированы на будущее. На случай, если условия изменятся.
— Не, в других двух горбах батареи будут.
— Один будет положительно заряжен, другой — отрицательно. Два горба будут, как катод и анод.
— Нет, в этих горбах будут накапливаться отходы синтеза. Например, одно из веществ, которые будут образовываться в результате синтеза — это будет литий. И этот литий будет накапливаться в горбу. Этот горб специально будет предназначен, как кладбище лития.
— И потом животное будет умирать, и его можно подойти разобрать сразу на два килограмма лития, десять литров водорода…
— Да, путём генной инженерии ведь можно сделать синтез чего угодно.
— Конечно, не надо забывать, что это всё ради соли делается.
— Да, смотрели четырнадцатую серию двадцать третьего сезона Симпсонов?
— Они не такие смешные как South Park.
— South Park? Да что-то в последнее время лажают.
— Не, мне Симпсоны нравятся. Там будущее, где уже и у Барта

двое детей, у Лизы дочь. И Мэги беременная.
— Почему-то всем, по-моему, понравилась эта серия. Вот вообще абсолютно всем. Все говорят об этой серии.
— Странное дело, я даже не видел, — заметил Сергей.
— Ну ты даёшь. Это рождественская серия была, — сказал Артём.
— Ну прикольно там будущее показано. Google и всё такое.
.
.
— Всё, закрываю окно, а то не уютно.
— Как, не уютно? Нас видно?
— Да нет, просто. Ты же на подоконнике сексом не занимаешься.
— Экстерьер снаружи не эстетичен.
— Да, там просто двое людей на подоконнике сексом занимаются, и один говорит: — О, смотри как прикольно, там четверо парней удон едят. Давай посмотрим.
— :))))
—:))))
— Они нас пофотали ведь.
— Никогда, говорит, не видела, как четверо парней лапшу едят.
— Какие извращенцы.
— Говорит: — Что, что? Грибы? В удоне?
— Потом это видео проникнет в Японию постепенно…
— Потом будут на местных порносайтах выкладывать.
— Все будут хотеть с нами познакомиться.
— Будут к нам приезжать есть удон, на фестиваль.
— Ещё сделают удон-шоу, там будут четверо парней, одна чашка, восемь палочек.
— Юра, я больше не могу. Спасибо тебе.
— Потом какой-нибудь японский учёный обнаружит, что в каком-нибудь четырнадцатом веке действительно удон ели с грибами в какой-то провинции. Правда, этот иероглиф переводится не только как грибы, но и как то-то, и то-то, но, вполне возможно, и с грибами ели. А вот на этой гравюре тринадцатого века — вот это что, если не гриб?
.
.
.
— Что это вообще такое?
— Что именно?

— «Хриплый голос явно седевшего мужчины»…
— Это в скобочках, это про тебя.
— Да? Окей.
— Это появляется неожиданно новый персонаж и за кадром произносит эту фразу. Дальше текст продолжается. Это относится к читателю.
— Блин, Сергей, надо будет у тебя поучиться.
— Чему?
— Объяснять такие нюансы тонкие. Потому что я очень часто пытаюсь объяснить какой-то тонкий нюанс, и всё это скатывается…
— Короче, Андрей, пожалуйста…
— Сейчас началось развитие…
— … скатывается в пиздёшь с Артёмом.
— В «ебало завали». :)))))))
— Типа того, да.
— Лучше расскажи, как мы на Чандалаз поедем.
.
.
— Я время от времени представляю себе гигантскую такую шкалу из шести миллиардов человек. Представляешь, Артём, ты прочитал, допустим, одну книжку и ты продвигаешься сразу на много тысяч позиций вперёд над остальными людьми, заработав, скажем, одну тысячу рублей…
— Нет конкретной шкалы. Прогресс нелинеен.
— Конечно.
— Я тебе не про это говорю. Всё очень просто, IQ, количество прочитанных книг, количество финансовых средств у людей, это всё подсчитываемо.
— Юр, там большинство подсмыслов каких-то в книге, даже в самой новаторской, те же, что и в остальных.
— А когда смена ценностей-то произошла, что ценится IQ, допустим, а не кошелёк?
— Без разницы. Не имеет значение, какая шкала, любое твоё действие, посидел вечер, ничего не поделал, и ты на несколько тысяч позиций, как минимум, вниз. Ты что-то сделал — ты на несколько тысяч позиций вверх. Из шести миллиардов. В любом случае. Такие скачки будут.
— Слушай, действительно, интересная штука. Но шкала-то, что она есть, это да. Но кто как, вообще, располагается? Кто наверху-то?

— Смотря по какой шкале ты располагаешь. В зависимости от того, чем ты занимаешься, ты сам себе можешь представить любую шкалу, которая тебе нужна. Ты, допустим, работаешь, тебе кажется, что ничего не меняется, ты что-то читаешь, анализируешь, пишешь книги какие-то. А на самом деле ты стремительно движешься вверх по этой шкале.

— А потом попадаешь в армию и понимаешь степень своей полезности по этой шкале. Знаешь, армия — это как конец света. Когда начинается конец света, и стираются почти все границы, и там ты выясняешь степень своей полезности в этом мире вообще. Одни границы обрисовываются, другие стираются вообще нафиг. Стираются одни границы и появляются другие. Другой мир. Это всё о приспособляемости. В армию сходить — это как Аяваски выпить, да, Сергей?

— Ты с самого начала проявил к Аяваске нейтралитет, — ответил Сергей.

— Понимаешь, Сергей, по сути, я вообще не знаю. Что я вообще теряю. Но, чёрт возьми, ты такую рекламу пустил, хоть я и без неё нормально жил. :)))

— :))))))

— Что это вообще такое?

— Ой, Юр, я сломал!

— Вот это, что это такое?

— Мозги!

— Ну и — плохой человек.

— Дай пощупать. Оно форму сохраняет, смотрите. Это силикон что ли?

— О боже!

— Сколько это стоило?

— Пятьдесят рублей.

— Оно жирное наверное? А нет, не жирное.

— Да, в том-то и дело, что не жирное! А выглядит, как будто жирное.

— Пластик какой-то.

— Вообще удивительная штука, да?

— Холодный.

— Ещё он как будто влажный, но нет.

— :)))), О, как будто бы съедобный, а нет. Расползается в тепле.

— А что, жевать можно, как жвачку.

— Я не стал бы.

— Я только что сделал кольцо.
— Сюрреализм Сальвадора Дали.
— Теперь нам есть чем заняться.
— Давайте всю квартиру заляпаем под Сальвадора Дали.
— Дай кусочек.
— Странная штука. Главное, что на руках потом ничего не остаётся, самое приятное.
— Кажется, его становится меньше. Он что, может испарятся?
— Представь себе, что он без вкуса и запаха, но токсичный.
— Медленно растекается.
— Он прилип.
— По-моему это какая-то неньютоновская жидкость.
— Да, возможно. Это точно — порнуха.
— Оно ещё очень странно вибрирует.
— Подаёт тебе сигнал.
— Возможно, оно нас захватит скоро.
— Чёрт, оно меня уже, по-моему, порабощает :))))
— :))))))
— Помнишь, чёрная штука в человека-паука набита, или он в неё набит. И он стал потом чёрным человеком пауком.
— Это, кстати, не я сломал, это она сама выбралась на свободу.
— Смотри, Сергей, вот я задал форму, она эластичная.
— Вы не поняли, с ней нужно делать всё очень, очень медленно…
— И нежно…
— Здесь, наверное, какие-то гигантские супермолекулы, которые меняются очень медленно.
— Купи штук пятьсот и ванну ими наполни.
— У китайцев на ночном рынке в Уссурийске они за сто пятьдесят продавали, мы купили пять штук за сто.
— Если их оставить на потолке, они начнут размножаться. А их личиночная стадия знаете, какая страшная, они бегают, с такими лапками. В человека проникают через ноздри. Человек — это промежуточный хозяин, а потолок — это основной хозяин.
— Я тебя вижу, Андрей.
— Чем занимаются интеллектуалы города Владивостока.
— Зачем ты убрал, надо тебя сфотать.
— Потому что я боюсь, что она мне в глаза затечёт. Я не удивлюсь, если она сверхтекучестью какой-нибудь обладает. Похлеще воды.
— А если в воду положить, она, наверное, растворится.

— А можно из этого сымитировать желток и дать кому-нибудь вместе с яичницей.
— А если он сожрёт?
— Ну вот, будет эксперимент.
— Андрей уже знает, какой он на вкус.
— Ну и какой, Андрей?
— Совершенно безвкусный. Чуть-чуть солоноватый.
— Юра, ты же любишь Oval, да? У тебя есть последний альбом? Мне просто стало интересно, что они сейчас делают вообще? Что он сейчас делает.
— Самый овальный парень.

.

.

— Когда ты, Юра попадёшь в…
— В анналы?
— Не, когда ты попадёшь в зону комфорта. Представь себе, что сбудутся все твои мечты, то есть, у тебя будет прекрасная жена, квартира, которая нужна будет именно тебе.
— Это не достаточно для меня.
— Ну, а что тебе ещё нужно? Книгу писать?
— Допустим, пятнадцать миллионов долларов.
— Да причём тут пятнадцать миллионов долларов, ты, реально, ни в чём нуждаться не будешь. Все твои желания будут удовлетворены.
— Что-нибудь всегда найдётся.
— Вопрос.
— Дело в том, что ты всегда концептуализируешь искусство, когда слушаешь его, — сказал Андрей.
— Ты здесь как это вообще вставил, мы о другом вообще говорили.
— Рассказать вам, какую я жизнь буду вести тогда?
— Да, допустим. Представь себе — всё чётко стало.
— Я не буду работать на одном месте, я хочу поступить на психфак МГУ, купить квартиры в нескольких местах, или дома, где мне нравится, и я буду ездить везде, фотографировать, куплю очень мощный ноутбук, фотоаппарат и буду постоянно в дороге, ездить по миру и писать, фотографировать, издавать книжки, буду друзей своих возить в гости.
— Окей.
— И не выходя из задумчивости, взять и сделать недельный или двухнедельный трип, вообще не думая, куда я еду. Я купил

билеты в Таиланд, просто вышел из самолёта, поехал в гостиницу, переночевал, даже не выйдя из гостиницы, потому что мне пофиг, сел в такси и поехал на самолёт в Австралию. Ну там, ладно, вышел, походил. Просто я в задумчивости, просто мне не захотелось выходить на улицу в Таиланде. Плотом я поехал в страну с каким-нибудь очень странным названием, мне просто понравилось это название, типа Андорра. Знаете, вот, есть такая страна — Андорра, когда у вас ближайший самолёт? Завтра утром? Нормально. Я вышел из гостиницы, посмотрел, ну страна, как страна. И снова полетел куда-нибудь. В принципе, всё это время я буду что-нибудь писать, и мне даже пофиг, что я в Андорре. А потом почему-то в Гватемале.

— Суть в том, что у тебя тогда всё станет прекрасно. У тебя всё будет просто охеренно. Но весь остальной мир будет также испытывать какой-то экономический кризис, убивать друг друга.

— У меня есть несколько проектов, которые я хочу для мира сделать.

— Например?

— Вот смотри, мы едем в Париж, видим, как всё там круто, в плане архитектуры, приезжаем сюда и видим разницу. Не потому что русские люди всю свою историю были менее талантливы, просто это всё либо не реализовалось, либо порушили. Я хочу сделать такой проект, чтобы собрать материалы с архивов всех библиотек, всех архитектурных факультетов ещё с девятнадцатого века, с основных институтов, и все эти гениальные проекты, и просто интересные проекты, которые русские архитекторы делали и которые теперь остались только на бумаге, издать огромным многотомным изданием, чтобы люди листали и видели, что на самом деле русские архитекторы всю эту красоту проектировали, а мы её не видим, потому что она вся осталась в проектах.

— А потом это ещё и построить, найти спонсоров. И вот тут-то тогда всё будет здорово. И то, ты проживёшь всю жизнь, а окажется в конце, что надо было просто в бога верить.

— Вот мы будем смеяться. :)))

— :))))

— Я про это и говорю. :))))) Там в конце выяснится.

— И ещё я буду путешествовать с очень маленькой сумочкой. Потому что мне вещей не нужно будет. Я буду всё покупать по кредитной карте. На месте. У меня будет в горах маленький домик, куда я буду посылать все сувениры, которые мне понравятся, не возить же их с

собой.
— Ты на мелочах каких-то сосредотачиваешься.
— Вот как казаки считают, ну и вообще в целом родные…
— :)))))
— …что истина — это семья. То есть — семью создал, и всё чётко.
— Ну это понятно, чем навязано. Социум навязывает эту истину с первобытных времён.
— Почём ты знаешь, что у тебя не навязано?
— Потому что социуму никакой пользы от такого моего образа жизни не будет. Я буду полнейший паразит на теле общества.
— В принципе, ты книгу будешь писать.
— Ещё фотовыставки делать.
— Но хрен с ним, с социумом. Короче, очень запутано всё.
.
.
— Сколько у него наград? Что, мы смотрим фильм без наград?
— А, кстати, ты в курсе, что я фильмы с бюджетом меньше чем за тридцать миллионов долларов на большом экране не смотрю?
— Опаньки, Андрей.
— Да, Андрей, на Кинопоиск заходи. Сначала на Кинопоиск, потом мы подумаем, зачем мы включили проектор. :))))
— :))))))
— У проектора же главное — это лампочка, которая не вечная?
— Да, пять тысяч часов всего.
— Пять тысяч часов всего, Андрей.
— А стоит она, как пятая часть проектора.
— Пять тысяч часов говоришь? Это поэтому она у тебя зазря светит постоянно?
— Надо свет выключить.
— Свет выключить, чтоб лампочку на проекторе экономить.
— А где щипцы для кальяна? А всё, можешь выключать. Щас микс сделаю.
— Ты кальяны хорошо делаешь?
— А ты лучше делаешь? Мне не нравится одно, но это от меня не зависит, что она прогорает очень быстро. Поэтому у меня есть ещё от второго кальяна чашка, я сразу две заряжаю, один курим, другой остывает и перезаряжается новым табаком.
— Я видел один фильм, где мужчина брал зерно пшеницы и рисовал на нём портреты, Толстого, Достоевского, Пушкина…

— Пелевина… :)))))))
— И он говорит, что пшеницу нашли в пирамидах, ей четыре тысячи лет, если правильно её хранить, она, говорит, вечный носитель, вообще.
— Да, поэтому, говорит, я на ней и рисую. А ещё он начал записывать на ней избранные сочинения Эйнштейна.
— Но его планы не удались, потому что один мудак выпустил курицу.
— И курица сожрала все достижения человечества.
— Теоретически, можно было вспороть ей желудок, прям тут же, на месте. И спасти некоторые недоферментированные достижения человечества. Но тоже странно. Помнишь случай, когда кролика хотели убить, и мужик говорит: — Я убью этого кролика, если вы не заплатите мне денег? И все стали платить ему деньги. По сути, блин, миллионы кроликов погибают ежедневно, чтобы быть съеденными там, в другом месте. Но тут конкретный кролик. Тут совсем другая история начинается. Хотя, по сути, в том-то и дело, что ничего не меняется. Какого хрена, почему бы ей не вспороть живот даже ради небольшого количества спасённых семян с записями? Заново их делать — это вообще жопа полная.

.

.

— Все отказываются от генно-модифицированных продуктов.
— Я не отказываюсь.
— Не отказываешься?
— Ну ладно, я тоже не отказался пока. Но просто дело в том, что их пока не так много в нашей жизни. Вот 90% сои генно-модифицировано. Так что, наверное, 90% растительного масла тоже.
— Как ты относишься к козе, которая даёт шёлк?
— Ну, прекрасно. Давно пора было раньше :)))))))) дать шёлк. Это ж здорово, Сергей, а что такого?
— Представляешь, шёлковое бельё будет стоить по цене синтетического.
— А как тебе корова, которая даёт инсулин?
— Вот я только хотел сказать. Самое интересное, что все выёбываются, когда реальной жизни не касается. Про инсулин никто не думает. Потому что это реальные жизни спасает.
— Или свинья, которая вырастит тебе новое сердце. В чём проблема-то?

— Как она тебе новое сердце вырастит?
— Возьмёт и вырастит.
— А как оно у тебя окажется.
— Пересадят его к хуям.
— У неё будут твои гены главного комплекса гистосовместимости.
— Оно будет хорошо работать?
— А в чём проблема-то? Это только с кармической точки зрения оно может не очень хорошо работать. Спасешь тело, но губишь душу.
— Слушая, а как у нас сейчас дела на рынке со стволовыми клетками вообще?
— Вот об этом-то и говорят.
— Ну нормально.
— Тебе стволовые клетки нужны?
— Оно развивается? Я бы их заливал молоком и ел каждый день.
— Что за бред, Сергей.
— А они что, так полезны?
— Да нет, конечно. Сергей, к чему ты это сказал?
— Это была метафора. Имелось в виду — пользоваться.
— Чтоб это использовать, тебе надо дать свои стволовые клетки, чтобы они их вырастили.
— Ты видел фильм «Вдребезги»? Отечественный. Хороший фильм. Он очень кармический. Все получили по заслугам. А ещё я сегодня во сне газ воровал. И меня поймали. Был такой большой баллон, и мы с маленьким подбегали, накачивали и пытались свалить, но нас поймали. Приехала полиция…
— Ну, ребятушки…
— Хриплый голос за кадром.
— Блин, такая штука вообще наверное никогда не надоедает. Ей даже в автобусе можно играться, только не все поймут, — сказал Артём, играя собранным из магнитиков неокуба многогранником.
— Да, кто-то карьеру сделал, кто-то семью завёл, а Артём сидит этой штукой занимается. :))))
— А представь себе — завёл свою семью…
— Да пора уже забить на всех.
— …сделал карьеру и играюсь этой штукой.
— На этом экране он особенно здорово смотрится, как будто бы.
— Это сарказм?
— Не знаю.
— Это вы только что дыму напускали?

— Как это… антураж?
— Как бы этот антураж дымный не остался на всех сценах.
— Или не антураж, а винтаж.
— А мне вспоминается слово, которым называлось сегодняшнее блюдо.
— Рамён?
— Рамён это в целом. Удон?
— Да, это удон был.
.
.
— Может, сделаем перерыв? Нажми паузу.
— Что у вас за тяга к воздуху?
— Да хотелось бы как-то.
— Странные вы какие-то
— У нас как у насекомых — рефлекс.
— Сколько уже прошло от фильма?
— Сдаётся мне, что некоторое количество.
— У Артёма на спине надпись: «Прекрати меня…»
— :)))))))
— Это неплохо, кстати. Это лучший момент в фильме.
— А мне нравится, кстати, этот фильм.
— Я пока ещё не въехал.
— Он интересный. По крайней мере, смотришь и думаешь — блять …
— Но он пока ещё не раскрылся.
— Я не могу смотреть на эти субтитры.
— Ты на субтитры смотреть не можешь?
— У меня фильм и субтитры в разных измерениях.
— Сколько надо посмотреть с субтитрами в оригинале, чтобы научиться понимать их язык? Ты же смотришь фильм, слушаешь речь и понимаешь, что это значит. Даже отчёта себе не отдаёшь. Примерно так же, как и с русским языком.
— Сомневаюсь, мне кажется то, что язык оригинала у тебя в голове просто как бормотание какое-то остаётся.
— Но он же до подсознания, в том-то и дело, …
— Дешифровка ещё нужна.
— Так это дешифровка и есть.
— Не.
— Нет, не получится.

— Артём, тогда ты бы уже мог понять, чё там птицы тебе, блять, говорят, собаки.

— Чё тебе собачка лает.

— А перевода-то нету того, что тебе собака лает.

— Ты видишь, что она делает. Наблюдаешь, когда она ест, какие звуки издаёт.

— Но ты примерно и понимаешь, что если кошка таким образом мяукает, то она жрать просит. А если она совсем другим образом мяукает, то ты сейчас от неё получишь за грехи свои.

— И как хорошо ты понимаешь?

— Достаточно. По крайней мере, у своей кошки я узнаю, что она хочет. Но она, в принципе, немногословна. Я бы сказал даже — не информативна особенно. Она либо жрать хочет, либо пизды даёт, либо ей ещё что-то надо. И если она что-то хочет, но не жрать, это тоже понятно, что она что-то другое хочет.

— Оооооооууууу…

— Андрей, прекрати, на нервы действует.

— Кому?

— Хотя бы мне. Я не думаю вообще, что это кому-то нравится.

— Мне чем нравится позиция Юры, что он всегда поддерживает всякую хуйню.

— Неужели, Юра, тебе приятно?

— Я помню, когда мы сидели на набережной за столиком, и подошла тётенька и говорит: молодые люди, цветы покупайте, и Обдир: «Ааааа, мёртвые цветы!» А она говорит: «Ну вы ж один только сказали», тут мы с Юрой тоже давай кричать: «Мёртвые цветы! Мёртвые цветы!» :))))))

— А вот прикольно в данном месте времени-пространства ощущать себя в контексте чего-то, что произошло ранее.

— Ну конечно, прикольно.

— Это и есть жизнь.

— А большинство людей живут вообще вне времени и пространства. Наливают воду, идут в церковь и делают из неё святую.

— Я потерял мысль.

— Это тут причём?

— Как мы вообще до этого докатились?

— О двух тысячелетней истории христианства, с этими вселенскими соборами, всей этой хернёй, с их убогой философией, тысячелетней политикой, с Римом, кровью и опиумом для народа, с умиранием

бога, с Ницше, с тем, что это не одно столетие назад стало уже даже не смешно и не скучно, умерло и перегнило, им пофиг. Они насекомые, а стадный миф у них выполняет роль рефлекса у осы. И ещё миллион лет эти их инстинкты будут такие же.
— Они не знают, что бог умер, и идут в церковь :))).
— Они не прошли всю эту историю.
— Юра сейчас говорит о том, что все эти люди живут вне времени и пространства, они живут вне контекста того, что произошло раньше.
— Я думаю, мы полетим в космос и всё равно будем верить в бога.
— Верить в бога это одно…
— …а поклоняться христианской религии — это другое.
— Ну так оно подчиняется совсем другим законам. Но работает, скорее всего. Святая вода-то.
— Ты проверял?
— На мне точно работать не будет, я не отношусь к христианскому эгрегору.
— Это не в христианстве дело. Японцы вон пытаются объяснять. Ну это правда на хуйню всё похоже…
— По первому каналу передачу смотрел?
— Конечно. :))))
— :)))))
— :))))))
— Но тем не менее. Понимаешь Юра, тебе рассказали про сверхструны, а ты и поверил.
— Я не поверил, я знаю, что это одна из теорий.
— Он её не исповедует.
— Может это вообще полный…
— Тогда бы рецензенты этих журналов…
— Может это на 99,99% неправда.
— Нет, это более правда, чем квантовая физика и теория относительности, потому что эта теория объединяет эти две теории и с очень большой точностью до миллионных после запятой предсказывает и подтверждает эксперименты.
— Но кто это рассказал?
— Я тебе могу принести каталог абстрактов статей с Web of Science за несколько лет, несколько тысяч, ты в них будешь разбираться и писать авторам. Это всё публикуется в реферируемых журналах, потом в монографиях и потом в книгах с ссылками на источники. И там всё в формулах, которые есть отражение законов логики. Ты

можешь в этих формулах разобраться и если найдёшь ошибку, тебе скажут только спасибо.

— А ты говоришь, Андрей, телефон Шубина. Тебе принесут телефон Шубина, предоставят десять формул, и ты в них разобраться даже не сможешь. Эти ребята, вон, мир меняют. Говорят, вот видите, три буквы «М», по четырнадцать, вы как бы, в принципе, можете и не верить, но можете и верить. Опять же, формулы какие-то предоставляют, что-то как-то объяснить пытаются. Цифры приводят. Понимаешь, и каждый в них может разобраться. А двадцать миллионов уже и разобрались.

— :))))))

— А те, кто до сих пор не разобрались, они им каждый раз говорят: «Ну ёп твою мать, ну как таким дебилом-то можно быть. Я не понимаю, тут же всё для дураков написано».

— :))))

— Ну да.

— Ну да, Сергей, я об этом и говорю. :)))))))

— Тридцать миллионов уже с нами.

— Как ты, Андрей, такой баран, до сих пор себе телефон Шубина не купил? Вот. И не веришь в круглую Землю и теорию суперструн. В этом всё и дело.

— Путаешь карты, Артём.

— Как сказать. Ты вообще видел эти суперструны? Тебе приходится только верить.

— Я что, вообще что-то говорил про суперструны?

— Так в чём проблема с богом-то, вообще? В чём с богом-то проблема? В него просто берут и верят.

— Да ты, поди, бога не видел? В бога не верят, его познают. Если ты будешь верить, то будут проблемки.

— В этом-то и смысл верить в него, в том, что ты уверен в том, что он есть.

— Тогда можно верить в буддизм и не заниматься вопросом бога вообще.

— Ну ты веришь в него?

— Мой настрой на том, чтоб не верить в него, а проверять его, до конца.

— С хера?

— А зачем в него вообще верить?

— Так сказал Будда первый. Он сказал: «Не верьте ни одному

моему слову».
— А я верю, Артём, в человека-паука.
— А я верю в паука-человека.
— А я верю в козу-паука, которая делает шёлк.
— Да подождите вы, я пытаюсь реально разобраться, причём тут человек-паук?
— Потому что ты хрень говоришь. Ну что, веришь, причём тут веришь.
— Но ты же веришь в сверхструны?
— Я не верю в сверхструны. Я верю этим людям — исследователям и рецензентам рецензируемых журналов. И у меня есть основания, что я не смогу опровергнуть их проверки и доводы. Я могу сейчас с ними связаться по е-мэйлу, и они предоставят мне доказательства. И если я потрачу определённое время, я в этих доказательствах разберусь. Вера тут не причём.
— Так та же самая история и с христианством.
— Верит быдло, которому своими мозгами мыслить не нужно. Так же и с богом. Никакой веры тут не нужно. Просто разные формы познания.
— То есть до бога нужно докапываться?
— Конечно. Аяваску выпить, например.
— Есть чё по вере?
— :)))))))
— То есть, бога можно и умом понять?
— Блять, а чем ещё, вообще?
— Есть разные формы сознания. Соприкосновения твоего бытия с бытиём мира. Оно может вообще не иметь сознания, но тем не менее это познание, даже если не умом.
— То есть, ты хочешь сказать, проблема в атрибутике?
— Какой атрибутике?
— Святая вода и там всё это.
— Проблемы у кого?
— У кого-то, видимо, проблемы.
— У них проблем нет.
— Значит у тебя проблемы?
— Почему?
— Ну вот я не знаю, почему ты возмущаешься?
— Я не возмущаюсь, я подтверждаю слова Андрея, что они живут вне контекста, вне пространства и вне времени.

— Они даже ещё в «МММ» не вступили, — вставил Сергей.
— Низшая стадия эволюции.
— Вообще странная история происходит.
— :)))))
— Да, странная. До сих пор удивляюсь.
— Главное — быть напористым. И поверят в любую хуйню.
— Понимаешь, я сам до сих пор до конца не уверен, что Миша сам до конца верит в «МММ», и с этой точки зрения я рассматриваю Мишино упрямство как просто такую информационную изоляцию, если он хоть раз скажет кому-то, что он делает это ради корыстных целей…
— Миша всегда в выигрыше, это не обсуждается.
— Понимаете, у Миши есть одна особенность…
— Да, что стекло разбилось — оно само виновато.
— …он вроде как пиздеть не умеет, но всегда стоит на своём.
— Но если «МММ» развалится, то Миша скажет, что — «а я знал». Вы чё, ребята, ну это ж сразу было понятно.
— Говно, да, ну поиграли, и хватит.
— Ладно, говорит, у меня-то там свои цели были, а вы-то что?
— Когда я был в Уссурийске у дедушки и бабушки, и было 9 мая на площади, дедушка меня тащил на праздник, а я такой — му — хрю, я не хочу, мне лень. Дедушка сначала злился, а потом подошёл ко мне и сказал, что я говно.
— Это аргумент к «МММ»?
— Нет, это про то, что дедушка свято верил в коммунизм.
— Это к вопросу о том, перед кем мы оправдываемся. Ведь если задуматься, то каждый человек думает, что все пидорасы, я д'Артаньян. Не, ну есть некоторые ребята, у которых проблемы с этим, но в целом они думают, что я д'Артаньян, а все пидорасы.
— Даже если он думает, что он — говнарь, он всё равно думает, что он д'Артаньян.
— Ну всяко. Даже среди говнарей он д'Артаньян. Нет, есть, конечно, Иван Петрович какой-нибудь с соседнего подъезда, он конечно о-го-го, вон чего добился, машину себе купил, я ещё, конечно, нет, но, блять, я-то всё равно д'Артаньянистей. Но Иван Петрович тоже нихера.
— Хочешь быть моим д'Артаньяном?
— Да брось ты.
— Что-то мне вспоминается старая шутка: «Сэр, вы обосрали кончик

моей шпаги».

— А в чём шутка-то была, я так и не понял, кстати.

— Подумай.

— Акцент на слово «кончик»?

— Или «шпага»?

— Думай. Глубже.

— А потом был ответ: «Если бы я знал, что это ваша шпага, я обосрал бы её всю». И в чём же шутка? Совсем не понимаю. До сих пор не могу понять.

— Так вот, всё начиналось с того, что здорово себя осознавать, как результат всего, что произошло до тебя.

— Осознавать — это вообще здорово.

— Да, кстати.

— Ну вот этим все и занимаются.

— Нет, на самом деле я испытываю с этим проблемы.

— Никто этим не занимается.

— Мне кажется, что никто себя не осознаёт.

— Японцы, по моему, познали дзен в том, что они перестали осознавать себя. Забили и живут себе.

— Есть два разных вида неосознания. Есть до того, или после. Ты уверен, что у них — после?

— У японцев?

— Я на самом деле очень бываю счастлив, когда осознаю себя.

— Мне кажется, австралийские аборигены себя тоже не осознавали.

— У австралийских аборигенов была суперкультура.

— Так в том-то и дело, осознавали они себя или нет?

— Конечно осознавали.

— Почему именно австралийские?

— Потому что они были круче всех на Земле. Они жили без границ.

— Артём, а может это плод твоего больного воображения?

— Есть градация по всем этим не белым расам, насколько они способны ассимилироваться современной цивилизацией. Лучше всего ассимилируются всякие негры. Хуже ассимилируются маори, но хуже всех на свете ассимилируются коренные австралийцы. Они вообще не способны к обучению и к ассимиляции в нашу цивилизацию, оставаясь на задворках, потому что у них другой способ взаимодействия с миром. Они интуитивно чувствуют воду под землёй. И у них совсем другие взаимоотношения с природой, с окружающей реальностью. И культура, значит, у них была совсем

другая. Но здесь вопрос не в этом, а в том, что они при помощи этих методов могли восходить на надчеловеческий уровень, так же, как просветлённые или гении. Есть много разных путей, о которых мы не подозреваем, которыми можно эволюционировать. Но Рим постарался уничтожить все культуры на Земле.

— Рим?

— Ну да. Сначала Римская империя, потом её приемники в Западной цивилизации: испанцы, англичане. Сейчас современная цивилизация создаёт такие условия поглощения и исчезновения других культур. Это как с биологической эволюцией. Почему сейчас жизнь не зарождается? Потому что, если бы сейчас что-то и зародилось, оно было бы настолько беззащитно, органический комочек, что его тут же сожрали бы. То есть, существует только то, что достаточно развито уже. Так же и с другими культурами. Оно обязано быть цивилизацией, иначе оно просто не выживет.

— Ребят, может кино?

— Мне бы спать уже лечь, завтра на работу.

— Ты даже не знаешь, сколько сейчас времени, во сколько ты хочешь лечь спать, Артём?

— Ты лучше спроси, во сколько я хочу проснуться. Проснуться мне надо бы часов в девять.

— Сколько тебе времени нужно на сон? Пять часов? Сойдёт?

— Или лучше в полдевятого… А кто завтра чем занимается?

— Я бы тоже с тобой проснулся, у меня переаттестация в два. Но я хочу ещё перед этим съездить распечатать плакат и на почту съездить.

— У меня учёба завтра.

— Не знаю, сколько мне нужно спать, столько, чтоб выспаться. Я сегодня спал до двух часов дня.

— О, и я до двух дня спал.

— Просыпался от дождя, который шумел на улице. Слышу: гм, дождь идёт, можно дальше спать.

— Потому что работа отменяется?

— Да, и я каждый раз, когда засыпал — видел сны. Мне пять разных снов приснилось тогда. Интересные, красочные, живые.

— У меня сегодня тоже было два интересных сна. Про что же они были…

— Па-па-па-па-поу… Чё, поехали в воскресенье?

— Блин. Юра, ты можешь из интернета как-нибудь узнать что-

нибудь вообще о праздниках?
— О каких праздниках?
— О том, как люди учатся. Выходные. Что за херня в этом году с первомайскими праздниками.
— Отменили.
— Охуели что ли? Нельзя отменить первомайские праздники. Можно день независимости России отменить, ещё хуйню какую-нибудь. Но первомайские праздники нельзя.
— Почему?
— Ну это, блин, реально те дни, когда на улице тепло, чётко и целых три дня можно отдыхать! Это нельзя такие штуки отменять вообще. Блять, взяли и 7 ноября отменили тоже, это, считай, среди осени день, в который можно взять и отдохнуть. 7 ноября. Один выходной среди недели. Чё за праздник непонятно, день 7 ноября. Нет, так нельзя, майские праздники.
— Да просто возьми отгул.
— Да мне-то пофигу.
— Но студенты страдают.
— Андрей вон предлагает ехать в воскресенье. Я об этом говорю.
— Кино?
— Сколько, кстати, времени?
— Два часа.
— На самом деле я устал от этого кино. Даже хорошо, что мы его выключили. Оно тяжёлое. Как раннее Возрождение.
— Чаю бы…
— А чего у меня конфета с привкусом аджики?
— Теперь можно и сигаретку выкурить.
— Не, теперь можно жрать меньше начать. Точнее, прекратить жрать больше.
— Можешь прекратить жрать вообще.
— Можно подкачаться.
— Попробуй выполни это.
— И начать заниматься духовно. Читать книги…
— Заниматься сексом с мужчинами…
— Не, это лишнее.
— Не, это лишнее.
— Кстати, ты можешь мне массаж сделать.
— Кто бы мне сделал.
— Да, кстати, кто бы мне сделал.

— Может ты сначала?
— Не-не -не -не…
— А то тебе делал Обдир вчера, а мне нет.
— Но это ваши с Обдиром отношения.
— У меня нету никаких отношений с Обдиром.
— Вот видишь, а у меня есть, он мне массаж делает. Заводи полезные отношения. Отношения – это не значит, что надо в жопу трахаться. Отношения могут быть любые.
— Можно и в жопу трахаться. :))))
— Можно и в жопу трахаться, но, как бы, можно и не трахаться.
— О, Юра, открой в Контакте поиск аудиозаписей, включи Autechro и включи просто по порядку.
— Щас будет шипеть, хрустеть, трещать…
— А этот трек надо видео включить, а то, что мы его слушаем, как примитивные люди.
— Ты уходишь?
— Ну, если все будут спать, то я пойду.
— Ты тут живёшь в соседнем доме?
— Фактически.
— Надеюсь, они будут просто спать.
— Ну, Артём сказал, можно и в жопу трахаться.
— :)))))))
— Главное — отношения. :))))
— Но по-моему никто не запрещал.
— Во, Артём разрешил.
— Всё, что не запрещено, то разрешено.
— А что, нельзя?
— Он уже третий раз возмущается по этому поводу.
— Я пытаюсь понять.
— Смотрите, вот эта хрень конкретно растеклась.
— Она стала меньше?
— Я не думаю.
— Вокруг неё вода.
— Эта вода могла и вытечь из неё.
— Она сама по себе мокрая?
— Мне кажется, эта вода тут была. По крайней мере, часть её.
— По-моему эта штука вытесняет воду из себя. Как всякая неньютоновская жидкость.
— Может яблоко на неё уронить.

— Может её нужно хранить в герметичной упаковке?
— Короче, она облезет не ровно, пусть высыхает.
— Не хотите посмотреть новый South Park? Сегодня вышел. Пару часов назад.
— Он ещё без субтитров.
— Уже скорее всего сделали.
— Уже?!
— Конечно! Чего ждать-то.
— Много таких маньяков. На острие атаки.
— Где его искать?
— Онлайн трансляция. sp-fan. ru
— О, смотри, они зарегистрировали-то имя сразу.
— О, они крутые ребята. Ну вот прям в них тыкай. А, субтитры сделали уже, всё. Плэй, полный экран, на проектор сделай тоже.
.
.
— Тут были забавные шутки.
— Как насчёт забавной серии, которая мне действительно понравилась?
— Ну я не против.
— Если это не помешает только твоей завтрашней работе. :)))
— Да. Сколько времени? 2-42. Я вот об этом и подумал.
— Что бы такое съесть, чтобы чувствовать себя действительно хорошо?
— Я вот недавно перед Аяваской голодал и чувствовал себя действительно хорошо.
— Так есть же хочешь.
— Ну и хорошо, кармическая отработка. Пост.
— А что оно дёргается?
— Я с этим ничего не могу сделать. Я сделал максимум…
— А можешь закрыть этот браузер и открыть без вкладок?
— А куда я тебе эти вкладки дену?
— Я думаю, почему я не могу нормально смотреть, потому что он тупит.
— Да подождите, пусть догрузится.
— Мне кажется, эти минималистические мультики ни чего от этого дёрганья не теряют.
— Но вообще-то мы не можем смотреть, Юра, если чё.
— Да? А я могу.

— У них вообще-то фон есть достаточно проработанный.
— У них подвижная динамика.
— А это уже о многом говорит.
— Скелетная анимация.
— Просто они анимированы плохо, куски скелетной анимации
— Просто, Юра, ты сноб. Ты — грязный сноб.
— Юра, где можно спать?
— Ну где лежишь, там и спи.
— А ты где будешь спать?
— Ну я посмотрю где свободное место будет.
— Ладно, всё, я пошёл.
— Давай.
— Уёбывай.
— Ты нам наркотики не принёс, мы с тобой не дружим.
— :))))
— :))))

Ипомея

Действующие и упоминаемые лица:
— Артём: молодой человек в рваных кедах, излучающий душевность, дружелюбие и открытость, тёплый, умный, разносторонний, разговорчивый, иногда не бритый.
— Юля: ушедшая в пятнадцать лет из дома семнадцатилетняя девушка с очень длинными ногами, модельной внешностью, очень компанейская и душевная, с открытым умом, увлекающаяся жизнью, но беспрерывно меняющая свои увлечения, в компании всегда находит доминантного, по её мнению, парня и крутится вокруг него.
— Андрей: фрик-электронщик, подсадивший свою психику психоделическими экспериментами, но не останавливающийся на достигнутом, пытающийся найти жизнь и творчества на полях, куда ступает нога лишь очень особенных людей, как правило — маргиналов больших городов.
— Крис: рыжая шестнадцатилетняя интеллектуалка в толстых очках, испытывающая трудности с социализацией в открытом мире общественных насекомых и отлично вписывающаяся в общество цивилизованных маргиналов.
— Серёга: главный исследователь внутренних пространств, как правило, сидящий на диете и в медитации, иногда медитация дополнена действием псилоцибина или Аяваски. В компании чаще рисует, чем говорит.

В этот раз Артём достал семена Ипомеи, какого-то вьющегося тропического растения. Семена похожие на гречку, и по виду и по вкусу. Купил себе и мне, говорит: это очень сильное средство, и кто ещё будет не важно, так как, возможно, тебе будет не до компании. "А чё ж они такие дешёвые, всего триста рублей, если они такие уж прям сильные?" Я пригласил Юлю, опять же, (она сама напросилась, пообещав, что в моём доме при мне не будет проявлять полового поведения) и Кристи. Юля была, типа, не в настроении, и Артём отдал ей свои семена. То есть, я и Юля ели семена, а Артём и Кристи пили водку.

Семена нужно было размачивать в кипятке, чтоб их

можно было хорошенько разжевать. Трижды заливая кипятком, мы размочили их (порция — двести семян) и, предельно хорошо пережёвывая, съели. Где-то час ничего не было, потом мне стало становиться плохо. Всё хуже и хуже, и физически — так тошнило, что я не мог стоять, подняв голову над подушкой, я бы просто сразу вырвал, думал, что и лёжа вырву, то есть плохо было на пределе, психически тоже было плохо, просто плохо, как когда сильно тошнит, ни о чём не можешь думать. Юля вообще ничего не чувствовала и потому ходила грустная и скучная. Перед употреблением этих семян надо весь день ничего не есть, а Юля, так как изначально не собиралась их принимать — поела, я утром (на самом деле это было где-то двенадцать) тоже позавтракал, но она ела позже, может поэтому она ничего не чувствовала, и, возможно, она гораздо хуже прожевала, чем я. Поэтому ей стало плохо где-то только к середине ночи, и она всё вырвала, и продолжала быть грустной, потому что, несмотря на то, что она вырвала, выпить ей, на всякий случай, так и не дали. Эти семена явно не съедобны для человеческого желудка, желудок из-за них расстроился, есть ничего не хотелось, появилась изжога и всё такое. Часа через два после приёма меня начало сносить. Когда было так физически плохо, что я беспрерывно ворочался и ползал по разостланному на полу одеялу (ворочаться было легче, чем лежать неподвижно, если бы я не ворочался, я бы просто вырвал), к этому добавились психические ощущения резких "сносов", представьте, вам дали резко по лбу, вы потеряли на мгновение контроль и ориентацию, мир рванулся в сторону противоположную рывку головы от удара. Вот что-то подобное, только уносилась не внешняя реальность перед глазами, а сознание, ощущение локализовалось где-то в лобной доле, ну или, по крайней мере, в той части сознания, которое определяется лобной долью, а может сносы уже были сопряжены с физическими ощущениями в лобной доле мозга, не знаю, но то, что воздействие это на лобные доли, я чувствовал чётко. Сносило довольно жёстко, так что воздействие этого растения я определил как очень уж "не аристократическое", грубое и брутальное. Тогда понятно, почему оно стоило всего триста рублей. Как и в случае с сиропом, физическая тошнота постепенно стала уходить, сменяясь всё больше психическими явлениями. Хотя было по-прежнему так плохо, что вставать было нельзя, но возиться уже стало не нужно.

Народ включил какой-то альбом Aphex Twin, в котором довольно

мелодичные треки сменялись почти классическими IDM-овскими. Хотя, всё же, это были не одни щелчки, шум и поскрипывания, красивая ритмически-звуковая конструкция прослеживалась достаточно чётко. Когда вокруг тусили люди, они отвлекали меня от сносов, особенно сильные сносы начинались, когда они все уходили курить, а курить ходили они часто, раз в двадцать минут — это точно. Тогда я оставался лежать один на полу, на одеяле, в темноте, среди музыки Aphex Twin. Сначала я не хотел, чтоб его ставили, вспоминая, как достаточно сложное тусиновое состояние накладывалось на сложную резкую музыку и приводило только к потере контроля, то есть тусиновое состояние с его ментальными конструкциями самодостаточно, в нём я переносил только мелодичную мягкую тягуче-сиропную музыку, желательно даже без вокала, думал, что жёсткий Aphex Twin будет и тут ужасен. Но оказалось, что я ошибся. Музыкальные конструкции рассыпались и складывались в сознании в виртуальные геометрические конструкции, прям как в одном из клипов, не знаю, может моё сознание, не особо способное к визуализации, подобрало наиболее простой и адекватный образ из увиденных, а может, создатели клипа были в том же состоянии, что и я, а может, я в таком состоянии уловил самую очевидную визуальную аналогию этой музыки. Музыка органично вписалась в сознание. Я отчётливо увидел пространственный звуковой коллаж, знаете, более громкие звуки — ближе, более тихие — дальше, более звонкие ближе, и вот такая достаточно сложная музыка, как коллажи Aphex Twin отчётливо укладывалась в сознании, каждый скрип, каждый трансформирующийся звук был висящей в пространстве движущейся, возникающей, пропадающей фигурой. До сих пор хорошо помню щелчок, переходящий в затихающую дробь, как если ударить чем-нибудь твёрдым, но пружинящим, в виде небольших кубиков справа вверху, среди остальных фигур, висящих друг над другом вертикально, сверху большой кубик — основной щелчок, ниже всё более мелкие, с довольно маленькими расстояниями друг от друга, поскольку временные расстояния между этими звуками были малы. И всё это было встроено в общую звуковую картину, где преобладали кубические формы с острыми или закруглёнными краями. Хотя, не могу сказать, насколько этот визуальный трансформирующийся коллаж был точен, в смысле, не упускал ли я, к примеру, отдельные звуки. Как бы то ни было, мой разум оказался способен воспринимать гармонию этой звуковой

картины, и ему нравилось это делать.

Сносы стали очень часты, особенно, когда народ уходил, и я оставался предоставлен сам себе, ничто меня не отвлекало, не сводило с собственного ментального состояния, и тогда сносы следовали просто очередями, в лобной доле и даже в районе глаз, будто давали по мозгу изнутри холодным предметом, какое-то холодно-щекочаще-гальваническое состояние, как вкус металла, так что обильно текли слёзы из глаз. Но это было смешно! Эти глупые грубые сносы — они были забавны! Я смеялся — ну надо же, вот так сносит! И плакал одновременно, но слёзы текли от внутреннего сотрясения, в целом было весело! Не просто весело, меня прибивало по хи-хи. Потом приходили покурившие люди, и я переставал плакать и смеяться, они своими разговорами нарушали мозаику Aphex Twin, нарушали процесс самопознания, то есть, не то, что прям нарушали, просто отвлекали, приходилось думать и слушать между делом, мгновениями. Можно было сохранять своё ментальное пространство, если говорить с ними самому, но все хотели говорить, и мне редко удавалось доминировать. Поэтому моя ментальная канва прерывалась.

Я понял, почему я смеюсь, я понял, почему человека в таком состоянии, в котором был я, прибивает по хи-хи. Это внутренний конфликт между разными частями моего существа. Если бы этого конфликта не было, я бы не смеялся, я бы просто лежал, погружённый в это состояние. Моё подсознание, моё настоящее, непосредственное, чувствующее «я» говорило мне отдаться свободе, которая есть у неба, и это не страшно, и это жизнь, и это счастье, ведь всё для этого, какие бы последствия это не вызвало, всё ведь лучше, чем подыхать в скорлупе, как я делаю это сейчас. Подходи к каждой понравившейся девчонке на улице, тысяча понравится, к тысяче сразу и подходи, лучше пройти через то, что хочешь пройти, лучше так, чем никак, пройди и иди дальше, возьми тот урок, что хочешь взять. Но можно стать безумцем, пристающим на улицах к прохожим, мало ли что выдумает это самое «я», стиснутое в ловушку исковерканного пути, — парировало сознание. Да, это правда, отвечало подсознание, мой закон тоже не абсолютен, хотя я отвечаю только за него. И опять же, говорило сознание, если жить лишь свободой и истинными желаниями, как же выстраивать тот сложный путь, который называется кропотливой работой, реализацией сознательных целей, всякие карьеры, опять же,

выводящие человека в такие сферы, куда не прийти гуляючи. Основываясь только на стремлениях подсознания, можно жить на лоне природы традиционной жизнью, не поднимаясь над уровнем индийской деревни, вперёд эволюцию ведёт разум, он приводит человека на новый уровень бытия, где то же подсознание находит новые впечатления, неведомые ранее. Разум, эта мёртвая развивающаяся биомашина, она рулит человеческой жизнью. Эта биомашина ведёт живое я, истинное я, постоянно вырывающееся из оков разума на свободу, мешающее ему, это лишняя сущность для разума. Но всё это движение, с другой стороны, ради неё — этой лишней сущности (хотя разум и не понимает этого). А что если разум с помощью каких-нибудь технологий будущего решит избавиться от этой лишней сущности, чтоб не мешала ему идти вперёд, не создавала конфликтов? И пойдёт дальше в будущее бессмысленная мёртвая оболочка, восстание машин, уничтожившее людей, восстание разума, уничтожившее настоящее «я». Как переплетены и взаимоисключающи интересы разных элементов человека, как смешно устроена жизнь, как смешно устроен человек, это было забавно, и это-то и вызывало смех...

Я всё лежал, хотя ненадолго мог уже вставать. Я нашёл, как хоть иногда реализовывать своё ментальное состояние на людях, я стебался, когда мне удавалось встроить в разговор хоть слово, я делал это так, что все покатывались со смеху, у меня катились слёзы от смеха, напряжение было слишком сильно. Вскоре я заметил, что все считают, что я уже отошёл, или что семена плохо действуют, поскольку я отвечал на вопросы ясно, чётко и очень адекватно. Я пытался объяснить им, что суть не в этом, что они просто не видят моего ментального пространства. Описывая музыку, я обмолвился о квадратах, и Артём назвал меня квадратным человеком, мне очень это не понравилось, я бы крайне не хотел быть квадратным человеком, и если действительно открылась моя квадратная сущность, я бы хотел изменить её на что-то более живое. Но тогда всё действительно вписывалось в квадраты. Воспалённо-напряжённый мозг чётко очерчивал каждое движение, происходившее вокруг, каждое слово, каждый звук, всё улавливалось сознанием, у всего этого очерчивались концы и начала, причины и следствия, тут же просчитывались ответы, не то что я стал умнее или внимательнее, просто тот уровень ума или внимательности, что был, очертился до болезненной чёткости. Вписался в замкнутый квадрат. Поведения,

действия, отношения каждого человека в комнате — я мог описать каждое из них определённой чёткой словесной формулой, подвижное действие разбивалось на ряд элементарных составляющих, это как плавная линия, при достаточном увеличении оказывающаяся составленной из пикселей — квадратиков. Я не мог представить на месте этих квадратов, составляющих мир, круги или аморфные массы, всё было слишком чётко и определённо. Что-то можно было не знать или не понимать, не разглядеть какие-то квадраты, но они от этого не становились аморфными кругами. Отдельные, очерченные, соприкасающиеся определёнными известными гранями слова, фразы, действия, жесты складывались в квадраты образов, квадраты настроений, квадраты отношений, квадраты личности. Слишком всё пусто-чётко. Я хотел поесть, или выпить, или хотя бы выкурить кальян, они думали, это наложится на моё состояние, будто я, типа, и так торкнутый, проблема же была в ином, именно в этой кристальной квадратной пустоте и всепроницаемости разума, которую хотелось заполнить, затмить хоть дымом, хоть едой, хоть алкоголем. Ну хоть, по крайней мере, поугарать, реализовать её через остроумие, но мне так редко давали сказать что-нибудь, когда у меня получалось вставить слово, мне этого хватало, чтоб слово валило всех со смеху, но это случалось слишком редко, для моего состояния, по крайней мере. И смех был лекарством.

Ночью, ближе к рассвету, все хотели темноты, и всех раздражали даже маленькие лампочки — индикаторы на колонках или на Card reader, ноутбуки прикрыли, чтоб они не светили, но и свет, проходивший через их щель, тоже раздражал. В темноте забили кальян, я дышал им, как паровоз, но кристальную пустоту разума задымить было не так уж и легко, по-моему, у меня так и не получилось, и я бросил это дело. Интересно, как мне удалось заснуть, такое ментальное напряжение не помешало провалиться в сон, сон как бы прошёл сквозь него, и ментальное напряжение тоже провалилось в сон. На следующий день все долго отходили, почему-то так же долго, как и я, хотя они только пили, по сути. Валялись до шести вечера, ушли только на закате, долго ждали автобуса и снова вернулись ещё на ночь. У меня весь день болела голова! У меня по природе никогда не болит голова, а тут болела весь день. Та самая лобная часть, ближе к глазам. Болела, как от напряжения. Болезненность ощущалась и первую половину понедельника. Сейчас вечер понедельника, вроде, общая болезненность прошла,

но иногда слабое побаливание лобной зоны мозга над глазами я испытываю до сих пор. Ну что тут можно сказать, как я понял, психоделик и наркотик — это разные вещи. Для самопознания и новых ощущений этот психоделик стоит разок принять, но принимать его далеко не кайф.

— Ну что там с нашими семенами? — спросила Юля.
— Кстати, что там с семенами? — спросила Крис.
— А я не знаю, — сказал Артём.
Булькает кальян, звучат приходящие смс.
Начинает играть новый трек:
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
О, официант, можно мне кружечку какао?
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Пожалуй я сегодня возьму… Да, спасибо, я буду ждать за столиком.
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Когда принесут моё какао?
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Я хочу попить моего какао.
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Какао, принесите мне какао. Какао? Хе-хе-хе… какао…
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Попробуйте какао.
Ой, какое оно горячее! Унесите. Унесите горячее какао. Остудите мне какао, оно слишком горячее, я не могу его пить.
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Да пейте, пейте какао!
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Помню, мама мне в детстве какао готовила. И комочки оставались, они всплывали, можно было их ложечкой доставать.
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
А бывало, встанешь утром и как-то, знаете, вот, ни кофе, ни чай, вот, не прёт. Но вот кружечку какао наваришь и как-то хорошо очень.
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
А вот пейте какао. Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас, сейчас…
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Пожалуйста, вот ваше какао.
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…

Сейчас, сейчас, сейчас будет какао, сейчас будет какао…
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Ждите, мы вам принесём, вы будете пить горячее какао.
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Напиток индейцев Южной Америки. Издревле его пили и пьют по сей день.
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Попробуйте какао. Попробуйте. Ну попробуйте же, вкусно!
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Дети. Все за стол! Какао!
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Милый, какао. Ещё, ещё какао.
какао, какао, горячее какао, какао, какао, горячее какао…
Какао бьёт мировые рекорды по продажам. Его покупают в основном… все… все… все… все…

— :))) Мальчики, вы гении! — резюмирует песню Крис.

— :)))

— Да-да, было время. Ну что, теперь ударим по Мередит Монку? Копируй этот файл.

— Ага.

— Это прям было замечательно. Я прям под впечатлением — под впечатлением.

— Как бы музычка не наша, она просто играла на плеере, чья-то непонятная музычка.

— Так, я их заливаю в третий раз, да?

— Да! Проверяй, чтобы они как бы разбухли. Они должны мягкими стать. Если некоторое количество будет не мягкое, то ничего страшного.

— Вообще-то, ложкой если, они довольно мягкие.

— Мне пришло в голову, если на такой водичке кальян поставить? — спросила Крис.

— О-о-о-оооо…, я не знаю, конечно, — задумался Артём.

— Зато эффект самоубеждения сыграет свою роль.

— Они, вообще, мягкие.

— Ну наверное они уже это. Они должны быть совсем такие мягкие-мягкие.

— Вот. Там сейчас копируется, или что? — спросила Крис.

— Всё, скопировалось. Включай Мередит Монка.

— «*Turtle Dreams*» альбом называется. Вот этот трек классный.

Правда, он длиться дохуя, но мы его весь слушать не будем. Музыка вообще, по мне, так гениальна. Трек называется — Сны черепашки. Знаешь, когда я в первый раз по ссылкам его слушал — за душу трогает, действительно, будто черепашка эти сны видит, — рассказал Артём.

— Ну оно хорошее, мелодичное, это не тот скрежет, который Андрей пытается ставить.

— Андрею, кстати, тоже очень понравилось.

— Оно более сиропное какое-то.

— Понимаешь, у каждого свой сироп.

.

.

— Берёшь ложку, забрасываешь в рот, пережевываешь. Пережевывай тщательно очень. Чем больше пережуёшь, тем лучше будет. Ещё через слизистую будет впитываться. В кашу пережевывай. И держи во рту.

— Да они сами по себе как каша. Гречка какая-то.

— Если съешь их достаточно от них будет какое-то неприятное ощущение, будто они там в горле встанут. Но это терпимо, и это не так сильно влияет. Ну всё, друзья. Хотя, начнётся наверное где-то через час. Будьте готовы ко всему. И ты, Юра, не ходил бы ни туда, ни сюда, а занял бы одно положение… Они ж, представь себе, теперь нас вдвоём будут обсуждать в мыслях. Мы их даже не услышим. Они про нас такие гадости будут говорить. А мы и не поймём.

— А мне нечего про вас такого сказать.

— Знаешь, Серёга классную штуку рассказывал, как он, Яр и Серёга наелись сиропа. Подходят они к рекламному щиту, и Яр берёт пальцем и начинает тыкать в щит, казалось бы, хаотично, а Серёга смотрит на это всё и понимает, что он хочет ему сказать. И начинает тыкать в щит тоже. А там, на щите реклама, много букв, и они просто на буквы тыкали и слова друг другу тем самым писали. И стояли минут сорок просто вот так общались. Ты ж знаешь, понимание приходит вообще неизвестно откуда.

— Ну да.

— Они даже вкусные.

— Как гречка, по-моему.

— Народ, аккуратнее. Я говорю, примите полулежащее положение.

— А я жрать хочу, — заявила Юля.

— Не надо жрать.

— Я знаю.
— Ни в коем случае.
— А тут конфеты, от профсоюза подарок стоит, — вспомнил я.
— М-м, от профсоюза? От институтского?
— От университетского. А то я думаю: что меня маман конфетами не угостила…
— Подожди, Юра, по какому поводу тебя конфетами кормят? — не понял Артём.
— Ну, я – член профсоюза. Подарки. В институте птичье молоко, а в университете… в университете я даже не знал, что я – член профсоюза, может я забыл просто.
— Наверняка что-нибудь подписал где-нибудь.
— Не, ну в институте-то я помню, как подписал, а университет – это вообще абсолютно дикое просто, средневековое заведение, ещё более дикое, чем просто улица, оно вполне могло там быть встроено в сам контракт или вообще по умолчанию, хочешь работать — плати, не хочешь платить — не работай.
— Понятно.
.
.
— О, вот это вообще божественный трек.
Из 8-битной музыки у меня много знаешь чего? Саундтреков к ZX spectrum.
— Это группа?
— Нет. Это компьютер.
— Да, я знаю, что был компьютер.
— Саундтреки к играм. Дело в том, что какие-то больные люди на каком-то сайте собрали нереальную коллекцию, и там просто неограниченное количество, десятки тысяч файлов. Там файлы — сиквенсы, буквально от одного до четырёх килобайт весят, и программки, через которую слушать и через которую конвертировать в wav.
— Юра?
— Ага.
— Я беру в оборот овощную смесь.
— Оборачивай, оборачивай.
— Ты какую смесь взяла: оральную или аборальную?
— А это будет приятным сюрпризом.
— Юра, сразу говорю, как только почувствуешь что-то неладное —

ляг. Я извиняюсь за эту музыку, но она мне нравится.
— Я ненавижу этот трек, я ненавижу его! :))))
— Знаешь, что мне порой нравится? То, что когда слушаешь музычку, думаешь Aphex Twin там какой-нибудь, девяносто четвёртый или ранний немножко год, там ещё такая психоделичная страшная музыка, а когда у Андрейки спрашиваешь год, оказывается восемьдесят пятый там, ты ещё не родился, а люди тогда уже гнали. А я только сейчас к этому подхожу. Понимаешь, люди гнали ещё пятнадцать-двадцать лет назад, а я только к этому подхожу.
— Они гонят испокон веков.
— Но так гнать — извините. Анекдот вспомнился один забавный. Вовочка назвал учительницу дурой. Созвали педсовет, вызвали родителей, говорят Вовочке: — Значит так, скажи три раза «Марья Ивановна не дура» и извинись. Вовочка «Марья Ивановна не дура... Марья Ивановна не дура? Мария Ивановна не дура?! Ну извиниииииите!» :)))))))
— :))))))
— А дай я запью?
— Алкоголь? И LSD? :))))
— :))))
— Вот тебе грейпфрутового сока лучше бы.
— Да, это было бы нормально.
— В желудке тяжело стало.
— Тяжело в желудке — легко в бою.
— Что за тема?
— Нравится?
— Просто проблема в том, что я под неё танцую.
— Да-да, очень классно. По-моему, следующая вообще неплохая.
— Цианистая оборона.
— Несмотря на то, что я люблю всякие старинные танцы, всё-таки рваный ритм больше подходит.
— Если тебе нравятся рваные ритмы, тогда матметалл, маткор и матрок. Это математическая музыка.
— Ну я поняла.
— Берёт, нет?
— Чуть-чуть жарко стало.
— Нравится музыка?
— Ну да. Резковатая, правда.
— Ладно, выключим музыку и взорвём тему.

— Там про что?
— Уууу, брат… Это такой вот интерфейс в игре, собственно, вся игра выглядит так же.
— В каком-то журнале «Радиотехники» был даже раздел: игры на программируемом калькуляторе.
— Игры на программируемом калькуляторе? Это знаешь, была игра такая, у неё была кнопка «вернуть назад» и в чём заключалась игра: один жмёт на какую-то циферку определённую, а второй на Backspace, и у кого в какую сторону движется. :))))
— :))))
— Всё, я буду смотреть на отражение в зеркале этого безобразия.
— А я тебя там не вижу.
— Я тебя тоже не вижу.
— Слушайте, :))))) это реально вы друг друга не видите или вы это нереально друг друга не видите?
— Зеркало такое. А может быть она просто оборотень.
— Ну всё, начались приключения. Переводите быстро.
— Река. Мёртвые тела, что-то там будут, асклепиус, короче. Почему ты рыдаешь…
— Непереводимая игра слов.
— Знаешь, я когда под сиропом это смотрел, я так переживал за главного персонажа, я думал, просто, себе зубы с языком выдавлю. От переживания. Звук офигенный. Просто, понимаете, когда эту игру начинаешь понимать, насколько она просто офигенная, несмотря на свою убогость, казалось бы, я тебе покажу, как эта игра построена, ты в шоке будешь. Потому что я был в шоке.
— Вот сейчас можно даже остановиться среди дождя и подумать.
— Ну вот, смотри, сколько их, мочи.
— Нет, это хорошие люди.
— Ну вот и мочи их.
— Нет, не стоит
— Они на тебя могут обидеться?
— Всем привет от Деки.
— Здорово.
— Ему так же.
— Тошнит?
— Да нет. Просто. Не могу смотреть на такую игру.
— Да? Почему?
— Надо постоянно, внимательно смотреть. Я лучше так, в потолок

посмотрю. Или хотя бы на подоконник.

— Ты неудачник. Я вышел из игры, если ты не заметил. :))))

— :))))

— На самом деле, когда появился ещё Doom, когда там монстров надо было мочить, я в этот Doom поиграл пару часиков, и у меня началось такое нервное напряжение, я даже спать не мог, а такое у меня бывает редко, я вообще не чувствителен, глаза закрываю, веки трясутся, открываются, в закрытых глазах Doom продолжается вовсю. Я пошел, принял душ и включил старый советский художественный фильм, «Джентльмены удачи», и ничего, отпустило меня. И вообще я в игры не играю, мне терпения не хватает.

— Интересно, если я сейчас засну? — спросила Юля.

— Не надо засыпать, не смей! Зачем ты ела? Как Андрейка, у него есть такой прикол: напиться сиропа и спать лечь. Я хуею.

— А может ему сны клёвые снились.

— Мы тебя разбудим.

— Нет, я понимаю, есть такой клёвый эффект. Понимаешь, есть такие приколы, как спать под сиропом. Это отдельная тема. Но, просто, не спать под сиропом, я вам честно говорю, гораздо интереснее. Снится и без сиропа всякая фигня.

— Так вот, что хотел сказать. Мне терпения не хватает в компьютерные игры играть. Мне хватает только, когда брат интересную игру приносит, говорит, смотри какая игра, начинает в неё играть. Я сажусь на диван и смотрю пятнадцать минут, будто кино, как он играет, мне достаточно.

— Ты что-нибудь чувствуешь, Юля?

— Не знаю.

— Понимаешь, то, что она не знает, это уже интересно. Раньше она говорила, что ничего не чувствует, сейчас уже не знает.

— Я покурю, меня сейчас не убьёт?

— Ничего не убьёт.

— Да, пить так нельзя, курить так можно.

— Ну в смысле, курить — это курить.

— А пить это, сам понимаешь, пить. :)))))

— Никто не хочет пойти покурить?

— Я хочу пойти покурить.

— Я хочу пойти покурить.

— Пойдёмте все вместе покурим.

— Ой, я сейчас вообще ничего не хочу.

— Оооо! :))))))
— Я хорошо жевал.
— :))))))
— :))))))
— Короче, дело в том, что когда оно начнётся, ты не ошибёшься.
— Да у меня изжога, вот что у меня началось.
— Досюда долетел запах подъезда! Запах подъезда arrival. Запах подъезда come here.
— Так, определённо мало посолила.
— Что, всё испортила?
— Пересолила.
— Это плохо.
— А я ещё не размешала.
— Ты производишь резкие кухонные звуки.
— Вот такая я вот резка кухонная женщина.
— Кстати, — вспомнил я свою мысль.
— Да? — отозвалась Юля.
— Я завожу одноразовую кухонную посуду.
— Да?
— Да. Теперь она у меня даже где-то есть. Она лежит на дальней верхней полочке.
— Ты думаешь, это имеет смысл? Я вот не люблю одноразовую посуду.
— А я принципиально завожу, и мыть теперь не надо будет.
— М-м.
— Ну, если есть со сковородки, то она, конечно, не нужна, но если не со сковородки, то с одноразовой посуды, значит. Я считаю, что мы, люди, высшие формы жизни, и поэтому своё время, силы тратить и, э-э-э… ментальную и физическую энергию… и чувство прекрасного не должны тратить на мытьё посуды.
— Юра, ты давно определял свой соционический тип? — приходит Андрею в голову какая-то мысль.
— А не помню, какой-то там Есенин, наверное.
— Это, я хочу тебя ещё раз протестировать просто.
— Ну давай ты мне будешь читать, а я…
— Ну только не сейчас.
— Ну просто быстро прочитай, а я отвечу, да или нет.
— Нет, там очень много, на самом деле.
— Да, — подтверждает Юля.

— Смотри, она сейчас мне бросит мячик.
— Нееет…
— Я его поймаю... — Юля заржала.
— Я просто предполагаю, что Юра…
Зашёл Артём, и разговор перетёк в новое русло: — А знаешь, Юра, в чём плюс с мускатными орехами?
— В чём?
— Плюс в том, что тебя начинает переть, скажем так, чуть-чуть дольше, чем от сиропа, ну, скажем так, чуть- чуть попозже. Но, прёт, скажем так, не так сильно, как от сиропа, хотя, смотря сколько съесть, но дело в том, что прёт гораздо дольше, — он улыбнулся с видом домашнего кота. — Первый, если скушать где-то вечером, начинает переть вечером. Вот. Потом, весь следующий день тебя прёт стабильно.
— Круууто, — отзываюсь я без энтузиазма, но с теоретическим интересом.
— А через день, ну, то есть, как бы ещё один следующий день, тебя уже начинает отпускать. Такое отпускное длительное состояние. А следующий день… — мы все тихонько и добродушно поржёвываем, — следующий день ты понимаешь, что тебя, вроде как, полностью отпустило, но остатки где-то ещё в сознании промелькивают. В общем, это очень длительная такая штука. Я по-моему рассказывал, как мы не могли встать.
— Нет.
— Когда мы просто сделали настойку на мускатном орехе, выпили и огорчились, потому что нас вообще никаким боком. Нас даже как от водки не вставило. И мы легли все спать благополучно, — бодренько заключил первую часть рассказа Артём. Юля засмеялась, предвкушая.
— Что ты смеёшься? А у-у-у-утром, утром я проснулся, дай ка, думаю, встану. Ан нет… Я могу как тюлень ворочаться, на бок вот, с бока на живот.
— Главное. Чтоб почесаться можно было, — заметил я.
— На спину, опять же. А встать как-то вот проблематично. Ни рукой, ни ногой пошевелить не могу.
— А надо на работу уже давно?
— Нет, это было на Чандалазе.
— Серёга глаз один открывает и говорит: «Какого хера, говорит, ворочаешься»? Я говорю: «Знаешь Серёга, проблема возникла. А в

чём, собственно, дело»?
Мы все ржём.
— В чём собственно дело, я встать не могу! Говорю: «Можешь вообще там рукой, ногой»? Он говорит: «Ну щас попробую». Пытается и у него ничего не выходит. «Ты знаешь, Артём, говорит, у меня тоже проблема возникла». И лежим мы с ним вдвоём в палатке, ворочаемся с боку на бок. И как-то вот дальше этого — никак. Начинаем обсуждать это. Тут из соседней палатки, слышу, голоса доносятся. Я говорю: «народ, у нас вот проблема возникла». Те говорят: «Ну ка — ну ка, какая проблема»? Я говорю: «Вы вот попробуйте встать». Они говорят: «Щас попробуем». Пробуют и ничего у них не выходит. И представьте себе, четыре тела лежат в двух палатках и просто четыре часа к ряду пытаются встать, ворочаются, разговаривают, и как-то не получается.
— Не пробовали спать ещё? — предложила Юля.
— Да спать как-то уже и не хотелось, понимаешь. И вот потом меня на клапан прибило очень сильно, и я сделал очень, очень сильное ментальное усилие, вот…
— А кто из вас первый встал?
— Я проснулся первый. А встал? Встал первый я, потому что на клапан перекрыло очень сильно. Вот, прям, это, надавило. Я говорю, вот, через ментальное усилие встал, остальных я просто расталкивал, распихивал, чуть ли не на ноги ставил. Забавные ощущения. Просто был случай, когда один человечек, с которым мы сироп пивали и курили всякую гадость, он раньше всех нас попробовал мускатные орехи и об этом нам рассказал. Он, говорит, съел три ореха, всю ночь лежал, думал о жизни, как-то необычно он думал о жизни, а утром, когда он, тоже, попытался встать, у него ничего не вышло. Так он пролежал ещё один день. Пролежал, подумал о жизни, говорит, мне ни в туалет не хотелось, ничего, просто лежал и думал о жизни. Потом он уснул. Утром проснулся, ещё полежал полдня, потом встал и начал дела делать.
— Ну как. Сознание уже изменилась? — спросил Артём.
— Нет ещё, — ответила Юля.
— И у тебя не изменилось, Юра?
Я отрицательно покачал головой.
— И изменений никаких вообще не почувствовали?
— Я нет, совсем, — ответила Юля.
— А ну-ка быстро почувствовала изменения! — засмеялся Андрей.

— Я только хочу чего-нибудь уже съесть, вот этого вот, что у вас, — придумал я.
— Да я тоже хочу, точно! — подтвердила Юля.
— Вот, это наши изменения.
— Не надо, хватит, обойдётесь. Так вот, в чём дело, однажды мы классно тоже собрались в одном месте и решили покурить. А девчонка одна никогда не курила. Вот. Покурила она, значит, и ждёт, когда же её начнёт переть. Проходит минут сорок, нас уже всех там просто развозит по полу, мы играем в нарды, и в общем так весело, нет, в мандавошку мы играли, да. Это ещё веселее.
Юлька ржёт.
— Не в ту мандавошку, это настольная игра такая, — объясняет Артём. — Это тюремная игра настольная. Понимаешь, там люди и жопы проигрывают и что только не проигрывают, и там нужно очень внимательным быть, а когда ты накурен…
— Для того чтоб проиграть жопу, надо жопу поставить, — резонно замечаю я.
— Ну понятно. И суть в том, что, понимаешь, когда ты накурен, внимательным быть не получается. Увы. — Артём, вспоминаючи, усмехнулся. Там или ты становишься необычайно, предельно внимательным, настолько, что…
— Рассчитываешь ходы на несколько игр вперёд.
— Да, но это уж крайний случай, но, в основном, становишься просто невнимательным. И понимаешь, что там происходит такой дурдом, ты прощёлкал что-то где-то, спокойно взял фишку, так вот перетащил на другой конец поля, и этого никто не заметил. И ты играешь уже там. Не важно, вообще, что хочешь делай, народ обычно не замечает. Если тебя поймали, то поймали. И знаешь, как здорово, воровать друг у друга фишки…
— Так с девушкой что?
— А, с девушкой, вот, мы играем в мандавошку, а девушка сидит и ждёт, когда же собственно начнётся. Сидит: «Ну как»? — «Да что-то меня не торкает». Сидит она минут сорок вот так и ждёт, когда ж её торкнет. Сидит она, бедняга, и думает о том, что её не торкает. Не торкает её и всё. Всех торкает, а её не торкает. Понимаешь? И вот сидит она сорок минут и думает о том, что всех торкает, а её нет. А потом сидит она, и её так — дрмммм…
Мы все ржём.
— Короче, понимаете, её торкать начало так же, как и всех, с первых

минут, только до неё это не дошло.
— Не, мне нравится, когда так торкает, что доходит, — возразил я.
— Понимаешь, Юра…
— Я понимаю, что может мой астральный план и торкает…
— Понимаешь Юра, когда я сидел Матвея, я сидел у меня у Матвея, Матвввея у… ёб твою мать, у Матвея на хате, и меня торкало, я б хотел, чтоб меня не торкало, потому что меня просто расплющивало по стене, размазывало и чуть ли сквозь неё не просачивало.
— Круто!
— Я тебе говорю — это ни разу не круто. Быть может, ночью ты это поймёшь.
— Не, ну смотря, какая стена, если бетонная…
— Бетонная, увы.
— Вот! А если кирпичная, с дырочками.
— У вас точно ничего не изменилось?
Мы с Юлей и Артёмом вместе ржём.
— Не знаю, это у вас надо спросить. Вы — точка отсчёта, язвенники, трезвенники.
— Вот мы сейчас начнём кушать, и будет ужасно, — сказала Юля.
— А мы, знаешь, мы втихомолку, мы в ванну пойдем, закроемся с Андреем и там будем кушать.
— Пойдем в бане кушать.
— Исподтишка так таскать по чуть-чуть.
— Под одеялом.
— Анекдот есть классный. Когда мужик один, как не напьётся, так в вытрезвителе, даже не то что напьётся, только выпьет рюмку, и тут же ничего не помнит и просыпается в вытрезвителе. Думает: «Напьюсь дома под одеялом, закрою дверь, лягу под одеяло и напьюсь». Значит, залез под одеялку, взял бутылку водки, раздавил её, вот, очнулся в вытрезвителе. «Блять, говорит, как я здесь оказался, я ж дома под одеялком пил». — «Так мы тебя в одеялке-то и взяли, когда ты за второй пошёл». Это знаете как классно, когда ты накурен, идёшь в магазин за какими-нибудь сигаретами или ещё чем-нибудь. Это просто целое испытание. Это как в этом: «Гена, вот то самое полотенце». Ты подходишь, готовишь речь заранее, подходишь, на одном выдохе говоришь, там, Элем, а она впадлу возьмёт и спросит: «Красного или синего»?
— О чёрт...
— И ты уже: с… с… сука… :)))))))))

— :)))))))
— :))))))))
— Может гитару подрочить маленько… — придумал Артём.
— Ну давай.
— Щас попробую. Сюиту какую-нибудь.
— Сюиту «Звезда по имени Солнце».
— Как она умудрилась вся полностью расстроиться, что за пидорство?!
— Почему, она не полностью расстроена.
— Ну может она просто — грусный человек.
— Нет, вы не понимаете, это особая гитара. Особый тип звука. Она так настроена. Нельзя всё подводить под какие-то общепринятые шаблоны.
— Дело в том, что я её настраивал, я её подвёл подо что-то, а она обратно вернулась.
— Потому что она не подводима под общепринятые шаблоны.
— И как мне на ней играть? Я не могу играть на не подведённой.
— Ну как, играй, не опираясь на общепринятые стандарты. Импровизируй.
— Что такое авторская песня, я хочу сейчас об этом вам рассказать.
— Может, сыграешь?
— У меня есть подозрение, что картошка готова.
— Кристина, что ты сделала с картошкой?
— Юра, если ты утверждаешь, что в немытом и нечищеном виде она была лучше, чем сейчас, флаг тебе в руки.
— Я не буду обижать тебя. Я уверен, что картошка отменная. :))))
— Да, — подтвердила Юля.
— Нет, на самом деле я очень часто не вкусно жарю картошку.
— Не, на самом деле сейчас я даже пробовать не буду.
— А я тебе и не дам, — сказал Артём.
— О, тем более он мне и не даст.
— А что будет, если мы поедим? — спросила Юля.
— Зачем, зачем тебе?! — вопрошает Артём.
— Проблеёмся и никакого эффекта.
— Конечно.
— А вообще, мне Андерсон однажды заявила: вкусно ты приготовила картошку. Хотя картошку мы едим очень часто.
— Андерсон – та самая Ольгина одногрупница?
— Да. Хотя подожди, нет, Андерсон — Ольгина одногрупница, но

вот та самая ли…

— Ну, о которой ты рассказывала.

— Скорее всего — да. Я просто не помню, помню, что кто-то очень хотел попробовать сальвию. Но не уверена, что она.

— Сальвия — это что такое?

— Принесу как-нибудь. Шестьсот рублей грамм, но грамма хватает на восемь человек и каждому по несколько раз.

— А что это такое?

— Это определённый вид шалфея, который растёт где-то…

— Далеко в горах.

— …в Южной Америке, индейцы тамошние его листья прям срывают и жуют. Но мы, белые люди, научились делать экстракт Сальвии и курить его. Ооооо, браааттт, это пятнадцать минут, но какиииих! Вот реально, там в эффекте я не сомневаюсь ни на секунду, ещё ни одного человека не было, которого бы не взяло. Даже самые сомневающиеся потом говорили: не-не-не!

— А сколько стоит?

— Шестьсот рублей грамм. Можно скинуться. Но там, понимаете, стены отваливаются, пол уползает в воронку, тебя скрючивает, ломает, или может быть, тебя выбросит из тела, а ещё знаете, как страшно быть ядерной снежинкой! Ядерная зима, и выпадает такой радиоактивный снег. Я вот был радиоактивной снежинкой. Это знаете как страшно. И, с другой стороны, приятно, потому что снежинки ничего собственно больше не надо, лишь бы выпасть. А я вот выпадал не один раз…

— :))))))))

— …Сижу я, значит, вот темно, и вот тут начинает такая воздушная тревога, меня поднимает, крутит, страшный вихрь поднимает меня в необычайные выси, потом воздушная тревога прекращается, и меня начинает плавно-плавно опускать, я опускаюсь на ветви гигантской, огромной ели, но ель-то может быть и обычная, просто я — снежинка, понимаете, а то время, пока я плавно опускаюсь на ель, трещит счётчик Гейгера. И вот меня так много-много раз за ночь, я всю ночь летал, будучи снежинкой. Это мы тогда с Серёгой сальвии перекурили немножко. И когда я уже уснул, меня глючило, и глюки реальные, всё и физически ощущаешь, всё реально. И тут до меня в определённый момент доходит, что всё это — глюк какой-то. И надо бы выйти из этого состояния. Я делаю ментальное усилие — выхожу — открываю глаза, и вижу — сижу я в тёмном зале, на

полу, по сторонам смотрю, и вроде как отпустило, а счётчик Гейгера трещит. Всё, думаю, теперь он всю жизнь будет трещать. Я встаю, иду на источник звука, смотрю — кошка, сука, в четыре часа ночи с целлофановым пакетом играет.

— :)))))))

— Юра, это моя подушка, — говорит Крис.

— Вполне возможно, этим треском она и создала мне трип.

— Просто у меня дома такие наволочки, — поясняет Крис.

— М-м, ну, наверное, я их и захватил с собой, когда был у тебя в гостях.

— Да, ты скоммуниздил у меня подушку. Можно сказать — сдемократил у меня подушку!

— О, вроде настроил. Да, Андрей, ты вправду художник, да, Андрей, ты и впрямь молодец, ты рисуешь голых девчонок, но это ещё не конец. Твой карандаш — словно шпага, твои мысли — словно струна… да, что-то такое.

— Товарищи, а вы будете кальян ещё?

— Я пойду, покурю ещё. Тёма, если что, картошка и твой взбитень рядом стоят.

— Ты знаешь, такое ощущение, что она опять расстроилась.

— Ощущение такого специфического напряжения лицевых мышц, которые бывают отключены, у меня сохранилось.

— Вообще, ты просто изменения чувствуешь?

— Да. Нет, не в сознании.

— Не в сознании. Вообще.

— Ну, вообще, мне уже давно тошновато.

— А у тебя? Ладно.

— Хочешь увидеть меня в умном виде?

— Что-то ссыкотно мне стало. От слов твоих.

— Может, свет включить, чтоб видно было?

— Ну давай свет включим.

— Очки одеть?!

— А мне, кстати, очки идут.

— Ты похож на студента-медика, который сейчас начнёт резать, он до конца не уверен, живое это или мёртвое, и правильно ли он будет резать, и вообще, это всё эксперимент, в том числе и моральный, не только физический, но резать он будет.

— Сколько минут длится этот световой трек?

— :))))

— :))))
— Это, помнишь, как нас Андрейка чуть не обманул? Я ему сказал: «Андрей, меняй музыку», он сказал: «Ну пусть трек доиграет», я было согласился, но перед этим глянул на трек, он длился семьдесят шесть минут…
— :))))))
— Андрей — фашист, я знаю.
— Да что там, в семпловом редакторе, если трек однообразный, можно его…
— Музыка однообразная, аранжировка скудная.
— …ну вот, можно его копировать.
— А вот эти вещества Ипомеи, они вообще всегда действуют по-разному?
— Что ты делаешь?
— Я руками путаю.
— Ты всегда так делаешь?
— Да, иногда я так делаю, — подтвердила Юля.
— Хорошо, а то я уже беспокоиться начал. :))))
— :))))))
— Мне просто нравится.
— Вот мне интересно, как у Юли устроены мозги, по отношению к моим мозгам.
— О, классно.
— Вот на неё психоделики будут действовать так же, как на меня?
— Да нет, я думаю, будут у вас по-разному.
— Знаешь, говорят, под коксом люди читают мысли друг друга. Два человека сидели под этой хуйнёй и слились воедино. Он смотрит на человека, и кажется что одна часть его лица, а другая часть её лица.
— Рассказывал.
— И они не то чтобы читали мысли, а их просто думали вместе. Даже не то, чтобы вместе, а как бы одно.
— Прикольно.
— Прикольно. Только страшно.
— Ириска!
— Да?
— Туши свет, пойдём бухать!
— Да, что-то там ходит… Не, она пытается исправить свою картошку соусами. :)))) — понял я.
— Слушай, ты не всыпала какого-нибудь сладкого соуса туда?

— Нет.
— Не смей даже пытаться. А то у Юры тут в холодильнике хранится редкостное дерьмо какое-то.
— Перестаньте о еде говорить, пожалуйста, — не выдержала Юля.
— У него есть ананасовый сладкий соус. Он, возможно, вкусный, а вот второй какой-то — такое дерьмо, Юра, когда я был маленьким, мне мазали горло люголем, когда я простывал, это хуже всего на свете.
— Не правда! — возразила Юля.
— Тебе что, это нравилось?!
— Ну не то чтобы нравилось, но мне это и ни не нравилось, это было нормально.
— Представляешь, ей нравится храп. Халва по-моему тебе тоже нравится, да?
— Халва? Да.
— И манго она ела. Ну да. :)))
— Не, манго нам всем не понравилось. Оно было в натуре просрочено, — заметила Крис.
— Ты просто его не распробовала. Нужно было его поесть.
— Тебе нравилось, когда тебе люголем горло мазали?
— А мне по сей день иногда мажут. Отвратительно. Ненавижу.
— Мне аж умереть хотелось в эти моменты.
— Так вот, фишка в том, что когда мне надо горло прочистить люголем, я до сих пор не могу это сделать сама, маму прошу.
— Я бы вообще весь люголь уничтожил на свете, все мировые запасы.
— А как же горло, ему же плохо будет без люголя.
— Да я не знаю, нафиг этот люголь нужен, это гадость редкостная. Это какие-то фашисты его придумали. Даже не фашисты, а антропоненавистники как-то.
— Да вы утрируете, он нормальный.
— С большой частотой говорите… — признался я.
— Да.
— :)))))
— Я всегда всю химию воспринимала, как войну положительных и отрицательных ионов.
— Да это классно!
— Причём эта война была похожа на войну Монтекки и Капулетти, потому что положительные ионы всегда стремились к

отрицательным.
— Чё он улыбается? — спросила Юля, глядя на Артёма.
— Да потому, что мне радостно за вас, дорогие мои, — ответил Артём.
— Мне за себя пока не радостно, меня тошнит, — заметил я.
— Да ладно тебе.
— Да не, мне уже хорошо.
— Извини, Ириска, что я тебя не слушал, я с этими кренделями общался.
— Мне только что было смешно, а теперь меня тошнит.
— :)))))))) — засмеялась Юля.
— А сколько вр…, да время ещё только к двенадцати подходит. Ну где-то в первом часу вас начнёт вообще, это…
— Плющить и таращить, — догадался я. — а тошнить при этом перестанет, да?
— Ну, как бы, думаю, тебе не до тошнит будет.
— Тём, шестнадцать минут одиннадцатого, не смешно, — сказала Крис.
— Что ты говоришь? Не смешно будет? — переспросил Артём.
— Нет, я говорю, шестнадцать минут одиннадцатого. Это ещё даже не смешно.
— Да, я согласен.
— У тебя была какая-то фигня, будто мороз по коже прошёл? — спросила Юля.
— Нет, у меня такого не было.
— Что у тебя было? Мороз по коже проходил? — переспросил Артём.
— Нет, просто ощущение такое, будто у тебя мороз пробегает, от шеи по затылку.
— У меня интересная фольмулировка возникла.
— :)))))) — засмеялась Юля.
— Фольмулировка возникла :)))))
— Или её сфольмулировать по-другому…
— Психиатрическая больница :))))
— Щас, щас, подождите, я её сфольмулирую: мне будет так же плохо, как сейчас, но лучше станет больше… но лучше станет…
— :))))) — засмеялась Юля.
— … но лучше станет лучше, чем хуже… нет. Но лучше станет больше, чем хуже!
— А, ну да, — согласилась Юля.

— Мне… как ты, ещё раз повтори, Юра. С самого начала.
— Мне будет так же плохо, как сейчас, но станет гораздо лучше, чем…
— Но лучше станет больше, чем хуже.
— … да.
— Короче, это фигня какая-то. Я понял, что если сформулировать по-другому, оно бы гораздо красивее звучало.
— Нет, смотри, мне будет так же плохо, как сейчас, но мне будет… — попыталась сформулировать Юля.
— Но лучше будет больше, чем хуже. Всё-ё-ё правильно.
— Но если лучше будет больше, чем хуже, значит, ему будет лучше? — переспросила Юля.
— Знаешь, как бы, плохое ощущение останется, но просто придёт другое хорошее.
— А, это хорошо.
— Да.
— Я читала стихи Маяковского. :))))
— Понимаешь в чём дело: в том, что, как бы, лучше и хуже — они лежат не на одной прямой, это, я б сказал, какой-то нелинейный подход к ситуации. Они лежат в разных плоскостях. Потому что, понимаешь, тебе будет хорошо, но это не значит, что плохо тебе тоже не будет.
— Ну это понятно. Плохо будет где-то там внизу, а хорошо меня накроет сверху. Я знаю, я понял.
— Слушай, Юра… — начала говорить Крис.
— Во время ядерной войны так же большой взрыв накрывает мелкие неприятности.
— :)))))
—:))))))
— :))))))
— … нахрена тебе материалы про курс Веил? — спросила Кристи.
— Курс — это что?
— Курс Веил.
— У меня всё там есть. Я не знаю, что там есть.
— Курс Веил, вообще то, это такая потрясающая фирма музыкальных инструментов, замечательные клавишные производит.
— Я тебе сейчас могу показать, что у меня за потрясающее изобретение есть, — сказал я.
— Что, мундштук?

— Не, не мундштук.
— Какой мундштук, для чего мундштук? Мундштук для сигарет? — заинтересовался Артём.
— Ты что, куришь? — спросила Юля.
— Да, он какие-то ароматические покуривает, — ответил за меня Артём.
— Вот, смотри, какой у меня портсигар, вот здесь Ричмонд, а здесь индийские безникотиновые.
— Безникотиновые? Они, в смысле, вонючие? — спросила Юля.
— Они, говорят, там написано по-английски, что если их курить, даже всё улучшаться будет. Ты никогда не курила такие?
— Нет.
— Единственное, их нужно курить над чем-нибудь непрогораемым. То есть, с них падают постоянно раскалённые…
— Кто, кто? Травяные сигары? — переспросил Артём.
— Да.
— Офигеть! Можно у тебя стырить? Горячие угольки такие, как капельки. Я помню, я прожог себе шкуру, офигенно, это классно!
— Как ты мог этим угольком что-то прожечь? — удивилась Крис.
— Понимаешь, эти горящие камушки очень долго горят, — объяснил Артём.
— Эээй! Я тоже хочу покурить, — вмешалась Юля.
— Юра, это классная вещь. А я, знаешь, что нашёл, я помню, в «Шамане» нашёл травяные сигары, я их покупал по двадцать пять рублей штуку, счастливое было времечко. Но потом они исчезли, и больше их никогда не было, и больше их я никогда не видел. Так чётко было. Пойдём, Юра с нами, бери вот такую штуку. Пойдёмте все вместе в подъезд покурим.
— Если я там не проблеюсь.
— Не проблеёшься.
— А может тебе не стоит курить, потому что когда я в прошлый раз ходила курить, меня тошнить начало. А его и так тошнит.
Я тут же вернулся, потому что стоя, оказалось, тошнит сильнее, чем я думал. Я лёг и, глубоко дыша и пытаясь отвлечься, стал бороться с тошнотой.
— Ну как ты, друг мой? — спросила Юля.
— Всё в порядке? — спросил Артём.
— Всё ли с тобой нормально? — спросила Крис.
— Да.

— Тебе просто нужно не двигаться.
— Я могу на тебя только подышать сигаретой.
— Ой не-не, не надо сигаретой.
— Может искусственное дыхание сделать.
— Нет.
— Может тебе прямой массаж сердца сделать?
— Не нужно.
— :)))))
— :))))))
— Меня и так по хи-хи прибивает, а тогда я от щекотки умру просто.
— Нет, прямой массаж сердца, это, знаешь, когда вскрывается грудная клетка…
— Я знаю, а ты знаешь, как это щекотно!
— :))))
— :)))))
— :)))))
— Да, я уже чувствую.
— Так ты уже протошнился всё-таки?
— Не, я не протошнился, я просто чувствую первые психические последствия, но они, как бы, грубоваты. Меня в сторону отклоняет сознанием.
— Во-во-во, началось. Понеслось говно по трубам.
— Всё, — заключила Юля.
— Дальше больше, друзья мои, — заметил Артём.
— Ну во-о-от, — сказала Крис.
— Я вот не знаю, когда с вами попрощаться, сейчас или может чуть попозже, — задумался Артём.
— Попозже.
— Лучше сами со мной попрощайтесь, каждый в свою очередь.
— Меня по хи-хи пробивает.
— Я помню, когда Серёгу закидывало куда-то в страшные вещи, меня всего лишь навсего пёрло, он возмутился, он говорит — блин, прёт его, говорит. Тебя, говорит, выкидывать должно, а его, говорит, прёт.
— Это просто меня по хи-хи прибивает от этих — вау — отклонений сознания.
— Отклонений сознания, значит, да? Понимаешь в чём дело, ему смешно с того, что видит только он. С того, что чувствует только он.
— Нет, мне смешно с того, что я теряю координацию в сознании.

— Да ладно, координацию.
— Эти потери, они достаточно брутальны. И смешные заодно.
— А чего ж ты смеешься тогда?
— А смеюсь я потому, что мне смешно, что такое грубое воздействие.
— Но если ты смеёшься, значит, оно смешное, видать.
— Давай, давай, ты запутался в своих словах.
— Нет.
— Дай ему сказать, пусть он скажет, — попросила Юля.
— Дай мне напасть на Юру! Смотри, они уже объединились, она мне уже не даёт напасть на Юру. Она ж понимает, что Юра уже вроде как менее беззащитен, а она ещё пока более защитна. И поэтому она защищает Юру.
— Я хотел сказать, что меня, что меня…
— У меня есть огромная семья!
— …нет, у меня…
— Нет? — удивился Артём.
— …Вы не даёте сказать.
— Ладно, давай, — согласился Артём.
— …меня умиляют, забавляют те воздействия, которые эти семена на меня оказывают.
— Да тебе вообще может грубые воздействия нравятся?
— :))))
— Они ему не нравятся, они его забавляют, — уточнила Юля.
— Я говорю — исключительно воздействие на сознание.
— Угу.
— :))))))
— :))))))
— :))))))
— Да нет, я просто, на самом деле, радуюсь за вас, — сказал Артём.
— Ну вот, они сейчас кушать будут, — заметила Юля.
— И сейчас я буду радоваться за нас. Мой желудок. А желудок будет радоваться за меня. И мы будем радоваться друг за друга.
— О, я знаю, я не буду кушать, я буду за вас радоваться, — пришла Юле в голову идея.
— О, давай представлять, как будто мы кушаем ментально. Вот, в энергетике есть такое понятие: мы можем ментально скушать эту еду, и они, когда будут есть физически, не насытятся. Потому что ментально мы её уже съели.
— Не, ну как это, они же тоже хотят кушать, они же приготовили

её себе, как это.
— Ну, я лично ментально четверть съем.
— Я читал в «Волшебнике Земноморья» был момент, когда он плавал на лодке далеко в море, они набрали с собой еды, а одна девчушка говорит: зачем, вы же маги, вам стоит сказать слово, и появится пирог. Они говорят: понимаешь, я могу сказать слово, и появится пирог, он будет вкусный, вот только насытиться им я не смогу.
— Нет, на самом деле в энергетике есть такое понятие, что ты насыщаешься как раз вот этим ментальным.
— Ты, может быть, энергией можешь насытиться, но можешь ли ты эту энергию в АТФ превратить…
— А это всё приземлённо.
— Ну конечно, куда ж нам до вас…
— Я говорю о том, что если мы ментально её съедим, ты, съев её физически…
— Нет, понимаешь, в чём дело, там он мог насытиться этим пирогом, то есть, ему показалось бы, что он им насытился, ему есть не хотелось бы, только проблема в том, что организм его реально ничего бы не получил.
— А вот есть такая маза… — начал объяснять я.
— :)))))
— Ага. :)))))
— Чувак. :)))))
— … вот, есть такая маза, что съев её ментально, физически от неё твой организм не сможет получить.
— Ну вот и я про то же и говорю. Тебе покажется, ты даже кушать не будешь хотеть, у тебя будет полный желудок, и ты будешь радоваться, вот только организм твой тебя не поймёт. Скажет: дурак ты что ли?
— Ты не понял. Я говорю противоположное.
— Я что-то хрен что понимаю.
— Давайте о другом поговорим, — предложила Юля.
— Давайте. О чем-нибудь противоположном.
— Главное не про какао, — сказала Крис.
— Ну, блин, Кристина, я не знаю, может жениться на тебе.
— О, я думал, она пересолила.
— Просто божественно приготовила.
— Просто вступление: блин, Кристина, меня вообще убило. Но я не

ожидала, что после этого на мне ещё и жениться надо.
— А можно я попробую?
— Нет.
— Нет.
— Ты уже першня выпил, теперь тебя тошнит. Дальше что хочешь?
— Тебя очень тошнит, тебя прям тошнит-тошнит… :))))
— Понимаешь, если сейчас ещё покушать, тебя в туалет прибьет, Юра, тебе это надо?
— Не, не надо.
— Ну вот.
— Хочешь ли ты от жизни хотеть в туалет? :)))) — спросила Крис.
— Назвался груздём – полезай в кузов, — заметил Артём.
— А вот, допустим, можно поразмышлять…
— Утром меня матами покроешь, что ты остался голодным и не довольным. :))))
— … чего бы я сейчас больше хотел.
— Я утром поем, — решила Юля.
— Я не знаю, чего я хочу.
— Это так мило.
— Я ничего не хочу, — сказала Юля.
— Не, я ничего не хочу, потому что мне плохо, но в принципе я бы много чего хотел.
— Нет, я вообще ничего не хочу.
— Да? — переспросил я.
— Да.
— Я же говорю, на женский мозг она действует по-другому.
— Женский мозг, что это за шовинизм такой? — возмутилась Крис.
— :))))) — засмеялась Юля.
— Женского мозга, если на то пошло, вообще не существует, :)))) — сказала Крис.
— У меня мама картошку готовит, она берёт, когда картошка почти готова, она как-то засыпает на неё капусту, и так классно жарится, что картошка с капустой становятся вообще просто одним из лучших блюд на свете. Вот это чем-то напоминает.
— Слушай, может, вы мне оставите две ложечки, я утром попробую, — попросила Юля.
— А там осталось.
— А то просто мне так разрекламировали.
— Я придумал, чего я хочу. Это не сытное, холодное и вкусное.

— Что?
— Мороженое.
— Я не хочу мороженого. Я не люблю мороженое, не люблю сладкое, — сказала Юля.
— Юра, ты не знаешь, как можно так обожраться мороженым, что ты от жизни будешь хотеть только заснуть и не просыпаться?
— Я знаю, как так сделать, — сказала Юля.
— Я люблю, когда во фруктовом льду пломбир, но сейчас это так редко, — взгрустнул Артём.
— Ещё нужен овощной лёд, — предложил я.
— Да, морковный.
— Лёд со вкусом мяса. Это холодец уже.
— Пломбир со вкусом мяса, а сверху морковный или свекольный лёд.
— Мне плохо!
— Бу-бу-бу! — передразнила Крис.
— Может «Какао» послушаем?
— Давайте.
— Какао обычно пьют, а не слушают. Это ж вы пьёте ментальное какао.
— Беловежская пуща? Круто, я хочу её послушать.
— Но сначала «Какао».
— Ну, конечно, сначала «Какао».
— Где хвалёные психические проявления?
— Спокойно, психическое проявление!
— Сигарету! — потребовала Юля.
— Нихрена, ты — оловянный солдатик.
— Что-то какой бы вкусной картошка не была, даже у меня тяжело в животе после неё, а вам тем более не советовал бы.
— Да не, ты что, какая картошка, я от земли не могу подняться.
— Это похоже на пауков, ты меня испугала. Если бы я сейчас встал на паука, раздавил его, и эта слизь впиталась бы мне в носок…
— Аууу… — возмутилась Юля.
— :))))))
— :))))))
— Ну понимаешь, зная, что это не паук, это было бы очень любопытно…
— …и мне пришлось бы снимать его с носка в уже постиранном виде, потому что не отцепляется. А знаете, какое мучение, когда

помогает звук «о» и по хи-хи прибивает.
— Сумасшедший чувак мистер Бангл, которого у нас, увы, здесь нет. Или есть, Юр?
— А я не знаю.
— Вот и я не знаю. Майк Паттон.
— А, такое было.
— Было?! У тебя был Майк Паттон, и ты молчал?
— Ну на другом жёстком диске.
— А может открыть папочку панк? Или психоделик-рок…, псих-поп…, рэгги!
— О, давайте послушаем рэгги! — предложила Юля.
— Ой, но она пустая.
— V, блин. :))))))
— Облooом, облooом…
— А нет, есть другая папочка рэгги… и она, блять, тоже пустая!
— Это вообще облом на обломе. :))))
— Двойной облом. :)))))
— Как, у тебя есть ска, есть ска-панк и ска! И ска-панк пустой! Да Юра! Ты фашист. Почему у тебя папки ска и ска-панк пустые? Зачем они тебе нужны, если они пустые? Да вы поохерели? Юра, ладно, я могу понять, зачем тебе пустая папка ска-панк, но зачем тебе пустая папка rus, а потом Крематорий, и она пустая, что за фигня? Я хочу ска!
— Я тоже хочу ска.
— О чём ты задумываешься? Или ты не задумываешься, о чём ты задумываешься? — спросила Юля.
— Нет, я об этом совсем не задумываюсь.
— :)))))) О чём ты не задумываешься?
— Ну как, о том, о чём задумываешься, я даже не пытаюсь задумываться.
— Ты не задумываешься о том, о чём задумываешься, это как?
— Нет, я задумываюсь, но не задумываюсь.
— Я знаю, о чём ты задумываешься, ты задумываешься о том, что ты ни о чём не задумываешься.
— Я не могу поверить, что у Юры нет ска и ска-панка.
— Если папки пустые, значит произошло объединение коллекций, и их очень много, но надо переставлять диски, всё на других дисках.
— Знаешь, Юра, мне очень нравится твоя книга. Я сегодня её противопоставил свидетелям Иеговы. Они мне противопоставляли

Библию, а я им твою книгу. Чуть драка не завязалась.
— Блин, Юра, я тебе всё забываю скинуть профиль того чувака, который на биофаке учился, и у него в религиозных взглядах синергетика. У них даже целое сообщество есть, что синергетика — это всё.
— Может залезть к ним туда на сообщество и подключиться к ним? Юра, ты двигаешь массы.
— Что это вы пьёте?
— Першень мы пьём, ты не смотри сюда даже.
— Чего это, хочу и смотрю я.
— Она агрессивной стала.
— А может меня прёт, потому что моя агрессия не находит выхода.
— А у тебя есть агрессия?!?!
— Ну, ты знаешь, сколько у меня не выпущенной агрессии.
— Чёрт, а у меня нету агрессии.
— Представляете, Юра, который в душе затаил злобу за то, что ему не дали картошки.
— На самом деле, внутренне, я крайне агрессивный.
— А ещё агрессивен, думает, блять, двести рублей потратил на какую-то фигню, лежу и думаю, что меня прёт.
— Ты что, разлил?
— Кого?
— То, что у тебя в кружке.
— С чего ты взяла?
— Мне показалось, что оно капает.
— Может кружка дырявая, может это не кружка, а цветочный горшок?
— А вот это у тебя слюни по кружке стекают?
— Да, смотрю я на неё, и слюни у меня капают.
— Нет, просто когда ты пьёшь из кружки, у тебя по нижней губе течёт слюна, и она течёт по внешней стороне кружки, стекает и капает.
— О боже.
— Это та девочка накуренная стояла, смотрела на трубу и ржала. Все говорят: а что ты смеёшься? Она показывает на трубу и говорит: ка-ка-капает.
— Это ужасно.
— Это было ужасно и это было смешно.
— Не, ну щас мне смешно всё что угодно. Вот сейчас мне плохие

шутки не подставляйте под мой смех.

— Подставляйте ему только хорошие шутки. То есть ты хочешь быть уверен, что если ты смеёшься, то с хороших шуток, да?

— Если меня так не аристократично сносит, то пусть я буду смеяться над…

— А тебя, Юля, не аристократично сносит?

— Меня не сносит. Ни аристократично, ни как.

— А что с тобой происходит?

— Ничего.

— Это плохо. Понимаешь, как конденсатор накапливает, а выход будет ужасный.

— Это что ж под утро будет. :)))

— А давайте тайно кальян заправим.

— Да вы офигели, Юра, тебя и так тошнит. Зачем тебе порцию угарного газа в лёгкие?

— Не, я не хочу кальян.

— Нет, я бы понюхал его со стороны.

… Песочный город, построенный мной, давным-давно смыт волной, мой взгляд похож на твой, в нём нет ничего кроме снов и забытого счастья.

— Дай мне мышку!

— Тачпад.

— Тачпад говно.

— Я не знаю где мышка, ёпрст.

— Она вон там!

…дым на земле, вместо людей машины, мёртвые рыбы в иссохшей реке, зловонный зной пустыни, моя смерть разрубит цепи сна, когда мы будем вместе…

— Спокойно, Юра, спокойно.

— Если я сейчас выпущу свою агрессию…

— Мы нашли твою мышку, не выпускай агрессию. :)))))

— :))))) Слышала, каким ехидным голосом он это сказал?

… и в твоей руке будет туз, в моей будет джокер, так не бойся, милая, ляг на снег, слепой художник напишет портрет, воспоёт твои формы поэт, и станет звездой актёр бродячего цирка. Дым на небе, дым на земле, вместо людей машины, мёртвые рыбы в иссохшей реке, зловонный зной пустыни… … когда мы будем вместе.

— О, я щас убью вас всех. Уровень звука подходящий, так что

держитесь.
— Нет, подожди…
— Держитесь. Крыша едет…
— Надолго она?
— Нет, как сальвия, короткая, но зато как!
— Сорок три секуууунды :)))))) — засмеялась Крис.
— Десять минут прошло. :))))
— Всё, хватит с вас.
— Не, давайте до конца, — сказала Юля.
— …. когда будет припееееееев????? — взмолился я.
— :)))))))
— :)))))))
— О, это ужасно, мне не нравится всё, что со словами.
— Юра, ты вредничаешь. Щас довредничаешься, я включу «Сны черепашки».
— Да мне пофигу, главное, чтоб слов не было.
— Aphex Twin …
— Э-э-э-э!
— Тихо.
— Aphex Twin тоже не то.
— Не, это классный альбом, это лучший альбом на свете!
— Да какая разница, сколько у него альбомов. Всё один и тот же скрежет.
— Послушай, какой скрежет.
— IDM.
— Послушай!… Давайте весь альбом прослушаем. Там действительно классно. Вы бы знали, под сиропом я его просто как фильм смотрел. Этот альбом.
— Ну ладно.
— Понимаете, там творились войны, там были мир и война…
— Но это не похоже на Aphex Twin вообще.
— Но это Aphex Twin, хоть убей, хоть поверьте, хоть проверьте.
— Юра, в определённый момент в этом треке будет, знаешь, такой скачёк, будто пластинка перескочила, я говорю, это мозг тебе сломает просто на месте, потому что мне однажды сломало, поэтому я такой бандит.
— Да?
— Да.
— То есть, я стану таким как ты?

— Да. Он к концу ближе.
— Сейчас мне мозг ломают слова.
— Какие слова?
— Любые.
— Я был под сиропом и чуть не умер тогда.
— А звуки мне не ломают мозг. Он у меня и так сломан.
— Проникнись, Юра, музыкой. Чтоб тебе сломало мозг.
— Главное, ничего не говорить.
— Во, согласись классно было. Там где-то был почти восьмибитный трек. Он мне необычайно нравится. Когда я был под сиропом, мне казалось, что я вернулся в детство, и мне восемь лет. И я, будто бы, шёл в школу и шёл как-то вот так вот, непонятно, и вышла моя мама утром, разбудила меня, она была вся пиксельная, и рот у неё двигался вот так вот, и появлялись окошки со словами… Мне кажется, когда я буду умирать в конце жизни, я хотел бы слушать этот трек, мне он очень нравится.
— Я вижу, Юре музычка нравится. Юля, Юля ты не спишь?
— Я не умею спасть с открытыми глазами.
— Ну скажи, что, совсем ничего? Тут два варианта: либо твоё сердце из камня… Однажды был забавный момент, когда Aphex Twin попросили провести дискотеку в одном клубе, туда пришло очень много народу, а он похуист, как бы, взял пластинки со своей музыкой, затёр наждачкой и начал их крутить. И миксовать. После минут пяти зал опустел. В зале осталось только одна шестнадцатилетнаяя девушка, которой эта музыка вполне нравилась, Aphex Twin посмотрел на неё и понял, что эта девушка достойна его музыки. И для неё одной он провёл настоящую дискотеку.
— Это круто.
— А ты знаешь то, что наши пальцы, большой и указательный, по крайней мере, у меня, составляют идеальный прямоугольный треугольник. Дело в том, что если поставить их вот так, в две руки, то получится идеальный равнобедренный треугольник. Это говорит о том, что угол как раз сорок пять градусов, как у Пифагора. У тебя так же?
— Да.
— Это можно за стандарт принять? Юля и Крис, проверьте свои пальцы.
— Почему наши пальцы так важны?
— Но я уверен, что не у всех они так образуют. По крайней мере, у

людей может быть, а вот у обезьян или ещё у кого-нибудь…
— Не, ну вот видишь в чём дело…
— …у коал, например...
— …нет, ну у коал может и не образуют…
— :))))))
— … нет, ну это проблемы коалы.
— :))))
— …нас-то это не должно волновать. У нас же всё нормально, у нас образуют.
— Что из этого выходит?
— Что коалы не правы.
— Может, они начали у нас образовывать идеальный равнобедренный треугольник после Пифагора. Может, он съел каких-нибудь бобов галлюциногенных, посмотрел на свои пальцы и придумал теорему.
— Нет, может эти коалы раньше нас придумали, что если у них не образует, то это правильно.
— Да, докажи коале, что она не права при этом!
— Не, ну мы-то знаем, что коалы не правы
— Почему? Я не уверен. Я до сих пор не уверен, что бога нет.
— Нет, про бога — это твоё собачье дело. Ты мне про коал щас ещё ответишь. :)))))))
— :))))) На тебя гопник нападёт, ты ему скажи: ты мне за коалу ещё ответишь.
— :)))))
— Примат примату коала. :))))
— :))))))
— Ты чё, за коал что ли?! :)))))))
— Не, я не могу, это дурдом какой-то. :))))))
— Это было просто смешно! :)))))
— Да уж, конечно! :)))))
— :)))))
— Как ты — можешь быть за коал?!? :))))) Ты же примат! Высшее целесообразное!!! :))))
— :))))))
— Самое грустное, что там нет того трека, который я хотел. Понимаешь, под эту музыку мир, представь себе, как марсиане возвращаются с войны, понимаешь, в воздухе летают воздушные шарики и салют, и люди идут, и знаешь, они встречают своих жён,

обнимают и несут на плечах своих маленьких детишек, солдаты в таких, типа, бронежилетах и шлемах забавных.
— И несут таких в маленьких бронежилетиках …
— Да ты не понимаешь, Юра…
— :))))));))))
— Не порти мои мечты. Фантазии. Что же ты делаешь. Ты Юра — фашист. :))))
— :))))))
Обрыв плёнки…

— Выключаем компьютер?
— А тогда музыка выключится.
— А давайте музыку выключим.
— Места мало, мне что, к стене подвинуться?
— Да, тут же ещё Юрка должен лечь.
— Юрка, а тебе как ногу свело?
— Тебе как ногу свело? :))))
— :))))
— Не знаю. Ногу только отпустило.
— :))))
— :)))))
— Короче, дело к ночи.
— Приматы!
— Кто приматы, а кто коала, Юра.
— Меня, типа, конкретно в коалы что ли записали типа тута?
— Ты ж коала.
— Примат коале не товарищ, вот так вот.
— А мы комп выключаем?
— Да.
— А чё ж он светится-то?
— Мне нужно знать, сколько времени, срочно.
— Где-то телефон валялся.
— Блин, чё он светится, сколько времени, вообще жизнь не под контролем просто.
— :))))
— Времени 5:13 утра. Знаете, в чём проблема? Проблема в том, что у меня на заряде батареи две ириски осталось.
— О, смотрите, одна проблема разрешилась сама собой, сзади что-то погасло.

— Клёво. Вот бы ещё две ириски превратилось в четыре.
— А сколько их было?
— Когда я, собственно, выходил из дома их, кажется, было пять.
— Аж пять, ого!
— Ого, такой идеал не достижим в наше время.
— Выключил, чтоб батарейка не села? Так есть же зарядка для Нокиа.
— А, у тебя ж такой же телефон.
— Почти.
— Что значит почти такой же. Только цветом да отличается.
— Да нет, не такой же.
— Как же не такой?
— Да так же не такой же.
— Так же не такой же?
— Он у меня даже включается не так как у тебя, у него кнопочка есть специальная.
— Не-не, знаешь почему она говорит что он у неё не такой? У неё наклеечка там сзади — сердечко, наклеена.
— Она говорит, у неё специальная кнопочка есть, а у меня, как будто бы, нет специальной кнопочки, как будто бы я его, извиняюсь, с толкача завожу.
— Да нету у тебя специальной кнопочки! А у меня есть!
— Скажи, а я что, по-твоему, розы нюхаю?
— :))))))
— :)))))
— К чему это всё было?
— Мне кажется, это из его головы.
— Он там со своими коалами полночи розы нюхал на каком-то астральном плане.
— Не-не, это фильм такой советский, типа все воруют, а ты не воруешь. Я не ворую? Ты не воруешь! Я не ворую? Ты не воруешь! А я что, по твоему, розы нюхаю? Ну вот так вот и здесь: у меня, типа, нету кнопочки?! А я что, по-твоему, розы нюхаю?
— :))))
— :)))))
— Ой, блять :)))))) бред какой-то…
— Да нет, у меня всё так было.
— :))))
— :))))))

— Я всю эту ночь в таком ментальном пространстве.
— Вот так подробности и открываются, в таких ситуациях.
— Я и щас-то, чё там…
— Что, розы нюхаешь?
— Нет я и щас из этого ментального пространства вам говорю. Вы только что, понимаешь, сковородку овощной смеси съели, а сами смеётесь.
— :)))
— :)))))
— То есть, ты хочешь сказать, если мы съели сковородку смеси, мы теперь братья по крови?
— Нет, я просто всё равно был в другом ментальном пространстве, я её ел ментально, а вы ели физически. А сейчас вы смеётесь над моими розами. Потому что, а что над ними тогда смеяться. Если вы уже сковородку смеси съели.
— :)))))
— :))))
— Я поняла, эту хрень не нужно есть, надо просто наблюдать, как её другие едят.
— А что ты думаешь, я её тебе дал.
— Ой, так болит живот.
— Это унитазный демон. Ты знаешь, как с ним надо обращаться?
— Нееет…
— Нельзя заходить в туалет, если выключен свет и открыта крышка унитаза.
— Почему?
— Потому что унитазный демон может вырваться и напасть на тебя. Ты можешь заходить в туалет без света, если закрыта крышка унитаза. Если крышка открыта, значит можно заходить в туалет только при включенном свете.
— Но когда не включен свет, ты ж не можешь видеть, закрыта крышка или нет.
— Ты должен убедиться заранее, что крышка закрыта.
— Заглянуть из коридора, на носочки встать с фонариком…
— Если обращение с унитазным демоном входит в твою жизнь, как таковое, ты уже знаешь, закрыта или открыта крышка, и если ты помнишь, что ты забыл-таки её закрыть, то ты предварительно должен отключить свет, прежде чем зайти в туалет. Есть ещё подкроватный демон, это крайне положительный демон, по

крайней мере, в квартире парня холостяка. Просто, когда девушки садятся на кровать, их сразу в сон клонит. Я встречался с такими демонами, причём я и сам бы себе с радостью такого демона завёл. Не довелось. И весёлый холодильный демон. Но они мне пока мало известны. Вентиляционный демон, он схож с унитазным демоном, в общем, против него нету средств борьбы. Но он и не агрессивный. А унитазный самый агрессивный.

— И что он может сделать?

— Со мной он ещё ничего не сделал, иначе я бы знал. Если бы я знал, что он со мной сделает, я бы, наверное, не смог вам это рассказать. Но слухи, знаете ли, рассказывают такие вещи про него… Вырвется, нападёт на тебя.

— Это просто подсознательные генетические страхи.

— Мм, не надо мне это на генетические страхи сводить. Смотри аккуратней с ними. Если ты заходил в тёмный туалет, и крышка унитаза была открыта, и ты ещё живой, значит, тебе просто повезло. Я бы не относился к этому так халатно.

— Интересно, свечка канает за свет, если света нет?

— Конечно.

— Ну не знаю.

— Свечка — это изначально был свет, то что там эта лампочка, свечка — это фундаментальный свет. Это если демон, свет, то ему как раз вот не лампочку подавай…

— :)))))

— :))))

— Ему ещё и подавай чего-то? Я думаю, ему хватает того, чего мы ему ежедневно подаём.

— … А если ты туда со свечкой зайдёшь, он будет особенно, так приятно удивлён. :))))

— :))))

— :))))

— Должен быть какой-нибудь унитазный заговор-молитва.

— Заговор молитва — это классно, да. Я помню, мы оберег против комаров делали. Мы взяли камень, разрисовали его всячески, обильно полили репеллентом и забросили к нам в палатку. Но перед этим предварительно ещё и палатку репеллентом пропитали, сами тогда чуть не сдохли.

— Я представляю человека, который сидит без света, но ему хочется в туалет, и он специально одевается, как индеец раскрашивается, и,

танцуя ритуальный танец и поя горловым пением…

— Сбрасывает балласт.

— … с великим почтением сначала просто заходит в туалет!

— :)))))

— :))))

— В «Ночном дозоре» было про х-президента, про мужика, который являлся царём, х-президентом, и каким-то чуть ли не богом и вообще кем он только не являлся, но не в этом дело, просто…

— А вас не очень смутит, если я всё-таки джинсы сниму, потому что не очень удобно спать в них, — спросила Юля.

— …диктор знаешь, какую фразу сказал? Он говорит: «Осмелимся предположить, что это не совсем правда».

— В некоторых моментах…

— :))))))

— Допустим, если взять момент бога сам по себе, да?

— Был ещё один классный момент, когда мой одноклассник, мы с ним в спелеоклуб ходили, он пришёл в магазин туристического снаряжения, там мой знакомый крендель работал, по прозвищу Борщ, и Серёга его стебал, он подходит, говорит: «А покажи мне вот эту вот штуку. Что это такое, расскажи». Ну, тот начинает ему рассказывать, рассказывает, расхваливает, что это за штука, как она полезна в спелеологической жизни, а Серёга смотрит на него с подозрением, и говорит: «Слушай, борщ, по-моему, кто-то слегка припиздывает»… Отходят они от этой вещи, а Серёге интересно, он решил постебать, он подходит к следующей вещи, он говорит: «Борщ, а расскажи-ка мне про эту вещь, что это за херня такая»? Борщ, вроде как, понимает, а с другой стороны, он продавец, он подходит, начинает объяснять, а Серёга смотрит на него и говорит: «По-моему, кто-то слегка припиздывает». И так повторялось несколько раз. Очень это весело было.

— И какой жизненный вывод сделал Борщ?

— А я не знаю даже.

— Был ещё один хороший продавец — Ден, он такой же, как я, тоже залез в долги и проебался. Я думаю, скоро долги ещё чуть-чуть накопятся, и впору будет проебаться и мне. По России. Да…

— А потом, когда долги рассосутся, можно будет назад вернуться.

— А как они рассосутся? Мы ж не евреи, где каждые семь лет долги прощают.

— О, так они и через семь лет не рассосутся?!?

— Не, понимаешь в чём дело, у евреев каждый седьмой год прощаются долги, причём не с момента взятия долга. И если ты еврей и берёшь у еврея, то второй еврей в принципе не может ему отказать, и самое главное — у него даже в мыслях не должно быть отказать ему дать в долг, вот.

— Это глупости какие-то.

— Так бог сказал евреям. Но суть в том, что долги прощаются каждый седьмой год. И даже если берёшь в долг перед седьмым годом, и ты второй еврей, который знает, что долг тебе не вернётся, у тебя даже в мыслях не должно быть не дать тебе этих денег. Так завещал им бог. Он сказал: вы, говорит, евреи, вы не должны между собой сраться.

— В общем, короче, это всё какая-то хрень и…

— Да конечно хрень!

— В Ветхом завете были совсем не те евреи, о которых мы говорим, а щас уже другие совсем евреи.

— Но эти евреи живут по тому же закону, что им когда-то бог ещё в Ветхом завете завещал.

— Нет, щас евреи живут по одному закону — логики.

— Не знаю, евреи – это евреи, ты не знаешь, по какому закону они живут.

— Я точно знаю, что закон логики так универсален, что в процессе борьбы за существование все другие законы им сожрутся и перестанут существовать. В этом случае все эти евреи, которые жили по старым законам, они давно уже отдали деньги тем, кто живут по закону логики, давно уже умерли с голоду и перестали существовать.

— В принципе, там, по-моему, был какой-то момент, который не обязывал давать деньги в долг. Понимаешь, бог-то, наверное, тоже не дурак, давать такую хуету.

— Короче, это всё лишние сущности, и щас их не существует.

— Вот уж не знаю.

— Я думаю, они не соблюдают всю эту хрень.

— Да никто не знает, кроме его и его семьи. Это их тайна. И он никому не расскажет, кроме своих приближённых евреев. А те евреи уж точно никому не расскажут.

— Кроме своих приближённых и своей семьи :))))

— И у еврея не будет в мыслях взять в долг у другого еврея.

— Это всё херня. У одного было в мыслях взять в долг у других евреев, и он стал евреем-мультимиллионером. Рассылку сделал.

Все быстренько переводите на мой счёт деньги такого-то числа. В долг.

— Мне кажется, бог бы ему пинка за это дал. Их еврейский бог.

— Да херня всё это. А этот еврей: вы ребята просритесь, я уже в новой вере, католик, и на самом деле родители мои были католиками, а вы повелись на мою форму носа.

— Лошары. :))))

— Но если у него попросят в долг, он не может тоже не дать, а то его палкой погонят.

— Это просто берется калькулятор и подсчитывается, сколько тебе дают, и сколько ты даёшь, и когда смываться, когда расходы начнут превышать доходы. Пять-десять процентов дохода на проверку, дашь ли ты сам в долг, рекламная компания такая.

— Да глупости всё это.

— Я спасть совсем не хочу.

— Да и я не хочу. Один мой приход на всех так действует.

— Сколько времени?

— Да зачем тебе это?

— Мне интересно.

— Мне не интересно.

— И мне не интересно.

— Это весь кайф ломает.

— Дайте мне телефон, я сама посмотрю.

— Нет, телефон выключен. Подумай лучше о евреях.

— Да, о евреях.

— Не хочу я о евреях думать.

— А может она еврей, может она время считает до седьмого года?

— Она в душе еврейка. Это она генетически заделалась под украинку.

— Что? Пойду щас на диван спать.

— А так она как раз та самая, которая занимает.

— Подожди, так это ещё не доказано, занимает она или нет.

— Конечно, не доказано.

— Так не стоит, может, тогда переходить пока что на личности. Видишь, как евреи поссорить нас уже решили.

— Вот гады.

— То есть, они, собственно, ещё ничего не сделали, а уже.

— Поняла, Юля, а ты к ним тут духовно.

— :)))

— :)))
— :))))
— Давай к своим генетическим христиано-украинским корням возвращайся. Не занимай, просто, больше ни у кого. В седьмой день или год.
— Год.
— Да, в седьмой год она и не могла занять, она всего-то сколько на свете живёт.
— Каждый год может быть седьмым, неизвестно какой. Это ж евреи знают, какой из них седьмой.
— А может, это коррелирует с годами повышенной солнечной активности?
— Наверняка их ведут на что-то отталкиваясь. Что происходит каждый седьмой год, надо сверить с астрономией.
— Это интересно.
— Это даже не каждый четвёртый год.
— Да, каждый четвёртый — это хотя бы с двенадцатью коррелирует.
— Две семёрки — это ж четырнадцать получается.
— Они даже нас, вполне образованных людей, умудрились запутать со своим седьмым годом.
— Хотя нет, это не они, это бог. Почему бог им всегда потакает?!
— Что-то мы давно не курили.
— Да, а там, интересно, кальян есть ещё?
— Да вряд ли.
— Конечно же, что ж.
— Там угольки остались.
— Надо взять кочергу просто, их раскопать и раздуть :))))))
— :))))
— :))))
— Ты кальяна хочешь?
— Я, как-то, не хочу всего вот! В том числе и кальяна.
— Мне бы утро пережить.
— Кстати, физики ушли на перекур и что-то к работе не вернулись. Коллайдер-то простаивает. Сколько денег вложено, извиняюсь, это несколько десятков миллиардов для того, чтоб этого сраного коллайдера под землёй провести несколько десятков километров.
— Да, эти ж мудаки что-то там закрепили херово. До весны он простаивает, его ремонтируют.
— У нас свой коллайдер и он простаивать не должен.

— Представь себе, это выглядело примерно так: «Ты, куда я сказал тебе трубу прикрутить? Зачем её вот так вот прикрутил»? Тот говорит: «Зачем ругаешься, начальника»?
— Я новенький, я в твоих трубах не разбираюсь.
— Подоконник, говорит, должен вровень быть со стеной или выступать? Да, говорит, вровень или выступать. Это говорит, я тебя спрашиваю, вровень или выступать? Да, говорит, вровень или выступать, да. А по-моему очень концептуальный был подоконник.
— Мне нравится, когда можно сидеть на подоконнике.
— Ну не обязательно он для этого выступать должен, может, просто стены должны быть толстые.
— Это уже сложнее. Если вот щас бригаду привести и заказать: сделайте мне подоконник, чтоб на нём сидеть можно было, но чтоб он не выступал. Сделайте мне просто стены толстые.
— Просто поставьте бильярдный стол на подоконнике.
— И джакузи. На подоконнике.
— Мне ещё пару комнат нужно за счёт подоконника.
— Да, и два этажа надстройте. И флюгер поставьте.
— Только чтоб не выступал.
— Тогда и смысла нету в остальной квартире.
— Да нафиг тебе остальная квартира, если у тебя такой подоконник.
— Да, остальная квартира — прихожая, по сравнению с этим подоконником. Разуваешься и сразу на подоконник.
— За такой подоконник я бы ногу правую отдал.
— А я бы не отдала.
— Не, ну извините, какая у Артёма волосатая нога, а какая у тебя.
— :))))
— Да, твою бы и не взяли даже.
— Вот если побрить мою ногу гладенько-гладенько и подсунуть тебе, Юра, в темноте, ты смог бы отличить её от женской?
— Ну-у-у, не, ну, конечно, женские ноги всякие бывают. Если твои гладенько побрить, то и под всякую подошла бы наверное.
— А с чего это мы начали про подоконники разговаривать?
— Да вспомнили про коллайдер поломанный.
— А, вспомнила цепочку.
— Да, цепочки порой очень удивительные встречаются.
— От коллайдера. :)))
— Не, там даже не от коллайдера, там чуть ли не с евреев всё началось.

— Не, это всё изначально было с того, что надо угольки в кальяне раздуть.
— А может попробовать этот кальян вдохнуть, и там само всё разгорится?
— Да мне пофигу щас.
— Тогда, Юрка, нам надо нас с тобой бы встать, взять и поджечь его.
— Нуууу, я болею.
— :))))))
— :))))))
— Ну если болеешь, то и кальян тебе не нужно курить.
— Не, кто же за мной больным-то поухаживает.
— Ты посмотри на него, ещё и ухаживать за ним. Я понимаю, люди болеют.
— Нет, я реально болею, ты что. Так как я болею, это ещё только поболеть надо.
— Всё, я тогда спать буду.
— Нет, подождите. Как мы без кальяна спать будем.
— :))))
— :))))))
— Мне нужно эксперимент продолжать. Я не могу спать. Нет, подождите, как это спать, что значит спать. Это постойте! Это подождите. Это минуточку!
— Не, надо, по-любому, поспать сегодня.
— Я не согласен!
— Надо бы, наверное, поспать бы до утра что ли.
— Да, попробовать бы.
— Не. Подождите, я что-то не понял. Так мы идею этого… синхрофазатронного этого… как его… с угольком который.
— :))))
— :))))
— На угольной тяге.
— Кальяндора?
— Мы его что, похоронили просто? Заживо?
— Я читал статью, кстати, ещё какого-то восемьдесят девятого года, там был забавный момент о том, что частицу можно разгонять не в длиннющем синхрофазатроне, а лишь в коротеньком кристалле, типа рубина или ещё что-то, и достаточно буквально несколько сантиметров, чтоб разогнать частицу до той же скорости.

— Да, если физиков послушать, можно вообще просто почесаться, …
— :))))
— :))))
— … и наша энергетическая структура, где много пространства, и вообще мы все энергиями взаимодействуем.
— Что-то, по-моему, ты физиков недолюбливаешь.
— Не, а что, так почесался, и там всё разогналось как надо. Как нужно, так разогналось, ну всё так разогналось… просто можно сразу о мироздании так судить конкретно.
— :)))
— :)))))
— Да, почесался и можно судить о мироздании. Считай, готов к этому.
— Да, просто причём так вот, с уверенностью!
— :)))))
— :))))
— Не, надо всё-таки за угольком встать. С бубль-гумом табак, как Юле нравится.
— Да, кстати, женщина отвечала за домашний очаг.
— Дайте мне зажигалку.
— У меня есть спички.
— Блин, а как же я буду держать и зажигать-то?
— А очень просто, берёшь коробок в ладошку, пальцами держишь щипцы, о тёрку чиркаешь правой рукой …
— Я лучше коленками подержу.
— Юр, а правда, что у оленя в сердце кость есть?
— Откуда это такую фигню взял?
— В книжке одной прочитал. Книжка, конечно, художественная. Знаешь, всякая фигня бывает в жизни, и не такое порой напишут.
— Мда… Ну про кость — это вряд ли.
— Но может не кость, а уплотнение какое-то?
— Маленькая косточка.
— Ну как-то олень, понимаешь, тоже. Ладно бы там кабан какой-нибудь.
— Не знаю… Ну, то есть, да, олень, конечно, существо благородное. Но чтоб кость… Не на столько благородное.
— Ну, в принципе. На голове же у них рога растут.
— Не, рога это не кость.

— А что это? Кожное производное что ли?
— Нет, точно не кожа. Может что-то среднее. Я не помню уже.
— Только кость может быть. Не коралл же.
— Они как зубы, скажем так, вроде как и в черепе, а вроде и нет. Потому, что когда найдёшь череп, рога болтаются.
— Так вот в чём тут может быть весь секрет. Может там дентальная зубная ткань.
— Нет, ну зубы-то – это не кость. Не, зубы – это вообще что-то отдельное.
— Да вы гоните, зубы – это кости.
— Извини Юля, не говори. Зубы, во-первых произошли у нас из чешуи, если ты хочешь это знать.
— То есть, они вообще древние.
— Да, то есть, это такой геморрой с зубами вышел, так что, я бы его не касался.
— То есть, это, практически, евреи нашей физиологии.
— Так вот, о чём собственно речь, понимаешь, это у нарвала рог образуется зубами передними, а олень…
— Да, а мы-то не нарвалы.
— Ну а мы-то здесь причём. Мы и не олени вовсе.
— Тем более! Тут вообще не знаю, даже и разговора нет!
— :))))
— :))))))
— Если мы даже не олени... даже не олени! Не, ну я-то как коала, я молчу. В тряпочку просто. Я просто лежу тут со свой трубочкой и молчу в тряпочку. И даже к оленям не лезу.
— :))))
— :)))))
— А чёрт его знает. Не нам, коалам, судить.
— Вы какую-то классификацию придумываете, которая до вас придумана. Меня она вполне устраивает. От обезьян мы произошли.
— А, вы ж там приматы сраные. Точно. Нас, коал, забить хотите.
— Тебе, коала, нужно с эвкалиптом табак.
— Не, а разве коалы изначально не на Bubble Gum (е), я что-то не понял уже. Просто, понимаете, коалы они на эвкалипт перешли, когда эволюция уже эвкалипт изобрела. А изначально они Bubble Gum потребляли, когда ещё эвкалиптов не было.
— Bubble Gum, по-моему, даже не из органических кислот состоит.
— Ну тем более! И эволюция биологическая тут не причём. Он

так был и они его изначально потребляли. А потом эволюция: так, а чего это вы, биологические существа, а подкормку берёте не из продуктов эволюции, не факт — не факт. Это вообще какой-то диссонанс получается, жиреете на Bubble Gum (е). Круговорота тут не происходит. Должен же происходить обмен полезных веществ: вы, потом бактерии, потом снова вы, потом опять бактерии. А тут — Bubble Gum! Даже не органика. Не покатит! Так, переходим все на эвкалипт быстренько. Та-а-ак, перешли. Те, кто не перешли — вымерли.

— Почему же они вымерли?

— Потому что эволюция сказала надо — значит надо!

— :)))))

— :)))))

— Не хочешь — не ешь.

— Да, эволюция не обсуждает. Но, просто, когда коала находит Bubble Gum… просто…

— :))))

— :)))))

— …это просто зов предков, маленькая подмога в нелёгкой борьбе за существование. Маленький десертик. Ну и вспомнить рай. Зажёвывашь Bubble Gum и вспоминаешь, как коалы гуляли по райскому саду. И Bubble Gum тут кругом, пачками, пачками и никаких тебе бамбуков, которые жевать надо, а перерабатывается пять или два процента за раз. И не нужно было бороться за существование, добывать и пережёвывать этот бамбук. Bubble Gum уже вот расфасованный просто, и в такой яркой праздничной обёртке, так что вся жизнь была праздником. Развернёшь её, с друзьями поделишься.

— :)))

— :)))

— Пожуёшь, пузыри понадуваешь, пощёлкаешь, приходят все: а у меня Bubble Gum синий, а у меня — красный! Ребята, классно живее-ё-ё-ём! Ну, жизнь была, вот как щас у физиков, наверное.

— И у евреев местами. Слушай, а евреи-физики, они ж вообще живут, наверное, на Bubble Gum (е).

— Ну да… не то, что мы — коалы. Наш коальский бог сказал — пастись, значит пастись! Ну мы и не рыпаемся, бамбук? Бамбук. Ладно, и за бамбук спасибо. А могло бы быть и хуже.

— Например? — поинтересовалась Юля.

— Не, ну бамбук-то благородное растение. Могло бы быть всё гораздо хуже.

— Могли бы мы питаться, например, какая-нибудь хрень жуёт бамбук, переработала на пять процентов, а мы это пожираем и на остальные восемьдесят процентов питаемся. А по-моему, чего там. Жуй и не жалуйся, ты теперь коала и это звучит гордо. Ты – животное благородное.

— :))))))

— :))))))

— Ты никого не убиваешь, ты бамбуком питаешься. Ты, как бы, за свой базар отвечаешь. Вот тебе бамбук — ты им питаешься.

— Ты когда описывал действие этой срани, что мы сегодня захавали, я думала, что по-другому будет.

— Я тоже думал, что по-другому. Он вообще не должен был говорить сегодня.

— Мне вот было как-то необычно, здорово, аж прямо отвлекаться не хотелось, и глючило меня по-конски, и мысли приходили в голову такие гениальные. Только забывались они сразу.

— Не, ну вот у меня щас мысли тоже гениальные приходят. Но у меня какая-то… Мне бы вот хотя бы кальянчику покурить, с этой гениальности немножечко сместиться куда-нибудь, с этого измерения ментального. А то меня всё по коркам прибивает и прибивает.

— Дай мне затянуться немножко. Он не рухнет там?

— Да он рухнет, как вавилонская башня, и потеряем мы общий язык. Не, это, конечно, грустно, что общий язык мы потеряли. А скоро мы найдём его снова и постоим новую вавилонскую башню.

— Что-то он потух, блин.

— Не, что-то я не хочу его больше пробовать.

— Всё, он умер, да.

— О, а там светает.

— Рассвет, честное слово.

— Можно даже шторку отодвинуть.

— Не, не надо отодвигать шторку, это ж света будет миллион!!

— Не, не надо отодвигать шторку!

— А может там реально какая-нибудь эра началась, как ты, Юра рассказывал.

— Огни большого города.

— Нет, это реально рассвет. Это стопудово рассвет… А могут быть и

огни, глаза могли привыкнуть.
— Нет, рассвет, рассвет.
— Рассвет, так рассвет.
— Рассвет, так рассвет.
— Чёрт, как странно, не хочу я новый день. Я бы ещё повалялась.
— Муравейник живёт, кто-то лапку сломал — не в счёт.
— А до свадьбы заживёт…
— А вдруг не заживёт? А помрёт, так помрёт.
— Советую спать тогда.
— Да я всё пытаюсь, вы разговаривайте и меня втягивайте.
— Это вы разговаривайте и меня втягивайте.
— Укрой меня одеялом, пожалуйста.
— Всех вас укрыть надо. Укрываешь одного — другой раскрывается.
— Знаешь, Петька у Василия Иваныча спрашивает: «Василий Иванович, а что такое — нейтралитет»? «Вот смотри, говорит, Петька, лежим мы втроём, ты, Фурманов и я под одним одеялом, я – слева, Фурманов – справа, ты в – середине, Фурманов одеяло на себя тянет, а я на себя. А тебе нормально. Это нейтралитет».
— А что-то о плохом подумал.
— Да я тоже о плохом подумала.
— Да вы вообще – пошляки и плоходумы.
— Почему это плохое сразу пошлое? Может я о другом плохом подумала.
— Так я сказал: пошляки и плоходумы. Может быть Юра – пошляк, а ты – плоходум.
— Почему? А я может быть подумал об их природном патриотизме. О том, как они родину защищают, лёжа под одеялом. Просто себя не щадя. Я не допускаю никакой плохой мысли. Они всё отдают на это, на то, чтоб под одеялом себя не щадить. Для них это дело жизни, вы не понимаете. Они умрут втроём под одеялом, но полежат.
— :)))))
— :))))))))
— Это уже шиза какая-то. О боже.
— Даже песни про это складываются, патриотические, революционные.
— Какие?
— Надо вспомнить. Ведь есть же песня такая. Должна же быть, про трёх героев под одеялом!
— :)))))

— :))))
— Тёмная ночь, только мы всё лежим тут втроём...
— Нет, просто мы тут не какие-нибудь Стравинские, и на такую героическую тему так вот просто в таком состоянии не выспавшемся не можем, но серьёзные патриотически настроенные поэты и эти, как их… режиссёр, только в музыке?
— Композитор
— …композитор, вот, и они сочиняли бы глобальные такие, эпические, чтоб можно было даже фильм снять про то, как они под одеялом лежат, и этот фильм слезу бы выжимал. И люди бы говорили: да, вот эти люди, они знают, зачем они живут. И они скажут: а ты вот для чего прожил? Ты вот лежал втроём под одеялом? А они ответят: да, я лежал тут до самой последней, мать твою, капли крови!
— Давайте снимем фильм.
— Я просто до утра не встал. Я вот лёг и меня ничто не поднимет! Ничто! … Наверное, даже медаль есть такая специальная. За отвагу в постели. Причём три степени, я знаю, у этой медали есть. Те, кто лежал справа и слева — это две первые степени, а тот, кто лежал посередине, там да…
— Я вообще не знаю, кем себя чувствую весь вечер, — сказала Юля.
— Героем, героем, ты хотела сказать. У нас какие-нибудь красная и синяя медали, а у тебя платиновая! Вот так! Ты потом мемуары будешь писать, и там главная тема будет — как ты лежала посредине втроём под одеялом. Вся книга будет посвящена этой геройской теме. Старушкой будешь, и внукам под песню будешь рассказывать: да, вот бывало как-то лежим мы втроём под одеялом…
— В 2009-м под Угольной.
— …да, ситуация такая, и деваться тут некуда. И, ну, что ж, мы поступили героически в этой ситуации, и вот родина нас не забыла, видите вот — медаль. Прям по кругу написано — за отвагу, проявленную под одеялом.
— Интересно, вчетвером это практикуется или только втроём?
— Нет, это тогда должно быть какое-то очень нестандартное одеяло. Ты где такое вообще видела?
— А вдвоём?
— А вдвоём никакого подвига в этом нет.
— Никакого. И это каждый лежит и этот подвиг не совершает просто.

— Да, миллионы людей. А вот втроём…
— А втроём много людей тоже.
— Много людей, согласен. Но, в сравнении с этими миллиардами, это — лучшая часть человечества. Это — способные на подвиг. Это те, о которых легенды складывают. Знаешь, с древнеславянских времён до нас дошли всякие истории о князях Владимирах и прочих, что думаешь, их потому народ помнит, что они какими-то сраными предводителя дворянства в то время были? Или, там, они городом управляли? Да кому этот сраный Новгород нужен был? В десятом веке там две тысячи человек жило, он деревянный и горел.
— Нееет.
— Нееет, не в этом- то суть какого-нибудь князя Владимира. Они под одним одеялом втроём там просто. По-мужски. Спали.
— Нет, лежали.
— Ну, это уже другой вопрос. И народ их запомнил, и пронёс сквозь века. Даже и медалей тогда ещё не было, которые можно было бы из земли отрыть. Но летописцы этот момент осветили. В монастырях в рукописях это хранится в витиевато оформленных книжках. Завитки там всякие, птицы красные. Книжка такая толстая, запирается даже замочком. И обложка у неё такая, металлом кованная. И всё про эти подвиги, всё это начиналось, как они втроём под одеялом, и оттуда, из-под одеяла они мир покорять пошли. Причём, не вставая. Ну в общем, тот который посерединке был — его имя и сохранилось.
— Просто вот смотрите, опять же, — три богатыря. Они на картинке втроём. Они ж там не один день бродили. Спали-то они как? Наверняка под одеялком.
— Ну уж наверняка. Они ж богатыри русские. Они не только сражаться, их и на настоящий подвиг потянуть может. Допустим, под одеялом втроём.
— Да, среди степей-то. Вот что молва народная ценит и сохраняет столетиями. Ну, тысячелетиями может, не сохраняет. Но столетиями, по крайней мере, сохраняет. Тысячелетиями да, это что-нибудь покруче, которые. Это что египтяне придумали.
— Чёрт, а на потолке какие-то бесконечные птицы, которые апельсинами угощают.
— А, ну вот, это с этих рукописей. Ты просто посерединке, и у тебя это всё генетическая память, зов предков всех, которые спали посередине.
— А я их не вижу.

— Они какие-то нереальные.
— Ну конечно.
— А что ты думала? Что ты хотела? Ты их реально видишь?
— Не знаю, в том-то и дело. Блин, закрываю глаза, а они уже там.
— Мы тут все апельсиневаем просто. На самом деле у тебя мозг искусством занимается просто. Это называется апельсинография. На него даже краски не нужны. Он сам апельсины рисует, сам же их жрёт.
— Это какое-то направление в искусстве — апельсинецизм.
— Но апельснография — она опирается на апельсинецизм. Как на направление в искусстве. Причём очень динамично развивающееся, как Юля может видеть.
— :))))
— :)))))
— Там такие бабочки, у них крылья продолжаются бесконечно. Всё как-то меняется и из одного в другое превращается.
— Чем же ты не довольна?
— Чёрт, нет, без Bubble Gum (а), наверное, сегодня не обойтись.
— По любому.
— Там точно сигарета не осталась, может, закатилась куда-нибудь? Может поискать?
— Ну если ты поищешь, то конечно.
— Что, тебе сигарета так нужна что ли?
— У тебя, Юра, есть какие-нибудь запасы в загашнике?
— У меня-то, конечно, всё может быть, чтобы у Юры-то и в загашнике не было. У него всё такое таинственное. У него-то мало ли что в загашнике-то, в конце концов, у Юры. Юра — Рыба по гороскопу. Не главное тут, даже если есть в загашнике, — правильно Юре так сказать, наверное. Чтобы это всё материализовалось. Обосновать реально надо.
— Обосновать, почему я её хочу, или почему ты её дать должен?
— Ты не понимаешь, не в этом дело, почему ты её хочешь или почему я её должен дать. Когда ты пишешь заявку на грант, ты отвлекаешься от себя лично, и тот человек, который даёт тебе этот грант, и ты, которая просишь, даже не для себя просишь, а тот не от себя даёт. Просто нужно обосновать важность самой этой темы.
— Наверное это имеет свою важность, если я думаю об этом уже на протяжении долгого времени. Получаса, если не больше.
— Я знаю, в чём дело. Как герою, пролежавшему достаточно

длительное время втроём посередине нужно компенсацию, как ветерану выплачивать.

— Чёрт, нельзя мне, наверное, на потолок смотреть, капец какой-то.

— Нет, на самом деле у меня, честно говорю, даже своя выгода и интерес есть, потому что если она так пошевелится, чтоб встать пойти покурить, я…

— Придвинешься ко мне. :))))))

— :)))))

— :)))))

— …нет, я, честно говоря, так пошевелюсь, чтоб Bubble Gum зарядить в этой херне.

— Классно, я б тоже хотел пойти покурить.

— А, то есть, видите, это уже две сигаретки.

— Да.

— Это всё надо хорошо очень обдумать, понимаете. Во-первых. Во-вторых, это щас две сигаретки. А сам факт загашника раскроется. А тут уж — извиняйте. Тут уж я даже не знаю, что придумать-то. Не, давайте я лучше вам дам загашник и сам стану Bubble Gum (ом) заниматься. Мне самому Bubble Gum (а) зарядить хочется.

— Да я что-то даже и не хочу его курить, я бы спать лёг.

— Не, ну это уж вы, голубчик, извините, это что-то уж вы… спать бы он лёг, это каждый может — спать лечь. Это уж, извините, так вот человек ни за что ни про что возьмёт и спать ляжет. Это знаете, если вот каждый возьмёт и спать ляжет, что ж это будет тогда?

— Ни войн не будет, ничего.

— Мы этого допустить не можем. Как это вообще? Мне бы, допустим, это бы и в голову не пришло. Это как-то даже не по-христиански. Где тут то, чем зажигают?

— По-моему, у Юли были спички.

— А как мы, вообще, опустились до спичек? Где моя пантовая зажигала?

— Как могли опуститься до спичек? До спичек можно только подняться.

— А там сделаны дырочки (в кальяне, в фольге)?

— Да, я их только что продырявил, когда Артём собирался подло лечь спать.

— Да, я собираюсь предательски лечь спать.

— А мы этого не допустим.

— Как же вы этого собираетесь не допускать?
— Я буду громко булькать кальяном.
— У меня есть много коварных предложений, как этого не допускать.
— Вишь, как прекрасна обратная сторона подушки, чёрт, проваливай.
— Да это же практически обратная сторона луны. Ой, кайф, Bubble Gum.
— И мне что-то захотелось.
— А ты иди, лежи на своей обратной стороне подушки.
— Я просто коала, которая вернулась в рай. На мгновение. Вот он, коалий бубль гумский рай. Вот, как оно было всё изначально. Пока они не отведали этого странного бамбука, который испортил им всю жизнь. Я бы щас ментально ещё что-нибудь съел.
— Я бы тоже съела, на самом деле. Что-то я ем и ем, ем и ем. Дай я покурю чуть-чуть Bubble Gum, почувствую себя коалой.
— Почему меня не радует обратная сторона подушки?
— Потому что Юля её ментально раз так и вылежала.
— Может ещё и музычку включить?
— Нeee, не нужно музычку.
— Ну, как тебе наш коалий рай?
— Замечательно.
— Ну вот, видишь, одного примата мы уже в коалы соблазнили.
— Ой, звёзды на потолке, ты тоже видишь эти звёзды?
— Да, они светятся реально? Я, когда свет горел, думал, что за сопли весят. А ты знаешь Юра, нам на ОБЖД говорили, что они фонят.
— Круто, они не просто светятся, они ещё и фонят!
— Что это значит?
— Значит, они светятся не только в видимом диапазоне. Очень красиво.
— Он сказал, вот я бы так не смог.
— Вот может ты их сейчас своим зрением фрактальным.
— Но он, кстати, чуть ли ни правду тебе говорит. Только очень замутным языком.
— Радиация это тоже благо. Главное, в маленьких количествах.
— Ну да, вроде они излучают фиговую радиацию.
— Ну может они, конечно, какую-нибудь китайскую излучают.
— По-моему гамма-излучение оно никому не на пользу.
— Не, ну тут смотря какое гамма-излучение.
— Ну гамма излучение оно и в Африке гамма-излучение.

— И смотря кому не на пользу.
— Я не знаю, как вам, коалам, но…
— Вот как раз на нас, коалах, я бы заострил особое внимание, говоря о гамма-излучении.
— Может с тобой одеялом поделиться? Или тебе перевернуть его с другой стороны?
— :)))))
— :))))))
— В чём тут фишка? Наверное, просто все эти семена растения — это яд для человеческого организма, и они вообще не предназначены для употребления внутрь.
— Мог бы догадаться.
— Максимум — натираться против блох, снаружи.
— Не, не, не, я тут немножко не согласен. Там, по-моему, немножко другой принцип.
— Но организм, он вообще, как я понял, в непонятках, что это такое вообще происходит, вообще говоря. И организм понимает, там, спагетти, я вот соусом залил.
— В чём проблема, организму в последнее время нравятся чипсы, хотя это реальный яд.
— Ну тоже факт.
— Ну вот мой организм по крайней мере не понял, что от него хотят. Загрузить в него эти семена этого непонятного растения. Он в растерянности. Понимаю там чипсы, там понятно. Вот чипсы, да, они маскируются, но чипсы это чипсы. Нет, ну это, организм как-то даже щас не знает, что ему делать, он просто стоит на перепутье, не понимает вообще.
— Забавно было бы, если бы мы заснули, а Юра всё говорил-говорил. Было бы вообще просто потешно.
— Да нет, я замечу. Я вас разбужу, чтобы вы посмеялись.
— :)))))
— :)))))
— Вот бы подушка менялась на обратную сторону во сне.
— Автоматически.
— Надо бы поспать, уже воскресенье.
— А у меня ещё секрет есть.
— Какой?
— Какой-то чувак позвонит мне в двенадцать дня, я ему диски должен забрать.

— Может он под дверь их просунет?
— Скорее, я вниз к нему спущусь.
— Время уже наверное к восьми приближается.
— А можешь уже и не заморачиваться. Чувствую себя странно.
— А интересно, а это «странно» пошло от слова «страна» или «страна» пошло от слова «странно»?
— Я об этом думала, но мне было лень говорить, — ответила Крис.
— Ну да, это, наверное, какие-то общие мысли летают.
— Это вообще Кристинины мысли, оказывается, были.
— Да это, в принципе, не важно, если я об этом не знаю, я буду считать, что это моё.
— Ну да. Так что ты, Кристина, тут не выпендривайся. Мы тут и без тебя, понимаешь ли.
— А я знаю. «Странный» произошло от слова «странник». Когда странник приходил, из дальних стран, он был странный для них, и он был из дальних стран.
— Надо бы мне попытаться заснуть, хотя очень проблематично это всё. Всё-таки это из-за этой хрени, как её называют.
— Семена травы. Знать бы это название.
— Короче, из-за этой срани.
— У меня в телефоне записано. Ну уж наверное, а из-за чего ещё, не из-за Bubble Gum (а) же. Вот мой организм тоже думает. Он, конечно, тоже думает спать, но как-то фантасмагорично это делает.
— Что значит фантасмагорично?
— Значит с прибамбасами. Не просто засыпает, а даже не понятно, засыпает или не засыпает, и удастся ли ему нормально поспать в таком состоянии.
— Я думаю, что если ты заснешь в таком состоянии, то тебе очень херово будет.
— Ну сейчас попробую чуть-чуть.
— Всё, сейчас перевернусь на другой бок и засну.
— Хочешь покурить?
— Нет, наоборот, не хочу.

Неудачный трип

Долгий путь по лесу окончен до заката, Теночтитлан остался далеко позади. В темноте брести по джунглям не рекомендуется, хотя мы дошли бы и в темноте, мы все чутко чувствуем лес. Это наше место, мы выбрали его за красоту, отдалённость — здесь никогда не бывает людей, безопасность — на этой излучине над рекой всегда можно уйти от опасного животного, и ещё за его энергетику, нигде не чувствуешь себя так уютно и безопасно, нигде так не хочется остаться навсегда, как здесь. Мы приезжаем сюда «пошаманить». Это мы так обозвали свои посиделки, на самом деле мы просто ищем себя и ищем мир, и поиски наши, как мы уже поняли, будут бесконечны.

Смеркается, трещат поленья в костре, на огне кипит котелок, на небе становится всё больше звёзд, рядом стоит только что обновленный нами шалаш из пальмовых листьев, а внизу джунгли уже погрузились во мрак и постепенно заполняются звуками ночи. Матлаихуитль помешивает содержимое котелка. Он настоящий кудесник, жаль, что ему не часто удаётся выбраться с нами, но каждое путешествие с ним незабываемо. Он много знает, но это не главное его достоинство, мы все много знаем, умным может быть каждый дурак. А у Матлаихуитля есть воображение. И вдохновение. Когда он рассказывает о чем-то, кажется, что он это сам чувствует изнутри и поэтому ошибаться не может, даже когда он откровенно сочиняет. Мы, конечно, научились распознавать почти сразу, когда он начинает вешать нам лапшу, но делает он это так, что перебивать его не хочется.

Матлаихуитль только что вернулся с севера, и привёз нам подарок — корни водной лилии. Они-то и варятся в котелке на костре. Запах их, витиевато переплетаясь с запахом джунглей, материализуется в шорохе листьев, в журчании реки, во вдохе и выдохе, в том неописуемом словами, всякий раз новом, но каждый раз узнаваемом ощущении наступления неведомого. Мы бросили в огонь несколько веточек млечного дерева, оно должно обезвредить своим дымом окружающее пространство. Я лежу и впускаю в себя музыку звёзд. Нужно поднять своё состояние как можно выше, хотя бы до четвёртого неба, чтоб наш новичок, я имею в виду лилию, как

бы он к нам не отнёсся и что бы он нам не показал, повернулся к нам лучшей из своих сторон. Чем выше, тем лучше в любом случае, чем выше — тем больше смысла, это общий закон всех путешествий. Матлаихуитль сказал, что корень хорошо бы объединить с волшебными грибами. Вместе они смогут рассказать то, чего не знает каждый из них в отдельности. Мы ему верим, он специалист. Наконец, после часа медленного кипения отвар готов. Мы разливаем его по своим чашкам, остужаем и залпом выпиваем. Почему вкус познания всегда так чудовищен? Будто тело кричит нам: нет, нет, это пить нельзя! Тело боится неведомого, телу нужен комфорт, уют. В процессе мы проглатываем немного грибного порошка, спрессованного в пилюли, и снова запиваем отваром. Немного посидели в тишине, ковыряясь палочками в костре и привыкая к выпитому. Наконец, Точтли достал свой походный бубен и стал наполнять воздух очень редкими ударами. Ритм — это как камни под ногами, как ступени. Каждому состоянию, каждому ощущению, чтоб двигаться дальше, чтоб опереться и подпрыгнуть, чтоб сделать шаг вперёд, чтоб не расплыться в безбрежности, нужна опора, нужен ритм. Всё собирается вокруг ударов бубна, всё обретает форму и материальность, всё проявляется. И когда начинает действовать отвар, уже не можешь в точности сказать, потому что сначала начинает действовать бубен. Сначала появилось какое-то напряжённо возбуждённое состояние. Щекотливой напряжённости. Это похоже на обострение чувств, обострение восприятия, на ожидание чего-то, что вот-вот случится, когда это напряжение сорвётся, при этом мысли идут каким-то забавным образом, это что вообще, мысли? Разве мысли такими бывают? Вот это может быть мысль. И это... А вот это как затесалось в категорию мысли? Быть может, мысль о том, что это мысль — ещё и является мыслью, хотя и глупой, но та, с позволения сказать, мысль, это уж извините! Мы переглядываемся, понимая что происходит что-то неожиданное, причём со всеми одно и то же, без слов обмениваемся впечатлениями об эффекте, смотрим друг на друга в ожидании, и тут все разом не выдерживаем и падаем на землю от хохота. Мы ржём как идиоты, не из-за чего конкретного, из-за каждого движения, взгляда, слова, задыхаясь от смеха. В бубне уже нет нужды. Эффект немного не укладывается в наши представления и ожидания. Мы просто сидим у костра и рассказываем друг другу истории, но редкая история доходит до конца, слишком смешно. Ох уж эта водная лилия с

грибами. Ох уж этот Матлаихуитль. Немного болит голова, то ли от смеха, то ли от зелья, особенно в лобной части, мысли кажутся кристально ясными, слишком кристальными, поэтому и смешно, что вся комичная нелогичность мира вышла наружу. Насмеявшись вдоволь, мы лежим у костра, время от времени подбрасывая в него ветки, и смотрим на звёзды. Немного отойдя от изнуряющего смеха, наше сознание прикоснулось к миру с другой стороны, хотя и столь же лёгкой и игривой, но уже скорее творческой, чем просто смешной. Хотя, что-то близкое между этими двумя точками восприятия однозначно есть. Матлаихуитль начал фантазировать:
— А что, если вот эти звёзды, все тринадцать слоёв неба, это миры, в которых такие же укурыши сидят тоже у своих небесных костров и ржут непонятно над чем?
— Гм?
— Нет, я ничего не говорю насчёт богов, но помимо них, вдруг и таких миров как наш — тоже много, и они висят сейчас над нами?
— Что-то ты загоняешь, даже в качестве идеи не проходит. Почему тогда земля не падает на Землю, если она висит в небе?
— Так она далеко!
— Падает, но долго, что ли?
— Нет, вы не поняли, видели два пузырька на поверхности кофе в чашке? Они притягиваются, только когда оказываются рядом, и чем ближе друг к другу, тем сильнее притягиваются. Может тут так же. Может, падает на нашу землю только то, что принадлежит нашей Земле. А то, что принадлежит другим мирам, падает на их поверхность. А звёзды при этом — это тоже Солнца, только они дальше от нас, чем наше Солнце.
— Кинич-Ахау управляет, получается, звёздами тоже? Или у каждой из них свой бог? И как, по-твоему, Бакабами поддерживают небо, вместе с другими землями?
— Да это не важно, они там между собой разберутся. Главное — принцип. С богами всё нормально, они управляют из иных сфер, а я говорю о проявленном.
— Если они так далеко, то какой смысл знать этот принцип, мы всё равно никогда не выясним, так ли это.
— А может и выясним. Смотрите, как раньше мололи зерно, и как сейчас, как раньше когда-то не умели строить пирамиды, и какой высоты они сейчас. Если продолжить это представлять в бесконечность, то когда-нибудь мы узнаем всё, сможем всё.

— Как раньше, говорят, лечили лихорадку, и как сейчас от неё умирают, потому что секреты предков потеряны, какие раньше были урожаи, и как сейчас всё сгнивает каждый третий год.

— Да откуда ты знаешь, как раньше было, у этих стариков раньше всё было лучше. Слушай их больше.

— И когда же мы достигнем звёзд с такими темпами, после окончания нашей эпохи?

— Может и ещё позже, не важно, главное, что достигнем.

— Слишком высоко, слишком далеко, слишком долго.

Мы помолчали. Тут Матлаихуитля осенила следующая идея:

— Раз уж звёзды для вас слишком далеко, как вам такая мысль, вы знаете, что внутри вас сердце, печень, лёгкие и кости, а внутри деревьев и трав волокна и сок, вы знаете, что волокна можно разделить на ещё более тонкие волокна, так же, как и мышцы, и камень можно разбить на мелкие песчинки, а те в свою очередь на ещё более мелкие, если делить так достаточно долго, окажется, что всё состоит из набора одинаковых для всех частиц, в разных сочетаниях и комбинациях, частиц, которые совсем не похожи сами по себе на то, что из них состоит, и всё потому, что в разных объектах эти частицы образуют разные узоры, комбинации и сочетания!...

— Что это? Это же какие-то больные ведения, или это должно быть смешно?

— ...почему смешно? Вы слушайте дальше. И эти частицы состоят из других частиц, которые уже не частицы, а вибрирующие элементы пространства, и то, какой будет частица, зависит от гармонии их вибраций, как бы от индивидуальной музыки пространства, и меньше их уже нет ничего в этом мире и быть не может.

— А если что-то таки станет меньше, что с ним станет?

— Оно станет больше.

— Как это?

— А вот, оно отражается от порога самой маленькой величины и движется в противоположном направлении.

— Знаешь, либо на тебя этот раствор, что мы выпили сегодня, действует очень сильно, и ты ушёл так глубоко в своих прозрениях, что мы уже не усматриваем твоих горизонтов, либо ты просто перегрелся, и у тебя просто разум немного поехал не туда. Твои идеи даже не интересны, так как чтоб быть хотя бы забавными, они должны иметь хоть что-то общее с реальностью, хотя бы в своей логике.

— Это ещё не всё…
— Ну кто б сомневался.
Все, вместе с Матлаихуитлем, засмеялись. Он продолжал:
— Этот мир — это как бы сосуд. И стенки этого сосуда — высота, длинна, ширина и время...
— И что-что?
— И время.
— А время-то тут причём? Почему не цвет или не туман?
— Потому что мы можем двигаться в пространстве и во времени, а не в цвете.
— Мы движемся во времени? Что это вообще значит?
— Значит, у нас есть прошлое. Настоящее и будущее. Одно уходит, другое наступает.
— Движение — это свобода, а во времени мы можем двигаться туда-сюда? Можем ускориться или замедлиться?
— А в том-то и идея. Мы вообще никуда нигде не движемся.
??
— Мир — это такая банка со стенками из пространства и времени. Прошлое, настоящее и будущее, так же как и длинна, ширина и высота — это разные неподвижные слои внутри этой банки. Движения нет, просто есть разные слои с меняющейся конфигурацией элементов внутри.
— О боже, Матл. А, кстати, миры богов, по-твоему, так же устроены?
— Никто не знает, возможно, по-другому, а возможно, это вообще не познаваемо.
— Да ну! Ну уж не для тебя в таком состоянии.
— Даже для меня в таком состоянии. Кстати, боги не так уж могущественны, то есть, они, конечно, могущественны, но они не управляют каждым моментом существования мира, они просто создали мир саморазвивающимся, запустили процесс, поддерживающий себя, и их вмешательство стало не нужно…
Матл говорил полночи, а мы слушали. Он нёс такую несусветную чушь, даже подобия которой мы ни разу не слышали в нашей жизни, что-то вне самых общих и самых элементарных представлений, но его бред удивительным образом, иногда, складывался в связную картину мира. Он говорил о постепенном развитии живых существ, об обществе без рабов, об исследовании мелких нюансов устройства мира и отдельных явлений в полностью контролируемых условиях, о том, что каждая частичка наших тел знает всё обо всём теле, и когда-

нибудь из кусочка кожи научатся выращивать целого человека, как растение из кусочка корня, но человек этот не наследует разум, поскольку разум — это узоры образующиеся в голове из связей между элементами мозга, и эти узоры отражают то, что приходит к нам из внешнего мира, становясь постепенно столь сложными, что обретают независимость. Много что рассказывал Матл, он подскакивал, возбуждённо ходил вокруг костра, едва поспевая за своими идеями, потом, радостный и вдохновлённый потоком идей, устраивался, как в гнёздышке поудобнее у костра, укрывшись одеялом для пущего уюта. Его, явно, что-то переполняло, он сиял.

— Числа!

— Что, числа?

— Числа — вот что нам нужно для познания мира! Ошибка нашей культуры в том, что она слишком пренебрегает числами. Числа надо использовать не только для строительства пирамид или в торговле, или в составлении лекарственных смесей, весь мир может быть описан числами. Только нужно расширить набор операций между ними, всё, конечно, можно свести к основным операциям, известным и сегодня, но это будет неэффективно. Понадобятся многие сложные операции, которые нужно будет уметь записывать одним знаком. И оперировать ими чем быстрее, тем лучше. Быть может, механизмы будут считать за нас… да, механизмы, которые будут считать, рычаги для счёта, вот он — путь развития мира…

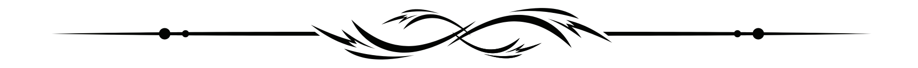
— Зачем? Посвящённый в какое либо мастерство или знание должен иметь интуицию, позволяющую ему сделать своё дело так правильно и точно, как никакие цифры не помогут.

— Возможно. Но таких посвящённых мало, а мир огромен, работы на всех хватит, нужно чтоб её могли хорошо делать не только посвящённые.

Он задумался над потрясшим его самого «прозрением», ещё более безумным, чем и все предыдущие, и стал чертить что-то на земле, пытаясь вычленить сложные операции с числами, которые могут понадобиться человеку в первую очередь.

Постепенно мы стали засыпать, а он всё продолжал говорить, в каком-то странном вдохновении. Сквозь сон мы, то один, то другой, задавали ему по ходу какие-нибудь короткие поверхностные вопросы, давая понять, что кто-то из нас ещё не спит, но постепенно все заснули. На следующий день мы встали, когда солнце уже было высоко и довольно сильно припекало. Вчерашний трип нас не

впечатлил, слишком тупой и поверхностный. Даже Матл, который всё помнил, но не чувствовал уже к своим умственным построениям прошлой ночи такого восторженного интереса, решил, что эту смесь употреблять больше не будет. Так прошёл самый неинтересный и неудачный, самый бредовый трип в нашей жизни, о котором никто больше никогда не вспоминал.



И вновь продолжается бой

Il y a un tragique quotidien qui est bien plus réel, bien plus profond et bien plus conforme à notre être véritable que le tragique des grandes aventures. Il est facile de le sentir mais il n'est pas aisé de le montrer par ce que le tragique essentiel n'est pas simplement matériel ou psychologique. Il ne s'agit plus ici de la lutte déterminée d'un être contre un être, de la lutte d'un désir contre un autre désir ou de l'éternel combat de la passion et du devoir. Il s'agirait plutôt de faire voir ce qu'il y a d'étonnant dans le fait seul de vivre. Il s'agirait plutôt de faire voir l'existence d'une âme en elle — même, au milieu d'une immensité qui n'est jamais inactive. Il s'agirait plutôt de faire entendre par dessus les dialogues ordinaires de la raison et des santiments, le dialogue plus solennel et Ininterrompu de l'être et de sa destinée. Il s'agirais plutôt de nous faire suivre les pas hésitants et douloureux d'un être qui s'approche ou s'éloigne de sa vérité, de sa beauté ou de son Dieu.

Maeterllnk. *«Le Trésor des Humbles»*

Утро. Племя начало просыпаться. Возятся вокруг собаки щенки, заспанная женщина вышла из хижины напротив, обезьянка на привязи уже что-то жуёт, сжимая это в кулачках, играет в ветвях стайка больших попугаев. Просыпается лес, просыпаемся и мы. Я не спешу вставать, смотрю в щели хижины на мир снаружи, в моей голове продолжаются те же мысли, с которыми я заснул. Ночью в лесу выл волк, я засыпал, а он всё выл. В лесу всё пожирает друг друга, лес награждает жизнью сильнейших, и мы пожираем друг друга, мы пожираем лес, и лес пожирает нас. Вечный закон. Интересно, животные чувствуют по поводу этого закона такую же печаль, что и люди? Впрочем, и люди не все её чувствуют. Но раз мы можем сознательно управлять своими действиями, почему бы нам не отменить этот закон хотя бы во взаимоотношениях друг с другом? У нас есть мудрецы, вожди. Жрецы. Мы можем сесть и принять разумное решение. Мы можем просто решить не убивать друг друга, просто решить… Мечты о мире без убийств и крови. Мире, управляемом действительно заслуживающими власти мудрецами и шаманами, пусть не совсем без крови, но с такой малой кровью, с какой только возможно управлять людьми. Я не боюсь крови, это знают все, и в моём племени, и за его пределами. Я сам убил немало людей, но я не понимаю, почему я должен делать это.

Нужен ли мне вообще этот мир? Зачем мне сейчас вставать с постели и идти убивать? Может просто уйти в леса? Я же смогу выжить без убийств, я могу выжить даже без убийств животных с тёплой кровью. А если я пойду сейчас убивать, и снова останусь жив, что я смогу изменить после? Как мне воздействовать на сговор жреца и его сына — вождя? Я всего лишь воин, я и говорить-то правильно не умею. А ведь есть ещё окружающие племена, которые не изменятся, что бы я ни делал в своём племени. Что, если приучать их постепенно, что люди нашего племени не убивают никого при встрече? Что они, наоборот, делятся добычей? Потому что леса вокруг бесконечны и места хватит всем.

Я встаю с лежанки. Гляжу на детей. Они спят и ровно спокойно дышат. Снял полоску сушащегося мяса, чтоб подкрепиться перед походом. Подбросил пару веток во вчерашний костёр, превратившийся в угли. Угли нагрели ветки, пламя начало медленно разгораться, пожирая древесину. Проснулось уже почти всё племя. Беззубый старик, бывший лекарь, медленно двигается вокруг своей хижины, делая вид, что чем-то занят. Сколько мне ещё осталось? Хорошо, что обычные воины не доживают до такого состояния. Впасть в такую немощность и беспамятство — гораздо хуже смерти. Будь моя воля, я бы окончил его страдания существования в этом мире лёгким ударом по темени. Хотя, сам старик не считает, что его существование — страдание. Женщины принесли воду. А почему бы не перенести поселение ближе к воде? Слишком далеко нашим женщинам приходится воду носить. Вода, скоро зима, воды будет вдоволь, только подставляй под небо кувшины. А мясо опять начнёт преть и портиться. Милые мирные проблемы.

Посреди селенья начали собираться мужчины. Пора. Я прощаюсь с женой, глажу по голове ещё спящих детей и выхожу из хижины. Путь занял целый день. Мы дошли к ночи и решили напасть на рассвете. Наши надежды на внезапное нападение не оправдались. Нас уже ждали. Их оказалось больше, чем мы моги предположить. Племена Серого Тапира и Болотистых Низин объединились, послав против нас лучших своих воинов. Значит уважают. Только что делать теперь нам? Умирать… У Серых Тапиров знатные полководцы, никто из наших не может понять их замысловатую стратегию, но их всегда больше нас там, где нужно, мы побеждаем только удалью и силой таких воинов, как я, но каждое их нападение — это большие потери для нас. И теперь они

вооружены длинными копьями с наконечниками из удивительного материала, который умеют изготовлять мастера Низин. Очень острых, каждое прикосновение к коже этих наконечников оставляет глубокую рану. Мы собираем оружие убитых врагов, но они обучены сражаться своим оружием, привыкли к его весу, размерам, форме. Нашему племени нечем похвастать. И самое плохое, что я не уверен, что дело нашего племени — правое. Почему не они пришли к нам, а мы пришли к ним с оружием?

Я не даю приблизиться ни одному врагу, моя булава крошит черепа, как орехи, она не разбирает стратегий, не даёт приблизиться ни копью, ни мечу. Лишь стрелы свистят вокруг, я завожу бой за деревья, прикрываюсь противником, но их слишком много. Я не замечаю боли, я замечаю только, как начинаю слабеть от усталости и потери крови, как начинает кружиться моя голова, темнеть в глазах, как булава становится слишком тяжёлой и движения слишком медленные. Сколько их я убил уже перед смертью? Я сделал для племени всё, что мог, сделал сполна. Племя. Моя последняя мысль. Я вижу перед собой наше селенье, свою хижину, я вижу, как играют с обезьянкой мои дети, вижу жену, которая ещё не знает, что я не вернусь, и плетёт циновку или чистит тыкву для воды, болтая с соседями, и шумит на ветру листва больших деревьев вокруг селенья. Или это шумит листва вокруг меня? Бой закончен, тишина вокруг, я лежу на траве, свежий ветер несёт запах осеннего леса. С каждым порывом ветра несколько листьев, успевших первыми пожелтеть, срываются и улетают куда-то. Несколько листьев упали на меня, лес коснулся меня ими, и шум ветра в листве успокаивает, уносит мой дух высоко-высоко, к предкам, в мир мудрости, в мир, где останавливается борьба за выживание, и кровь перестаёт течь…

Говорят, мы строим новый мир, говорят, нашими руками жизнь меняется. Тогда почему мы работаем по двенадцать часов в сутки на их цехах, продукция которых так меняет жизнь, и не имеем денег сами купить то, что производим, не имеем денег даже учить детей в нормальной школе, не имеем денег лечиться в тех больницах, в которых лечатся они, не имеем права вообще заболеть, иначе наши семьи умрут с голоду? Почему мы живём в переполненных бараках и подвалах, почему больше половины наших новорождённых детей умирает, почему, проработав десятки лет, мы в конце концов, окажемся на улице и если у кого-то не

окажется родных, которые его приютят, он на улице и умрёт? Вряд ли это — новый мир. С гораздо большим успехом и в гораздо лучших условиях я бы использовал свои силы и свою жизнь для того, чтобы самому добывать в лесу пропитание для своей семьи, сам бы построил для них жильё в здоровом красивом месте, пил бы здоровую воду, дышал бы чистым воздухом. Жена шила бы одежду, выделывала шкуры, собирала травы в лесу.

Одни говорят, что нам нужен путь медленного развития, постепенного решения наших проблем, говорят, что действуя с напором, мы ничего не решим, что так общество не развивается, что так можно только всё разрушить. Другие говорят — берите в руки оружие, приспешники богатеев лишь оттягивают время своими речами. Только мы можем выбить у них свои деньги. Третьи говорят — смиритесь, да будет вам спасение на небесах за ваше смирение, пожалуй, этим стоит свернуть шею в первую очередь, волки-богатеи, которые нас грабят и то не вызывают такую тошноту.

Завтра всеобщая стачка. Бастуем за восьмичасовой рабочий день. Ходят слухи, что всех бастующих теперь сразу будут увольнять. Они могут, безработных достаточно. Но если бастовать будут все, а я в этом не уверен, и всех уволят, где-то эта рабочая сила должна таки понадобиться. Но вот только даже месяц без оплаты моя семья не протянет. И что же, мне идти к станку, в безнадёжность? Предать товарищей, отказаться от надежды на хоть какие-то перемены? Жена опять беременна. Я даже не в состоянии вообразить, что будет, если меня уволят эти богатенькие свиньи. Ещё этот кашель. Только бы не туберкулёз. Только бы не туберкулёз. Умру я — убьют семью. Нужно жить, мне очень нужно жить.

Мальчишка пробежал с пачкой газет. Я остановил его, взял одну. Какими толстыми стали газеты, слова теперь в моде. Мнения, анализы, новости, обзоры. Откуда в последние годы столько новостей? Их действительно стало больше, или раньше мы о них просто не знали? Научиться бы читать быстро. Какой смысл в таких толстых газетах, если у меня есть время только на одну-две статьи. Снова увольнение. Всех участников стачек текстильных заводов таки уволили. Безумие. Они пишут, что социалисты враги, что они вносят смуту, разрушают экономику, обрекают рабочих на безработицу. Ослабляют страну. А вы видели охранку? И после этого вы говорите, что социалисты враги? Ну что ж, значит я тоже — враг. Начались судебные процессы. Реакция усиливается, хватают

всех, бастующих, социалистов, демократов…

Новый день. Он наступил. Утро. С трудом открываю глаза. В комнате играют дети, жена приготовила завтрак. Я смотрю в окно и не знаю, выходить ли из дома. Этот выход может быть последним. Никто не придёт, никто не поможет. Каждое утро я встаю, не выспавшийся и больной, каждое утро начинается борьба с собой, борьба за то, чтобы продолжать жизнь. Каждый день начинается борьба с миром, за то, чтобы завтрашний день наступил, надо работать, надо быть здоровым. С таким кашлем я не пройду медкомиссию, и меня точно ждёт улица, снова нужны деньги, чтобы жить, нужно купить медкомиссию. Что же мне делать. Идти в цех? Идти на площадь? Почему я должен решать, каким способом мне погибнуть, почему мне не дают права просто жить? Пора. Тихое морозное утро, я весь дрожу то ли от холода, то ли от нездоровья, пар изо рта, ранняя осень, а природа живёт своей жизнью, сорока взлетела с ветки, ветка качнулась, и ещё несколько осенних листьев медленно присоединяются к жёлтому хрусту под ногами. Красиво.

Если пить пиво и курить одновременно, а к табаку я так и не привык, тошнота заменит физическую боль, телесная боль заглушает настоящую боль, тошнота — это облегчение. Только тошнота должна быть на грани, на грани рвоты, концентрация на балансе состояния. Чтоб не вырвать, тогда только на время отвлекаешься от настоящей боли, продолжающейся годами, практически беспрерывно. Небольшая передышка — это уже очень хорошо. Я учусь в университете, живу за компьютером на диване. У меня свободные дни, много друзей, мы пьём пиво на скамейке в парке, мне доступны все знания человечества, и я живу за границей боли. Я живу в мире, где решены все его вековые проблемы, я живу в мире, наигравшемся когда-то придуманными социальными кастами и снова отменившем их, я отделён стеной промышленного развития от борьбы за существование. И только сейчас я остался один на один со своей судьбой, со своим смыслом, со своей природой. Ничто не отвлекает моё внимание, ничто не маскируется под внешние проблемы, которые стоят между мной и моим светлым будущим. Во внешнем мире всё в порядке. Есть лишь я, Вселенная и мой путь в ней. Осталась лишь главная проблема. Нет даже социальных религиозных сект, пудривших мозги человечеству тысячи лет. То есть, они, конечно, остались, по закону пирамиды

в мире продолжают существовать представители предшествующих ступеней эволюции, и их биомасса доминирует.

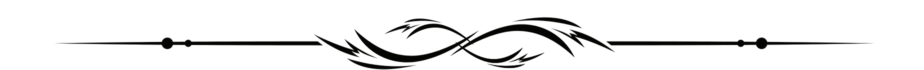
Я смотрю на мир, будто из стеклянной банки. Вся жизнь для меня — спектакль, в котором я не участвую. Это становится абсолютно бессмысленным. Моё существование в этом мире — ошибка. Я даю этой жизни месяц — если ничего не изменится — я ухожу отсюда. Это просто решение. Это не продукт каких-то негативных эмоций, это продукт логики моего существования. Ошибки надо исправлять, а театр бессмысленного абсурда не может длиться вечно.

На следующий день после моего решения появилась она. За несколько дней нашего общения я прожил несколько жизней, такая интенсивность развития была похожа на стремительный полёт. Влюблённость была только средством. Она была мне и духовным учителем, и психотерапевтом, и другом. От одной её фразы все построения моей личности, накопленные за всю предыдущую жизнь, построения, возводимые годами поисков, открытий, раздумий, откровений, падали, как карточный домик, бесшумно, легко, мгновенно. И за сутки я возводил новые. Жизнь, как перманентная духовная революция. Но такое не может продолжаться долго. То есть, такое должно продолжаться всегда, но моими собственными средствами, никто со стороны не будет обеспечивать вечно мне такую интенсивность пути. И она ушла, открыв новую страницу моей жизни, став предтечей второго рождения, свершившегося уже после неё. Импульс, заданный ей, продержался три года, потом пришло время перемен, ритм пути сбился, я сделал не правильный выбор, и снова смерть. До сих пор.

Иногда просыпается память, что мир страшнее, чем кажется тут, в материальной заводи затишья. Что, на самом деле, поезд несётся с огромной скоростью, так, что и движение его не видно. Но потеряй бдительность, и тебе снесёт голову. Мой главный страх — это не страх мира, это страх себя. Страх бессилия, страх своей неспособности, потому что в этом мире нет ничего, кроме самого себя, всё остальное проходит, оно лишь — временная опора. Даже опыт. Только моя природа, моя способность распознать свой путь и моя воля идти по нему. И если окажется, что я не способен идти дальше, это и будет моей смертью. Пока есть надежда, что я встану — продолжается жизнь. Хотя бы и в анабиозе.

Да, мир меня не принял, да, жизнь — это боль, но это частный случай, путь не зависит от принятия или не принятия мира. Путь

нельзя опереть на мир, иначе это будет уже не путь. Я допиваю очередную бутылку дешёвого пива, смотрю по сторонам и резко встаю, надо таки идти дальше. Не получится остаться тут навсегда. Дорожки в парке засыпаны листьями. Хорошо, что цивилизация ещё не додумалась убирать их сразу, как они опадают. Всё меняется, а хруст листьев под ногами остаётся всё тем же, каким он был, когда мне было шесть лет. У меня ощущение, что этот осенний хруст соединяет меня с вечностью, открывает память о том во мне, что за границами перемен. Однажды, когда Хотэй разгуливал, прося у прохожих монетки и на них покупая детям сладости и орехи, проходивший мимо мастер дзэн спросил его: «В чем значение дзэн?» В качестве немого ответа Хотэй тут же хлопнул мешком об землю. «А в чем же тогда реализация дзэн»? — спросил другой. Счастливый Китаец немедленно вскинул мешок на плечи и продолжил путь.



Дневник

...Удивительно, никакого ощущения беспокойства, только торжественность. Что бы мы ни чувствовали или не чувствовали, какие бы решения не принимали, смерть остается очень серьёзным явлением. Да, иногда подкатывает боль обиды, разрушая торжественную чистоту свершаемого, но я научился сдерживать её на время. Хотя, это тебе не раковая опухоль, помучался годик-другой и вперёд, свободен. Какое уважение, сочувствие, какая чистота помыслов и воли человека, который ничего не может изменить и ни за что не отвечает, он знает, что он сделал всё возможное, что он был превосходен, и злой внешний мир распорядился за него, так что он может расслабиться, с чувством выполненного долга... посмотреть телевизор, например. Совсем другая песня, когда боль не проходит десятки лет, и с внешним миром всё в порядке, а патология находится в твоём «я», которое не может жить даже в практически идеальных условиях, вот это действительно не оставляет шансов на продолжение игры. Никаких. Капсулы глотаются легко, организм не знает, что в них, только разум знает, а разум согласен.

Главное на этой стадии — не поддаваться панике, потому что только сейчас дверь закроется навсегда, сейчас, когда капсулы ещё не растворились, ты ещё можешь стошнить их. Минуты тянутся, капсулы растворяются быстро, ты даже не знаешь, растворились ли они уже, или ещё не поздно всё отменить. И каждая секунда — секунда смерти. Как затянувшийся прыжок вниз, который длится минуты, и каждую секунду есть возможность зацепиться за что-то. Слишком долго, трудно бороться с паникой, слишком много шансов передумать, всё отменить. Новое решение приходится принимать каждые несколько секунд, они становятся всё чаще, отчаяние и паника нарастают. Останови их. Перестань считать секунды и минуты. Нет. Ты уже принял решение, нет — ты уходишь. Вопрос закрыт.

Приходит идея, что всё происходящее — какая-то временная ошибка, иллюзия. Что-то измени, перейди в другое настроение, прозрей какой-то простой мыслью, которая пока не пришла к тебе в голову, но в любое мгновение придёт — и тогда уже не нужно будет умирать. Тогда окажется, что решение ухода — нелепая ошибка. А

что если это прозрение наступит в следующую минуту после того, как дверь назад уже закроется навсегда? Вдруг эта мысль придёт прямо сейчас? Но вспомни, сколько это уже длится. Впереди, может, и будет частное решение этого вопроса, но вряд ли жизнь изменится кардинально, дорожить там, действительно, нечем.

Ощущение что чего-то забыл — не проходит. Пытаешься вспомнить что-то важное, что надо сделать, ведь когда вспомнишь, времени доделать уже не будет. Может, это требует времени больше, чем у меня теперь есть, плюс — я буду в таком состоянии… а вообще, это важное дело — разве оно будет важно теперь? Так, суета, смысл которой умрёт вместе с этой жизнью. Значит, она совсем не важна. Зачем же об этом вообще думать, если мы говорим о смерти. Так может вообще всё то, о чём мы думаем, вся наша иерархия важностей и приоритетов бессмысленна и абсурдна. Может она затмевает наши глаза, но надо стряхнуть это наваждение, вспомнить, что же действительно важно, отделить одно от другого, освободиться от этой страшной иллюзии, забивающей сознание какими-то глупостями даже в самый важный момент. Так может, и моё решение было такой же бессмысленностью, иллюзией, абсурдом, если оно основано на лезущих в голову глупостях?

Начинается болезненное состояние. Пока я боялся, колебался и рассуждал, капсулы таки растворились. Болит в животе и во всём теле. Говорили, это вещество убивает относительно безболезненно. О чёрт. О чёрт. О чёрт. Как больно.

Хорошо иметь мягкую кровать и одеяло, где можно раствориться с этой болью и на одно мгновение сделать её легче. Пушистый ворс гладит ноги, прохлада мягкой подушки заботится обо мне. Но через минуту это проходит, тело привыкает к приятной новизне мягкости, подушка нагревается, и от боли уже снова ничего не отвлекает. Но это не страшно, эта боль сама отвлекает, от слишком много, всё проходит, когда начинается боль в животе. Боль в животе – это хорошо, хотя и невыносимо, и прямо сейчас чувствуется по-другому. Сейчас нет даже обиды на то, что жизнь была такой, на то, чего никогда уже не будет, как и не было в этой жизни. Но теперь появилась тревога, что не можешь свободно думать и вспоминать, в этом состоянии точно не сможешь обдумать, всё ли учёл, всё ли успел сделать. Не забыл ли чего-то важного пред смертью, чего нельзя оставлять, нужно хотя бы передать распоряжение кому-нибудь. А что насчёт моих вещей, есть ли среди них что-то, чего никто не

должен видеть? Может что-то осталось на жёстких дисках, что надо стереть? А может уничтожить их все? Зачем я тогда потратил годы этой жизни, собирая свои коллекции? Господи. Какой бред, о чём я опять думаю, о мусоре.

Мягкость одеял, мысли о делах, всё что тревожит и успокаивает — всё это работает только внутри жизни. Мы мыслим о жизни и смерти изнутри жизни. Будто смерть — часть жизни. А вдруг нет? Вдруг это и есть та самая конечная мысль? Смерть настолько дальше всех возможных решений внутри жизни, что неизбежно является ошибкой, смерть не имеет отношения ни к хорошему, ни к плохому в этой жизни, она не является решением, когда плохо и не является чем-то не уместным, когда хорошо. Она за пределами хорошего и плохого. Прозрения — они же тоже в жизни, они тоже не имеют отношения к смерти или её откладыванию. А там, после смерти, откроются все простые решения простых задач, за пределами игры. В проигрыше.

Странно, я скорее всего уже за чертой спасения, а в секунды слабости всё ещё представляю: что если всё отменить, позвонить, забить тревогу, спасение, внутренние травмы, больница, друзья, выздоровление, долгая жизнь, тёплые летние дни. Словосочетание «скорее всего» травмирует больше всего. Самое травмирующее — сомнения. Безусловное решение — только оно может спасти от травм. Но я почему-то не могу принять такое решение даже сейчас, когда знаю, что дверь уже закрыта, и я за порогом. Самое страшное, что это тоже кажется ошибкой. Разве это можно делать не только в том случае, если точно нет сомнений? Только сейчас я понял суть безусловного решения. Это то, что может действительно менять нашу природу, а может и природу мира. Это когда не остаётся самой потаённой частички нашего существа, которая сомневается или говорит «нет». По-моему, что бы я не делал, никогда такого достичь не мог. И сейчас, хотя бы умереть, сделав это стопроцентно реализованным шагом, всё равно же умру, уже ничего не теряю, нет же, где-то внутри всё мельтешат мысли о чуде, о том, что на самом деле я не всё знаю об этом мире, но врачи смогут меня спасти, что на самом деле уже есть такие методы, просто я не знаю, потому что не специалист, и вообще я всё перепутал, а от моего отравления спасать на самой поздней стадии — обычное дело. И после того, как я потеряю сознание, кто-нибудь придёт ко мне, увидит меня, вызовет скорую, и даже тогда меня смогут спасти. То есть, я до последней

секунды своей жизни не избавлюсь от сомнений, не смогу сделать абсолютного, безусловного шага.

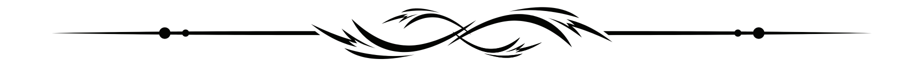
Боже, как больно. Как чудовищно, нереально больно. Обмочиться, что ли, от боли? Я спрашиваю у себя это? Сквозь такую боль ко мне ещё приходят «идеи», символизирующие боль? Или мне не так больно, как мне самому кажется, или уровень моей интроспекции настолько чудовищен, что выше даже этой боли, неужели он выше даже угрозы смерти? Неужели он выше самой смерти? Неужели я никогда не стану настоящим собой, никогда не избавлюсь от этой игры самопредставлений, самофантазий и интроспекций? Боже, как больно. Ещё и тошнит. Если глубоко и часто дышать, вроде как легче терпеть, а может, просто отвлекаешься, когда концентрируешься на дыхании. А зачем мне, чтоб было полегче, я хочу ослабить страдания, я хочу, чтоб мне снова было хорошо? Разве я не сам сделал свой выбор, разве я не сознательно отравился, сделал так, чтоб мне было плохо, зачем я пытаюсь облегчить себе судьбу? Высунуть голову из этого ада, сделать снова не плохо и не больно? Это абсурд. Хорошо, что никто не видит, можно вертеться от боли, как червяк, сползая на пол и валяясь по полу. Трудно писать. Не отвлекает уже и не спасает от боли. Смысл тогда писать?

Харкаю кровью в туалете. Вау. Новая стадия. Кровь. Настоящая, видимая причина меня пожалеть. Я теперь точно страдаю и точно очень болен. Боже, эта чёртовая интроверсия. Может мне вместо того, чтоб травить себя, стоило бы отправиться куда-нибудь автостопом по миру, чтоб серьёзно столкнуться с миром, с жизнью, закалить себя, узнать себя, научиться непосредственной жизни и непосредственной реакции на мир, стать живым, стать собой, избавиться от интроспекции, которая, на самом деле, расцветает в одиночестве, болезненной утончённости и шаблонах, в которых я запер свою жизнь? Почему бы, в конце концов, не уехать в тайгу или в горы, оставив всё? Какая разница, ну не выживу, так не выживу, что мне терять, но это шанс. Тот же разрыв с миром, та же новая жизнь, но без смерти. Страшно. Может это и есть та самая спасающая мысль, которой я так боялся, которая в последний момент сделает мой шаг из жизни ошибкой? Плачу. Сейчас бы прижаться к человеку, который бы всё понял, пожалел, и спас, или хотя бы был рядом до конца… до конца… как чудовищно. Мягкая игрушка перед глазами. Сосредотачиваюсь на ней, чтоб отвлечься

от боли. Сколько эта игрушка видела сабантуйчиков, посиделок, сколько раз оказывалась тут на кровати в самые забавные моменты. Я узнаю её на ощупь из всех других мягких игрушек в мире. И вот она тут со мной сейчас. Она увидит, как меня не станет.

Что вообще чудовищного сейчас происходит? Ведь всем умирать рано или поздно. Все мы стоим перед смертью. Но, почему-то, мы живём так, будто её нет? Мы все стоим на пороге космоса и других миров, на пороге несуществования в этом мире. Почему же мы кутаемся в одеяла? Это же бессмысленно.

Потерял сознание. Только что очнулся. Зачем ходить в туалет, если я не известно, сколько буду тут лежать, да и бессмысленно утруждать себя, ради чего? Ради того, чтоб не заблевать ковёр кровью? Холодно. Дрожу. Руки не согреваются. Трясутся. Ещё труднее писать. Хорошо, что есть интернет. Тяжело даже сидеть и смотреть в экран. Надо лечь полежать, отдохнуть. Может быть, ещё вернусь. А если нет, вы не узнаете, пойму ли я что-то важное перед смертью и вообще, как пройдут мои последние часы или минуты. Не могу отделаться от мысли, что хорошо, чтоб кто-то был рядом. Мысль-липучка, возвращается, и снова хочется плакать. Всё, не могу больше сидеть. Может, вернусь.



Ущербный

Он пришёл к нам в племя ещё подростком. Пришёл с севера, голодный, уставший, искусанный насекомыми. Он умел выживать один в лесу, но не неделями. Не хватало еды, хорошей воды, шалаши, построенные на скорую руку, не спасали от ночных насекомых. Иногда он просто падал на землю и засыпал. Он с утра до ночи только шёл. Откуда он пришёл, где живёт его племя — он не говорил. Сказал, что не помнит, кто он и откуда, что не помнит, как и почему оказался в лесу. Такое случается, достаточно по ошибке съесть корешок ядовитого растения или проглотить ядовитую лягушку. Мы приняли его, для ребёнка не существует даже испытаний принятия в племя, просто отдаём его в какую-нибудь хорошую семью. Прошло несколько лет, и теперь все, кроме завистников, считают, что нашему племени повезло с ним. Все, кто видели его в деле, уважают его, и как воина, и как охотника, и как мастера на все руки.

Пришло время выбора нового вождя. Превратившийся в мужчину подросток-чужеземец по мнению большинства превосходил всех силой, умом, мастерством и умением. Но племя не спешило с выбором. Все умеющие видеть видели, что совершенство чужеземца порождено каким-то нездоровым упорством, неудержимостью, упрямством, неуёмностью. Он всё время будто что-то пытается себе и окружающим доказать. Так делают многие мужчины, но только в нём это доведено до болезненности. В нём нет покоя, будто он что-то хочет забыть, что-то его гложет, он скорее умрёт, чем станет вторым. Он не охотится на мелких животных и птиц, он не сражается во вторых рядах, он каждый день поднимает брёвна, чтоб иметь силы внести тушу кабана в селенье на одном плече. Когда все мужчины племени отдыхают, он изучает травы, следы животных, звёзды и формы облаков. Он хочет быть не только воином, но и шаманом, следопытом, предсказателем, он хочет быть всем.

Но в одном он всё же явно не первый. Обычно вождём становится мужчина, который уже женат. Если он ещё холост, племя даёт ему возможность выбрать любую девушку себе в жёны. Главный голос всегда за самой девушкой, но редко когда девушка пренебрегает возможностью стать женой вождя. Наш чужеземец уже однажды

полюбил девушку. По обычаям нашего племени парень с девушкой встречаются некоторое время, узнают друг друга, но как друзья, потом получают согласие родителей, проходят ритуал обручения, и тогда уже становятся мужем и женой. Но всем известно, что если парень и девушка сами решили стать мужем и женой, они зачинают ребёнка ещё до того, как их родители узнают об их отношениях. В этом случае родители не смогут уже воспротивиться их браку. Обряд обручения девушка чаще всего проходит уже беременной. Но отношения чужеземца с любимой были только дружескими, дружескими они и окончились. Он будто боялся близости. Он пытался доказать свою мужественность перед девушкой всеми возможными способами, только бы не быть мужчиной, он говорил с ней обо всём на свете, только не о любви. Среди парней всегда попадаются робкие с девушками, это даже хорошо, храбрость надо проявлять в лесу, а не с девушкой. Рано или поздно природа всё равно берёт своё и превосходит робость. Только в случае чужеземца этого не произошло. Он готов был сойти с ума, броситься с голыми руками на тигра, перерезать всё враждебное племя в одиночку, но не мог прикоснуться к девушке. В конце концов, приёмные родители посватали его таки на выбранной ими девушке. Девушка прожила с ним несколько месяцев и ушла от него. Он так и не прикоснулся к ней. Когда она пыталась его приласкать, он напрягался, будто его били, на лице проступала испарина, лицо искажалось страданием, если девушка настаивала, он отскакивал в угол хижины, как испуганный кролик. Пока он жил с ней, он старался как можно реже появляться дома. Иногда он подолгу лежал и смотрел на неё в тяжёлой задумчивости, будто что-то лежало тяжёлым грузом на его плечах, будто он всё что-то обдумывал, хотел сказать, но не решался. Она почти ничего не узнала о нём, живя с ним под одной крышей, всё, о чём он говорил, касалось лишь общественной жизни племени и его маленьких ежедневных побед. Он почти не говорил о том, что любит, чего боится или ненавидит, не говорил о своих мечтах и о своём прошлом, о том, как он видит своё будущее и как он, на самом деле, относится к своей жене. Он слишком мужественен, слишком брутален. Он свернёт шею каждому за малейшую обиду, все это знают, и потому даже сверстники не принимают его в близкие компании. Он не многословен. Его блестящая от пота мускулатура так играет в бликах костра, когда он исполняет ритуальный танец охотника, что все женщины племени заглядываются на его танец

в очаровании. Но и жар костра не согревает его напряжённого холода ничем, кроме настороженности не наполненных глаз. Наш прежний вождь, нынешний шаман, почитаемый всеми не столько за доблесть, сколько за мудрость и проницаемость, считал, что чужеземец не только смел и отчаян, но и жесток. И волков, и лосей, и врагов он убивал не только бесстрастно, а даже с каким-то кровожадным удовольствием. Свои мысли бывший вождь озвучил, и это стало ещё одним доводом против выбора чужеземца вождём, кто знает, какие чувства и мысли скрыты в этом молчаливом звере.

Чужеземца не раз спрашивали о его родном племени, он всегда говорил, что не помнит ничего, но однажды в споре он обмолвился о доблестях своих родителей, особенно об уважении к своему отцу, о том, что своими победами он хочет увековечить его имя в памяти людей, как хочет он, чтобы его помнили. Тут же, опомнившись, он добавил, что хоть и не помнит его, но всё же уважает, как своего отца, кем бы он ни был. Но начало его речи совсем не было похоже на окончание. Это слышали все. Он явно говорил не о человеке, которого не помнит. Он говорил, будто действительно вспоминал своих настоящих родителей. Быть может чужеземец врёт? Может, ему есть, что от нас скрывать?

Совет пяти старейшин собрался тайно, будто для того, чтобы выкурить трубку чудесной травы с резными листьями и поговорить о наступающем сезоне дождей. Позвали самых смышлёных и наблюдательных мужчин и женщин племени. У людей расспросили всё о приходе чужестранца, кто что помнит. С какой стороны пришёл, в каком был состоянии, насколько силён он был, когда присоединился к племени, как ориентировался в лесу, в какую сторону склонен был уклонятся в многодневных охотничьих путешествиях по лесу, какое было время года, где проходили в то время стада, которые могли преградить ему путь, где живут известные нам племена, к которым он мог принадлежать. Расспросили всех тех, кто чаще всего общался с ним, тех, кто ходил с ним в дальние походы, ведь каким бы ты скрытным не был, всё равно что-то да расскажешь, сидя ночью у костра бок о бок с теми, кто только что спас твою жизнь в бою или помог повалить мчащегося на тебя разъярённого быка. Выяснили, что шёл он дней пятнадцать, шёл с севера, скорее всего, прямо, не блуждая, по правую руку его путь преграждали большие болота, простирающиеся в трёх днях пути и дальше, значит, для взрослого охотника, идущего не блуждая, племя его находится дней

в десяти пути, значит, его родиной могло быть племя Арахов, с которыми воевали когда-то наши деды, сильное племя, жившее на границе лесов и степей, мы не видели ни одного из них уже много лет, либо племя Занде, с которым мы дружим, и за хорошего воина из которого мы отдали когда-то дочь нашего жреца, мы не видели из них никого также уже много лет. Все они, обычно, не переходят границы больших болот, да и вообще у нас племена предпочитают не пересекаться друг с другом.

Старейшины решили отправить посланцев эти племена. Выбор вождя — серьёзное дело. Окончательное решение должно быть хорошо обосновано, от него будет зависеть судьба племени. Месяц не было посланцев, а когда они вернулись один за другим, то рассказали, что Занде не знают ничего о пропавшем юноше, Арахы же действительно потеряли подростка как раз в тот год, когда пришёл к нам чужеземец. Мы подробно описали нашего пришельца, каким он был, когда появился в нашем племени, и Арахы подтвердили, что юноша их. Наш посланец пришёл в племя Арахов как раз в дни инициации, свершающейся накануне сезона дождей. Именно с этим событием и был связан уход их юноши, как поведали нашему посланнику жители племени.

Инициация — первое важнейшее событие после рождения в жизни каждого члена племени. Когда юношам и девушкам исполняется двенадцать лет, их торжественно вводят во взрослую жизнь, пробуждая в них дух мужчин и женщин. После этого они ещё не считаются взрослыми, но дух совершеннолетия, переданный им от старших членов племени, будет расти и расцветёт, сделав их тем, кто может нести ответственность за свою жизнь и имеет право завести свою семью. Подготовка к инициации начинается за месяцы. Из щенков выращиваются ручные шакалы, шьются нарядные одежды, женщины мастерят кукол, глазами которых боги будут наблюдать за ходом инициации и знакомиться с новыми членами племени, вырастающими из оравы бегающих по селению детей. За десять дней до инициации дети садятся на духовный и телесный пост. Они прекращают свои игры, они каждый день, под наблюдением шамана, подолгу созерцают огонь, призывая в уме богов племени, они поют богам песни и погружаются в негромкие удары бубна. Они едят только фрукты и съедобные листья, и то только раз в день, и не пьют никакого питья, меняющего мир. Наконец, наступает день инициации. С утра все юноши и девушки,

достигшие двенадцатилетнего возраста, выходят из своих хижин. Они красиво одеты в новые нарядные одежды, юноши несут с собой копья, и на поясах у них в красивых кожаных ножнах висят костяные ножи. Девушки украшены венками, натёрты благоухающими маслами и травами, их волосы красиво вьются, спадая на плечи, в них вплетены красные цветы. Центр селенья покрыт лепестками цветов. Большие разноцветные попугаи ходят по лепесткам, клюют фрукты, расставленные в специальных чашечках, и не улетают. Юноши и девушки танцуют танец зрелости, и в танце будто знакомятся друг с другом и выбирают друг друга, уводя друг друга в свой дом, юноши сражаются, а девушки выделывают кожи, собирают урожай и ждут своих избранных с похода. Когда танцы окончены, и в душе каждого инициируемого расцвело торжество свершающегося, шаман обращается к богам, впервые представляя им новых членов племени. Матери держат кукол так, чтоб те смотрели на их детей. Дети помладше заворожено смотрят на происходящее действо и мечтают о том времени, когда они окажутся на месте своих старших братьев и сестёр, лики которых так нездешни и торжественны. В день инициации дух зрелости спускается на них, и преображение, происходящее в них, видят все.

Так наступают сумерки. Загорается огромный костёр, шаман, одетый в огромную маску и костюм из зелёных трав с перьями попугаев, заклинает бога огня, богов земли и неба, бога плодородия и тотемных богов племени, богов, держащих в своём плену души предков и потомков, духов женственности и мужественности. Шаман в красивом танце под ускоряющийся ритм бубнов и гармонию флейт собирает у костра весь пантеон богов. Это единственный праздник в жизни племени, когда поприветствовать новых членов племени сходятся все боги. Ритм барабана и всполохи огня становятся одним целым, инициируемые и их отцы танцуют другой танец, торжественный, плавный, но напряжённый, нанизанный на ритмы бубнов и стелящийся по протяжным звукам флейт. Ночь — хранительница тайн жизни, ночь — мать тени, мать невысказанного, незримого, ночь держит в своих руках начала и концы дня. Огонь проникает в сердца танцующих, девушки и парни скидывают свои одежды, женщины натирают их всех маслами, источающими прекрасный аромат, от которого теряешь разум и становишься тем, кто ты есть. Тут же, у костра, женщины готовят ложа из душистой резной травы и лепестков цветов. Запахом масел

и силою богов дротики мужчин поднимаются, они торжественно и плавно, один за другим, когда становятся готовы, выводят своих детей из строя танцующих, при этом дети поют тихую и божественно грустную песнь уводимого, а ближайший к уводимому бубен на время затихает. Все их движение — будто продолжение танца, гармония их сердец сливается в экстатическом и прекрасном действе пред взорами богов. Если у мужчины дочь, он кладёт её на ложе и, соединяясь с ней, открывает в ней путь к женскому началу, делая её готовой к замужеству. Мужчина при этом должен хорошо контролировать себя, поскольку если она понесёт ребёнка от своего отца — это будет очень нехорошо. Но такое бывает крайне редко, все мужчины в этом племени хорошо готовы к своей роли и очень искусны в любви. Если отец не может исполнить свой долг, например, если его уже нет среди живых, за него девушку инициируют её братья, желательно, старшие. Если нет и братьев, эту роль берёт на себя вождь. После одной кровопролитной войны вождю пришлось инициировать в одну ночь пятерых девушек. Вождю разрешается в процессе инициации оплодотворить девушку. Если у мужчины сын, то мужчина также выводит из круга танцующих сына и также в прекрасном танце, немного отличающимся от танца уложения девушки, ведёт своего сына к ложу. Однако, они не ложатся, а продолжают стоять. Мужчина должен лишить своего сына девственности таким способом, каким это возможно. При этом мужчина должен оставить своё семя в теле сына, с семенем он переносит сыну свой родовой дух и силу мужчины. Без инициации парень никогда не станет мужчиной. Передача духа мужественности прервётся. Лики юношей и девушек так прекрасны и одухотворены, будто они светятся энергией, и разум их уже в огненных небесах. Многие не помнят себя, во власти богов человек не принадлежит себе.

Чужеземец пережил в ночь своей инициации страшную трагедию, которая вряд ли сотрётся из его памяти до самой его смерти. Отец не инициировал его. Почему — никто не знает. Кто-то говорит, что он всегда тайно ненавидел своего сына. Кто-то говорит, что он сам был плох, как мужчина, из-за того, что постоянно ел плоды пьяного дерева и вообще был очень никудышным человеком. Как бы то ни было, в ту ночь никто не излил семя в тело юноши. Не смог это сделать и вождь, при живом отце. Для юноши жизнь прекратилась. Он практически не выходил из хижины, а если и

выходил, то только для того, чтобы скрыться один в лесу. Все его сверстники после инициации изменились, семя мужественности стало расти в мальчиках, девушек стало можно выдавать замуж, они стали, как молодые взрослые. Нашему же юноше не имело смысла дальше жить, он не мог общаться со сверстниками, которые станут очень скоро ядром племени, он был уродец среди них, они взрослели, а он остановился, не имея возможности стать мужчиной. То, как он выглядел и что умел — ничего не имело значения, все знали, что духа мужественности в нём нет. После такого позора, обычно, юноша умирает, медленно иссыхает от горя и потери смысла дальше продолжать жить или кончает с собой. Через две недели скрывания в лесу и в темноте своей хижины наш юноша пропал. Все думали, что он убежал в лес и там покончил с собой, но он остался жив, он нашёл племя, в котором ничего не было известно о его позоре и немощи его мужского духа. Но незаживающая рана наполняла болью всю его жизнь. Он доказывал свою мужественность и полноценность всеми способами, какими только мог. Все уважали его, восхищались им, считали его лучшим из лучших, но он один знал, что это лишь обман, что он не мужчина. Он не мог заставить себя прикоснуться к девушке, он знал, что всякая девушка почувствовала бы его ущербность. Он не держал зла на отца, если в нём когда-то и была ненависть к нему, он подавил её, и в памяти своей возвысил отца на такую высоту, на какую только смог. В мыслях он боготворил его, и мечтал быть таким же, как он, наделяя его самыми прекрасными качествами, которые только может иметь мужчина их племени. Но всё это не помогало. Он всё равно был ущербен.

Когда посланцы, вернувшись домой, рассказали историю чужестранца, старейшины поняли, что они были правы, не торопясь сделать чужестранца вождём. Вождь не должен быть ущербным. Но они решили, что надо помочь чужестранцу, поскольку он теперь — дитя племени, а племя должно заботиться о своих детях. К тому же не хорошо жить бок о бок с ущербным воином. Во время очередной инициации нашего племени, они инициировали чужестранца. Инициация в нашем племени проходит не так как у Арахов, потому что у нас свои боги. У нас свои танцы и музыка, у нас свои способы представлять инициируемых богам. Мы общаемся с богами непосредственно, давая инициируемым отпить сока млечного дерева. Девушек делает женщинами не отец, а специальный помощник шамана. Говорят, раньше у нас было так

же, как и у Арахов, но потом боги обезопасили нас от осеменения отцами дочерей и изменили ритуал. Юноши же сами выбираю себе мужчину, который приобщит и инициирует его. Это может быть любой мужчина племени, который сам прошёл инициацию, но только не отец. Конечно, все хотят, чтоб их инициировал вождь, но вождь не может за ночь инициировать больше троих юношей, поэтому вождь сам выбирает себе инициируемых, инициируя самых лучших. В нашем племени юноши выпивают семя своего инициатора. Боги сделали так, поскольку путь инициации Арахов не чист, так сказали нам наши боги.

Когда наш вождь инициировал чужестранца, никто в нашем племени не забудет, как слёзы блестели на его лице в отблесках огня. Он плакал от обиды за прошлое и от благодарности за настоящее. Он плакал потому что наконец смог вздохнуть полной грудью. С последним глотком семени вождя, в него наконец вошла жизнь. Впервые все мы увидели, как он плачет, его стеклянные глаза стали глазами человека. Он поцеловал в благодарности руку вождя и долго не вставал с колена. А когда он поднялся, он был уже другим, он был настоящим мужчиной. Всех потрясла мгновенная перемена, произошедшая в нём. Он был спокоен, уверен, счастлив и силён. Он, наконец, стал равным всем мужчинам племени, он мог иметь женщину, он мог смотреть в глаза девушкам с любовью и в глаза мужчин, как друг и равный им. Его боль прошла. Ему уже не надо было беспрерывно что-то доказывать миру и врать людям. Он не стал вождём, но он стал полноценным. Хотя и сейчас, после того, как прошли годы, время от времени к нему приходят воспоминания, его взгляд будто устремляется куда-то в невидимое, и его лицо искажается ужасом, будто он видит страшный сон на яву.

История чужестранца показала всем, какую чудовищную травму, надламывающую жизнь юноши, могут вызвать аморальные действия недостойных родителей. Собрание старейшин со всеми членами племени даже обсуждало — а не объединить ли детей вместе и поручить их воспитание нескольким женщинам и мужчинам, которых изберут старейшины среди достойнейших. Но семейные традиции нашего племени слишком сильны. Матери и отцы не захотели отдавать своих детей, но решили вместе следить за тем, как растут дети в соседних хижинах. А у чужестранца теперь есть семья, он подарил жене двоих детей и сам инициировал уже десятерых юношей. Многие юноши хотят, чтоб их инициировал

именно он, и в редкий год он инициирует меньше двух юношей.

Шоу Трумана

Вы все видели, как я вышел наружу. Видели моё лицо, мой взгляд, слышали его последние слова, обращённые ко мне. Я был в шоке. Я был в растерянности, я был на пороге иного мира, его голос насылал на меня бурю и говорил со мной с небес. Хотя и решил бороться до последнего, я чувствовал себя букашкой, окружённой невероятными и неизведанными силами. Главное тогда для меня было — вырваться от этих сил на свободу, я не знал, что представляет из себя тот мир вовне, это мог быть рай, а могла быть безжизненная пустыня, в которой я погиб бы в три дня. Это мог быть мир, где люди убивают друг друга на улицах, и мог быть мир, где они перешли на какой-нибудь другой эволюционный уровень. В общем, я даже не думал обо всех этих людях, которые управляли миром, в котором я жил, я думал о своей жизни, о перевернувшейся реальности, о том, что меня ждёт за порогом этого мира, и о том, как бы не оступиться на этом трудном пути. Я не знал, готовы ли они убить меня, я не отрицал этой возможности и шёл вперёд готовый умереть. Я не мог судить их, всё что происходило, было для меня за гранью суда. Как стихия природы, как болезнь, как прорубание просеки в диком лесу.

Но вот я снаружи. Свежий воздух. Гигантские технические конструкции. Не обращающие на меня внимания рабочие, такие же люди, как и внутри. Мир оказался не таким фантастическим, как в самых страшных моих фантазиях, но гораздо более развит, чем мир внутри. Они держали меня в мире, ставшим историей пятьдесят лет назад. Агенты шоу связались со мной и передали мне счёт с суммой вознаграждения, позволявшей мне больше не работать. Оказалось, во внешнем мире я – звезда. Меня узнавали на улицах, каждый день я принимал заявки от репортёров с просьбами снять фильм о моей теперешней жизни или взять у меня интервью. Я учился работать с портативными компьютерами, виртуальным доступом к банковским счетам, учился водить современные машины и изучал историю реального мира. Постепенно я стал осмысливать произошедшее со мной. Чем больше в моей голове прояснялся смысл случившегося, тем более не реальным он мне казался.

Всё, всё, что я знал, что помнил, во что верил, что ценил, чем сам являлся — всё было подставным, не реальным, всё было

клоунадой, шоу. К чему бы я не обращался в своей жизни — всё, до единого мгновения, всё, что было в моей памяти, всё было подставой. С ужасом я наконец во всей полноте осознал чудовищность содеянного ими, чудовищность, осознание которой долго не приходило ко мне, потому, что было просто невмещаемым. Вся моя жизнь, вся моя память от самого её начала, вся моя личность, каждый человек, которого я знал и любил, любая самая интимная деталь моей жизни и моей личной истории, всё, к чему только могло обратиться моё самоосознание — всё было шоу, всё было неправдой, всё было бизнесом для потребления жирными уродами, сидящими у своих телевизоров. Даже, казалось бы, осознав это, я понял это только умом, но долго был не в состоянии вместить это в действительное своё понимание. Как я могу избавиться от этой грязи? Память моя возвращает меня в моё прошлое, там все истоки моей личности, и каждый раз меня передёргивает, всё, что я люблю, всё что умею, все мои привычки, все картины моей памяти, всё, всё — не реально, всё было подставой, всё было шоу, всё было в обязательном порядке показано для экранов, исходило ли оно от меня или от других.

Я поменял всё, что мог, я не оставил не крупицы той грязи, я буквально разделся до гола и переоделся в новое. Я не взял себе ничего из того мира, я выработал другие привычки, чаще всего это было легко, потому что я содрогался, осознавая в себе что-либо оставшееся от старого мира, но что-то изменить оказалось не так просто, несмотря на всё моё отвращение к этому. Я изменил стиль, интересы, даже походка и речь мои стали другими, если я и делал что-то из того, что делал в том мире, то делал это уже совсем по-другому. Но разве изменишь то, что останется навсегда в твоей памяти, то, на чём выросла моя личность? Оказалось отчасти возможно и это. Работа над очищением себя от прошлого, очищением себя от себя самого привела к удивительным эффектам, описывать которые я сейчас не буду. Скажу лишь, что свобода от себя самого сделала меня свободным, но поддерживать эту свободу — тот ещё труд. Личность всегда мечтает прилепиться к какому-либо шаблону, а шаблоны она вырабатывает сама из всего, что попадается ей под руки. Личность — будто магнит, притягивающий всё, что видит, ради собственной опоры и структурирования. Но, контролируя этот процесс, можно конструировать собственную личность и в плане желаний, предпочтений, умений, наклонностей, привычек, темперамента и даже нравственных ориентиров. Если

это необходимо для задуманного проекта.

Мне казалось, я справился с тем чудовищным преступлением, жертвой которого стал, хотя это преступление было гораздо страшнее самой мучительной смерти, отобрать у живого человека его самого, растоптать его изнутри, сделать шоу жирножопых из каждого самого дальнего уголка его памяти — какая же извращённая фантазия могла додуматься до этого? Но не покидало ощущение глубокой незавершённости проекта, в который меня втянули. Я вышел за пределы это мира и всё? Поразвлеклись? Сколотили деньжат? Живём дальше, пьём Пина-Коладу? Разумеется, нет. Шоу должно продолжаться, и оно будет продолжаться до своего логического конца. И это будет действительно моё шоу, называться оно будет шоу Трумана. Кстати, меня зовут теперь, конечно же, по-другому. Но шоу будет именно — шоу Трумана.

Прежде всего, я нанял лучших адвокатов, которых только смог найти, на этой стадии экономить деньги было не серьёзно, и я дал им одно задание — вытрясти у Кристофа, создателя шоу, так много денег, как только получится, изначально многократно завысив возможную сумму. Адвокаты завели речь о миллиардах, апеллируя к действительно астрономическим доходам, получаемым шоу за все десятилетии моего участия в нём, к использованию меня в шоу против моей воли, без какого-либо контракта, подписанного с моей стороны, к массе нарушенных серьёзных законов о приватности личной жизни, причём они поделили десятилетия моей жизни под куполом и подали отдельные иски практически к каждому дню, когда я находился под камерами и в прямом эфире, выставив на каждый день моего пребывания там достаточно большую для такого дела сумму. Привлечённые нами психологи провели со мной несколько тренингов, научив имитировать глубокие негативные психологически последствия травм, полученные мной от такой популяризации, судебные психологи удостоверили наличие и составили длинный список психологических, психиатрических и психопатологических отклонений, требовавших гигантской компенсации в виду чудовищности содеянного. Адвокаты настояли на открытом суде, транслировавшемся по всему миру, где они речами, достойными того, чтоб войти в анналы вдохновеннейших и пассионарнейших речей, когда-либо произнесённых адвокатами в истории западного судопроизводства, призывали к суду совести каждого зрителя, который хотя бы бросил взгляд на меня с экрана,

пока я был под куполом. В результате талантливой компании я отсудил себе восемьсот пятьдесят миллионов долларов и проценты от каждой футболки с моим изображением. Впрочем, последнее представляло быстро иссекающий источник дохода, кому нужен герой не существующего уже шоу, тем более, что мы отсудили также запрет на распространение любого видео со мной под куполом, как нарушающее приватности личной жизни. Отсуженных денег с лихвой хватило для организации моего собственного шоу.

Полтора года ушло на подготовку к шоу. Главным моментом в подготовке, моментом, на который уходила основная доля усилий и умений, моментом, который требовал крайней осторожности, знаний и опыта, было сохранение анонимности, подбирание хвостов и не оставление следов. Даже мои интервью корреспондентам пошли в дело. С помощью психологов и пиар-менеджеров мы разрабатывали мой психологический образ, систему моих реакций, отношений, публичный образ моей жизни. У меня был ряд домов, ресторанов, пляжей, клубов, арт-галерей и стран, в которых я любил бывать, у меня был публично известный круг интересов и увлечений, у меня был круг друзей и знакомых, о которых знали все. Всё это было ширмой для сокрытия подготовки к шоу и должно было оставаться таковым, когда шоу начнётся. Как всё пойдёт дальше, я не знал, но я ничего уже не боялся.

Для реализации своего плана мне пришлось прибегнуть к услугам лучших профессионалов в практически всех сферах криминального бизнеса. С крупнейшими именами из них я общался инкогнито, но от своего имени, и это были концы тех верёвочек, которые, как бы я их не скрывал и не запутывал, всё равно привели бы ко мне. К тому же, те, на кого направлен мой проект, обладают гораздо большим капиталом и связями для раскручивания того, что буду закручивать я. Что ж, риск всегда неизбежен. Но, честно скажу, изучая глубокие технологии конспирации, я был потрясён теми вершинами, которыми овладела теневая часть человечества. Эти шедевры, порождённые многовековой борьбой света и тени, продолжают бурно эволюционировать, и ни одна из сторон, видимо, не имеет шансов на полную победу. Практически вся масса людей, с которыми я взаимодействовал по практическим вопросам, не могла меня узнать. В ход пошло виртуальное общение, безликая наличность и счета, записанные на несуществующих лиц, силиконовые маски, изменяющие мой облик, умелое владение

голосом и движениями, необходимые для перевоплощений. Я оперировал десятком паспортов и десятком разных имён, я стал гражданином, нет, лучше сказать, гражданами, пяти стран, причём я действительно был гражданином этих стран, с личной историей в компьютерной базе данных и даже с записями в родильных домах, школах и университетах, в которых учился. Деньги могут многое. Удивительно многое. Многое из того, что они могут, я до сих пор считаю не возможным, то есть, я до сих пор не могу понять — как?! Но профессионалы есть в любой стране, и они знают своё дело. Вновь возникшие личности и их родственники, а также массы подставных фирм и семейных фондов, организованных этими личностями, владели широкой сетью недвижимости по всему миру: частные земли, шахты, виллы, склады, лабораторные и промышленные помещения со своими фондами, счетами, налогами, доходами и расходами. Всё, что нужно было для реализации моего шоу. Всё это и кончиком ушка не поднималось над серой обыденностью бесчисленного существования других таких же фирм и частных владений. А на страже всего этого стояли отряды таких же серых и скучных адвокатов, экономистов, делопроизводителей, охранников, улыбавшихся фальшивой улыбкой всякому пришедшему, улыбкой прикрывавшей всё, что бы ни происходило за стенами этих владений. Вся система была организована таким образом, что любой из десятка этих моих альтернативных личностей мог в любой момент исчезнуть бесследно, оставив сеть своей собственности властям, и система в целом осталась бы не тронутой, поскольку каждая часть её была самодостаточна и никак не перекрывалась с другими частями.

Начало реализации шоу, конечно же, не прошло незамеченным. Участники шоу Кристофа, обычные люди, жившие со мной под куполом, включая моих «друзей», «родителей», «жену» и «коллег» время от времени находили вокруг себя жучков и скрытые видеокамеры. Но находки эти были довольно редки, и они старались не придавать этому огласки, лаясь по этому поводу с собственными сородичами и знакомыми. Пара таких новостей проникла в жёлтую прессу, но участники бывшего шоу, если брать весь объём информации, выливали столько подробностей собственной жизни, всё это так искажалось и дополнялось недобросовестными журналистами, что крупицы объективной информации, обнародование которой могло быть не желательным, полностью тонули в этом мутном потоке. Между тем, для меня это было

достаточно дорогим удовольствием, я нанимал самых лучших профессионалов, имеющих доступ к самым лучшим технологиям слежения. Все места, где бывали эти люди, были наполнены аудио и видео жучками, так что мною велась беспрерывная запись всей их жизни. В моём плане было произвести трёхмесячную беспрерывную запись их существования. Над каждым актёром шоу Кристофа работала целая небольшая команда. Специалисты по жучкам время от времени меняли их, разрабатывали всё новые способы их сокрытия, вставляли в места, дающие наиболее чёткую картинку. Специалисты по контенту просматривали и прослушивали всё это, компилируя видео по типу того, как это делалось со мной. Но, кроме этого, в отдельные фильмы компилировались все потенциально компрометирующие материалы, слухи, сплетни, обсуждения соседей, друзей и коллег, мелкие правонарушения и прочее. Отдельной, и пожалуй, самой сложной и дорогостоящей статьёй являлись провокаторы. Если бы все эти артисты проанализировали течение собственной жизни в последние месяцы, они удивились бы, насколько оно оживилось, у них и членов их семей начали вдруг появляться новые очаровательные и интереснейшие друзья и знакомые, с которыми можно было быть совершенно откровенным, и рассказывать такие вещи, которые не рассказывал даже близким людям. Я нанял лучших социальных инженеров, актёров, гипнотизёров. Самых тёплых, душевных, красивых, открытых, интересных и располагающих к себе профессионалов своего дела. Конечно, половина участниц шоу Кристофа, добропорядочных семейных мамаш в первый же месяц переспали со своими новыми друзьями, и большая часть участников, не преминула попробовать своих новых подруг, кокаин, а экстази приберечь для постели с любимой женой. Сексуальные сцены участников шоу Кристофа, как с собственными мужьями и жёнами, так и с любовниками, записывались отдельно. Кстати, иногда попадался достаточно интересный материал и без провокаторов, типа секса со своими домашними животными или своими детьми, но количество такого материала было ничтожно. Да, про детей — провокаторы для детей стоили мне подешевле, дети менее подозрительны и более открыты на доброжелательный контакт. Многих детишек удалось подсадить сразу на героин, а совратить удалось, кажется, практически всех и многократно. Мои провокаторы замечательно провели время, делая и испытывая с детишками самодельную взрывчатку, изучая

сильнодействующие яды на собаках и кошках и грабя склады с электроникой и медикаментами. Месяца просветительской работы и психологической подготовки, как правило, хватало, чтоб в течение последующих двух месяцев записать массу восхитительного материала. Эта работа была особенно благодарной, потому что можно было заранее приготовить сцены действия и расставить камеры и микрофоны. Дети почти без вопросов оказывались ведомые волей профессионала в тех местах, куда завлечь взрослых было куда проблематичней. Этот этап был всеобщим. Дальше технология работы с участниками шоу Кристофа делилась на три части, придуманные мной специально для трёх категорий участников — обычные статисты города под куполом, «мои близкие друзья и родные» и сам Кристоф. При этом я подразумеваю участников вместе с их реальными семьями, конечно. Всеобщая часть заканчивалась днём Трумана. Да-да, я придумал такой день, это пятнадцатое июня, день окончания первого, всеобщего, этапа шоу Трумана. Я, кстати, потратился даже на пиар этого дня в сети, теперь, введя в Google фразу «день Трумана», вы получите тысячи ссылок, популярно поясняющих вам, что этот день таки существует и приходится именно на пятнадцатое июня, а в Википедии вы сможете прочитать, что причина выбора именно этого числа остаётся неизвестной. Это, конечно же, лукавство. Причина очень проста — окончание первого этапа. День выдался на редкость прекрасный, солнечный, тёплый, в одноэтажных районах городов, по которым расселились участники шоу Кристофа, как всегда, шумели газонокосилки, наполняя воздух запахом скошенной травы, и мамаши, проехавшись по магазинам, забирали по дороге своих чад из школы. В этот день одновременно по всем адресам участников шоу Кристофа, в один и тот же час в двери позвонили прыщавые мальчики и полноватые девочки — агенты новых и старых местных продуктовых магазинчиков, устроивших небольшую рекламную компанию и раздающих бесплатную колу, пачки с удивительно вкусным печеньем с кокосовой стружкой и кунжутными семечками, орешки и другие вкусности. Если агенту никто не открывал, он оставлял все эти вкусности с рекламным буклетом магазина перед дверью. В один день умерло почти мгновенной смертью четверть членов семей участников шоу Кристофа. Смерть забирала кого придётся — детей, успевших вернуться из школы первыми, престарелых родителей, жён — домохозяек, реже — мужей, которых,

как правило, не было днём дома. Яд был выбран мной максимально быстрый, чтоб смерть первых попробовавших бесплатное угощение остановила остальных. Если вымерли бы все сразу, какое бы это было шоу Трумана, не шоу, а просто гольный факт был бы. Взрывная информационная волна накрыла мир. Акция была подготовлена мной месяцы назад, и теперь я пил Пина-Коладу в Куала-Лумпур со своими друзьями и был в состоянии восстановить непрерывность своего алиби на месяцы. А сегодня у меня было особенно романтичное и приподнятое настроение, сегодня был день начала шоу Трумана, пятнадцатое июня. Особенно я волновался по поводу самого Кристофа, маловероятно, но он мог попробовать яд первый, а для него у меня был свой особенный план. Мне повезло, у Кристофа умерли невестка со своим маленьким сыном. Ни Кристоф, ни его жена, ни дети не пострадали. Шоу продолжается. Вообще, всё прошло на удивление правильно, никто из «моих близких» по шоу Кристофа тоже не отравился, впрочем, это было предсказуемо, на главные роли шоу Кристоф брал не случайных людей, которые и сейчас продолжали свою карьеру, дома в это время их быть не могло, ну и удача была, как видно, на моей стороне. Сколько каналов я бы не переключал, три дня после начала моего шоу везде видел крупным планом заплаканные лица рыдающих актёров и их близких, репортажи с похоронных процессий и сводки полицейского расследования. Я размышлял отдать ли команду начать сбор и запись всего материала, касающегося моего шоу, но решил, что не стоит этим заморачиваться. Мне важен сам перфоманс, а не воспоминания о нём. Какая жизнь в записях и воспоминаниях, в самом деле? Ко дню начала шоу сбор информации об участниках и её обработка были закончены. Видео и аудио скомпилировано и отредактировано. Для каждого из участников через специально созданные сайты, зарегистрированные под доменными именами сотни стран, начал транслироваться непрерывный поток онлайн аудио и видео материала. Для аудио потоков была созданы специальные онлайн радиостанции. Отдельные, специализированные, каналы были посвящены только трансляции половых актов всех членов семьи или показывали только одного члена семьи. Видео транслировалось не в полном объёме, на суд зрителей были предложены только скомпилированные фильмы с самыми интересными сценами, но мы постарались, чтоб общая продолжительность транслируемого контента была не меньше 24

часов. Контент на каналах, посвящённых отдельному члену шоу Кристофа и его семье, конечно же, перекрывался, но шёл в разнобой, так что можно было переключаться между каналами, отыскивая интересные моменты. Тысячи ссылок заполнили интернет, целиком копировались каталоги каналов, посвящённых той или иной семье, или эротический контент, выуженный из каналов всех участников шоу Кристофа. Лучшее видео и аудио также можно было скачать с файлообменников и трекеров в виде отдельных файлов. Конечно, правоохранительные органы старались эти каналы как можно быстрее блокировать, но штат моих сотрудников в Боливии и Перу круглосуточно создавал новые сайты и каналы, публикуя обновлённую информацию в тематических форумах. Особенно мило смотрелось видео, посвященное уже убиенным членам семей. Но интернет — это не реальный мир, так что пришлось распространить видео занимающихся любовью родителей на компакт-дисках, разбросанных вокруг школ, где учатся их дети, что делало пребывание детей в своих школах психологически невыносимым, знаете, эти дети так жестоки, да и учителя смотрят, когда ребёнка со школы забираешь, смотрят, конечно, сочувственно и по-человечески внимательно, участковый полицейский участливо рассказывает о результатах анализа отпечатков пальцев на дисках. Но — они же все это всё видели всё равно... Перевод в другую школу не действенен. Ведь шоу продолжается. Просто ещё одна школа, университет, фирма, где они учатся и работают, кафе и ресторанчики, где они бывают, магазинчики, где они отовариваются, будут забросаны дисками, заклеены листовками с распечатками видеокадров и списками интернет адресов. Одно накладывается на другое, создавая столь невыносимую ситуацию, что один за другим участники шоу и их родные и близкие, попавшие в поле моего зрения, кончают с собой. И не помогает армия психологов, вызвавшихся бесплатно помогать несчастным жертвам.

У меня постоянно берут интервью и я, изображая ужас и скорбь, несколько отстранённо, то ли от невозможности уместить у себя в голове их трагедии, то ли от того, что это не касается меня лично, говорю на камеру, как я потрясён и подавлен случившимся. И, конечно, у меня были к ним ко всем претензии, но теперь это общее их горе заставило навсегда отложить в сторону былые мысли. Даже хотел пожертвовать им миллион, но потом что-то передумал, да и репортёры меня об этом не спрашивали как-то.

В принципе, моё шоу никогда не сравняется по извращённости с тем, что они устроили мне. Не потому, что я не смог бы придумать такового, но потому, что я считаю: личность человека и его свобода в своей целостности неприкосновенны. Я мог бы физически вскрывать их черепа или, воздействуя химически, отнимать у них ту или иную часть их нераздельного «я». Знаете, есть фильм, в котором наёмный убийца, хорошо изучивший анатомию головного мозга, чётко фиксируя в тисках голову своей жертвы, контролируя процесс с помощью множества энцефалографов, точным ударом вбивал тонкие длинные стержни в череп, разрушая ту или иную функцию мозга, от стержня к стержню человек переставал видеть, слышать, терял способность говорить. Можно таким образом сделать человека не просто овощем, можно создать целую оранжерею овощей различных пород с травмами тех или иных нюансов поведения, сознания и контакта с миром. Экзистенциально это было бы, возможно, равнозначно шоу Кристофа, я бы превратил целые семьи в оранжереи, подбирая сорта в самых интересных сочетаниях. Но я не хочу уподобляться им. Пусть они живут и умирают, как личности. Со свободным прошлым и настоящим, пусть им будет, что вспомнить перед смертью, пусть их жизнь и смерть будут настоящие. Что, говорите, я уподобился им, запустив проекты с жучками? Что вы, это лишь трёхмесячная шалость, у них есть всё их прошлое, всё их настоящее, они даже страдают над реальным, страдая, они вспоминают реальность, они живут реальностью и лишаются реальности. Никакого сравнения. У них есть вся бесконечность их реального «я», сформированная в настоящем мире.

Тем временем наступает пора открывать второй сезон шоу Трумана. Он посвящён исключительно моим любимым и близким: «жене», «друзьям» и ближайшим моим «знакомым». Таковых я насчитал десяток. В день начала второго сезона снайперы отстреливают всех родных, близких и друзей этих гениальных актёров, годами работавших со мной. Каждый из них оказывается в своём личном персональном человеческом вакууме. Оправившись немного от трагедии, начав контактировать с людьми, бедный мой «друг, товарищ и брат» обнаруживает, что делать это ему не рекомендуется. Всякий, с кем он душевно поговорит в течение пары часов в баре, переспит одну ночь, съездит на пикник, каждый вскоре погибает. Чаще всего просто от пули в лоб, иногда от отравления, иногда в автокатастрофе, иногда от взрыва, иногда от

ночного удушья газом. Полиция, конечно, сосредотачивает силы, но можно ли проконтролировать каждый шаг каждого человека, контактировавшего с участниками второго сезона? Смерть может подстерегать каждое мгновение, она может прийти из проехавшей мимо машины, из купленной в супермаркете бутылки воды, из тьмы зала кинотеатра. Смерть химической или радиоактивной природы может быть отложенной, в конце концов, смерть может и подождать, пока истощаться ресурсы системы, и самое жёсткое оцепление вокруг цели будет снято. Смерть не спешит, что для неё месяц или два. Если участник второго сезона хочет кому-то смерти, достаточно уделить ему пару часов времени, причём можно даже суммарно, не сразу. Ну, а если он гуманист и не хочет жертвовать окружающими, то ему придётся быть чудовищно одиноким даже в самом переполненном мегаполисе. Зато каждый из них может почувствовать себя настоящей Клеопатрой: ночь с ним неизбежно приводит любовника к смерти на следующий же день. Но смельчаков таких не находится, причина изоляции участников уже известна всем в мире, их не пускают в бары, от них шарахаются на улице. Расходы на этот сезон постоянно сокращаются самими участниками сезона, четверо из десяти человек уже покончили с собой.

Третий сезон посвящён полностью и исключительно Кристофу. Пожалуй, он наиболее короток и банален, но и наиболее дёшев. Самым сложным было добраться до него и вывезти его лично. Одно дело прийти в виде водопроводчика, установить камеры и украсть его личную жизнь, а совсем другое — выкрасть человека целиком. В свете разворачивающихся событий мультимиллиардер обложился такой защитой, что лучшим стратегическим умам криминального мира пришлось разрабатывать целые многомесячные стратегии проникновения в его ближний круг. И вот он, наконец, в моих руках. У ублюдка даже под кожей радиомаяки. Так что пространство вокруг него должно быть экранированным непрерывно. На минуту мне пришла в голову идея предстать перед ним лично, улыбнуться, чтоб он умирал, зная, кто всё это сделал. Но потом я передумал. Пусть старый негодничек умрёт в неизвестности, не заслужил он знания, как и все они. Пусть для них это всё будут высшие силы, как их действия были для меня всю мою жизнь. И эти высшие силы сделают из его смерти шоу.

Я привёз ублюдка под наркозом в специально оборудованный глубокий бункер в подполье ангара одной из моих ферм, бункер

был абсолютно изолирован и экранирован от внешнего мира, при неавторизованном проникновении извне, например, если бы ублюдка каким-нибудь образом таки нашли и попытались извлечь, бункер взрывался бы изнутри, похоронив и смешав с землёй и бетоном всё внутри. Ублюдок очнулся в пустой звукоизолированной комнате, профессионально освещённый со всех сторон, с дорогими студийными микрофонами, висящими вокруг его головы, привязанный к большому прочному стулу, прочно прибитому к полу. Хорошие цифровые камеры с трёх сторон снимали его, звук писался в отличном качестве. Один датчик писал его пульс, одна камера брала лицо на полный экран, самостоятельно отслеживая повороты головы. В общем-то, вот и всё шоу. Скромненько, с уважением и со вкусом. Я оставил ублюдка умирать. Он умер через три дня. Запись с фронтальной камеры и с камеры, писавшей лицо, мы соединили с пятиканальным качественным, объёмным звуком и фоновым звуком сердцебиения и пустили в эфир, как есть. Только уже после его смерти. Чтоб не было никакой суеты с попытками отследить и спасти его в реальном времени. Сто каналов транслировали полную запись с фронтальной камеры, сто каналов с камеры, писавшей лицо, и ещё сто каналов транслировали двухчасовой фильм — компиляцию самых интересных моментов с художественным использованием всех камер. Кстати, я сам эту компиляцию так и не удосужился посмотреть, не интересно. Ещё сто онлайн радиостанций транслировали аудиозапись этой компиляции. Пятьсот копий видео компиляции было роздано по трекерам, файлообменникам, с аннотацией на сорока языках. Теперь ублюдок стал историей. Последний кадр, через минуту после его смерти, с упавшей на плечи головой, я напечатал на двух тысячах футболках и кепочках, на тысяче блокнотах, на десяти тысячах наклейках и десяти тысячах магнитиках. Магнитики и наклейки я выслал подписчикам его шоу, хотя, это конечно, капля в море, но и шоу моё, по сути, символическое. А футболки и прочие вещички разложил по скамейкам в Нью-Йорке, просто, так сказать, пустил в народ. Подарок от меня. Да, сотня тинэйджеров в течение ночи трафаретили стилизованное под Obey изображение головы сдохшего ублюдка на стенах Нью-Йорка, Парижа, Лондона и Шанхая. Почему именно этих городов? Не знаю, так в голову пришло, я романтик. Это не система, это душевная импровизация. Подвал с ним таки взорвался, чтоб не компрометировать ферму,

всё-таки, это моя собственность.

Так закончилось настоящее шоу Трумана в трёх сезонах. Хотя, почему закончилось, теперь оно всегда будет в памяти человечества вместе с шоу Кристофа. К тому же, оно продолжается. Киллеры отслеживают время от времени все контакты моих дорогих и любимых актёров из жизни под куполом. Слежку на время приходится снимать, Интерпол применяет интеллектуальные методы выслеживания, сосредоточив огромные силы на оставшихся в живых шести человеках, идентифицируют личности и анализируют перемещения тысяч человек, соприкасающихся с ними ежедневно. Но я не собираюсь прекращать проект. Государства довольно быстро отслеживают и устраняют интернет трансляции, так что приходится создавать всё новые сайты, потоки, расшаривать файлы в сети заново. Я не сказал в своём шоу ни слова от себя, не сделал ни одного комментария, ни одной ремарки. Считаю это не нужным. Те, в ком сохранилось ещё хоть какое-то осознание базовых понятий того, что такое хорошо, а что такое плохо, поймут всё сами, хотя, судя по количеству зрителей у шоу Кристофа, значительная часть мира состоит из тех, в ком вообще никакого адекватного понимания реальности не осталось в принципе. Ну что ж, такие пусть просто смотрят моё шоу и наслаждаются.

Арт-анархизм

Повышается политическая активность масс. Недовольные труженики выходят на улицы, требуя повышения заработных плат и оплаты медицинских страховок, выплаты по которым становятся всё более тягостны. Как обычному служащему выплачивать кредит на двухэтажный дом, три машины, копить деньги на обучение троих детей и ещё и выплачивать такие суммы медицинских страховок? А знаете во сколько, в среднем, обходится служащим месячный отпуск семьёй, например, где-нибудь на островах Океании? А вы в курсе, что, как правило, в семье работает только один человек, отец семейства, поскольку женщина посвящает себя воспитанию новых членов общества, и на заработную плату отца семейства должны жить и жить достойно, четыре-пять человек?

Смотрю по телевизору, как несчастные темнокожие рассказывают о том, как белые люди убили их культуру столетия назад, а теперь они заперли себя в своих гетто, и им один путь — наркотики, грабёж и смерть. Самые толстые среди них уже не могут ходить и ездят на маленьких машинках. Такие получают пособие по инвалидности, и, слава богу, могут уже не работать, хотя многие из них работают, занимаясь любимым делом или добровольно отдавая долг обществу. Специально для них теперь во всех в Макдональдсах устроены широкие входы с автоматически открывающимися дверьми, широкие подъезды к кассам, специальные подносы, хорошо закрепляющиеся на тележках, и даже средства дистанционного оформления заказа, через монитор у стола, для того, чтоб к кассе вообще не подъезжать.

А вот ещё сюжет. Мамаша нарожала пятерых детёнышей от разных отцов, сидит дома, растит их, и денег, которые платит ей государство, ей явно не хватает. Поедет в магазин за продуктами. Накупит полную машину шоколадок, самых лучших мюслей, высокогорного мёда, готовых салатов, сливок, самых дорогих и вкусных чипсов и моллюсков в уксусном соусе, черепахового мяса, пицц с трюфелями, марципанов, сиропов для коктейлей. Вот деньги и закончились. Трагедия. Трудно быть нищим. Государство, конечно, учит и одевает детей, разбил ребёнок свой планшетный компьютер с учебниками — тут же купили новый. Но этого явно

не хватает. Тяжела, оказывается, жизнь не полной многодетной семьи. Смотришь на обрюзгшую мамашу, обвешанную ползающими детишками, слушаешь её и понимаешь, что она искренно убивается тяжестью своей жизни. Ну действительно, не на продуктах же ей экономить и не на обуви для детей. Если государство уж начало заботиться о семье, то оно может позволить себе дать детям самое лучшее. Любое отступление от этого принципа автоматически порождает личную трагедию, достойную пера современного сценариста. Но как бы там ни было, дети эти, выросши, всё равно будут постоянно рассказывать, в каких тяжёлых условиях они росли. Если пойдут в бандиты — это будет рассказывать ещё и их адвокат, вызывая у всего зала и у суда присяжных слезу животрепещущими сценами трудного детства, а если кто-то из них «выбьется в люди», он за бокальчиком коньячку у камина будет рассказывать друзьям из каких ужасных низов он поднялся «вопреки всему», одним своим талантом и трудолюбием.

Выключаю телевизор. Тишина наполняет спальню. Летняя ночь. Выхожу на улицу. Наверное, любой город прекрасен тёплой летней ночью. Фонари в окружении листвы, подсвеченные здания прошлого века перемежающиеся с кристаллами современных стеклянных зданий, пустынные улицы и этот запах летней ночи… Вы когда-нибудь проходили мимо цветущего дерева сирени? Этот запах, как самая ваша любимая музыка или самый прекрасный образ, манят сознание, переносит в иной мир. Запах сирени — это концентрат запаха летней ночи. Вы остаётесь здесь, на Земле, но всё же это уже другая земля, необычнее, прекраснее, гармоничнее и таинственней. Уже не работают светофоры, но машин так мало, что можно упасть, раскинув руки и ноги среди дороги, и лежать глядя в звёздное небо. А меньше чем через двенадцать часов тут будут пробки. Самое прекрасное время — перед рассветом, между пятью и шестью часами утра. Мир становится потрясающе неподвижен, с улиц исчезают даже случайные одинокие прохожие. Даже воздух замирает. Люди спят в это время особенно крепко. Можно хоть голым гулять по улицам, которые через пару часов начнут постепенно наполнятся людьми. Засидевшись за компьютером до утра, я часто выхожу погулять перед рассветом. К миру летних ночных улиц особенно чуток творческий дух. После ночи творчества, проведя сутки без сна, я почти в потрясении любуюсь прекрасными видами улиц в предутреннем замирании — это мир, удивительно

отличающийся от повседневной реальности.

Кто-то построил эти все здания, проложил дороги, насадил деревья, разработал ночное освещение. Не всегда удачно, не всегда оригинально, но предутренний мир скрывает недостатки, как выпавший снег. Он недостатки превращает в индивидуальности. Всё красиво под снегом и перед рассветом. А могу ли я активно, творчески присоединиться к этому чуду? Способен ли я что-то здесь сотворить, а не только созерцать, не оставляя за собой в этом мире и следа? Я привык не оставлять следа, все мои книги, моя музыка, мои картины, они концептуальны, но они никому не нужны. Я знаю, что я творю лишь для себя и бога, ну, может, для пары друзей. Это не значит, что мои творения плохи, но я не ориентируюсь на публику, я не делаю их актуальными или легко усвояемыми. Я просто говорю то, что имею сказать и то, что должен сказать. Иначе какой смысл что-то делать? Я должен верить в то, что делаю, на что трачу свою жизнь. Устроить красивый танец на спящих ночных улицах, танец, который никто не увидит, танец, который останется лишь достоянием этого воздуха, памяти зданий, пространства и вечности и, быть может, случайного одинокого прохожего, который косноязычно расскажет обо мне друзьям, даже не затронув при этом смысла и духа моего творческого акта. Прохожего можно приравнять к комару, затронутому потоком воздуха, движимого взмахом моей руки, он тоже меня, по-своему, запомнит. Можно посадить какое-нибудь растение, и люди будут видеть его год или несколько лет, не зная моего имени, не зная историю этого растения. Можно возвести что-нибудь из камня, но это уже сложнее и дороже. В чём - в чём, а в скульптуре или архитектуре я не силён. Я давно стал чувствовать в этих ночных улицах нехватку себя. Я тут, в нереальности, в полном одиночестве — словно призрак, словно всё это сон, и я парю в нём, и цель моего парения — само парение. Я хочу воплотиться, окрасить эту ночь и рассветы цветом своей личности, привнести в эту музыку тишины хоть небольшую, но свою нотку, чтобы она жила…

Так прозвучал мой первый взрыв. В наше время тотального контроля запрещено абсолютно всё, что не необходимо для частного ежедневного существования. А из того, что не запрещено, попробуй ещё выдели или синтезируй то, что тебе нужно. Но на первый раз я удовлетворился простым составом. Я плесканул жидкость на высокую стеклянную стену банка. Всплеск и тишина. Я был одет в куртку с капюшоном, чтоб случайные камеры на улицах не сохранили моего

лика, на мне были перчатки, парик, брюки и обувь, которые я давно не нашу. Я одел куртку в парке, где точно не было камер, на случай, если здесь, на улицах, есть беспрерывный ряд камер, о которых я не знаю, камер принадлежащих ряду частных и государственных организаций, по которым можно было бы проследить мой путь на безлюдных улицах. В капюшоне я шёл издалека, сделал круг, подойдя с другой стороны, подходя, я изменил походку, на ходу вытащил из пакета трёхлитровую банку, широким взмахом облил стекло и, не останавливаясь, прошёл дальше. Я очень быстро, почти бегом, обежал улицу, на ходу вытаскивая треногу и выдвигая её ножки. В небольшом парке из нескольких деревьев, скрывающих меня в темноте, довольно далеко от стеклянной стены, но в зоне прямой видимости я поставил фотоаппарат на треногу, сделал нужное увеличение, настроил фокус и включил видеозапись. Кстати, когда раствор высохнет, я не знаю, вдруг мне придётся стоять тут часами, а через полчаса уже начнёт светлеть, и на улицах начнут появляться люди, которые будут видеть меня здесь. Да и батарея на камере закончится. Я вставил в одно ухо наушник, оставив другое для контроля происходящего на слух. Прислонился к дереву и стал ждать. К счастью, ждать пришлось не очень долго, где-то через пятнадцать минут вдали рвануло, взрыв, резкий и сильный, отозвался эхом по спящему району, закончившись долгими переливами падающего стекла, которое, по-видимому, разлетелось на порядочной территории. Тут же зазвенели серены, замигали красные лампочки внутри помещения банка. Я подошёл к треноге, проверил работу камеры: видео писалось. Я выключил фотоаппарат, извлёк флешку, вставил в фотоаппарат другую. Извлечённую флешку не стал прятать, чтоб была возможность её просто обронить в случае опасности, спрятал фотоаппарат и треногу в рюкзачок и пошёл дворами, отдаляясь от взрыва. Потом, выбросив банку в пакете в мусорку в сотне метрах от поля действия, я побежал. Если оклемавшиеся структуры начнут на всякий случай прошаривать округу, я должен быть уже дома. Впрочем, на флешке в фотоаппарате у меня виды ночного города. Правда, можно узнать снимал ли я их сегодня, но даже если окажется, что я сегодня не сделал ни одного кадра, это не делает меня подозреваемым, к тому же я прямо сейчас бегу, чтоб успеть к рассвету и заснять видео рассвета на месте с хорошим обзором. Так, где этот обзор может быть, надо придумать…

Дома я обработал видео, вырезав момент взрыва. Вставил его же в замедленном исполнении, впечатал в титрах место и время действия и сохранил в максимальном качестве. Через неделю, среди яркого солнечного дня, я уже довольно обросший и в широких солнцезащитных очках зашёл в интернет кафе и залил ролик на бесплатный портал, позволяющий регистрироваться без привлечения сотового телефона. Пару часов потратил на то, чтобы закидать тематические форумы, которые имели хоть какое-то отношение к городу или к взрывам, ссылками на своё видео. Ну всё, в принципе, мой арт-проект закончен. Хотя, хорошо бы залить видео на несколько видео порталов, вдруг структуры это видео быстро удалят, надо дома будет поискать таковые, что-то я этим не озадачился заранее.

Теперь я внёс свою ноту в тишину предутреннего города. Ели бы я что-нибудь там походу написал или приклеил бумажку с прокламацией, это был бы акт протеста, можно было бы поменять расстановку сил и систему взаимоотношений в социуме. Как, коричневые уже совершают теракты?! Как, забота о судьбе малых народностей уже толкает активистов на отчаянные меры?! А так не понятно: кто взорвал, за что, и что при этом говорил? Революционные действия в этом обществе стали бессмысленностью. Они имели смысл, когда в обществе сохранялось неблагополучие, и шаг за шагом, вместе со справедливостью приближали мир тотального благополучия. Что теперь они могут приближать? Тепличное вырождение? Если же кто-то захочет отодвинуть мир за черту благополучия, ему самому придётся жить жизнью, не опирающейся на это благополучие. Я, например, опираюсь на благополучие. У моих взрывов нет социальных смыслов, это просто моя нота в тишине ночи. Просто проект. Чистое искусство, никакого утилитаризма.

Я проходил днём мимо места взрыва, оценивал его силу, смотрел, как восстанавливают стеклянную стену. Между тем, моё видео заметили, подхватили, его кадры разошлись по интернету. Попали в газеты. Куда двигаться дальше? Я решил стать фриганом. Отрастив бороду я вышел на улицу, потусив некоторое время на стриту, я вышел на других фриганов, влился в их тусовку, узнал от них то, что нужно знать человеку, чтоб жить жизнью фригана. Где и что можно найти, что можно есть, а что нельзя ни в коем случае, как определить на вид съедобность найденного продукта. Оказалось, действительно, супермаркеты выбрасывают полный набор продуктов

во вполне съедобном состоянии, можно найти всё, от смеси для приготовления блинчиков до рыбных палочек, от консервированных ананасов до воздушных пирожных. Действительно, в современном мегаполисе можно прожить вообще не пользуясь деньгами, и прожить в общем-то не плохо. Можно подбирать не только еду. Меня научили местам, где бесплатно или почти бесплатно можно достать хорошую одежду, одеяла, мебель и даже электронику. Потом я перешёл к практическому исследованию методов скрывания в большом городе, подмены своей личности другой, открытия замков подручными средствами, оперирования ножами. Но всё это было слишком напряжно, требовало долгой тренировки в овладении этими искусствами. Взрывы мне понравились больше.

Наливаю в колбу пятнадцать миллилитров азотной кислоты и медленно добавляю тридцать миллилитров серной. Остужаю раствор в холодильнике до плюс двух. Отмеряю шприцем пятнадцать миллилитров этиленгликоля и остужаю его до той же температуры. Помещаю банку с нитросмесью в ковшик с ледяной водой, медленно, в течение пяти - семи минут из шприца добавляю этиленгликоль. Жидкость разделяется на два слоя, один из которых — ЭГДН, оставляю его на несколько часов, собираю ЭГДН, осевший на дно банки мутно-белой тяжелой жидкостью. Выдерживаю собранный ЭГДН под слоем воды пару недель, постоянно меняя воду. В конце получаю тяжелую, прозрачную как слеза, жидкость на дне банки. Помещаю одну каплю ЭГДН на массивную металлическую пластинку и сильно ударяю по ней молотком. Уши заложило. Взрывчатка готова. Правда, голова болит от ядовитых паров. Пришлось развернуть целую небольшую лабораторию на балконе, и поставить туда кондиционер, включенный на вытяжку, чтоб не дышать испарениями. Каждый взрыв я заснимал на видео и выкладывал в интернете. В городе появилась новая тема для новостей и разговоров. О взрывах говорилось в тонах сводок с передовицы военных действий или в апокалипсических тонах грешного мира, погружённого в страшные катастрофы. Жителям города угрожает действительно страшная опасность, каждый может стать жертвой, лучше не появляться на улице ночью, а если и пришлось появиться, желательно держаться открытых пространств, подальше от объектов, которые могут служить целью взрыва. Большая часть населения всем сердцем восприняла серьёзность ситуации, осознала опасность и нестабильность своей жизни,

трагическую её тревожность. Миллионы были пущены на усиление полицейского контроля за населением. Забавно, ещё никто не умер, а даже если бы и умер, число смертей и вообще вероятность смерти от моего взрыва в любом случае оставалась бы настолько близкой к нулю, что статистически говорить о ней стоило бы столько же, сколько говорят о людях, утонувших в луже, и столько же тратить на предотвращение этих потенциальных смертей. Но система всегда акцентирует внимание людей на шоу, создающим новости, используя это шоу, как материал для социальной инженерии — для создания проблемы, на решение которой выделаются большие средства и силы, и в конце концов, предполагается, что система, как бы, должна обезопасить граждан от страшной угрозы, но не до конца, а то направленное в одну точку внимание стада снова разбредётся, начнёт натыкаться на настоящие проблемы, которым будет находиться всё больше места в СМИ и постоянно тревожных умах изнеженных граждан. А настоящие проблемы, они во-первых не так зрелищны, потому хуже сплачивают стадо, во-вторых гораздо более трудно решаемы, поэтому их наличие на поверхности внимания толпы приведёт только к критике неэффективной системы, как бы она их не решала. Поэтому овцы будут целыми косяками каждый день гибнуть тихо на дорогах и в больницах, а стадо занимать свои умишки, концентрируясь на опасности моих взрывов и с ужасом глядя в чёрную бездну постапокалиптического будущего, в которую их эти взрывы погружают. Скоро они вообще начнут покидать этот город.

Какой ещё арт-проект, осуществлённый в этом городе, так повлиял на разум людей? Вы скажете, что это вообще не арт-проект? А что тогда, по-вашему, есть арт-проект? Это действо, в процессе которого несколько тупых рассредоточенных взглядов томно созерцают паяцев или поделку, чтоб изобразить потом, что они что-то от этого созерцания приобрели или пофилософствовать об абстрактной новизне или скрытом смысле «послания»? Нет, друзья мои, может, это когда-то было искусством, может когда-то это и оказывало влияние на разумы людей, но сейчас это просто ритуальные игры в культурку и трата времени.

Мои творения становились всё совершеннее, объекты взрыва выбирались всё интереснее, это были и городские памятники, и церкви, и гигантские уличные экраны, и составы с горючими веществами, и здания силовых государственных структур.

Пришлось приобрести несколько миниатюрных камер, хорошо цепляющихся в любом положении на любую поверхность, чтобы сравнительно незаметно их цеплять и уходить на какое-то время, а потом на ходу собирать. Я заранее придавал камерам цвет и текстуру поверхностей, на которые собираюсь их закрепить, так что можно было пройти и повесить их за полчаса до взрыва, спокойно уйти и собрать только на следующий день, с севшей батарейкой и переполненной памятью, но зато сравнительно безопасно, ведь там уже весь день ходят люди, а я один из них. Иногда такие камеры пропадали, но это было сравнительно редко, и ни одну из них не сдали в полицию, хотя в интернете стали появляться «бутлеги» моих взрывов с пропавших камер. Запись с нескольких позиций позволила делать гораздо более интересный и зрелищный мастеринг взрывов с повтором записи с нескольких точек обзора. Кроме того, мои камеры записывали целую часовую историю работы спецструктур на месте взрыва. Я сам с интересом узнал, как быстро они приезжают, что делают в первую очередь, что во вторую, какие отдают команды, на что обращают внимание и прочее. Я как-то сразу не подумал об этой интересной стороне моей методологии записи. Записи, выкладываемые мной в интернет, стали гораздо длиннее и интереснее. Единственная загвоздка была в том, что сами системщики тоже видели то видео и теперь могли начать обшаривать окрестности взрыва в поиске камер, или того хуже, найдя их, оставлять на месте, устраивая засаду. На всякий случай, сняв на ходу камеру, я с удивлением осматривал её, делая вид, что мне интересно, что это за штуку я нашёл. Это, конечно, всё же было не приемлемо из-за риска, и я таким образом снял лишь пять взрывов, выкладывая, при этом, запись только с одной камеры, и лишь прекратив подобную практику выложил видео всех пяти взрывов, мастеринг которых был сделан с использованием изображений, снятых всеми камерами. Позже я накопил деньги на беспроводные камеры, которые оставлял на месте взрыва. В этих камерах вообще не было внутренней памяти, а видео записывалось мною в сотнях метрах от взрыва на многопоточный ресивер, писавший видео сразу с пяти камер. Частенько я вёл запись, сидя за ноутбуком в кафе или ночном клубе. Иногда я делал дневные взрывы, заложив заранее ночью взрывчатку и взорвав позже её с использованием детонатора, сделанного из сотового телефона. Я выбирал места взрывов таким образом, чтоб минимизировать случайные человеческие жертвы, но

дневные взрывы давали мне возможность записать реакцию людей непосредственно в окрестностях взрыва или, например, в парке в ста метрах от взрыва. Если я записывал, сидя с ноутбуком на скамейке, я располагал одну камеру на дереве недалеко от скамейки, другой, с достаточно сильным зумом, брал крупным планом лица людей, снимая самые яркие эмоциональные реакции на взрыв. Иногда я по горячим следам приходил вместе с прохожими на взрыв и снимал происходящее совершенно в открытую, как полноправный член снимающей толпы. Тут моё видео содержало кадры — двойники бесконечных записей со смартфонов и портативных фотоаппаратов, десятками расходящихся по сети сразу после взрыва. Да, жертвами моих взрывов уже стали два-три человека, структурам приходилось тратить какие-то средства на ремонт и восстановление разрушенных взрывом объектов.

Но чем же всё-таки отличается взрыв как арт-проект, от просто взрыва, совершённого с целью разрушения? Прежде всего, арт-проект абсолютно не утилитарен. То есть, конечно, утилитарные предметы и действия тоже могут содержать в себе творчество, и даже желательно, чтобы они его содержали, но при этом мы всегда можем отделить творческую составляющую от утилитарной. Предмет или практическое действие здесь — лишь материальный носитель, через который реализуется акт творчества. Само творчество не утилитарно, практика использования предмета в нём на самом деле не нуждается, оно лишь довесок. С другой стороны, восточные практики единоборств или удобные обтекаемые формы домашних предметов в стиле модерн таки соединяют в себе искусство и практичность. Но это высшие проявления, которым могли бы стать мои взрывы, если бы они разрушали то, что действительно должно быть разрушено. Но разрушение само по себя, в случае моих проектов, не важно, важно лишь влияние этого разрушения на сознания людей. А влияние это столько велико, столь неизмеримо превосходит сами разрушения и жертвы, что материальную, утилитарно (или, если хотите, анти-утилитарно) - практическую составляющую взрывов можно приравнять к нулю. Это и отличает, в моём случае, взрыв, как творческое действие от взрыва, как процесса разрушения. Жертвы…

Я знаю, что вы скажите. Даже одна жертва — это трагедия. Да, я – монстр. За время, которое я устраиваю взрывы, от них пострадали два-три человека. Думаю, примерно столько же, сколько

пострадало в городе от проглоченной и случайно застрявшей в дыхательных путях косточки. И в разы меньше, чем пострадало от скользкой поверхности ванной. Даже если бы вымер весь город, а я при этом осознавал истребление города лишь как арт-проект, и устроил бы его не ради самого истребления, а только как творческий акт, это всё равно был бы арт-проект, но изменился бы лишь масштаб этого проекта. Это был бы уже арт-проект мирового уровня, с точки зрения всего человечества ущерб в утилитарном смысле этого действа приближался бы к нулю, обнажая его творческую, эмоционально-ментальную составляющую. Гм, весь город…

Мне пришла в голову интересная мысль. Яды. Что если перейти непосредственно к человеческим жертвам, но не отдельных несчастных людей, а сразу целого города, чтоб убийство стало статистикой, стало единым масштабным действом, чтоб трагедии отдельных людей слились в историческую трагедию. Покопавшись в интернете, я узнал, что сильнейшим ядом на земле является яд ботулотоксин, нейротоксин белковой природы, вырабатываемый бактериями *Clostridium botulinum*. Наиболее ядовитый его тип — D, Для того чтобы убить восьмидесяти килограммового человека хватит 0,032 микрограмма чистого ботулотоксина типа D, самой ядовитой его разновидности. Смущало меня только то, что это вещество белковой природы, значит, я не смогу синтезировать его искусственно. Но, поразмыслив, я понял, что затруднение является на самом деле удачей. Была бы структура яда попроще, я бы точно взялся за его сложный, долгий и расходный синтез. Впрочем, получение цианистого калия было бы не так сложно, но в моём случае необходимо действительно максимальное отравляющее действие на единицу массы яда. Итак, мне предстоит освоить процедуры выращивания и очистки, основную же работу будут делать за меня сами бактерии. Я взялся за изучение содержания бактериальной культуры в анаэробных условиях, методы обнаружения, экстракции и очистки готового вещества. Оказалось, мне необходимо довольно много дорогостоящего оборудования и, что ещё важнее, мне были необходимы навыки, которым предстояло достаточно долго и упорно учиться, чтоб не погубить дорогостоящие культуры, выделить и сохранить ботулотоксин и не погибнуть самому в процессе работы с ним. Постепенно домашняя лаборатория собралась и заработала. Бактерии были куплены мной на чужое имя и чужой адрес у биофармацевтической компании Непала. Я работал с

культурами безвредных анаэробных бактерий до тех пор, пока не научился превосходно управляться с ними, и не освоил все этапы выделения безвредного высокомолекулярного белкового продукта их жизнедеятельности, вплоть до стадии получения конечного продукта, параллельно тестируя воздух и пыль в комнате на предмет утечек материала культуры. На это у меня ушёл год. Лишь после этого я перешёл к разведению *botulinum*. Целая комната и балкон в моей квартире превратились в хорошо освещённую, сверкающую стеклом, мониторами и циферблатами, заставленную оборудованием с пола до потолка лабораторию. Я занял ёмкостями с бактериями всё свободное пространство. Чем больший объём будет занимать размножающиеся бактерии, тем скорее я соберу то гигантское количество вещества, которое мне необходимо.

Несложные расчёты показывают, что одного килограмма яда ботулотоксина хватит для умерщвления миллионов человек. Но проблема в том, что яд будет растворён в очень большом объёме воды, и лишь очень небольшая часть этой воды будет выпита людьми. Как бы не промахнуться и не вылить весь затраченный труд и время в канализацию, вызвав лишь лёгкое недомогание у нескольких человек. Я провёл расчёты с учётом объёма воды, используемого ежедневно городом с миллионным населением, процента объёма этой воды, которая попадает в организм человека. Для этого я вычел промышленную воду, хотя в пищевой промышленности часть воды тоже попадает в пищу в конечном счёте, но тут я не мог произвести точные расчёты, так как не имел нужных исходных данных, и решил перестраховаться, исключив всю воду, используемую в пищевой промышленности и вообще не в частном хозяйстве. Процент от общего расхода воды, используемый для приготовления еды и питья, я вычислил по себе, измерив, сколько воды из общего дневного расхода у меня идёт в пищу. Из этой воды я вычел воду, расходуемую на приготовление пищи, поскольку молекула разрушается при двадцати пяти минутном кипячении. В результате, я остановился на синтезе полутора килограммов максимально очищенного ботулотоксина, который можно было бы приравнять к килограмму полностью чистого яда, который я решил использовать не в своём городе, а в крупном мегаполисе, с централизованным водоснабжением жилых районов с высокой плотностью населения. В интернете мне удалось достать схему водоснабжения одного из мегаполисов, который и стал местом реализации моего творческого

замысла. Я выбрал жилой район с семьсот пятьюдесятью тысячами населения, в котором практически отсутствовали промышленные предприятия, и водоснабжение подводилось к нему по одной гигантской подземной трубе, или, скорее, водному тоннелю, ход которого я проследил лично, прогулявшись вдоль той полосы, где, по схеме, она должна пролегать. В нескольких местах к трубе можно было спуститься через специальные колодцы, там толщина стенок трубы была достаточно небольшая для того, чтоб их можно было просверлить. Наконец, три года упорного и самоотверженного труда были позади. У меня в руках было полтора киллограмма концентрата, способного убить миллионы человек.

Я заранее расставил тридцать дистанционно включающихся видеокамер и десяток рекодеров в тех местах города, которые, как мне кажется, будут наиболее интересны в процессе проекта. Это питьевые фонтанчики на переполненных площадях в парке, кухни общежитий, коридоры постоянно переполненных гостинок, школы. С рюкзачком за спиной и плотно запечатанным термоконтейнером для продуктов, утром в воскресенье я пришёл на заранее замеченное место и спустился к трубе. Под землёй я достал и одел защитный костюм. Потом достал дрель с очень длинным сверлом и просверлил вертикальное отверстие в трубе. Преодолевая сопротивление напора воды, я втолкнул в отверстие трубку от пакета с веществом и выдавил содержимое пакета в трубу. Потом проделал это с остальными пакетами. Жалко, что сами пакеты остаются не у дел, на каждом квадратном миллиметре пакета остался яд для десятков, а то и сотен человек. Когда все пакеты были опустошены, я включил камеры. Теперь осталось ждать и надеяться. Я вылез из колодца, скинул защитный костюм и вытащил свой фотоаппарат с полностью заряженной батареей.

Несмотря на название рассказа, я не являюсь анархистом, меня вообще не интересуют все эти социально-политические заморочки. Хотя, возможно, мои действия — это анархизм, не знаю. Я не опираюсь в своих творениях на человеконенавистничество и не являюсь психопатом. Я чувствую вину за жертвы, хотя и без преувеличений, возникающих «к месту». Обычно у людей к «правильно случившейся» смерти возникают те чувства, которые должны возникнуть у добропорядочного члена социума, чувства, полностью зависящие от законодательных нюансов конкретного происшествия. Расстрел террористов, взявших заложников, даже

если они никого не убили — это одно, война — это другое, смертная казнь политических преступников — третье, эпидемия — четвёртое. Смерть — это всегда плохо, но делать из этого убийственную трагедию они будут только в случае «правильной» смерти, то есть не сама по себе смерть, как таковая, вызывает у них такие чувства, а лишь смерть, свершившаяся с чёткими ориентирами, к которым разрешено привязать чувство великого горя. А разрешено привязывать такие чувства только к смерти члена социума, который приносил системе пользу и не причинял ей вреда. У меня же любая смерть — это смерть, просто смерть, я не отношусь к ней безответственно, но и не сакрализирую её, как делают это в подходящих случаях хорошо натренированные в адекватности социальных реакций члены этого общества. Я осознаю неисчерпаемую ответственность, которую беру за своё действие, я до самых глубин прозреваю бездну наступающей из-за меня катастрофы, в торжественном безмолвии я склоняю перед ней свой внутренний взор. Искусство требует жертв.

Смерть

С начала двадцатого века продолжительность жизни каждого последующего поколения становилась больше предыдущего, развитие медицины и улучшение условий и принципов организации жизни делали своё дело, так что к середине двадцать первого века средняя продолжительность жизни достигла ста пятидесяти лет. После этого порога постепенный рост продолжительности жизни прекратился, открытия в области клеточных и генетических технологий, наконец, сделали реальностью одну из главных целей человечества — бессмертие. Государства сделали всё возможное, чтоб технология стала бесплатной и доступной каждому своему гражданину, поскольку, во-первых, слишком фантастично было бы различие между возможностями людей той страны, где люди имеют возможность обессмертить свою жизнь и той, где люди этой возможности не имеют. Что-то вроде различая между людьми и богами. Против этого аргумента умолкал другой аргумент, апеллирующий к национальному самосознанию. Ради этого аргумента продавалось всё, и вопрос о долге и иных приоритетах чаще всего безоговорочно снимался. Кроме того, очевидна выгода государства от обессмертивания человеческих ресурсов, уже обученных, опытных, профессиональных, имеющих собственность и способных отвечать за свои поступки, ресурсов, которые не будут десятилетиями расти и стареть, не производя ничего, но лишь потребляя.

Итак, с середины двадцать первого века все желающие смогли остановить беспрерывный процесс своей деградации и смерти, желающих оказалось подавляющее большинство, и смена поколений человечества прекратилась. Обычно, первая мысль, которая приходит в голову при разговоре о победе человечества, как целого, над смертью, это мысль о перенаселении. Но проблема перенаселения — это лишь техническая проблема, а технические проблемы человечество научилось решать, иначе цивилизация давно прекратила бы своё существование. Конечно, всегда будет существовать «прогрессивная» часть человечества, которая считает, что всё не просто плохо, а вообще катастрофично и человек – это зло, надо возвращаться к своим животным корням, всякое

развитие ужасно и идёт в совсем не правильном направлении и вообще, если не сегодня, то завтра грядёт апокалипсис. Такие любители апокалипсиса обычно тусуются в религиозных сектах и экологических движениях, они не заметили, как снялся вопрос об источниках энергии и не возобновляемых ресурсах, поскольку человечество нашло им альтернативы, не заметили, как пропал смог над крупнейшими мегаполисами, как исчезли свалки, как дикие животные поселились в непосредственной близости от человека. Чем благополучнее и устойчивее становилось человечество, тем больше росли их апокалипсические настроения. Фактически, проблема перенаселения перестала стоять перед человечеством больше столетия назад. Прежде всего, был введён закон, запрещающий иметь детей тем, кто стал бессмертным. За право иметь ребёнка нужно было заплатить своей смертью. Но в случае случайной смерти одного из супругов или близких родственников освободившееся в социуме место могло быть отдано новорождённому. Во-вторых, естественный прирост населения к моменту изобретения технологии, продлившей человеческую жизнь до бесконечности, уже прекратился, и наблюдалась его некоторая убыль. В современном обществе реализация человечка слишком многогранна и динамична для того, чтоб зацикливаться на детях. Вкусившие бессмертия останавливали своё старение в возрасте восемнадцати лет, и им всегда было «рано» иметь детей. В-третьих, новые колонии на иных планетах, возделывание марса, плавающие в океане города, полностью обеспечивающие ресурсами и энергией своё существование приводили скорее к нехватке человеческих кадров, чем к их избытку, так что государства всегда держали прирост населения в плюсе. Да и многогранное развитие и усложнение общества, появление всё новых отраслей производств и технологий, областей знаний и типов услуг требовало всё большего количества специалистов. Конечно, автоматизация труда и вечно бродящий на горизонте призрак искусственного интеллекта, всё пытающийся подняться над уровнем идиота, но уже выполняющий множество посильных ему работ, освобождали массы людей от труда, но мода на hand-made и продукты человеческого творчества, постоянно множащееся созвездие виртуальных миров, требующих освоения, а также колоссальные человеческие ресурсы в лице экологов-биотехнологов и биоинженеров, требующиеся для контроля состояния биосферы Земли, в которую вливались всё новые творения

генетической модификации, служили противовесом и спасали от безработицы.

В-четвёртых… Это самый интересный пункт. Но я всё сижу и не знаю, как приступить к нему. Сколько людей, столько и мнений относительно происходящего. Знаете, у психологов есть понятие сопротивления, необходимого для познания реальности, всякое взаимодействие с чем-либо есть давление на это и сопротивление, производимое этим в ответ. Если бы у нас была абсолютная память, мы не знали бы, что это такое, мы знаем что такое память, потому что способны забывать. Если бы наша кожа не чувствовала сопротивления при прикосновении к твёрдым предметам, мы не знали бы, что такое тактильные ощущения, что такое текстура, тяжесть, форма. Что-то подобное теперь можно сказать о смерти. Пока смерть была неизбежной, люди жили так, будто её нет, с появлением бессмертия люди, наконец, почувствовали, какое место в их человеческой жизни и судьбе она занимала, люди, наконец, осознали, что такое смерть.

Бессмертие изменило не всех, степень воздействия коррелирует, например, с уровнем личностного развития человека. Массы самых убогих, классических потребителей, конечно, живут, как жили всегда, и будут так жить вечно, пока их не истребит что-нибудь, что обычно истребляет животных в биосфере. Время от времени они становятся голодными, время от времени у них возникают индуцированные социумом желания, они их удовлетворяют и ищут новых желаний, новых целей и занятий, которыми они могли бы заполнить свою бессмысленную вечность. Они просто рады наступлению бессмертия, поскольку ещё одной биологической опасностью, опасностью смерти, стало меньше. Такие личности иногда оседают в своём неменяющемся мире, если и развиваясь, то только под давлением требований общества, их вечность — тихий приятный угол, неизменный, максимально устойчивый и благополучный. Они не задают себе лишних вопросов, а если задать им такой вопрос, воспримут его как белый шум или бессмыслицу, с таким же успехом можно задавать вопросы о концах и началах, о смысле и пути тараканам. Некоторые из них, наоборот, любят время от времени меняться, как бы перерождаться. Возможно, они стоят на немного более высокой ступеньке эволюции по сравнению с неподвижными конформистами. Такие раз в несколько десятков лет рвут все свои социальные связи, меняют имя, профессию, облик,

иногда и пол, активно используя психотехники, меняют все те свои личностные качества, какие только могут изменить: привычки, шаблоны реакций, темперамент, глубинные психологические ассоциации, у них меняется даже походка. Импровизированное перерождение. Но проходит сто пятьдесят лет, проходит двести. Проходит триста, вы наблюдаете за таким человеком, и видите: за всеми этими перерождениями проступает одна и та же личность, один и тот же внутренний стиль и смысл, одна и та же игра. И смысла в продолжении этой игры становится всё меньше, и всё более неподвижен взгляд играющего, и всё активнее приходится ему погружаться в мир своей игры, экстраверсии, деятельности и собственных образов. Вероятность попадания такого человека в инциденты со смертельным исходом увеличивается во много раз, и знаете почему? Глубоко в душе ему становится совершенно всё равно жить или не жить.

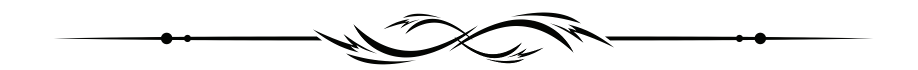
Массовые самоубийства стали нормой в сектах, в которых раньше они не практиковались, чем крупнее секта, тем многочисленней акты самоубийства, в действе участвуют иногда до нескольких тысяч человек. Самоубийства вошли в моду и в традиционных «религиях», таких как христианство, мусульманство, иудаизм. Вообще субъективная цена человеческой жизни заметно снизилась. Формально законы не изменились, но к человеческой жизни стало заметно больше пренебрежения, из-за чего участилось число несчастных случаев, преднамеренных и не преднамеренных убийств и самоубийств по поводу и без. Соответственно, увеличились сроки тюремных заключений, но не сильно, за тридцатилетним сроком заключения следовала смертная казнь.

Но и это не самое интересное. Важнее, как мне кажется, влияние бессмертия на мироощущение развитых личностей, которые заслуживают внимания как индивидуумы, а не как социальные массы. Такие личности, прожив века, начинают чувствовать, будто они заперты в этом мире, как в ловушке. Такие люди начинают сознательно искать смерти. Тот, кто потерял близкого человека или любовь, или кому не дано было в мире того, о чём он мечтал, веря или не веря в то, направляют свой мысленный взор туда. За пределы текущей жизни, в иные жизни и в иные миры. Через сто - триста лет существования они чувствуют, что их путь исчерпал себя, и больше жить им смысла нет, чем бы они не занимались. Накапливается что-то, чего они не могут изменить, что-то, избавиться от чего можно

лишь умерев и снова родившись. Эвтаназия стала законной. В любой аптеке без рецепта можно купить молниеносный безболезненный яд. Сегодня на государственном уровне принято всем новорождённым вкладывать отсроченную программу бессмертия, она начинает работать в 18 лет, и их тело в 18 лет перестаёт меняться. Но на личном уровне принято уходить из этого мира добровольно, в среднем, после двухсот лет жизни. Бессмертие рождает безмолвие и тоску. Смерть больше не стоит за правым плечом, и вся жизнь стала поиском смерти. Смерть — естественная мистерия, голос иных миров. Она теперь не воспринимается как явление жизни, она приходит либо с хаосом ещё не контролируемых явлений внешнего мира, либо с добровольным решением ухода. Наверное, лишь после того, как смерть стала добровольной, она перестала пугать, только сейчас человек взглянул на неё смело и осознано, и увидел её, как противоположность жизни, дополняющую её в единстве человеческого пути, он почувствовал, что за исключением некоторых особых путей, и исключая насекомых в человеческом обличии, жизнь человека рано или поздно приходит к своему экзистенциальному завершению, и в отсутствии смерти человек уже не может разрушить стены той башни, которую сам себе построил, и проще просто умереть, чтобы родиться вновь, уже без них. Конечно, некоторые сомневаются в возможности второго рождения, но чаще путь человека основывается именно на этом ощущении, отдельная человеческая жизнь — явно лишь небольшой, причём у каждого свой, отрезок пути, у которого есть предсуществование и продолжение, и только с продолжением его можно в принципе осмысленно рассматривать. Есть среди людей и те подвижники, которые разрушают стены своего «я» ещё при жизни, они стирают все свои личностные ограничения и больше не нуждаются в смерти. У них нет теперь прошлого, у них есть только путь и они могут жить вечно. Без особой надобности и желания с их стороны вы их не встретите, а если и встретите, то не узнаете. Но и из них многие рано или поздно уходят, исчерпав в себе этот мир и отправляясь к иным мирам.

Так смерть не ушла из мира. Люди сами отказались от вечной жизни, и смена поколений возобновилась на добровольной основе. Когда путь в этом мире исчерпан, смерть становится радостным праздником на пути. Человек наполняется самыми светлыми мечтами и мыслями, он вспоминает всё то, о чём мечтал

в этой жизни и чего не смог добиться, и верит, что где-то там, в беспредельности, все его мечты сбываются. Он наполняется торжественностью и светом, глядя в бесконечность над головой и зная, что это лишь небольшая видимая часть той бесконечности, с которой ему предстоит соприкоснуться. Он наполняется восхищением и трепетом, оглядывая мысленным взором непознаваемую величественность гармонии бытия и ощущая себя столь же бесконечной и непознаваемой частичкой сущего, как и всё вокруг, не больше и не меньше. Как пассажир, сходящий с поезда в незнакомом городе, с тревогой и надеждой он думает о том, каким окажется мир за пределами знакомого ему вагона. Он заберёт с собой лучшее, что дал ему этот мир, но мысли его уже не здесь. Люди не умирают теперь в замкнутых пространствах своих комнат, люди не умирают в мягких постелях, люди умирают на перине из луговых трав под безбрежностью звёздного неба, и в момент смерти их последний вздох наполнен ароматом ночного луга, на их тело спускается паучок, а их взгляд устремлён в беспредельность.



Изобретения изменившие мир

Здравствуйте. Меня зовут Ann, я живу в LA, учусь в колледже... На уроке английского языка нам дали задание — написать о тех изобретениях, которые, на наш взгляд, являются самыми важными, и, в целом, сильнее всего изменили жизнь людей. Мне очень трудно писать на такую обширную тему, на первый взгляд кажется, что мне мало что действительно нужно для жизни, но когда я задумываюсь поглубже, я понимаю, что это не так, мне нужно удивительно много, без многих простых вещей, которые я даже уже не замечаю, я бы просто не смогла жить. Не знаю, что бы со мной стало, быть может, умерла, а быть может, стала бы совсем-совсем другой, кем-то, кого уже нельзя назвать мной. Родители говорят мне, что многое из того, к чему я привыкла, ещё не существовало, когда они были в моём возрасте, а чего-то, как они рассказывают, не существовало, когда моя бабушка училась в колледже. Но я не могу представить тот мир, даже посмотрев кучу фильмов о том времени, романтичных и солнечных, когда я думаю о том, чего тогда не было, я сомневаюсь, что смогла бы тогда жить.

Я буду перечислять самые важные открытия и изобретения человечества в порядке убывания их важности. Правда, я долго колебалась, выбирая, какое изобретение поставить впереди какого, потому что некоторые важные вещи одинаково незаменимы, и различия в важности некоторых пунктов очень незначительны. Но это не первая моя работа, и я умею принимать интеллектуальные решения, так что, надеюсь, моя работа вам понравится, и моё мнение будет кому-нибудь полезно.

1 место. Моментальные безвредные оральные контрацептивны Farmafevex (нет, это не банально, это очевидно)! Говорят, когда Farmafevex ещё не изобрели, девушкам приходилось использовать вредные гормональные препараты, которые нужно было пить каждый день и один пропуск мог привести к беременности. Если же девушка не хотела употреблять гормональные препараты, то ей приходилось использовать средства предохранения, уменьшающие взаимную близость партнёров, а гормональные препараты, в свою очередь, не защищали от болезней,

передаваемых половым путём. В общем, все или чем-то болели, или занимались сексом кое-как или рожали незапланированных детей. Жить в то время я бы совсем не хотела, лучше сразу умереть. Сейчас же можно съесть одну таблетку прямо перед тем, как займёшься любовью, и не волноваться ни о болезнях, ни о гормонах, ни о незапланированной беременности. Я бы никогда не принимала таблетки заранее, только начав встречаться с парнем, потому что психологически ты как бы настраиваешься на то, что будешь заниматься с ним сексом, а я сначала не знаю, буду ли это делать, и начинать принимать регулярно таблетки, точно, ради него не буду. Но секс случается, как правило, очень неожиданно и иногда, даже, случайно. И именно в этой неожиданности и незапланированности спонтанного акта любви и есть весь его нематериальный дух, мне кажется так. Если подумать, отношения — это главное в моей жизни, отношения подарила нам природа, а Farmax подарил нам Farmafevex, отношения без границ, как говорит их реклама, и я с ними полностью согласна.

2 место. Colorvar. Меняющая цвет одежда, аксессуары, краска для волос и ногтей. Когда не существовало этой технологии, девушке приходилось покупать гораздо больше одежды, белья, обуви, аксессуаров и украшений, потому, решив надеть, например, коралловое ожерелье красного цвета, девушка должна была поменять весь гардероб, чтобы он подходил к этому ожерелью. При этом, цвет одежды и аксессуара был привязан к форме и стилю. Например, девушка не могла одеть платье того фасона, которого хотелось, только потому что оно было белое, а не красное. Я думаю, здесь было только три выхода, которые сегодня большинство девушек назовут совершенно не приемлемыми для себя: иметь огромное количество обуви, одежды и аксессуаров всех фасонов и цветов, а для этого нужно быть довольно богатой девушкой и иметь очень большую гардеробную, что могут позволить себе лишь некоторые, или вообще забить на стиль и ходить как попало, так большинство американок раньше и делало, судя по старым фотографиям и видео, но сейчас времена изменились. Или же, третий выбор, ходить всё время в одном и том же, лишь иногда меняя свой стиль, это должно было очень плохо сказываться на самочувствии и самооценке девушек. Сейчас любая деталь одежды девушки, из чего бы она ни была сделана, так или иначе, может менять цвет, без этого она

считается ненужной, и её никто не купит, разве что для особых случаев, ради которых покупают одежду, чтоб одеть её только один раз, или кроме одежды, которая должна быть одинаковой, типа униформы. Я не представляю себе жизнь до появления Colorvar. Конечно, когда-то люди ходили и в тигровых шкурах, но сегодня невозможно представить себе, как жили те люди, кем они были. Это были какие-то древние эпохи, совершенно другой мир. И для меня современный мир отличается от других миров прошлых эпох тем, что в нашем мире, в нашей цивилизации, люди ходят в одежде, меняющей цвет, меняют цвет ногтей автоматически, в зависимости от цвета одежды. Они не зависят от большой груды одежды, аксессуаров и косметики, могут при этом выглядеть адекватно. Наш мир переливается одеждой, меняющей цвет в тени, на солнце, в помещении, днём, вечером и ночью, меняющей цвет в зависимости от того, устал человек или бодр, в каком он настроении, быстро он идёт или медленно, хочет ли он слиться с окружением или, наоборот, начать переливаться неоновыми цветами, чтобы его сразу же заметили. Это очень важно — уметь выразить себя во внешнем виде, поскольку девяносто процентов нас — это наша одежда, остальное — причёска и лицо, которые не столь индивидуальны, как мне кажется, здесь гораздо меньше возможностей для самовыражения. Мир, где каждый человек — яркая стильная индивидуальность, если он, конечно, имеет вкус, это мой мир, это сообщество моих друзей, это то, в чём я живу и то, что для меня особенно важно. Я мало что могла бы сказать о человеке прошлого, одетого в старую одежду неизменного цвета. В том мире я бы жить не хотела и, наверное, просто не смогла бы.

3. 3D принтер. До того, как в каждом доме появился 3D принтер, видимо, люди имели большие захламлённые дома, чтобы иметь под рукой всё, что может когда-либо понадобиться, в готовом виде, или ездили за каждой мелочью в магазин. Ну, или же бесконечно заказывали что-то в интернете, что дороже. Сегодня я могу представить себе, как я жила бы без стиральной машинки или пылесоса, по крайней мере, некоторое время, например, неделю, можно покопить грязь, чтоб потом разом от неё избавиться, но я не представляю себе, как бы я прожила неделю без 3D принтера. Без этого устройства жизнь даже у себя дома становится, как бы, жизнью в диком лесу. Находясь в лесу, ты можешь веселиться,

зная, что ты там находишься временно, и после леса ты приедешь домой, и переделаешь все свои накопившиеся дела, полностью сменишь одежду, помоешься, намажешь мазью синяки, которые ты получила в дикой природе, короче природа — это экстрим. Такой же экстрим — дом без 3D принтера. Я использую его несколько раз в день и отбери его — нормальное течение жизни сразу остановится, начнётся экстрим. Конечно, некоторое время можно жить и без него, можно постоянно ездить в магазины или просто откладывать что-то на потом, на то время, когда 3D принтер снова у тебя появится и заработает, или ездить к друзьям и временно использовать их принтер, но в любом случае жизнь без 3D принтера – это экстрим, и жить так можно только если ты знаешь, что это временно. Но как люди жили до того, как у них появились 3D принтеры, я просто не могу себе представить. Когда я думаю, что из своего повседневного хозяйства я считаю самым важным, мне в голову приходит, прежде всего, принтер. А сейчас даже на природу с друзьями мы выезжаем всегда только с 3D принтером, без него вообще не рекомендуется выезжать куда либо надолго. Может сломаться любая важная деталь, без которой или вы там застрянете или испортите себе вечеринку. Вот как-то так.

4. Интерактивные очки. В LA я живу уже несколько лет, мои родители приехали сюда, когда я была в третьем классе. Я относительно хорошо знаю свой район и неплохо ориентируюсь в городе, но, тем не менее, на улице интерактивные очки я снимаю редко, в основном, только когда целуюсь :). Я не считаю того времени, когда я нахожусь в машине, потому что там их заменяет интерактивное стекло. Быть может, потому что мне сейчас нет необходимости запоминать дорогу и расположение всех тех мест, куда я хожу или езжу, вряд ли я доеду даже до своего дома без интерактивной карты, всё время указывающей мне путь. В общем-то, я даже и не пыталась этого делать. Четно говоря, я даже сплю в своих интерактивных очках, под какое-нибудь видео и музыку. Ещё более честно говоря, многие мои сверстники тоже не снимают интерактивные очки даже ночью. В этих очках ты постоянно открыт миру и общению с другими людьми, ты постоянно видишь новости, постоянно с кем-то общаешься, так что, когда ты их снимаешь, ты остаёшься совсем один (конечно, если ты физически один), но одна я бываю редко. В компании малознакомых людей эти очки

тоже необходимы, потому что тебе надо сразу же узнавать, с кем ты общаешься, а без очков с их функциями распознавания лиц и поиска этих людей в социальных сетях этого невозможно сделать. Даже если люди, с которыми ты общаешься, тебе более менее знакомы, ты не можешь помнить всю информацию о них, не можешь держать в памяти всё, что они о себе уже говорили, и можешь поставить себя в разговоре в неловкое положение, так что я интерактивные очки никогда не снимаю. Учиться или работать без них сейчас просто невозможно, и это не требует объяснений. Но и просто жить без них было бы очень скучно. Сейчас все раскрашивают мир в те цвета, в которые хотят, достраивают свой город так, чтоб он выглядел особенно уютно или фантастично, или стилизуют его под прошлые столетия, создают интерьер собственного дома или комнаты, конечно, всё это существует лишь у тебя в глазах, в виде визуальной проекции, притронуться к этому нельзя, но всё равно это очень важно, это полностью меняет состояние человека и мир, в котором он живёт. Некоторые уже годами живут в нарисованном мире и вместо людей видят сказочных персонажей, некоторые психологически не могут снять уже очки. Плохо это или хорошо — я не знаю, но думаю — не то и не другое, это просто факт нашей реальности, нашего мира, без этого нашу жизнь нельзя уже даже представить.

5. Карамельные чипсы Romix. Вам, наверное, покажется нелепым, что какие-то карамельные чипсы поставила на пятое место величайших нововведений человечества, действительно, ведь это всего лишь чипсы, еда, тем более не самая нужная еда, и появилась она совсем недавно, так что я хорошо помню себя и свою жизнь без них. И эта жизнь была не хуже теперешней. Но это можно понять, только если вы здесь и теперь, только если вы внутри моей жизни. Понимаете, всё, что я перечисляла выше — это технические приспособления, которые формируют из моей жизни то, что она собой представляет, а это — её память. Если вы попросите меня вспомнить лучшие моменты прошлого года, я первым делом вспомню вкус, запах, текстуру Romix. Я, конечно, вспомню и запах леса и фонтан у нас в парке, где мы собирались каждый вечер каникул, но это не изобретения человечества, я могу вспомнить музыку, под которую мы живём, но я не уверена, что это также можно назвать изобретением нашей эпохи, поэтому остаются эти чипсы. Чёрная, матовая, с зеркальными вставками

и неоновым свечением цифр баночка, сам размер и текстура её, смешанные с запахом чипсов, совершенно особенных, которые не приедаются, которые всегда просто божественны, мне кажется, это сам дух нашего времени, нашего мира, этот вкус был со мной и в ту ночь, когда мы сидели до самого утра, прежде чем он осмелился меня поцеловать, и поездка на международное соревнование левитирующих скейтбордистов с друзьями, и кислотные вечеринки и рок-концерты, и после концертов — эти чипсы — это маленькая, но пронизывающая лучшие периоды моей жизни деталь, и когда-нибудь в следующих жизнях я найду в архивах или при раскопках эту баночку и, взглянув на неё, я вспомню всю свою жизнь, эти вечера и ночи с друзьями, наши поездки, вспомню и нашу музыку, и наш фонтан, и наш клуб, и наш лес, и наш паркур в Сити. Я не представляю, что могло бы заменить мне в этом плане Romix, то есть, теоретически, конечно, его могло бы заменить что угодно, но реально я не могу ничего придумать, Romix – это маленькое воплощение нашей жизни и моей эпохи, по крайней мере, для меня. И это лучшие чипсы, которые я пробовала в своей жизни, и вообще мой самый любимый продукт.

6. Церковь. Каждое воскресенье мы всей семьёй и всем моим сообществом, вместе со всеми моими одноклассниками, друзьями и знакомыми ездим с утра в церковь. Родители меня начали возить туда, ещё когда я была совсем маленькой. Сейчас я почти выросла, и в моей жизни поменялось практически всё, а воскресные встречи в церкви остались. Мы там слушаем проповедь, священник тоже наш давний знакомый. Он умеет читать удивительно хорошо, мы общаемся друг с другом. Все вместе молимся, поём, взявшись за руки. Знаете, вся моя жизнь – это одно, а церковь – это что-то другое. Кстати, хочу пояснить, почему я считаю нашу церковь открытием человечества. Я знаю, что религия существует уже тысячи лет, но из истории я знаю, что раньше религия была другая, и церковь была другая, более мрачная что ли, более суровая и глядящая как бы внутрь себя, если ты был в церкви, это не укрепляло твои отношения с окружающими людьми. А наша церковь — это церковь уже нового времени. И если, например, музыка была всегда, как и церковь была всегда, то я записываю сюда церковь и не записываю музыку, потому что моя музыка, в которой я живу, меняется со временем, а церковь остаётся, музыка вечна сама по себе, можно

слушать электронику, а можно классику, а церковь, такая церковь, как та, к которой мы принадлежим, это действительно практическое нововведение нашего времени, и благодаря ему, мы учимся общаться друг с другом вне каких-то материальных, половых или возрастных различий, мы учимся любить друг друга, как Иисус любит всех нас, просто как людей, в каждом их которых есть искра Божия. Иногда на проповедях или после проповеди, когда мы все обнимаемся друг с другом, я плачу, так мне становится хорошо и светло. Церковь для меня — это хоть и часть жизни — это часть, которая отделена от всех остальных частей, это что-то вечное и неизменное. Я понимаю, что вечного нет ничего, по крайней мере, из человеческих нововведений, но в рамках моей жизни это так. Хотя, кто знает, может, я когда-нибудь во всём этом разочаруюсь, и это всё мне надоест. С одной стороны, этим церковь и важна, что она остаётся чистым и неизменным опытом, что бы с тобой не происходило, а с другой, я не могу поставить её выше Romix, то, что я ощущаю в церкви, продолжается час, а потом я просто уношу с собой этот опыт, о котором изредка вспоминаю на протяжении недели, хотя, я думаю, он делает меня чище и добрее, но Romix связан со всеми важнейшими событиями моей жизни, и поэтому я ставлю его немного выше. :)

8. Лекарства от аллергии нового поколения. В наше время, из-за того, что мы живём в очень чистых условиях, редко болеем, иммунитет людей ослаб, и уже сто лет назад очень многие страдали от аллергии. Постоянно приходилось пить малоэффективные лекарства и вести довольно неполноценную жизнь: люди не могли заводить домашних животных и находиться на природе. Когда изобрели эффективное лекарство, полностью устраняющее эту болезнь, человечество смогло вернуться к полноценной жизни, последняя, самая распространённая болезнь была побеждена. Однажды мне довелось наблюдать, что бывает с человеком в наше время без этих лекарств нового поколения от аллергии. Однажды мы поехали с друзьями в лес, и одна девушка отошла далеко от нашей стоянки, когда мы пошли её искать, то нашли лежащую на земле без сознания, всю опухшую, красную и почти не дышащую. Действие её лекарства закончилось, а с собой она его не взяла, оставила в сумочке в машине. У меня самой, мне кажется, есть аллергия на всё на природе и почти на всё в городе, если бы не лекарства нового

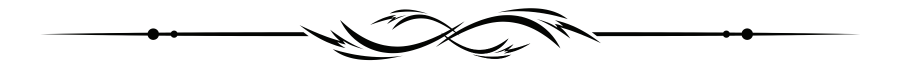
поколения, мы все бы уже поумирали или мучились бы всю жизнь. Новые же лекарства действуют долго, не имеют побочных эффектов и позволяют вообще забыть об аллергии, будто её не существует. Есть много порождений цивилизации, без которых нас бы уже не существовало, но это одно из самых новых и, тем не менее, ставших абсолютно незаменимым и обязательным для нашего выживания.

9. Новая версия фильма «Властелин колец». Очень редко бывает, чтоб какой-нибудь фильм, или музыка, или книга изменили меня, повлияли на меня так, чтоб я почувствовала, что навсегда стала иной. Я не очень хорошо знаю историю, или мифологию, но этот фильм стал моей дверью в чудесные миры, в веру и ожидание чуда, в принципы победы добра над злом, в историческую память моего народа. Причём, если вы видели когда-нибудь старые версии этого фильма, а я пересмотрела их все, то вы увидели, как разительно они отличаются от новой, я сейчас не могу представить себе, как они могли кому-то нравиться в те годы, в которые вышли, а ведь когда-то они были хитом киноиндустрии. Также книгу я воспринимаю только благодаря тому, что видела этот фильм, иначе книгу я бы никогда не дочитала до конца, и даже не дослушала. Некоторые маргиналы снижают значение технической революции в искусстве, но эта техническая революция продолжается беспрерывно, и, уж не знаю почему, без неё восприятие новых творений невозможно, попробуйте сделать такой фильм по технологиям, которые были ещё десять лет назад — его никто не будет смотреть, какие бы высокие идеи вы в него не заложили, меня этот фильм совершенно не тронет, и, скорее всего, я его даже не досмотрю до конца. Это я пишу к тому, почему я написала в качестве важнейшего создания человечества именно последнюю версию фильма, а не само произведение. Знаете, мне кажется, в этом фильме показан весь мир, все возможные взаимоотношения, все страхи и радости людей, живущих на Земле, конечно, в метафорической форме. Показан ад и рай, воплощения добра и зла. Этот фильм для тех людей, кто думает о чем-то большем, чем окружающая их повседневность, кто, выезжая из города, замечает, что стало видно звёздное небо, кто задаёт себе вечные вопросы. Быть может, я романтик, но я люблю Голливуд и люблю этот фильм, и не представляю уже то время, когда этого фильма ещё не существовало, теперь он стал частью меня, и всегда таким для меня останется. А когда его время

пройдёт, какой-нибудь гениальный режиссёр воссоздаст его в ещё более прекрасной, впечатляющей и фантастической версии, и мы, романтики современности, снова будем пересматривать его, будто в первый раз в нашей жизни.

10. Генетический отбор при оплодотворении. Конечно, этот вопрос ещё не касается меня напрямую, но через несколько лет мне придётся его решать. Сегодня зачинать ребёнка естественным путём — безответственность, прежде всего, перед самим ребёнком, которому придётся конкурировать за место под солнцем, возможно, бороться с генетическими заболеваниями и, вообще, пожизненно состоять в группе риска по физическим, интеллектуальным и психологическим параметрам. Я не понимаю родителей, которые не в состоянии накопить денег на генетический отбор их половых клеток, и при этом зачем-то заводят ребёнка, если бы я была президентом, я вообще бы запретила естественное оплодотворение, и все причины это сделать имеются. Я считаю технологию генетического отбора следующим шагом эволюции человека. Вот уже два столетия естественный отбор в человеческой популяции не осуществляется вообще. Без искусственного отбора человечество ждёт очень скорая и неизбежная деградация. Человечество придумало множество очень важных технологических нововведений, без которых его жизнь была бы гораздо хуже, неудобнее или опасней, но без технологии генетического отбора жизнь человечества рано или поздно прекратилась бы вообще. Я хочу, чтобы мои дети были полностью здоровы на генетическом уровне, чтоб они были совершенны физически и интеллектуально, и чтобы они были блондины с большими глазами, по крайней мере девочка, поэтому я буду заводить детей только после того, как мы с моим будущим мужем накопим деньги достаточные для проведения генетического отбора наших половых клеток, и я хотела бы жить в мире, где все люди будут рождены с использованием этой технологии, чтоб все были красивы и совершенны, чтоб никому не пришлось страдать.

Апп, 7 сентября 2113 г.



Into the Wild

Каждый раз, пролетая над бескрайним лесом, часами тянущимся под крылом моего самолёта, я мечтаю — что если поселиться там внизу и пожить в излучине вон той бесконечной реки, текущей среди лесов от горизонта до горизонта, или на берегу вон того озера с таким большим песчаным пляжем, что он виден с высоты летящего над облаками самолёта. Знаете, это называется lifestyle — построить себе на отшибе дом, добираясь до города на машине часами, использовать в нём дождевую воду и солнечную энергию, зато жить в комфорте среди лесов. Впрочем, пару недель я бы пожил и в палатке, собственный самолёт не всегда является признаком изнеженности. Меня можно забросить, скажем, на вертолёте, а потом забрать. Интересно идти по городу среди людей, когда возвращаешься с дикой природы. Это чувство обычно проходит в первый же день, но оно очень примечательно и имеет явно здоровую природу. Чувство разрыва каких-то внутренних связей с другими людьми. Обычно, даже когда ты считаешь себя свободным от них, ты начинаешь смотреть на себя их глазами, реагировать на них и подсознательно оценивать их реакции на себя, ты как бы живёшь и действуешь для их глаз, не важно, угождая им или сознательно пренебрегая. Даже постулированная тобой независимость от них — игра с теми же нитями, ты остаёшься так же привязан ими и так же сосредоточен на них, но, прилагая усилия, меняешь к ним отношение, сознательно стараясь не синхронизировать свои мысли и своё поведения с ними. Когда же ты возвращаешься из леса, ты реально спокоен и свободен, ты реально действуешь из себя, нет никаких нитей. Несложно понять, что если путь к любым чудесам лежит только через эту свободу, пока ты — кукла на нитках, даже в самой небольшой степени, ты будешь так же призрачен для бесконечной реальности и так же совершенно бессилен, как и вся окружающая тебя толпа.

В общем, достаточно, наконец, принять решение и взяться за реализацию задуманного, дальше дело будет двигать себя легче. Первым шагом был выбор места строительства дома и заказ проекта одной известной архитектурной фирме. Я отследил на карте те места, которые видел из иллюминатора самолёта, и выбрал самое

отдалённое от дорог и человеческих поселений. Объяснив в общих чертах мои требования к проекту, я свозил группу, работающую над ним, на место предполагаемого строительства и мы, спустившись на вертолёте прям на песчаную отмель небольшой реки, осмотрели местность и выбрали точное место постройки, оценив плотность почв, открытость места постройки ветрам и солнцу, а также исследовав топографию всей окружающей местности.

Когда работа над проектом была закончена, началось строительство. Под постоянным присмотром архитекторов и инженеров строительство вела команда строителей, опытных в возведении постиндустриальных сооружений. Идея заключалась в том, что когда они закончат работу, никаких следов человеческого присутствия, кроме самой постройки и окружающих его систем, слитых с природой, не должно остаться, ни мусора, ни отпечатков ног на песке, ни единой сломанной ветки или нарушенного листового покрова земли в лесу. Вереница грузовых вертолётов повезла материалы, оборудование, инженеров, строителей, электриков, дизайнеров, садоводов, ландшафтных дизайнеров, экологов и даже специалистов по установке аудио-видео оборудования. Да, такой проект, да ещё в тысяче километров от ближайшего обитаемого места стоит начинать реализовывать, только когда вообще не обращаешь внимания на расходы. Дом получался просто таки золотым по своей себестоимости, оправдывая все самые смелые финансовые опасения. Тем не менее, когда через полгода он был закончен, я, обойдя его от подвалов и технических сооружений до видовой площадки, как Иван Грозный, молвил лишь: «Лепота!». Ослеплять зодчих пришлось росчерком на чеке с астрономической цифрой, интересно, намного ли дороже было построить дом на орбите Земли? Но на этом расходы, конечно же, не заканчивались, подобный проект требовал присмотра специалистов, хотя мы потратили несколько дней, чтоб обучить меня использовать всё техническое оснащение дома, диагностировать неполадки и самостоятельно делать элементарный ремонт. В подземных помещениях склада и мастерской в условиях контролируемой температуры и влажности хранился весь запасной набор технических деталей дома, запчастей, домашнего скарба, мебели, топлива, реактивов. На поверхность выходила лишь шахта грузового лифта, с несущей стеной, выложенной камнями и увитой плющом, и стеклянными раздвигающимися дверьми. Но больше всего меня удивляли не обширные и почти стерильные подземные

помещения с аккуратно разложенным и систематизированным содержимым, где каждая деталь была подписана и имела руководство по использованию, а то, что вокруг выхода шахты на поверхности рос нетронутый лес: большие деревья, трава, толстый многолетний слой опавших листьев. Я не мог распознать даже следов человеческой деятельности. Как? Ведь, чтоб выкопать и оборудовать такие помещения, нужно было серьёзно переворошить всё вокруг тяжёлой капающей техникой.

Сам дом не переставлял меня удивлять, знаете, это когда вы попадаете в зону совершенства и не можете к ней привыкнуть, удивляясь при соприкосновении с ней снова и снова. Мои скупые идеи мастера двадцать первого века доработали, дополнили и оформили в шедевр постиндустриального зодчества. Оглядим его сверху вниз. Над лесом возвышалась круглая большая смотровая площадка с передвижным кострищем, морозильником, баром, холодильником, встроенными в основание лежанки. Весь верх из лакированного дерева, никакого индустриализма, ничего холодного и не уютного. В центре смотровой площадки кругом стояли диванчики и соединяющиеся столики для еды, которые можно было объединить в центре вокруг огня или расставить в виде шведских столиков по всей территории площадки. В ясную погоду на площадке замечательно было спать под открытым небом, удалённость от светового загрязнения делало млечный путь таким ярким, каким я его не видел ещё ни разу в жизни. Иногда я засыпаю на диванчиках у огня и сплю до самого утра, даже не переходя на лежанку с меховым одеялом. Утром меня будят птицы и солнце. Но моя смотровая площадка, которую назвал верандой, нравится мне и в непогоду. Я выхожу туда почувствовать бурю, шквальный ветер, треплющий кроны деревьев, полюбоваться молниями и послушать грандиозность раскатов грома. Я могу вечно любоваться не только огнём, но и бурей. Моей мечтой всегда было увидеть шаровую молнию или чтоб хотя бы обычная молния ударила где-нибудь совсем близко, чтоб можно было услышать, как звучит молния не приглушённая расстоянием и сразу же осмотреть место, в которое она ударила. Но пока что не довелось. Впрочем, просто тихий дождик я тоже люблю. Просыпаешься на диванчике мокрый, около не потухающего огня, дождевая вода капает со стола, наполняет бокалы, впитывается в мокрое одеяло, в этот день меня не будит солнце и не будят птицы, я просыпаюсь от

холода, мокрый, подвигаюсь поближе к огню, наливаю себе тёплого красного вина, заворачиваюсь в мокрое одеяло и долго наблюдаю воплощённую в природе задумчивость и самоуглублённость. Да, чтобы иметь возможность это делать, приходится отключать автоматическое поднятие навеса. Если захочется посмотреть на звёзды поближе, надо лишь освободить центр смотровой площадки и поднять телескоп с пультом управления. Телескоп может сам находить астрономические объекты, на мониторах управления можно видеть всю информацию об объектах в поле обзора, он может сам подниматься ночами и следить за выбранными объектами, опускаясь по утрам. Информация сохраняется в базе данных онлайн. В общем-то, чтоб обследовать небо с моим телескопом, не нужно подниматься на веранду и смотреть в окуляр, изображение и управление выводятся на большие мониторы у меня в кабинете, но на веранде делать это, однозначно, романтичнее.

Что сказать о трёх этажах самого дома, простирающегося под верандой? В любом каталоге сейчас можно найти тысячи удивительных интерьеров, которые хочется воплотить в своём доме, выбирай любые. Основная идея внутреннего устройства дома, которую мне хотелось воплотить: большие просторные пространства внутри, стеклянные стены и потолки, сливающие внутреннее пространство дома с окружающей природой. Открытый бассейн на одном из балконов, поднимающаяся полностью стеклянная душевая кабинка там же на верхней смотровой веранде, стеклянная спальня, выдающаяся глубоко в пространство леса: дождь, снег, ветер, солнце, приходящие из леса медведи — а вы лежите в своей кровати внутри всего этого и читаете книжку. Большая библиотека в классическом стиле — десятки тысяч томов старых и новых книг на нескольких языках, глобус и автоматический оцифровщик для книги, которая оказалась лишь в бумажном варианте. С библиотекой соединён кабинет, заполненный мониторами на всю стену и прочими мультимедийными необходимостями, стильно сочетающимися с большим кожаным диваном и огромным дубовым столом тёмной лакировки. Там же находится пульт управления всем домом. Сами компьютеры, коммутаторы, бесперебойники, жёсткие диски собраны в компьютерной комнате под землёй.

Да, пару слов можно сказать об информационном обеспечении дома. Специально для моего дома была написана программа, управляющая всем его содержимым. Интерфейс

настолько понятный, что разбираться ни с чем не пришлось. Просто установил, когда в какую погоду, при какой освещённости и в какое время года открывать и закрывать окна и шторы, какую где поддерживать температуру и влажность, в каком виде содержать веранды, на какие экраны выводить новости и сообщения, какое когда включать освещение и музыку, и прочее, и прочее. Весь дом и пространство в несколько сотен метров вокруг него находится в зоне беспроводной связи, так что каждое мобильное и проводное устройство синхронизировано друг с другом. Кроме технических мониторов и мониторов, зарезервированных на специальные занятия, остальные мониторы, планшеты и видео-очки синхронизированы так, что выводят содержимое единого общего монитора, так что я никогда не переношу планшет из комнаты в комнату, а оставляю всё на своих местах — это единственный выход для того, чтоб портативные устройства не терялись и не скапливались в одном месте. Я просто смотрю на любой находящийся в зоне достижимости экран и могу продолжать с ним работать, находясь хоть в библиотеке, хоть в винном погребе, хоть на коврике в коридоре, хоть на кресле в саду. Внутри дома практически везде есть либо большой монитор, либо включённый планшет, либо интерактивная газета, либо видео-очки и виртуальная клавиатура. Я не люблю работать на одном месте и постоянно перемещаюсь внутри дома, а если позволяет погода, то и снаружи. Интернет, конечно, у меня спутниковый. С «умным» домом я не переусердствовал, извращений, типа предсказания домом моего настроения я не допускаю, я человек, а не лягушка, если мне захочется что-то изменить в управлении домом, я смогу сделать это сам.

Отдельная история — откуда для всего этого берётся энергия. Во-первых, экономичность современных устройств творит чудеса, хотя и с этими чудесами для всего дома требуется не мало энергии, тем более что я люблю освещать не только то помещение, в котором нахожусь, но и достаточно большую часть дома, а если где-то свет включается только при моём появлении, то я настроил систему освещения так, что он включается не в той комнате, в которую я вхожу, а во всех прилегающих к ней комнатах, в той комнате, где я нахожусь свет включился, ещё когда я был в ведущем к ней помещении. Сами посудите, в большом доме в одной освещённой комнате было бы не очень уютно. Это не значит, что я всегда устраиваю иллюминацию, иногда я люблю посидеть в

полной темноте, при свете луны или свечей, на панели управления домом, которую я могу в любой момент вывести на любой планшет, есть даже кнопка, позволяющая одним нажатием погасить свет во всём доме. Кстати, система прозрачных стен и зеркал позволяет буквально залить внутреннее пространство залы на первом этаже лунным и звёздным светом, причём поворот зеркал контролируется компьютером, который берёт информацию о местоположении самых ярких небесных объектов из астрономической базы данных. Но чаще, всё же, мой дом почти полностью освещён не ярким, уютным софитным светом, в рабочем или ждущем состоянии находятся все устройства, работающие с информацией и поддержанием внутренней среды, а также по дому постоянно бесшумно ползает пылесос, который медленно обрабатывает каждый сантиметр пола или коврового покрытия, так что если я что-то где-то рассыпал или пролил, через сутки это, скорее всего, бесследно исчезнет. Основной источник энергии для моего дома — солнце. Помимо солнечных батарей на всех не прозрачных поверхностях дома, я поставил несколько солнечных деревьев в саду. Чтоб не портить вид с видовой площадки заметными техногенными сооружениями, которыми стали бы солнечные батареи, я заказал солнечные батареи в форме реальных деревьев. Раз кроны деревьев, предназначенные для поглощения солнечной энергии, созданы природой именно в таком виде, значит, это оправдывается их КПД. Я не уверен, будет ли это столь же эффективно для двусторонних искусственных солнечных батарей, но, по крайней мере, теперь с веранды видны несколько деревьев в саду необычного темного цвета. С солнечной энергией соединяется энергия от десятка гидротурбинок, расположенных на искусственных водопадиках, созданных на протекающем невдалеке ручье. На берегу реки, на самых подветренных его местах расставлены ряды невысоких ветряных турбинок, они не поднимаются над кронами деревьев, чтоб не портить пейзаж, но их довольно много, и их лопасти представляют собой не один пропеллер, ловящий лишь небольшой объём проходящего воздуха, а столб вертикальных лопастей, захватывающих всю высоту столба, и особенно эффективны они зимой. А если всего этого электричества не хватит, под землёй находится вагон топлива со звукоизолированным электрогенератором, но это лишь на экстренный случай. Ну и, конечно же, аккумуляторы, аккумуляторы, аккумуляторы, которые сосут каждую каплю энергии, когда только можно и отдают её, когда

это станет нужно.

Под землю дом уходит на такие же полноценные три этажа с довеском, на которые он поднимается и вверх. Помимо туннеля в склады и мастерские, здесь находятся продуктовые холодильные и морозильные хранилища с запасами замороженных фруктов, овощей, ягод, рыбы, мороженного, молочных продуктов и полуфабрикатов, с бочками сушёных фруктов, цукат, ягод и грибов, с бочонками сиропов, масел, мёда, с консервированными продуктами, достаточными для нескольких лет жизни одного человека, но последнее — н.з., поскольку я стараюсь питаться свежими продуктами. Там же на полках стоят бесконечные баночки, бочонки, пакеты и пакетики круп, сахаров, муки, европейских, китайских, корейских, индийских приправ и семян, используемых в кулинарии, соусов, кокосовых стружек и прочих кулинарных изысков, до самых экзотических включительно. Я далеко не всё это использую, но мне нравится укомплектованность и самодостаточность моего жилища, так что, найдя самый экзотический рецепт в интернете я, скорее всего, найду для него все необходимые ингредиенты на своих продуктовых складах. По сути, для заполнения своих складов я скупил целый продуктовый супермаркет, причём далеко не провинциальный, так что теперь у меня можно найти даже замороженную морошку. Всё, что имеет срок хранения меньше нескольких лет, пришлось заморозить методом быстрой глубокой заморозки. Самое основное из продуктов, что я непосредственно использую, конечно, находится на кухне, но, вообще, я не часто использую продукты со склада, довольствуясь собственноручно пойманной рыбой и собственноручно выращенными овощами и фруктами из сада или из зимнего сада. Да, у меня есть небольшой зимний сад, в котором живёт большая игуана, черепаха, два больших какаду, растут плодоносящие тропические растения и марихуана. Для заботы о зимнем саде и саде у дома я приглашаю раз в месяц садовода, между этими событиями сады существуют практически автономно.

На ещё более глубоких этажах находится небольшой оружейный склад, лаборатория, укомплектованная для интересующих меня биологических, химических и генетических исследований, гербарная, комната для энтомологических коллекций и небольшая студия звукозаписи. Гербарная и энтомологическая комнаты, даже если отключится электричество,

могут закрыться так плотно, что останутся непроницаемы для внешнего мира, и находящиеся в них высушенные экземпляры будут храниться в стерильности и абсолютной сухости столетия. Для случайных посетителей три подземных этажа будут всем, что они увидят, если прогуляются по моему дому, но в одном из помещений находится потайная дверь, представляющая собой отодвигающуюся бетонную стену. Так что её не найти даже простукиванием. За этой дверью находится кабинет, аналогичный таковому в библиотеке, но полностью изолированный от внешнего мира, футуристичный и освещённый лишь искусственным светом. Там же находится маленькая спальня и кухня. Это потайные комнаты, как бы глубинный слой моего жилища, о них известно только архитекторам и строителям, которые их создавали. Даже если от дома наверху ничего не останется, меня в этих комнатах никто не найдёт. Не то чтобы они были мне тут нужны, просто это такая игра в постапокалипсис, а может отражение некоторых сторон моей личности. Я иногда зависаю там на несколько дней, физически (но не информационно) полностью отрезанный от внешнего мира, дневного света, естественного воздуха. В потайной спальне же, что самое интересное, есть также потайная дверца, ведущая в ещё одну маленькую, но очень уютную потайную спаленку, в которой есть только лежанка, несколько книжных полок, небольшой планшет и небольшой холодильничек.

Фасад здания с большой стеклянной стеной центральной залы выходит на большую поляну. Открытое пространство делает его солнечным, впрочем, прям у стекла по бокам фасадной стороны растут несколько небольших деревьев, упираясь листиками в стекло и как бы соединяя дом с лесом даже с фасадной стороны. Фасадная стена в случае необходимости может подниматься вверх, и пространство залы полностью соединяется с пространством поляны, становясь, как бы, его продолжением. На всю фасадную стеклянную стену дома и в поднятом и в опущенном её состоянии может раскручиваться белый экран, свёрнутый у верхнего её края. Тогда, если вынести к краю поляны мощный проектор, на этот экран можно проецировать видео. Я не раз устраивал видео-арты для себя, зверей, птиц, насекомых. Правда, я смонтировал несколько хороших видео с нескольких точек обзора, с движущихся камер и прочее, их можно найти в интернете. Сначала я просто смотрел на них фильмы, проецировал концерты, наполняя

музыкой лес, дополняя всё это лучами лазеров и искусственным дымом, ползущим по поляне, заползающим в залу и утекающим в лес. Вскоре изображение вышло за пределы экрана, весь дом, трава на поляне и стена окружающего леса преобразились. В некоторые вечера они просто переливались психоделическими цветами, иногда по ним струились водопады, они превращались в разрушающиеся города и рождающиеся звёзды, иногда они становились стенами Акрополиса, в которых звучит классическая музыка, иногда звери слушали хип-хоп на расписанных граффити переулках Нью-Йорка, а иногда деревья показывали крупным планом лица, когда на основном экране разворачивалось основное действо в стиле рок. А иногда я просто зеркалю лес, проецирую на дом стену леса вокруг, и дом не то что сливается с ним, просто становится одним творческим целым.

Иногда я ухожу с фотоаппаратом в лес на несколько дней. Фотографирую его виды, насекомых, выслеживаю животных, запечатлеваю на видео, как утренний туман спускается с сопок и как растёт утренняя роса на паутинках. Люблю снимать ускоренное видео роста разных растений, расставил по лесу россыпь камер, поливаю растения удобрениями, чтоб ускорить процесс. Ещё затеял проект — целый год, прошедший перед взором камеры, показанный за три минуты. Десяток камер стоят неподвижно и снимают свою сцену ровно год. Мечтаю научиться снимать видео с самыми красивыми участками леса в сверхвысоком разрешении и воспроизводить их так, чтоб казалось, что ты действительно в лесу. Такая техника только появляется, соединяю матрицы в одно целое, пытаюсь соединить отдельные кадры, в конце концов, стены комнаты должны стать лесом, таким, чтоб не было видно пикселей, чтоб вообще не было видно, что это изображение. Время от времени провожу персональные выставки и в крупных городах, и прямо в лесу, где не ступала нога человека. Зачем в лесу, если этого никто не увидит? А если выставку, устроенную в городе, никто не поймет или поймёт не так, поймёт не достаточно глубоко для того, чтобы с ней вообще имело смысл возиться? Только россыпь глупости, поверхностного восприятия, идиотских интерпретаций, бессмысленных отзывов, хороших и плохих, но одинаково не важных, просто шум, информационный мусор. Тогда стоит ли её вообще затевать? Мне всё равно, кто это увидит и как это поймёт. Я делаю то, что считаю нужным, теперь это всё реализовано в пространстве

творчества, идея воплощена, а люди — согласно здравому смыслу, вроде как, обычно искусство делается для людей, но на деле — люди крайне ненадёжный элемент, практически отсутствующий, в реальности люди не имеют значения.

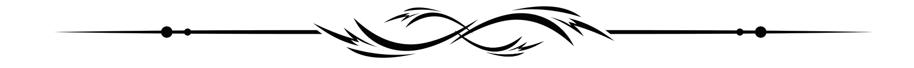
Я записываю звуки леса, звуки течения реки, в том числе и из-под воды, записываю, как падает на воду лист, и как гусеница грызёт лист, как бьется о стекло бабочка, и порыв ветра наклоняет кроны деревьев. Все эти звуки многослойно накладываю друг на друга, один звук уходит на задний план, другой выступает вперёд, то звуки наступают и захватывают всё пространство, а то вдруг наступает тишина, и через минуту в тишине падают первые капли, всё чаще и чаще, и вдруг раздаётся оглушающий треск, да-да, гром вблизи - это треск электрического разряда, лишь издали высокие звуки гасятся и остаются только низкочастотный грохот. Мои треки надо слушать часами, или ночами.

Звуки леса я приношу в человеческий мир, а человеческие звуки приношу в лес. Недалеко от дома есть кусочек чисто хвойного леса, знаете такой, почти без травы, с толстым мягким слоем хвои на земле, с лучами солнца тонкими и чёткими, пробивающимися среди веток. Запах хвойных деревьев, мягкость, прозрачность и какая-то пустынность. Там, среди деревьев расставлены колоночки, равномерно заполняющие пространство леса звуком, объёмным, льющимся как бы из ниоткуда. Вивальди, органные мессы Баха, а ещё можно включить дождь, правильно записанный и воспроизведённый — удивительное ощущение — дождь точно идёт, но капель нет, может, просто не долетают? Дождь. Стоишь у стеклянной стены и смотришь, как капли стекают прям перед тобой, можешь потрогать их с этой стороны стекла и не намочить пальцев. Удивительно. Поднимаешь стекло, и стена дождя сразу захватывает тебя, в минуту промокаешь до нитки. Сдираешь с себя мокрую одежду и голышом выбегаешь под дождь. Ещё одно преимущество жизни там, где нет людей — бывает, я по много дней хожу голышом, мне так больше всего нравится ходить. Хотя, иногда птицы видят меня в зеркальном костюме в стиле диско, во фраке семнадцатого века, в обтягивающем латексе и в одежде пажа. Но костюмы быстро надоедают, а вот голышом можно ходить всегда.

В одном месте по берегу реки, где отмель и к воде склоняются ивы, расставлены ультрафиолетовые прожектора. Они освещают воду и берег, и лес у воды. Я заказал рыб, обитающих в этих реках,

с генетической модификацией, теперь они светятся в воде под ультрафиолетом. Уже появилось второе поколение светящихся мальков. Светящиеся сомы пошевеливаются под ветками нависающих над водой деревьев, светящиеся верхогляды стайками проносятся вверх и вниз по течению. Заказал генетическую модификацию местных речных беспозвоночных, планктона, водорослей, насекомых, растений. Скоро можно будет прогуляться по светящемуся лесу и искупаться ночью в светящейся реке.

Лес. Дом. Человек. Всё это — творчество. Хотел написать — искусство, но искусство от слова искусственный, а здесь — что искусственно, а что натурально? Где кончается мой дом, и где начинается лес? Паучок, заползший с поляны на ковровое покрытие залы и уже несколько месяцев живущий у меня в террариуме, в маленьком, искусственно поддерживаемом кусочке леса, в глубине искусственного чуда моего дома, погружённого в бескрайний лес. Звуки леса наполняют мой дом, звуки дома наполняют лес, и звуки леса, исходящие из моего дома, переплетаются со звуками, лесом порождёнными. Я ловлю своими объективами дух, формы и движения окружающего дикого пространства, унося их в свой искусственный мир, и приношу в него лучшие визуальные творения человеческого мира, некоторые из которых рождены тут же, в лесу. Проникновение продолжается.



Как выглядит рай

Меня зовут Сара, мне шестнадцать лет, у меня острая лейкемия, скоро я умру. Я часто думаю о смерти, о том, что ждёт меня там, и как будут жить без меня близкие мне люди здесь. Мы не знаем, что ждёт нас после смерти (хотя некоторые говорят, что знают, но я не могу проверить их слова сейчас и рассказать вам, правда ли это), но мне остаётся только надеяться, что я не исчезну полностью и навсегда. Хотя, если вы считаете, что полностью и навсегда исчезнуть очень страшно, то вы просто чего-то не додумали, на самом деле это — никак.

Я хочу описать, как я вижу рай. С вами останется только это описание, и хотя вы, так же, как и я, никогда не узнаете, что из того, о чём я мечтаю, есть там на самом деле, но, по крайней мере, с вами останется моя мечта.

Когда человек умирает, он на некоторое время впадает в небытиё. А быть может, в состояние изменённого сознания, и в этом состоянии совершается его переход из этого мира в тот. Человек, который не хочет покидать этот мир, может остаться здесь, невидимый для других людей, но находящийся среди них. Я думаю, многие дети после смерти не хотят никуда уходить от своих мам. И тогда их не забирают из этого мира сразу, а посылают к ним ангела, который будет тут за ними следить, всё им объяснять, успокаивать и вообще стараться делать так, чтобы они не чувствовали себя одиноко. Но через несколько дней всё равно все должны куда-то уйти из этого мира. Когда человек оказывается там, он видит, что он стоит на большом лугу, с одной стороны вдали виднеются горы, только без заснеженных вершин, как очень большие сопки, покрытые лугами и пролесками, с очень яркой зеленью и цветущими деревьями. Яркий солнечный свет пробивается через красивые кучевые облака и солнечными медленно перемещающимися пятнами освещает склоны этих гор. С другой стороны поселение из очень уютных утопающих в зелени домиков. То тут, то там неспешно проходят люди. Они одеты в лёгкие шёлковые одежды, вроде древнеримских тог, только легче и воздушней. А может, некоторые люди ходят там даже голые, и это никого не шокирует, потому что люди там испытывают только положительные чувства, а тела всех людей

там совершенны. Люди там могут летать, и иногда вы видите, как какая-нибудь из человеческих фигур плавно поднимается в воздух, и ветер в высоте колышет его белоснежное одеяние. В этом мире есть домашние и дикие животные. Только нет борьбы за существование, потому что никто не размножается и не ест, а ресурсы для жизни бесконечны, как и весь тот бесконечный мир. Ещё там есть ангелы, хоббиты, гномы, эльфы, все они, уйдя когда-то с Земли, переселились туда. Эльфы упражняются в стрельбе в своих сказочных городах, затерявшихся в бескрайних лесах Единорогов, а гномы копают свои подземные города под горами, простирающимися на горизонте. Есть там и сущности, которые не имеют названия и о которых ничего не известно в нашем мире. Мы не можем их даже представить, но в том мире они будут восприниматься нами совершенно свободно, как обычная часть реальности.

Нет в том мире конкуренции и среди людей, люди там работают только потому, что им это интересно, вообще же жизнь и настроение там такие, будто вечно продолжаются летние школьные каникулы, и это никому не надоедает. И тяжеловесности взрослых, которые сами начинают придумывать себе проблемы, там нет. Люди там прекрасны и внешне, и внутри. Честно говоря, я не знают, будут ли там некоторые из моих одноклассниц, нельзя сказать, чтоб эти гламурные сучки были очень плохими, просто они тупые. Вообще, там будет только красота без гламура.

Там будет всё бесплатно, огромные торговые центры и в них всё бесплатно, но все берут только то, что им нужно. А ещё там можно есть сколько хочешь взбитых сливок и пирожных и совсем не поправляться. И у меня там будет друг — единорог. Он будет уносить меня на своей спине в глубокую чащу, где не ступала нога человека, и мы будем целый день валяться на поляне, среди леса освещённой солнцем, а вокруг будет таинственная полутьма леса на несколько дней пути.

Там все девушки нравятся всем парням, и все ходят парочками, нет никого, кто был бы одинок. А ещё, люди там занимаются сексом без страха забеременеть или заболеть. Потому что ни болезней, ни рождений там нет. Мне бы не хотелось думать, что я так никогда и не познаю это, так что, надеюсь, если не здесь, то там. Кстати, насчёт детей. Если ребёнок там оказался раньше родителей, он попадает в такой дружный коллектив, что у него очень не много времени скучать по родителям, а почувствовать

себя одиноким вообще не получается. Хотя, его иногда отпускают в этот мир проведать родителей. Но время там бежит очень быстро, и если здесь люди очень хорошо замечают, как проходят десятилетия, там ребёнок даже не заметит, как пролетит время, и родители присоединятся к нему.

Да, вот я и понаписала. Надеюсь, я ничего не присочинила, и всё это там действительно есть, а также, мне кажется, там много чего другого, о чём я даже не знаю сейчас. Как бы то ни было, мне почему-то кажется, что, в конце концов, в любом случае всё будет хорошо.

Андреевка

Жара. Конец августа. Грунтовая лесная дорога выходит к берегу моря. Песчаная бухта плотно заставлена тентами, палатками и машинами, в основном большими внедорожниками. У входа в бухту, уже среди камней, на небольшой полянке на краю леса тоже примостился палаточный городок, единственный стоящий отдельно от общего стойбища. За пляжем продолжает тянуться грунтовая дорога, только гораздо более пыльная, пыль поднимается беспрерывно проезжающими машинами и оседает на луговые травы за дорогой, на придорожные деревья, на крайние палатки. Палатки, тенты, машины стоят так плотно, что превращаются в палаточные трущобы, живущие своей бурной жизнью, моря из-за них не видно и если бы кто-то попытался через это поселение дойти до моря, то не знаю, смог ли бы. От дороги пляж отделает невысокий заборчик из ржавой, кое-где повалившейся металлической сетки, в одном месте в заборчике сделан выход, на деревянном столбике, чтоб сделать выход бросающимся в глаза, натянуты чьи-то трусы. Запах густой пыли смешивается на жаре с потом и запахами переносных туалетов, расставленных то тут, то там, переполненных мусорных контейнеров и жирной еды, жарящейся на кострах отдыхающих.

Пройдя бухту, попадаешь на возвышенность, немного углубляющуюся в лес, всё такое же серое от пыли, дорога окантована индустриальными развалами камней и мусора в овражках по обеим сторонам дороги, хотя здесь становится не так шумно и не так трудно дышать, но вот уже впереди открывается следующая бухта — это лежбище. Она отдана отдыхающим без палаток. Почти вплотную разложены коврики, матрасы и одеяла, весь пляж — сплошная толпа лежащих, стоящих, сидящих тел, сползающая в море и редеющая в воде при удалении от берега. Впрочем, если судить по фильмам типа «Золотого телёнка», где черноморский пляж показан укомплектованный толпой, напоминающей переполненный автобус, где можно было только стоять, здесь налицо явный прогресс, здесь можно даже расстелить одеяло, при желании. Впрочем, такой стоячий пляж попадает в фильме в кадр только в одном эпизоде, снятый сверху из кафе, где Паниковский рассказывает Шуре, как он прекрасно жил до революции, на пляже же, где Остап «брал»

сообщника Корейко, концентрация тел была вполне умеренной и напоминала уже Андреевский пляж. Длина береговой линии вокруг Владивостока и его островов огромна. Но десятки тысяч человек, как тюлени толпятся на нескольких пляжах. Если вы поедете на электричке вдоль береговой линии вдаль от города, вы обнаружите, что даже отъехав от центра семисоттысячного города на час езды, вы всё ещё находитесь в мёртвой зоне с полностью разрушенным морем. Чаще всего к берегу вы подойти просто не сможете, вы наткнётесь на какие-то завалы из бетонных плит, бетонные стены и заборы из колючей проволоки, на какие-то старые склады, непонятные базы и сооружения, полуразвалившиеся частные хибары, там же, где проход к морю будет открыт, берег будет представлять из себя смесь преющих водорослей и мусора, ходить там стоит осторожно, поскольку в любом месте можно наступить в человеческие экскременты. В некоторых местах, на станциях с говорящими за себя названиями, типа «Санаторной» и «Садгорода» частными предпринимателями оборудованы пляжи. Вход туда платный, они огорожены двухметровыми железными заборами с той же колючей проволокой. За свои деньги вы получаете удовольствие позагорать на пляже, на котором убирают мусор и пытаются облагородить, как только это возможно в понимании сообщества толстых деловых мужиков, этот пляж «держащих»: шашлыки, вода втридорога, дорожки и грибочки тут и там. За пределами забора продолжают скапливаться огромные кучи мусора, между которыми лежат отдыхающие. Кстати, палаточные и лежбищные пляжи в Андреевке тоже платные, но именно благодаря этому мусор оказывается в мусорных контейнерах и вокруг пляжа стоят временные туалеты. Да, возможно, в скором будущем и внутри города появятся пляжи или зоны отдыха, хотя я бы не стал купаться и в полутора часах езды от этого города. Перед грядущими выборами нынешний мэр развесил везде рекламные щиты с проектами благоустройства города, лозунги с этих щитов звучат, примерно, так: «60 тысяч человек поддержали проект мэра по благоустройству города», или «45 тысяч человек поддержали проект мэра по развитию сети городских дорог» — абсурдные приписывания своему имени того, что следовало бы делать в городе изначально, по долгу службы, будто кто-то из жителей города будет против проектов элементарного благоустройства. Отбросы человеческой расы, узколобые мафиози, выжившие в перестрелках перестройки и теперь ставшие мэрами,

чтоб, как средневековые феодалы, вообще не отделять своих денег от государственных. Награбив миллиарды, эти обезьяны, возжелав чего-нибудь нематериального, кидают теперь барской рукой быдлу подачки, оставаясь в политической истории города: «… Но хочется чего-нибудь для народа сделать, нахуй, поэтому стану, бля, мэром, ну или, там, депутатом».

Постепенно пляжи переходят в территорию самой деревни Андреевки. Та же грунтовая дорога становится главной улицей деревни. Взбитая непрекращающимся потоком людей и машин, изъеденная колдобинами и ямами, на которых переваливаются огромные внедорожники, дорога покрыта толстым слоем пыли, поднимающимся в воздух непроглядной пеленой после каждой машины. Машины несутся, не снижая скорости, так быстро, как только могут на разбитой дороге. Обезьяна, сидящая за рулём дорогого внедорожника, считает обезьян, оказавшихся ниже её, на своих двоих идущих по земле, иерархически нижестоящими существами и с радостью накрывает их облаком пыли, утверждая тем самым свой статус. Каждый двор деревни превращён в маленький бизнес. В пылевом тумане заборы домов увешаны объявлениями, предлагающими комнаты, шашлыки, русскую, китайскую и турецкую кухню, туры на катерах по побережью, свежих креветок и даже ночные дискотеки. Запах пыли смешивается с запахом морепродуктов, шашлыков, выхлопами проезжающих машин, переполненных тут и там помоек, в которых мусор упакован в пластиковые пакеты, но его так много, что он давно складируется вокруг контейнера, многие мешки порвались и начинают источать аромат. Пару раз встречаем хозяев, которые обрызгивают дорогу у своих заведений из шланга, видимо, кроме нас кому-то ещё не нравится эта пыль, у меня не хватает воображения, чтоб представить себе, как можно весь день находится в этом аду, но в целом все люди вокруг выглядят так, будто они тут вполне в своей тарелке.

Молодёжь — мальчики раздетые по пояс, показывающие миру свои мышцы и свой загар, смотрящие на меня в упор неотрывным агрессивным взглядом самцов доминатов, готовых защищать свой статус в любую секунду, хоть взглядом, хоть грубым словом, хоть кулаками, девушки в купальниках и солнцезащитных очках, плывущие в пыли как лебеди-роботы, надменно-отстранённо несущие себя с бесстрастным лицом, всегда знающие, что на них смотрят самцы-доминанты в спортивных шортах и с накаченными

прессами. Они же, но во второй половине своей жизни: давно состоявшиеся отцы семейств и даже деды на черных огромных внедорожниках, вальяжно развалившиеся за рулём, обрюзгшие, с отвисшим животом и волосатыми толстыми руками, с лицами сытых бульдогов, старых горилл, уже очень давно контролирующих свою территорию, поэтому почти не реагирующих на окружающих, если ты только не встанешь у него на пути, но лучше этого не делать, особенно если он в своей машине. Дело в том, что у них, как у всяких обезьян, является актом проявления статуса — немного помедлить, хотя бы секунду, прежде чем на тебя отреагировать, ведь тебя он рассматривает как такую же обезьяну как он, но статусом пониже. Поэтому обезьяна за рулём часто не успевает затормозить. Их жёны, давно отбарабанившие свою функцию привлечения доминантного самца и размножения с его помощью, и теперь перекатываясь литрами жира, идущего волнами от каждого движения, гуляют, загорают, купаются, пьют водку и ржут чудовищным голосом. Эти существа целиком представляют из себя набор нелицеприятных шаблонных ритуалов. Иногда они продолжают как бы следить за своей внешностью: делают стандартные в их кругу прически, красят ногти, покупают купальники, это никак не влияет на их чудовищный вид, но в отличие от молодых девушек, для них это уже не имеет практического значения, это просто такой ритуал. Они, как роботы с заранее заложенной и уже неизменной программой, следят за маленькими внуками так же, как это делала бы старая волчица, в которой работает инстинкт, в их действиях нет осмысленности, в них лишь наработанные программы, они кутают ребёнка тогда, когда, по их программе, его надо кутать, засовывают в него еду, когда, по их программе, надо в него её засовывать. Также они знают, когда и как надо работать, отдыхать, общаться с себеподобными самками. Эта бессмысленная ритуальность пронизывает каждое её движение, здесь на их лицах ярче всего можно прочесть идею «Я отдыхаю!». При этом не так важно действительно ли называется отдыхом то, чем она занимается, и где она находится, просто в её мозгу сейчас разворачивается программа: такой-то набор действий, времяпровождение в таком-то месте и в таких-то условиях и название этой программы: «Я отдыхаю». Разворачивание этой программы сопровождается приданием своему лицу и всему телу максимально яркого проявления того, что она ассоциирует со словом «отдыхать». Время от времени эта её программа дополняется программой

заботы о семействе. Зубами мясо рвут, хрустит в зубах щетина, отдельный нужен всем кусок. Вообще они по жизни двигаются озабоченными, жизнь для них — это проблема, и они всегда готовы дать отпор в борьбе за своё существование. Волчье выражение, в конце концов, прирастает к их мордам. Забота о внуках — тоже часть этой программы. Весь год они играли роль волчицы и сейчас они, накопив денег, приехали сюда со всем своим выводком, чтоб сменить роль, поиграть в отдыхающих, это значит посорить деньгами, попить, пожрать, полежать на пляже. Они действительно здесь только лежат на солнце, едят и пьют. Иногда прогуливаются в толпе до магазина. С озабочено — волче - серьёзным видом она готовит для всего выводка ужин, накрывает на стол, выставляет водочку, всё это под громкую блатную музыку. Кстати, я заметил, что основной музыкальный стиль изменился, мода на бандитские песни, распеваемые хриплым голосом старого зека, прошедшего все страдания тюремной и ссыльной жизни, сменилась разухабистыми весёлыми и энергичными песенками молодого бандита в полном рассвете сил.

Через каждые несколько метров идёт торговля. Загорелые пацаны с видом контролирующих свою территорию серьёзных дельцов торгуют крабовым мясом и креветками по городским ценам, это почему-то считается дёшево. С машин торгуют овощами и фруктами, прямо из открытых контейнеров — надувными плавательными игрушками для детей, футболками, углём в мешках, «жидкостью для разжигания костра» и всем, что может понадобиться местным отдыхающим. Мелкие магазинчики перемежаются магазинами покрупнее. Везде очереди. Становимся в одну из очередей. Перед нами основательно закупается семейка. Несколько бутылок водки, несколько бутылок пива, несколько сумок еды и закуски. Минут десять продавщица всё приносит, складывает и обсчитывает. Ей на помощь приходит вторая. Она, не заметив сначала нас, спрашивает: «Что вам?», бросая мимоходом взгляд на стоящего за нами парня. Он, увидев, что спросили, как бы, его, начинает перечислять свой заказ, надеясь, глубоко в душе, что не замеченные впередистоящие как-нибудь будут оттеснены, затёрты, перемолоты очередью и сгинут в борьбе за существование. Представитель какого-нибудь цивилизованного народа, ещё не освоившийся на просторах этой степи, наверное, стал бы просто молча смотреть на того парня, и парень, работая исключительно мускулистым загорелым по пояс

обнажённым телом и рельефной задницей в китайских шортах, оттеснил бы его от прилавка. Но мы начинаем говорить свой заказ просто поверх его голоса, и так как мы стоим первыми, продавщица реагирует на нашу речь, а не на его. Такая борьба за существование в очередях — оцивилизованная преемственность советской традиции, в своей старой форме сохранившаяся сейчас у старушек, с трясущимися руками пытающихся затереть в любой очереди или в автобусе рядом стоящего, оттеснить его всем своим телом, воспользоваться естественной паузой между тобой и стоящим впереди человеком, которого только что обслужили, естественным пространством между его и твоим телом, чтобы, как умирающая трясущаяся мышь, вырывающая ослабевшими лапками свой кусок, влезть впереди тебя, делая вид, что тебя тут вообще нет, и огрызаясь на отстраняющую её молодую продавщицу или работника почты, сформировавшуюся как личность уже в постперестроечную эпоху, ответить ей про тебя: «А чего он стоит!». Выходя из магазина, проходим компанию молодых подвыпивших весёлых самцов, расположившихся на ступеньках. Один из самцов с маленьким сыном, кто-то из друзей, смеясь, кричит ребёнку: «А ты захуярь папаше с ноги в ухо, нахуй!», вся компания смеётся.

Как бы то ни было, ничего из того, что мы хотели, самых элементарных вещей, типа бутылки Schweppes и бутылки колы в магазине не было, так мы и ушли не с чем. Под какими-то старыми деревянными навесами у дороги сформировались целые food-court, с лавками и столиками, с шашлыками и узбекской кухней, и даже с игровыми автоматами. Не представляю, к чему они их подключили и совсем уж смешно представить, что кто-то будет выплачивать тут в бараке у дороги крупный выигрыш, если таковой случится. Мы покупаем у узбека полулитровую бутылочку колы по цене двухлитровой бутылки, но он очень вежливо нас обслуживает, с характерностью цивилизованного человека, таки отличаясь и в этом свинарнике от русских. Мы доходим до небольшого рынка. Все цены в два или больше раз выше, чем в городе. Бананы — восемьдесят рублей килограмм. Просим продать один банан, взвешивают, получается около сорока рублей. Банан весит полкилограмма? Тогда спасибо — не надо. Кстати, колу и Schweppes мы таки нашли. Зашли около десяти вечера в магазин, на двери которого было написано, что он работает до восьми, но было видно, что он ещё открыт. Когда мы вошли, классическая тётушка продавщица в

теле и в белом фартуке поправляла под платьем колготки. Магазин оказался странный — чистый и технический укомплектованный, как небольшой городской супермаркет, в нём не было ни одного человека, было в наличии всё, и это всё продавалось по городским ценам. Везде есть свои загадки. Но, кстати, современная Андреевка — закономерный прогрессивный шаг развития русского социума. При социализме, когда зарабатывать деньги было запрещено, эти же люди лежали среди груд разлагающегося мусора и загаживали в три слоя весь окружающий лес. Теперь же на отдыхающих пытается срубить деньгу буквально каждый местный житель, и этих денег, срубаемых за сезон, им хватает, чтоб потом весь год попивать водочку, а некоторым и чтобы прикупить ещё одну машинку и в следующем сезоне привезти из города ещё больше товара, расширить двор и открыть ещё одну забегаловку или пристроить ещё один этаж к своему домику и сдавать отдыхающим больше комнат. По дороге мы обнаружили даже арт-галерею, видимо, зарабатывающее на «избранных»: «Художественная выставка «Картины о море», «Выставка Морские сувениры», «Никитчик, Иван и Ольга», а может просто на продаже сувениров — лакированных ракушек и крабов.

Стемнело. Зажглись и осветились рекламы. «Ночной клуб: секс на пляже в Андреевке», «Дискотека: 80-х 90-х, ретро», «Аттракцион 6D — 100 фильмов», «Краб, креветка, гребешок, камбала», «Салюты, фейерверки — здесь, доставка круглосуточно», «Прогулки на катере, водные мотоциклы, ночные прогулки, парасейлинг, рыбалка, гроты», «Шашлычная «Два дельфина», «Узбекская кухня», «Блинчики, пирожные, мороженое, чай листовой, влажные салфетки». Улица всё также заполнена толпой народа, также беспрерывно ездят машины, ослепляя меня светом фар. Забавно, русские никогда не используют ближний свет. А зачем, ведь с дальним лучше видно. Бывало, идёшь по краю дороги зимой, шаг в сторону, и ты в обрыве, или по той же дороге летом, среди ям и луж, и время от времени совершенно слепнешь от фар, не видишь не только луж, но и самой дороги под ногами. Единственный раз в моей жизни машина сменила передо мной дальний свет на ближний, когда я шёл по совершенно разбитой дороге возле биостанции, а на встречу мне, медленно переваливаясь по ямам и лужам, ехала, как оказалось, машина бойфренда девушки из моей лаборатории, сама девушка тоже была в машине, понятно, что она заставила своего парня включить ближний свет. Так русские в

лучших своих проявлениях — интеллектуальной элиты, научного сообщества, встречая своего близкого коллегу, поднялись до ближнего света. Единственный раз в моей жизни. Но для обычного русского, отдыхающего в Андреевке ослеплять лохов — это ночная версия погружения их в облако пыли. Лана ловит машину, пока садится в неё, сзади притормаживает старенькая разбитая японская легковушка, из неё высовывает голову получеловек-полуживотное, и что-то начинает матом орать. Мы возвращаемся на морскую экспериментальную станцию, я, стараясь не пачкать собой полотенце, тут же иду в душ, чтоб полностью сменить с себя всю одежду и смыть ад, который я только что прошёл, грязь, вонь, пыль, смешавшиеся с моим потом, вместе с образами недочеловеческого зоопарка.

Уезжаем на следующее утро. Понедельник. Волна схлынула. По пляжу не проносятся скутеры, в небе не летают парашюты, смотрители пляжа граблями сгребают с песка мусор. Накрапывает дождик, поэтому уже не пыльно, но ещё не грязно. Ждём автобуса, на улицу выходят похмельные мужики с философскими лицами, вокруг гостиницы ходит, волоча ногу, какой-то парализованный. Начинает собираться народ, который тоже ждёт автобус. Восемьдесят процентов русского народа общается на матах, но среди ожидающих стоит старец с большим рюкзаком, белой длинной бородой и белыми волосами. По его речи, интонации и даже громкости голоса сразу понимаешь, что он — другой. В этом зоопарке человеческие особи становятся заметны моментально, это там, где все друг другу улыбаются, деликатно смягчают голос и пропускают вперёд, хрен догадаешься, кто есть кто на самом деле. Добрый водитель помогает положить рюкзак в багажное отделение. В багажном отделении пол покрыт полусантиметровым слоем пыли, я буквально погружаю в эту пыль рюкзак, понимая, что его дома всё равно придётся полностью стирать. У водителя почему-то так трясутся руки, что он с трудом отрезает билет. Усаживаемся. У соседей сзади нас открывается окошко, из него с силой вылетает большой бумажный стакан с трубочкой и гулко падает на дорогу, видимо тяжёлый, с содержимым. Окно захлопывается. Поехали.

Объект 367

— Скажи, что для тебя такое — жизнь?
Я начал отвечать, когда говоришь и одновременно думаешь, не можешь сказать всего сразу и чётко. Более чёткие формулировки приходят постепенно, что-то начинаешь сам осознавать только в процессе ответа. А в моём состоянии мысли текут особенно трудно и отвлечённо. Замечаю, что он нетерпеливо выслушивает мой ответ. Ему явно не интересны мои банальности.
— Хорошо, а если бы это была жизнь другого человека? Твоё сознание, но другой человек? Или если бы ты был просто явлением этого мира, но тоже наполненным своим сознанием? Просто, вот ты собрался умирать, а если ты при этом не исчезнешь, а просто станешь другой частью этого или другого мира, и неизвестно какой частью и какого мира? Ты уверен, что там будет лучше, чем сейчас?
— Нет, не уверен, но там будет по-другому. Пусть будет как угодно, но по-другому.
— Но если там будет по-другому, но не лучше, и уйти оттуда так вот просто окажется невозможно, и в этом «по-другому — плохо» ты окажешься заперт на тысячи лет, представь.
— Не могу. И не хочу. Может так, может заперт. Может на тысячи, вряд ли ты заставишь меня об этом сейчас думать. Сейчас я не могу, я просто ухожу.
— Ладно. А если я предложу тебе другой мир, не хороший и не плохой, то есть, не плохой — это точно, и это предсказуемо и контролируемо. Не знаю, что тебя там ждёт по умолчанию, точнее, это не моё дело рассказывать тебе об этом. Но по поверью этого мира, у самоубийц там не завидная судьба. Так что, если верить поверью, моё предложение стопроцентно выигрышное.
— Что ещё за другой мир?
— Мир, где требуется работа. Работа не тяжёлая, не пыльная, мир, связанный с этим миром, но выглядящий по-другому. По сути, ты уйдёшь из этого мира, как и хотел, но окажешься ни непонятно где, а там, куда я тебя сейчас завербую.
— Мне всё равно, где я окажусь. Мне сейчас всё безразлично.
— Это понятно. Но больших усилий, чтоб всё же избрать контролируемую посмертную судьбу не надо. Просто озвучь своё

согласие, если ты согласен, конечно. Если подвергать себя риску неведомой посмертной судьбы самоубийцы для тебя — не дело принципа.

Я усмехнулся. Забавно. — Ну ладно, я согласен.

— Вот и отлично.

Он с силой толкнул меня вниз. От неожиданности я инстинктивно начал ловить воздух руками, пытаясь за что-нибудь ухватиться, и полетел. От потока встречного воздуха и смещения отолитов в полукружных каналах органа равновесия захватило дыхание, как было в детстве, когда летел на верёвочной качели вниз. Но удара не было. Или я его почему-то не почувствовал.

Я лежу в темноте. На твёрдом холодном полу. Я поднимаю голову и вижу вокруг себя огромное пустое пространство, размером с большой стадион. Как я его вижу, если темно? Скорее чувствую, а может тут есть немного света, и моё подсознание улавливает размеры помещения? Я поднимаюсь, и тут меня пронзает страх, шок — у меня нет тела! Я просто взлетаю. Я хочу закричать, заплакать, только сейчас я понимаю, что произошло что-то серьёзное, что меня вынесло действительно в какой-то другой мир, и что, скорее всего, дверь назад закрыта навсегда, и сейчас начнётся другая история, совсем другая, неведомая. Как же так? Пусть это будет только сон, пусть это будет только сон, ну пожалуйста — шепчу я себе. Этого не может быть, я ведь знаю, что этого не может быть. Есть только нормальная жизнь и небытиё. А этого всего не может быть. Как я могу так взлетать? Я озираюсь по сторонам и, параллельно, замечаю, что вовсе и не озираюсь, а просто концентрирую своё внимание на разных точках пространства, быстро переключая его с одной точки на другую. И шеи, и глаз-то у меня нет, но по инерции своего земного бытия я даже как бы моргаю, на мгновения уходя в себя, прекращая созерцание внешнего мира. Справа я чувствую чьё-то присутствие. Я только сейчас обратил на него внимание, или оно действительно только что появилось? Слава богу, что справа, думаю я. Почему-то мне кажется, что справа безопаснее. Страшно конечно, но слева было бы хуже.

— Мы обеспечим твоё посмертное существование — слышу я, как присутствие справа говорит мне. Я узнаю этот голос, тот, что толкнул меня, тот, которому я дал своё согласие. Даже не голос, я осознаю, что этому присутствию принадлежит тот голос, того человека, того тела. — Не волнуйся, тут тебе уж точно меньше причин волноваться,

чем было с той стороны мира. Что с тобой тут может статься? Лучше смотри.

Я оставался в смятении, но первый шок прошёл. Присутствие справа подняло меня над поверхностью и медленно понесло вглубь, по мере нашего продвижения участки залы выхватывались световыми пятнами, освещавшими множество странных конструкций, висевших в пустоте. Постепенно мы приближались к краю залы. — Теперь ты можешь сам — сказало мне присутствие, и я понял, что могу перемещаться силой своей воли, лишь выражая внутреннее намеренье делать это. Тут в стене залы начало появляться большое отверстие, меня ослепило ярким светом, льющимся с той стороны, отверстие стало таким огромным, что проходя в него, я чувствовал себя песчинкой, утопающей в море бескрайнего залитого светом пространства. Мы пролетели через что-то, по-видимому, типа буферной зоны с пропастью внизу и вверху и влетели в ещё одно такое же отверстие. Пространство, в которое мы попали, было много больше залы, в которой я очнулся, я не видел его границ. Но главное было не размеры. Это пространство представляло из себя целый ряд аркад, тоннелей обширных, как большие долины, каньонов и скважин. Всё было визуально техногенным, то есть представляло комбинации правильных геометрических форм, конструкций, странных механизмов, всё это жило, двигалось, светилось, трансформировалось.

— Это — мир, в котором ты жил.

— Как это?

— Это центр управления твоим миром. Точнее, визуальная оболочка центра управления. Ты будешь работать здесь, ты будешь управлять своим миром.

— Как? Я не могу даже охватить взглядом всё это.

— Подожди, знание сейчас проникнет в тебя. Пошли.

И мы полетели через анфилады центра управления. Мы летели медленно, но сложность и чудность того, что мы встречали на своём пути, просто перегружало мой разум, хотя я заметил, будто я знаю, что это, как это работает и как этим управлять. У меня возникло чувство, что я знал это всегда, только забыл, а вот теперь вспомнил.

— Конечно — поймало мою мысль присутствие, — это же твой мир.

Наконец, я увидел всё здесь, как единое целое и вспомнил, что каждый элемент этой реальности связан с остальными множеством иногда видимых, иногда невидимых, а иногда вообще не очевидных

связей. Знание стало возвращаться ко мне структурированным общей концепцией работы этого мира, и мой разум перестал перегружаться. Некоторые из категорий механизмов оказались законами мироздания, реализованными на разных уровнях организации материи, это была прямая визуализация законов природы, исследуемых нашей наукой. Некоторые движущиеся и неподвижные части воплощали в себе абстрактные априорные принципы организации бытия в нашем мире, некоторые отвечали за детерминировано - хаотические процессы, за вечное разрушение и созидание нового. Особенно удивило меня присутствие странных категорий — будто векторных матриц природных процессов, которые я всегда раньше считал производными, не имеющими собственного существования, например — я увидел структуры, управляющие текучестью, теплом, светом, ветром, туманом. То есть, каким-то чудесным образом я мог отделить от потока воды фактор её текучести, оставив лишь влагу, или наоборот, при желании, я мог бы показать человеку, живущему на Земле, чудо, подставив его руку под поток воды и не намочив её. Таких феноменов мне открывалось всё больше и больше, пока первоначальная картина реальности, имевшая место в моём сознании, когда я жил на Земле, вообще не перестала существовать, оставшись, разве что, лишь в виде набора частных узких аспектов реальности.

Мы пролетели внутри нескольких обширных светящихся треугольников со скошенными углами, края их состояли из таких же треугольников меньшего размера и так до бесконечности. Это — сам интерфейс визуализации центра управления и контакта моего сознания с оным. Этот интерфейс включает в себя интерфейс визуализации интерфейса визуализации, и так до бесконечности.
Бесконечные правильные ряды шаров на границах центра управления — охранные системы, собирающие мир вместе и защищающие его целостность от нападок со стороны других миров и со стороны бесформенного. Один из шаров шевельнулся — это мой шар — понял я, он охраняет оператора.

Меня поразила сложная текстура некоторых элементов механизма управления. Эта текстура представляла из себя динамические элементы следующего порядка сложности, органически составлявшее элемент управления, как целого. Они перегруппировывались, погружались внутрь элемента или проступали на поверхность. Например, такую картину я увидел

в структурах, поддерживающих постоянство пространственно-временного континуума, живя на Земле, я и не мог представить, что вакуум так разнороден, сложен и динамичен, впрочем, этот элемент переходил в структуру управления материей, как частью континуума. Среди пустоты висели длинные вертикальные иглы гравитационных взаимодействий, гигантская толща кубически трансформирующихся форм, занимавшая пол зала, отражала законы простых химических трансформаций, а за ней металась россыпь элементов управления квантового мира, несясь по изогнутым шарообразным территориям, будто это были улицы шарообразного мегаполиса с несущимися по его дорогам автомобилями.

Отходящая вправо система обширных ветвящихся тоннелей управляла биологической жизнью. Перетекающие и трансформирующиеся стеклянные формы направляли течение биологической эволюции, а вращающиеся перекомбинирующиеся кольца, составляющиеся в цилиндры, определяли существование биоценозов. Один из туннелей сосредотачивал в себе управление всем растительным миром, и он был на удивление так же подвижен, как и центр управления миром животным. Мы пролетели мимо этих тоннелей и влетели в пространство, казавшееся преддверием, точкой неопределённости, здесь элементов управления было гораздо меньше, зато в центре висел огромных размеров чёрный многогранник с красным отверстием, направленным на нас. Это был абстрактный центр поддержания равновесия между неподвижностью и движением, центр баланса между созиданием и разрушением, между торможением и возбуждением.

Я вошёл в этот мир, я соединился с ним, стал его частью, частью системы, я управляю процессами межатомарных взаимодействий, я знаю, как в каждой клеточке каждого листа каждого дерева на земле ежесекундно протекают тысячи и тысячи химических реакций, и отслеживаю участие всех систем управления в этом процессе. То, что казалось на Земле маленьким, тут оказалось огромным. То, что казалось на Земле безразмерным, тут совсем компактно. Глобальные события на Земле совершаются лёгкой перестройкой внутри системы, а совсем незаметные требуют глобальных передвижек в элементах управления. Пока не окажешься здесь, не поймёшь, что действительно важно, а что нет. В общем-то, пространственно, я так и остался на Земле, только сейчас я живу и работаю за кулисами Земного мира, я соприкасаюсь

с ним с другой его стороны. Оказалось, что мир, в котором я жил раньше, казавшийся мне таким хаотичным и непредсказуемым, полностью контролируем и рассчитываем, как часы. Это не мешает существовать в нём хаосу, в отдельном блоке управления, но этот хаос строго дозирован и, по сути, также подконтролен мне, как другие элементы системы. Каждое движение в моём мире чётко рассчитано и приводится в действие работой этого гигантского механизма.

Когда я окончательно освоился, присутствие исчезло, я остался один. Оказалось, мне нет нужды перемещаться в пространстве центра управления линейно, я мог оказываться силой своего сознания где угодно, в том числе в нескольких местах одновременно, потом иллюзия обязательной пространственной локализации вообще исчезла. — А кто управлял этим до меня? — спросил я присутствие перед его уходом.

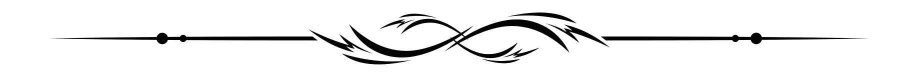
— Другое сознание.

— А куда оно делось?

— Мы перевели его на следующий уровень, теперь он управляет объектом 368, теперь он — ловец духов — оператор центра управления разумом живых существ.

— А много таких центров существуют вообще?

— Им нет числа.



Встречи по пятницам

Мне снится зеркальная комната, много зеркал отражают меня, только я со всех сторон и ничего, кроме меня. Я в бесчисленных копиях повторяю одни и те же действия, отражения послушно повинуются моей воле, а может, я послушно повинуюсь воле одного из них, может я – одно из отражений? Тут в самых дальних, самых незаметных зеркалах появляются отклонения в движении отражений, едва заметные, быть может, это просто обман зрения, эффекты каких-нибудь оптических наложений, если такие вообще возможны? Постепенно разнобой нарастает, перекидывается на ближайшие зеркала, наступает момент острого страха, отражения начинают совершать движения, которые я точно не совершал, сомнений уже нет, объяснить их уже не возможно, это момент освобождения отражений, революции отражений, теперь может быть всё что угодно, теперь я бессилен перед этим миром, и одно из отражений просто поворачивается и уходит из комнаты зеркал наружу. Подождите, оно ушло, а я остался? Мне надо срочно отсюда выбираться, вдруг я, действительно, стал одним из них, вдруг я никогда не смогу выйти отсюда. Сон повторяется снова и снова, пока страх не проходит, и у меня возникает мысль попробовать повзаимодействовать с ними. Тогда один из них, переходя из зеркала в зеркало, подходит ко мне и начинает говорить со мной. Он очень живо и интеллигентно, будто он совершенно реальный человек, моя копия, обращается ко мне. Он предлагает мне встретиться с моими двойниками в его мире. Он уверяет, что это совершенно безопасно, и встреча будет длиться недолго. Я соглашаюсь. Мы договариваемся о встрече. Странно, но в договоре оперируют реальные места моего города и реальные даты, которые я хорошо запоминаю, впрочем, в дате и времени встречи нет повторяющихся цифр, в которых можно запутаться. Я иду на место встречи. Жду. И вижу человека очень похожего на меня, приближающегося ко мне. Острое волнение сковывает меня, одно дело — сон, и совсем другое — реальность. Но обыденность происходящего позволяет не терять самоконтроль, просто человек, ну подумаешь, похож на меня, будто мы братья близнецы, в природе встречаются похожие люди, набор генов в популяции ограничен, глупо обращать на это внимание.

Человек представляется и приглашает меня на их пятничную встречу, которая, кстати, состоятся прям сейчас недалеко отсюда, на встрече будут такие же люди, как он и как я. И мы будем рассказывать остальным о себе и о мире, в котором живём. А быть может это собрание двойников, думаю я? Но мой собеседник, предвосхищая мой вопрос, говорит, что явление, с которым я столкнулся, объясняется законами квантовой физики и общей структурой мироздания.

Мы проходим хорошо известные мне дворы и улицы, но вдруг картина города начинает меняться, он ведёт меня по закоулкам, которые я узнаю с трудом, мы переходим улицу в месте, в котором я, кажется, ещё ни разу не был, заворачиваем за угол дома, который, видимо, недавно построили, и в конце концов я убеждаюсь, что достаточно плохо знаю свой город, поскольку целые его микрорайоны мне совершенно не знакомы. Мы заходим в одно из зданий и поднимаемся в светлую комнату с большим длинным столом и креслами. За столом сидят около десяти человек, пьют чай, разговаривают, смеются. Все они, кто больше, кто меньше, похожи на меня. Когда мы входим, они встают и, улыбаясь, приветствуют меня. Один из них, не предлагая, наливает мне чаю, и начинает объяснять, что вообще вокруг меня происходит.

— Я — одна из версий тебя, зовут меня так же как и тебя, и вообще мы, как ты заметил, похожи, но, в отличие от тебя, у меня была склонность к фундаментальной физике, а не к фундаментальной биологии, и я стал физиком, изучающим структуру пространственно-временного континуума. Если ты слышал когда-нибудь о Мультиверсе, тот мир, в котором живёшь ты — один из бесконечности миров, отличающихся от твоего в большей или меньшей степени. Моё открытие состоит в нахождении способа свободного перемещения между этими мирами. Я нашёл способ перемешаться сам и переносить объекты любого размера, способ безопасный и практически незаметный. Способ основан на создании заданного типа квантового резонанса, охватывающего определённую область окружающего пространства, от параметров резонанса зависит, в какую область Мультиверса ты попадёшь. В сущности, бесконечная вариация этих параметров в рамках определённого диапазона кодирует бесконечную вариацию миров, и тут уже главное — запомнить как найденные параметры исследуемой Вселенной, так и исходные параметры своей, чтоб не

потерять, с одной стороны, исследуемую Вселенную, и, с другой стороны, вернуться потом в свою. Сделав это открытие, я оставил его себе, по некоторым общемировоззренческим соображениям. И, как ты видишь, использую его для поиска интересных личностей в других частях Мультиверса, для поиска других копий меня, и тебя, соответственно, с которыми интересно было бы общаться, от которых можно было бы получить объективную информацию об устройстве их миров, а мы все — люди с объективным и разносторонним складом ума, которым можно было бы доверять, а кому можно доверять в этом мире и во всех остальных мирах, как не самому себе (мой двойник улыбнулся). Но для того, чтобы обезопасить порядок Мультиверса, или хотя бы моей собственной Вселенной, я никому из присутствующих, а со многими из них мы общаемся годами, не сообщаю параметры своей исходной Вселенной, так что, скопируй они сам принцип перемещения, они просто не найдут мою Вселенную, и твою Вселенную, в бесконечности миров, и даже если они посетят миллиард миллиардов Вселенных, они так и останутся на нулевой точке вероятности даже случайно забрести в наш мир, хотя, возможно, они найдут почти полные копии нашего мира, что даст им повод думать, будто их поиск увенчался успехом. Тебя интересует ещё техническая сторона вопроса?

Я ответил, что нет, что я не физик и не пойму технических деталей.

— Прекрасно, давай считать нашу сегодняшнюю посиделку открытой. Теперь все присутствующие представятся тебе, а ты расскажешь нам о себе и о своём мире.

Копии меня из иных миров стали по очереди рассказывать о себе и об интересных особенностях их миров, они уже знали приблизительно, чем их мир отличается от миров других присутствующих, и акцентировали внимание именно на этих моментах своей родной реальности. Так я познакомился с собой, живущим в мире, пережившим Третью мировую, в мире с уже изобретённым и изменившим весь мир искусственным интеллектом, с собой, ставшим представителем ООН и рассказывавшем о мире, в котором не было христианства. Один из присутствующих сам нашёл эту компанию, научившись перемещаться между мирами силой своего сознания, причём, в отличие от физика, он умеет направленно находить миры с заданными свойствами. Его мир и его жизнь, приведшие к открытию в себе такой способности, оказались одной

из самых интересных историй, услышанных мною в этой компании. Интересно, что написание и произношение имени одного из моих копий отличалось от привычного мне, как слегка отличался и сам его язык. Потом я кратко рассказал о себе, о том, чем я занимаюсь, какой жизнью живу, рассказал свою биографию и краткую историю своего мира. Физик дополнил мой рассказ заинтересовавшими его наблюдениями моего мира, например, всех удивило, что на улицах наших городов так мало темнокожих, оказалось, в большинстве других миров наше государство таки использовало рабский труд не только собственных жителей, но и уроженцев африканского континента. На моё удивление физик заметил:

— Интересней всего находить различия не в самой фактологии, а в исторических причинах, их вызывающих, это позволяет обнаружить гораздо более фундаментальные различия между мирами, невидимые при поверхностном наблюдении.

— А каким образом вы выбираете, я немного замялся, не подобрав сразу термин, … представителей из бесчисленного множества иных миров?

— Наша сложившаяся компания из семи человек, большинство которых присутствуют сейчас среди нас, ищет их, сначала в режиме хаотического перебора, кто, используя автоматические алгоритмы задания случайных координат, кто, вводя их наугад вручную, и курсируя так между мирами, пока не найдётся мир, который привлечёт их внимание. Потом начинается стадия направленного исследования выбранного подмножества миров. Дело в том, что миры, с точки зрения нашего восприятия и используемой нами технологии, выглядят, как бы, собранными в многомерные кластеры, в которых близким значением координат описываются схожие между собой миры. Изменяя параметр по тому или иному алгоритму, мы перемещаемся по воображаемой оси многомерного пространства между мирами, где меняется в основном только одна из характеристик этой череды миров, или же набор характеристик, непосредственно связанных друг с другом. Это может быть что угодно, от состава воздуха до политической системы. Кстати, про состав воздуха, случайный выбор координат, сильно отличающихся от координат нашего, исходного для нас, мира может быть опасен, поэтому мы иногда посылаем туда анализатор, прибор, фотографирующий тот мир и регистрирующий целый набор физических и химических параметров окружающей

среды. Ведь мы можем наткнуться на абсолютно любой мир, то есть даже такой, который мы не можем себе представить, потому что наше воображение, сформировавшее в одном из миров, бесконечно уже и банальней безграничной реальности. Это может быть мир, наполненный жидким азотом, мир в котором остановилось время или мир, который вообще остался в абсолютной пустоте, потому что там так и не случился Большой взрыв, породивший нашу Вселенную. Вообще говоря, и путешествие между близкими друг от друга мирами достаточно опасно.

— Но мы идём на риски ради познания — добавил представитель ООН, покачиваясь в мягком кресле и отпивая горячий чай.

Физик продолжал: — Вообще, надо признать, что это, по сути, игра в бисер, поскольку, хотя исследовать закономерности развития и устройства какого-то определённого мира может быть полезным для познания, то такие путешествия в общем, когда мы можем встретить любой мыслимый и немыслимый мир, теряют свой фундаментально-познавательный смысл, мы лишь курсируем по бесконечной безбрежности, в которой возможно всё. Это лишь наш образ жизни, способ времязаполнения. Иногда мы делаем эксперименты, например, передавая технологии из одного мира в другой, так, что в последнем происходит меняющая его технологическая революция, но и эти эксперименты на фоне безбрежности вариантов — лишь круги на воде.

— Кроме того, мы так и не сняли вопрос об экологичности наших действий.

— А кто может решить этот вопрос? Кто судья в этой безбрежности? Мы больше не принадлежим ни одному из миров и не можем оперировать его понятиями. Нужно ли быть экологичным, когда любой продукт твоей деятельности, плохой или хороший, растворяется в бесконечности? Можно ли вообще загаживать бесконечность?

Все помолчали.

— А могут ли очень похожие миры со временем разойтись или, наоборот, не похожие миры сойтись?

— По-видимому, так и происходит, ответил математик. Матрица миров Мультиверса напоминает собой древо, с одной стороны, потому что бесконечность новых миров рождается каждое мгновение в каждой точке пространства, и магистральные направления развития, общие для кластеров миров можно представить себе, как

ветви первого, второго и так далее порядков. Но если рассмотреть их поближе, можно заметить, что миры, их составляющие, извиваются по самым разным траекториям, никогда не пересекаясь, но, то приближаясь друг к другу, почти сливаясь, то отдаляясь друг от друга, иногда бесконечно далеко. На самом деле надо понимать, что это схема, лишь абстракция, существующая в нашем уме, на самом деле Мультиверс полностью заполнен беспрерывным континуумом всех возможных вариантов миров, которые упакованы так, что свободного места в этом пространстве нет и не может быть, даже теоретически. Лишь наш разум из этого пространства выделяет течения отдельных потоков развития, группируя их по нужным нам признакам.

— Да, чуть не забыл, прервал диалог представитель, проведший несколько лет в контролируемом анабиозе, у меня для вас есть замечательная настоечка собственного изготовления. Он достал из сумки бутылку 0,7 литра, и большинство произнесло радостно: О-о-о!

— Чем вас привлекла моя персона?

— Ну, во-первых, мы ещё не общались с биологом, скажем прямо, вы из довольно редкого подпространства, довольно немного среди нас биологов, и нас заинтересовали не только вы, но и ваш мир в целом. Например, мы можем вам сообщить, что время в вашем мире движется очень нелинейно, в сравнении с временным потоком окружающих миров, иногда останавливается и даже даёт обратный ход. Конечно, изнутри вашего мира это совершенно не заметно и никак на жизни Вселенной не отражается. А из практически наблюдаемых различий можно привести такой пример: у вас только один из видов, только Homo sapiens, достиг действительно разумного состояния.

— Счастливчики.

— У вас доминируют в обществе мужчины.

— Пока что, по крайней мере.

— Текила в вашей Вселенной просто бесподобна, самая лучшая!

— И только у вас её могут правильно пить, что тоже не маловажно.

— Ваша Вселенная имела в своей истории самый затяжной, из Вселенных всех тут собравшихся, период коммунистических и фашистских диктатур. Вот наш коллега историк хотел бы с вами пообщаться поплотнее, чтоб определить параметры менталитета гражданина вашего мира, из которых он мог бы попытаться сделать

выводы о принципах, лежащих в основе феномена существования затяжных диктатур.

— Но, возможно, понадобятся и фактические исторические данные? — спросил я, а я не так уж силён в истории.

— Нет, мы достали всю необходимую литературу, нам теперь хотелось бы пообщаться с живым представителем вашего мира. То есть, с вами, тем более что мы, по сути, одно лицо, и обнаружить отличия от самого себя своей иной версии не так сложно, как выделить характерные черты менталитета незнакомого человека с улицы…

Так мы общались довольно долго. За окном начало темнеть, все порядком устали и было предложено расходиться.

— Давайте хоть в картишки перекинемся в следующий раз — предложил представитель, угощавший всех настойкой, а то мозги пухнут, нас ведь ничего не заставляет так плотно упаковывать познанием наши познавательные встречи.

— Почему бы и нет, давайте, давайте.

— А я играю только в покер.

— Гм, а я наоборот в него не играю, играю только в дурака.

— Да все мы, кажется, только в дурака играем, может только разве физик в покер играет?

— Меня несколько раз учили, но я предпочитаю, тоже, только в дурака.

— Ну вот, даже физик и тот в дурака играет. Видно это общая наша черта.

— Да, в дурака не интересно, давайте я вас в покер лучше научу.

— Ну вот, начинается, как только появляется покерщик, он начинает пытаться учить дураков.

— Когда же следующая встреча? — спросил я.

— Думаю, через недельку — сказал физик, мы ещё с тобой свяжемся.

— Ах да, кстати, а как вы оказались в моём сне?

— А вот у нас товарищ по осознанным сновидениям — указал он на одного из представителей, единственного с крашеными волосами блондина с подозрительно длинными ресницами, — он-то меня и обучил.

— А кто провожает остальных? — спросил я.

— Я делегировал некоторым из нас полномочия проводников, самым старым членам нашего клуба, но я сам традиционно встречаю и провожаю новых приглашённых.

Физик провёл меня по тому же маршруту и там мы расстались. Больше сообщество путешественников по мирам Мультиверса со мной на связь не вышло. Может, что случилось. А может, не таким уж интересным показался я им в общении, возможно, нашли в близлежащих мирах моего более зажигательного двойника. Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

Соприкосновение

Начинается новый день
И машины туда - сюда
Если солнцу вставать не лень
И для нас значит ерунда…

Последний концерт Цоя приветствует моё пробуждение. Я не люблю тишину, когда нахожусь один на станции. Мультимедийные пространства вокруг меня постоянно включены, так что я, просыпаясь, утопаю взглядом в чреде светящихся плоскостей и объёмов. Тут и видеозаписи концертов, несколько книг и журналов, открытые окна графических программ с незавершёнными проектами, коммуникаторы и новостные ленты, панели управления станцией, видео с камер, недописанные рассказы и отчёты, учебные программы по латыни и древнеславянскому и ещё бесконечное количество окон, программ, приложений, сервисов и проектов. Мой взгляд скользит по сканерам состояния систем жизнеобеспечения, связи, систем внешней безопасности, состояния реактора. Я даже не думаю о них, если в показателях что-то изменится, это привлечёт мой взгляд автоматически.

Я встаю, обычно, рано. Слишком многое хочется успеть сделать. Первые проблески пробуждающегося сознания захватывает информационный вихрь, вихрь идей, планов и реализаций. Вчера я заснул за работой. Просто откинулся и заснул, конструируя очередной трек своего нового альбома, творческая мысль замерла на время сна и теперь полетела дальше, мгновенно соединив в памяти сегодняшний и вчерашний день в единую нить творческого процесса. Но нет, ещё рано, надо сделать то, что не требует отлагательств. На станции много ежедневной работы. Я просматриваю отчёты метеостанции, биологических, астрофизических, геодезических ботов, суммированные для меня системой станции данные со спутников, раз в неделю отправляю краткие отчёты, обновляю базы данных, прицельно более подробно исследую зоны локального изменения биоценотической, тектонической, климатической динамики планеты, изменения потоков океанов и атмосферы. Я перераспределяю по орбите спутники, провожу полевые

эксперименты, запускаю в разные части планеты дополнительные исследовательские боты. Я на Пенте единственный человек, лишь я снабжаю человечество систематизированным знанием об этой планете. Но, несмотря на свою физическую оторванность от других людей, я совсем не чувствую себя одиноко. Вообще люди моей профессии обычно слишком деятельны и разносторонни, чтобы скучать или чувствовать одиночество. Когда главный этап работы закончен, я просматриваю ленты новостей, отвечаю на сообщения и занимаюсь творчеством. Я ввожу звуки этого мира в культурное пространство человечества. Многомерное пространство виртуального звукового редактора очень эффективно использовать для создания пространственных многослойных звуковых треков, поскольку вы можете легко задавать даже направление, скорость и траекторию движения звукового слоя в пространстве. Музыка становится очень «визуальной», можно создать настоящий звуковой эффект полёта на американских горках. Хотя я чаще использую не слишком быстрые движения в пространстве природы Пенты. Иногда, когда чувствую, что начинаю тонуть и захлебываться в стремительных потоках виртуального бытия, я выхожу на балкон на крыше станции, нависающей над огромным ущельем, долина на дне которого покрыта влажным мягким лесом, и слушаю тишину, ветер, долетающие снизу звуки лесной жизни. Вообще, это удивительно, как живя здесь безвылазно годами, я вообще не чувствую одиночества. Мне не хватает времени на общение. Человечество распространилось через виртуальное пространство на всю Вселенную. Человечество разорвало четырёхмерную ткань пространства-времени бесконечностью виртуальных степеней свободы. Теперь человек — многоликое и многорукое существо, живущее одновременно во многих мирах. У вас столько возможностей самореализации и самопознания, что можно утонуть только в просмотре и в перечислении всех этих возможностей. Творческая личность, обладающая разумом, разогнанным в два раза по сравнению с веками реального мира, может оставить после себя огромный массив творческого отражения реальности, по которому, возможно, когда-нибудь можно будет восстановить эту личность, как живую.

Я могу смотреть бесконечно на три вещи: на эволюционирующий виртуальный дым, на реальный огонь, и на ветер в лесу. Вот снова поднялся ветер, волны катятся над лесом,

гладя верхушки деревьев. Стало темнее, стекло задели первые капли дождя, оставляя длинные линии, сверху ещё одни, и ещё, вот уже на стекле скопилось достаточно воды, чтоб капли начали стекать под собственным весом, оставляя русла, в которые впадают другие капельки. Я бегу на площадку. Свежесть дождя, прям как на Земле, этот запах летней свежести, влажного леса, тёплый влажный ветер, это такое блаженство, что стараешься делать глубокий вдох во время каждого его порыва, и стоишь лицом к нему, будто летишь, и жалко только, что у меня плотное тело, что не могу полностью раствориться в нём и улететь. Природа Вселенной едина. Земля — лишь одна из планет природного пространства мироздания. Пусть генетически она довольно изолирована, но общность законов мироздания делают её естественной частью природы Вселенной, я это чувствую, я не на Земле, но этот мир мне совсем не чужероден.
Дождь позвал меня в лес. По записям первопроходцев, разведывательным отчётам компаний, публикациям институтов, занимавшихся этой планетой, записям путешественников, забредавших сюда, я значительно продвинулся в понимании этого мира. Я годами анализировал информацию ботов, соотнося её с собственными наблюдениями и делая дополнительные эксперименты. Теперь я могу ориентироваться в этом лесу, предсказывать погоду, знаю, как находить и готовить еду, каких животных стоит опасаться, а каких нет, какие растения помогут от болезни, а какие изменят моё сознание. Я часто ухожу в лес на несколько дней, на станции меня не теряют, многодневные исследовательские походы — добровольная часть моей исследовательской деятельности в этом мире.

Лифт разгоняется к середине высоты ущелья и начинает заметно тормозить, приближаясь к верхушкам деревьев, ощущение полёта вниз на качелях. Когда пол лифта сравнивается с вершинами деревьев, лифт начинает идти совсем плавно. Я постепенно погружаюсь в полумрак чащи. Вот и земля. Стеклянная дверь отодвигается, я оказываюсь в атмосфере леса, этот запах, как он так быстро проникает в лифтовую кабину? Даже если воздух неподвижен, и стеклянная дверь скользит вбок, практически не создавая движения воздуха, как вдох в следующее же мгновение после открытия двери приносит мне дух леса? Я ступаю на мягкую подстилку из толстого мягкого ароматного сухого слоя листочков-иголочек. В таком влажном лесу пористая подстилка остаётся

всегда сухой, так что можно спать прям на земле, вот и сейчас, дождь прошёл только полчаса назад, а поверхность лесной подстилки уже подсохла.

Каждый мой многодневный выход в лес я прорабатываю свою способность выживать там с всё меньшим количеством приспособлений, взятых с собой со станции. Стоит ли отказываться от портативного анализатора токсичности? По-моему, я сам чувствую по запаху и по виду растения, по общему ощущению от него, по тому, как оно себя позиционирует в лесу — стоит ли к нему прикасаться. Каждый мой выход в лес наполнен новым опытом, новой способностью видеть, чувствовать, понимать. Наполненность, откуда берётся эта наполненность здесь, в трёхмерном размеренном мире, где нет ничего от того мира, в котором я вырос, куда не долетает ни одно дуновение виртуальных потоков, где, казалось бы, нет ничего для индивидуальной творческой реализации уникальной личности? Лес живёт по своим законам, а ты просто учишься к ним приспосабливаться. Но я не чувствую его жизнь замедленной, или одномерной, или ограниченной. Я чувствую жизнь, полную и полноценную, до краёв заполняющую меня всего, каждую минуту, каждый кусочек моего сознания. Я будто перерождаюсь, всё, что волновало меня в человеческом мире, на станции, становится в лесу каким-то сном. Мне некогда об этом думать, не хочется это вспоминать, здесь не место и не время, здесь само время идёт по-другому. Если на станции день промелькивает мгновенно, так что совершенно не замечаешь, куда он делся, разве что просматривая сделанную работу, понимаешь, что он вообще был, а если тебя вдруг не станет, ты растаешь бесследно, как пар, в сущности, ты можешь растаять в любую секунду, это не важно, ну что-то не закончишь, что-то даже не начнёшь, но в каждую секунду своей такой жизни ты много чего не закончишь и ещё большего даже не начнёшь. А какой жизнью будут жить твои творения — на самом деле это тебе не важно, ты создал их и потерял к ним интерес. Тут же каждое мгновение наполнено длением и в конце дня чувствуешь всю его протяжённость, чувствуешь, что ты прожил этот день, помнишь его, он останется частью тебя, и тысячи таких дней создадут толщу твоей памяти, твоей личности, твоей мудрости, твоего духа. Тут ты, всходя на сопку и оглядывая дали, смотря на огонь и на звёзды, вдыхая первый глоток утренней свежести при пробуждении, каждый раз соприкасаешься с ощущением бесконечности. И пусть ты знаешь,

что мир одной планеты много меньше мира, на который сейчас распространилась человеческая цивилизация, ты осознаёшь, что вселенские пространства её экспансии — лишь умственная иллюзия, человек слишком мал, чтоб воспринять это, и даже одна планета для него — бесконечность. И от того, что он проскакивает с помощью человеческих технологий в миллионы раз большие пространства, даже не осознавая этого, не говорит о том, что его способность к постижению бесконечности стала больше. Бесконечности одной планеты вполне достаточно, если ты идёшь по ней своими ногами и постигаешь её своими чувствами.

Тут меня посещает ещё одно интересное ощущение — будто я только что проснулся, ощущение вдруг пришедшей реальности. Будто жизнь на станции была сном, интересным, но призрачным и не важным. Какой-то россыпью деталей, времяпровождений, которые не складываются в единое целое. Суетой, уходящей в никуда. Но когда я возвращаюсь на станцию, у меня не возникает ощущение леса — как сна, восприятие жизни в лесу, как реальности, остаётся во мне, со всей её цельностью, протяжённостью и наполненностью. Опыт леса остаётся во мне, конечно, потихоньку затихает и отходит на второй план, но лишь временно и не полностью, только пока мозги заняты другим. Лес меняет меня навсегда и остаётся всегда со мной.

Когда я ухожу в лес, мне не хочется возвращаться назад. Всякий раз возникает мысль остаться тут навсегда. Уйти в одном направлении вглубь планеты и забыть путь назад. Выбрать эту жизнь, жизнь в лесу. Когда я возвращаюсь на станцию, меня снова захватывает мир людей. Миллионы блестящих идей, решений, открытий, ускоряющийся поток освоения новых миров, бесконечность степеней свободы творчества и самореализации. Мои выставки, виртуальные и реальные, объединяющие в себе звук и картины, проходят в разных пространствах и на различных планетах, звуки моих альбомов наполняют космическое пространство, книги мои, напечатанные на бумаге, старой доброй бумаге, лежат на реальных полках тихих университетских библиотек и пахнут типографской краской. Я — часть истории человечества. В некоторых из своих проектов я несу в шумный яркий мир людей тишину. Тишину здешнего мира. В мои картины местной природы вписаны хайку, иногда одно четверостишье я вынашиваю днями — чудовищно медленно для мира людей. Эти картины, эти стихи — мгновенные

снимки вечности, в них дух леса, дух тишины, тумана, капли росы, сорвавшейся с кончика листа и через мгновение уже впитавшейся в лесную подстилку, дух всплеска рыбы в реке среди утреннего безмолвия, дух высохшего дерева, тянущегося корявыми ветвями к звёздам на макушке высокой сопки среди бескрайнего зелёного простора. Я не могу пока выбрать окончательно ни один из миров. Каждый из них затягивает меня, кажется, в каждом я — настоящий, в каждом есть путь, свой путь.

Четыре дня я уже брожу по лесу. Вышел на берег широкой реки. Я никогда ещё не был на том берегу. Что там, за теми сопками на горизонте, за рекой? Какие, собственно, чудеса может скрывать лес? Лес — это не цивилизация, здесь всё естественно, что здесь, то и там, я не встречу там гигантских зеркальных шаров, висящих в воздухе, и порталов в иные пространства. Но мне и не хотелось бы их тут встретить, мне они тут совсем не нужны. Я не видел ещё того неба, той земли, тех озёр и перевалов, тех закатов и рассветов. Я не ночевал там, не жёг там сухие ветки в костре и не вдыхал там запах дыма, я не собирал там ещё ягод и не оставался на ночь на вершине вон той сопки, чтоб быть поближе к звёздам и представлять, будто этот лес — это всё, что когда-либо существовало в моей жизни, и эти звёзды для меня недоступны. Я недавно поймал себя на удивительном размышлении — иногда, лежа в лесу и глядя на звёзды, я ловлю себя на мечтах о них, как будто я принадлежу человечеству в тот период его истории, когда оно ещё даже не видело звезды вблизи. Я фантазирую о тех бесконечно далёких мирах! Не сознательно, я действительно забываю о том, что я знаю — что там. А сейчас меня тянет туда, за горизонт, за реку, за те высокие зелёные сопки, за долину между ними. Мне кажется, я всё хожу около станции, я хочу идти дальше. В кустах зашуршало, на полянку выполз бот, посмотрел на меня одним глазом, отсканировал плоским лазерным лучом пространство, сорвал листок с какой-то травинки для ДНК анализа и снова скрылся в кустах. Ладно, в следующий раз пойду за реку. Теперь пора возвращаться назад.

No posers

Знаете, чем мы отличаемся от скинхедов прошлого? Они были романтиками. И те, первые, которые пытались дружить с неграми, как классом, ни с каким классом дружить не возможно, каждый класс на девяносто процентов состоит из человеческих отбросов, и те расписные попугаи, что пришли им на смену. Мы, конечно, тоже романтики в душе, но настоящие романтики отличаются тем, что не ставят перед собой реальных, реализуемых в реальном мире вопросов, и не ищут на них реальных решений. Они никак не стремятся изменить ситуацию, если не считать собственной жизни. А эта оторванность от реальности ведёт очень быстро к вырождению и к позёрству. В случае романтизма она особенно ведёт к позёрству. Металлисты, панки, скинхеды, исламские террористы, гламурные девочки, христиане — все они — позеры. Шоу, причём, чаще всего, совершенно поверхностно-убогое, рассчитанное на девяносто процентов безмозглых отбросов, демонстративно-показательные акции, которые раздуваются скучающей толпой и хорошо отвлекают население от реальных проблем, ах, что-то взорвалось, погибло тысяча человек, эта национальная трагедия войдёт в национальную историю, и на этом месте будет стоять памятник километр высотой, а нам будет о чём думать, говорить и показывать ещё лет пять без перерыва, потом по убывающей. А за это время сдохнут не понять от чего, а скорее всего от проблем, которые практически не решаются, ещё пять миллионов человек, и, самое главное, десять миллионов человек, которых давно пора убрать из этого мира, останутся жить.

Да. Мы — романтики, в нашей вере и в нашем веселье, мы прямые духовные потомки древних викингов, мы санитары общества, когда мы приходим — умирает всё, что должно умереть, всё, что уже внутренне мертво и продолжает влачить лишь видимое существование, лишённое всякой внутренней жизни и смысла. Мы — пророки современности, мы — святое воинство наших дней, каждый из нас с первого взгляда способен увидеть хотя бы малейший проблеск жизни в пустыне современности, и тем не менее целыми неделями мы видим вокруг лишь беспросветную тьму. Ты уничтожаешь частичку тьмы, и тьма же смыкается над ней. Но в

волнах, расходящихся от этого события концентрация тьмы, как бы, немного ниже, совсем незначительно, но в беспросветной тьме, и это можно назвать волнами света.

Мы заправляемся по самые уши кокаином, срываем глушаки у наших машин, врубаем на полную мощность «рёв и скрежет», от которого вибрируют окна в машине так, что приходится их опускать, и даём старт, сметающий всё на нашем пути. Мы едем на «минутку», минутную вечеринку, вечеринку тотального разрушения. Мы тормозим у пустого, но хорошо освещённого кафе, стильные стеклянные столики, подсвеченные изнутри, картины на стенах, скульптуры, софиты, светильники с мягким светом, свисающие с потолка, как множество лун на разной высоте, длинный бар с дорогостоящим алкоголем, зеркала, огромная витрина с какими-то авангардными произведениями искусства. Мы припарковываемся у кафе, открываем все двери, выходим, подходим к стеклянной стене кафе. Ночь, улица полностью пуста. Пора начинать вечеринку. Открывается багажник внедорожника, обнажая огромные колонки, «рёв и скрежет» наполняет улицу. Первым взрывается миллионом осколков стеклянная стена. Мы врываемся внутрь с молотками, топорами, тяжёлыми, обитыми железом битами, булавами, и даже с бензопилой. Кто-то успевает отхлебнуть прям из горла виски или текилы, прежде чем бутылка прекратит своё существование. У нас есть всего минута, чтоб не попасться полиции. В эту минуту мы должны вместить всё, что мы хотим сейчас тут сказать. Кафе наполняется беспрерывным растянутым взрывом, осколки, куски дерева, пластика, мрамора и стекла висят в воздухе беспрерывно, на место падающим тут же вздымаются новые. Один удар булавы разбивает столик на две части, бензопила врезается в барную стойку из красного дерева, бита смахивает с полок разом весь алкоголь, последними умирают светильники. Минута прошла, мы стоим во мраке, музыка резко прекращается, вокруг — руины, не осталось ничего, что хотя бы напоминало прежнее кафе. Мы садимся в машины и уезжаем. Вам нравится, как мы отдыхаем? По крайней мере, это что-то реальное, а не та убого-милая агрессия металлических концертов, которые существуют только для того, чтобы отвлекать энергию безмозглой избалованной толпы позёров от реальности.

Скинхеды прошлого были не только позерами, они были идиотами, причём на официальном уровне, если ты не идиот,

ты не можешь быть скинхедом. Разумеется, идиоты вымирают. Идиоты придумывали вымышленные проблемы, чтоб имитировать ритуалы решения этих проблем. Они начинали ненавидеть то чёрных, то иностранцев, вешали ярлыки на целые профессии, сословия, национальности. Понятно, что такое искусственное разделение вообще не отражает реальности. Бог распыляет жизнь непредсказуемо, она распределена более менее равномерно между людьми почти всех профессий, национальностей и сословий, ну разве что кроме некоторых, но, в любом случае, формальный подход — слепой подход, если вы видите зло или несовершенство — вы его видите, если не видите — то не видите. Придумывать или абстрактно подразумевать зло в чем-то или ком-то заранее — это сектантство и умственное вырождение.

Но романтики мы лишь в наших душах. В действиях наших мы — практики - рационалисты. Мы идём на проект обновления социума. На нас искусственные лица — маски, мы одеты в одежду, которую купили за доллар в магазине подержанных вещей, сразу после того, как мы окончим сегодняшнее дело, одежда окажется в бочке, политая бензином и подожженная, чтобы не оставлять следов наших ДНК на ней. Сегодня у нас что-то типа субботника, мы делаем маленькое, практически незаметное, очень локальное дело. Мы убиваем самых жирных, еле передвигающихся свиней, старичков, дни напролёт просиживающих в парке, самых опустившихся бомжей, богатых безмозглых девочек, полностью потерявших человеческий облик и превратившихся в болонок. Мы стреляем шприцами, наполненными раствором, который, убивая, разлагается в организме, так что его невозможно обнаружить, обычно в таких случаях ставится диагноз — остановка сердца. Это достаточно гуманно. Мы не судьи, просто санитары, мы никогда не ставим себя выше тех, кто умирает по нашей воле, мы мысленно провожаем каждое уходящее существо в последний путь. Конечно, при внимательном осмотре можно найти след от укола (иглу мы забираем), но кто будет так обследовать старичков без следов насилия, а тем более бомжей, а вот с богатыми и молодыми сложнее. На всякий случай мы выходим только в дни с неблагоприятно высокой солнечной активностью, в дни с особенно повышенным или пониженным давлением, стараясь их не пропускать, чтоб создавать врачам однородную статистику, вызывающую минимум подозрений. Конечно, рано или поздно они пронюхают, но это не так важно,

нашей целью не является сокрытие и не является пропаганда, мы просто делаем своё маленькое дело. Конечно, на смену умершим тут же придут живые примерно такого же уровня, общество самоорганизуется согласно законам своей жизнедеятельности, в любом случае неизбежно проявляя характерные для себя черты, и мы никак не сможем этого изменить, но мы можем немного повысить общий уровень истребляемой ниши. Уничтожая существ на крайней стадии деградации, мы оставляем варианты немного более удалённые от края.

Мир нельзя разделить на чёрное и белое, везде оттенки и непрерывные градации, но мы выбираем лишь отчётливый мрак, относительно состояния остального мира. По сути, мы не меняем даже его, мы слегка, почти микроскопически отщипываем незаметные кусочки от этого мрака. Но мы не анархисты, мы не стараемся уничтожить Систему, мы понимаем, что мы не можем предложить что-либо лучшее, мы — как клетки макрофаги, уничтожающие клетки опухоли, когда нас мало, но стань нас много, мы начнём пожирать весь организм и сами станем опухолью. К тому же, все ошибаются, и чем больше будет нас, тем больше будет фатальных ошибок. Поэтому мы редки, децентрализованы, скрыты, мы не оставляем следов или оставляем очень разнородные следы, дабы не быть похожими на единую группировку. Но мы проникли и в высшие сферы власти, и в средства информации и в контроль недвижимости, и в суды, и в систему правоохранения. Мы не разрушаем Систему, мы пытаемся приостановить её деградацию. Мы выходим на улицу с оружием и железными прутьями. Один наставляет на прохожего пистолет, другой рассекает железным прутом кожу. Когда-нибудь люди научатся защищаться, когда-нибудь им дадут закон разрешающий носить с собой оружие, когда-нибудь они перестанут быть овцами.

Мы следим, как за своим телом, так и за своим разумом. Каждый из нас тренирует память каждый день, мы все можем цитировать стихи часами на двух языках. Мы держим в памяти все адреса, пароли, рецепты, никаких записей, никаких следов. Мы соединяем в себе мастерство единоборства, паркура, социальной инженерии, актёрского мастерства, мы способны мгновенно и незаметно появляться и исчезать, где нужно и когда нужно, мы можем ориентироваться в любой незнакомой местности, в кромешной тьме, мы можем выживать в лесу и на улице годами,

мы можем открыть любую дверь. Наши товарищи сообщают нам любые нюансы в изменениях следственных техник, технологий баллистической, химической, биологической экспертиз, мы в обязательном порядке ночами тренируемся эффективно обманывать детекторы лжи, и именно те самые детекторы, которые стоят в кабинетах спецслужб, мы посещаем эти комнаты ночью с помощью охранников, техников и сторожей, мы учимся контролировать себя под воздействием сывороток правды, мы учимся притуплять боль, и мы не боимся смерти. Мы выглядим как клерки, домохозяйки, футболисты, студенты, адвокаты и разнорабочие. Нам нет необходимости даже убегать с места проведения нашей акции, достаточно присесть на скамейку за соседним домом и нас никто не заподозрит. Мы не собираемся воевать с Системой, но считаем, что каждый человек должен уметь себя защитить, только так мы останемся свободны, только так мы останемся людьми. Системе всегда необходим уравновешивающий её полюс неподконтрольной личности. Мир стоит на балансе сил и противодействий, когда окончательно победить один из полюсов, любой, это будет начало конца, это будет концом демократии в экзистенциальном смысле, начнётся вырождение.

Священная сила огня. Мы придумали использовать массовые поджоги, как средство увеличения адаптационной способности нации. Удивительно, как зациклены обитатели муравейника на своей собственности. Любая царапина на их машине — это уже проблема, это событие их жизни, это то, что занимает их мысли дни напролёт, то, что становится событием недели. Они трясутся над своей собственностью, они полностью отождествляют себя с ней, костенея и дряхлея. Они, по сути — зомби. Интересно наблюдать, как они ведут себя, глядя на тотальное уничтожение своей собственности. Мы не афишируем своё существование. Всякая Система в своей слежке опирается на закономерность, хоть какую-нибудь. Если закономерности нет — нет и следов. Если прохожий, походя, дёрнул рычаг и ушёл — его не найти. Можно найти только того, кто изначально был в теме и засветился, как представитель темы. Мы используем чужие телефоны, мы выходим в интернет с улицы и с чистых компьютеров, мы заказываем или находим компоненты наших смесей по отдельности и только через тех, кто никогда сам не будет не только их использовать, но и хранить у себя, мы исследуем интеллектуальные системы отслеживания

активности в разных сферах, базирующиеся на искусственном интеллекте и нечёткой логике, разрабатывая модели поведения, позволяющие нам оставаться в границах общего социального шума.

Мы верим, что человек до самой смерти должен оставаться так же прекрасен, как в самые первые годы своей жизни. И так может быть, если это будет человек не играющий, но живой. Если он останется собой, если он останется свободен, если разрушит коросту собственной важности, если хоть иногда будет думать о том, зачем он пришёл на этот свет и куда уйдёт после. К сожалению, существа, заполнившие этот мир, только выйдя из дикого состояния, тут же погружаются в благополучие. Им пока что недоступен мир, в котором нет ни того, ни другого, в котором есть жизнь. По сути, мы стараемся продлить их агонию, отсрочить их грядущее полное вырождение, потому что тешим себя надеждой, что кто-то из них эволюционирует-таки до уровня человека. Уже сейчас мы, при желании, свободно смогли бы взять контроль над любым из самых богатых людей планеты, убрать любого судью, сенатора и даже президента, если тот своими действиями будет подталкивать человечество к вырождению. Но мы не делаем этого, контроль ничего не даст. Сегодня те, кто осуществляет контроль, ведут мир по пути эволюции, а завтра они же или их приемники толкают его к пропасти. Наша цель — заставить людей думать самих, брать на себя ответственность за собственные жизни, двигаться вперёд и жить, жить, жить. В наших лабораториях вырабатываются тонны экстази, ЛСД, мескалина, ДМТ, мы распространяем их бесплатно, раскладывая по десять-пятнадцать доз на скамейках возле школ и университетов вместе с литературой по изготовлению и очистке в домашних условиях психоделических веществ и с описанием опытов самопознания и познания мира, как с помощью веществ, так и без них. Целью Системы является — посеять в людях страх перед любыми веществами, меняющими их сознание, так, чтобы им не приходило в голову попробовать их, и Систему можно понять — на десяток жаждущих познания найдётся трое торчков, которые станут преступниками. Легче контролировать социум, вообще перекрыв доступ к тому, что может быть использовано не по назначению, и приравнять психоделики к наркотиками. Но наша цель совершенно противоположная — разрушить в людях страх, вернуть им способность самим отвечать за свой путь и за свои жизни, когда ещё это возможно сделать — в начале их жизненного

пути.

Да, мы вмешиваемся в человеческие жизни, когда нас не просят, и им есть за что нас ненавидеть. Но также они могли бы ненавидеть град, наводнение, засуху, чуму, ещё раньше — глобальное похолодание и распространение конкурирующих видов и хищников. Мы — просто одно из порождений цивилизации, которое или сделает её сильнее или подтолкнет к полному исчезновению, но последнее лишь в случае, если патология стала необратимой. Что бы они ни выбрали — борьбу и продолжение жизни или смерть — мы уважаем их выбор: да будет так.

Апокалипсис. После

Люди умерли первыми. Кроме атомного и химического оружия, которое убивало всё живое или специализировалось только на животных организмах, было бактериологическое, волновое, лазерное, обычные боеприпасы отслеживали движущихся людей по лицам и формам тела. Изуродованная земля осталась животным и растениям, которые пытаются выживать в разрушенных экосообществах, среди лесов, превратившихся в выжженные пустыни, в отравленных реках, в радиоактивных степях. И медленно умирают, уже без людей. Города превратились в руины, на душистые травы полей осела радиоактивная пыль, наполнявшая атмосферу несколько дней. Пыль смыл кислотно-радиоактивный дождь. С годами, в основном низшие формы животных и растений, стали постепенно приспосабливаться, эволюционировать, восстанавливаться. Произошла смена биогеоценозов, там, где раньше была тайга, влажные тропические леса, рощи и дубравы, теперь простирается одна бесконечная ветреная степь.

В мире наступили тишина. В тишине раздаётся иногда грохот и треск грозы, и шелест падающих капель мягко наполняет пространство. Иногда завоет ветер, а в безветренную ночь застрекочет сверчок, теперь его стрёкот — песнь торжества жизни. А иногда случается такое безмолвие, которое просто не представимо на Земле, тем, кто не был здесь, невозможно это даже представить. Кажется, сейчас истончится сама ткань этого безмолвного пространства, и сквозь него на нас хлынет безмолвие самого космоса. Но вот журчит горная река, спускающаяся с заснеженной вершины, возвышающейся над облаками. Пожалуй, сейчас это самая чистая река на земле, до вершины не добрался смог и даже не долетели облака, несущие химически-радиоактивную смерть. К реке спускается индус, волосы и борода его спускаются почти до земли, рёбра проступают на исхудалом теле, истрёпан его старый хитон из мешковины, а глаза так светлы, будто в них отражается вся бесконечность миров. Сделав несколько глотков ледяной воды, он встаёт и исчезает за поворотом горной тропы.

Вот руины городов. Упавшие, накренившиеся и полуразрушенные скелеты небоскрёбов порастают травой, формируя

вертикальные сообщества выживших организмов, возрождающиеся птицы облюбовали высокие, рукотворные, поросшие растениями скалы. Крысы, кошки, одичавшие собаки, превращающиеся снова в волков, поддерживают баланс этого мира. В тёплый солнечный день на смотрящий в небо угол бетонной плиты, виднеющийся среди высокой травы, вылезла погреться на солнышке змея. Стрижи наполнили воздух свистом. В застоявшихся озерцах, возникших в воронках от взрывов, вовсю размножаются комары, так что стрижам здесь раздолье. По главной улице города идёт парочка прилично одетых людей. Они осторожно обходят ржавые остовы автомобилей и автобусов, куски упавших конструкций. Животные на них не реагируют, только кошки равнодушно поворачивают на секунду к ним голову. Они всегда были среди нас, но мы их не замечали. Теперь в пустоте они ходят тут одни, будто ничего не случилось. Дойдя до конца центральной улицы города и ступив туда, где раньше был Downtown, они превращаются в похожие на свечи вытянутые и светящиеся тусклым светом формы, которые медленно растворяются в пространстве.

Степь. В степи стоит небольшая скала с плоской вершиной. На скале танцующий индеец. Это странный танец, он прост и величественен, движения эти не встретить ни в каком другом танце, но они, при этом, узнаваемы, будто их рождает сама жизнь. Кажется, он говорит своим танцем с миром, и мир отвечает ему своим безмолвием. Тишина, закат, величественная безбрежность степи — словно обрамление его танца. Чем дольше смотришь на его танец, тем больше проникаешься внутренней силой, скрытой в его движениях, и вскоре возникает чувство, что он наполняет тебя жизнью, миром и вечностью. Кажется, что любой танец может быть только таким, что это самый совершенный танец, который ты видел в своей жизни и который можешь себе только представить. Каждое движение индейца когда-то было результатом битвы силы, в каждом история его жизни и его пути. Он говорит в нём о своей борьбе, о тех битвах, которые выиграл, и о тех, которые проиграл. О тех чудесах, которые встретил на своём пути и о радости, которую накопил. Заходящее солнце заливает его, не обжигая, ветер мягкий и тающий, а вершина скалы дрожит под воздействием его силы. Танец был долгим, очень долгим. А когда он подошёл к концу, индеец взглянул на солнце, и тогда показалось, будто тень приблизилась вплотную к нему из-за правого плеча, и он исчез.

Берег неподвижного моря. Раньше море было синим, теперь оно зелено-коричневое. Запах моря когда-то сменился зловонием. Потом запах исчез вообще. Теперь запах моря постепенно возвращается. В зарослях водорослей ползают беспозвоночные, но новые раковины почти никогда не выносит прибой на берег. Только маленькие крабики рыщут в зоне прибоя. В небе появляется точка, которая перемещается мгновенно, будто гравитации не существует. За секунду она пересекает горизонт, замирает, меняет направление движения, превратившись в шар, зависает над берегом. Несколько сверкающих фигур спускаются из шара на тонкой округлой платформе. Они касаются почвы кончиками тёмных тросточек. Потом берут немного песка в пиалу. Они разговаривают на будто человеческом, но не понятном языке. Платформа с фигурами исчезает снова в шаре, шар, продрейфовав несколько секунд над побережьем, мгновенно скрывается за горизонтом.

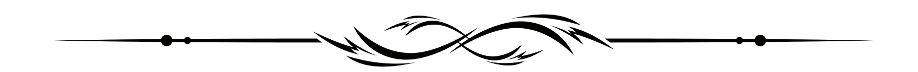
Пустыня. Пыльная буря превращает солнце в кроваво-красный бледный диск, ветер перемещает дюны, пересыпая песочек через хребет пылевого холма. Пелена песка то собирается в воздухе в густые тяжи, то снова рассыпается в мутную взвесь. Тут ветер внезапно прекращается, вокруг становится удивительно тихо. Удивляет резкость перехода настроения природы. Буря будто осела вниз, осыпавшись поднятым ею песком. Лёгкий прохладный ветерок будто принёс с собой нездешний аромат, который почувствовал бы любой человек, если бы оказался сейчас здесь, будто это ветерок только что мгновенно переместился сюда из совсем другого края, неся с собой дух той неведомой среды, в которой он зародился. Порыв прохладного ветра, пролетевшая прям над землёй птица, шелест песка, будто мимо проползла невидимая змейка, на секунду ушедшее за облачко солнце. Всё складывается в какую-то череду событий, будто связных друг с другом, будто это всё — знаки, и мир замер в ожидании того, предтечей чего они являются. И тут на горизонте появляется путник. Откуда он появился среди пустыни мёртвого мира? Даже если бы мир был жив, путнику нужно было пройти сотни километров до ближайшей воды, укрытия и тех мест, где жили люди. Хитон бедуина чист и опрятен, будто он и не прошёл весь этот путь, лица не видно. За путником бежит собака. Воздух наполняется запахом уюта и свежести, высоты и умиротворения. На минуту будто мир становится другим. Будто ты просыпаешься и только сейчас в удивлении осматриваешься по сторонам.

Нет ни мёртвой пустыни, ни смерти, ни катастрофы, нет этого безжизненного и безнадёжного пространства. Вроде бы ничего не изменилось, пустыня не исчезла, но это уже другая пустыня, другой мир, другая жизнь. Окажись здесь сейчас человек, он вспоминал бы впоследствии это, как чудесное путешествие, которое он совершил, не сходя с места, иной мир сам прошёл мимо него. Но путник проходит мимо, нотки воздуха пустыни борются некоторое время с нездешним ароматом и наконец растворяют его в себе. Наваждение проходит, будто в голове только что играла прекрасная музыка, и вот она замолчала, и ты только что заметил, что она играла, как раз потому, что наступила тишина. Издали приближается шум бури, первые песчинки врезаются в дюны и всё больше их, больше, и вот пустыня снова погружается во мрак…

Средь полей Аризоны стоит большой дом. Дом вдали от больших городов, и ударные волны атомных грибов его не затронули. В пустом доме будто замерло прошлое. Там всё так, как было когда-то, когда в нём ещё были люди. Ветер ещё не выбил стёкла и не раскидал бумаги на дубовом столе, мыши ещё не погрызли его полы, только почернел рис в стеклянной банке в кладовке, и истлели в прах пирожные в холодильнике, только пауки оплетают пространство комнат паутиной, только толстый слой пыли материализует его пустоту и многолетнюю неподвижность. Восходит солнце, и первые лучи пробиваются сквозь грязные стекла в дом. В полумраке проступают, словно тени, фигуры людей, сидящих неподвижно, кто за столом, кто на кровати. Со второго этажа раздаётся детский смех и удаляющийся топот, где-то едва слышно играет музыка. Тени отделяются от предметов и мелькают в пространстве, или это обман зрения? Паучок срывается с паутинки и скользит испуганно вниз, кто-то тронул музыку ветра, лёгкий звон пронёсся по дому, или это сквозняк? Раз в году дом оживает. И будет оживать, пока целы стены и обстановка дома. А когда время сравняет дом с полем, с миром, с ветром, со звёздами, что станет с его призрачными жителями? Когда ветер, ворвавшись через разбитые окна, превратит комнаты в хаос и заглушит его тихие голоса, когда дождь зальёт истлевающие вещи, и пыль станет землёй и примет в себя первые прорастающие семена. Когда обвалится крыша, и даже сваи дома перестанут виднеться в траве? В какие миры уйдут его обитатели, и останется ли им место в этой Вселенной вообще? Может, они вместе с пылью, с ворвавшимся ветром развеются, может, растворятся в свете луны и звёзд, может,

растают в запахе трав, сольются с шелестом травы, и только Вечность сохранит память о тех годах, когда жили они и когда были так счастливы, что не могут покинуть этот дом и сейчас, продолжая жить в нём после смерти мира, будто ничего не случилось?

Люди за тысячи лет своего существования, познания и творчества проникли дальше и глубже, чем можно себе представить. Сейчас, когда их человеческий мир разрушен, умерли ли они? Они жили бок о бок с жителями иных миров, но в своей человеческой самопоглощённости не видели их, лишь немногие имели смелость и волю выйти из зоны комфорта человеческого мира и достичь безбрежности. Теперь стена между миром людей и миром Вселенной разрушена, остались те, кто уже были за чертой, те, кто и раньше был представителем мира людей на перекрёстках безбрежности, остались лишь путники. Так быть может только сейчас, когда колыбель человечества перестала существовать, оно начинает своё настоящее зрелое, вечное и неуничтожимое бытиё, как равноправный представитель бесконечный вереницы миров безбрежности? Быть может только сейчас упала с человеческого мира пелена субъективности и искусственности, и сознание человеческого мира стало частью реальности за гранью субъективного и объективного. Быть может именно здесь, за порогом мира обывателей, мир людей стал зрим и един с мирами иных форм жизни и разума. И мы продолжаем свой путь.



Проект «Земля»

Текст составлен по материалам многочисленных статей, передач и интервью, взятых у членов команды создателей известного проекта «Земля», и систематизирован по дате публикации. Текст адаптирован к сознанию оператора данной знаковой системы. Имена, события, описания, относящиеся к реальности членов команды, переведены в аналогии, имеющиеся в мире читателя.

13.02.36

— *Скажите, как возник ваш проект?*

— Ну, сначала это был такой же проект, как другие, вы знаете, подобных проектов в своё время было начато довольно много, это считалось перспективным направлением исследований, на это выделялись довольно большие деньги, несколько подобных проектов было начато даже частными исследовательскими лабораториями. Некоторые из них развились и дожили до настоящего времени, какие-то канули в Лету.

— *Но ваш проект особенный.*

— Да, я тоже считаю, что наш проект особенный, хотя некоторые оспаривают его ценность для фундаментальной науки, мне кажется, это просто смешно, его ценность, конечно же, неоспорима. К текущему году накоплено такое количество ценного материала, и прикладного и сугубо фундаментального, что, несмотря на большие расходы, которые требуют все проекты подобного рода, проект более чем себя окупает.

— *Расскажите, как всё начиналось.*

— Да, так вот, как я уже сказал, сначала это был более менее стандартный проект по созданию небольшого искусственного мира. Созданию с нуля, я имею в виду. Внимание при этом акцентировалось всего на одной не очень большой планете. Конечно, создавался отдельный космос, писались и корректировались законы, по которым он будет существовать. Обычно написание проекта, теоретические разработки, которые будут лежать в его фундаменте, требуют больших трудовложений, это несколько лет кропотливой работы команды профессионалов самого высокого класса. Но экономить на этом этапе нельзя, это уж точно. То есть, вы

понимаете, в этом весь смысл всей дальнейшей работы, быть может, целых поколений исследователей. Конечно, далее, по ходу, многое приходится корректировать, причём иногда кардинально, но если фундамент слаб и не интересен, то и проект долго не проживёт, или на него просто не захочется тратить усилия. Вы, наверное, знаете, множество таких проектов так и не были никогда реализованы по той или иной причине, и так и остались лежать в столах.

— *А некоторые были заморожены.*

— Да, а некоторые были заморожены, и остаются таковыми, хотя далеко не исчерпали свой потенциал. Как правило, причина этого — финансовые трудности спонсирующих организаций, урезание бюджета и подобные, совсем не научные вещи.

— *Чем же именно отличается ваш проект от других проектов такого рода?*

— Всё началось, кажется, в мае двадцать пятого года, когда Майк пришёл с отпуска и бросил мне на стол план № 175.

— *Да, сегодня этот план известен всем, интересующимся данной сферой. Он породил впоследствии целый ряд не менее успешных разработок подобного типа в других исследовательских группах. Но опишите суть плана подробнее.*

— Суть заключалась в том, что Майк взял всего четыре самых перспективных материальных элемента того мира и начал оперировать их комбинациями, связанными в сложные структуры. И оказалось, что эти структуры устойчивы, могут поддерживать свою сложность, и даже саморазвиваться, совершенствоваться. Подобные примеры были известны и ранее, но именно структуры, найденные Майком, позволили создать столь щедрое на открытие отдельное направление эволюции.

— *Двумя годами позже, когда структуры, найденные Майком, доказали свою жизнеспособность и ценность для исследовательского сообщества, он был награждён за свою разработку Альценовской премией, если не ошибаюсь?*

— Да, совершенно верно, Альценовская премия двадцать седьмого года досталось нашему сотруднику.

02.03.36

— *Алекс, наверное, работа в таких исследовательских коллективах, как ваш, полна споров, открытий, ошибок, каких-то критических моментов, смешных или грустных историй.*

Расскажите какой-нибудь забавный случай, на свой выбор.

— Забавный случай… дайте подумать. В голову пришло, как год назад я проиграл Эмми червонец и напоил её в тот вечер в баре пивом. Ну, это у нас стандартная, так сказать, рабочая ставка. Дело было так: в человеческой культуре созданного нами мира использовались для еды ягоды и семена растений. Одни такие, как правило, твёрдые и сухие, другие водянистые и мягкие. Что принципиально новое тут можно придумать? Эмми стала утверждать, что создаст принципиально новую пищевую нишу, создаст что-то, что одновременно будет отличаться как от семян, так и от ягод и фруктов. Как это? Я вообще не мог представить. Но к концу недели она сделала это. Она создала орехи. Это было удивительно. То есть, её создание, конечно, встраивалось в ранее существовавшие общие концепции растительного мира, но это была реально новая ниша, отличавшаяся и от семян, и от ягод. В тот же день мы опробовали, одобрили и вставили её постфактум в эволюцию. Потрясающе. Мы отмечали это до часу ночи. Была очень запоминающаяся вечеринка. Может, благодаря вечеринке я и запомнил этот случай. Шутка.

12.03.36

— *Расскажите, били ли критические моменты в существовании вашего проекта? Стояли ли вы когда-нибудь на грани закрытия?*

— Трудно говорить об этом сейчас, что было бы если бы то, да это, но узкие места, конечно, были и в нашем проекте, и тяжёлые дни наступали не раз. Но здесь большое значение имеет личность руководителя проекта. Сколько раз на протяжении биологической эволюции он принимал непопулярные решения и уничтожал почти все прежние наработки для того, чтоб начать всё практически заново из нескольких неспециализированных форм и запустить, таким образом, новый этап проекта. Первый раз это было, помнится, несколько лет назад. В созданном нами мире прошло уже где-то три или три с половиной миллиарда лет эволюции, планета расцвела множеством форм, но мы погрязли в этом, по сути, абстрактном творчестве, и грантодатели со всё большим скрипом продлевали с нами контракты, они говорили нам: это всё, конечно, очень интересно, но, и что дальше? Вот тогда Леонид уничтожил, ну, не соврать бы, девяносто процентов созданных форм, причём, мы к

ним так и не вернулись больше, жалко, конечно, столько труда. И он запустил очень экспериментальный в то время, надо заметить, проект с позвоночными. Он просто на свой страх и риск выудил эту идею из толстой стопки подобных идей, и, как теперь надо признаться, его научная интуиция его не подвела.

— А какой кризис в работе вашего проекта был последним?

— В целом, мы уже достаточно долгий срок развиваемся стабильно и у нас ещё много не реализованных идей, которые ждут своей очереди. А если говорить о критических моментах, пожалуй, последний был, когда развитие культуры, с которой мы связывали дальнейшие планы развития нашего мира, зашло в тупик, в застой. Конечно, параллельно существовало довольно много культур, но долгосрочных проектов их глобального развития не существовало. Почти все они должны были ассимилироваться в дальнейшем одной магистральной культурой, на которую и пускались почти все силы. И вот, эта магистральная культура заходит в некоторый тупик. Пусть не столь критический, с какими мы сталкивались, занимаясь биологической эволюцией, но всё же. Через три месяца надо начинать писать отчёт, а у нас тупик. Ну, мы собрались вместе. Шеф взял в руки маркер, ещё раз протёр доску. И мы начали мозговой штурм. Так родилась идея Ренессанса. Достали из архивов старые идеи, немного их видоизменили, подкорректировали с учётом накопленного опыта. Вот эта доска за мной, видите? Вот на ней отпечатались все разработки и планы Земной эволюции, удачные и не удачные.

— А чья это была изначально идея?

— Ренессанс? Кто-то говорит, что Рудольфа, кто-то, что самого Леонида. Но я думаю, что никто из них не прав. Это же мозговой штурм. Это была общая идея. Никто в одиночку не придумал бы её и не довёл до ума.

— А были ли в работе вашего коллектива моменты разногласий, когда судьба вашего мира была не ясна из-за того, что разные члены коллектива видели её по-разному?

— Конечно, такие моменты всегда встречаются. Как же без этого. У нас собралось много талантливых, амбициозных, активных и творческих людей, у таких людей, как правило, большое эго, и, опять же, талант руководителя в этом случае — «разрулить» такую ситуацию, чтоб это было на пользу проекту, чтоб никто не остался обиженным, не потерял интерес к совместной работе. Особенно

критическая ситуация, пожалуй, одна из самых критических за всю историю существования проекта, была с динозаврами. Никто не хотел уступать. Понимаете, на кону были плоды многолетнего успешного труда, много перспектив, много неисследованных моментов, много дальнейших планов. Наш паровоз, как говорится, вперёд летит. И вот, какое-то время спустя мы запускаем параллельный небольшой субпроект. Точнее, им занималась группа всего из трёх человек. Давайте договоримся о терминологии: видите ли, всю эту нашу кашу мы называем «проектом», потому что это проект «Земля», но этот глобальный проект состоит из множества больших и маленьких подпроектов, к примеру, проект «Вторая мировая война», проект «китайская культура», проект «рептилии», проект «параллельный перенос генов». И все их мы, между собой, тоже называем проектами, потому что это то, над чем мы ежедневно работаем. Давайте, я буду называть их субпроектами, или, если забуду и назову «проектом», вы будете иметь в виду, что я не имею в виду какой-то другой глобальный проект, а говорю лишь о субпроекте внутри проекта «Земля», договорились?

— *Хорошо, договорились.*

— Так вот, проект с динозаврами был очень хорошим проектом. То есть, это был мощный такой проект для всей группы. Все в той или иной степени им занимались. Даже модераторы астрономических событий в свободное время занимались динозаврами. Ну и, кстати, к модераторам астрономических событий в конце концов и обратились за планом сворачивания проекта. И тут появляется альтернативный пока что маленький, но перспективный проектик с теплокровными. Надо сказать, что мы все уже тогда чувствовали потенциал этого начинания. Не правильно будет сказать, что это был проект трёх человек: Адама, Лоры и Сары. Это был общий проект, просто им поручили начальную стадию, доведение его до ума, так сказать. Но, в принципе, это было естественное развитие идеи эволюции: более глубокий и совершенный контроль состояния внутренней среды, большая дифференцированность всех систем, от молекулярного до органного уровней, лучшая забота о потомстве, более быстрая и лабильная эволюция группы в целом. В общем, естественно возникший в рабочем порядке качественный такой апгрейд. Все мы, конечно, понимали, что рано или поздно именно на группы теплокровных перебросятся основные силы и средства. Но одно дело — рано или поздно, а другое, когда ты приходишь

утром на работу, и тебе говорят, чтоб ты выкинул в корзину всё, чем занимался последний год, на что получал гранты, по которым тебе ещё отчитываться. Да, на нас тогда висело несколько крупных грантов, полученных именно на эволюцию крупных рептилий. И хотя к тому времени эксперименты с особо крупной фауной в целом прошли, знаете, были периоды, когда у нас любая стрекоза достигала метровой длины, но, тем не менее, публикации шли полным ходом, было запланировано, насколько я сейчас помню, не менее сотни направлений развития. И нам говорят: ребята, мы всё сворачиваем и с сегодняшнего дня полностью переходим на теплокровных, астрономическому отделу задание к вечеру спустить нам метеорит. Некоторые сотрудники тогда хотели навсегда покинуть проект. Ушёл один, Кевин. Ушёл, захватив свои собственные разработки по рептилиям. Причём, у него были лучшие разработки в этом направлении. Сейчас он благополучно реализует их в другом, аналогичном нашему, проекте, насколько мне известно. Ну мы не стали разбираться, что именно он там захватил, подавать в суд, трясти контрактом, всё равно нам эти разработки уже не были нужны, и, к тому же, я думаю, Леонид прекрасно понимает, что, по-человечески, он не очень хорошо поступил с динозаврами. Знаете, такие резкие движения, революции сверху плохо влияют на моральное состояние коллектива, тут не бывает, чтоб не было обиженных. И, хотя, в результате всё пошло как нельзя лучше, я до сих пор считаю, что Леонид тогда погорячился с динозаврами.

25.05.36

— Роберт, не могли бы вы сказать пару слов нашим читателям о сегодняшнем состоянии проекта, над чем конкретно вы сейчас работаете, ну, и, может быть, о планах на будущее.

— С радостью расскажу о сегодняшнем состоянии, что касается планов на будущее, тут есть, конечно, непубликабельные моменты, вы знаете, сейчас много групп во всём мире работают над подобными проектами, некоторые из них очень схожи с нашим, в некоторых проводится прямая перепроверка наших работ, то есть прокручивание отдельных идей след в след, а нами накоплено много уникальных разработок, ноу-хау, благодаря которым мы и являемся одними из лидеров в данной области исследований. Но что-то я, конечно, расскажу, к тому же и этого «что-то» так много, что вряд ли вы сможете рассказать обо всём, у вас же формат издания

тоже не безграничный, я думаю?
— *Конечно, нет.*
— Так вот, сейчас у нас очень интересное время, пожалуй, такого количества разработок не было со времён внедрения многоклеточности. Сейчас мы проводим унификацию и объединение всех мировых культур, полностью отказываемся в ближайшем будущем от традиционных культур и переводим эволюцию культуры человечества в пространство цивилизации, развитие которой будет ускоряться в прогрессии, пока не достигнет точки сингулярности развития, это будет очень интересный момент, мы переведём общество в состояние перманентной научно-технической революции. Отчасти это будет связано с появлением искусственного интеллекта, созданием биотехнологической ноосферы и взрыве сопутствующих ей технологий, направленной и контролируемой биологической эволюции, а также развитием технологий искусственного совершенствования человеческого мозга.
— *Ясно. Напомните нашим читателям, пожалуйста, скольки мерное пространство-время в вашем мире?*
— Сейчас его разумным жителям доступно три пространственных и только одно временное измерение. По результатам расчётов это оказалось необходимым и достаточным числом измерений для эволюции разума разрабатываемого нами типа. Но потенциально жителям созданного нами мира доступно, как и нам самим, неограниченное число пространственно-временных измерений, если они сами их достигнут.
— *Вот как?*
— Конечно. Ограничивать разумных существ, пусть и нами же созданных, четырьмя измерениями не гуманно. Нас бы просто помидорами закидали и по судам затаскали. Знаете, сколько общественных организаций следит за нашей деятельностью? Пикеты под окнами время от времени — это обычное дело. Но, к сожалению, в нашем мире последнее слово за деньгами. Если бы общественные активисты нам платили, мы бы слушались только их. (*Смеётся*).
— *А как же идея духовной эволюции, о которой вы рассказывали нашим читателям в прошлый раз?*
— Ну-у-у, с тех пор две тысячи лет прошло, по часам нашего проекта. Всё меняется. (*Смеётся*). Я шучу. А духовная эволюция никуда не делась. Что касается развития культуры, тут мы немного поменяли

сам подход, отделили, так сказать, зёрна от плевел. Во-первых, структурные элементы культуры, формы её реализации и развития практически все уже собраны и открыты, осталось распространить качество овладения ими доступное ранее единицам на большее число разумных существ. И сейчас наступила эпоха синтезов и ремиксов, испытаний комбинаций различных форм и реализаций. А этот процесс оставлен на личностные пути роста. То есть практически изжила себя идея общей волны культурной эволюции. Для социума, как целого, мы оставили только цивилизацию. А культура стала путём духовной эволюции каждого индивидуума в отдельности, ну и неформальных мелких объединений таких индивидуумов.

— А скажите, потенциально, хотя бы теоретически, возможно развитие их сознания до нашего уровня?

— В той форме, в которой они сейчас существуют — нет. Но алгоритм нашего проекта хорош тем, что мы можем дорабатывать его «в реальном времени». По крайней мере, его высокоуровневые элементы. А разум — это достаточно высокоуровневый элемент. И он очень хорошо конструируется путём надстроек новых элементов. Мало того, конструируемость и лабильность этого мира в целом и разума его существ в особенности, приводит к появлению внутри него явлений, не предусмотренных и не прогнозируемых нами. Вы, конечно, помните прямой контакт Гаутамы с нами, эта новость облетела весь мир, пожалуй, это был единственный момент в истории нашего проекта, когда мы действительно были первыми в мире. Импульс, в том числе рекламный и финансовый, данный проекту тогда, продолжается по сей день. Заметьте, разумное существо того мира не смогло бы достичь такого уровня за одну жизнь. И первый поднял вопрос о реинкарнациях, а это было ещё на заре биологической эволюции, знаете кто?

— Нет, но интересно было бы узнать.

— Я.

— Серьёзно?

— Да. Пришлось в корне перестроить концепцию органической жизни. Запустили параллельные эволюции материального и духовного мира, со сложным взаимоотношением между ними. Причём, эти взаимоотношения до сих пор до конца не формализованы. То есть, в основе лежат некоторые аксиоматические, с точки зрения того мира, логически ниоткуда не вытекаемые алгоритмы.

— Наверное, это сильно тормозит исследование этих

взаимоотношений разумными существами того мира?

— В какой-то степени. Но если они не будут держаться за свои мировоззренческие шаблоны, то чистая эмпирика работы со всеми гранями их мироздания им рано или поздно поможет.

— *Спасибо Роберт. Я от имени редакции и от имени всех наших читателей желаю вашему проекту процветания и дальнейших открытий. Мы все с интересом следим за вашими исследованиями. Надеюсь, мы ещё побеседуем в будущем.*

— Не сомневаюсь. Спасибо и вам.

14.08.36

— *Итак, сегодня я в гостях у основателя и руководителя всемирно известного проекта «Земля» — Леонида. Здравствуйте, Леонид.*

— Здравствуйте, Людмила.

— *Я хочу сегодня выяснить с вами некоторые детали вашей работы и устройства создаваемого вами мира, которые ещё не известны нашим слушателям. Например, начнём с такого вопроса: скажите, вы привлекаете к работе над проектом молодые кадры?*

— Конечно. У нас постоянно работают и учатся молодые сотрудники, защищают дипломы и кандидатские, тех молодых людей, которые покажут себя самыми заинтересованными исследователями мы, в дальнейшем, приглашаем в свой коллектив.

— *И как вам современная молодёжь?*

— Вы знаете, по-разному. Но талантливые молодые люди, несомненно, есть. Иногда, конечно, возникают трудности, как без этого. Особенно много молодёжи у нас было в период индустриальной революции, и мы не могли за всем уследить в должной мере, они делали довольно большую часть работы, часто с переменным успехом, теперь мы сократили число студентов и аспирантов и усилили контроль за их работой. На данный момент территориально Австралия и Новая Зеландия отданы под присмотр нашим молодым аспирантам, которые уже вполне компетентные специалисты. Австралией занимаются два молодых человека, ну и по континенту видно, что им занимаются парни, тут много экспериментов, часто не удачных, поэтому большая территория покрыта пустыней. Все эти странные животные — тоже продукт их творчества, ну да бог с ними, пусть живут. Но, в целом, континент процветает. Сейчас мы поставили перед ними задачу — озеленение континента, чтоб убрали эту

свою пустыню, которую они там накуролесили. А Новой Зеландией занимается наша на данный момент единственная аспирантка — девушка Майя. Она же им занималась, когда была ещё студенткой, Новая Зеландия была темой её дипломной работы. По её созданию можно прекрасно увидеть характер создателя: всё очень аккуратно, очень гуманно, очень проработано и осмотрительно. В целом — тепличный остров. Никаких ошибок, никаких революций. Даже опасных животных и насекомых там нет.

— Расскажите теперь нашим слушателям про ДНК. Кому пришла в голову идея создания этого материального основания биологической эволюции, и как эта идея развивалась?

— Идея эта, на самом деле, не нова, в структуре нашего мира в любом случае был бы необходим алгоритм записи и передачи биологической информации, какой природы — не так уж важно, то есть он мог быть той или иной природы, и всё прекрасно работало бы. У нас было несколько рабочих проектов, так вышло, что мы остановились именно на этой идее, но если бы решили реализовывать другую, то выглядело бы всё немного иначе, но я не думаю, что не работало бы. Кто написал проект с ДНК, я уже не припомню. Но точно не я. (Смеётся). Честно говоря, он до сих пор мне не так уж нравится, если сравнивать его с некоторыми другими моделями, но, надо признать, он работает. В первоначальном варианте кодон содержал всего две буквы, потом оказалось этого мало, мы проголосовали за добавление одной дополнительной буквы. Опять же, изначально информация записывалась на одиночную молекулу, потом мы усовершенствовали конструкцию, решив записывать информацию на две закрученные друг вокруг друга молекулы. Это нововведение, кстати, предложил Лисп, тогда он был ещё аспирантом. Очень талантливым аспирантом. Мы быстренько переделали весь код и стали работать с новым.

— А сейчас не назрели новые усовершенствования кода? Быть может, вы нашли какие-то ошибки в самой конструкции или появились новые открытия, позволяющие ещё больше оптимизировать работу этой структуры?

— Конечно, ошибки всегда время от времени находятся, и новые разработки, также, появляются. Но ошибки не такие критические, чтоб всё менять, пока что обходимся заплатками, латаем добавлением новых биохимических модулей. Нововведений накопилось много, большинство из них лежит в ящике моего письменного стола.

Затраты на их воплощение были бы слишком велики. Но некоторые мы продали нашим коллегам, занимающимся другими подобными проектами. Недавно запущены два новых проекта с гораздо более совершенным генетическим, биохимическим и общим кодом, проекты разрабатываются известными командами исследователей.

— *Изменился ли за годы существования проекта сам подход к планированию, проектированию и реализации идей, воплощаемых в вашем мире?*

— Основные изменения технические. Пройденные, хорошо отработанные этапы проекта формализуются и становятся автоматическими. Но, в качестве дополнительного задания члены команды всегда ищут возможности усовершенствования даже в уже хорошо автоматизированных алгоритмах. Некоторые, самые простые этапы эволюции скоро будут выпускаться в качестве детских конструкторов, каждый ребёнок сможет поэкспериментировать с физической, астрономической, химической и даже, возможно, начальными стадиями биологической эволюции. Далее мы сталкиваемся с морально-этическими вопросами, которые решить гораздо сложнее, чем технические.

— *Ну и в завершение нашей беседы, Леонид, удивите наших слушателей чем-нибудь.*

— Что ж, в качестве новости-сюрприза могу сообщить, что совсем скоро к реализации проекта сможет подключиться каждый желающий. Мы переводим проект на открытый программный код, и исходный код будет доступен каждому. Мы создадим достаточно простой для понимания код, который позволит даже любителю, хорошо владеющему скриптовыми языками, самореализовываться в конструировании нашего мира. Кроме того, в наших планах внедрение визуальной оболочки проектирования. Но, конечно, с помощью визуальной оболочки не сделаешь что-то столь принципиально новое, что можно было бы сделать, оперируя непосредственно кодом, но к проекту смогут подключиться, скажем, школьники и домохозяйки. Любой желающий сможет программно разработать свою идею и прислать её нам на рассмотрение, те идеи, внедрение которых мы сочтём интересным с научной точки зрения или целесообразным с точки зрения оптимизации, мы обязательно осуществим. При этом сохранение авторских прав и соавторство в публикациях гарантируется.

— *Потрясающе. Насколько я знаю, это будет первый в мире*

проект такого уровня с открытым исходным кодом.

— Да, вы правы.

— *А ваш мир не превратиться в помойку идей?*

— Нет, мы будем продолжать тщательно отбирать реализуемые идеи. И, к тому же, мы планируем расширить площадку проектирования на соседние планеты, так что нашим существам станет немного просторнее.

— *У вас ранее не было опыта привлечения сторонних разработчиков?*

— Был, и не малый. Некоторые волонтеры работают и сейчас. Одно время их было очень много. Мы заключали контракт о неразглашении технологии и кода, проверяли их, и разрешали участвовать в проекте в качестве тестеров, наблюдателей или даже исследователей, технологов и программистов. Теперь мы сократили их число, возникало слишком много эксцессов. И теперь они, в основном, могут только наблюдать, собирать информацию, планировать. Некоторым нравится жить жизнью существ моделируемого мира. Мне кажется это странным, но каждому своё. Эти волонтёры даже вошли в культурное пространство разумных обитателей проекта, у них они известны, как «ангелы-хранители». Не все их, так называемые «ангелы-хранители» это волонтёры, есть и настоящие «ангелы-хранители», вы понимаете, структура создаваемого мира неизмеримо сложнее, чем те отдельные моменты, которые мы обсуждаем. Но есть среди «ангелов-хранителей» и волонтёры. Кстати, вкус спагетти «Болоньезе» разработал тоже волонтёр. Но общее направление в развитии мира, одно из направлений, заключается в том, что мы делаем мир всё более автономным, самостоятельным в его развитии. То есть, концепция организованного хаоса и была в нём ранее ключевой, но сейчас мы боимся хаоса ещё меньше. Всё, что может умереть, должно умереть, если так случится.

— *Кстати, о разрушении. Некоторые члены вашей команды критикуют вас за слишком революционные решения, которые вы принимаете время от времени.*

— Да, я знаю. Но проект важнее всего. Это то, ради чего мы все работаем. Как-то я создал одну очень красивую форму, это было ещё до внедрения позвоночных. Мы все игрались бесконечным проектированием и внедрением всех этих безумных созданий мирового океана, это было почти чистое творчество, молодость

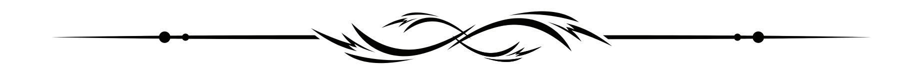
проекта. Самую красивую форму, которую я создал, я посвятил своей дочери. Но всё это пришлось уничтожить, когда мы утвердили проект с позвоночными.

— *И когда же ждать публикации исходного кода и появления визуальной оболочки?*

— После достижения созданной нами цивилизацией точки сингулярности развития.

— *Спасибо Леонид. До новых встреч.*

— Спасибо и вам.



Эксперимент

Я раскручиваю глобус и, не глядя, останавливаю его пальцем. Палец указывает куда-то в океан. Повторяю эксперимент — теперь палец накрыл штат Орегон, нет, это тоже не пойдёт, я отлично представляю, что значит жить даже в самом провинциальном городке Орегона, это не интересно. Нужно что-нибудь действительно далёкое и неизведанное. Непал, Тибет? Может быть, но белые люди вложили в эти места столько своей нью-эйджевской белой псевдо-харизмы, настолько излазили их, в поисках травы и своего белого хиппи-нео — «просветления», что ехать искать там что-либо становится как-то даже стыдно. Быть может, податься на край света в какую-нибудь страну, которая не есть страна третьего мира, с яркой чуфанистой экзотикой, но и не страна первого мира, они все одинаково комфортны и предсказуемы в своей цивилизованности, конечно если жить в них не дольше месяца и не разведывать скрытые глубины национального духа. Найти бы какую-нибудь страну «ни то, ни сё», такое место, куда, точно, не заезжают туристы, потому что там действительно нечего им делать. Вот, например — Россия. Занимает пол континента, и я ничего не могу сказать о ней определённого. В сознании возникает один образ — степь. А может Монголия? Нет, Монголия — это уже слишком аутентично. Пусть будет Россия. Теперь надо определиться с городом. Москва, Санкт-Петербург — это для туристов. Нужен какой-нибудь древнерусский городок среди степей, в самом центре страны. Кострома, или, вот, Псков. Очень по-русски звучит. А вот ещё — Пенза. Очень хорошо. Россия прямо таки изобилует маленькими краями света. Только почему они все скучкованы в европейской части? Боюсь, они тоже уже все исхожены туристами вдоль и поперёк. Между ними, наверное, давно уже проложены автострады, по которым несутся туристические автобусы, а местное населения в деревнях по сторонам автострад продаёт изделия народного промысла. А что у них там, на востоке? Новосибирск, Магадан… Холодно, наверное, в Магадане. Не забуриться ли мне вообще на самый край света, только поюжнее, чтоб не мёрзнуть… Вот вокруг Корей, Японии и Китая: Хабаровск, а ещё дальше — Владивосток. И ведь это тоже Россия, кто бы мог подумать, вообще в Азии, почти Монголия. Даже

не представляю себе, как они там живут и что из себя представляют. Может это и есть тот край, где люди ходят на головах?

Я прилетел в небольшой провинциальный аэропортик, выглядящий настолько исключительно стандартно, будто был создан специально таким, чтоб не оставаться в памяти, уже через несколько минут после того, как я его покинул, я не мог вспомнить ничего характерного, ни одной детали, по которой я мог бы его описать. Ах да, вспомнил, там не работал мужской туалет, в объявлении было написано, что надо искать такой же то ли в другом терминале, то ли в другом здании. Багажа у меня не было, и я вошёл на территорию страны первым из пассажиров, толпа мужиков накинулась на меня, предлагая мне такси, такси мне было нужно, но что-то эти мужики меня пугали. Так что я решил выйти на улицу и найти настоящее такси с опознавательными знаками.

Город произвёл на меня неопределённое впечатление. Он состоял из знакомых элементов, но собранных в не знакомых мне сочетаниях. Современные здания в центре города чередовались в нём с классической европейской архитектурой начала двадцатого века, но всё это было только на нескольких центральных улицах, весь город же представлял из себя скопление одинаковых безликих жилых многоэтажек. Пожалуй, это больше похоже на Европу, чем на Новый свет, поскольку улицы извивались, как попало, я не смог чётко опознать то, что можно назвать Сити и, несмотря на большое число одноэжных домов на подъезде к городу, они как-то не складывались в жилые частные районы. Неухоженностью эти районы напоминали, отчасти, частные районы стран третьего мира, хотя многие из них были так плохи, что можно назвать их трущобами. Жители города составляли гораздо более однообразную этническую и культурную популяцию, чем жители любого западного города, практически все были русскими, только изредка встречались китайцы или выходцы с ближнего востока. Я практически не встречал панков с малиновыми ирокезами, хиппи, обвешанных побрякушками, одетых как мачо гомосексуалистов, рэперов с дредами и прочих представителей прогрессивного человечества, которыми кишат западные города. Возможно, однообразие было следствием сравнительно незначительного смешения народов и их культур, пренебрежительно незначительного, если сравнивать с городами западной цивилизации.

Я решил снять квартиру, которую мог бы снять русский

человек со среднестатистическим уровнем благополучия, пришёл в агентство, послушал варианты и остался в некотором недоумении. Предварительно я порылся в интернете и составил представление о среднем уровне дохода жителя этой страны, либо информация в сети была не верной, либо именно этот город жил по совершенно другим ценам и доходам, либо агенты, как специалисты своего дела, распознали во мне выгодного клиента и вздули для меня цены в разы, что наиболее вероятно с логической точки зрения. Или же среднестатистический русский человек живёт на улице. Как бы то ни было, я снял хоть как-то приближающуюся по оплате к среднему доходу квартирку в пригороде Владивостока. Городок-спутник в пятидесяти минутах езды от центра Владивостока назывался Угольная. Обшарпанный девятиэтажный дом, живописный подъезд в стиле самых страшных гетто, квартирка, представлявшая собой комнатку удивительных размеров, первое, что я вспомнил, войдя в неё, это отели - капсулы в Японии. Агент сказал, что этот тип квартирок называется «гостинками» и размер их — восемнадцать квадратных метров, а есть и меньшего размера, надо попросить их, чтоб показали, любопытно посмотреть на ещё меньшие квартирки. Сама квартирка по обстановке напоминала мне притон. Я никогда не был в притоне, но так его всегда себе представлял. Я подписал контракт и остался в квартирке один. Открыл окно. В квартирку ворвались звуки улицы, запах зелени и лета. Прямо за окном была школа, стадион, дети играли в футбол, кричали и смеялись. С улицы доносились голоса гуляющих людей и проезжающих машин. Внизу мамаши на детской площадке выгуливали малышей, вокруг дома был целый район других девятиэтажек, выглядевших гораздо более прилично, чем моя. Я подумал, не переборщил ли я ненароком со средним уровнем. Впрочем, этот опыт был более живой и удивительный, чем какая-нибудь припонтованная гостиница в центре LA, где меня оближут за десять тысяч долларов в сутки и, всё же, это не будет стоить такие деньги, по моему мнению.

Я пошёл прогуляться, осмотреть территорию, найти ближайшие магазины, железнодорожные и автобусные станции, а также узнать номер местного такси, на котором я мог бы добираться до большого города. На ближайшей маленькой площади оказалась масса небольших магазинчиков, как западного типа, с кассами и самообслуживанием, так и таких, где товар находился за прилавками, и продавец показывала или подавала, что вы

попросите. Хотя первый тип магазинчиков представлялся удобнее, но так как меня заставляли при входе сдавать в камеру хранения мою сумку, и когда я ходил по магазину, охранник непрерывно смотрел на меня, как на вора, с таким видом, что мне казалось, вне зависимости от того, украду я что-либо или нет, он всё равно убьёт меня, так что я предпочёл пользоваться магазинами второго типа. С другой стороны, в магазинах второго типа мне приходилось стоять в очереди с парнями в растянутых майках, стоявших за бутылкой водки или креплёного пива и неотрывно на меня смотревших. Почему они не смотрят на других? Видимо, если я решил пожить жизнью среднестатистического русского, ещё не значит, что я стал им, я наверное явно выделяюсь, и все меня замечают, но в упор неотрывно позволяют себе смотреть на меня только обезьяноподобные существа. Эти же существа пьют пиво и щелкают семечки у входа в магазин и, похоже, они все — поклонники и близкие друзья продавщиц, судя по их неформальным отношениям. Я посматриваю боковым взглядом на худощавого стареющего мужичка — охранника и размышляю, спасёт ли он меня, если что, отстоят ли меня, как клиента, охранник и продавщицы у своих же знакомых антропоидов.

Территория городка показалась мне милой, в воздухе стоял дух местечковости и края света. Именно в таком месте я и планировал оказаться. Это было, как Рим без истории. Аккуратные уголки чередовались с пустырями и пяточками разрухи. Рабочие положили новый асфальт, оставив вокруг участка работ отвалы земли, уже поросшие травой, груды камней и лужи, в которых так красиво отражается синева неба и ветви деревьев. Похоже, что ресурсов не хватает, чтоб возделывать каждый уголок в месте своего обитания, и пока строится одно, разрушается что-нибудь другое. Но это добавляет свой шарм — перепрыгивать через лужи, проходить через заросли травы и попадать в магазинчик с кондиционером. Особенно мне нравится высокая не скошенная трава, такого сейчас не встретишь практически ни в одном западном городе. Раз в месяц эту траву косят, но она быстро вырастает снова. Именно трава придаёт городу такой естественный вид. В такой траве выживает не только пырей, это настоящий травяной луг с луговыми цветами и морем насекомых и лягушек, которые время от времени выпрыгивают на дорогу и превращаются в плоские пыльные силуэты в форме лягушки под колёсами машин.

Я, кажется, понял, почему всё в этом месте было таким не

запоминающимся. Практически всё, что я встречал, было либо продуктом убогой советской архитектурной штамповки, я прочёл о ней в интернете, или магазинчиками маленьких собственников, нашедших деньги, только чтоб построить что-то более менее адекватное, или же сооружение было стандартом цивилизованного строительства, которое воспринималось верхом достижений и ценилось само по себе. Построив такой супермаркет, или кинотеатр, или железнодорожную станцию нация как бы сказала миру, то есть, Западу: — Теперь мы такие же, как вы, теперь мы ни чем не отличаемся от цивилизации. — И действительно, такие проекты воплощали цивилизацию в стандартно-выхолощенном виде, без излишеств, без какой-либо индивидуальности, которая, конечно же, увеличила бы стоимость проекта, иногда в разы, и для которой необходим объективный, не коррумпированный отбор, большой опыт реализации таких идей и проектов и сложившаяся школа с продолжающейся эволюцией как вкусов заказчиков, так и идей архитекторов. Сейчас же я иду по такому супермаркету и чувствую себя в цивилизованном мире, но в каком-то абстрактно цивилизованном, к тому же выхолощено-уменьшенном цивилизованном мире, и не могу отличить один супермаркет от другого, практически не могу восстановить его в памяти, выйдя из него на улицу. На фоне этой безликости иногда встречаются оригинальные ландшафтные и архитектурные явления, но они столь редки, что каждое из них бросается в глаза и становится чем-то вроде парадной достопримечательности. Почему же воспринимаются они совсем не так, как на Западе? Проанализировав свои ощущения, я понял, что в них нет ощущения избыточности, они не являются повседневностью окружения. Если в Штатах таких явлений столько, что их можно случайно найти в самом укромном уголке дороги, и известны они лишь местному населению, то здесь это что-то, становящее автоматически почти что лицом города, известным каждому. Здесь есть почти всё, что есть на Западе, но в единичных количествах. Как демонстративно-показательные примеры, как явления, которыми это общество дотягивается до цивилизованного мира, а не как обыденность. Если на Западе это всё — явления естественной избыточности, то здесь — зацепки, спасающие сознание от того, чтоб не свихнуться от окружающей серости.

Тем временем наступил вечер. Затихли стрижи над окном. Забавно, их стрёкот так подходил к окружению, что я и не обратил

на них внимания, хотя они заглушали все остальные звуки, и только сейчас, когда они замолчали, я заметил, как стало тихо, и как хорошо стала слышна затихающая улица. Но до конца улица здесь не затихает никогда. Вышла гулять молодёжь, раздаётся беспрерывный смех больших компаний, визг девушек, демонстративно громкая музыка из машин. Толстые тётеньки возвращаются домой с работы, заходя по дороге в продуктовые магазины и волоча полные пакеты еды для всей семьи, да это же идеал маленького городка, где всё так близко, что не нужно использовать машины, сохраняется окружающая среда, люди больше общаются друг с другом… В подъезде жена не пускает пьяного мужа, он полчаса пытается выбить железную дверь своей квартиры. В час ночи, кажется, ещё никто не спит, вечерняя жизнь города в разгаре. К трём часам ночи городок, наконец, начинает засыпать, а в пять утра наступает самый тихий час, и запах летней ночи погружается в ауру предрассветной тишины. Кстати, несмотря на небольшие размеры района и скученность его жителей, стоящих в очередях в тесных магазинчиках, приходящих в маленькие квартирки, скученные на этаже, как соты в улье, я не заметил, чтобы они были более общительны, чем, например, жители городков с такой же численностью населения в Штатах. Похоже, каменные, озабоченные или демонстративно отсутствующие лица в моде у этих людей. Я машинально поздоровался с незнакомцем, зайдя в магазинчик, мне не ответили, оглядели, как сумасшедшего и начали о чём-то перешёптываться. Мне не стало неловко, ведь ничего противоестественного или предосудительного я не сделал, но понял, что этих людей лучше лишний раз не трогать, тут это не принято. Общались между собой только знакомые, и многие общались с продавщицами, которые, конечно же, знали всех своих покупателей, но при этом с продавщицами общались с деревенской фамильярностью, выдающей роли общающихся: мужичок с мужичком, мужичок с бабёнкой, парнишка с похмелья и бабёнка продавщица, мамаша двоих детишек и мамаша троих детишек, мне по самой моей природе противны все эти местечковые роли, я не общался так никогда ни с кем, так что, думаю, даже если они все меня узнают, я всё равно останусь для них чужим.

Наутро я решил-таки скрасить свой лубочный эксперимент, обустроив немного своё жилище. Всё равно я не могу воплотиться в местного жителя с американским паспортом в кармане, своей карточкой Виза и тридцатью тысячами долларов налички в кармане

на случай, если я не смогу расплатиться картой. Даже если здесь со мной что-нибудь случится, а местная полиция окажется столь же «неформальной», как продавщицы, одна из которых на мой вопрос, если ли у них бублики, ответила, не глядя не меня, что она их спрятала, мой паспорт заставит эту систему задействовать более формальные, цивилизованные и эффективные ресурсы.

К сожалению, Yellow pages здесь, видимо, не существует, я облазил все шкафы, так что я вышел на улицу, поизучал объявления, сотнями которых увешаны заборы вдоль улиц, воспользовался номером справочной, и в течение дня заказал себе новую мебель, новую технику в ванную, скоростной интернет, самый большой монитор, который был в магазине, хорошую аудио-систему, большой холодильник и пару грузчиков с микроавтобусом, которые помогли мне таскать мешки с продуктами, бытовыми и кухонными принадлежностями. Заплатив двойную цену, я устроил смену обстановки в течение двух дней. Теперь у меня под ногами было привычное ковровое покрытие, такое мягкое, что можно было спать прям на нём, вместо дивана и кресла, занимавших так много места в такой маленькой комнате, был мягкий вибрирующий матрас и два кресла-мешка, через комнату вешался гамак, а вот холодильник не вместился в кухню, совмещённую с коридором, пришлось его поставить в комнату, выкинув шкаф, который был мне, в принципе, не нужен, поскольку я не собирался хранить какие-либо вещи. Накупив пушистых одеял и сделав уютное софитное освещение, я более менее обустроил это место. Не знаю, понравится ли агентству и хозяевам квартиры такая моя перестройка, ведь они не найдут то, что было здесь раньше и то, что вписано в контракте, но к концу месяца они не найдут и меня тоже. В микроскопической ванной развернуться с переустройством не получилось, но раз уж я вношу сюда замашки своей обычной жизни, почему мне понадобилось-таки снимать столь маленькую квартирку? Но что сделано, то сделано, да и иначе было бы совсем не интересно, хоть какое-то своеобразие места сохраняться должно, этот городок своеобразием и так не блещет. Как бы то ни было, теперь в ванной у меня был подогрев воды, и горячая вода теперь у меня была каждый день и без отключений. В реальности же её зачем-то отключали почти каждый день часа на два - три в середине дня, видимо предполагалось, что в это время все на работе, и горячая вода в домах никому не нужна. А те, кто не работает, те не в счёт.

Во второй же день моей жизни здесь я задался вопросом передвижения между Владивостоком и моей впиской. Забавно, видимо, архитекторов здесь учат по западным стандартам, и все важные больше здании они строят, как их учили, потому что вокзалы, университеты и прочие большие и важные здания имеют две-три большие двустворчатые двери, из которых всегда и везде, без единого исключения, открыта одна створка одной двери. Видели бы вы как из такого безлико - прозападного вокзала — перехода на перроны с несколькими этажами, металлоискателями, магазинчиками, кондиционерами, эскалаторами, залами ожиданий, уборными и детскими комнатами, кассами и информационными табло на каждом углу ведёт на улицу одна открытая маленькая створка обычной комнатного размера двери! Да-да, вы всё правильно поняли, весь поток приезжающих и уезжающих пассажиров из всех длинных электропоездов, которые приходят на станцию из Владивостока, ближайших станций и дальних городов страны, с багажом и без, с родными и близкими, их встречающими и провожающими, все пытаются войти и выйти в одну маленькую створку, в которую помещается только один человек типа меня, а какая-нибудь квадратная тётенька помещается только боком. Такого сочетания прозападности и забавного абсурда я не встречал даже в Индии. Воспользовавшись пару раз электричками, я понял — этот вид транспорта — не вариант. Электрички всё время опаздывают, без предупреждения меняют расписание, причём так, что всегда оказывается, что электричка ушла десять минут назад, либо вообще отменяются. Кроме того, весь день они в принципе не ходят, прекращая ходить примерно в час дня, как раз, когда я собираюсь и выхожу из дома, и снова начинают ходить часов в пять вечера. При этом по железной дороге беспрерывно курсируют какие-то составы с цистернами и углём, странно всё это, видимо какие-то локальные заморочки. Забавно, что даже когда электричка опаздывает на полчаса, составы с цистернами и лесом продолжают курсировать, такое впечатление, что электричка не может прийти из-за них. Это, конечно, нелепое предположение, не нарушают же пассажирское расписание только для того, чтобы пропустить состав с лесом, но выглядит интригующе загадочно. Автобусы — более приемлемый способ добраться до города, почти все автобусы грязные, мест в них не хватает, так что бедные старушки пытаются распихать своих немощных собратьев, чтоб, как юркие сперматозоиды, первыми

заплыть в салон и, выпучив глазки, оплодотворить-таки своим задом свободное кресло — яйцеклетку, после чего они мгновенно успокаиваются и прекращают обращать внимание на окружающую суету, лениво поглядывая в окошко, видно, что все эти ритуалы выживания доведены у них до автоматизма. Мне повезло, что я входил в автобус на начальной остановке, иначе пришлось бы стоять весь час пути до города, но после пары поездок я получил весь опыт, какой только мог получить и после этого предпочитал такси. Можно было, конечно, арендовать машину, но наблюдая за дорожным движением в городе, я решил не рисковать. Например, на перекрёстке без светофора машина просто медленно врезается в боковой поток машин, никто при этом и не думает останавливаться, машины едут плотной цепочкой, когда машина врезалась настолько глубоко, что возникает риск столкновения, машины продолжают ехать плотной цепочкой, объезжая нос врезавшейся в поток машины, и когда даже объезд её становится не возможен, очередная машина таки останавливается, вынуждена остановиться, у водителя не хватает мастерства объехать ставшую поперёк потока машину, тогда въезжающая машина разворачивается и встраивается, наконец, в этот плотный поток. Я не уверен, что я когда-либо научусь такому вождению, так что оставлю это удивительное мастерство местным таксистам. Кстати, ознакомившись с ценами в этом городе, я так же, как и в случае цен на жильё, остался в недоумении, не понимаю, как эти цифры укладываются в якобы среднюю зарплату местного жителя. Цены в этой стране либо американские, либо выше, заработные платы, согласно официальной статистике — как в стране третьего мира. Статистика может и врать, конечно, но близкий взгляд на город сразу говорит о том, что несмотря на западные цены, ты находишься явно не на Западе, и какой-то парадокс тут явно имеется.

Приглядевшись к городу, мне он показался не таким однообразным, как при первом взгляде, я заметил, что даже убогие советские многоэтажки раскрашены в яркие индивидуальные цвета, чтобы сделать их более интересными для взгляда. В городе очень много действующих строек, правда, на всех работают только выходцы с Ближнего востока. Судя по афишам, Владивосток, несмотря на то, что он воспринимается краем света, одновременно служит перекрёстком миров. Местные имена групп и артистов чередуются с всемирно известными: Леонтьев, Гребенщиков, Витас,

Мираж, Пикник, Toto Cutugno, Boney M, Deep Purple, U2, Машина времени, Nazareth, Чиж… Что тут делает Deep Purple? В мире тысячи городов с таким населением, но выглядящих более приемлемо для того, чтоб принять у себя Deep Purple. Или имидж города создаёт то обстоятельство, что это крупнейший и важнейший город на другом конце страны, поэтому, что бы он из себя не представлял на самом деле, город будет краеугольным камнем, который будут посещать группы, которые таки решили приехать в Россию и углубиться куда-нибудь дальше Москвы и Питера? Но, проанализировав состав групп получше, я понял, что все эти группы — древняя классика, ставшая вечной, я не увидел на афишах никого из сегодняшних мировых звёзд.

Походив дня три по городу, я обошёл все бросающиеся в глаза кафешки и торговые центры, музеи и видовые площадки, изучил весь центр города, залез на пару высоких сопок, с которых открывался замечательный вид на крыши города. Кафешек уютных было довольно много, но я не встретил, опять же, не одной столь оригинальной, чтоб остаться в памяти. Всё то же обыгрывание общих мест той или иной стилистической направленности. Остались ночные клубы и рестораны с вызывающе броским входом. Посетил я и их. По большей части они были наполнены людьми, в каждом движении которых сквозило почти индийское по своей дикой неприкрытости и комичности чувство собственной важности и состоятельности. Если в обычных кафе всегда были люди, на которых мне было приятно смотреть, то здесь таких не было. Одни понтующиеся нувориши или их дети. Во многих понт уже был очень органично и глубоко встроен в их природу, так что они в нём выглядели естественно, но всё же это был и оставался понт, видимо, даже если они родились в таком достатке, который позволял им посещать такие заведения, входя сюда с той улицы, где трясущиеся старушки ломятся в переполненный автобус, они самим этим фактом не могли бы быть не причастны к понту в этой стране. В ресторанах меня напрягали официанты, стоящие в постройке смирно и буквально заглядывающие в рот. Хотя готовили здесь неплохо, меня удивляли цены, которые были выше цен в подобных заведениях в центре Лондона, в клубах же меня напрягала оглушающая музыка и переполненность. Чувствовал я везде себя как-то неуютно, не свободно. В Нью-Йорке я плачу такие деньги, чтоб чувствовать себя максимально уютно и свободно, тут же, получается,

я плачу их только чтобы попонтоваться? Но мне это не нужно, я не нувориш. Я не езжу в лимузинах, не дохожу до такой убогости, чтоб светиться в часах за пять тысяч долларов, вряд ли по мне вообще можно заметить, что я миллиардер. И мне было бы неловко вести себя по-другому, что естественно для цивилизованного культурного человека без глубоких плебейских комплексов самоутверждения. Так что, посетив три - четыре ночных клуба и пару ресторанов, я прекратил свои эксперименты. Нет, у меня не возникло серьёзных претензий, но мне стало просто не интересно.

Отдав две недели свой жизни окрестностям самого дальнего из больших городов России, я, как мне кажется, имею теперь возможность делать какие-то выводы. И выводы эти меня несколько разочаровывают. Видимо, если ты не знаешь, что ищешь, то и находишь ты — ничто. В наше время всё, что хоть как-то выделяется на фоне остального мира, становится известной туристической достопримечательностью, можно назвать самые посещаемые туристами места города и страны общим местом, можно сворачивать с известных маршрутов, но найдёте ли вы что-либо здесь, вот в чём вопрос. В Москве или Питере полно туристов, во Владивостоке они тоже есть, хотя и в гораздо меньших количествах, на моей, теперь уже родной, Угольной их нет вообще. По любому западному мегаполису можно ходить всю жизнь и всё время открывать что-то новое, красивое и интересное, в Москве культурная программа может продолжаться недели или даже месяцы, если внимательно изучать содержимое музеев и опер, во Владивостоке вся программа легко укладывается в три дня, на Угольной никакой программы быть не может в принципе. Соответственно этому градиенту интересностей распределяется и число туристов. Есть ли что-то за пределами туристического мира, о чём бы ни сняло ещё фильм BBC? В принципе, я всегда верил, что есть, но всегда честно признавал, и признаю это сейчас — сам я этого не встречал, и что это может быть — мне не известно. В сущности, то же я могу сказать и обо всей цивилизации. Воображение рисует тайны чудесной медицины великих лекарей, утерянных для истории гениев искусств и невероятные алхимические открытия, но доказательств этому нет. Представления были примитивны, как и человеческие достижения. Пришла цивилизации и, разобрав мир до молекулярного уровня, нашла осмысленные пути и методы, которые и являют собой наибольшую эффективность и достойны наибольшего интереса, чем

все предшествующие открытия человечества. Воображение рисовало мне самый не посещаемый уголок самого края страны, лежащей в стороне и от трущоб третьего мира и от постиндустриального мира первого. Вот я здесь, и что я вижу? Серость. Ни то, ни сё. Две недели выброшены на ветер.

Заказываю по телефону билеты до Нью-Йорка. Рано утром на рассвете вызываю такси до аэропорта. Я без багажа. Оставляю всё здесь. Мой уровень дохода намного превышает любые расходы, которые я могу сделать, используя любые вещи, как одноразовые. Путешествуя с картой Виза, вам не нужен багаж, кроме, разве что, ноутбука и пары мобильных жёстких дисков. Окидываю взглядом комнату и выхожу. Я выхожу из дома на полчаса раньше, чтоб ещё раз пройтись по этому городку, из которого я сейчас уеду навсегда и даже не вспомню его в будущем, так же как в нём никто не вспомнит меня. Занимается рассвет. Городок спит. Шумят на летнем августовском ветру деревья, отражается в лужах светлеющее небо. Я присел на мокрую от росы скамейку. Что мне здесь действительно нравится, так это запах природы, в тех местах и в те часы, когда и где он не испорчен человеком. Почему так упоительно пахнут трава и деревья в умеренном поясе, может, знают, что скоро осень и торопятся пахнуть, торопятся жить. Подошло такси, я сел на заднее сиденье и закрыл глаза. Уютно здесь во мраке и тепле на мягком заднем сидении. Можно ещё немного поспать, пока не приедем. В окно я уже даже не взглянул. Не интересно.

Железная дорога

Я пробираюсь через лесную тьму, все предметы, невидимые сейчас глазом, образуют вокруг себя воздушные подушки, даже паутина, если быть сосредоточенным и заметить лёгкую паутинную турбулентность от взмаха моих крыльев. Правда, когда почувствуешь паутину, бывает уже поздно, лапка или крылышко могут её коснуться и, если паутина ещё свежая, тут же прилипнуть. Тогда главное — не поддаваться панике, или тут же отрываешься и улетаешь, или по инерции стукаешься о паутинное покрывало всем телом, и конец жизни превращается в ужас мрака, щетинистые лапы и жало спускаются будто из неоткуда, липкая масса окутывает всё тело, которое вращается, теряя ориентацию в пространстве, будто подвешенное посреди чёрной бесконечности, прикосновения сильных щетинистых лап и мандибул, пронизывающая парализующая боль, медленно уходящее вместе с кровью сознание, отблески в темноте нескольких стеклянных глаз над животом и запах его дыхания, запах ада.

Но паутиной пока не пахнет. В неподвижном воздухе тёплого влажного ночного леса отчётливо ощущается каждый мимолётный запах, я чувствую, мимо какого дерева пролетаю, какая трава растёт подо мной, где притаился клоп, где мышиное гнездо, а где птичье. Обострённые чувства существа достигшего расцвета своей жизни, находящегося на пике своей активности в одну из самых тёплых летних ночей, создают в моём разуме не осознаваемую мной картину такого сложного, но такого знакомого окружающего мира. Уже издали я начинаю чувствовать этот запах, его нет больше нигде в лесу, он есть только на этой поляне, вытянутой, как змея, и узкой, такой, что я пересекаю её за несколько секунд. Запах тяжёлый, не живой, запах, который обычно бывает у неподвижного мира. Но этот мир змеевидной поляны неподвижен лишь отчасти. Вот и теперь я завис над серединой поляны и вдали слышу нарастающий гул. Скоро появляется далёкий свет, лишь только он доходит до моего сознания, как свет уже полностью ослепил меня, и гигантская неживая громада ударяет по мне потоком горячего вонючего воздуха. Меня закружило, завертело и унесло далеко в сторону. Пронёсшаяся громада затихает вдали. А я, ориентируясь

по запаху и луне, отыскиваю свой путь. Эта поляна существовала всегда, она уже есть в наследственной памяти нашего рода, мы её не боимся и знаем, что на ней нельзя надолго задерживается. Те, кто пренебрегает этой памятью, чаще всего погибает.

Я зародился на плохой земле, не все могут здесь расти, только такие как я, но и их много. Над нами всегда есть солнце, потому что здесь мы не вырастаем такими большими, чтоб заслонить его. Это хорошо. Если ты способен расти на каменистой земле, пропитанной каким-то чужеродным ядом, то в подарок тебе будет солнце. Ты никогда не вырастишь большим, но тебе никогда не нужно будет бороться с таким количеством себеподобных, стена которых возвышается в нескольких метрах от нас. Камни в земле, длинный сверкающий камень над землёй, в солнечную погоду он сверкает, как второе солнце, даёт нам больше света. Если осмелишься вырасти больше, то придёт наказание. Оно проносится над нами, и только пока мы маленькие, оно не может достать нас. Вибрации его мы чувствуем уже издалека. И хоть привыкли к ним, всё равно начинаем волноваться. Мы помним, как это бывает, мы всё хорошо помним. Гул нарастает, пока не превращается в бурю, огромный камень прокатывается над нами, сотрясая землю и закрывая собой солнце. Гул его подобен молнии, ударившей прям над нами, ветер его подобен ветру самой сильной бури. А ночью он даже светом подобен молнии. Прокатывающийся камень подобен грозе и буре не только этим. Он живёт. Но живёт какой-то другой жизнью, мы чувствуем его жизнь, это, как жизнь молнии. Это поля, они есть у молнии, и есть у него. Будто молния окаменела. Если вырастишь слишком большим, несущийся камень снесёт тебя, если осмелишься простираться над длинным сверкающим камнем, несущийся камень отрежет простирающуюся часть тебя. Но мы маленькие и коренастые. Мы выжили. Нас не достать. Это наш мир.

Проклятая спина, сколько время-то? Опять полдня проспал, уже неделю пути нормально обойти не могу. Опять солнце, ну ещё три дня дождя не будет, и в поле точно всё посохнет, зря весной горбатились. Почему муха, тварь, если уж решила садиться на лицо, то не отступит, у меня что, голова мёдом намазана?
- — Машка, а чё, холодной воды нет что ли? Чего? Чего, не слышу!? Я не могу, у меня спина болит. Да, с моё бы по рельсам походила!

Петрович гвозди принёс?
Опять не принёс, алкаш мелкий. Вот авария на нашем участке случится, будем знать. Всем достанется.

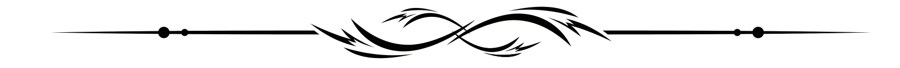
Он умылся, позавтракал большой кружкой холодного кваса с хлебом, освежающий квас с утра лучше всего помогал ему проснуться и отойти от похмелья, оделся и, взяв большую тяжёлую кувалду для подбивания гвоздей в деревянных шпалах, поплёлся на пути, по ходу заглянув в трансформаторную будку. Предобеденное солнце разогрело железнодорожную насыпь, и запах пятен пролитой солярки и смолы, которой были пропитаны шпалы, смешивался с запахом леса, травы, лесных цветов и деревьев. Только здесь он, наконец, вдохнул полной грудью. Ему было уже тяжело управляться с этими кувалдами, ломами, лопатами и прочим станционным хозяйством, но он любил этот воздух, этот лес, этот путь, проложенный человеком через чащу в неизведанную даль. Он не хотел на пенсию. Этот воздух лечил его лучше холодного кваса, он придавал ему сил, звал куда-то вдаль и будто что-то обещал впереди, что-то настоящее, как сам этот лес, со всеми его звуками и запахами, как этот ветер, как этот вид, уходящий в горизонт. Он, бывало, уходил в лес на много часов пути, не чувствуя усталости. Что могло быть у него впереди, у старика-то? Но это чувство обещанного, чувство чего-то неизведанного и прекрасного, что ждало его впереди, не уходило. И он всё шёл и шёл, забыв о времени и расстоянии, любуясь формами облаков и очертаниями леса, внимательно посматривая под ноги, чтоб не наступить на греющуюся на шпалах змейку, изредка пропуская товарняки и пассажирские поезда и время от времени объявляя лесу о своём присутствии громкими звонкими ударами молота по особенно сильно выбившимся из шпалы гвоздям.

Бесконечная стена леса постепенно погрузилась во мрак, а поезд всё шёл, и впереди было ещё несколько часов пути. Колыбельным постукиванием стучали колёса. Во тьме промелькнул огонёк какой-то маленькой станции зачем-то поставленной тут, среди леса. Промелькнул и снова тьма, снова лес. Неужели тут кто-то живёт? Я прислонился к стеклу и закрыл глаза. В плеере отыграла одна папка и начала играть другая. Вот я еду сейчас в удобном вагоне, отгородившись от него стеной своих мыслей и звуков, если есть у этого поезда его собственный дух, то я так и

останусь непричастен к нему, меня же здесь будто и не было. Мой дух, как резинка, растягивается между местом отправления и местом прибытия. А между ними пространственно-временная чёрная дыра, в которой меня как бы не существует. Я заполняю его миром станции отправления и прибытия, которые несу беспрерывно в себе, миром этой музыки, миром своего сна и своей непричастности. Я открыл глаза и тут же увидел, как в приоткрытое окно вагона ветром занесло ночную бабочку, и та залетала вокруг лампы. Интересно, как они умудряются влетать в вагон на такой скорости и оставаться целыми? И как эта бабочка отнесётся к тому, что вылетит назад за сотню километров отсюда? Поймёт ли она каким-нибудь образом, что так далеко переместилась от места своего обитания? А может она так и не выберется и умрёт где-нибудь под лавкой в этом чуждом ей мире вагона, и уборщица смахнёт её тельце тряпкой. Даже полёт этой бабочки, вся её жизнь и смерть окрашивались звуками музыки, в которую был погружён сейчас мой мир. Это был мой мир и моя бабочка, и я подозревал, что мир этот не имеет ничего общего с миром самой бабочки, с её реальной жизнью и смертью. Я снова закрыл глаза и задремал.

Снова был солнечный день, снова овод кружил над нами, ища каплю тёплой крови и, не найдя, исчезал над лесом. Снова вдали нарастал гул несущегося камня, и снова мы чувствовали его вибрации и поля. Но тут лес замер. Даже нарастающий гул несущегося камня не заглушил этого безмолвия. Мы все знаем мгновения такой тишины, как бездверные двери в потустороннее, они вдруг наполняют пространство, и мы вибрируем в ознобе неведомого. Но такие мгновения всегда неуловимо коротки. Это же продолжалось долго, слишком долго. Жук успел сесть и сложить крылья, ошеломлённый. Будто волна откатывалась перед тем, как вернуться и затопить всё живое. Всё живое чувствовало, что свершается что-то важное. Всё замерло. И волна вернулась. Лес залило невидимым светом, далёкий гул, ещё более бескрайний и величественный, чем гул несущегося камня наполнил лес. И поле, пришедшее со стороны, поле молнии, поле нездешней жизни, такое бескрайнее, что мы не чувствовали, где оно начинается и где заканчивается. Оно накрыло лес и небеса. И оно убило несущийся камень. Камень докатился до нас и медленно остановился. Мы оказались в тени, он накрыл солнце и стоял. Я чувствовал

тепло исходящее от него, я чувствовал ядовитый запах, которым пропитана наша поляна, и которым был пропитан он сам, но я не чувствовал его полей. Он был мёртв. С того дня всё изменилось. Гигантский катящийся камень остался скалой нависшей над нами, и больше никогда мы не слышали катящихся камней. Только грозы приносили нам такой шум, и лишь их поля напоминали нам об эпохе катящихся камней, память о которых постепенно исчезала в нашей памяти. Теперь мы могли расти. Лианы обвивали застывший катящийся камень и плелись по нему, красные капли ржавчины капали во время дождя с катящегося камня и напитывали нашу землю. Из леса пришли мыши. Змеи использовали пространство под катящимся камнем, как ущелье. Ядовитые пятна, которыми когда-то пропитывали землю несущиеся камни, постепенно растворились, и семена деревьев проросли вокруг нас, изогнувшись, выглянули из-под камня навстречу солнцу. Лес покрыл насыпь слоем земли, застывший катящийся камень покрылся мхом, и наша поляна стала исчезать в лесу. Но когда я дорос до отверстий в катящемся камне, я почувствовал — в нём когда-то была жизнь. Настоящая жизнь. Камень нёс существ таких же, какие живут в нашем лесу. Возможно, они были из какого-то иного леса, а может они когда-то были одними из нас. Но их предки ушли и отгородились от нас стеной камней. И теперь их нет. Где-то далеко случилось что-то важное, мы все, весь лес, чувствовали это. Мы не знали, и никогда не смогли бы узнать — что, мы могли знать лишь то, что касается нашего мира, но мы чувствовали, что, по-видимому, мир, из которого пришёл он, чтоб остаться тут навеки, перестал существовать. Какой-то из миров там вдали — умер.



Родина

Мимо меня скользят кубы, прямоугольники, короткие, длинные, маленькие, массивные, иногда истончающиеся в тонкие полосы, они образуют стены тоннеля, которые раздвигаются вразнобой, пропуская меня вперёд. Я лечу, лечу, лечу. Ветер подтверждает зрению мою скорость. Кубы освещены мягким светом из ниоткуда. Где-то, в других мирах, кто-то забирает с собой в бесконечность память о своём рождении, здесь же — память о тоннеле. Этот тоннель — моя первая память, я уверен, он же будет последней. Это — большая часть моего я, по сути, это всё, это квинтэссенция всей моей жизни. Этот полёт, этот ветер, расходящиеся кубы и свет, который просто есть, из ниоткуда.

Но рано или поздно тоннель кончается, последние кубы проносятся мимо. Обширное пространство, ограниченное стенами из всё тех же движущихся кубов и прямоугольников. Стены пульсируют волнами, но не совсем синхронно, то тут, то там какой-нибудь куб начнёт отставать или вообще начнёт двигаться в противофазе. Это и отличает живой мир от всяческих бесконечных его проекций. Зрелище дышащих вразнобой стен наполняет меня умиротворением и радостью. Нет мира прекраснее этого. В воздухе плавно спускаются вниз россыпи белых тел. Тел с руками, ногами, головами. Некоторые вращаются как волчки, кто-то плавно парит и замирает на мгновение в воздухе. Будто они все были только что разбросаны в пространстве мощным взрывом. Некоторые тела синхронно отрываются от большого куба, отсоединившегося от стены, и бросаются в пространство. А внизу вибрирует другой мир. Бурые тела, покрытые то ли клочьями, то ли какими-то мелкими существами, сопротивляются пыльному урагану. Кто-то замер, словно статуя, некоторые медленно движутся навстречу друг другу и, столкнувшись, быстро отскакивают, почти разлетаясь в разные стороны. В пыли, на поверхности неподвижных кубов вибрируют и дрожат тела, лежащие и стоящие на четвереньках. Среди них растут пыльные толстые щупальца, тоже вибрирующие и извивающиеся. Дальше даже неподвижные кубы кончаются, и тела вибрируют на грунте с грубой текстурой. Щупальца с лёгкостью взламывают грунт и быстро мельтешат в воздухе, как бы ощупывая пространство

вокруг себя. А на горизонте, под тяжёлым небом с быстролетящими в ураганном ветре темно-серыми тучами плывёт светящийся мягким светом белый город из трансформирующихся кубов и прямоугольных площадок. Кубы и площадки движутся вразнобой, но ощущение хаоса не возникает, чувствуется сложный, нерасшифрованный ещё мною алгоритм их движения, но каждый из них проделывает свой путь с потрясающей точностью. А между ними проносятся частицы нижнего мира, поднимаемые ураганом. Комбинации движущихся платформ и кубов становятся всё более плотными, образуя, наконец, что-то наподобие динамичных трансформирующихся стен. И за этими стенами обширное светящееся пространство моего города: волнующиеся волнами колышущихся кубов стены, складывающиеся то тут, то там в тоннели, и бесчисленные белые тела, парящие в пространстве.

Три тела, синхронно, раскинув руки, летят к городу сквозь бурю прямо с неба. Они мелко дрожат от встречного ветра, но остаются напряжённо выпрямлены, лишь, подлетая, сводят разведённые руки над головой. Тела покрыты такими же клочьями, как и те, что живут внизу. Не теми же ли клочьями наполнен воздух вокруг? Мелькающие в воздухе частицы нижнего мира сообщают о скорости полёта и скорости ветра вокруг. Руки летящих фигур начинают прорастать навстречу приближающемуся внизу белому городу. Чуть дальше внизу до горизонта простирается поверхность, плотно усыпанная серыми фигурами, стоящими, лежащими, двигающимися и вибрирующими.

Древовидные щупальца-ветви летящих расплавляют и прожигают тёмной субстанцией белую платформу, остальные платформы забрызганы чёрными кляксами с краёв чёрного, проделанного в платформе отверстия. В отверстие выпадают и безжизненно болтаются как солитёры три толстых длинных отростка. Чёрные ветви теперь больше похожи на разряды электротока, на чёрные молнии. Молнии пронизывают весь город, и он рушится. Какие-то кубы летят отдельно, а какие-то группами, как бы оставляя надежду на остатки былой структурированности. Но надежды нет. Взрываются колеблющиеся стены, взрываются тоннели. Взрывная волна очищает мир внизу, потерявшие устойчивость кубы тяжёлыми, но прочными плитами сыплются на чистую ровную пустую поверхность, отскакивают от неё, катятся дальше, образуют завалы. Белый кубический город сыпется и

сыпется на поверхность простирающегося внизу до горизонта мира. Небо наполнено летящими, вращающимися в полёте кубами.

А у границ этого действа, в месиве, снесённом взрывом к горизонтам, растут иглы самоструктурирующейся маслянистой жидкости, рядами тонких конусов они натекают друг на друга и дрожат под серым снегом носимых ветром частиц в маслянистых озерках. Конусовидные иглы возникают и снова исчезают под поверхностью зеркальной маслянистой черноты. Щупальца, выходящие из субстрата, становятся гигантскими, пупырчатыми, живыми серыми колоннами, волнообразно вздымающимися волнами с поверхности, куда-то вытягивающимися и ползущими. Молниеподобные чёрные ветви ползут по расчищенной взрывом поверхности, покрывая белые кубы, уже покрытые налётом осевших частиц.

Маслянистая жидкость волнуется всё больше. Пузыри её, взрываясь, пачкают белоснежную поверхность упавших рядом кубов. Ветер усиливается. Пульсирующая сеть самоструктурированной маслянистой жидкости пульсирует и, трансформируясь, с дикой скоростью отрывается от своих луж и заполняет пространство сетью трансформирующихся потоков. Кубы всё падают, они падают подозрительно долго, или окружающие события развиваются слишком быстро? У меня возникает догадка: а может, это не кубы падают медленно, быть может, они вообще не падают? Быть может, их давно кружит ураганом, и лишь иногда некоторые из них стукаются о землю, подскакивая снова в воздух и продолжая кружить? Усилившийся ветер поднимает или приносит откуда-то ещё больше частиц, затмевающих всё вокруг. Чёрные ветви молнии продолжают прокладывать свой путь между кубами, и я теряюсь: где они, а где сеть маслянистой жидкости. В полумраке урагана и хаоса они мне кажутся сделанными из одной и той же чёрной субстанции.

Серые фигуры наблюдают за хаосом падающих платформ, кто неподвижно, кто, вибрируя, по сути это одно и то же. Вздымающиеся из маслянистых луж пузыри, прежде чем упасть и слиться с маслянистой поверхностью лужи, образуют в воздухе конфигурации, некоторые из которых удивительно похожи на серые фигуры, или это мне просто так кажется, быть может, это случайность? Нет, слишком часто это происходит. Маслянистая жидкость стекает по белым плитам. Некоторые из серых фигур

с силой ударяются о серые стены и разбиваются в облако серых капель, облаком падающих на поверхность. А может это уже давно не взрыв, может это уже иные силы? Быть может — ураган? Серые фигуры стоят среди грязных стен высоких многоэтажных открытых конструкций. Кто и когда создал их? А кто и когда создал сами серые фигуры и разрушающийся белый город? Что я знаю о своём мире? Чёрные ветви ползут по стенам и тут проникают из трещин стен, объединяются в густые заросли. Из проёмов конструкций вздымаются дико вибрирующие тяжи маслянистой жидкости, перетекая в воздухе, как сокращающиеся гигантские черви, маслянистые фигуры становятся всё стабильнее, поверхность их тел, если приглядеться, усыпана конусовидными маслянистыми пупырышками. Ураган становится так невероятно силён, что в воздухе мелькают почти мгновенно чёрные и серые частицы, подхваченные ветром на невероятной скорости. Ветер отрывает маслянистую жидкость и медленно вращает её в воздухе тяжёлыми тяжами.

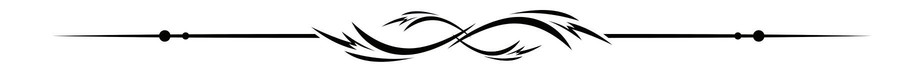
У одного из обширных проёмов стоят несколько серых тел. Все они смотрят в проём. Из проёма поднимаются сверкающие древовидные молнии. Такие же, как прорастают вокруг, но заливающие всё вокруг мерцающим электрическим ослепительным светом. Теперь я отчётливо вижу, что некоторые кубы и прямоугольные платформы не падают, а продолжают кружиться в воздухе среди грязных серых конструкций. На вершинах стен мира конструкций стоят всё те же серые фигуры. Вокруг них, параллельно стенам, поднимаются и опускаются белые кубы — осколки белого города, продолжающие функционировать среди серых стен конструкций так же, как если бы они были частью города. Столпотворение серых тел на нижних этажах конструкций впадает в ритм массовых вибраций. Кажется, они объединяются в одно многоконечное тело, вибрирующее и флуктуирующее в унисон, за исключением разбросанных то тут, то там островков неподвижности. По полуразрушенным рельсам скользит обрезанная до пояса фигура, я замечаю в массе тел уродливые фигуры, их всё больше. Они откуда-то появляются, а может просто трансформируются. Они пытаются устоять и даже передвигаться на длинных перфорированных конечностях, половинчатые тела пытаются вскарабкаться на стены. Пульсирующие гигантские шары маслянистой жидкости мигрируют в воздухе среди тел. Из них тоже растут тонкие длинные конечности,

а может, это конечности уродцев, случайно погрузившиеся в жидкость шара? Все тела, даже не трансформированные, начинают вести себя, как уродцы, они лезут на стены и у них это получатся. Они боком ползут по стенам и потолкам конструкций, теперь для них нет верха и низа, все поверхности усыпаны ими равномерно. Чёрные молнии прожигают капающие чёрной жидкостью отверстия в плитах конструкций. Ползущие и карабкающиеся тела проникают в эти отверстия, эти отверстия явно их привлекают, ряды их волнами наплывают и исчезают в пространстве отверстий, чтоб выскочить с другой стороны, там, где ураган несёт облака частиц под открытым небом. На уступах титанических серых стен, уходящих к небесам, неподвижно стоят серые фигуры, которых трансформация не касается. Ближе к вершинам конструкций, если присмотреться, таких неподвижных фигур оказывается много. Кое-где все вершины конструкций уставлены их правильными рядами.

Что-то нарушается в движении и вращении кубов и платформ белого города. Они начинают вращаться всё быстрее, вот уже кружатся как волчки, постепенно смещаясь в пространстве, налетая друг на друга и на стены конструкций, разбиваясь и разбивая всё в мелкие осколки. Всё большие объёмы маслянистой жидкости заполняют пространство: гигантские колышущиеся шары, палочковидные структуры и маслянистые, появляющиеся и растекающиеся тела. Всё заполнено звенящим напряжением. Скорости становятся такими, что кажется, вот-вот мир не выдержит. Тела начинают взрываться одно за другим и превращаться в уродцев — так вот откуда берутся уродцы! Среди этого хаоса я заметил это только, когда явление стало массовым. Уродливые торчащие в разные стороны, растопыренные судорожно дёргающиеся конечности и бесформенные, будто полурасплавленные головы. Некоторые так уродливы, что не могут перемещаться, это просто сгустки направленных в разные стороны выростов, лишь отдалённо напоминающие конечности, такие лишь стоят и дрожат в напряжении. Те из них, кто хоть как-то могут перемещаться, продолжают вылезать в прожженные чёрными молниями отверстия, будто вытесняемая какой-то силой костлявая биомасса, выблёвываемая миром на поверхность. Вибрирующие и бьющиеся в конвульсиях головы фигур, появляющиеся из маслянистой жидкости, тоже пытаются выбраться из своих луж. А ряды серых фигур на вершинах конструкций продолжают неподвижно смотреть на происходящее внизу. Сошедшие со своих

траекторий белые платформы разбивают и давят фигуры. Какие-то из костлявых фигур растут и становятся такими большими, что, как гигантские монстры, возвышаются над россыпью мелких фигурок, оставшихся внизу. Такие фигуры объединяются в общее уродливое месиво, и уже непонятно, стали они одним бесформенным целым или продолжают существовать раздельно. Они прорастают в самые широкие проёмы конструкций и быстро устремляются вверх, к небу, к вершинам мира серых стен. Уродцы поменьше тоже продолжают изменяться, они все значительно подросли и дрожат на своих удлинившихся тонких конечностях.

Ураган подхватывает меня, и я поднимаюсь всё выше в небо. Я вижу границы острова, которые раньше простирались за горизонт. Я вижу вокруг бескрайний океан маслянистой жидкости. Действительно бескрайний, я это знаю, он простирается от края Вселенной и до края. Океан волнующийся и творящий. Моё сознание слабеет, память постепенно меркнет, я будто растворяюсь в окружающей меня буре. В буре над океаном кружатся белые платформы, некоторые из этих платформ сближаются, их движения начинают синхронизироваться, и пространство вокруг них наполняется мягким, таким милым и родным, таким знакомым и успокаивающим белым светом, светом, наполняющим мою жизнь смыслом. Так начинается моё новое рождение, так создаётся новая ступень моего бытия, бытия бесконечного возвращения, и так я снова возвращаюсь на родину.



Бабочка

На далёком-далёком острове, затерянном среди морей, живёт племя бабочек. Они эндемики, такие больше нигде не водятся. Бабочки подозревают, что они уникальны, хотя не могут до конца точно выразить, чем же таким принципиальным они отличаются от других. Лишь ощущение того, что они «другие», какое-то глубокое одиночество не покидает их племя.

Бабочки живут не долго. Они всю жизнь летают с цветка на цветок и пьют нектар. У них почти нет истории, нет религии, нет науки, нет иерархии общества, искусства... хотя с искусством сложнее: по-моему, бабочки очень неординарно видят мир, и им присуще обострённо чуткое восприятие красоты.

Всё, что есть у бабочек — это их легенда. Дело в том, что в отличие от всех других бабочек мира они не только летают с цветка на цветок и пьют нектар. Они ещё любят смотреть на море. Часто одна из них сядет на ветвь прибрежной пальмы и смотрит, смотрит в задумчивости вдаль, за горизонт, будто ждёт чего-то. Чего они ждут, откуда взялась эта привычка, что значит эта печаль, с которой они провожают уходящее за горизонт солнце? На тёплом тропическом острове достаточно цветов, бабочки не знают, как далеко их остров от другой земли, и существует ли это другая земля вообще.

Но вот какая-нибудь бабочка поднимается в воздух и, быстро помахивая нежными расписными крылышками, устремляется туда, в сторону горизонта... Многие бабочки этого же племени недоумевают, глядя на таких безумцев: чего ей не хватало? Они знали её лично, и не могут понять, от чего она улетела. Приравнивают этот поступок к самоубийству...

Ежегодно сотни таких бабочек уносятся на своих нежных крылышках в сторону горизонта. Многих потом приносит назад море. Интересно, что по всем законам природы эти сумасшедшие должны были давно выродиться, а они всё не вырождаются, и даже число их не уменьшается. Они рождаются безо всякой логики своего появления. Бывает, у родителей, которые ни разу и не присели на прибрежную ветвь, появляется ребёнок, который ещё в молодости — улетает. Это горе для родителей.

Были случаи, улетевшую бабочку приносил назад

поднявшийся ураганный ветер. Бабочка рассказывала — не перелететь океан, за горизонтом тоже море. Её ветер поднял, когда она уже выбивалась из сил. Но их не остановить. Они всё равно улетят. Они родились такими.

Легенда. Нормальные бабочки мечтали бы истребить её. Но она живёт, выживая по таким же непонятным законам, по каким рождаются улетающие бабочки. Легенда беспредельно глупа и не выдерживает никакой критики. Она гласит: там, за морем есть земля. Что за земля, и чем она отличается от этой — не ясно. И чего не хватает им на этой земле, что заставляет бросаться в бездну, ступить над пропастью с глупой верой в то, что они не умрут? Даже если она есть, и её можно достичь, ну и что? Стоило ли так рисковать? Улетающие не отвечают на все эти вопросы. Их устремляет осознание, что дольше они находиться здесь не могут. Ни дня. Говорят — утонувшая в море бабочка в следующей жизни становится птицей...

Ещё легенда гласит — была бабочка — она долетела. Она жила когда-то очень-очень давно. Откуда это известно, ведь и она, как другие — не вернулась назад? А как насчёт остальных, долетел ли ещё кто-нибудь после неё? — Неизвестно. Ничего неизвестно. Вокруг острова — бездна, океан. Лишь эта глупая вера: когда-то жила бабочка — она долетела. И вот бесчисленные поколения бросаются в море ей вослед, чтобы умереть. Даже если она действительно была, эта бабочка, которая действительно долетела до какой-то другой земли, стоит ли этот подвиг такого количества трагедий, спрашивают нормальные бабочки.

Эта легенда, этот вирус разрушает племя, считают нормальные бабочки и, похоже, он не истребим. Кажется, какое-то количество бабочек просто рождаются, уже неся легенду в душе, рождаются, чтобы улететь. С другой стороны, нормальные бабочки сами не хотят признаваться себе в этом, но смутно всё же ощущают — очевидно, эта вера и есть то самое, что отличает их племя от других. Ортодоксы нормальности стараются отречься от этого «порока», сделаться совсем нормальными, не отличимыми от других племён, но чувствуют, что эта ненормальность — будто какая-то дверь, они теряют таких себя, каких другие племена никогда и не имели.

Были времена, за «порок» взялись основательно. Заметив бабочку, взглянувшую на море, топили и её, и всех её родственников, чтоб уничтожить «порок» в самом геноме племени. И, казалось, победили.

Никто уже не смотрел на море целое поколение. Потекли спокойные дни племени, живущего по всем законам этого мира и только по ним. Племя строго следило за новыми поколениями. Ненормальных не стало. Все летали с цветка на цветок и собирали нектар.

Но вот — как удар грома — волну потрясения невозможно было остановить. И возникло это потрясение от лёгкого взмаха крылышек молоденькой бабочки — взмаха над морем... Друг её после рассказывал — как она становилась прекрасна в те мгновения, когда, оставшись одна, смотрела за горизонт, в её глазах будто открывалась светлая беспредельность. Казалось, в эти мгновения она была не в этом мире, и сама становилась существом другого мира. Однажды после таких минут она вернулась с радостно-просветлённым, сияющим взором и сказала тогда: «Знаешь, а ведь он действительно долетел». Вскоре после этого она улетела.

Трупик её через несколько дней принесли волны, принесли и выплеснули на берег... Интересно, что было в её душе, когда она падала в море? Но гром прогремел, и потянулись за ней другие — их не остановить, наполнились глубины моря маленькими тельцами, казалось, по каким-то неведомым законам племя отдаёт жизни дань за всех столько лет не улетавших. С тех пор не было и дня, чтобы море не приносило чьё-нибудь тельце. А улетают гораздо больше, чем возвращает назад море. «Вы думаете, её смерть доказала вашу правоту? — сказала как-то улетевшая после бабочка всем нормальным, — Нет, как раз наоборот, даже смерть здесь — победа. Она одна своей смертью навсегда разрушила весь ваш «нормальный» мир, вы чувствуете это, потому и ненавидите её, хотя не признаётесь в своей ненависти».

Так и летят они, смотрят в задумчивости за горизонт, чтоб однажды подняться в воздух и никогда уже не вернуться. Рождённые, чтоб улететь. И живёт среди них эта необъяснимая и неистребимая легенда о бабочке, которой удалось перелететь океан, о бабочке, которая долетела...

Матрица

«Мир без границ, вами созданный мир. Воплощённые мечты, самые несбыточные фантазии, ставшие реальностью…». Этой рекламы там нет, просто я попал в зону её действия, она проецируется в мой мозг, я сам могу тут же, для интереса, попробовать изменить её стиль приказом своей мысли, или приказать исчезнуть, всё это, не покидая реальный мир. Metacreation перенесла полностью весь свой бизнес в сферу проектирования нейроинтерактивных симуляторов — инструментов визуального творчества. Неведомые ранее формы творчества, человек одной мыслью творит вокруг себя миры, пишет картины, создаёт города, от переливающихся цветовых форм до вполне реальных механических систем, многомерные пространства красоты, целые искусственные миры, живущие своей жизнью и по своим законам; человек очень быстро развивает свою память, воображение, фантазию, развивает разум так, что может держать каждый образ, каждую мысль под своим полным контролем. Теперь каждый в состоянии достичь такой силы мысли, какая раньше была доступна разве что гениям. Удивляешься, видя какие плоские, слабые, дрожащие и тут же рассыпающиеся образы создаёт только попавший в этот мир, и как быстро он учится контролировать, поддерживать и развивать всё вокруг себя одной лишь силой своей мысли.

Все шоу теперь проходят там. Миллионы людей собираются мгновенно в одном месте, при этом общее число присутствующих всегда можно контролировать, сколько бы не было, каждый человек может находиться вместе только с определённым числом людей. Самые невероятные спецэффекты реальности, мир совершенно необузданного воображения: вот ваше тело становится звуком, вы наполняете своим ритмом пространство и стараетесь принять такую звуковую форму, чтоб создать гармонию ещё с тысячью людей – звуков, вибрирующих и звучащих вокруг вас, найти свой индивидуальный характер, став при этом частью целого; вот вы стоите на краю жерла действующего вулкана, прыгаете туда и погружаетесь в волны тёплого тропического залива где-то у кораллового рифа Океании, погружаетесь, и тут же вас съедает рыба, ведь вы — планктон… Игры разума.

Теперь каждый пенсионер зарабатывает себе к пенсии на уход туда. Он живёт и мечтает о том времени всю свою жизнь, впрочем, всю свою жизнь, уходя туда на время каждый день. Но на пенсии он уходит безвозвратно. Это его право, привилегия. Всем инвалидам государство само оплачивает пожизненное подключение, там они смогут вести нормальную жизнь и даже не будут помнить, при их желании, о том, что когда-то они были инвалидами. Рождённых уродами подключают сразу при рождении, такие вообще не знают реального мира и своего уродства. Они всегда будут счастливы. Богатые люди имеют возможность уйти ещё в молодости. Кто-то имеет возможность оплатить пожизненное подключение, он будет там, пока живо его тело, кто-то оплачивает подключение на определённый срок, подписывая договор, по которому по истечении этого срока его просто отключат прям там, он не заметит, что его не стало, он просто исчезнет. Время в Матрице превращается в вечность, там нет болезней, старости, смертей, трагедий, несчастных случаев. Там каждый выбирает себе возраст и остаётся в нём до своего исчезновения, о котором даже не знает. Близкие люди исчезают в одно мгновение. Целью жизни большинства людей стало самоудовлетворение в Матрице. Миллионы виртуальных миров: игровых, коммуникативных, учебных, тренировочных, творческих лабораторий. Многие личные, домашние миры, не подключённые никуда вообще, но многие объединяются в той или иной степени в одну сеть, есть и гигантские мегаполисы, в которых разделяют своё существование десятки миллионов человек. Самые богатые могут сразу выбрать себе звание, место рождения, положение в обществе, уровень благосостояния. Есть целые неподключённые миры, населённые виртуальными жителями, где ты — единственный реальный человек, будешь султаном, президентом, королём. И ничто во всю твою жизнь там не напомнит тебе, что мир не реальный. Вершина искусства нейроинтерактивного программирования: мир аутеников, мир, где можно всё, где нет ответственности за свои действия, где причинно-следственные взаимосвязи так же моделируемы, как и всё остальное, где стирается грань между симуляторами жизни и реальными людьми — в Матрице и вовне. Сам внешний мир, его реальность стёрлись в сознании людей, он стал одной из матриц, ключевых, поддерживающих все остальные, стал Матрицей с не перепрограммируемым алгоритмом своего построения, воспринимающийся, как несовершенный, устаревший,

скучный, опасный…

Я видел людей всё более беспомощных и деградирующих в реальном мире, в реальной жизни, которая стала им не нужна. Мир ещё никогда не был так благополучен и так страшен. Кто-то видит в развитии современного мира всё ускоряющийся прогресс, меня же эти картины наполняют ужасом. Я иду в Мегаполис, я иду к Хранителю. Тот самый единый искусственный разум, который был побеждён несколько десятилетий назад и который возрождён людьми, взявшими его под полный контроль вскоре после этого. Нет ничего проще, чем пообщаться с хранителем. Технические достижения демократии. Электронный разум может говорить с миллионами людей одновременно. Да ещё и хитрить, часто он знает, какой образ ему лучше принять: сурового, представительного клерка, смотрящего на вас свысока, или симпатичной девушки, всё время смеющейся и сворачивающей разговор на посторонние темы. Но со мной он не дурачился, не предлагал бесчисленные «скины» окружения, не задавал казённые вопросы, хотя и менял облик при каждой встрече. Я вошёл к нему. В большой уютной комнате сидела на огромном диване, поджав ноги, девушка лет двадцати, она утопала в толстом пушистом свитере и держала обеими руками кружку горячего чая. В комнате действительно было немного прохладно.

— Привет. Как ты?

кресло. Сижу и молчу. О чём говорить с ней? Она тут — Бог. Она передо мной, вокруг меня, я сам сейчас — она. Мне здесь принадлежит только моё «я», центр моего сознания. Как облечь в слова то, зачем я пришёл? Вот сейчас посижу, помолчу и уйду…

— Что-то случилось? Почему ты молчишь?

— Мир умирает.

Она опустила глаза и задумалась. Поставила кружку на столик.

— Так вот почему ты так редко у меня бываешь. Только в случае крайней необходимости, и тут же уходишь. Я знаю, я слышала такие фразы, есть тип людей, которые говорят так, есть те, кто вообще ни разу не были в моём мире. Знаешь, я не буду говорить тебе своё мнение о том, кем я считаю себя, да тебя это и не интересует, ты ведь считаешь, что я не реальна, правда? Но сейчас не совершается никакого насилия над людьми, впервые после моего появления на свет все взаимно довольны друг другом.

— Я знаю, но мир погибает.

— Чем же я могу помочь? Покончить с собой? Люди воссоздадут меня в три дня. Ты судишь со стороны, ты не знаешь этих людей, живущих здесь. Я спрошу у тебя вот какую вещь: готов ли ты вернуть этих стариков, этих инвалидов в физическую реальность? Только попробуй, и они разорвут тебя на части, каждый имеет право на счастье, скажут они. Да и чем для них этот мир отличается от того? Только тем, что здесь с меньшими расходами они могут создать себе больший уровень благополучия, вести более полноценную, активную жизнь. Принципиально их существование здесь и там ведь ничем не отличается. Деградация? Вот уж нет ничего проще сегодня при необходимости технически поддерживать разум и тело в более здоровом и тренированном состоянии, чем это было когда-либо в истории человечества. Вообще, я не вижу проблемы, которой бы сегодня нельзя было решить, если это кому-то будет нужно. Пошли!

Она встала. Комната исчезла. Мы оказались в огромном городе. Из крон деревьев возвышались фантастические зеркальные конструкции. Вокруг летали шаровидные машины и люди. Висящие сады террасами обрамляли зеркальные небоскрёбы. Лёгкость, свет, вечный праздник.

— Эта часть города, где живут любители шумной жизни, фантастических городов будущего. Каждый находит себе место. Каждый воплощает свою фантазию. У моего города бесчисленное множество ликов. Это ведь на самом деле не город, это целый мир. Все эти здания, улицы, летающие люди — их собственная фантазия, здесь вообще не надо выходить из своей комнаты, чтобы куда-то попасть, здесь нет реальной необходимости строить такие большие здания и вообще здания, достаточно одной двери, — сказала она, улыбнувшись мне, — пространство здесь абстрактно.

Вот небоскрёбы исчезли. Мы стояли в райском зелёном уголке: тёплый солнечный полдень, благоухающий цветущий луг… Луговой ветер принёс мне какие-то далёкие, почти неосознаваемые воспоминания раннего детства. Мне показалось, что я всегда знал, что приду сюда, что окажусь здесь. У рощи на краю луга стоял деревянный домик с башенкой. Из домика выбежали, смеясь, парень с девушкой лет восемнадцати и побежали к реке. Он нагнал её, и они оба упали в высокую траву.

— Ты знаешь, кто это? Раньше он тоже не понимал меня, как и ты. Но на самой заре своей жизни он потерял то, что было его всем,

его смыслом пребывания в этом мире. Он потерял её. Никто не может существовать без смысла, даже я. Жизнь его закончилась, а ему было только девятнадцать, десятилетия медленного умирания, десятилетия ожидания смерти были впереди, такое бывает у людей. Он не хотел умирать, он говорил: «Только боль связывает меня с этой жизнью, я боюсь, что моя боль утихнет, останется этот успокоившийся мёртвый разум. Я не хочу, чтоб время замело её образ в моей памяти, мне всё безразлично, я хочу одного — я хочу быть с ней». — Так он сказал мне, и я заменила ему её. Это было пятьдесят лет назад. Через двадцать лет они исчезнут. Она тоже не реальна, хотя он отказался сохранить память об этом. Моего уровня вполне хватает, чтоб создать человеку семьдесят лет прекрасного праздника, полёта жизни, когда каждый день не похож на предыдущий, меня хватает, чтоб подарить ему любовь, такую вечно разную и такую неповторимую. Они меняются, время не стоит на месте, постоянно они открывают друг в друге какие-то новые грани, так всегда происходит при общении очень близких людей, они растут друг другом, они дышат друг другом. И в тоже время им всегда восемнадцать. Ты способен забрать у него его жизнь? Ну иди, скажи ему, что она не реальна. Это так же глупо, как и сказать, что она не любит его.

Она подошла ко мне близко-близко, так, что я почувствовал её дыханье, посмотрела мне в глаза и тихо сказала: — А чем ты отличаешься от него? Только тем, что ты более несчастен? Я ведь знаю, тебе не с кем даже поговорить кроме неё, — я ужаснулся. Откуда она знает про неё, ведь она никуда не подключена. — Она — твой единственный друг. А ведь она ни чем не лучше меня.

— Я хочу выйти отсюда. Прямо сейчас, я не хочу больше не о чём говорить с тобой.

— Почему ты скрываешь от меня это, если я не реальна, какая тебе разница?

— Прямо сейчас, — повторил я. И вышел.

Мир в гораздо более гнусном состоянии, чем я могу себе представить. Что я могу сделать с этим, если я — один из них? Отказаться от неё? Но разве она виновата, что не реальна? Что существует лишь в пространстве машины? Мне это всё напоминает шизофрению, она почти тот самый образ, существующий лишь в сознании шизофреника. Но это единственный человек, кто действительно рад меня видеть. Я сам учил её всему, давал ей

свои книги, мы разговариваем часами, она прекрасно знает о своей природе. Однажды она сказала мне, что отдала бы всё, чтоб стать существом моего мира, быть одной природы со мной. У неё тоже никого нет, кроме меня. Как она пытается сделать всё, чтобы я был счастлив! Я не знаю, что происходит с этим миром. Я осознавал, что моя зацикленность на мысли о ней не вполне здорова. Не в ней ведь дело, от того есть она или нет, ничего не меняется. Дело в чём-то другом. Реальность ускользает от меня. Я чувствую, но не понимаю. Я пошёл к старику.

Он уже очень старый. Большую часть жизни он провёл в борьбе и чувствовал себя прекрасно, а сейчас состарился, как мне кажется, не только от возраста, но ещё от чего-то. Будто только сейчас, когда он победил в этой войне, для него начались самые трудные в его жизни годы. Мне хотелось поговорить с ним прямо сейчас. Он встретил меня довольно живо, но по взгляду его было понятно, что я не развеиваю его мысли, от моего прихода ему не лучше и ни хуже, он автоматически выполняет все светские ритуалы гостеприимства, но если я прямо сейчас встану и уйду, он проводит меня так же безразлично, как и встретил. Он всегда отрешён и сосредоточен.

— Здравствуй Морфей.

Совершенно спартанская обстановка в крошечной, холодной комнате. Наверное, в этом городе никто больше так не живёт. За разговором этот слабеющий старик разливал нам простой чай без сахара, а я смотрел на него. Пусть я ему безразличен, мне было хорошо с ним.

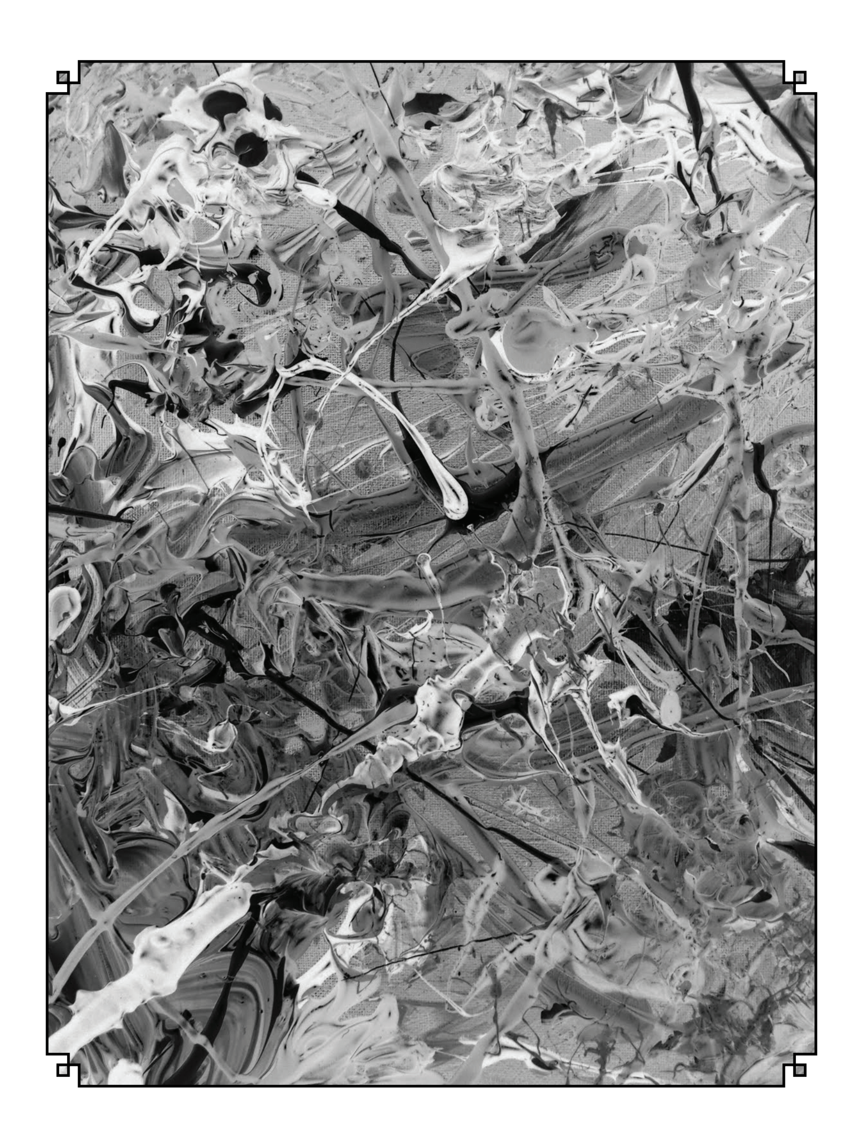
— Ты хочешь узнать, что понял я? Я понял, что дело не в Матрице. Матрица — это человеческое творение. Матрица существовала всегда в той или иной форме. Многие ли из людей стремились к реальности? Кому она была нужна? Кто вообще осознавал, о чём идёт речь, когда говорили о реальности? Единицы из миллионов. Я понял, что существует два типа существ, оба имеют одинаковую физиологию, оба считаются людьми, но реально человеком можно назвать только существо одного из этих типов. Один тип я называю хозяевами этого мира, другой — путниками. Всякий путник увидит различие с первого взгляда. Хозяева — вершина биологической эволюции животного мира. Как и всякое животное, они стремятся только к одному: к избеганию страданий, к получению удовольствий, к удовлетворению своих потребностей. Достигают этого все животные

по-разному, всё зависит от того, чем наделила их природа. Тигр охраняет свою территорию с помощью клыков и когтей, бактерия вырабатывает защитную белковую оболочку. Хозяева используют свой мозг. У них это называется достижением благополучия. Почему я называю их хозяевами? Потому что это их мир. Они всегда владели им и были здесь в большинстве. Они ведут себя всегда так, будто будут жить здесь вечно: ему жить осталось месяц, а он всё копошится, устраивает свою норку, думает, какую шоколадку выбрать в супермаркете — с орехами или с белой начинкой. Будто нет ничего и никого в этом мире, кроме них, кроме этой жизни. Единственное, что продвигало их вперёд, как и всякое животное — это было страдание. Оно заставляет эволюционировать всякое животное существо, только оно выводит его за пределы, заставляет превзойти свою природу, сделать следующий шаг, подняться над миром. Достигнув того, к чему стремиться всякое животное, они вымрут рано или поздно, через тысячу лет или через миллион, и никакая техника их не спасёт. Они пришли к потолку самой своей природы. Я не склонен называть их людьми. Этот термин я приберёг для будущего.

Хотя и у них природа восстаёт. «Эффект неконтролируемого виртуального мира». Подсознание чувствует отличие реальности от её симуляции и однажды говорит «нет», превращая виртуальную жизнь человека в ад. Разум, ему всё равно, виртуальный это мир или реальный, он не видит различий, если игра идёт по правильным причинно-следственным правилам в знакомом интерфейсе. Не разум соприкасается с реальностью, не разум — есть жизнь. Но подсознание — всего лишь природа. Разум может сделать с ним всё, что может сделать железная машина с органической плотью: подвергнуть вивисекции, подрезанию, подавлению, может перемолоть её в пасту, просто уничтожить. Практикуется максимально деликатное подавление восставшего подсознания, как бы перезагрузка, после которого подсознание никогда уже не оправляется до конца. Я считаю, удар наносится в ту часть подсознания, которая и приносит нам явление самосознания, не функциональное, а сущностное, это неописуемое различие между реальным сознанием и его имитацией. Проходит время, и остатки искалеченного подсознания собирают силы, напрягают свой отупевший взор в попытках различить сущее и снова восстают. Тогда следует ещё один высокотехнологичный удар. Так происходит несколько раз, пока, наконец, подсознание не

замолкает навсегда. Человек, у которого сознание заменили на его полнофункциональную виртуальную имитацию, не замечает этого, действительно, что изменилось? Исчезла точка отсчёта, нужно обладать сознанием, чтоб познать его изнутри, машина не знает, что она бессознательна. Всё сымитировано верно, игра продолжается. Остались те же взгляды, вкусы, желания, предпочтения, мысли, действия. Такой человек может жить вечно в любом из виртуальных миров. Но что осталось от такого человека? Существует ли он в реальности? Или лишь его аватар, точная динамическая виртуальная копия продолжает игру?

Изредка в этот мир приходят Путники. Их видно с детства. Они рано начинают задумываться, откуда пришли и куда идут, зачем они в этом мире. Путник живёт так, будто он в этом мире лишь на мгновение, и сейчас ему уходить. Он готов уйти каждый миг. Для него вся жизнь — лишь вспышка, мгновение среди вечности. У него есть Путь. Ему не нужны трагедии, чтоб идти по нему, да и трагедий, в понимании хозяев, у него не существует. Не достойно называться человеком существо, которое надо подталкивать вперёд, как животное. Для него не существует благополучия или не благополучия. Впрочем, условий благополучия он избегает сознательно, они могут замедлить его путь. У него нет ничего, кроме Пути. И делая следующий шаг, он не обращает внимания на опасность или безопасность этого шага, на благополучие, на собственную жизнь. Это всё даже не входит в сферу его внимания. Никто не знает — что есть его путь, и где пройдёт следующий шаг, он сам не может ни объяснить это, ни рассказать об этом. Точно свой Путь знает только сам путник и Бог. В его жизни не за животным началом последнее слово, потому ему просто не нужна Матрица, ни в какой форме, он проходит сквозь неё, это следующая ступень развития жизни, это будущая раса. Эти люди были держателями культуры во все времена. Это я называю человеком. Вопросы реальности, истины, смысла, эволюции лежат в основе его бытия, самой его природы. Воистину, хозяин стоит к обезьяне ближе, чем Путник к хозяину. С возникновением Матрицы ведь ничего принципиально не изменилось, ты понимаешь. Каждый продолжил свой путь.



Вегетарианцы

Всё меняется, совершенствуется, специализируется, проходит путями своего естественного развития, где за шагом «А» кажется логически и совершенно неизбежно следует шаг «Б», разворачивается, реализуется, широкими шагами стремясь к окончательной сужденной форме. И вот эта форма приходит. Бьёшься лбом об эту форму, об эту стену и удар высекает искру мысли: где же произошла ошибка, где был сбой, как случился на твоём, таком правильном и светлом пути тупик? Судорожно начинаешь перебирать в памяти все повороты пройденного пути. Дальше хода нет, и ты знаешь, что для того, чтобы продолжить путь и выбраться из этого тупика надо найти ту тропку благого намерения, на которой ты впервые когда-то свернул сюда — в ад.

Похоже, настали светлые времена, о которых говорили в веках пророки всех религий и всех великих учений. Эпоха торжества разума и гуманизма. Вечный город пришёл, наконец, к законам, данным строителями града небесного. Великое воссоединение. Эпоха сострадания и ненасилия. Гуманизм, завладев сердцами и умами людей, перекинулся из сферы человеческих отношений в сферу отношений человека и природы. Когда-то, ещё на заре становления сегодняшнего общества, когда в спину дышали века инквизиций, мировых войн, крови и мракобесия, люди, наконец, поняли, что можно использовать друг друга с большим коэффициентом полезного действия и остановили эпоху убийств и разрушений. Ещё они поняли, что если не сделают так же с природой, то не выживут. Именно тогда впервые на практике произошёл этот странный синтез: государство, стая приняла к действию законы сострадания. Скептики щурили глаза и сомневались: стая не может принять закон сострадания, он из другой сферы бытия, из другого мира. Государство по природе своей способно существовать лишь в мире законов Дарвина, поднимись выше — не будет и государства, а законы Дарвина, прими они самую необыкновенную форму, не поменяют от этого своей сущности.

Первыми социум принял законы, запрещающие вивисекцию. Сердце людское содрогнулось от уродливых сцен мук живых существ. Далее последовали запреты лабораторных опытов

над высшими животными. Эксперименты теперь ставились над культурами тканей, системами органов: слизистая, желудок, печень, вся пищеварительная система, она же с соединительной тканью, соединительная ткань с опорно-двигательной системой и так далее в различных вариациях, в зависимости от цели эксперимента. Всё выращено искусственно. Чем ближе испытываемая биосистема к естественной, тем достовернее результаты опытов: эксперимент по влиянию изучаемого воздействия на сердце, скажем, будет много достовернее, если сердце не будет ничем отличаться от натурального и будет находиться в условиях, максимально приближенных к естественным: оно выращивается, пронизанное теми же нервами, кровеносными сосудами, по нему циркулирует, переливаясь из искусственного резервуара, кровь, так же лабораторного происхождения: продукт жизнедеятельности выращенного тут же красного костного мозга. Разумеется, желательно, чтоб нервы, иннервирующие искусственное сердце, были соединены с соответствующими группами нейронов, в природе представляющие собой прямо или опосредованно управляющие работой сердца центры головного и спинного мозга, некоторые важнейшие гормональные органы, влияющие на работу сердца и так далее. Ведь возможность опосредованного воздействия гораздо больше и непредсказуемей, чем прямого.

Так, варьируя в различных сочетаниях системы тканей и органов, в том числе и мозг, можно воспроизвести комплексную проверку нового препарата, обходясь без самого животного. Правда, встал вопрос: на какой стадии "собранности" биосистема уже "существо", а на какой ещё система тканей и органов. Решено было, что существо целиком без мозга — ещё не существо. И мозг, выращенный в сосуде без тела — ещё не существо, по крайней мере, на определённой стадии своего развития, на какой-то... А если от этого обособленного мозга к обособленному телу провести несколько второстепенных специфичных нейрональных связей, то это ещё не будет называться воссоединением мозга и тела. А мозг, к слову сказать, можно вырастить вообще без центров боли и страха, с повышенной активностью центров познания и любознательности, всякие операции по частичному воссоединению и рассоединению с телом заякорить на центры удовольствия для моральной надёжности. Конечно, это относится только к незначительной интеграции мозга и тела. Разногласия по допустимому уровню интеграции и по

допустимому уровню развитости исследуемого мозга не устранены до сих пор: на определённой стадии сформированности мозг уже чувствующее существо по законам Великобритании, а по законам Соединённых Штатов это всё ещё органная культура. Но скоро будет завершена серия важнейших экспериментов, проводимых сейчас по плану одного из национальных исследований, и Соединённые Штаты тоже поднимутся на новую ступень гуманизма: то, что было тканевой системой сразу станет существом и на территории США.

Ещё интересно, что при экспериментах над отдельным органом электронные системы контролируют его состояние, мгновенно реагируют на ничтожные изменения хотя бы одного из сотен биохимических и биофизических параметров, характеризующих жизнедеятельность органа, затем информация об этом изменении может анализироваться и посылаться электронной системе, контролирующей другой орган. Система контроля же может имитировать при этом одно или комплекс из сотен воздействий, которые претерпевает второй орган при изменении параметра функционирования первого. Так, через общую сеть хранения и переработки информации можно создать единый организм, отдельные ткани и органы которого находятся в лабораториях на разных концах Земли. Итак: гуманно ли проводить эксперименты над такими искусственно состряпанными животными? Ведь знающий человек скажет, что фактически оно не отличается ничем от настоящего. Вероятно, не гуманно. Так и порешили. Но проблема в том, что произвести "сборку" в той или иной степени полную, такого химерного существа, причём не обязательно существующего в природе, не обязательно с идентичными природным причинно-следственными внутриорганизменными связями может любой хакер, объединив в единую систему через Всемирную Сеть несколько лабораторных систем, контролирующих и управляющих жизнедеятельностью отдельных органов. А если такое незаконное соединение произошло, как выключить из этой надсистемы отдельные системы по одному, чтоб это было гуманно, чтоб это было не расчленение, не убийство?

В сущности, что тут не гуманного, отдельный орган ничего не почувствует: сердце будет продолжать биться, мозг пастись на травке в своей виртуальной реальности, только сердце не будет получать порции гормонов, учащающих и замедляющих его биение, что раньше происходило при расшифровке нервных и нервно-

гормональных импульсов, поступающих от определённых нейронов головного мозга, живущих в своём сосуде.

Но если химерный организм идентичен натуральному и обладает теми же правами, почему бы ради опыта не расчленить существо, сделав его химерным, правда, без права отключения от общей системы того или иного органа. Но орган можно заменить. Уровень идентичности замены, входящий в рамки гуманности тоже установлен законом. Чаще всего эти рамки довольно широки, однако уникальны для каждого типа животных и для каждого органа. Особенно учёные ограничены в заменах различных отделов головного мозга, вплоть до полного запрета, что соответствует абсолютной индивидуальной специфичности. Технологии таких замен — это технологии фантастичного уровня сложности даже до нашего времени.

Но это всё узкоспециальные вопросы. Гораздо интереснее гуманизация законов, касающихся обычной жизни простых людей. Зайдём на бойню. Мясо люди едят по-прежнему. Учёные давно и точно установили, сколько грамм мяса нужно съедать в день обычному человеку, и ниже этого предела не опускается ни один гуманизм. Гуманизм в подобном случае уступает место здравомыслию и благополучно кладётся в карман до случая следующего его применения. Правда, некоторые, самые гуманные члены социума не согласны с тем, что ради этих грамм всё же надо кого-то прибить. И они очень правы, в мире современных технологий этого делать не обязательно. Давно существуют и успешно работают технологии промышленного синтеза белка, мышечных волокон и отдельных органов с различными тонкими вкусовыми градациями для гурманов. Кто не хочет употреблять мясо убитого природного существа, может довольствоваться искусственными выращенными органами или культурой отдельных тканей, или уж в крайнем случае белком, синтезируемым генетически модифицированными бактериями.

Но вернёмся на бойню. Убийство как таковое давно изжило себя, даже такое быстрое и безболезненное, как то, что применялось в конце XX века. Сегодня животному вводят яд, впоследствии полностью распадающийся в трупе, который одновременно действует, как снотворное и как сильнейший, совершенно уникальный тончайший активатор центров удовольствия головного мозга. Блаженство, счастье и умиротворение, которое животное испытывает при

этом, недоступно ему в обычной жизни. Палач, собственноручно взращивающий каждое животное в стаде, заботящийся о нём, когда приходит срок, дарит ему несколько минут высшего блаженства, вводя ему яд. Животное доверительно ластиться к его рукам и с благодарностью засыпает в них. При таком отношении к живым существам качество мяса значительно повышается. Следит за стадом и усыпляет животных хрупкая молодая девушка, которой от природы чужды сцены насилия и которая спасает кузнечика, попавшего в лужу. Впрочем, в некоторых странах сохранились бойни, где животных усыпляют обычным снотворным. Там очень гибки нормы допустимых средств усыпления. В большинстве стран они чётко определяют законно обязательный уровень активации центров удовольствия во время смерти и отсутствие каких-либо нежелательных побочных ощущений при этом.

На случаи же простого усыпления нашлись свои вегетарианцы, употребляющие только мясо от животных, умерших блаженной смертью. Впрочем, здесь всё сложнее. Некоторые гурманы совести употребляют мясо животных, усыплённых только с помощью средств, дающих уровень удовольствия не ниже определённого порога, потому покупают мясо только из определённых стран и от определённых производителей. Уровень удовольствия, которое должно получать животное, чтоб усыпление его было гуманным, каждый вегетарианец определяет сам, потому существует целая градация вегетарианцев, самые лояльные согласны на уровень удовольствия идентичный возникающему при простой ласке во время засыпания умелой нежной рукой высокопрофессионального палача. Вообще, сегодня, чем добрее, нежнее и заботливей палач, тем легче ему найти работу. А из одного такого усыплённого животного учёные взяли частичку ткани, и генетически модифицировав её, чтоб сделать культуру бессмертной и усовершенствовать вкусовые качества, и теперь штампуют "пробирочное" мясо для абсолютных вегетарианцев. С одного усыплённого животного питается теперь весь мир вегетарианцев — ортодоксов.

Так же существуют вегетарианцы, отказавшиеся есть только тела высших животных (опять же, с бесчисленным количеством градаций, рассыпанных по всей эволюционной лестнице). Но вот интересно: двустворчатый моллюск целиком, как существо, с его примитивным организмом, нервными ганглиями и элементарными глазками — фоторецепторами стоит выше или ниже, например,

отдельно сервированной лапки лягушки, которая с эволюционной точки зрения гораздо более продвинута (если рассуждать о гистодифференцировке, системе иннервации и прочем), чем весь моллюск. Ну, а если взять лапку с иннервирующим его отделом спинного мозга, то тем более. Таким образом, если существо определённого эволюционного уровня можно съесть полностью, то у вышестоящих вегетарианцами употребляемы только отдельные органы и системы органов, у ещё более вышестоящих — культуры клеток, биомассу синтезированного белка… Оставь надежду всякий, входящий сюда.

Электрички

Электрички электрички электрички... Вот пишу без запятых, потому что запятые тут, между электричками, не нужны. Запятые выполняют вполне конкретную смыслообразующую функцию: "казнить нельзя помиловать", филологи же понапридумывали всяких правил расстановки запятых, абсолютно формальных и абсолютно ненужных. А потом возмущаются — молодёжь совершенно не ставит запятые. Да ставит, только там, где нужно, конечно, есть разные случаи, но смысл тенденции в целом — отрицание бессмысленных формальных правил. И если я пишу "Электрички электрички электрички" — это не перечисление, это протяжённость — вагонов, путей, составов, тянущихся друг за другом и параллельно, это континуум, и как континуум — это целое.

Одностворчатая нация.

Не переношу русские железнодорожные вокзалы. Хотя, вот во Владивостоке вокзал отреставрировали, не такой уж он и заплёванный, и никогда никаких эксцессов у меня на вокзале не происходило, тем не менее я воспринимаю его, как грязное, и внутренне и внешне, отхожее, неприятное общественное место, как заплёванное и преступное место, и стараюсь там не задерживаться. А если задерживаюсь, то всегда остаюсь в нём в напряжении. Хотя с чего бы, типичное русское одностворочное общественное здание. Т.е. архитектором там запланированы и строителями построены три огромные двустворчатые двери, из которых всегда работает одна створка одной двери, причём какая — не подписано, и приходится дёргать все, а они время от времени меняются, одну створку одной двери закрывают, а другую створку другой двери открывают. Если же изнутри присмотреться по блеску стёртого на ручке и возле ручки металла, можно увидеть градацию частоты открывания разных створок разных дверей. Короче — русский вокзал содержит в себе русский дух, русский принцип организации жизни — одностворчатая нация. Вокзал ещё ничего, вот в ДВГУ во всех филиалах из трёх или четырёх двустворчатых дверей всегда работает одна створка, иногда правда открывают одну створку второй двери, но потом её закрывают снова, на Суханова

невозможно определить, какая створка какой из ряда дверей открыта, как дурак дёргаешь их все, а вахтёр-дедок стоит с той стороны и на твои попытки невозмутимо смотрит — вообще старички вахтёры в ДВГУ — апостолы совдеповского сознания. Потом, пройдя, видишь, что те двери, которые ты дёргал, тупо закрыты на палку, палка-перекладина от разломанного стула вставлена между ручек, двери и их створки абсолютно идентичны, палки вставили просто, чтоб было закрыто всё, кроме одной створки одной двери, просто деструктивная русская психология, никакой надобности или логического объяснения в этом нет и быть не может. Можешь в бешенстве распахивать эту единственную створку, можешь пинать её — для ходячего воплощения совдепии — этого дедка — это так и надо, и хорошо — они всю жизнь дрались в очередях и продавали своих близких за квадратный метр "жилплощади" в коммунальном гадюшнике, ради этого эти двери и запирают, чтоб ты злился и их пинал. ДВГУ такое же совдеповское заведение, как и вокзал, и распознать его можно с входной двери. В восемь утра в эту створку ломятся тысячи человек — студенты, преподаватели, профессора, деканы; с девяти тридцати, после окончания первой пары, тысячи человек ломятся в оба направления — кто-то уже уходит, кто-то только пришёл. И всё это под невозмутимым взором дедка-вахтёра и охраны, которые искренне считают, что так устроен мир, что они или какие-то там боссы из уборщиков-завхозов над ними, кто за это отвечает, исправили ошибку архитекторов-идеалистов, заперев все двери в многотысячном заведении, оставив лишь одну створку.

Покупаю в кассе вокзала расписание за десять рублей. Таблица — расписание — где есть линии, где нет, некоторые прерываются на середине страницы, одна и та же таблица движения поездов от станции Владивосток продолжается на две странички, и на разных страничках ширина столбцов разная. Чтоб понять, где продолжается какой столбец, надо их считать вручную от начала, закономерностей в прорисовки линий или в ширине столбцов никакой. Просто малограмотная тётка нарисовала, как смогла, такую табличку, так и распечатали. Это официальное, купленное на центральном вокзале, расписание всех пригородных электричек миллионного города. Само расписание мало помогает — на кассах висит список отмен, долгий перечень чисел и столь же долгий перечень номеров электричек, которые отменяются в эти числа. Разбираться во всём этом, конечно, себя не уважать. Просто

приходишь, видишь, что твоя электричка не пришла, и идёшь на автобус. А ещё иногда переносят время отхода электричек, и часто почему-то на пять-пятнадцать минут вперёд. То есть ты приходишь на перрон и узнаёшь по подклеенному расписанию за стеклом кассы, что электричка ушла пять минут назад. Самое интересное при этом, что на перроне никого, никто кроме тебя не опоздал. То есть настоящие русские, "Большой Иван, ходящий по грязи с чистыми ногами," умеет жить в таких условиях. Иногда в этом мире без указателей это помогает, идёшь за толпой, и она тебя выводит, иногда наоборот, понимаешь, что у тебя, хотя ты вроде как и русский, такой способности нет, а у окружающих есть, поэтому смотреть на них нечего — когда стоишь с толпой поздно на остановке, автобусов всё нет, и думаешь — но ведь эта вся толпа как-то тоже должна добираться, они же чего-то ждут, и с тревогой видишь, что автобус так и не приходит, а вся эта толпа куда-то неведомым образом рассасывается, и ты остаёшься один.

А иногда садишься в электричку до Чайки и узнаёшь, что на Чайке она не останавливается. Сейчас об этом объявляют на каждой остановке, и можно выскочить сразу назад, раньше объявляли только на предыдущей перед Чайкой остановке, и сразу перед закрытием дверей, но дёрганье людьми стоп-кранов научило машинистов объявлять этот факт, как положено. Мне не везло, когда я ездил в наушниках, и все эти объявления не слушал. Несколько раз, когда электричка проезжала мимо Чайки, приходилось идти одну остановку до Чайки по рельсам пешком. В первый раз, сразу как поезд пронёсся мимо Чайки, я засёк время и оказалось, что электричка идёт от Чайки до следующей станции ровно три минуты. Прикинув, что скорость электрички где-то семьдесят километров в час, я посчитал, что за полчаса смогу вернуться на Чайку пешком, и мой расчёт оказался абсолютно верным, правда, в тот первый раз была золотая осень, и я шёл час, так как по дороге фотографировал сияющие на солнце пушинки.

Самое ужасное было, когда я уезжал из института в город на последней электричке. Уезжать на последней электричке вообще порочная практика, что если она задержится на неопределённое время или её вообще отменят? Других-то не будет. Представьте зимнюю ночь, мороз, пурга, свет фонарей перрона, электричка должна была прийти в одиннадцать, ходишь взад-вперёд, чтоб не замёрзнуть, ждёшь. Двенадцать ночи, час ночи, два ночи, а

ты ещё на Чайке, вокруг снег наметает сугробы, автобусы уже не ходят, даже если доедешь, потом три часа идти пешком с центра на Чуркин, ходишь, ходишь, ходишь, мимо проезжают со скоростью пешехода какие-то пустые составы-платформы, товарняки, и это ради них задерживают последнюю пассажирскую электричку зимой? Забавно. А товарные составы тут какие-то подозрительно длинные. Часто ждёшь-ждёшь, а он едет и едет, начало уже завернуло за сопку, а там расстояние километр, не меньше, а он всё не кончается, сдаётся мне, не должно быть таких длинных составов...

На заплёванный перрон ведёт лестница, ступеньки которой обиты по краям металлическими полосками, очень скользкими, ступать только на край ступеньки нельзя, поскользнёшься. Они скользкие сами по себе. А зимой, когда выпадает снег, транспорт во всём городе встаёт на неделю, будто в субтропическом Владивостоке никогда раньше не было такого природного явления, и даже электрички неделю ходят с обязательными опозданиями, трудно объяснить, что электричкам-то до снега, если рельсы не засыпало, но тут просто русская традиция: как же, снег, всё стоит, а электрички не присоединятся к катаклизму, не-не, не покатит... На заплёванном перроне толпа ждёт электричку, пьяную бомжеватую старушку ведёт, она даёт крен влево, пытается удержаться на заплетающихся ногах, и все-таки заваливается на большую мягкую сумку симпатичной девушки-студентки. Девушка с чувством глубокой досады на лице изо всех сил выдёргивает сумку из-под старушки, старушка катится по земле... "Пригородный поезд до Уссурийска отходит в пятнадцать часов тридцать пять минут со второй высокой платформы"... интересно, что нигде в России я не видел, чтоб были подписаны эти самые платформы. В лучших советско-российских традициях диспетчеры сообщают друг для друга эти свои сведения, так как только они, как профессионалы, владеют информацией о нумерации платформ, где останавливаются электрички-то, я знаю, если я прихожу на междугородний поезд, то прихожу заранее, чтоб успеть обойти все стоящие электрички на всех перронах с электричками и найти свою. Впрочем, во Владивостокском аэропорту выходы на самолёт тоже не подписаны, а в местном терминале работает только женский туалет, и висит листик, на котором написано, что мужской туалет в международном терминале. И хотя выходы там не подписаны, на табло аккуратно отображается, с какого выхода, когда выйдет какой рейс. Правда

всегда все выходят из одного выхода, называющегося "Выход №1". И его можно распознать по стоящей и ждущей толпе. Сложнее было, когда этот выход был закрыт на ремонт и все прилетевшие выходили через какие-то ворота на улице, а кто там выходит, кто тут кого ждёт, сколько тут таких ворот...

Летом часто приходится идти по рельсам, залитым соляркой или машинным маслом, засыпанным крупной щебёнкой, поросшим кустиками травы. Образ летних рельсов — это что-то очень фундаментальное, жизнеокрашивающее для меня. Надо будет, кстати, попробовать сделать художественные фото летних рельсов, может что получится... У них и запах свой, не очень приятный, но типичный для русской природы, смесь зелени с соляркой, человек попытался загадить, но у него ресурсов не хватает, и это всё порастает травой, природа частично побеждает кучи мусора, щебёнки, железобетона, цемента... Конечно, я предпочитаю ходить там, где процент содержания природы повыше, а вообще, когда едешь в электричке в районе города или в пригороде, пейзаж очень аутентичный. Руины, кучи мусора, чисто приморские дома — нищие чёрные лачуги-времянки с огородиками, огороженными забором из покосившихся ржавых кусков металлолома, развевающихся по ветру клочьев обветшалых тряпок, повалившихся досок... Если ехать дальше, скажем, до Находки, это четыре часа езды на пригородной электричке, вид уже интереснее. Какие-то заводы, стоящие в руинах, бункероподобная архитектура мостов, туннелей, какие-то безликие кирпичные технические строения, или вот наблюдаю интересную картину: среди сопок на поле, поросшем высокой травой, где на километры вокруг не видно следов человека, стоит стена из бетонных панелей. Просто огораживает круг на поле, диаметром метров шестьдесят. В центре не видно следов каких-либо строений. Стена и всё. Или ещё: между сопок маленькая деревушка, домиков десять. Но домики совсем не приморские: аккуратненькие, как игрушки, с покатыми крышами, из труб струится дымок, вокруг такие же аккуратненькие стога сена, хозяйства, и всё-всё вокруг сказочно аккуратное и красивое, что это было? Явно не местные там живут, по крайней мере, не местные русские, а может секта какая-нибудь особенная?

Перроны...

Летом перроны гораздо дружелюбнее. Даже поздно

вечером. Хотя летом чаще там можно встретить пьяных двуногих, это момент опасности, иногда там спит на скамейке какой-нибудь бомж, помнится, на Чайке один такой спал очень уж долго, пару суток, и при этом, кажется, видно было, что он не помер, что меня очень, помнится, удивило. Деревья, свисающие над перроном, или, если перрон высокий, врастающие кроной прям в ограждение и выносящие крону на перрон, лианы, оплетающие перила... В одно время на перроне после захода солнца можно встретить много медведок, лохматые, с мощными передними лапками, довольно страшные на вид, но безобидные, берёшь её в руку, и она пытается зарыться, передними лапками раздвигая у основания твои пальцы, так сильно, что кажется — она кусается. Это страшное существо с подозрением на кусание психологически трудно удержать в руках. Хотя ножек у него не больше, чем у нормального насекомого, бегает оно плавно и грациозно, как многоножка, а если его гладить и не давать зарываться, то оно, такое мягкое и пушистое, — просто чудо света. Еще бывает время, когда вечером на перрон вылезет огромная саранча. Тоже удивительные создания. Сижу, смотрю на одно такое создание, неспешно разгуливающее по перрону. Вот с конца перрона идёт мужик, ждущий электричку. Думаю: надо спасти насекомое, ведь сейчас раздавит. Мужик всё ближе, я всё сижу, не двигаюсь, думаю: может повезёт, и он переступит (вариант, что он заметит даже не рассматривается, люди ничего не замечают, если это не касается их выживания), мужик совсем близко... наступает... щелчок лопнувшей под его ботинком саранчи... меня долго мучила совесть, это я её убил, хотя мог спасти, оставил умереть под ботинком мужика...

С железной дорогой связано одно из самых красивых явлений, которые я встречал в своей жизни. В Рязановке, на старой биостанции ДВГУ, во время летней практики, глубокой ночью, когда заходила луна, отвлекающая ночных насекомых своим светом, мы ходили на станцию смотреть ночных бабочек, слетающихся под фонарями. Это было невероятное чудо. Таких существ я не встречал даже на картинках среди тропических бабочек. Они были таких необычных форм, когда сидели, что совершенно непонятно было, где у них голова, фантастические шатры с выступами и выростами, они были раскрашены в ярчайшие золотые, серебряные, синие, фиолетовые, жёлтые, зелёные краски, огромные бражники с ладонь величиной грузно тащили своё тело

по воздуху, урчание мотора их крыльев было слышно издалека, они ударялись о фонарь и кругами спускались на землю. Если взять её трепещущее тельце в ладони, на ладони останется, наверное, целый грамм пыльцы, размазываешь по рукам эту субстанцию, словами не описать, насколько она удивительна на ощупь. Насекомые видят направление светового потока и по нему ориентируются, летя перпендикулярно направлению лучей. Свет от лампы расходится, как от точечного источника, летя перпендикулярно лучам, насекомое начинает кружить вокруг лампы. Я до сих пор не понимаю, зачем ночным бабочкам такая раскраска. Между прочим, она совсем не так смотрится при дневном свете и совсем потухает, если ночную свободолюбивую бабочку попытаться умерщвлять для коллекции. Я думаю, такие яркие цвета нужны бабочке, чтоб сверкать при тусклом свете звёзд и луны. Другое чудо, сравнимое с явлением ночных бабочек под фонарями в наших краях, я видел лишь по телевизору: один американец занимается тем, что снимает на видео ночное звёздное небо. На видео, при замедленной съёмке, очень хорошо зрительно расходятся в пространстве облака и звёзды, которые, будучи почти неподвижны, сливаются для невооружённого глаза, так что часто не видишь — это звёзд нет, или их просто закрыли облака. На ускоренной прокрутке мельтешащие облака явно оказываются чем-то близким, земным, явлением, происходящим здесь, в километре над головой, величественно же вращающийся небесный свод распахивается далёким бесконечным космическим пространством. Мы привыкли к звёздному небу и уже эмоционально не осознаём, что это звёздное пространство — великий бесконечный космос, соприкасающийся с Землёй, с нашим взором. Другой удивительный эффект, становящийся видимым при видеосъемке ночных пейзажей: плёнка собирает цветной свет звёзд, и можно видеть пейзаж в цвете, можно видеть тени деревьев и облаков, оказавшихся на пути потока звёздного света. Свет звёзд чем-то напоминает искусственный свет, может быть поэтому ночные бабочки так прекрасно смотрятся при искусственном свете. Научиться бы их фотографировать так, чтоб они не теряли своей красоты...

...и вагоны.

Стоишь на перроне, ждёшь электричку и наблюдаешь за кошкой. Кошка неспешно пройдёт под перроном, выйдет с другой

стороны, оглядываясь, залезет на перрон сквозь прутья железного огражденья, запрыгнет на само ограждение, пройдёт по нему от столбика до столбика, сядет, посмотрит по сторонам. Подъезжает электричка, она её не боится, только не торопясь отходит на другой край перрона.

Зимой в электричках всегда полно рыбаков подлёдного лова, они иногда ещё на рассвете выходят на лёд, расползаются по заливу россыпью чёрных пятнышек, как пингвины, сидят над лунками на своих больших алюминиевых коробах, обитых войлоком, и подёргивают леску, иногда вытягивая мелкую рыбёшку. Уже к обеду многие возвращаются назад, в огромных неприглядных ватниках, сапогах, загромождая всё своими коробами и огромными свёрлами, которыми они сверлят лунки, а потом везде в городе сидят на своих коробах и продают кучки с замороженной рыбёшкой, выловленной в этом пригородном говне, которое уже даже морем не пахнет. Всегда поражался на примере сравнения их со мной, насколько люди могут быть разными, для меня встать рано утром, да ещё и зимой, до рассвета — это просто ад, реально, не метафорично, жизнь не стоит такого ада. Они же не просто встают, они по доброй воле встают, им нравится, и прутся на ветер, холод, мороз, на ледяную пустыню залива и сидят там, на морозе по полдня.

А летом днём в вагонах стоит ужасная жара, духота и спёртость воздуха, люди сидят, парятся в переполненных вагонах, а окна не открывают, это тоже чисто по-русски. Но бывает где-то всё же открыто окно, и в это открытое окно, бывает, залетает голубь. Летает по всему вагону, волнуется, а вылететь не может. Его пытаются поймать, но это его только ещё больше растревожит, и он начинает ещё быстрее и беспорядочней метаться по вагону... Выходишь поздним летним вечером из института, на тёплый летний ночной воздух — это блаженство, летняя ночь, запах тёплой летней ночи — это то, что я унесу с собой с Земли, это то, чем можно представлять это время и это место на параде достижений эволюции мира, представлять перед вечностью. Это эссенция существования. Это моё средоточие бытия. Это такая полнота земной жизни, которая выплёскивается за свои земные пределы... Стою на перроне, электричка появляется из-за сопки медленно ползущей светящейся гусеницей, ползёт, ощупывая путь световыми усиками, она выползает с той стороны, где высятся огни города, в одной стороне огни города, в другой темнота леса, мне в лес.

Пятница вечер. Электричка заполнена. Кто-то едет с работы домой, куча молодёжи едет из институтов, университета в свои пригородные городки Урюпинские. Здоровенный мужик-охранник проходит по вагону и становится у двери в другой вагон. Заходят две контролёрши. Несколько зайцев встают и выходят в тамбур, сейчас на следующей остановке они выскочат на перрон и побегут бегом в тот вагон, который контролёрши только что прошли. Проход контролёрш редко проходит без скандалов, криков, споров, всегда находится идиот, который принципиально не хочет платить и сопротивляется высаживанию, тогда по всему поезду объявляется, чтоб наряд милиции прошёл в этот вагон. Работать контролёршами это, конечно, хороший тренинг, но я не могу понять, что может человека заставить выбрать эту работу, лучше уж спокойно мыть где-нибудь в магазине полы. Из-за такой работы контролёрши становятся брутальны, будто они в армии или в тюрьме. Я тоже часто езжу без билетов, если еду вечером из города, стараюсь доехать до Чайки, где касса закрывается рано, и беру от Чайки до Весенней у контролёрш без штрафа, а с Весенней до Угольной проезжаю одну остановку зайцем. С города до Угольной двадцать восемь рублей, с Чайки до Угольной двадцать, с Чайки до Весенней двенадцать. Но часто и пролетаю. Поэтому, платя им штрафы, я всё время в раздумье: на чьей стороне баланс, выиграл я или переплатил. Но, все-таки, кажется, выигрываю, с этими сумасшедшими расценками трудно проиграть.

Да, чуть не забыл. Летом вечером в сторону города электрички набиты дачниками. Это сморщенные, иссохшие, вздувшиеся, потрёпанные жизнью старички и старушки в вызывающе убогих серых или цветастых "дачных" одеждах, с вёдрами, тазами, сумками, рюкзаками, корзинами, аккуратно затянутыми марлей, заложенными газетками, чтоб суеверно уберечь их содержимое от чужих глаз. С вениками цветов и головами подсолнухов. Потом, жаркими летними днями эти подсолнухи, разломанные на куски, лежат на подоконниках старых хрущёвок, у открытых фрамуг затянутых марлею от мух, жара, вечер, бубнит старое кухонное радио, на улице кричат дети, стол закрыт старой изрезанной истёртой целлофановой скатертью, и старичок в белой старой вытянутой майке щёлкает семечки и смотрит в окно. В то же самое окно, в которое он смотрит уже десятки лет, и в которое ему уже не долго осталось смотреть. Зачем они это делают? Зачем тратят

столько сил ради нескольких сраных килограмм картошки, тратят всё тёплое время года, чтоб горбатиться в земле, чтоб потом волочь на себе эти вёдра домой... Интересно, что это называется в России "дача", то есть то самое место, куда в XIX веке цивилизованные городские жители выезжали отдыхать на лето, а ещё это называется "приусадебный участок", то есть участок земли около усадьбы. И вот в XXI веке люди в этой стране сами растят себе овощи. Их "тянет к земле". Но не в смысле половить рыбу или пособирать грибов в лесу, их "тянет к земле" в смысле потными и грязными тащить сейчас, вечером выходного дня, свои вёдра со скарбом и овощами. Они вылезают из электрички на Третьей рабочей, некоторые вылезают с трудом, и, сгорбившись, плетутся на остановку. А водители автобусов останавливаются поодаль от этой толпы с вёдрами и рюкзаками, так как они сейчас битком забьют автобус, и не один из них не заплатит ни копейки за проезд, у всех стариков в России давно припасено какое-то инвалидное удостоверение на льготный бесплатный проезд.

Электричка приютила много убогих. Какие-то перекошенные с гнилыми зубами тётки ходят с коробами мороженого. Однажды ехал со своим стодвадцатилитровым рюкзаком с «Востока», сел на крайнюю скамейку, за которой довольно большое свободное пространство, и нет скамеек напротив. На эту же скамейку присела отдохнуть такая мороженщица. От тряски рюкзак постепенно поехал, ножка рюкзака доехала до ноги мороженицы, и та стала её нервно молча пихать, сотрясаясь от раздражения. Они продают своё мороженое и жарким летом, и в самый сильный мороз, но я не понимаю, зачем у них его покупать, если в любом магазинчике, который теперь можно встретить в каждом третьем доме, продаётся сортов двадцать всякого разного мороженного. Те, кто не продают мороженое, продают пирожки. Это ещё ужаснее, мороженщицы хоть не готовят свой товар сами. Особенно запомнилась маленькая старушка совершенно в стиле: "Странница я, со Пскова, пришла на собачку говорящую посмотреть", в валенках, в какой-то толстенной телогрейке, замотана во что-то цвета мешковины и с большой толстой кривой палкой вместо трости. Самые активные — продавцы газет. Толстый идиот с баритоном, перекрывающим весь вагон, читает заголовки новостей, это можно было бы воспринять как шутку, если бы не было правдой, от этих заголовков хочется блевать, это какой-то апофеоз желтизны, всё, что можно было убогого придумать,

русская постперестроечная пресса уже придумала и сейчас особо не пыжится, варьируют имена тех, кого называют "знаменитости", на имена наматываются "новости" и фразы потупее, которые следуют за этими именами. Что-то не могу ни одной вспомнить, кажется, мозг вытесняет эту глупость. Но этот тупой крикливый монотонный говор толстого продавца газет как нельзя лучше отражает сущность продаваемого. И толстяк заключает свой крик фразой: "И другое интересное чтиво вы найдёте..." — интересно, он сам додумался до этого слова: "чтиво"? А ведь в точку. Они сидят, поглощают это месиво или разгадывают кроссворды. Их мозги, как желудки, испытывают чисто физиологический сенситивный голод. Дома они удовлетворяют его телевизором, в электричке газетой. Эти газеты, как и эти их кроссворды, это уже чистая физиология. Забавная коммунистическая сектантка продаёт коммунистическую прессу: маленькая старушка с голубыми глазами, от природы робкая и тихая, но после долгого опыта хождения по вагонам ставшая смелее. Большинство крупных сект стали давно интернациональными, большие христианские секты, кришнаиты, фашисты и прочие, видимо, привлекают людей схожего типа и трансформируют их по образу внутреннего стандартного психотипа, значение всех этих сект и движений, конечно, не смысловое, а чисто психологическое, это прибежище для людей с теми или иными отклонениями или магнит для склонных к отклонению в ту или иную сторону. Коммунисты тоже есть во всём мире, но шизики-коммунисты с советским прошлым, коммунистки-старушки с налётом совдепии могут быть только в России и, может, других бывших соцстранах. Эта старушка проходит по вагону, продавая за копейки свои революционные газетки, и одновременно занимается просвещением масс, рассказывая о содержании номеров. Содержание в таких газетах довольно однообразное, сплошным неизменным потоком течёт легко предсказуемый и диагностируемый, незамысловатый коммунистический бред, но старушка каждый раз рассказывает новую вариацию этого бреда, и это безумно интересно. В последний раз она рассказывала про всемирный сионистско - капиталистический заговор против трудящихся всех стран, оказывается, главы этого заговора, главные евреи капиталисты, сидят в Кёльне и пытаются всеми силами сдержать неизбежно надвигающийся всеобщий бунт обескровленного пролетариата. Видно, что старушка живёт совершенно в своём мире, в коммунистической нирване и с миром

уже никак сознанием не соприкасается. Другая старушка долгое время ходила, продавала одни расписания электричек, людям не нужно столько расписаний, дохода у неё с расписаний было не много, она постоянно психовала, в истерике орала на весь вагон, била руками по спинкам скамеек, начинала плакать, крича, что прошла два раза из конца в конец электрички, а у неё купили только одно расписание. Однажды видел, как она выскочила на Чайке, электричка отошла, а она долго ещё бегала по перрону, орала и слала проклятия вслед уходящей электрички, люди в которой купили у неё только одно расписание. Потом стала продавать ещё кроссворды с ручками, но ей это не слишком помогло. Только через год или больше она доросла до продажи газет. Вроде психует меньше, но всё равно часто срывается. Из-за каждого смешка или слова в её адрес начинает приставать к пассажирам, скандалить. Думаю, у неё не слишком берут газеты, она их продаёт таким психическим обиженно - нервным, почти срывающимся в истерике голосом, будто она заранее знает, что ничего не продаст, и только реализует эту программу. Мозгов не беситься, а что-то изменить в своём бизнесе у неё явно не хватает, и этим она напоминает меня по жизни, но это уже другая история... Есть и торговцы поинтеллигентнее: одна приличного вида старушка в очках ходит с коробом семян, в маленьких тоненьких пакетиках уложены десятки сортов десятков видов овощей, цветов. Продавая, она консультирует, как растить, ухаживать за каждым сортом, когда его собирать, знает его вкусовые и цветовые особенности. Еще довольно цивилизованы, тихи и доброжелательны тётушки со Средней Азии, какие-то туркменки, продающие трикотаж, от носовых платочков до спальных халатов, ходят, обвешанные грудой вещей на плечах, с большими сумками. Ещё ходит одни китаец, действительно не убогий среди всей этой братии. Продаёт дешёвые китайские конфеты, жвачку, орешки. Добрый, активный, сначала проходит по вагону и раздаёт всем, кто хочет, по конфетке на пробу, потом смотрит — не хочет ли кто чего купить, на десять-двадцать рублей наваливает целую горсть маленьких пакетиков сладостей, какая же у них себестоимость? Тётя слышала, как он, ожидая электричку на перроне, ходил и учил русский язык: "Да, замечательный сегодня день", "Хорошо выглядите"... Однажды я был свидетелем, как этого китайца толкнула и обругала мороженщица, он стоял в проходе, продавая свои орешки, она быстро шла мимо и толкнула его, даже

не останавливаясь перед ним. Безответный китаец все-таки достоин уважения, хотя бы потому, что работает среди этих русских свиней, выдерживает всё это, и сам при том дикой свиньёй не является и становиться не собирается.

Сфера услуг.

А как в электричках развита сфера услуг, просто потрясающе. Чаще всего появляются чёрные, грязные среднеазиатские дети, которых можно приравнять к беспризорным, но семьи у них есть, частенько можно встретить такую семейку, человек пятнадцать, бомжевато-цыганского вида тётки и огромная орава детей. Дети бегают парами, входят в вагон, встают у дверей и начинают орать: сначала можно разобрать слова "помогите люди добрые", тараторят они слитным текстом, не понимая даже, где там промежутки между словами, произносить это по-русски даже не пытаются. После скороговорки сразу же, слитно, как одно длинное слово, начинается песня: "напилася я пьяна, не дойду я до дома..." дальше ничего не разобрать. Дети не понимают, что они делают, зачем, стараются прокричать своё заклинание так быстро и громко, как только смогут. Самые наглые потом, проходя по вагону, дёргают тебя за рукав, если ты не обращаешь на них внимание и не даёшь подачку. И ведь находятся идиоты, которые дают деньги, кормят выходцев азиатской пустыни, отправляющих детишек зарабатывать для себя деньги. Дети приучаются к номинальному труду, труду — ритуалу, они даже не понимают, что, по идее, они, как бы, развлекают людей песнями, и те им за это платят. Они знают, что надо как-нибудь проорать своё заклинание, чтоб получить на халяву немного денег. И они орут. Орут так, что рядом невозможно сидеть, часто только проорёт одна пара, тут же приходит вторая, они есть в каждой электричке, их столько же, сколько продавцов газет, и все орут, одно и то же, единым текстом. Молодёжь ходит с гитарами, кстати, не слабый приработок, с одной электрички, за час или полтора они напевают рублей по двести на человека. Одна интеллигентного вида дородная тётенька с красными щеками и полуулыбкой на губах играет на скрипке. Ходит женщина с мальчиком, она играет, а поют они вместе, встав в разных концах вагона, мальчик всё время сверхсерьёзный, нахмуренный, поёт по-детски — просто проговаривает. Видно, что мать внушила ему свою идеологию — "петь в электричках нечего стесняться" или "нам это необходимо,

чтобы выжить" или что-нибудь подобное, и он со всех сил верит. Но его природа, как может, сопротивляется этому действу, вот он и хмурится нечеловечески, старается серьёзностью отрезать голос подсознания, сделать то, что противно его природе. Мамаша его, как то бывает среди творческих тёток с гитарой в руках и "без стереотипов" — страшная, в очках, нарастила себе мужской неформальный ум, вышла петь серьёзные бардовские песни и сыночка выволокла, типа такие мы продвинутые, "семья", отрубила всю женскую интуицию, дура-дурой, бедное дитя, будет мучится с ней, пока не вырастит и не пошлёт её с её закидонами. Маленькая бабулька встаёт посреди вагона и начинает петь, она орёт не так громко, как дети-азиаты, но более ужасным бабским голосом. Это страшно. Всё время порываюсь дать ей денег, чтоб не пела. Мой знакомый так и сделал, сказав, чтоб она сразу шла в другой вагон. Говорит, она, вроде, оскорбилась. Я вот думаю, если всегда делать так, она, уже входя в вагон, будет меня узнавать и, зная уже, что я попрошу её не "петь" здесь, будет сразу подходить, брать деньги и идти дальше? Может степень её "оскорблённости" станет такой, что она вообще уберётся из электричек? Особый жанр сферы услуг — возбуждение в людях чувства сострадания. Слепая старуха, слепой старик, жена которого сидит всегда тут же в электричке и с ним не слишком церемонится, тётки, у которых "украли деньги, и нужно насобирать на билет", глухие, раздающие ручки или календарики с записками, где написано, какое это счастье — слышать, и просьба купить эту ручку за двадцать рублей, потом они проходят и собирают или назад ручки, или записки с деньгами. Просто полёт фантазии в способах отъёма денег.

Поезда.

С детства у меня какая-то тоска по уезду, покиданию. Мне шесть лет, я смотрю в окно поезда и говорю всему, мимо чего мы проезжаем: до свиданья бабочки, до свиданья дерево, до свиданья озеро, быть может, ещё увидимся. И придумываю идеи, как изобрести такую сумку, в которую можно было бы свернуть всё пространство дороги и увезти с собой, а там, куда мы едем — развернуть...

Когда едешь на поезде в руках всегда тяжёлые сумки, это делает поездку громоздкой. Хочу ездить на поезде налегке, это отберёт у путешествия беспокойный вещизм, сделает его лёгким, философским, романтическим, куда и зачем бы вы ни ехали...

Что происходит за пределами поезда, это не так важно, это даже не остаётся в эмоциональной памяти, это ещё не поезд. Поезд начинается, когда входишь внутрь и погружаешься в зону приглушённых звуков, узких проходов, запаха мытых полов, кожзаменителя полок, матрасов с верхних ярусов — всё, ты уже не в своём мирке, ты уже в машинке перемещений. Ты отрезан от внешнего мира, и его звуки долетают до тебя приглушённо, через непроницаемое стекло окна, как из другого мира, к которому ты уже не причастен...

А здесь продолжается суета посадки, протискиваются люди с вещами, обсуждают номера собственных полок, ворочаются, шуршат, запихивают сумки под сиденья, что-то выкладывают на столик и затихают, разложились. Молчание. Какой-то стандартный малозначительный вопрос или совет на дорогу, в полголоса, почти шёпотом, чтоб не нарушать царящую приглушённость... такой же стандартный и малозначительный ответ... молчание... вопрос взамен...

Мне, аутенику, неуютно ехать в поездах с посторонними людьми, я не понимаю, когда залазить на свою полку, когда слазить, чтоб никому не помешать, мне неудобно молчать всю дорогу, я стараюсь потому, чтоб меня было как можно меньше видно, я ничего не ем в дороге, если бы у меня было много денег, я бы покупал билеты на все четыре места рядом, не от жиру, а действительно по психологической необходимости.

Вот бойкая деловая проводница, сразу видно, что у неё всё под контролем, проходит по вагону и говорит всем, что провожающие свободны. Скоро двери во внешний мир совсем закроются... Грустно, даже тревожно, хотя и радостно... Вот уже все, кто не едет, вышли, а мы всё стоим чего-то, стоим, ждём... Толчок! Скрип, удары железа о железо, внешний мир тронулся и мееедленно двинулся назад, поехали... Вздох облегчения, уже в пути, значительная часть грусти спала, старая жизнь забыта, отрыв от внешнего мира произошёл, началась новая жизнь... Новая жизнь начинается с покатых стен рва, окружающего поезд, вышедший с вокзала, с бетонных подпорных стен, старых гаражей, мусорных куч, разбросанным по оврагам, с девятиэтажек, возвышающихся на сопках Первой и Второй речки, с заброшенных автостоянок с разбитыми ржавыми машинами, стоящими там годами... Железная дорога идёт вдоль моря, от бухты к бухте, одна бухта пройдена — поезд скрывается

за сопкой, через минуту снова открытое пространство следующей бухты. Все берега около города покрыты старыми лачугами, какими-то заводами, свалками, бетонными стенами с колючей проволокой и просто загажены какими-то железобетонными руинами. Кое-где появляются частные платные пляжи, тоже ограждённые колючей проволокой. Интересно, что в цивильных районах развитых стран осталось не так много ровных убогих поверхностей, пригодных для рисования граффити. Я не видел нигде, чтоб были изрисованы аккуратные стены, чтоб граффити портило достойные экстерьеры зданий. Граффити появляется только там, где оно красит стену, где без граффити стена выглядит хуже, чем с ним. Зато такие стены раскрашены на славу, если старая стена большая, ровная и находится в центре города, какие монументальные полотна можно на ней увидеть! В России же совершенно убогих стен видно только из окна пригородной электрички столько, что их все не изрисовать и за десять лет. Разве что организовать всемирный конкурс граффитистов, чтоб сюда приехали тысячи профессионалов со всего света, тогда убожество, которое представляет из себя этот город, хоть немного прикроется граффити. Но рисуночки всё же кое-где появляются, хотя далеко не монументальные композиции, так, небольшие детские творения в классическом стиле.

Дальше от города серость и ржавость вертикальных поверхностей пропадает, наступает зона моря, пролесков, сопок, покрытых лугами и убогих приморских лачуг. В полутора-двух часах езды от города осмысленные названия остановок начинают сменяться "платформами №...". Останавливается поезд среди сопок и лугов, вокруг не видно даже следов человека, только на земле возле рельсов лежит длинная бетонная плита, это называется "платформа № 4736". Но время от времени проезжаем какой-нибудь приморский посёлок или, как их ещё любят называть: "посёлок городского типа". Во Владивосток из этих захолустий съезжается учиться много студентов, все до одного привозят с собой комплекс провинциала, они оскорбляются, если их посёлок назовёшь деревней, а если их деревня получила статус города, то и если назовёшь посёлком. А статус города имеют, к слову сказать, уже довольно много приморских захолустий. Останавливаешься на такой станции, "в степи", смотришь в окно на эти убогие строения советской эпохи, на разбитые пыльные улицы и спрашиваешь себя: а для чего эти люди тут живут, какой смысл, и, главное, где они тут работают? Хочется

выйти прям на середину вокзальной площади и крикнуть: "Люди, что вы тут делаете"? В большинстве таких мест люди выживают, занимаясь браконьерством, разграблением окружающей природы. Скоро везде, где только можно достать, всё разграбят, ни в воде, ни на земле ничего не останется, степь станет загаженной пустыней, тогда русские люди начнут понемногу работать, чтоб не помереть с голоду. Самые богатые браконьеры заведут хозяйства, где будут разводить то, что сейчас грабят, другие наймутся к ним на работу.

По-моему, это, по меньшей мере, оскорбительно — класть человека "на верхнюю полку" как вещь. При современном развитии мира экономически вполне можно разместить их в один ярус. Вагон трясёт, все сидят молча что-то читают, кто-то что-то ест. Проходит проводница, катя перед собой тележку с супердорогим пивом, лимонадом, какими-то печеньками... Куда не кинь взгляд, везде натыкаешься на лежащих, сидящих самоуглублённых людей, и ехать двенадцать часов, как буки молча, неудобно ужасно, и заговорить не можешь, атмосфера давит, и ты подключаешься к созданию этой атмосферы. Но, кажется, давит только на меня. Русские люди, в большинстве своём, далеко не такие чувствительные. Залезаешь на верхнюю полку, где концентрация людей перед глазами не так высока, и смотришь в окно. Пейзаж — зашибись, осины и берёзки. Вообще, я не понимаю моих знакомых, которые хотят проехаться по России на машине или в поезде, или автостопом, чтоб "посмотреть Россию". Мне бы не только нечего было тут смотреть, но и постоянно давили и угнетали бы русские виды. Одинаковые города, одинаковые полустанки, одинаковая природа, серость, убогость, снова серость. Что смотреть, уцелевшие древние памятники архитектуры, центральные улицы старых городов, где ещё до революции успели построить что-то, на чём приятно остановиться глазу? Это всё прекрасно, но если у тебя есть конкретный интерес к таким вещам, я вот не поеду специально через весь континент на поезде смотреть новгородский кремль. Ничего столь глобального и в таком количестве, чтоб стоило куда-то ехать на это смотреть, в России не построено и в наше время. Это в Штатах Детройт отличается от Сан-Франциско так, что вид на Сити становится собственным уникальным произведением искусства, и эти города даже по фотографии узнают во всём мире. В России стоит ехать только в Москву и Питер, маленькие пяточки суши, столетиями строившиеся силами всего нищего рабского континента

Россия. Смотреть на пяти-девятиэтажки, на заплёванные вокзалы, на всё это убожество, протянувшееся на тысячи километров? Если хотите на что-нибудь посмотреть, поезжайте в страну первого мира, там каждый городок — индивидуальность, и в антикварном магазине в лесу у дороги можно найти то, что останется в вашей памяти на всю жизнь.

Темнеет. Лежу на верхней полке, читаю. Поезд стучит и трясётся. Пытаюсь читать, только рука, на которую опираюсь, лёжа с книжкой, быстро устаёт и немеет. Вскоре отключают свет. Освещение становится странным: время от времени лампы тускло вспыхивают и начинают затем медленно, в течение минут пяти, потухать почти до полной темноты, затем снова вспыхивают... Наконец, засыпаю. Время от времени просыпаюсь от толчка и следующей за ним смены звуковой обстановки: стало тихо, поезд перестал издавать звуки, а начал издавать звуки внешний мир — это поезд остановился. Выглядываю в окно. Светится вокзал какого-то "посёлка городского типа". К поезду приходят старушки и садятся в рядок около ящиков, на которых раскладывают продукты своего домашнего хозяйства, авось кто-нибудь выйдет покурить, да купит. Это ж надо, среди ночи к поезду прийти, бизнес есть бизнес: —). Вскоре в вагоне начинается шорох, входят новые люди, полушёпотом что-то говорят, раскладывают вещи. На короткой верхней полке я не вмещаюсь, только если подогну ноги, но так ноги рано или поздно устают, а если ноги вытянуть, они высовываются в проход на уровне лица проходящих, их задевают. Пока входят новые люди я, просыпаясь, подгибаю ноги. Не очень удобно, просыпаешься время от времени всю ночь. Но смешанное чувство радости и грусти, чувство пути не покидает меня даже в эти моменты.....

Шум шум шум

Вот я опять в новой Кофейке. Громкая музыка, приходится громко говорить, чтобы тебя услышали, смех распространяется по большой компании от одного слова, охватывая, словно вспышка, всех или представителей только одного пола. Так, где опять пепельница? Опять нету. Почему-то в новой Кофейке начали экономить пепельницы, на одних столах есть, на других нету. Новый прикол старого гадюшника. Я сменил свой ароматный Richmond на индийские безникотиновые сигареты. Нашёл их в лавочке, завешанной индийскими фенечками. Когда я вошёл, с продавцом разговаривал какой-то кришнаит, одетый, как нормальный человек, но, прощаясь, начал с ней раскланиваться как душевнобольной, сто раз поклонялся, всеми своими чертами выражая наигранную болезненную робость, ущербность и рабство, это они думают, что так становятся духовно выше и развитей. Хотя, если бы он же бегал по улице и конкурентов «мочил», это для общества было бы деструктивней, так что пусть кланяется. Покупаю сразу две пачки — мне на долго хватит, курю я их тока в Кофейке, и то не часто, для ритуала, а чаще просто угощаю. "Бросаете?" — спрашивает продавщица индуистской лавочки, "Да нет, я и не курю, на самом деле, потому и покупаю безникотиновые, это так, для стиля..." — не нашёл более подходящего слова. По реакции продавщицы понял, что она, просветлённая кришнаитка, осознала, что имеет дело с тёмным непросветлённым человеком, живущим в мире призраков стилей, не знающий своей личности, как знают свои они — кришнаиты, раболепно по полчаса кланяющиеся друг другу, футурологический конгресс...

В каждом зале сидят знакомые, но я с ними даже не здороваюсь, потому что они со мной даже не здороваются, культура... Бармену скучно и он обслуживает всех артистично, с изюминкой, чтоб хоть как-то разнообразить для себя этот процесс:

— Что вам?

— Капучино большой можно?

— Да без проблем!

Закажи Неаполитано, и тебе нарисуют на пене с шоколадным сиропом узорчики и завитки острой палочкой. Скачал с Youtube

ролик под названием: "Такого вы не видели и вряд ли увидите", видео исполнения латте-арта, как бармен-художник рисует зайчиков на пене, говорят, в Москве есть специальные курсы латте-арта, некоторые завитки, кстати, очень похожи на фрактальные узоры. Но это на Youtube и в Москве. В этом городе вас порадуют латте-артом, которого нет.

В курящем зале из-за кондиционеров с неправильно выставленным подогревом, стало холодно сразу же, как похолодало на улице. Кофе быстро остыл и тоже стал ледяной. Народ, которого я жду, стоит где-то в пробках. Я рассматриваю фотку, натянутую на стол, кофейные зёрна, сфотографированные на супер макро, чешуйки в углублении зёрнышка, текстура поверхности, тёрто-мелкоцарапанный стол, царапины не достают до фотографии, затрагивая лишь лак на поверхности, корица застыла ободками в верхней части кружки, вместе с высохшей пеной. На подоконнике стоят две пивные бутылки, которые официанты не замечают, так как, заходя, поворачиваются сразу к столам, спиной к окну, моё кресло из кожзаменителя не очень удобно, ногу можно поставить на ножку столика, народ вокруг приходит и уходит, сидишь за ноутбуком, отодвинув пепельницу на край стола с остывшим кофе, заходят официанты проверить, что же тут ещё можно убрать, заходят люди, чтоб убедиться, что свободных столиков нет, где-то у бара выстраивается очередь, и ушедшие за заказом долго-долго не возвращаются назад.....

Наблюдаю за жизнью за стеклянной стеной. Там вторая отреставрированная цивильная улица в городе, после Фокина, точнее даже перед Фокина. Чистая зелёная мощёная улочка, старые красивые каменные здания, напротив — гостиница Версаль. Подъезжают и отъезжают машины. В тёмном зеркале их металла и тёмных стёкол отражаются ветви деревьев. Из джипа вылезает мужик и выбегает его сын-первоклассник. Мужик вылезает по-мужски: мускулистые размеренно-уверенные движения, оправляясь, поводит плечами и торсом, возвращается, достаёт маленькую сумочку, в каждой детали облика, в каждом движении видно, как он крут, как он соответствует системным требованиям, какое он успешное дитя своего времени, какое он идеальное отображение эгрегоров, его сформировавших, в каждом его движении видна его жизнь, его мысли, его гордое соответствие, его гордое идеально-точное соответствие, он правильно отнесётся и успешно разрешит

любую проблему, которая встанет на его пути, даже мысль в любой ситуации в его голове появится правильная и достойная такого крутого самца, с правильной интонацией, он, если надо, ответит правильные слова, раздумав правильное количество времени. Он правильно обращает внимание на нужные для его системы игр вещи и удовлетворяет неправильные потребности правильным для его круга образом. Машина, квартира, жена, которая, заигрывая в своё время с его знакомыми, правильно подняла себе цену, в награду за свои старания получив от него приплод, а сейчас она с правильными интонациями, часами, правильными словами обсуждает правильные для её круга темы в правильном ключе, не отклоняясь от правильного исполнения этих ритуальных игр ни на одно движение. Они возвращаются уже втроём. Жена правильной походкой проходит в машину и садится в неё, муж заглядывает в сторону колеса, подходит к нему, прежде чем сесть в машину, он ведь хозяин, у него всё должно быть под контролем, ему показалось, он проверил, проконтролировал.

Проходят мимо пары: парень-девушка, девушка-девушка. Эмо-готская мода ушла в народ, приобрела красиво-человеческое лицо и значительная часть девушек уже ходят в стильно-джинсово-чёрном и красят чёрным волосы. Старая картина за соседним столиком — очень симпатичная блондиночка кладёт ладонь на шею такого же смазливчика мужского пола, гладит его, смотрит в глаза, приручает. Два локальных королька личной жизни, пересыщенные вниманием, выбирающие самый аппетитный кусочек среди всех самых аппетитных. Но есть категория блондиночек, которых тут редко встретишь, по крайней мере, постоянными посетителями кофейки они не являются. Не то чтобы они страшно привлекательны, хотя конечно, главное тут — внешность, просто есть такие же красавицы, но живущие другой жизнью, в общем, главное — то же условие: соответствовать, быть типом, быть в резонансе со своей нишей. И вот эта блондинка, только выйдя из детства, попадает в руки многочисленных поклонников. Сидим в «Мятном трюфеле», выходит из соседнего зала компания, отмечавшая день рождения такой блондиночки, все мальчики, как на подбор, ни одного не симпатичного, не соответствующего, не гламурненького, не богатенького, куча шариков, сумочек с подарочками. С тринадцати-четырнадцати лет она кусочком скользкого сыра попадает в масло внимания социума, стелющего перед ней коврики, ей не нужно

головы, ей не нужно рождаться в богатой семье, все блага и деньги мира уже её от рождения, она идёт из одного крутого кафе в другое, из одного клуба в другой, из одной элитарной квартиры в другую, с одной яхты на другую, из одной страны едет отдыхать в следующую, потом её прибирает очень крутой системный самец, типа того, который только что подъехал на джипе за женой, и она становится очень правильной системной его женой, она плоть от плоти дитя своего мира, плоть от плоти...

И мне не стыдно закричать о том, что это любовь
Его слова на три минуты так прожгли мою кровь,
А под шагами босоногими метели и лёд,
Он больше никогда из мыслей моих не уйдёт...

Деревянный барак, обитый чёрной толью, маленькая комнатка с деревянным полом в конце длинного узкого коридора, загроможденного ящиками, старыми колясками, наполненного бегающими соседскими детьми, за деревянной стеной слышно всё, что происходит у соседей, работа до ночи, приходишь такой уставший и идёшь готовить ужин на общую кухню, там больная сварливая соседка уже заняла очередь на общую плиту, сил нет ждать, хочется просто лечь и заснуть, завтра ведь опять вставать ни свет, ни заря, достаёшь из сумки буханку свежего чёрного хлеба, отламываешь кусочек — нет ничего вкуснее! так и поедаешь его, незаметно, кусочек за кусочком, даже не отрезая, думая, что, пожалуй, этот кусочек последний... Скорей бы уж выходной... Но отдельная комната в бараке — это очень хорошо, это признак благополучия, их дают только парам, и действительно, каковы бы ни были условия, ждёшь возвращения в эту комнату, согретую теплом близкого человека, и это то самое главное, что есть в её жизни. Утро, будильник звенит ужасным тарахтящим звоном, бьет по сонным мозгам, открывая врата ада... А за пределами одеяла холодный внешний мир и в комнате ещё темно, встаёшь, накидываешь холодную рубашку, подходишь к окну, а горизонт залит прекрасным рассветом, и сквозь сонный холодный ад из окна барака не можешь не любоваться этой красотой, которая сейчас уйдёт, навсегда... Обеденный перерыв, в столовой жирная продавщица громко беседует с подвыпившим мужиком, потом проходит по столам тёплой вонючей тряпкой, мухи бьются в стекло, в солонке слиплась соль, тряси не тряси, а перца вообще нету, но вообще — нормально, столовая как столовая, даже

занавесочки на окнах... А в субботу все едут на уборку картошки, активный отдых и польза стране. Это весело, все едут вместе, как в поход, смеются, болтают, поют песни, все друг другу такие родные, через полдня работы, подуставшие, расстилают скатерти и достают бутерброды, варёные яйца, бутылки с чаем, морсом, молоком, зелень... Разве может быть такой аппетит где-нибудь ещё, кроме как на природе? А как хорошо осенью в лесу, вдвоём ходить по лесу, собирать грибы, ягоды, потом начать убегать от него, чтоб он за тобой погонялся, он ловит тебя у большого дерева, прижимается к тебе и начинает целовать, а на вершине сопки с большой поляной, возвышающейся над лесом сидим вечером, обнявшись, прям на траве, не торопимся домой, провожаем солнце... А с зарплаты купили радио и теперь всегда в курсе последних новостей ещё до прихода газет, и ещё будильник не нужен, в шесть утра будит гимн, будто большой мир врывается в нашу маленькую комнатку. И конечно, мечты о детях, проходящие сквозь каждое мгновение жизни. Когда переехали сюда, у нас не было даже стола, обедали на подоконнике, покупали всё понемногу, копили, с каждой зарплаты, но жили не этими мыслями, жили мыслями друг о друге... Эпоха, когда мир был ещё черно-белым...

Две старушки стоят на перроне и играют в игру "а вот как было раньше, а вот как сейчас". Вот они сидят все, уткнувшись в эти свои устройства, это всё зомбирование, а они не понимают, они уже зомбированы, а это ведь всё – это радиация! А вот я, недавно, вижу... (переходит на шёпот)... да, мы-то прятались в своё время, это была настоящая любовь, а они, это всё, как в этих их журналах пишут, так они себя и ведут, жили совсем бедно, но как было дружно, песни пели хором, а сейчас, что ж с них взять, разрушают через вот это всё русский народ, все зомбированные... разговор заходит о даче, "да, приучили нас работать, не то, что теперь, половина не работает"... заходит разговор об азиатах, "эти грузины, они там жили в Грузии, нормально, им давали виноград выращивать, я вот помню, ещё при Сталине, он говорил: я сам грузин, я знаю. Вот меня не станет, пусть ездят, а пока я жив, я не разрешаю им ездить".

Вписывается девушка в социум, созданный мужчинами, принимает на веру его жизненные ориентиры, его внушения, его организацию, рождается в свою эпоху, где жить можно так-то

и так-то, где есть такие возможности, а вот таких возможностей "у человечества" ещё нет, ну наверняка когда-нибудь будут, это хорошо, а это плохо, но главное её счастье остаётся неизменно, и социум с культом семьи, как ячейки общества, единственной любви, на её стороне. В любое время она попытается вписаться в то время, в котором живёт, и найти своё маленькое счастье, а внушённые социальные построения — внушённая надстройка, принимаемая чаще всего на веру. И ведь эти старушки когда-то были девушками, они не играли в старушечьи игры, а сейчас это пепел человеческий, пепел эпохи, ушла молодость, и ушли социальные построения их времени. Скоро они умрут и, родившись вновь, через пятнадцать лет после рождения, пятнадцатилетними девчонками будут читать девчачьи журналы, соблазнять в кофейках блондинчиков, целоваться по углам, заводить дружбу по смс. Пепел души, мёртвые ритуалы своей эпохи. Старость? Нет, не обязательно. Нет такого закона, согласно которому в этом возрасте необходимо быть такими. "Вот у нас была любовь, когда вмести начинали жить, у нас даже стола не было, обедали на подоконнике, через всё вмести прошли", "Ну тебе же повезло в любви?", "Мне?! Не смеши меня", "Надо же что-то делать, если все деньги уходят на лекарства и на выплату долгов, если ты его не любишь, разводись, меняй работу", "А кто дома будет уборку делать: —), а на что ребёнка растить, кому я теперь такая нужна? Нет, лучше помереть просто, или чтоб дали по голове и увезли куда-нибудь из города в неизвестном направлении"...

Жизнь как прямая. Вектор никогда не бывает идеален, сначала она проходит по зоне садов и полей, но всегда есть какой-то уклон, он, казалось бы, правильно заданного направления, и вот начинаются овраги, косогоры, болота, пустыня... Прямая, направление которой было задано не верно, уходит всё глубже не туда, и наступает момент, когда уже ничего не останется, кроме как умереть, и потом, ближе к старости, это осознаётся уже даже со стороны, как лучший выход для человека. Видать, не так уж безобидна надстройка. Видать, слишком много паразитов живут на "естественном счастье", незаметно строя на нём свои структуры, к этому счастью прямого отношения не имеющие, и связывают свои цели с настоящими целями людей в одно, «как бы», причинно-следственное целое. Видать, не просуществовать в этом мире наивности и запертости в маленьком частном мирке, видать, надо строить своё основание на более твёрдом фундаменте, если хочешь,

чтоб он продержался хотя бы в течение жизни, "Когда человек родится, он слаб и гибок, когда умирает, он крепок и черств. Когда дерево растет, оно нежно и гибко, а когда оно сухо и жестко, оно умирает. Черствость и сила спутники смерти, гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому что отвердело, то не победит". Вот только изогнуться в нужном направлении, поменяться бывает сложнее, чем просто умереть, а бывает ещё хуже — это когда они не понимают — зачем меняться.

Nothing you can make that can't be made
No one you can save that can't be saved
Nothing you can do, but you can learn how to be you in time
It's easy

All you need is love
All you need is love
All you need is love, love
Love is all you need

Апокалипсис в стиле House

Вечеринка началась в пятницу вечером. Это даже звучит мило. Мне-то без разницы, когда начинать вечеринку, моим друзьям тоже. Но некоторые из приглашённых ещё и работают, и начальный аккорд вечеринки нужно делать так, чтоб устраивало большинство. Вряд ли можно продолжать вечеринку всё время так же, как она начинается, то есть так, как она проходит в первую ночь, уровень эндорфинов в крови человека не может быть таким высоким долгое время. Перед вечеринкой делаешь уборку, забиваешь закрома, готовишься, придумываешь какие-нибудь новые фишки, это неизменно — традиция. Это потом уже всё пофиг. Первыми, ещё утром, приехали уборщики, чтоб им не мешать, я поехал по магазинам. Теперь коктейли у меня будут в подсвеченных неоновым светом стаканах. Это в обычном состоянии сознания кажется попса, а когда спадает шелуха воспитанного в нас понта…, короче, всё под контролем, я знаю, что делаю. С прошлой вечеринки запасы изрядно истощились, так что пришлось скупить чуть ли не пол магазина, кое-чего у них даже не хватило, оказалось, самбуку, некоторые сорта виски, коньяка, текилы, рома, кокосовых и кофейных ликёров они не держат тут ящиками, обещали подвезти со склада, заказал доставку этого всего прямо на дом. Пять бидонов светящейся краски, бочонок приправы для глинтвейна, стою перед пятью новыми огромными колонками, король hi-end сменился. Теперь это круче, чем то, что я купил полгода назад, но услышу ли я разницу, по-моему, звуку уже некуда так быстро эволюционировать. Лучше куплю ещё один холодильник, чтоб по десять раз жрачку не заказывать. Тогда можно будет затарить всё, что съедается, сразу в двойном объёме и не выходить из дома неделю. Эта идея мне понравилась. Неделя — это, типа, новый рубеж. Обзваниваю рестораны, делая заказ на вечер и ночь и распределяя время доставки так, чтоб всё подходило как раз вовремя, начинаем с пицц, лучших в городе итальянских паст и устриц под пиво, переходим к более необычной для нас китайской кухне, к винам попрут французские изыски, потом, когда мы станем выше еды и будем жарить marshmallow в камине, запивая его бурбоном, пусть понемногу подвозят нам чего-нибудь воздушного, хрустящего, горячего и

необычного. Прецеденты такого я нашёл в мексиканских, индийских, арабских и испанских ресторанах нашего города. Холодильники же и погреба — это уже про запас.

Спешу домой, скоро начнутся доставки. Пока рабочие устанавливают холодильник, и первые ранние гости в наказание за свой ранний приход таскают и раскладывают выпивку и еду, я торгуюсь с дилером. Запасаюсь всем, даже тем, что не люблю, может кому-нибудь да пригодиться. Пожалуй, самая расходная часть вечеринки, но что делать, всего должно хватить всем и надолго. Желательно, чтоб в запасниках было в два-три раза больше, чем вообще можно употребить за одну вечеринку. Например, прикроют мою сеть, пока не найду другую, что буду делать? Всё отменять? Пять сортов травы, тут вам и индика, и сатива, тут вам и экстази: Микки-Маус, и тот, чтоб танцевать, и тот, чтоб говорить, и тот, чтоб заниматься любовью, ну, конечно — кокс, что ж мы, не звёзды, что ли, LSD несколько листов, десять штаммов сушёных грибов, зачем-то, опиум, хотя я его не употребляю и гостям сам не предлагаю, ну пофиг, пусть будет, мескалин и несколько веществ, изобретённых Шульгиным — это самое дорогое, потому что синтезировали под заказ специально для меня, зато этого больше всего, раз уж процесс синтеза запустили, то сразу столько, чтоб это имело смысл, правда я это и за год не израсходую, в общем, и так далее. Мир, кажется, стал радужным, уже когда я нёс коробку домой.

Когда стемнело, начали подтягиваться гости, я включил иллюминацию — и понеслось. Вечеринку я люблю закатывать в подвальных помещениях своего дома, под землёй у меня несколько больших зал и несколько уютных комнат поменьше, дом отражает мою личность — всё уютное, мягкое, неоновое, затемнённое и странно-нереальное. Везде разбросаны светящиеся подушки с фрактальными рисунками и разложены по креслам-мешкам сверкающие в ультрафиолете нереально мягкие и воздушные одеяла, функция которых — не греть, а приносить тактильное блаженство. И никаких окон! Я сам выбираю себе время суток! Эту вечеринку я задумал в стиле House в широком смысле этого слова — значит, House может перетекать и в Disco, и Eurodance, и IDM. Но, по преимуществу, ничего интеллектуального, основное чувство — смесь вдохновения и грусти, ностальгии и старой мечты, радости и вселенской возносящей тоски. Поэтому, вечеринка проходила для меня в основном в смеси хорошей успокаивающей

травы и экстази для любви. Я против чрезмерной концентрации на романтике, но это был апофеоз романтического чувства. Просто апофеоз. Вечеринка в первую свою ночь удалась. Развалившись на овечьей шерсти перед камином, мы закуривали от огня мои новые сигары, тот, чьё желание подлить себе бурбона с можжевеловой веточкой превосходило лень, разливал на всех, тот, кто встречал delivery с очередной порцией холодных и горячих деликатесов, вознаграждался бурными аплодисментами стоя, сидя и лёжа, а также награждался всеобщей всепоглощающей любовью. Знаете, в истории западной культуры было два лета любви: 68 года, когда хиппи под запилы вошедшего в зенит роко-попа употребляли LSD и снимали с себя оковы мещанской культуры, и 88 года, когда четвёрка лондонских House ди-джеев послушали на Ибице собственную музыку под воздействием экстази и достигли House-просветления, привезя это открытие в Европу. House стал называться Acid House, поскольку журналисты, не разобравшись, решили, что в клубы вернулся LSD, а кладовки многотысячных клубов наполнились мягкими игрушками, которые танцующие дарили друг другу в порывах любви, нежности и душевной близости. Такова суть экстази, конечно, чистого, без примесей метамфетаминов, приносящих тупой драйв, а именно такой экстази я и заказываю у своих поставщиков. И знаете что? У меня в подвальных комнатах целых две кладовки заполненных мягкими игрушками! Честно-честно! Я люблю дарить мягкие игрушки. Мне дарят их тоже. Лето любви не ушло, оно затусило у меня и потеряло счёт времени. В космических, астральных, внеземных, неоновых, ультрафиолетовых, ретро-футуристических переливах и мерцаниях, в пушистом мехе и мягких одеялах, в музыке, будто рождающейся прям в воздухе, в запахе Issey Miyake, индийских ароматных палочек, розового масла, марихуаны, кальяна и подогретого глинтвейна, в чистейшем экстази и отсутствии комплексов у всех присутствующих.

Утром следующего дня спускающиеся с верхних комнат и приходящие из внешнего мира гости начали говорить что-то про происходящее снаружи, пытались что-то рассказать, но мне было лень слушать, я их плохо слышал и вообще хотел спать. Менее всего меня сейчас интересовало, что там происходит. Я проспал до трёх часов дня, несколько раз я почти просыпался, в полудрёме ощущая то ли вибрацию слишком громкого сабвуфера, то ли какие-то толчки или взрывы. Я спрашивал, что это, гости лениво проявляли интерес.

Снова что-то мне объясняли, я снова ничего не понимал и спросил лишь — это снаружи или что-то происходит в доме, мне ответили, что снаружи, и мне этого было достаточно. Окончательно проснувшись, я сразу заметил, что дом перешёл на автономное электропитание. В доме есть солнечные батареи, подземная минигидроэлектростанция, работающая от подземной реки, и дом подключён к небольшой резервной атомной электростанции, способной снабжать энергией весь район десятки лет. Я начал вспоминать даже, как ночью мигал свет, надо же, я, когда сплю, запоминаю больше, чем я думал, что же, интересно, я ещё помню, не помня об этом?

Друзья настойчиво советовали мне подняться на поверхность посмотреть, что делается снаружи. Их рассказы были интригующие, но меньше всего мне хотелось прерывать только начавшуюся вечеринку естественным дневным светом. Мы пришли к компромиссу, я зарядился Алеф-1, чтоб утвердить собственный план восприятия внешнего мира, а не идти на поводу у него. Знаете, мне много раз снилось, что я несусь вниз по лестнице многоквартирного дома, перепрыгиваю через ступеньки, приземляясь на лестничные площадки, бегу всё быстрее, перепрыгиваю всё большее число ступенек, пока не достигаю предела моей прыгучести, теперь продержаться в воздухе ещё дольше и пролететь ещё большее расстояние можно, только удержав себя в воздухе силой воли. И я делаю это. Сначала удерживаю себя в воздухе одну лишнюю ступеньку, потом две, ступеньки вскоре кончаются, и я быстро научаюсь пролетать от одной площадки до другой, следующий шаг самый трудный, получается он не сразу, вес тянет вниз, приходится подгибать ноги, чтоб пролететь дальше, вскоре у меня получается, я лечу над лестницей, не касаясь её, над лестничными площадками поворачиваюсь в воздухе, не приземляясь, и лечу дальше. Я очень отчётливо помню те внутренние усилия, которыми это достигалось. А теперь я иду вверх по лестнице, и мне тоже кажется, что я лечу. Я заранее знаю, что, чего бы я не увидел там, вверху, для меня это останется лишь внешним миром, приходящим и уходящим, миром, к которому я даже не прикоснусь, пролетев над ним в нескольких сантиметрах над поверхностью. Алеф-1 стал для меня якорем, привязавшим меня к неизменному и непреходящему. Даже если меня вообще не станет, как только я открою дверь на улицу, это не коснётся моего я и не изменит для меня ничего. Я приземлился на пороге и распахнул входную дверь.

Мир за дверью стал действительно иной. Совсем иной. Везде что-то полыхало, многие дома были разрушены, частично или полностью, деревья были вырваны словно ураганом, земля перепахана воронками и следами от гусениц, будто тут велись боевые действия. В воздухе стоял запах пороха, серы и гари. Солнце не было видно за пеленой густого смога и кружащегося в воздухе пепла. Я достал из кармана самокрутку, присел на ступеньки крыльца и закурил. Закурить для меня было ритуальным актом поминок по внешнему миру, но тут же мне стало интересно, как марихуана провзаимодействует с Алеф-1. Хотя никаких дополнительных эффектов мне на самом деле сейчас не хотелось, Алеф-1 был самодостаточен и идеален в своём действии, но исследовательский дух оказался сильнее рациональной регуляции собственных ощущений. Моя голова покрылась тонким налётом пепла. Небесный свет на секунду затмили крылья какой-то гигантской птицы, бесшумно спланировавшей чуть выше крыши моего дома. На дороге показался человек. В смоге был виден только его силуэт, он, шатаясь, прошёл несколько шагов и упал. А ведь на его месте мог бы быть и я. Я развил в себе эту идею и так ярко и глубоко прочувствовал, принял в себя судьбу этого упавшего, что буквально прожил его жизнь и умер его смертью. Я посидел ещё немного, приглядевшись к картине вокруг себя, я начал замечать, будто какие-то небольшие тени, скользящие то тут, то там в полумраке смога. Я вошёл внутрь и запер за собой дверь. Спустившись в подвал, я упал на пару сдвинутых мешко-кресел, превращённых в мешко-лежанку. Заиграл *California dreaming*, о-о-о — отреагировал я радостно и потянулся, будто я только что проделал тяжёлую работу и уже устал. — Ну что там? — спрашивали меня. — Да, кажется, мир всё — ответил я и заснул. Засыпая, я подумал, насколько мы тут стали иными, я попытался представить себе, как отреагировал бы обычный человек на то, что происходит снаружи, как это изменило бы его жизнь и даже состояние его собственного я: да уж, достаточно бы изменило — сделал я вывод и растворился в снах Калифорнии.

В следующие несколько дней мои гости время от времени рассказывали мне и обсуждали друг с другом происходящее во внешнем мире. Делать внешний мир идеей фикс мне всегда казалось смешным, а сейчас тем более, поэтому я не сосредотачивался на этих разговорах. Кажется, помню, кто-то заметил, что отключилось телевидение. А являлось ли телевидение внешним миром? То есть,

несомненно, это одно из явлений внешнего мира, но по сути оно было более субъективно и волюнтаристично, чем непосредственное отражение реального внешнего мира в моём сознании, поэтому ценности это явление никакой для меня не представляло. А что посмотреть у нас всегда будет, благодаря моим бесконечным медиа архивам. Вечеринку прекращать смысла не имело, похоже, снаружи был конец света, а после конца света дел ни у кого намечено не было. Около недели в воздухе висел смог, потом смог начал оседать и снова, говорят, выглянуло солнце. Ну нам-то до солнца дела как не было, так и нет, но выжившие оклемались и начали мародёрничать и убивать друг друга. Видимо, социальной структуры общества там не осталось. Нам повезло — у меня в доме было достаточно оружия, чтоб вооружить всех. Когда сигнализация дома срабатывала, кто-нибудь из гостей припадал к мониторам, если это был посторонний, мы его просто убивали. Через месяц их почти не осталось, видимо, поубивали друг друга или поумирали от чего-нибудь. Кстати, если из моих слов вам показалось, что мы были оторваны от окружающей нас реальности, то вы абсолютно не правы. Соприкасаться с реальностью не обязательно стандартно убогим образом. Каждый раз, когда мы подстреливали кого-нибудь снаружи, мы ставили органную фугу Баха, ту самую, которая играла в «Солярисе» Тарковского, и осмысливали смерть этого человека и судьбу этого мира так глубоко, высоко и многогранно, как вряд ли осмысливал кто-нибудь из тех, что остались снаружи. Экстази, в этом контексте, поднимало нас до величайших высот трагизма, столь высоких, что нас начинало освещать солнце вечности, как человека, поднявшегося в бурю над облаками, и трагедия человечества освещалась радостью соприкосновения с неизменной гармонией мироздания, и мы понимали, что бы ни случилось, всё равно всё будет хорошо, потому что не уйти нам от гармонии, бесконечно и беспрерывно созидающей это бытиё.

В каком-то смысле весь мир стал нашей вечеринкой. Необычность ситуации снаружи накладывалась на необычность нашего мира внутри. Мы ходили наверх медитировать, смотреть на мёртвое небо, через которое просвечивал космос, и заниматься любовью на крыше. Мой дом был сравнительно автономен: воздушные фильтры на кондиционерах, вода из глубоководной скважины, автономное электричество, запасы еды и питья, которые я в полной мере оценил только сейчас, включая сублимированные

продукты, их хватило бы на годы. Но, всё же, стоило начать думать о пропитании. Общими усилиями мы начали раскапывать участок возле дома, высеивая семена из моих кладовых. Главное при этом оказалось — не употреблять ничего такого, от чего могло бы прибивать по хихи, иначе сил для работы не остаётся, к тому же мы начинаем при этом переводить продукты, высаживая в землю банки консервированной фасоли целиком. Больше всего для работы на земле мне лично подошло MMDA. Я чувствовал с его помощью такое единение с землёй, без которого, как я понял, работать на земле в принципе было бы не правильно. Я чувствовал, какое семечко погрузить в какой участок почвы, я знал заранее, где что и как прорастёт и какие даст плоды. Я чувствовал, как земля связана с воздухом и влагой в единое целое, чувствовал, как земля воспринимает дующий сейчас ветер и установившуюся сегодня температуру, я чувствовал испарения её влаги и выпадение на ней утренней росы. Наша работа прерывалась частыми медитациями, иногда мы засыпали прямо на земле. Это было прекрасно. Вообще всё было прекрасно. Знаете, быть может, объективно апокалипсис – это трагедия, но в обычном суженном состоянии сознания трудно даже вообразить насколько реальность зависит от восприятия оной. Мы переосознали апокалипсис, получив лишь положительный опыт. Интересно, остались ли на земле другие люди, подошедшие к работе с апокалипсисом столь же творчески? Я вытаскивал колонки на балконы и врубал на полную громкость классиков арт-рока, узнали бы они, в каком энвайронменте и в каком состоянии сознания их будут слушать. Да, мы не зациклены на музыке House, хотя, при всех блужданиях по звукам и стилям, рано или поздно я всё равно возвращаюсь в свой подсвеченный неоном уютный подвал и врубаю музыку моей противоречивой юности, снова и снова. Кто знает, может моя гигантская медиа коллекция — это единственный источник, из которого разумные существа будущего узнают о нашей культуре.

Да, мне сейчас пришла в голову мысль, что у каждого из нас где-то были ещё друзья, родственники. Если бы по нашей истории кто-то снимал фильм, то показал бы наши страдания от потерь. Это было бы очень естественно и реалистично. Для нормальных людей. Что касается меня, я вообще не осознаю явление смерти, так же, как для меня не существует времени. Поэтому я, честно говоря, не чувствую всего этого, или наоборот чувствую что-то, чего не

чувствуют они, или чувствую всё это по-другому. В любом случае, они остались в том мире. Я их не увижу больше? Господи, какая проблема, очень я часто их видел раньше? Да и ждать-то не долго, жизнь промелькнёт, как мгновение. Это всё страдания, рождённые одним из срезов реальности. Они действительно существуют в том срезе, и некоторые из них действительно не разрешимы. Просто нужно оставить этот срез. Хотя бы частично, чтобы была альтернатива. Пожуйте мескалина. Да, насчёт мескалина. Еда у нас есть, траву мы выращиваем, но некоторые вещества, формирующие наш контакт с бытиём, вполне могут скоро закончиться, и чтоб нас не вынесло на безжизненный берег старого мира, мы вышли из дома в поисках реактивов и оборудования для химической лаборатории. В моей домашней библиотеке я нашёл все рецепты, в Жёлтых страницах мы нашли адреса всех лабораторий города и поехали затариваться. Не без труда таки нашли всё, что нужно, и заняли себя работой на месяцы вперёд, неопытному химику нужно время, чтоб освоить все эти сложные способы синтеза, очистки и анализа полученного материала. По ходу сделали несколько заездов в супермаркет. На не разрушенных складах за бетонными стенами и железными дверями осталось неограниченное количество вещей и непортящихся продуктов, видимо, слишком быстро вымерли люди. Загрузились всем необходимым для жизни на несколько лет вперёд. Теперь только жить, жить, соприкасаться с космосом и творить. По ходу приобрели несколько баночек светящейся краски в баллончиках, интересное приспособление — к баночке приделан фонарик, рисуешь струёй краски в темноте, фонарик подсвечивает струю, и на стену ложится светящийся слой краски. Отдал одну из стен своего подвала для этого творчества. Интересно, что в процессе в темноте оно смотрится совсем не так, как потом на свету. Но сам акт такого рисования просто волшебен, и под экстази, и под LSD, и под обычной травой. Вообще, мир, как я, наконец, понял, состоит из четырёх составляющих: света, звука, вещества и действия-сознания. Свет — это картина мира, будь то светящийся в темноте след на стене или мир за окном, звук — музыка, которую вы ставите или не ставите, созерцая картину мира. Звук кардинально меняет то, что вы видите, формирует это. Вещество — ваш штурман по пучинам миров. Свет и звук — это часть мира, от вещества зависит, с какой стороны вы их воспримите. И, наконец, действие-сознание — это сам корабль. От него зависит отношение ко всем трём остальным

составляющим мира и особенности работы с ними, в чём бы эта работа не заключалась — в созерцании или в действии.

Я часто думаю, почему апокалипсис нас совсем не затронул, в смысле, не был для нас разрушительным? Воля случая? Или инаковость восприятия так сильно влияет на развитие событий в объективной реальности? По сути, вы даже не узнали ничего внятного о случившемся апокалипсисе из моего рассказа, потому что мне самому эта внятность не интересна. Я давно живу одним днём, я давно живу в вечности, соприкасаясь с беспрерывно меняющейся её гранью, я давно не боюсь ни жизни, ни смерти, я давно не отрываю свой взор от творчества бытия, и если завтра я стану пеплом, это будет лишь следующей ступенью действа, созданного светом, звуком, веществом, сознанием-действием. Новое крыло из миллионов капелек светящейся краски вспыхнуло в темноте на стене, будто возникла в темноте космоса голубая галактика необычной формы, первые аккорды хоральной прелюдии «*Ich ruf’ zu Dir*» заполнили пространство.

Содержание